

АРХЕОЛОГИ- ВЧЕСКИЕ ВЕСТИ

-13-

·2006·

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Личии юбиляры: Э. Б. Валетская, Г. М. Левковская</i>	9
---	---

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>В. Е. Шелинский. Среднепалеолитический комплекс местонахождения Широкий Мыс (Черноморское побережье Северо-Западного Кавказа)</i>	11
<i>Г. В. Синицына. Сырье – как показатель определения возраста стоянок каменного века Валдая</i>	34
<i>Н. Б. Васильева, А. В. Суворов. Жидище 3 неолитического поселения Павшино-2 на реке Юг: технология кремнеобработки</i>	46
<i>Т. В. Корниенко. Культовые постройки Тепе Гавры в период Убейд</i>	57
<i>А. К. Каспаров. Новые данные по фауне Алтын-дере. Некоторые детали эволюции скотоводческого хозяйства протогородских социумов</i>	69
<i>С. Н. Леонтьев. Керамика андронидного типа в верховьях р. Тубы</i>	77
<i>А. В. Поляков. Лапчатые привески карасукской культуры (по материалам погребений)</i>	82
<i>Е. В. Степанова. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры</i>	102
<i>Н. А. Гаврилюк. Чернолаковые килики и канфары из степных скифских погребений</i>	151
<i>М. Ю. Вахтина, Р. В. Стоянов. Новые данные о некрополе Порфмия (по материалам археологических раскопок 2003–2005 гг.)</i>	182
<i>М. В. Скремская. Изображения растений и их роль на памятниках искусства VI–V вв. д. н. э. из Тиры, Ольвии, Херсоеса и Боспора</i>	195
<i>Т. Н. Смекалова, С. Л. Смекалов. Системы дорог и клеров городов Европейского Боспора по данным аэрофотосъемки, картографии и наземных разведок</i>	204
<i>И. Ю. Шауб. Херсонесская Дева, Артемиды и олень</i>	226
<i>Е. А. Шаблавина. О раннесредневековой продукции боспорских ювелиров (на примере орлиноголовых пряжек)</i>	230
<i>М. В. Шарыгина. К вопросу о происхождении зооморфных гребней эпохи Великого переселения народов в Европе</i>	254
<i>А. В. Курбатов. Региональные черты в бытовой материальной культуре (на примерах кожаных находок из раскопок в Талдине)</i>	264

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>П. М. Леус. О цитировании китайских письменных источников по истории древних тюрок</i>	273
<i>А. М. Смирнов. «Женское божество и храм» в искусстве монументальной скульптуры и архитектуры Европы в IV–III тыс. до н. э.</i>	281
<i>И. О. Гаврилухин, М. М. Казанский. Боспор, тетракситы и Северный Кавказ во второй половине V–VI вв.</i>	297

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Происхождение знакового поведения. Я. А. Шер, Л. Б. Вишняцкий, Н. С. Бледнова. Происхождение знакового поведения. Москва: Научный мир. 2004. 279 с. 8 л. ил. (Рец. Г. П. Григорьева)</i>	345
<i>С чем проходили свой путь викинги. Neil S. Price. The Viking way: religion and war in Late Iron Age Scandinavia. Uppsala, 2002. 435 pages, 159 figures, 3 tables. (Рец. Е. В. Лурье)</i>	348
<i>Все о крестах-энколпионах средневековой Руси. Г. Ф. Корзухина, А. А. Пескова. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликвии XI–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение. 2003. Т. 14. 432 с. (Archaeologica Petropolitana, XIV). (Рец. В. Г. Пуцко)</i>	350

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК–ЗАПАД

<i>Н. Ю. Смирнов. Symbols, iconography & material culture. Практический семинар Северной Археологической Школы для аспирантов из серии «Диалоги с прошлым» (Швеция, Гетеборг, 21–22 сентября 2005 г.)</i>	353
<i>А. Е. Мусин, Е. В. Торопова. Конференция «Старая Русса и Придольные в контексте древнерусской культуры – от тысячелетия к тысячелетию. Проблемы археологии и комплексного источниковедения» (Россия, г. Старая Русса, 21–24 сентября 2004 г.)</i>	354
<i>Юхани Нуортуо, Йоуни Вааксера. Конференция «Славянизация Русского Севера. Механизмы и хронология» (Финляндия, Биостанция Хельсинкского университета в Ламми, 22–25 сентября 2005 г.)</i>	360

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>С. А. Васильев.</i> С. А. Семенов как теоретик археологии	363
<i>Г. П. Григорьев.</i> Портрет одинокой женщины	368

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Л. М. Всевиов.</i> Памяти Рахили Шнесровны Левиной	373
<i>А. Н. Егорьев.</i> Памяти Валентина Александровича Галибина	375
<i>А. Е. Мусин.</i> Памяти Татьяны Александровны Чуковой	377

ХРОНИКА

Совещание «Взаимодействие археологических учреждений России в изучении и сохранении археологических памятников» (Россия, Москва, 24 ноября 2005 г.)	382
<i>С. А. Кулаков.</i> ИИМК РАН в 2004 г.	389
Список сокращений	393

CONTENTS

Our Jubilees: E. V. Vadetskaya, G. M. Levkovskaya	9
NEW DISCOVERIES AND STUDIES	
V. E. <i>Shchelinsky</i> . The Middle Palaeolithic complex of the site Shiroky Mys (the Black Sea coast of Northwest Caucasus)	11
G. V. <i>Smitsyna</i> . Raw Materials as Chronological Indications for the Stone Age Sites on the Valday Hills	34
N. B. <i>Vasil'eva</i> , A. V. <i>Suvorov</i> . Dwelling No. 3 at the Eneolithic Settlement of Pavshino-3 on the Yug River: Technology of Flintwork	46
T. V. <i>Kornienko</i> . Cult Installations at Tepe Gawra of the Ubaid Period	57
A. K. <i>Kasparov</i> . New Evidence on the Fauna of Altyn-Depe. Some Details of the Evolution of the Animal Husbandry in Proto-Urban Communities	69
S. N. <i>Leont'ev</i> . Pottery of the Andronoid Type in the Upper Reaches of the Tuba River	77
A. V. <i>Polyakov</i> . Palm-Ended Pendants from Burials of the Karasuk Culture	82
E. V. <i>Stepanova</i> . Evolution of Horse Gear and the Relative Chronology of Sites of the Pazyryk Culture	102
N. A. <i>Gavrilyuk</i> . Black-Glazed Kylikes and Kantharoi from Steppe Scythian Burials	151
M. Yu. <i>Vakhina</i> , R. V. <i>Stoyanov</i> . New Data on the Necropolis of Porthmion (archaeological excavations of 2003–2005) ..	182
M. V. <i>Skrzhinskaya</i> . Representations of Plants and their Significance in Pieces of Art of the 6 th –5 th centuries BC from Tyras, Olbia, Chersonesos and Bosphorus	195
T. N. <i>Smekalova</i> , S. L. <i>Smekalov</i> . Systems of Roads and Land-Plots of the European Bosphorus Cities on the Evidence of Aerial Photos, Mapping and Land Surveys	204
I. Yu. <i>Schaub</i> . The Chersonesean Maiden, Artemis and the Hind	226
E. A. <i>Shablavina</i> . Production of Bosphoran Craftsmen in the Early Medieval Period (Eagle-Headed Buckles)	230
M. V. <i>Sharygina</i> . The Origins of Zoomorphic Combs of the Great Migrations Period in Europe	254
A. V. <i>Kurbatov</i> . Regional Traits in Material Culture of Everyday Life (Leather Finds from the Excavation in Tallinn)	264
TOPICAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY	
P. M. <i>Leus</i> . Quotations from Chinese Written Sources on the History of Ancient Turks	273
A. M. <i>Smirnov</i> . «Female Deity and Temple» in the Art of Monumental Sculpture and Architecture of Europe in 4 th –3 rd Millennia BC	281
I. O. <i>Gavritoukhine</i> , M. M. <i>Kazanski</i> . Le Bosphore Cimmérien, les Tétraxites et le Caucase du Nord durant la deuxième moitié du V ^e –VI ^e s	297
REVIEW ARTICLES AND BOOK REVIEWS	
<i>The Origin of the Symbolic Behaviour</i> . Ya. A. Sher, L. B. Vishnyatskiy, N. S. Blednova. The Origin of the Symbolic Behaviour. Moscow: Nauchny Mir. 2004. 279 p. 8 plates. (Rev. by G. P. Grigor'ev)	345
<i>What the Vikings Took to Their Journeys</i> . Neil S. Price. The Viking way: religion and war in Late Iron Age Scandinavia. Uppsala, 2002. 435 pages, 159 figures, 3 tables. (Rev. by E. V. Lur'ce)	348
<i>All about Reliquary Crosses in Medieval Rus</i> . G. F. Korzukhina, A. A. Peskova. Ancient Russian Enkolpions. Reliquary Crosses of the 11 th –13 th Centuries. St.-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 2003. 432 p. (Archaeologica Petropolitana, XIV). (Rev. by V. G. Putsko)	350
THE EAST-WEST COOPERATION	
N. Yu. <i>Smirnov</i> . Symbols, iconography & material culture. Workshop of The Nordic Graduate School in Archaeology from the «Dialogues with the Past» Series (Sweden, Göteborg, 21–22 September 2005)	353
A. E. <i>Musin</i> . Conference «Staraya Russa and the Ilmen Region in the context of Ancient Russian Culture – from a Millennium to a Millennium. Problems of Archaeology and Interdisciplinary Source Studies» (Russia, Staraya Russa, September 21–24, 2004)	354
Juhani Nuorluoto, Jouni Vaahtera. Conference «The Slavification of the Russian North. Mechanisms and Chronology» (Finland, Biostation of the Helsinki University in Lammi, September 22–25, 2005)	360

HISTORY OF SCIENCE

<i>S. A. Vasil'ev. S. A. Semenov as a Theorist of Archaeology</i>	363
<i>G. P. Grigor'ev. A Lonely Woman's Portrait</i>	368

PERSONALIA

<i>L. M. Vseviol. In memory of Rakhil' Sh. Levina</i>	373
<i>A. N. Yegor'kov. In memory of Valentin A. Galibin</i>	375
<i>A. E. Musin. In memory of Tatiana A. Chukova</i>	377

CHRONICLE

Conference «Interactions of Archaeological Institutions of Russia for Studies and Preservation of Archaeological Relics» (Russia, Moscow, November 24, 2005)	382
<i>S. A. Kulakov. IIMK RAS in 2004</i>	389
Abbreviations	393

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

1 января 2006 г. знаменательная дата в жизни Эльги Борисовны Вадецкой, крупнейшего исследователя в области археологии Сибири эпохи бронзы и железного века. После окончания МГУ она в 1962 г. стала аспиранткой, а затем сотрудницей ИИМК РАН. Здесь она защитила обе свои диссертации.

Как деятельный и работоспособный исследователь Эльга Борисовна разрабатывает многие археологические проблемы. В ранних работах Эльги Борисовны, которым присущи скрупулезный анализ источников и чувство ее глубокой благодарности к своим предшественникам, рассматривались вопросы Окуневского искусства, сибирские маршруты первых академических экспедиций, деятельность краеведов предрволюционной эпохи и таких корифеев сибирской археологии XX в., как С. А. Теплоухов и С. И. Руденко. Позднее Эльга Борисовна обратилась к исследованию миграций первых индоевропейцев в Сибирь, изучению социального строя племен, оставивших афанасьевские памятники, анализу палеодемографических проблем и использованию этнографического материала при исследовании археологических культур. Эрудиция и широта подхода к источникам сочетается в разработках Эльги Борисовны с тонкими наблюдениями и оригинальными выводами, часто весьма смелыми и дискуссионными, но всегда неординарными и перспективными.

В течение ряда лет Эльга Борисовна успешно руководила Сибирской археологической экспедицией на КАТЭЖе, одной из крупнейших новостроечных экспедиций ИИМК РАН. Многолетняя работа Эльги Борисовны завершилась публикацией энциклопедического издания «Археологические памятники в степях Среднего Енисея». Этот труд является настольной книгой всех археологов Сибири. Интерес Эльги Борисовны к эпохе раннего средневековья вполне закономерно воплотился в фундаментальной монографии «Таштыкская эпоха в древней истории Сибири». Эта книга – первый шаг в деле систематического изучения таштыкской культуры. Теперь мы с нетерпением ждем от нее публикации интереснейшей книги по таштыкским погребальным маскам. Уникальным достоинством Эльги Борисовны является литературный дар, позволяющий ей в образной форме излагать сложные научные проблемы («Древние идолы Енисея», «Сказы о древних курганах»).

Эльга Борисовна активно работает в науке, имеет неисчерпаемый запас душевных сил и оптимизма, делится своими знаниями с учениками и заботливо опекает их. Сердечно поздравляем Эльгу Борисовну со славным юбилеем и передаем ей теплые и искренние пожелания здоровья, счастья и новых творческих свершений.

9 июля 2005 г. отметила свой юбилей кандидат географических наук старший научный сотрудник Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН Галина Михайловна Левковская. В институте Галина Михайловна работает с 1968 г. после окончания аспирантуры Геолого-экономического института ЛГУ и защиты диссертации в 1967 г., с 1983 г. – в должности старшего научного сотрудника. Она является единственным в институте палинологом. Сфера ее интересов весьма широка: палинология; климатостратиграфия эпох палеолита, мезолита, бронзы, средневековья; пыльцевой анализ; палинотерратная реконструкция палеоэкологических стрессов и др.

Галина Михайловна постоянно участвует в работе и руководстве многочисленных грантов отечественных и зарубежных фондов. Ею разработана палинотерратная методика выявления геоботанических кризисов или катастроф прошлого и настоящего. Методика базируется на дифференциации нормальных, стрессовых или катастрофических состояний генеративной среды растений определенных геологических эпох на основе обобщения статистики об аномальных пыльцевых зернах, собираемой в течение 30 лет в отложениях археологических памятников многих районов территории бывшего СССР, а также на данных по современным почвенным пробам из районов 30-километровой зоны Чернобыля и северного предела выживания цветковых растений в условиях дефицита температур. Итоги разработки данной методики в настоящее время оформляются в виде атласа. При ее активном участии совместно с английскими коллегами из университетов Оксфорда, Кембриджа и Глазго создается эколого-археологический атлас «Культурно-исторические и палеоэкологические процессы времени перехода от среднего к верхнему палеолиту», не имеющий аналогов в мире.

Коллективом, возглавляемым Галиной Михайловной, созданы археолого-палеоботанико-палинологические банки данных по раннему и среднему палеолиту (BARPP-A), верхнему палеолиту (BARPP-B) территории бывшего СССР, а также неолита преимущественно западных районов этой территории (Украина, Молдова, Беларусь, Калининградская область России, Литва, Латвия, Эстония). Эти банки данных с 1999 г. по настоящее время представлены в Интернете.

Галина Михайловна автор около 200 научных работ. Она не только неутомимый исследователь, плодотворно работающий с большим воодушевлением, но и одна из самых обаятельных женщин нашего института. Поздравляя Галину Михайловну с юбилеем, желаем ей новых творческих успехов, здоровья и счастья.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ШИРОКИЙ МЫС (ЧЕРНОМОРСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА)¹

В. Е. ЩЕЛИНСКИЙ²

Палеолит Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа известен сейчас по целому ряду памятников (Щелинский 1971; 1983; 2003; 2004; Чистяков 1996). Однако эти памятники далеко не все должным образом исследованы и описаны. Между тем полные сведения о них имеют большое значение для понимания особенностей развития культуры и выявления культурных связей в палеолите не только на Северо-Западном Кавказе, но и на всем Юге Европейской части России.

На Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа пока нет достоверных данных о раннем палеолите. Вполне вероятно, что стоянки людей этого времени здесь в основном были уничтожены природными процессами, прежде всего в результате тектонических поднятий, деформаций и активной абразии морских и речных террас, на которых могли располагаться раннепалеолитические стоянки. По мнению геологов, именно эти террасы, относимые к нижнему плейстоцену, наименее сохранились на побережье. Они представлены лишь небольшими фрагментами. При этом рыхлые отложения на них, в которых могли находиться древнейшие остатки человеческой деятельности, чаще всего маломощные или совсем размыты. Самые низкие остатки нижнеплейстоценовых морских террас – раннечаудинская, высотой около 45 м и позднечаудинской, высотой около 15 м – зафиксированы недалеко от г. Анапы. В юго-восточном направлении вдоль берега моря и согласно общему поднятию Кавказа их высоты довольно быстро увеличиваются. Например, на мысе Идукопас, юго-восточнее г. Геленджика, раннечаудинская терраса не прослеживается, возможно, полностью не сохранилась, тогда как позднечаудинская (идукопасская) терраса имеет высоту около 50 м. Недалеко от пос. Джубга она поднята уже на высоту около 80 м, а в районе г. Туапсе – на 100–120 м (Несмеянов, Измайлов 1995).

Значительно полнее и широкими площадями представлены более молодые террасы среднего и верхнего плейстоцена. Причем их галечники и пески нередко перекрыты многометровыми толщами пересланяющихся делювиальных отложений в виде суглинков и глин с прослоями погребенных кор выветривания, являющимися своеобразными ископаемыми почвами. Как раз в основном с этими в целом неплохо изученными и протатированными покровными отложениями и связаны выявленные на побережье палеолитические местонахождения.

Эти местонахождения разновременные и относятся к разным этапам среднего и позднего палеолита. Примечательно, что близкие по времени палеолитические местонахождения расположены и в некоторых карстовых пещерах, имеющихся в горах неподалеку от городов Сочи и Адлера (Замятин 1961; Кулаков 2001). Можно предполагать, что обитавшие на побережье палеолитические люди посещали пещерные убежища во время охотничьих походов и устранивали в них кратковременные стоянки.

Одним из интереснейших палеолитических памятников на побережье является местонахождение Широкий Мыс. Оно вошло в литературу как крупное позднепалеолитическое местонахождение, относящееся к ориньякскому кругу памятников (Щелинский 2004).

Местонахождение расположено в 15 км к северо-западу от г. Туапсе непосредственно на морском берегу (рис. 1). Оно занимает довольно ровную оконечную часть большого мыса Широкого, давшего название местонахождению, высотой от 35 до 55 м над уровнем моря. С северо-запада и юго-востока мыс ограничен глубокими и узкими проточными балками, выходящими к морю. Ближайшие к мысу сравнительно крупные реки Ту и Небуг находятся от него на расстоянии 5–6 км. Поверхность мыса

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Президиума РАН (программа фундаментальных исследований: «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Экспериментально-трапеологическая лаборатория.

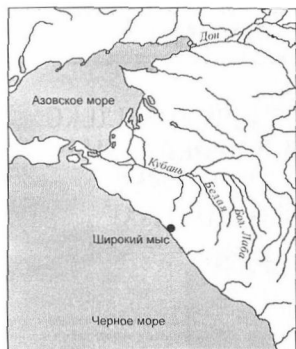

Рис. 1. Расположение палеолитического местонахождения Широкий Мыс.

Fig. 1. Situation of the Palaeolithic site of Shirokiy Mys.

в пределах местонахождения (площадь около 7,5 га) разделена по диагонали оврагом глубиной в нижней части 17–18 м на два примерно равных участка: северный (А), расположенный ближе к гористому склону, и южный (Б), расположенный ближе к морю (рис. 3). Русло этого оврага раньше продолжалось дальше в сторону моря, а сейчас оно срезано морской абразией и как бы подвешено в береговом обрыве.

Археологический материал местонахождения в основном представляет собой комплекс позднего палеолита. Он хорошо выражен типологически и весьма многочислен (коллекция насчитывает более 30 000 изделий). Однако он, к сожалению, не полон в том смысле, что в нем отсутствуют органические остатки (кость, уголь). Это обусловлено формированием культурного слоя в условиях интенсивной плоскостной эрозии жилой поверхности бывшего поселения и залеганием археологического материала неглубоко от современной поверхности. Кроме того, памятник был поврежден плантажной вспашкой поверхности при посадке фруктового сада, в результате чего верхняя часть слоя, а местами и весь слой с культурными остатками был разрушен, и культурные остатки в большом количестве оказались на поверхности. Эти обстоятельства создают определенные трудности для точной датировки и полной культурной атрибуции памятника.

Стратиграфия местонахождения установлена в процессе его раскопок. Наиболее полный разрез отложений как содержащих находки, так и без них, был получен шурфом № 1, заложившим в 1966 г., вскоре после открытия памятника, на не потревоженном рас-

пашкой участке (рис. 4: I). В шурфе сверху вниз прослежены следующие отложения:

Мощность, м

Современный почвенный слой. Суглинок желтовато-серый, сверху бесструктурный, рыхлый, пылеватый, с крошкой желтых и красных песчаников и мелкими кусочками древесного угля, в нижней части более плотный с незначительным содержанием мелко-го выветрелого щебня

0,3

Суглинок пестроцветный, сизо-коричневато-желтый, однородный, плотный, осколчатой структуры, с древесной и выветрелой щебенкой песчаников 1–2 см иногда до 10–15 см в поперечнике и единичными морскими гальками; в подошве слоя отмечается увеличение количества (до 40–45 %) и общее укрупнение обломочного материала; мелкие обломки местами образуют небольшие линзовидные или неясные по очертаниям скопления, внутри которых имеется большое количество рыхлых и твердых дробинок-стяжений черных и ржаво-черных гидро-оксидов железа и марганца диаметром 0,5–2 см. Переход к нижележащему слою отчетливый, с размывом

0,5–0,8

Искапаемая кора выветривания. Глина пестроцветная, сизо-красно-коричневая («сзбронидная»), плотная, крупноосколчатой структуры, с единичными выветрелыми обломками песчаников до 10–15 см в поперечнике. Нижний контакт отчетливый

1,3

Щебень песчаников и мергелей; обломочный материал мелкий и средний, выветрелый и оглаженный, с желтовато-сизым глинистым заполнителем. Нижний контакт отчетливый

0,4

Глина сизовато-желтая с выветрелым и оглаженным щебнем мергелей и песчаников. Видимая мощность

0,25

Культурные остатки позднего палеолита связаны со слоем пестроцветного сизо-коричневато-желтого суглинка (литологический слой 2). Они залегают в основном в нижней половине этого слоя, образуя горизонт залегания находок толщиной 10–30 см (рис. 4: I, II).

Подавляющее большинство каменных изделий, найденных на местонахождении в процессе раскопок и собранных на поверхности, несомненно, относится к одному археологическому комплексу, который, как отмечалось, имеет ориньякский облик, представляя индустрию ранней поры позднего палеолита. Вместе с тем на местонахождении обнаружены также явно выпадающие из этого комплекса более древние каменные изделия среднепалеолитических типов. От позднепалеолитических вещей они отличаются не только типологически, но и нередко глянцевидной патиной и общей оглаженностью поверхности. Не менее важно, что некоторые из этих

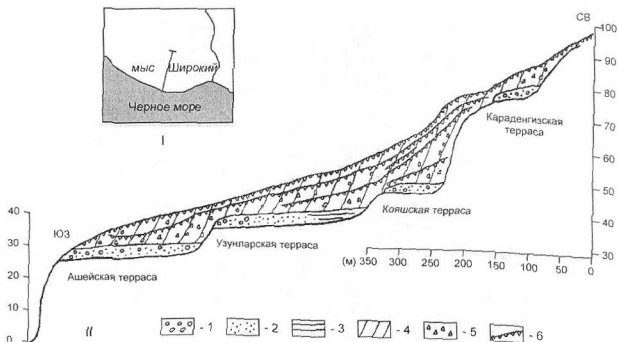

Рис. 2. Схематический разрез плейстоценовых отложений на местонахождении (Абрамов 1989).

Ашейская – Каранденгизская плейстоценовые морские террасы: 1 – галечник и гравий, 2 – песок; 3 – глина; 4 – суглинок; 5 – щебень; 6 – коры выветривания, современная и ископаемые.

Fig. 2. Schematic section of Pleistocene deposits at the site (Абрамов 1989). Ashei – Karadengiz Pleistocene sea terraces: 1 – pebbles and gravel; 2 – sand; 3 – clay; 4 – loam; 5 – detritus; 6 – modern and fossil eroded crusts.

изделий были зафиксированы в процессе раскопок *in situ* стратиграфически ниже позднепалеолитического культурного слоя в слое ископаемой коры выветривания (литологический слой 3). Таким образом, местонахождение фактически имеет два одновременных палеолитических слоя: верхний – позднепалеолитический и нижний – с артефактами среднего палеолита. При этом между ними четко прослеживается хронологический перерыв, проявляющийся в наличии стадии интенсивной эрозии слоя со среднепалеолитическим материалом, предшествующей накоплению слоя с позднепалеолитическими культурными остатками.

Остановлюсь на геологической датировке этих слоев с культурными остатками.

В результате геологических исследований с применением бурения, проведенных специалистами Черноморской инженерно-геологической, гидрогеологической и геоэкологической партии (А. П. Щеглов, Я. А. Измайлов, С. Е. Абрамов) на местонахождении и прилегающей к нему площади мыса Широкого были выявлены четыре древние морские террасы, получившие региональное название: ашейская с высотой береговой линии около 30 м, узунларская (позднеузуларская или пшадская) высотой около 42 м, кояшская (раннеузуларская или шансугская) высотой около 50 м и каранденгизская (идукопанская или поднеузуларская) высотой около 82 м (рис. 2). Основную часть мыса, включая площадь палеолитического местонахождения, образуют две низкие из отмеченных террас (ашейская и узунларская), относимые к сред-

нему плейстоцену. Бурением установлено также, что морские отложения этих и более высоких террас перекрываются мощным (больше 10 м) шлейфом ритмично переслаивающихся слоистых отложений из глины, щебня и суглинка, среди которых сохранились, по крайней мере, четыре погребенных красноцветных коры выветривания, однозначно сформировавшиеся в теплые геологические эпохи (Абрамов 1989). Для нижней из них приводится термоминеральная дата 297 тыс. лет, а для верхней – 111,1 тыс. лет (Щеглов 1986: 9). Именно в этой последней коре выветривания залегают среднепалеолитические находки.

Как же коррелируются представленные на местонахождении террасы и погребенные коры выветривания, например, с наиболее изученными средиземноморскими террасами и с подразделениями общей геохронологической океанической изотопно-кислородной шкалы? Конечно, в первую очередь интересно соотношение самой низкой из выявленных на местонахождении террас – ашейской террасы, на которой лежит субаэральная толща отложений с культурными остатками среднего и позднего палеолита, и верхней коры выветривания, содержащей артефакты.

Морские отложения ашейской террасы в настоящее время сопоставляются с трансгрессивными отложениями Средиземного моря, возраст которых составляет от 120 до 140 тыс. лет, а также с трансгрессией Мирового океана в интервале 120–140 тыс. лет. При этом поздняя стадия этой трансгрессии,

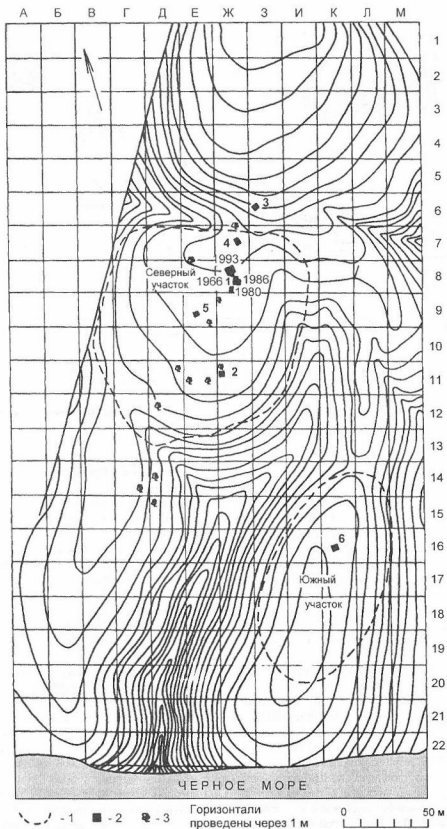

Рис. 3. Широкий Мыс, план: 1 – граница распространения многочисленных археологических находок на поверхности; 2 – шурфы и раскоп; 3 – старые фруктовые деревья.

Fig. 3. Shyrocky Mys, plan: 1 – boundary of distribution of numerous archaeological finds on the surface; 2 – exploratory pits and the excavation area; 3 – old fruit trees.

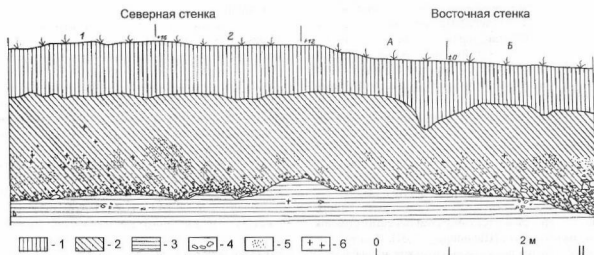
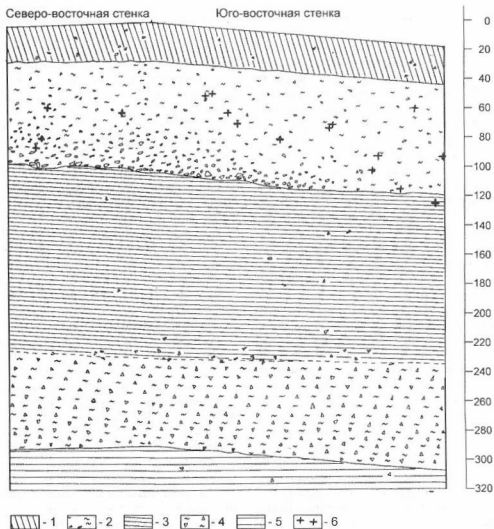

Рис. 4. Широкий Мыс. I – разрез отложений в шурфе № 1 (1966): 1 – суглинок легкий желтовато-серый; 2 – суглинок плотный пестроцветный, сизо-коричнево-желтый; 3 – глина пестроцветная, сизо-красно-коричневая (ископаемая кора выветривания); 4 – щебень и дресва песчаников и мергелей с желтовато-серым глинистым заполнителем; 5 – глина серовато-желтая. II – разрез отложений в раскопе 1993 г.: 1 – суглинок легкий желтовато-серый; 2 – суглинок плотный пестроцветный, сизо-коричнево-желтый; 3 – глина пестроцветная, сизо-красно-коричневая (ископаемая кора выветривания); 4 – щебень; 5 – скопление мелких «дробинки» гидроокислов железа и марганца.

Fig. 4. Shiroky Mys. I – section of deposits in exploratory pit no. 1 (1966): 1 – loose yellowish-grey loam; 2 – dense multicoloured bluish-brownish-yellow loam; 3 – multicoloured bluish-reddish-brown clay (fossil eroded crust); 4 – sandstone and marl detritus filled with yellowish-grey clay; 5 – greyish-yellow clay. II – section of deposits in the excavation area (1993): 1 – loose yellowish-grey loam; 2 – multicoloured bluish-brownish-yellow dense loam; 3 – multicoloured bluish-reddish-brown clay (fossil eroded crust); 4 – detritus; 5 – concentrations of fine «pellets» of iron and manganese hydroxides.

вероятно, как раз и представляются на мысе Широком, *имеет возраст 118–122 тыс. лет (Несмеянов 1999: 96)*. Тем самым морские ашейские отложения, судя по указанным датам, имеют верхнеплейстоценовый возраст, соответствуя, скорее всего, микстуленской (земскому) межледниковью и стадии 5е океанической изотопно-кислородной шкалы (OIS 5e). Что касается корреляции ископаемой коры выветривания с находками среднепалеолитических изделий, то, прежде всего, надо учитывать следующие обстоятельства: она перекрывает морские ашейские отложения, хорошо развита и имеет TL дату 111,1 тыс. лет. Поэтому весьма вероятно, что эта кора выветривания, равно как и залегающие в ней среднепалеолитические каменные изделия, синхронны с карангатскими, а точнее, нижнекарангатскими отложениями, образующими шахейскую морскую террасу побережья, аналогом которой является неотрипенская терраса Средиземного моря с датами в интервале 75–95 тыс. лет (Несмеянов 1999: 96), и вполне сопоставимы с OIS 5e.

Менее ясен геологический возраст слоя суглинка, содержащего позднелепидолитический комплекс изделий. Очевидно, что он значительно моложе подстилающей его ранневалдайской коры выветривания, так как между ними фиксируется перерыв в осадконакоплении на поверхности местонахождения. Это могло происходить лишь во время значительного понижения уровня моря. Поэтому ясно, что позднелепидолитическая стоянка на мысе Широком относится к какому-то промежутку времени, когда Черное море имело низкий уровень и далеко отступало от современной береговой линии, что сопровождалось осушением большей части его нынешнего шельфа. Речь может идти, например, о довольно обширной преджанхотской регрессии, предшествовавшей, по мнению А. П. Щеглова (Щеглов 1986), последней, сочинской, фазе карангатской, а по Я. А. Измайлову, тарханутской (сурозской) трансгрессии в пределах среднего валдая и OIS 3 (Несмеянов, Измайлов 1995: 61, 65–67; Несмеянов 1999: 160). По берегам этого опресненного бассейна должна была существовать широкая приморская равнина, которая, надо полагать, и была основным местом охоты ширококомсовских позднелепидолитических охотников.

Материалы позднелепидолитического слоя местонахождения в настоящее время достаточно полно опубликованы и сделан предварительный вывод, что каменный инвентарь этого слоя имеет много общего с археологическими комплексами стоянок ориньякского круга (Щелинский 2004). И этому выводу не противоречат геологические наблюдения, согласно которым возраст данного слоя не выходит за пределы верхней границы среднего валдая.

Коллекция изделий среднепалеолитического комплекса местонахождения Широкий Мыс довольно небольшая. В нее включены 82 изделия. В составе их:

орудия с вторичной обработкой	33 экз.
нуклеусы и нуклеидные обломки	9 экз.
сколы без дополнительной обработки	23 экз.
фрагменты неопределимых сколов	17 экз.

Изделия изготовлены из сырья хорошего качества, различаются, однако, по петрографическим характеристикам. Оно разделяется на три группы: первая – кремнистый мергель, вторая – кремнистый алевролит и третья – кремнь. Надо сказать, что на этом же сырье основывается и индустрия позднелепидолитического слоя местонахождения. Приведу ее некоторые характеристики.

Окремненный мергель является прочной осадочной породой зеленовато-серого, серого и светло-серого цвета (первичная окрасченность), имеющей в основном высокую степень окремнения. По твердости и изотропности он часто очень похож на кремнь, но по составу, в частности по наличию большого количества синклуб кремневых губок, может быть отнесен также к спонгиозиту. Исходные отдельности этого сырья были представлены в виде кусков и гальек разной степени окатанности.

Окремненный алевролит представляет собой твердую цементированную осадочную породу серого цвета с различными оттенками. Нередко он напоминает кремнистый мелкозернистый песчаник (широховатая поверхность и присутствие мелких зерен песка), вместе с тем близок радиоляриту, так как содержит значительное количество остатков радиолярий. По формам первичных отдельностей кремнистый алевролит не отличается от окремненного мергеля.

Кремнь, безусловно, был лучшим сырьем. Он разного цвета, но преимущественно «теплых» тонов. В коллекции имеются изделия из кремня коричнево-красного, красновато-коричневого, розовато-коричневого, коричнево-розового, светло-коричневого, желтого, коричневатого-желтого и других оттенков. Исходными отдельностями этой разновидности сырья, по-видимому, были гальки.

Больше всего изделий (47 экз.) изготовлено из мергеля, 16 экз. – из алевролита и 18 экз. – из кремня. Для одного изделия использован окремненный песчаник.

Как показали исследования (Щелинский 2004), указанное сырье происходило из разных мест. В большинстве своем оно, конечно, местное. Такими являются, в частности, мергель и алевролит. Эти горные породы в изобилии имеются во флишевых отложениях юрского, мелового и палеогенового возраста, широко развитых у местонахождения (Милановский, Хайн 1963: 125). Их куски и гальки палеолитические люди собирали на древних речных и морском пляжах, а также на осипях коренных месторождений. Кремнь же, представленный на местонахождении, несомненно, был приносимым сырьем. По данным геологии, его нет в первичном залегании в районе местонахождения. Однако он встречается в юго-восточной части побережья, в районе городов Сочи и Adler и особенно в Абхазии, где залегают в толщах массивных известняков туронского яруса верхнего мела (Милановский, Хайн 1963: 109–110). Совершенно очевидно, что среднепалеолитические охотники местонахождения Широкий Мыс посещали эти места, ибо они, надо полагать, были частью используемой ими жизненной территории. Это лишний раз свидетельствует

о значительной мобильности человеческих групп в среднем палеолите и возможностях их сезонных передвижений на территориях в радиусе до 100 км и более (Бозински 2003: 220).

Анализ инвентаря среднепалеолитического комплекса начну с характеристики техники расщепления камня, а именно с нуклеусов и сколов.

Нуклеусы (9 экз.). Семь из них изготовлены из мергеля, один — из песчаника и один — из кремня. Четкие морфологические признаки имеют шесть целых изделий. Общим признаком для них является сильная сработанность, но при этом все они в той или иной степени сохраняют черты, характерные для леваллуазских нуклеусов (специальная обработка поверхности скальвания, предшествующая отделению сколов). Вместе с тем из-за почти полной сработанности специализация их для изготовления сколов определенных типов явно не выражена. Видно лишь, что последние скальвались небольшие отщепы (рис. 5: 1, 2; 6: 1–3, 5). Также не вполне ясны и приемы скальвания. Тем не менее, на некоторых нуклеусах они достаточно определены. Обращает на себя внимание *одноплощадочный нуклеус параллельного расщепления* (рис. 5: 2). Он овальной удлиненной формы, отчасти близок к треугольным ($8,5 \times 6,7 \times 3$ см), изготовлен на толстом отщепе из мергеля. Поверхность скальвания его интенсивно обработана по одному продольному краю, а нижний суженный конец дополнительно утончен поперечным сколом. Тыльная сторона вогнутая. Столь же четко выражено *двуплощадочный нуклеус параллельного встречного расщепления* (рис. 5: 1). По форме он подчетырехугольный, изготовлен на охлажденном куске мергеля ($8,1 \times 7,6 \times 2,5$ см). Подготовка поверхности скальвания произошла как с рабочих ударных площадок, так и с вспомогательных площадок на продольных краях изделия. Примечательны два нуклеуса округлой формы с горбообразной тыльной стороной, также изготовленные из мергеля. Они меньшего размера. Один из них близок к классическим черепаховидным нуклеусам (рис. 6: 5). Поверхность скальвания другого нуклеуса также подготовлена обивкой почти по всему периметру, но последний отщеп с нее не был сколот (рис. 6: 2). Другие нуклеусы еще меньших размеров и наиболее сильно сработанные (рис. 6: 1, 3).

Сколы. Для анализа пригодны 53 скола, включая экземпляры (30 экз.), превращенные в орудия с вторичной обработкой. Среди сколов представлены:

2 экз.	2 экз.
первичные сколы	2 экз.
леваллуазские сколы	44 экз.
пластины	4 экз.
реберчатый скол	1 экз.

28 сколов изготовлены из мергеля, 14 — из кремня и 11 — из алевролита. По длине целые сколы распределяются следующим образом. Основную группу составляют изделия длиной 4–6 см (19 экз.), несколько меньше изделий длиной 6–8 см (13 экз.), еще меньше изделий длиной 8–10 см (8 экз.). Более крупные и мелкие изделия (меньше 4 см) единичные.

Как видно, отчетливо преобладают изделия средних размеров.

В коллекции преобладают леваллуазские сколы. Очевидно, они были основной целью первичного расщепления камня, что подтверждается и малочисленностью другой показательной категории сколов — пластин. На это указывают также описанные выше нуклеусы, относящиеся к леваллуазским типам. Небольшое количество технологических сколов (первичных, реберчатых и др.) — отходов от обработки камня объясняется, скорее всего, недостаточно полным сбором коллекции.

В том, что рассматриваемый комплекс имеет выраженный леваллуазский облик, в общем, нет ничего удивительного, так как леваллуазская технология расщепления камня является отличительной чертой практически всех индустрий среднего палеолита. Именно с появления этой технологии берет свое начало средний палеолит как стадия в развитии культуры (Bosinski 1967: 1). Однако важно то, что леваллуазская технология не была повсеместно одинаковой. В одних индустриях она развита в полной мере, в других — представлена хуже. Во многом это зависело от характера исходного сырья, подвергавшегося расщеплению. Вместе с тем, несомненно, играли роль и традиции в изготовлении каменных орудий, отражавшиеся, в частности, в приемах обработки и расщепления нуклеусов и в типах изготовлявшихся леваллуазских сколов. Под этим углом зрения и следует рассмотреть описываемый леваллуазский комплекс.

Наиболее информативны в нем именно сколы, так как нуклеусы сильно сработаны. Сколы же не только представлены разными формами. На них сохранились также достаточно ясные следы приемов обработки нуклеусов (формирование поверхности скальвания, подготовка ударных площадок и т. д.) и скальвания с них разнотипных заготовок.

Как готовилась поверхность скальвания нуклеусов, сказать трудно, так как соответствующие этой операции сколы (первичные, с заломы на спинке, различные красивые сколы) малочисленны. Однако на многих сколах неплохо прослеживаются приемы оформления ударных площадок нуклеусов, проявляющиеся в тех или иных признаках их сужения или редукции и ретуширования (Семенов 1957: 62; Гиля 1997: 68; Нехорошев 1999: 14–16; Щелинский 1999: 116–121; Shchelinsky 1999: 14–15). Редукция ударной площадки определяется как завершающая операция при подготовке оптимального для последующего расщепления нуклеуса профиля его поверхности скальвания и имела своей целью обеспечить скальвание продолговатых и тонких сколов. Ретуширование же ударной площадки на нуклеусе было направлено на то, чтобы выделить и «приподнять» тот маленький участок поверхности этой площадки, по которому наносился скальвающий удар отбойником. При этом площадке придавалась определенная форма.

В коллекции имеется 45 сколов, у которых сохранилась ударная площадка. И вот как выглядит площадка на этих сколах (см. таблицу).

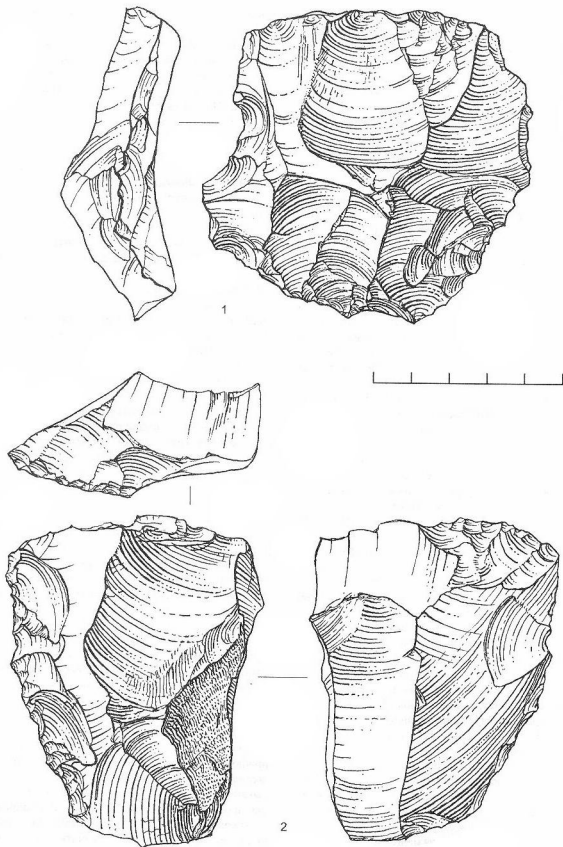

Рис. 5. Широкий Мыс: 1, 2 – леваллуазские нуклеусы.

Fig. 5. Shyrokly Mys: 1, 2 – Levallois cores.

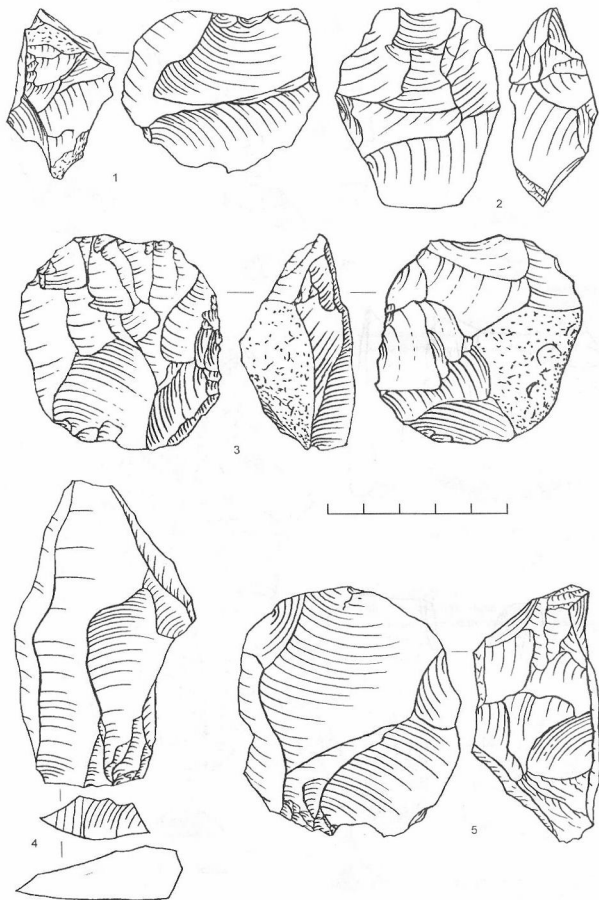

Рис. 6. Широкий Мыс, каменные изделия: 1-3, 5 – левааллуазские нуклеусы; 4 – скол с обухом.

Fig. 6. Shyrocky Mys, stone artifacts: 1-3, 5 – Levallois cores; 4 – spall with a back.

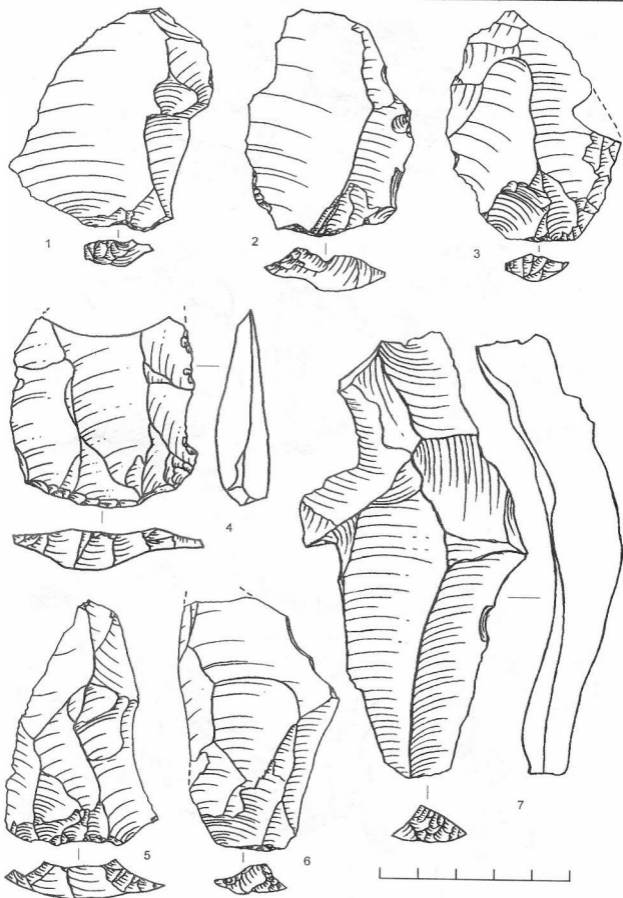

Рис. 7. Широкий Мыс, каменные изделия: 1-6 – леваллуазские отщепы; 7 – реберчатый скол.

Fig. 7. Shirokiy Mys, stone artifacts: 1-6 – Levallois flakes; 7 – ribbed spall.

Ударная площадка на сколах									Количество сколов с сохранившейся ударной площадкой
гладкая			фасетированная						
б/р	с/р	в/р	б/р	с/р	в/р	б/р	с/р	в/р	
1	2		14	4	3	14	6	1	45

б/р – без редукиции; *с/р* – со слабой редукицией;

в/р – с выраженной редукицией

У подавляющего большинства сколов (42 экз.) ударная площадка в разной степени ретушированная (фасетированная). При этом одинаковым количеством представлены прямые и выпуклые фасетированные площадки. Сколов с гладкой ударной площадкой всего 3 экз. Интересно, что площадки имеют два типа ретуширования: обычный, при котором фасетки ретуши снимались от края поперек формируемой площадки (рис. 7: 1, 3–5, 7; 8: 3, 6; 9: 2, 5, 6; 10: 2, 4, 6, 7; 11: 1, 4, 6, 8; 12: 2), и специфический, продольный – фасетки ретуши удлиненные и снимались вдоль формируемой ударной площадки (рис. 6: 4; 7: 2, 6; 8: 1). Эти два приема нередко использовались также вместе для ретуширования одних и тех же ударных площадок (рис. 8: 2, 5, 7; 9: 3, 4, 7–9; 10: 1, 3, 5; 11: 3, 5, 7). Надо сказать, что на ударные площадки отщепов с продольным фасетированием впервые обратил внимание Н. Д. Праслов (Праслов 1968: 58). Затем сколы с такой ударной площадкой стали чаще фиксироваться в индустриях среднепалеолитических стоянок (Щелинский 1983: 52; 1999: 121–123).

Редукиция ударной площадки на сколах в анализируемом комплексе не столь ярко выражена по сравнению с ретушированием площадок (см. таблицу). На более чем половине сколов (28 экз.) она отсутствует, на 11 сколах – слабая (рис. 7: 3, 5; 9: 5, 6; 10: 7) и только на 6 сколах – вполне отчетливая (рис. 8: 1, 4; 9: 1, 7, 8; 10: 1). При этом наличие выраженной редукиции прослеживается в основном на сколах с прямой (гладкой) и фасетированной) ударной площадкой.

Теперь остановимся на типах самих сколов, прежде всего леваллуазских.

Форма почти половины этих сколов точно не определена (сколы фрагментированные и превращенные в орудия с интенсивной вторичной обработкой). Однако по целым экземплярам (24 экз.) среди них четко выделяются три типа. Это: остроконечники, треугольные отщепы и овальные отщепы. Количественные пропорции их одинаковые.

Леваллуазские остроконечники (8 экз.). Будучи близкими по форме, они несколько различаются по технологии изготовления. Пять изделий (два с частичной ретушью по краям, рис. 11: 4, 5) относятся к так называемым «остроконечникам второго снятия» (рис. 9: 2, 3; 10: 2, 4, 5). Такие остроконечники скальвались со специально изготовленных нуклеусов, у которых поверхность скальвания имела конвергентное ограничение. Это ограничение достигалось скальванием на близком расстоянии (может быть, с одной ударной площадки) двух крупных сколов в конвергентном направлении. От пересечения их негативов оставалось длинное ребро, определявшее дальнейшую

процедуру скальвания. Сначала скальвалось это ребро, в результате чего получался остроконечник «первого снятия» с двутранной спинкой. При этом он мог быть и мелким, и сравнительно крупным. Затем, в том же направлении, скальвались основной остроконечник «второго снятия». Нуклеусы для этих остроконечников часто изготавлялись треугольной и подтреугольной формы. Три других остроконечника являются атипичными (рис. 9: 1, 4, 7). На их спинке имеются остатки серии негативов конвергентных сколов. Это указывает на то, что они могли быть сколоты с подготовленных нуклеусов любой формы.

Треугольные и подтреугольные леваллуазские отщепы (8 экз.). По сравнению с леваллуазскими остроконечниками, они имеют менее правильную треугольную форму (рис. 7: 3, 5, 6; 8: 2, 4; 9: 5, 9; 10: 7). На спинке у них сохраняются остатки довольно многочисленных и нередко разнонаправленных негативов подготовительных сколов, что свидетельствует об использовании для изготовления этих отщепов различных леваллуазских нуклеусов.

Овальные (и подчетырехугольные) леваллуазские отщепы (8 экз.). От треугольных отщепов они отличаются только формой (рис. 7: 1, 2; 8: 1, 3, 6, 8; 9: 6; 11: 8).

Надо сказать и о других категориях сколов, таких, как обуховые сколы и пластины.

Обуховые сколы имеют на одном боковом крае естественный обухок, образованный отвесным краем нуклеуса. Возможно, такие сколы изготавлялись преднамеренно в качестве одной из разновидностей ножей. Однако столь же вероятно, что они являются технологическими сколами и появление их связано с обработкой нуклеусов (Щелинский 1999: 116). В коллекции представлены два отщепа с обухком. Оба из мергеля (рис. 6: 4).

Пластины (4 экз.). Они широкие, с извилистыми краями и большей частью с разнонаправленным ограничением спинки (рис. 8: 7; 9: 8; 12: 2, 3). В этом отношении данные пластины ничем, кроме удлиненных пропорций, не отличаются от леваллуазских отщепов.

Своеобразие комплексу придают и представленные в нем орудия с вторичной обработкой. Напомним, этих орудий 33 экз. Не все они изготовлены на сколах. Для 3 из них, имеющих двустороннюю отделку, заготовками были, скорее всего, естественные отдельные камни.

Следует сразу же отметить, что для большинства орудий в качестве заготовок были использованы леваллуазские отщепы. При этом орудия имеют в основном слабую или умеренную ретушь, мало изменяющую первоначальную форму их исходных заготовок.

В составе орудий на сколах имеются:

леваллуазские ретушированные остроконечники	2 экз.
остроконечники	4 экз.
асимметричные остроконечники	10 экз.
простые скребла	2 экз.
сколы с ретушью	8 экз.
фрагменты неопределимых орудий	4 экз.

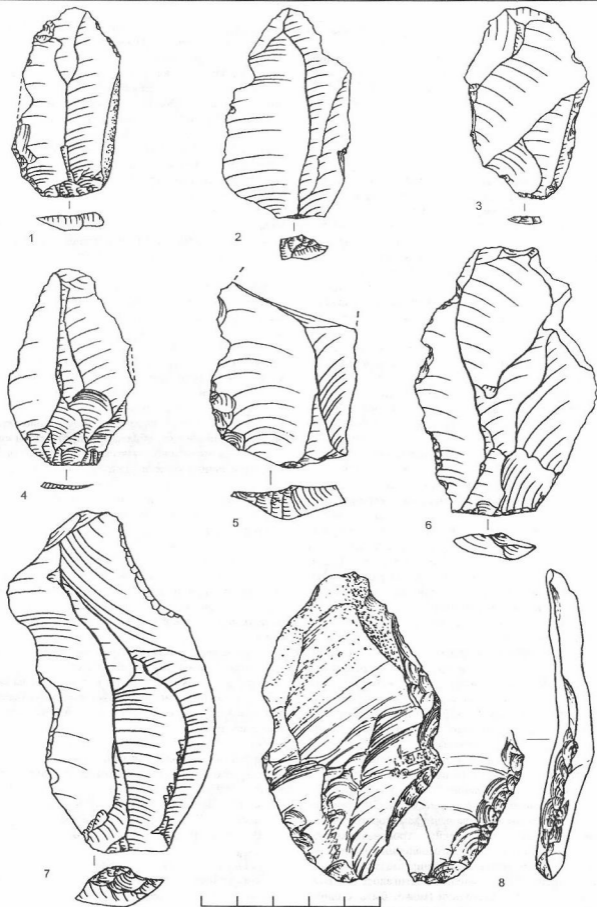

Рис. 8. Широкий Мыс, каменные изделия: 1, 5, 6, 8 – леваллуазские отщепы с ретушью; 7 – пластина.

Fig. 8. Shyrokoy Mys, stone artifacts: 1, 5, 6, 8 – Levallois flakes with retouch; 7 – blade.

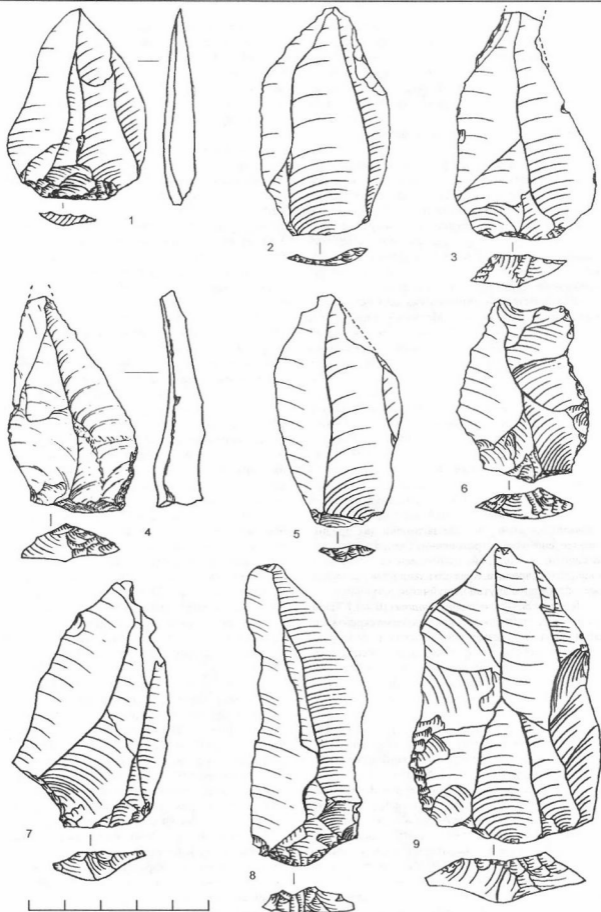

Рис. 9. Широкий Мыс, каменные изделия: 1-3, 7 – леваллуазские островеичники; 4-6, 9 – леваллуазские отщепы; 8 – пластина.

Fig. 9. Shyroky Mys, stone artifacts: 1-3, 7 – Levallois points; 4-6, 9 – Levallois flakes; 8 – blade.

Леваллуазские ретушированные остроконечники (2 экз.). Оба остроконечника изготовлены из кремня. Одно орудие (длиной 5,4 см) широкое (рис. 10: 4), другое (длиной 6,6 см) удлиненное (рис. 10: 5). Боковые лезвия у них выпуклые. Ретушь на орудиях слабая, ограничивается подправкой острия и одного лезвия. Эти остроконечники мало отличаются от неретушированных леваллуазских остроконечников (рис. 9: 1–4, 7; 10: 2).

Остроконечники (4 экз.). Орудия, за исключением одного, удлиненных пропорций, но довольно разные. Одно из них (длиной 5,8 см) изготовлено на леваллуазском отщепе из алевролита (рис. 10: 3). Сходящиеся к острию лезвия слабо выпуклые и обработаны крупной чешуйчатой ретушью в верхней половине орудия. Острие тонкое, режущее. Основание – наиболее толстая часть орудия и представляет собой широкую ударную площадку отщепа-заготовки. Два других остроконечника слегка асимметричные, оба изготовлены из мергеля. Меньший из них (длина 5,8 см) широкий (рис. 11: 7). Одно лезвие у него равномерно выпуклое и ретушировано почти по всей длине, другое лезвие – угловатое, обработано лишь в верхней половине, примыкающей к острию. Кончик острия отломан в древности. Основание – ударная площадка отщепа-заготовки без дополнительной обработки. Другой остроконечник крупнее (длина 8,3 см), но тоже широкий (рис. 11: 8). Оба его лезвия сильно выпуклые (одно извилистое, слегка зубчатое), сходятся как к острию, так и к основанию и обработаны мелкой красной ретушью почти по всей длине. Острие тонкое, режущее. Основание суженое, образовано маленькой ударной площадкой отщепа, использованного в качестве заготовки для орудия. Наконец, еще один остроконечник (длина 6,9 см) грубо сделан, он толстый, изготовлен на первичном отщепе из алевролита. Края его извилистые, зубчатые, обработаны крупной чешуйчатой ретушью.

Асимметричные остроконечники (10 экз.). Такие орудия часто определяются как угловатые скребла или как скребла-остроконечники. Однако они весьма существенно отличаются от каких-либо скребел и характеризуются прежде всего четко обозначенным острием, которое всегда смещено относительно оси скалывания заготовки (отщепа), использованной для изготовления орудия. При этом лезвия орудия, образующие острие, нередко по-разному ориентированы по отношению к этой оси, что позволяет различать разные типы асимметричных остроконечников (Шеллинский, Кулаков 2005: 30–31, 54–55).

В рассматриваемом комплексе асимметричные остроконечники составляют весьма заметную группу орудий. И, как оказалось, они в основном являются изделиями одного типа; удивительное сходство между орудиями в некоторых случаях видно даже в деталях их обработки. В большинстве своем орудия изготовлены на отщепах из мергеля (6 экз.), остальные – на кремневых (2 экз.) и алевролитовых (2 экз.) отщепах. Самые крупные из них имеют длину 8,1 см, 5,9 см, 5,8 см, самые мелкие – 3,6 см, 3,7 см, 4 см. Отчетливо преобладают остроконеч-

ники с одним продольным, другим – диагональным лезвиями («продольно-диагональные» асимметричные остроконечники). В первую очередь обращают на себя внимание три, в сущности, идентичных орудия (рис. 10: 1, 8; 12: 1). Одно, диагональное, лезвие у них, занимающее левый край орудия, довольно сильно ретушированное и прямое, другое, продольное, лезвие также прямое, но лишь отчасти подправлено ретушью. Есть и другая модификация этого типа остроконечников. У них, в отличие от только что отмеченных, ретушированное диагональное лезвие занимает не левый, а правый край орудия (рис. 11: 1, 4–6; 12: 4). При этом лезвия в некоторых случаях несколько выпуклые или извилистые. К этому же типу, по-видимому, можно отнести и небольшое орудие (длина 3,6 см), у которого одинаково ретушированы оба лезвия, причем диагональное лезвие по расположению приближается к поперечной позиции (рис. 11: 3).

Из этого ряда остроконечников выделяется одно орудие с признаками асимметричных «скошенных» остроконечников (рис. 11: 2). Оба лезвия его располагаются под острым углом по отношению к оси скалывания отщепа-заготовки для орудия; они слабо выпуклые и оформлены чешуйчатой ретушью.

Простые скребла (2 экз.). Орудия сходны между собой. Они изготовлены на удлиненных леваллуазских отщепах из мергеля и алевролита. Длина одного 6,9 см, другого – 8,3 см (рис. 10: 6, 7). Рабочее лезвие их тонкое, выпуклое, тщательно обработано сравнительно мелкой красной ретушью. Орудия явно недолго использовались в работе.

Сколы с ретушью (8 экз.). Это наиболее простые орудия с вторичной обработкой (с незначительной ретушью по краю), использовавшиеся в работе короткое время. Примечательно, что речь идет главным образом о леваллуазских отщепах (рис. 8: 1, 5, 6, 8), хотя единичные орудия являются сколами других типов – отщепом с обухом и пластиной (рис. 12: 2).

На фрагментах неопределенных орудий на сколах (4 экз.) нет смысла останавливаться. Отмечу лишь, что три из них были изготовлены из кремня, один – из мергеля.

Как уже было сказано выше, среди орудий в комплексе выделяются три двусторонне обработанных орудия. При этом два орудия являются обуховыми двусторонне обработанными ножами (кальмессерами), одно – ручным рубилом. Это очень интересный факт, поскольку такие орудия, особенно кальмессеры, довольно редко встречаются в индустрии с многочисленными леваллуазскими изделиями. А именно к такому рода индустриям и относится рассматриваемый среднелепальский комплекс.

Двусторонне обработанные ножи или кальмессеры (2 экз.). Сначала надо пояснить, какими признаками вообще характеризуются орудия этой категории, в чем отличие их от других двусторонне обработанных орудий.

Двусторонне обработанные ножи как особая категория среднелепальских орудий впервые были определены перед второй мировой войной в Польше.

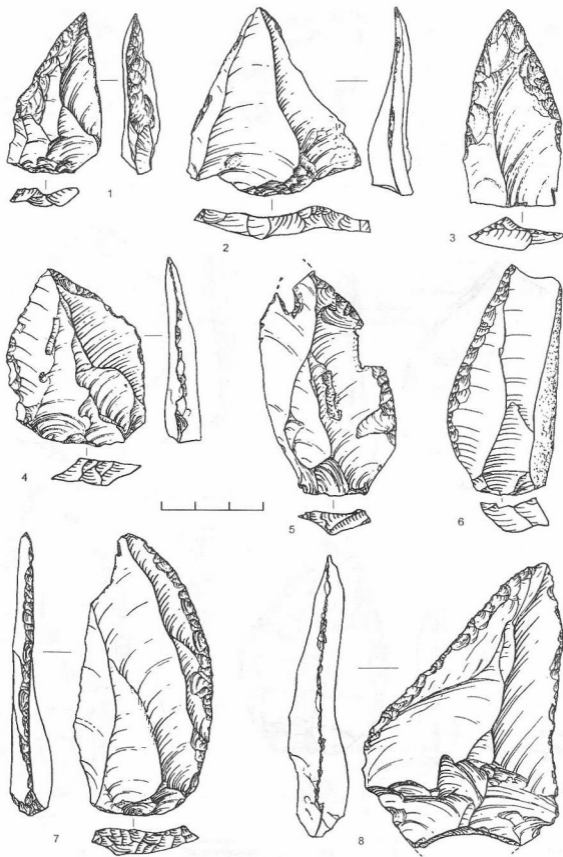

Рис. 10. Широкий Мыс, каменные изделия: 1, 8 – асимметричные остроконечники; 2 – леваллуазский остроконечник; 3 – острокопечник; 4, 5 – леваллуазские ретушированные остроконечники; 6, 7 – простые скребла.

Fig. 10. Shyrocky Mys, stone artifacts: 1, 8 – asymmetric points; 2 – Levallois point; 3 – point; 4, 5 – Levallois retouched points; 6, 7 – plain side-scrapers.

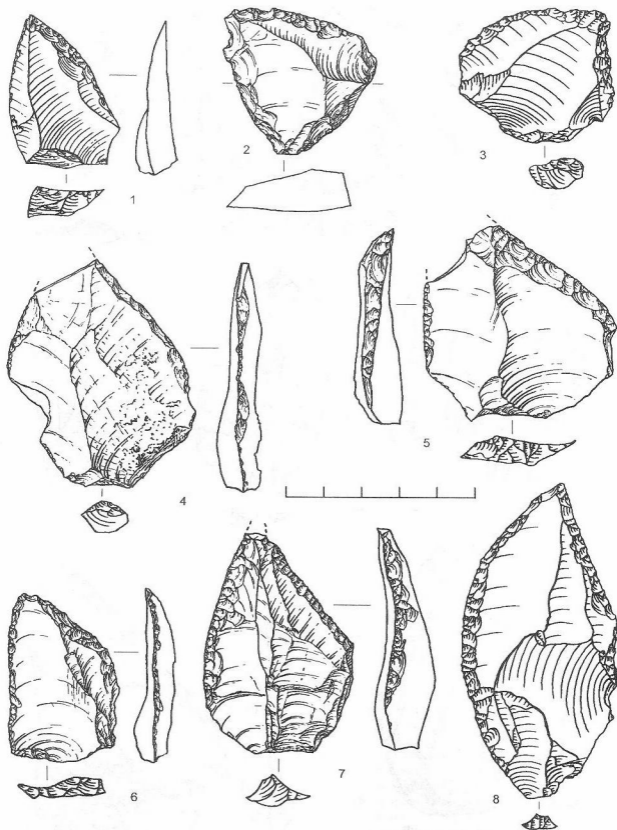

Рис. 11. Широкий Мыс, каменные изделия: 1-6 – асимметричные остроконечники; 7, 8 – остроконечники.

Fig. 11. Shyrokoy Mys, stone artifacts: 1-6 – asymmetric points; 7, 8 – points.

Речь идет об орудиях из пещеры Циерна, названных С. Круковским по названию реки, на которой располагается пещера, «ножами типа проидник». Позднее В. Хмелевский указал на наличие на этих ножах характерного негатива «парарезового скола» (Chmielewski 1969: 375). В Германии подобные ножи, широко распространенные на ее территории в ряде индустрий позднего среднего палеолита, были описаны более детально и получили название «кайльмессеры» (Keilmesser) (Bosinski 1967; Kulakovskaya et al. 1993). Это, как правило, двусторонне обработанные орудия с хорошо выраженным рабочим лезвием, которому противопоставлен обухок. От такого сочетания относительно тонкого рабочего лезвия и толстого аккомодационного обухка поперечное сечение орудий имеет клиновидную форму, что и стало имяобразующим признаком для этих орудий (Keilmesser или клиновидные ножи). Одна сторона кайльмессеров обычно плоская, другая – выпуклая, так как орудия часто изготовлены техникой «плоско-выпуклой отделки», описанной еще в 1929 г. С. Н. Замятинным (Zamiatnine 1929: 286–288). Обухок орудий имеет разную форму. Он может быть естественным или обработанным. Нередко его верхняя часть, примыкающая к острию, оформлена затупляющей ретушью или абразивом. Форма этой части орудия может быть в виде двусторонне обработанной дуги или диагонали, образующих с рабочим лезвием угол от острого до прямого. Поперечное сечение ножей близ дистального конца заострено-овальное. Основание часто не обработано или грубо оформлено единичными сколами. Иногда на дистальном конце орудий с верхней стороны вдоль рабочего лезвия протягиваются один или несколько узких и удлиненных негативов сколов утончения (подправки) лезвия (Schneidenschläge), которые указывают на присутствие в индустрии так называемой проидникской техники (Pradniktechnik) оформления режущего лезвия орудия. Кайльмессеры довольно вариабельны, размеры их колеблются в значительных пределах, при этом длина крупных экземпляров может достигать 15 см. По форме, особенно по форме той части обухка, которая примыкает к верхнему краю рабочего лезвия, и другим морфологическим признакам они четко разделяются на типы, неодинаковыми пропорциями представленные в разных индустриях (Jöris 2001: 35). Важно отметить, что трасологические исследования Х. Плиссона и В. Е. Щелинского показали полное совпадение формы и функции этих орудий, они действительно были ножами и использовались главным образом для разделки мяса (Veil et al. 1994: 54–58; Щелинский 1994: 21).

В анализируемом комплексе кайльмессеры единичны (2 экз.). При этом в целом виде представлено только 1 орудие (рис. 12: 5). Это орудие изготовлено из мерзеля, но неизвестно из какой первичной отделимости. Оно средних размеров (7,4 × 3,6 × 1,5 см) и имеет удлиненно-овальную форму, боковые края его слабо выпуклые, оба конца суженные. Максимальная ширина и толщина приходится приблизительно на середину орудия. Поперечное сечение его отчетливо плоско-выпуклое, так как нижняя сторона плоская,

обита широкими сколами и лишена дополнительной ретушной обработки по краям. Верхняя сторона орудия, напротив, заметно выпуклая и обработана крупными и мелкими сколами, снимавшимися преимущественно от одного края, на котором с этой целью была изготовлена специальная ударная площадка. С этой стороны оба края также интенсивно отретушированы. Ударная площадка, созданная для обивки верхней стороны, протягивается по всей длине орудия, она намеренно сохранена и с помощью незначительной дополнительной обработки приспособлена в качестве вывуклого обухка орудия. Противоположный обуху край является рабочим лезвием, протягивающимся, как и обухок, по всей длине орудия. Оно дугобразно выпуклое и тщательно оформлено чешуйчатой ретушью. У дистального конца оно плавно сдвигается острым углом смыкается с обухом. Основание лезвия сужено и представляет собой остяки ударной площадки, изготовленной для обивки нижней стороны орудия.

Описанный нож однотипен с двусторонне обработанными однолезвийными ножами с распространенным по все длине орудия обработанным обухком (тип 2), выделенными в последнее время в материалах Ильской среднепалеолитической стоянки, расположенной в северных предгорьях Северо-Западного Кавказа (Щелинский, Кулаков 2005: 43).

Второе орудие сломано, поэтому нет полной уверенности, что оно является кайльмессером. У изделия намеренно отбита дистальная часть (рис. 13). Патина негатива сломана отличается от основной патины, покрывающей поверхность изделия, что указывает на попытку как-то использовать данный предмет в более позднее (позднепалеолитическое?) время. Это орудие массивное, средних размеров. Длина его сохранившейся части 5,6 см, ширина 4,8 см, толщина 4 см. При этом наиболее толстой и широкой частью у него является основание. Орудие изготовлено на слабо окатанной угловатой гальке из мерзеля. Несмотря на массивность, обращает на себя внимание характерное плоско-выпуклое поперечное сечение орудия. Нижняя сторона его уплощена несколькими крупными сколами и дополнительно не обрабатывалась. Верхняя сторона сильно выпуклая и с продольным ребром у правого края. Она почти сплошь обита сколами, более мелкими, чем на нижней стороне. Интересно, что обивка производилась не только от боковых краев, но и с верхнего ребра. Сохранившаяся часть рабочего лезвия (лещий край орудия) грубо обработана и почти не ретуширована. Противоположный лезвию край является обухком. Он широкий, обработан несколькими сколами и вблизи основания образован вертикальной плоскостью, покрытой галечной коркой. Основание массивное, представляет собой почти необработанный край исходной галечной заготовки для орудия.

Как видим, облик орудия неоднозначен. Его в такой же мере можно интерпретировать и как фрагмент небольшого рубила («рубильца») с массивным основанием и плоско-выпуклым поперечным сечением. Однако уплощенная нижняя сторона орудия

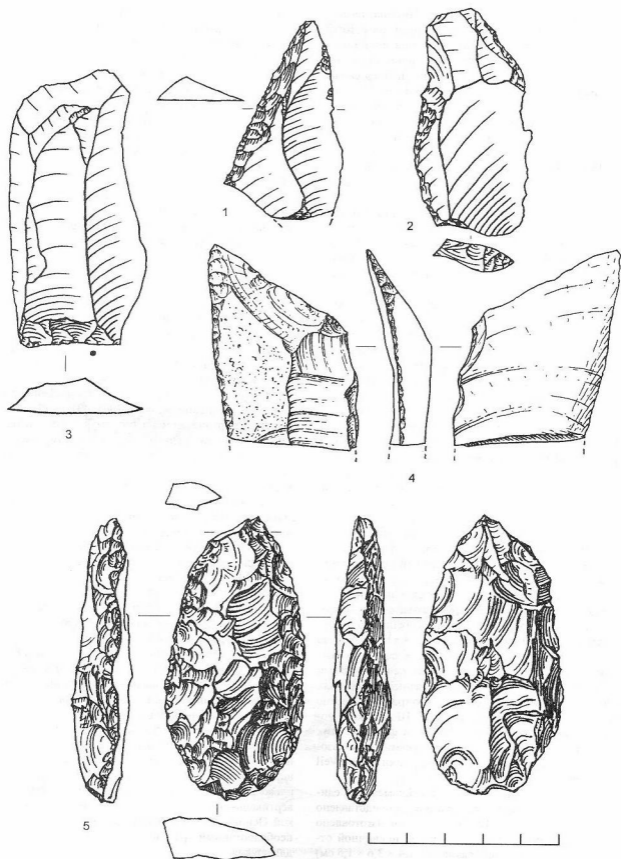

Рис. 12. Широкий Мыс, каменные изделия: 1, 4 – асимметричные остроконечники; 2 – пластина с ретушью; 3 – пластина; 5 – кайльмессер.

Fig. 12. Shyrokyy Mys, stone artifacts: 1, 4 – asymmetric points; 2 – blade with retouch; 3 – blade; 5 – keilmesser.

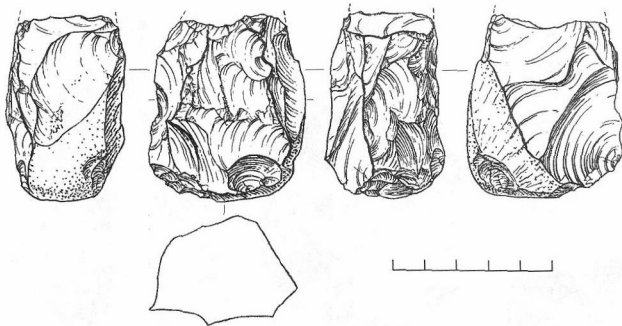

Рис. 13. Широкий Мыс. Фрагментированное плоско-выпуклое ручное рубило (кайльмессер?).

Fig. 13. Shyrokoy Mys. Fragmentary flat-convex handaxe (keilmesser?).

сближает его в технологическом аспекте с кайльмессерами. Надо заметить, что «рубильца» нередки в среднелеолитических комплексах на территории Северо-Западного Кавказа, хотя обычно представлены в них единичными и разнотипными экземплярами, что, по-видимому, связано с различиями в возрасте. Выразительны они, например, в Абдзешском позднеашельском местонахождении, расположенном на северном склоне, в Восточном Закубанье (Голованова, Дороничев 2003: 28, рис. 5: 1, 2). К сожалению, этот памятник не имеет геологической привязки, так как разрушен природными процессами.

Остановлюсь еще на одном замечательном орудии из нижнего комплекса Широкого Мыса. Я имею в виду найденное на местонахождении ручное рубило. Это орудие несомненно является одним из классических образцов позднеашельских ручных рубил (рис. 14). Длина его 14,3 см, ширина 8,8 см, толщина 4,3 см. Рубило изготовлено на гальке из местного кремневого алевролита, при этом прекрасно сделано и имеет хорошую сохранность. По сырью и патине оно совершенно не отличается от других орудий комплекса. Типологически это удлиненное ручное миндалевидное рубило с массивным основанием (пяткой) и заостренным дистальным концом. Боковые края изделия симметричны, имеют форму лезвий, сходящихся к острию. Они слабо выпуклые, однако тщательно с обеих сторон обработаны сколами, а кромка их дополнительно выровнена ретушью. Обработка сторон орудия тем не менее не совсем одинакова. Верхняя сторона заметно более выпуклая и почти сплошь оббита. Нижняя сторона, напротив, слегка уплощена; негативы сколов на ней плоские, широкие, иногда с заламами на ковдах. На этой стороне сохранился довольно крупный участок плос-

кой окатанной галечной поверхности. Острие орудия сравнительно узкое, тонкое, им можно было только резать, а не рубить. Основание массивное, сильно выпуклое по продольной оси и представляет собой необработанный край гальки, ставшей исходной заготовкой для орудия. Тщательная отделка, сочетающаяся с некоторой уплощенностью одной из сторон этого ручного рубила, без сомнения, указывает на весьма развитую даже в рамках позднего ашеля технику его изготовления.

Описанные двусторонне обработанные орудия относятся к разным морфологическим группам орудий. Однако они изготовлены в общем одной техникой, что лишний раз подтверждает их одновременность и принадлежность вместе с другими рассмотренными выше изделиями к единому археологическому комплексу.

Что же представляет собой этот комплекс в культурном отношении? На мой взгляд, наличие в нем плоско-выпуклых ручных рубил и типичного кайльмессера позволяет отнести его к финальному ашелю. При этом важно подчеркнуть технико-типологическую специфику индустрии данного комплекса. Она заключается в единичности представленных в ней двусторонне обработанных орудий при обилии разнообразных леваллуазских изделий и орудий на леваллуазских отщепях.

Ближих аналогий этой индустрии я пока не вижу, хотя на территории Кавказского Причерноморья имеются и другие ашельские местонахождения. При этом одно из них – Кадшское местонахождение располагается недалеко от Широкого Мыса на мысе Кадш в окрестностях г. Туапсе (Щелинский, Гагашьян 1980: 244–248; Щелинский 1987: 62–65). На этом местонахождении выявлено всего лишь около десятка ка-

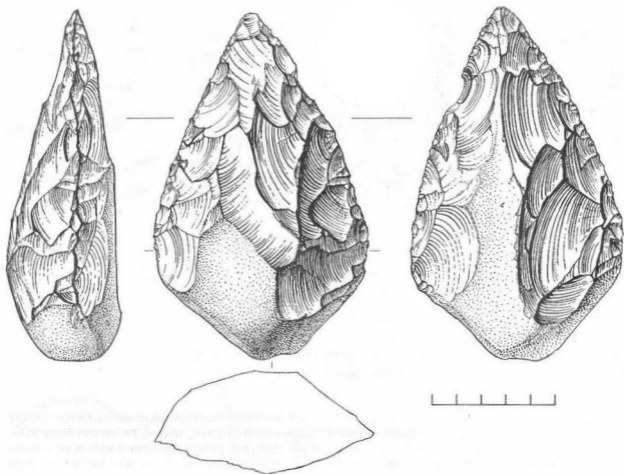

Рис. 14. Широкий Мыс. Ручное рубило.

Fig. 14. Shyrokyy Mys. Handaxe.

менных изделий, но в составе их есть два крупных ручных рубила. Типологически эти рубила другие (одно рубило миндалевидное с лезвием по всему периметру и суженным закругленным дистальным концом, второе – подтреугольное), и выглядят они заметно архаичнее по сравнению с широкомаховскими рубилами. Поэтому Кадошское местонахождение относится, по всей вероятности, к более ранней стадии ашеля. Об этом свидетельствует и его геологическая позиция.

Каменные изделия местонахождения зафиксированы на двух разделенных глубокой балкой останцах одной древней морской террасы на высоте около 70 м над уровнем моря. Находки залегают у кровли (извлечены из промоин) и на размытой поверхности делювиальных зеленовато-желтых сулпинков с выветрелым щебнем, перекрывающих морские отложения террасы. По мнению геологов, эта терраса является, скорее всего, ранненшадской (раннезуларской), и, следовательно, покровные отложения на ней, включающие каменные изделия, могут иметь среднеплейстоценовый возраст (Несмеянов 1999: 221).

Следует упомянуть и еще одно территориально близкое к Широкому Мысу ашельское местонахождение – Ахштырскую пещеру, расположенную

на р. Мзымте вблизи г. Адлера. Речь идет о нижних слоях этого многослойного разновременного археологического памятника. В нижнемустьерском слое пещеры (геологический слой 5) С. Н. Замятинным еще в 1937–1938 гг. были обнаружены вместе с орудиями мустьерских типов два довольно крупных ручных рубила ашельского облика (одно сердцевидное, другое не вполне определенной формы с узким поперечным лезвием). Исследователь считал их неотъемлемой частью мустьерского комплекса и интерпретировал как «переживание рубил на данной территории в эпоху мустье» (Замятин 1961: 116). Однако позднее М. З. Паничкиной и Е. А. Векиловой были найдены еще два рубила (ромбовидной формы и подтреугольное с острым загнутым дистальным концом) опять же в контексте с мустьерскими по форме орудиями, но стратиграфически ниже. Одно – в слое охристо-желтой глины (слой 5а), другое еще ниже – в слое 7, образованном охристо-красной и желтой глиной с окатанной речной галькой (Паничкина, Векилова 1962: 38–39; Векилова 1967: 82). Эти находки позволили Е. А. Векиловой (Векилова 1967: 84) высказать предположение, что впервые люди появились в пещере в позднем ашеле. Правда, в последующих ее работах этот вопрос уже не обсуждался. Тем не менее опреде-

ление археологических материалов самых нижних слоев пещеры как позднеашельских, на мой взгляд, вполне допустимо, учитывая несдиничность и немустерские типы представленных в них ручных рубил. Примечательно также и то, что, как и в местонахождении Широкий Мыс, ашельские рубила в этих слоях сопровождаются многочисленными левалуазскими изделиями и мустерскими формами орудий на отщепе. Этому предположению не противоречит и допущение, что, например, в слоях 5 и 5а рубила могли оказаться в результате некачественных раскопок или механического смещения слоев, связанного с древними размытами нижележащих слоев, о чем пишет В. П. Любин (Любин 1998: 115). Важно отметить, что предположенный возраст нижних слоев пещеры полностью согласуется с отнесением содержащихся в них изделий к ашелю. В особенности это касается находок из геологического слоя 7, с которого начинается древнейшая пачка глубоко выветрелых опесчаненных красно-охристых глин с включениями разложившихся известняковых галб и хорошо окатанных галек (древний аллювий р. Мзымты, некогда заливавшей привходную часть пещеры). Эти отложения в настоящее время высоко подняты процессами горообразования над современным руслом реки (на 120 м или, по другим данным, несколько меньше) и уже поэтому датируются ранне-среднечетвертичным временем (Муратов, Фриденберг 1974: 180). Существует, правда, мнение, что они моложе, верхнеплейстоценовые, и могут отвечать рисс-норму (Несмеинов 1999: 322). Но и в это время известно немало ашельских индустрий.

Таким образом, на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа в настоящее время выявлен ряд довольно выразительных и информативных памятников ашельской эпохи. Это оказались небольшие памятники с малочисленным каменным инвентарем, которые можно интерпретировать как остатки кратковременных стоянок маленьких групп ашельских охотников. При этом они, несомненно, разновременные, хотя их возраст, по-видимому, не древнее среднего/позднего ашеля. Рассмотренный выше среднелепидеолитический комплекс Широкого Мыса представляет собой заключительную, финальную фазу развития ашельских индустрий на Черноморском побережье Кавказа.

Выводы. Среднелепидеолитические находки местонахождения Широкий Мыс составляют единый археологический комплекс. В геологическом отношении он относится к верхнему плейстоцену и датируется, скорее всего, временем образования карангатских отложений на Кавказском побережье Черного моря (предположительно, OIS 5c). Этот комплекс изделий характерен для кратковременных стоянок среднелепидеолитических охотников, ибо включает в себя сравнительно малочисленные каменные изделия, среди которых значительную часть составляют отборные сколы и орудия с вторичной обработкой. Причем отчетливо видно, что эти орудия довольно слабо изношенные от использования в работе. Индустрия, представленная данным комплексом изделий, основывалась на местном каменном сырье. Вместе с тем в ней заметную роль играл «импортный» кремль, происходящий из удаленных не менее чем на 100 км более южных районов Черноморского побережья Кавказа (ближайшими могли быть нынешние окрестности г. Сочи, более дальними – территория Абхазии). Эти районы, надо полагать, периодически посещались широкомысовскими среднелепидеолитическими охотниками и были частью общей освоеной ими территории, что было связано с их сезонно-подвижным образом жизни. Индустрия имеет ярко выраженный левалуазский характер. При этом она непластичная (пластины в коллекции единичные). Первичное расщепление камня было ориентировано на изготовление левалуазских отщепов, включая, и в немалой степени, левалуазские остроконечники. Типологическая специфика индустрии отчетливо проявляется также в сочетании количественно представительных и разнообразных левалуазских типов изделий с единичными, но выразительными двусторонне обработанными орудиями (кайльмессер и ручные рубила). Наличие последних является определяющим признаком ашельских индустрий. При этом характер техники изготовления и типы представленных в комплексе рубил ясно указывают на принадлежность этого комплекса к самому концу ашельской эпохи, что согласуется с его сравнительно поздним (ранневалдайским или раннеюрским) геологическим возрастом.

Абрамов 1989 – Абрамов С. Е. Результаты изучения условий развития и режима экзогенных геологических процессов в пределах Азово-Черноморского побережья Краснодарского края. Отчет Черноморской инженерно-геологической, гидрогеологической и геоэкологической партии за 1983–1988 годы. Сочи, 1989.

Ботзински 2003 – Ботзински Г. Средний палеолит: 250 000 лет нашей истории // АВ. СПб., 2003. № 10. С. 217–227.

Веклюва 1967 – Веклюва Е. А. Краткие итоги раскопок Ахтырской пещеры в 1961–1965 годах // КСИА. 1967. № 111. С. 80–85.

Веклюва, Гричук, Губонина, Ермодова, Зубов, Муратов, Фриденберг 1987 – Веклюва Е. А., Гричук В. П., Губонина З. П., Ермодова И. М., Зубов А. А., Муратов В. М., Фриденберг Е. О. Ахтырская пещера // Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа:

Путеводитель совместного Советско-Французского рабочего полевого семинара по теме «Динамика взаимодействия природной среды и доисторического общества». М., 1987. С. 37–48.

Гиря 1997 – Гиря Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий. СПб., 1997.

Голованова, Дорончиха 2003 – Голованова Л. В., Дорончиха В. Б. Палеолит Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2003. Вып. 3. С. 3–44.

Замятин 1961 – Замятин С. Н. Палеолитические местонахождения восточного побережья Черного моря // Очерки по палеолиту. М.; Л., 1961. С. 67–175.

Кулаков 2001 – Кулаков С. А. Исследования Ахтырской пещерной стоянки в 1996 // Проблемы первобытной культуры. Уфа, 2001. С. 170–186.

- Любин 1998 – Любин В. П. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб., 1998.
- Миланович, Хайн 1963 – Миланович Е. Е., Хайн В. Е. Геологическое строение Кавказа. М., 1963.
- Муратов, Фриденберг 1974 – Муратов В. М., Фриденберг Е. О. Палеогеографические интерпретации рыхлых отложений пещер Западного Кавказа // Первообытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974. С. 177–180.
- Несмеянов 1999 – Несмеянов С. А. Геоморфологические аспекты палеоэкологии горного палеолита. М., 1999.
- Несмеянов, Измайлов 1995 – Несмеянов С. А., Измайлов Я. А. Тектонические деформации черноморских террас кавказского побережья России. М., 1995.
- Нехорошев 1999 – Нехорошев П. Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб., 1999.
- Паничкина, Веклюва 1961 – Паничкина М. З., Веклюва Е. А. Исследование Ахтыгской пещеры в 1961 году // КСИА. 1961. № 92. С. 37–43.
- Праслов 1968 – Праслов Н. Д. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Л., 1968.
- Семенов 1957 – Семенов С. А. *Первообытная техника*. (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л., 1957.
- Чистяков 1996 – Чистяков Д. А. Мустьерские памятники северо-восточного Причерноморья. СПб., 1996.
- Щелов 1986 – Щелов А. Л. *Стратиграфия континентальных и морских отложений плейстоцена южного склона Северо-Западного Кавказа (между г. Анапой и г. Адлером)*; Автореф. дис. ... канд. геолого-минерал. наук. Тбилиси, 1986.
- Щелинский 1971 – Щелинский В. Е. Широкий Мыс – позднепалеолитическое местонахождение на Черноморском побережье Кавказа // КСИА. 1971. № 126. С. 49–55.
- Щелинский 1983 – Щелинский В. Е. Новые местонахождения мустьерского времени близ города Сочи // КСИА. 1983. № 173. С. 50–55.
- Щелинский 1987 – Щелинский В. Е. Новые находки раннепалеолитических изделий на мысе Калоп // КСИА. 1987. № 189. С. 62–65.
- Щелинский 1994 – Щелинский В. Е. Функциональное назначение двусторонне обработанных орудий мустьерской стоянки Заскальная V в Крыму // АВ. СПб., 1994. № 3. С. 16–24.
- Щелинский 1999 – Щелинский В. Е. Технология камнеобработки производящего среднего палеолитической стоянки Носово I в Приазовье // Археологический альманах. Донецк, 1999. Вып. 8. С. 109–128.
- Щелинский 2003 – Щелинский В. Е. Тенгинка – местонахождение среднего палеолита в Причерноморье Северо-Западного Кавказа // Пушкарский сборник. СПб., 2003. Вып. 2. С. 66–73.
- Щелинский 2004 – Щелинский В. Е. Поздний палеолит Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2004. Вып. 4. С. 3–96.
- Щелинский, Гагашин 1980 – Щелинский В. Е., Гагашин В. М. Ашельское рубило из окрестностей Туапсе // Са. 1980. № 4. С. 244–248.
- Щелинский, Кулаков 2005 – Щелинский В. Е., Кулаков С. А. Ильская мустьерская стоянка (раскопки 1920–х–1930–х годов). СПб., 2005.
- Bosinski 1967 – Bosinski G. Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa // Fundamenta. Reihe A. Köln, 1967. Bd 4.
- Chmielewski 1969 – Chmielewski W. Ensembles Micoquo-Prondnikiens en Europe Centrale // Geographia Polonica. 1969. 17. S. 371–386.
- Kulakovskaya et al. 1993 – Kulakovskaya L., Kozłowski J., Sobczyk J. Les couteaux micoquiens du Würm ancien // Préhistoire Européenne. 1993. Vol. 4. P. 9–32.
- Jöris 2001 – Jöris O. Der spätmittelpaläolithische Fundplatz Buhlen (Grabungen 1966–69). Stratigraphie, Steinartefakte und Fauna des Oberen Fundplatzes // Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Bonn, 2001. Vol. 73.
- Veit et al. 1994 – Veit S., Brest K., Höfle H.-Ch., Meyer H.-H., Pflissin H., Urban-Kattel B., Wagner G. A. and Zoller L. Ein mittelpaläolithischer Fundplatz aus der Weichsel-Kaltzeit bei Lichtenberg, Lkr. Lüchow-Dannenberg. Zwischenbericht über die archäologischen und geowissenschaftlichen Untersuchungen 1987–1992 // Germania. 1994. N 72. S. 1–66.
- Shchelinsky 1999 – Shchelinsky V. E. The lithic industry of the Middle Palaeolithic site of Novosio I in Prizov'ye (South Russia): technological aspects // Préhistoire Européenne. 1999. Vol. 13. P. 11–32.
- Zamiatnine 1929 – Zamiatnine S. N. Station moustérienne à Il'skaïka de Kouban (Caucase du Nord) // Revue Anthropologique. 1929. N 7–9. P. 282–295.

THE MIDDLE PALAEOLITHIC COMPLEX OF THE SITE SHIROKY MYS (THE BLACK SEA COAST OF NORTHWEST CAUCASUS)

V. E. SCHELINSKY

The site of Shyrokly Mys on the Black Sea coast of the northwestern Caucasus first appeared in the literature as a large Upper Palaeolithic site of the Aurignacian type (Щелинский 2004). However, there are actually two Palaeolithic layers of different periods at the site: the upper one is an Upper Palaeolithic layer, and the lower is connected with the eroded fossil crust and contains artefacts of the Middle Palaeolithic period. Between those two layers, a chronological break is clearly identifiable being represented by a stage of intensive erosion of the layer with Middle Palaeolithic materials. That stage preceded the accumulation of the layer with Upper Palaeolithic cultural remains.

Middle Palaeolithic finds from the site of Shyrokly Mys, both uncovered *in situ* during excavations and collected on the surface, compose a single archaeological complex. In the geological aspects it belongs to the Upper Pleistocene and is dated most probably to the period of formation of the Karangat deposits on the Caucasian Black Sea littoral (corresponding presumably to OIS 5c). This complex of artefacts is characteristic of short-term campsites of Middle Palaeolithic hunters since it includes fairly few stone tools, mostly selected spalls and tools with secondary retouch. Moreover, there is no doubt that these tools are only slightly worn in use. The industry represented by the complex under consideration was based

mostly on local raw materials. At the same time, of considerable importance in it was flint «imported» from the more distant regions of the Caucasian Black Sea coast situated at least 100 km to the south (the nearest may have been the surroundings of what is now the city of Sochi, and the more remote was the territory of Abkhaziya). Those regions, it seems, were periodically visited by Middle Palaeolithic hunters from Shyrok Mys making part of the entire territory exploited by them during their seasonal migrations. The industry under consideration is of markedly Levallois character but without blade-making (the collection includes only single blades). Primary knap-

ping of stone was aimed at manufacture of Levallois flakes including fairly numerous Levallois points. The typological specifics of this industry are distinctly demonstrated also by the concurrence of quantitatively representative and diverse artefacts of the Levallois types and individual but fairly expressive bifacial tools (keilmesser and handaxes). The presence of the latter is a characteristic attribute of Acheulian industries. Moreover, the manufacturing technique and the types of the handaxes represented in the assemblage undoubtedly suggest its belonging to the final Acheulian tradition that agrees well with its fairly late geological age (Early Valdai or Early Würm).

СЫРЬЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВОЗРАСТА СТОЯНОК КАМЕННОГО ВЕКА ВАЛДАЯ¹

Г. В. СИНИЦЫНА²

Период освобождения обширных пространств Северной Европы от ледникового покрова по данным естественнонаучных дисциплин характеризуется резким изменением природных условий. В геологической литературе время перехода от плейстоцена к голоцену рассматривается как катастрофические события (Зубаков 1986: 264–265; Лаврушин и др. 2002: 145; Хаин 1994: 90; Добрецов, Коваленко 1995: 24), которые сопровождались значительным, но кратковременным изменением магнитного поля Земли – экскурсом гетенборг в интервале 13–11 тыс. лет назад (Гуськова и др. 2005, 44–54).

Реакция приледниковой Европы на эти изменения была однозначной. Унифицированный континентальный мир мадленских охотников распался на серию более мелких образований, по большому числу культурных показателей значительно уступающих блестящей мадленской цивилизации с ее уникальными шедеврами пещерной наскальной живописи и не менее поразительными шедеврами косторезного искусства.

На смену им приходят культуры охотников на северного оленя, ведущих подвижный образ жизни, культуры с черешковыми наконечниками стрел. Хронологические рамки их существования определены палеоклиматическими периодами: бемлинг – дриас младший. В археологии этот хронологический отрезок времени получил название *финальный палеолит*.

Вопросы хронологии стоянок финального палеолита занимают особое место в археологии каменного века в силу специфики отложений. Процессы эрозии в это время повсеместно преобладали над процессами осадконакопления. Культурные слои стоянок, как правило, разрушены, что затрудняет применение естественнонаучных методов для определения их возраста.

До недавнего времени на северо-западе и в центре Русской равнины датированные стоянки периодов бемлинга, аллерёда не были известны. В 1990 г. Валдайской (Тверской) экспедицией ИИМК РАН на северном берегу озера Волго близ д. Ланино (рис. 1; 2А) были открыты и исследованы стоянки Подол III/1, Подол III/2, Баранова гора (Синицына 1996), культурные слои которых частично сохранились небольшими участками. Наиболее древние отложения зафиксированы на многослойной стоянке Баранова гора.

Отложения, к которым приурочены культурные остатки, начиная с конца бемлинга (фазы поздне-

ледникового потепления климата, 12,8–12,3 тыс. лет назад), датированы на основании спорово-пыльцевого анализа. Кроме отложений бемлинга на стоянке Баранова гора присутствуют отложения дриаса II, аллерёда, дриаса III и пребореала (Синицына 2005: 48–51).

На многослойных стоянках Подол III/1, Подол III/2 имеются отложения аллерёда и дриаса III. Уникальность их состоит еще в том, что датировка спорово-пыльцевым методом подтверждена данными палеомагнитного, геохимического исследований стоянки Подол III/1 и коррелируются с результатами сравнительно-типологического анализа материальной культуры.

Стоянки расположены на узкой наклонной площадке между озером Волго и прилегающим коренным склоном, сложенным известняками карбонового возраста. Геолого-морфологическое исследование и стратиграфия памятников описаны Ю. А. Лаврушиным (Синицына и др. 1997: 86–103). Здесь зафиксированы разнородные отложения: озерные, пролювиальные и образования, связанные с жизнедеятельностью древнего человека. Из всей толщи взяты образцы на палинологический анализ, который выполнен Е. А. Спиридоновой (Синицына и др. 2005: 400–402).

На стоянке Баранова гора вскрыто 75 кв. м, но отложения нижних слоев исследованы только раскопами 1996 и 1997 гг. и частично (из-за высокого уровня воды в Верхневолжском водохранилище) раскопом 2005 г. на площади 31 кв. м. (Синицына 2005: 42–54).

Инвентарь немногочисленный и планиграфически приурочен в основном к гумусированным маломощным пятнам небольшого размера и расплывчатым очертаниям (рис. 2Б, слой 4).

Коллекция, которую можно связать с отложениями бемлинга, к сожалению, незначительна. В качестве сырья использовали местный кремль нескольких разновидностей. Техника расщепления характеризуется остаточным призматическим нуклеусом (3,5 × 3,2 × 2,5 см) с односторонним круговым скалыванием (рис. 3: 9). Типы заготовок: крупная пластина, полученная в технике «жесткого» отбойника; пластинки (рис. 3: 1) и микропластинки, полученные в технике отжима и оббивки «мягким» отбойником (рис. 3: 2, 3, 5). Фрагменты микропластинок имеют стандартные размеры: 2,2 см длиной, 0,5–0,7 см шириной. Изогнутые пластины, как правило, усекались (рис. 3: 4).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 04-06-80270а) и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

² Россия, 191186. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии палеолита.

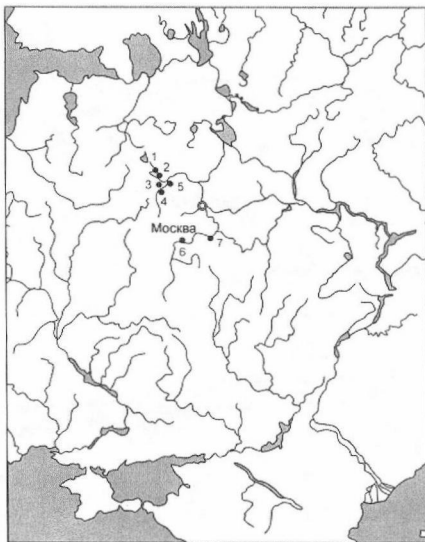

Рис. 1. Местоположение памятников финального палеолита на Русской равнине: 1 – Баранова гора, 2 – Подол III; 3 – Теплый Ручей; 4 – Усть-Тудовка I; 5 – Троицкое 3; 6 – Ладыхино 3; 7 – Ростиславль.

Fig. 1. Map of the Russian plain with the final Palaeolithic sites quoted in the text: 1 – Baranova Gora, 2 – Podol III; 3 – Teply Ruchey; 4 – Ust-Tudovka I; 5 – Troitskoye 3; 6 – Ladyzhino 3; 7 – Rostislavl.

Выразителем «мягкий» отбойник на плитке мелкозернистого песчаника подтреугольной формы ($9,6 \times 7,6 \times 3,7$ см). Одна плоскость его вогнута и прекрасно отшлифована, другая – пришлифована незначительно. Приостренная часть его имеет негативы снятий, полученных в результате контрудара.

Из орудий на сером кремне наиболее интересна двулезвийная проколка ($6,9 \times 2,6$ см), оформленная на массивном пластинчатом сколе, толщиной 1,7 см (рис. 3: 7). Короткие жальца ее выделены выемками, расположенными на углах заготовки по диагонали относительно друг друга.

Долотовидные орудия оформлены на дистальных концах широких (2,5 см) пластин подтесковой и поперечноориентированным резцовым сколом (рис. 3: 6, 8). Прямолезвийный концевой скребок (рис. 3: 12) выполнен на пластине, где сохранились размерная площадка и ярко выраженный ударный бугорок – признаки получения заготовки «жестким» отбойником. Из

высококачественного сиреневого кремня изготовлено два предмета: концевой скребок ($5,2 \times 2,4 \times 1,3$ см) и фрагмент пластинчатого отщипа ($7,2 \times 3,7 \times 0,6$ см). Предметы из черного кремня с желтовато-голубой патиной единичны. Они залежали в отложениях нижнего слоя и представлены комбинированными изделиями. Скребок – с двумя угловыми резами (рис. 3: 12) – сочетание редкое, тип такого орудия характерен для конца верхнего палеолита, что еще раз подтверждает правильность определения возраста финальным палеолитом. Вентральный скребок – вогнутолезвийное долото (рис. 3: 10) и фрагмент стрелчатой пластины ($7,6 \times 2,2 \times 0,4$ см) с ретушью утилизации придают своеобразие всему комплексу и, что вполне возможно, являются хронологическим показателем. Аналогии двойным орудиям есть в памятниках мадленской культуры (Абрамова и др. 1997: 60, 61). Разнообразие типов заготовок известно на стоянках Золоторучье I в Ярославской области (Жилин

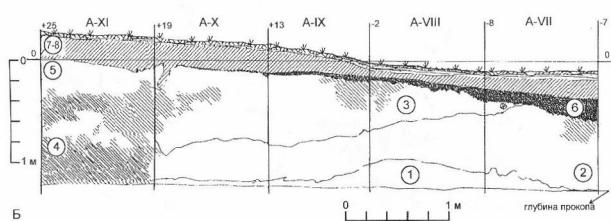
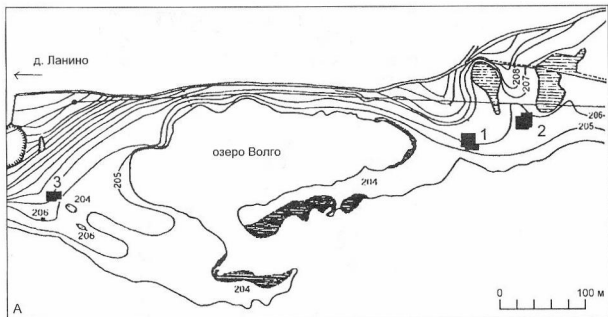

Рис. 2. А – Топографический план стоянок на северном берегу оз. Волго в Тверской области: 1–3 – раскопы: 1–2 – Подол III; 3 – Баранова Гора.

Б – Разрез восточной стенки стоянки Баранова гора. Условные обозначения: 1 – песок рыжевато-бурый, однородный, мелкозернистый; 2 – песок рыжевато-желтый, с потеками органического вещества и белесыми пятнами; 3 – песок однородный, желтый, мелкозернистый, окрашенный местами гумусом в серый цвет; 4 – песок серого цвета, гумусированный, с включениями угольков; 5 – желто-серый мелкозернистый песок с потеками гумуса; 6 – темно-серый гумусированный песок, погребенная почва; 7–8 – дерн, слой современной почвы, серый гумусированный песок.

Fig. 2. А – Topographical plan of the sites on the northern banks of Lake Volgo, Tver Oblast.

Б – Section of the eastern edge of the site of Baranova Gora. Notations: 1 – reddish-brown homogeneous fine-grained sand; 2 – reddish-yellow sand with runnels of organics and whitish spots; 3 – homogeneous fine-grained yellow sand, in places grey due to humus contents; 4 – grey sand, humus-containing with inclusion of small pieces of charcoal; 5 – yellow-grey fine-grained sand with runnels of humus; 6 – dark-grey humus-containing sand, buried soil; 7–8 – turf, layer of modern soil, grey humus-containing sand.

2004: 94) и Вашана в Тульской области (Анисюткин 2002: 162). В целом, культурная принадлежность этого комплекса трудноопределима из-за малочисленности материала.

Напротив, коллекция из отложений дриаса II выразительна по составу орудий, технике расщепления и четко отличается от материалов ниже- и вышележащих аллередских отложений. Различия прослеживаются по виду используемого кремня, по размерам заготовки, а также в технике вторичной обработки и типологии орудий.

Расщепление кремня проводилось на стоянке, о чем свидетельствует состав коллекции: отбойники, ретушеры, первичные отщепы (97% находок связано с расщеплением кремня). Используемый кремь – серого цвета светлого тона с желтоватыми прожилками и желтым оттенком.

Нуклеусы представлены плосковыпуклыми призматическими (рис. 4: 13, 16) и торцовыми формами (рис. 4: 4), с которых получали пластинки (рис. 4: 15) длиной от 9 см (в начальной стадии расщепления) до 3,5 см. Основной тип заготовки – пластинка, длиной

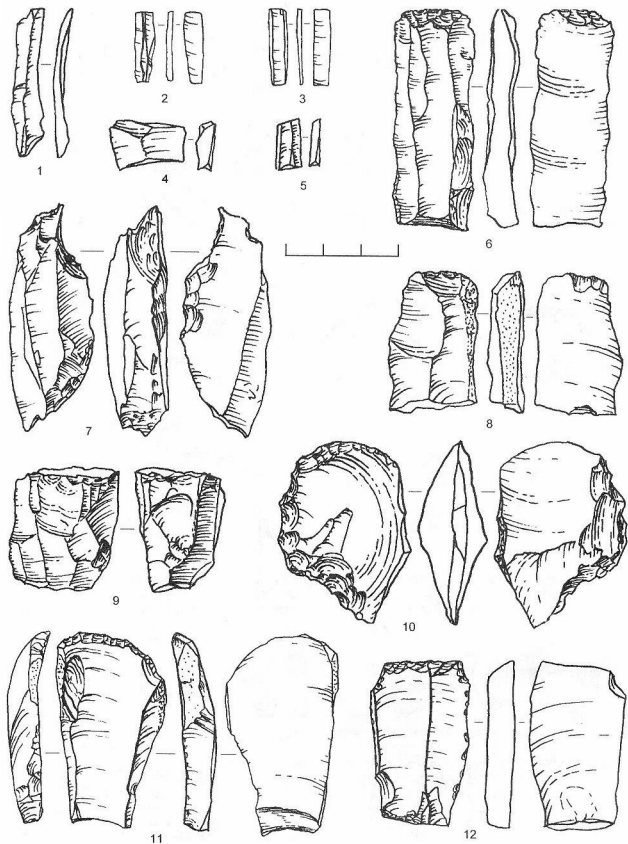

Рис. 3. Кремневый инвентарь из отложений бёллинга стоянки Баранова гора: 1-5 – микропластинки; 6, 8 – долотовидные орудия; 7 – проколка; 9 – нуклеус; 10-12 – скребки.

Fig. 3. Flint tools from Bølling deposits at the site of Baranova Gora: 1-5 – microblades; 6, 8 – scaled pieces; 7 – borer; 9 – core; 10-12 – end scrapers.

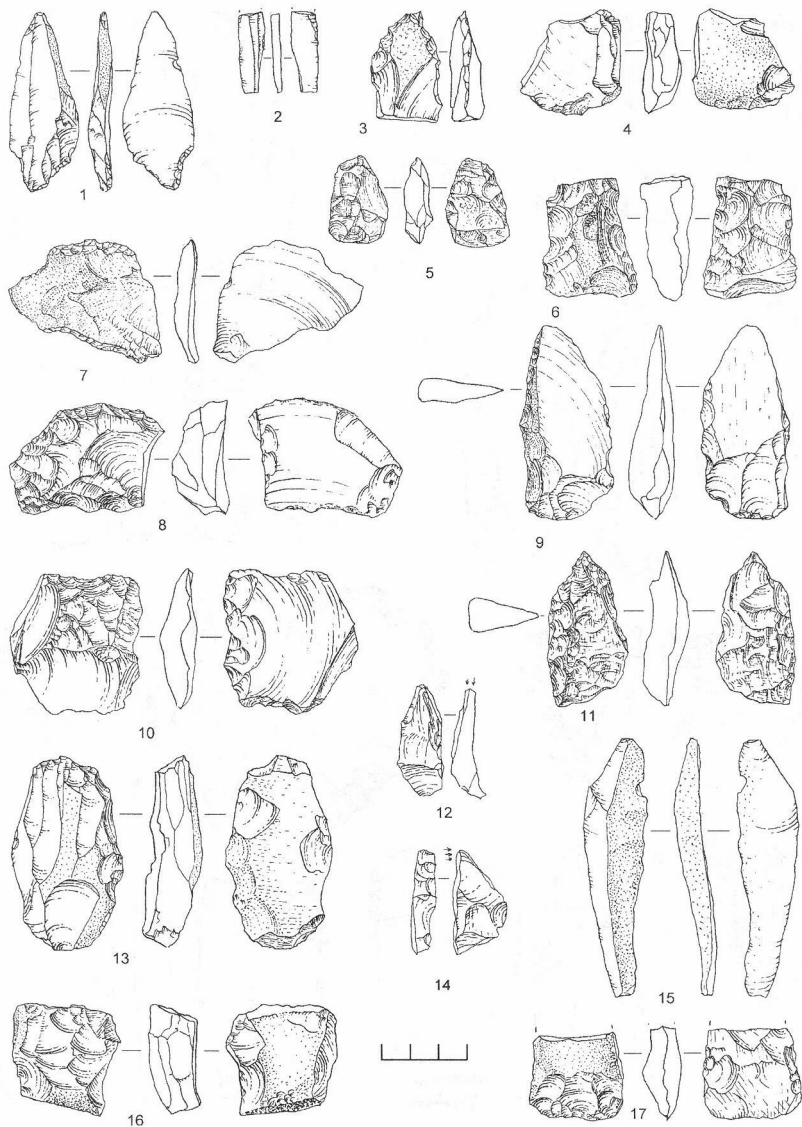

Рис. 4. Кремневый инвентарь из отложений дриаса II стоянки Баранова гора: 1 – наконечник стрелы; 2, 15 – пластинки; 3 – проколка; 4, 13, 16 – нуклеусы; 5, 6, 9, 11, 17 – тесла; 7, 8 – скребла; 10 – долотовидное орудие; 12, 14 – резцы.

Fig. 4. Flint tools from Dryas II deposits at the site of Baranova Gora: 1 – arrowhead; 2, 15 – blades; 3 – borer; 4, 13, 16 – nuclei; 5, 6, 9, 11, 17 – adzes; 7, 8 – scrapers; 10 – scaled piece; 12, 14 – burins.

3 см, шириной 1 см и толщиной 2 мм. В коллекции имеется один вкладыш с мелкой частичной красовой вентральной ретушью (рис. 4: 2). Судя по характеру заготовки, здесь применялся «мягкий» отбойник с пришлифовкой карниза. В коллекции присутствуют песчаниковые отбойники и гальки с пришлифованными плоскостями.

Для вторичной обработки коллекции Барановой горы характерен широкий охват ретушью и переоформление заготовки. Кроме единственного наконечника стрелы с коротким асимметричным приостренным черешком, подработанным плоской вентральной ретушью (рис. 4: 1), здесь найдены: резцы, скребки, скребла. Резцы (2 экз.) – двугранный и поперечно-лезвийный (рис. 4: 12, 14). Доминируют концевые скребки на пластинах. Яркое своеобразие инвентарю придают формы скребел и микротесел. Скребла (14 экз.) имеют зубчатые лезвия, оформленные ступенчатой дорсальной ретушью с широким охватом заготовки (рис. 4: 7, 8). Для многолезвийных скребел характерно сходжение лезвий под острым или прямым углом. Одно скребло, изготовленное на массивном отщепе, имеет негативы утончения заготовки, выполненные поперечно ориентированными рецзовыми сколами (рис. 4: 8).

Тесла (5 экз.) выделяются своими мелкими размерами (от 3 см до 7 см) и характером вторичной обработки (рис. 4: 5, 6, 9, 11, 17). Фрагменты тесел (2 экз.) представлены бифасиальными формами со слабоогнутыми лезвиями, плосковыпуклым поперечным сечением (рис. 4: 6, 17). Орудия по краям обработаны ретушью, сколы направлены от краев к центру. Целые экземпляры изготовлены на отщепе, имеют заостренный черешок (рис. 4: 9, 11), лезвие округлое или косое, обработанное двусторонней многоступенчатой ретушью. Яркой их чертой является наличие обуха на боковой стороне, который оформлен крутой ретушью, в результате чего поперечное сечение орудия становится асимметричным. Единичным предметом является проковка на кремневом осколке, асимметричное кльвовидное жальце которой выделено крутой красовой ретушью (рис. 4: 3).

Типологический анализ инвентаря из отложений дриаса II стоянки Баранова гора показывает сходство его с материалами стоянки Акулово.

Стоянка Акулово расположена на озере Удомля в Тверской области. В. В. Сидоров (Сидоров 1996) датирует стоянку Акулово в пределах 15–13 тыс. лет по уровню залегания в отложениях аллювия верхней озерной террасы. Дату 9990 ± 70 лет назад, полученную по углю из аллювия этой террасы, он считает омоложенной. Инвентарь стоянки Акулово и материалы из отложений дриаса II Барановой горы сопоставимы по технике плоско-торцового расщепления, характеру получаемой заготовки и вторичной обработки. Резцы, скребла, тесла стоянки Акулово (Сидоров 1996: 81, рис. 5: 34; 79, рис. 3: 11; 79, рис. 3: 12) имеют те же размеры и пропорции, что и орудия стоянки Баранова гора (рис. 4: 7–9, 12, 14). Сходство материальной культуры усиливает моносывьевая база, для стоянки Акулово – это белый окремненный изве-

стняк (Сидоров 1996: 86). По-видимому, памятники синхронны и относятся ко времени дриаса II (12,3–12,0 тыс. лет назад). Традиция использования одного вида сырья является хронологическим показателем и сохраняется на следующем временном отрезке – периоде аллерда (12,0–11,0 тыс. лет назад), наиболее полно исследованного на стоянке Подол III.

Коллекция стоянки Подол III выделяется по сырью, размерам заготовки, характеру вторичной обработки и типологическому составу орудий.

Поселение Подол III располагалось на узкой наклонной площадке между озером Волго и прилегающим коренным склоном, сложенным известняками карбонового возраста, на двух бортах древнего овражка (рис. 2 А, Б). Оно было исследовано двумя раскопами, расположенными на расстоянии 50 м друг от друга на правом (Подол III/1) и на левом его берегах (Подол III/2) (рис. 2А). Всего на стоянке вскрыто 353 кв. м: раскопом 1 – 166 кв. м. и раскопом 2 – 187 кв. м. (Синицына 1996).

Находки аллердского времени и времени дриаса III были зафиксированы на обоих участках поселения, но аллердский культурный слой сохранился только на участке раскопа 1 (Подол III/1), а времени дриаса III – только в конусе выноса селевого потока раскопа 2 (Подол III/2).

Кремневые изделия финальнопалеолитического облика, близкие по своим технико-типологическим характеристикам инвентарю культуры бромме-лингби, были приурочены к основанию песков и, вероятно всего, первоначально находились на поверхности погребенной почвы (слой II). По данным палинологического анализа, ей соответствует лесная растительность, сопоставимая с условиями конца аллердского межстадиала.

Частично сохранившийся культурный слой стоянок позволил применить палеомагнитный и геохимический методы, данные которых коррелируются с результатами сравнительно-типологического анализа материальной культуры и подтверждают аллердский возраст отложений.

Культурный слой финального палеолита на правом берегу овражка сохранил выраженную планиграфическую структуру в виде ряда бытовых объектов: жилища с углубленным основанием овально-вытянутой формы, с коридорообразным входом и очагом в центре; хозяйственных ям, «рабочей площадки», скопления мелких кальцинированных костей.

На раскопанном участке стоянки Подол III/2 культурный слой сохранился только в конусе выноса селевого потока. По спорово-пыльцевому анализу время формирования этих отложений было определено рамками дриаса III. Аллердская почва здесь не сохранилась. На вскрытом участке площадью 172 кв. м культурные остатки были представлены тремя скоплениями расщепленного кремня.

Важно отметить, что почти все орудия, включая наконечники стрел, были изготовлены из местного светло-серого кремня, который встречается в большом количестве на берегу в виде крупных желваков и плиток. Предметы из черного кремня – единичны.

В целом, на стоянке Подол III/1 найдено 163 нуклеуса, 49 из них – заготовки, отличающиеся массивностью, 18 нуклеусов сильно сработаны. Типологически они могут быть разделены на: призматические – 41 экз.; конусовидные – 24 экз.; плоскосторонние – 27 экз.; многоплощадочные – 17 экз.; клиновидные – 2 экз.; двугранные – 8 экз.; нуклеусы-резцы – 3 экз., нуклеусовые осколки – 8 экз.

В коллекции «рабочей площадки» преобладают нуклеусы одноплощадочного параллельного скальвания, с гладкими ударными площадками и углом расщепления около 80° . Снятые с таких нуклеусов широкие массивные пластины (рис. 5: 8–11, 15, 18) имеют выраженный ударный бугорок и мелкий отщепок на нем – признак использования «жесткого» отбойника. Отбойники (кремневый нуклеус и галька из твердой осадочной породы) имеют характерную заботность, выбоины и негативы снятий от контрдура (рис. 5: 19, 20). В материалах «рабочей площадки» есть нуклеусы с подбирающимися пластинами. Ремонтаж одного крупного ($11 \times 10 \times 10$ см) нуклеуса показывает последовательность расщепления кубовидного куска кремния односторонними параллельными сколами с гладкой площадки (рис. 5: 1–7). Техника редуцирования по краю ударной площадки и/или прищиповки края абразивом (Нехоршев 1999: 16) представлена на нуклеусах и на заготовках (рис. 5: 12–14, 16, 17).

Количественно в коллекции раскопа I преобладали нуклеусы призматической формы (41 экз.). Размеры заготовок варьируют в пределах 10 см, но есть и более крупные единичные экземпляры ($13,7 \times 8 \times 6,5$ см). Призматические (рис. 5: 17) и конусовидные (рис. 5: 12, 14, 16) нуклеусы представлены начальной стадией расщепления. Исходя из формы заготовки, мастер применял тот или иной прием ее обработки. Например, резцового скальвания, когда негативы одного снятия служили ударной площадкой для дальнейшего расщепления, или же прием ретуширования площадки. Такие нуклеусы: двугранные – 8 экз.; нуклеусы-резцы – 3 экз., клиновидные – 2 экз. – единичны (Синицына 1996: рис. 6: 1).

Для аллердского комплекса на стоянке Подол III/2 употреблялось то же сырье, что и у одновременного комплекса Подол III/1. Технология расщепления «жестким» отбойником характерна для обоих участков поселения. Всего на стоянке Подол III/2 найдено 78 нуклеусов и 7 преформ. Из них: конусовидные – 32 экз.; призматические двуплощадочные – 9 экз. Ряд нуклеусов имеет подправку тыльной поверхности поперечными сколами (Синицына 2000: рис. 4: 9). Расщепление производилось как с гладких, так и с подправленных ударных площадок. Различные формы нуклеусов являются отражением степени сработанности ядрищ. Ториовые нуклеусы (Синицына 2000: рис. 4: 10) здесь представлены единичными формами. Заготовки нуклеусов – массивные ($12 \times 14 \times 10$ см) желваки с ребром и одним-двумя негативами пластинчатых сколов (Синицына 2000: рис. 4: 8, 7).

Для следующего этапа развития подольской культуры, в период дриаса III, характерна пластина раз-

мерами: длина до 5 см, ширина 1,5–2 см, толщина до 0,5–0,7 см (рис. 6: 1–4). Состав сырьевой базы меняется, становится разнообразным.

Первичные сколы треугольного сечения, так же, как и ребристые пластины, более массивны. Их толщина составляет 1–1,5 см (рис. 6: 1, 3). Одной из характерных черт заготовки этого периода является наличие асимметрии в сечении. Использование «жесткого» отбойника подтверждается характерными признаками: наличием ударного бугорка с микроотщепком, размерной ударной площадкой (рис. 6: 5), глубокими негативами на остаточных формах нуклеусов (рис. 6: 6, 9). «Мягкий» отбойник также использовался, поскольку на ряде заготовок ударные площадки имеют точечную форму и «губу» (рис. 6: 4).

Круг материалов, сопоставимых с инвентарем стоянок Подол III, в последние годы был значительно расширен. Появились такие памятники, как Троицкое 3 (Ланцев, Мирещкий 1996), Усть-Тудовка I (Жилин, Крайнов 1991), Ладжикино 3 (Крайнов, Кононов 2002), Ростиславль (Трусов 2004), Теплый ручей 2 (раскопки А. В. Мирещкого, 1987 г.). Стоянки эпохи аллерда – дриаса младшего, объединенные сходством материальной культуры и территориальной близостью, было предложено выделить в подольскую культуру (Синицына 2000). Сырье, используемое на других стоянках культурной традиции бромеле, более разнообразно. Так, на стоянке Троицкое 3 (стоянка датирована на основании сравнительно-типологического анализа финальным палеолитом) доминирует коричневый кремль, сиреневый кремль представлен 62 предметами, предметы из черного кремня единичны (10 экз.) (Ланцев, Мирещкий 1996: 57). На стоянке Усть-Тудовка I, которая датируется дриасом III, использован местный кремль различного цвета и качества (Жилин 2004: 96). Стоянка Ладжикино 3, где зафиксировано использование разнообразного кремня, также датируется дриасом III (Крайнов, Кононов 2002: 135). Материалы стоянки Ростиславль датированы на основании сравнительно-типологического анализа (Трусов 2004). Инвентарь стоянки Теплый ручей 2 не опубликован. В целом получается, что в периоды дриаса II и аллерда доминирует моносиревая база, начиная с дриаса III, употребляемое сырье становится более разнообразным. Однако такие выводы можно считать предварительными.

Территория Валдая необыкновенно богата кремневым сырьем, его транспортировка в безкремневые зоны начинается в мезолите. Но уже в конце финального палеолита по материалам стоянок, датированных дриасом III, фиксируется употребление разнообразных видов кремня. В периоды мезолита–неолита использовали местное сырье из различных месторождений на Валдае. Найденные «клады», или как еще их называют «ранние наборы», свидетельствуют о подготовке к транспортировке (Синицына, Зарская 2002). Состав кладов является замкнутым комплексом и достоверно отражает хронологию одновременно используемого различного кремня. В этом плане показательными орудия из коричневого крапча-

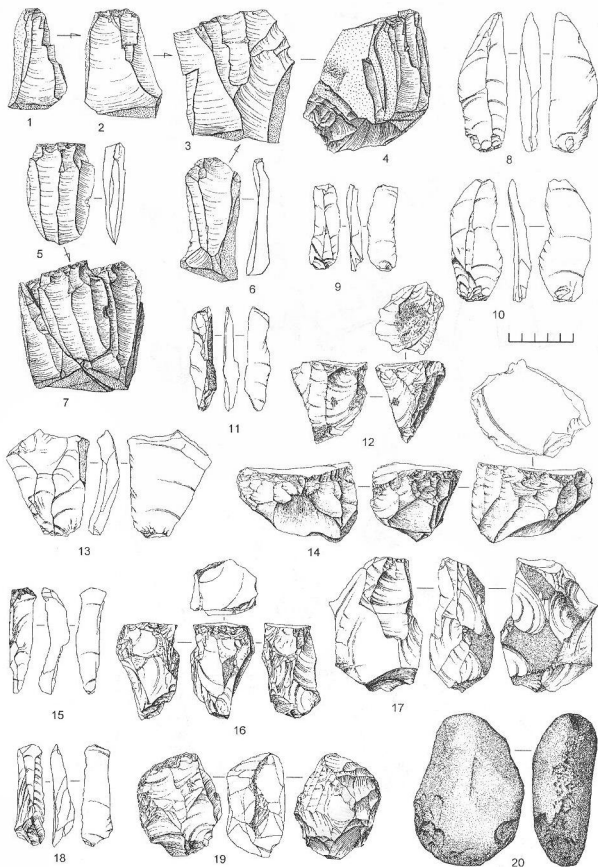

Рис. 5. Кремневый инвентарь из отложений аллерёда стоянки Подол III/1: 1-7 – ремонтаж нуклеуса и пластин; 8-11, 15, 18 – пластины; 12, 14, 16, 17 – нуклеусы; 13 – отщеп; 19, 20 – отбойники.

Fig. 5. Flint knapping technology of Podol III/1 (Allered epoch): 1-7 – refitting of a core and blades; 8-11, 15, 18 – blades; 12, 14, 16, 17 – cores; 13 – flake; 19, 20 – hammer-stones.

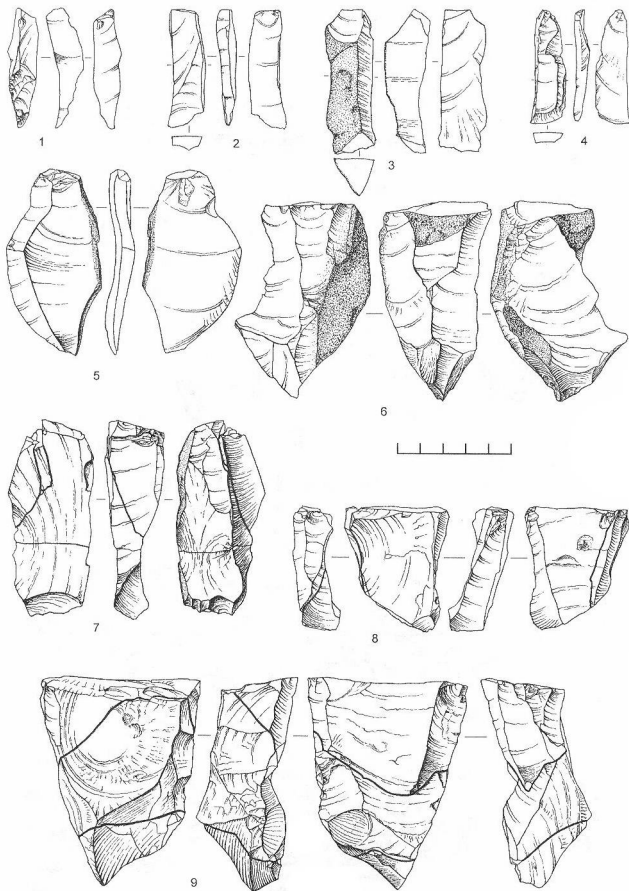

Рис. 6. Кремневый инвентарь из отложений триаса III стоянки Подол III/2: 1-4 – пластинки; 5 – пластинчатый отщеп; 6-9 – нуклеусы.

Fig. 6. Flint knapping technology of Podol III/2 (Dryas III epoch): 1-4 – blades; 5 – blade-flake; 6-9 – cores.

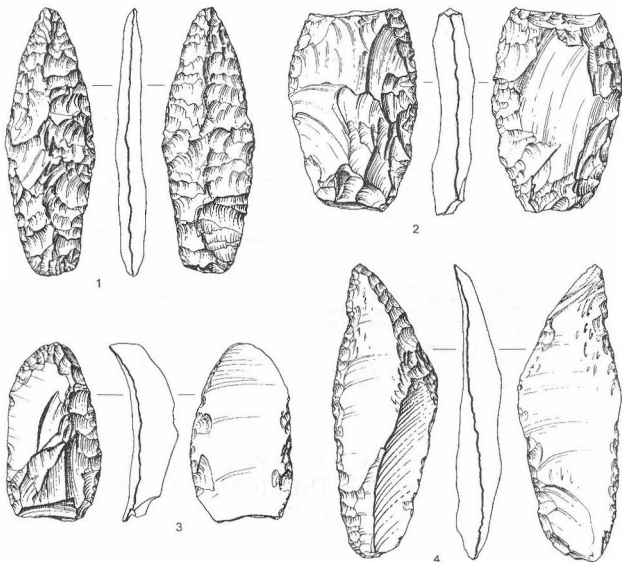

Рис. 7. Кремневый инвентарь энеолитического скопления стоянки Подол III/1: 1 – копьё; 2 – нож; 3 – скребок; 4 – скобель-ложкарь.

Fig. 7. Flint tools from the Eneolithic deposit at Podol III/1: 1 – dagger; 2 – knife; 3 – end-scraper; 4 – piece with convex retouched truncation.

того кремня, найденные в скоплении на стоянке Подол III/1, представляющие набор орудий, обработанных плоской ретушью: копьё, нож, скребок, скобель-ложкарь (рис. 7: 1–4). Аналогии этому инвентарю известны в материалах стоянок энеолита лесной зоны Восточной Европы (Воронин 1996: 319–331). Однообразное местное сырьё, типологически однородный состав орудий могут свидетельствовать о подготов-

ке к обмену уже готовыми предметами и, в целом, о распространении на Валдайской возвышенности высокоразвитой культуры энеолита, занимающейся обменом.

Смена ориентации населения на иные источники сырья является одним из показателей культурного различия и косвенным признаком для определения хронологии.

Абрамова и др. 1997 – Абрамова Э. А., Григорьева Г. В., Кристенсен М. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. СПб., 1997. Вып. 2.

Анисюткин 2002 – Анисюткин Н. К. Открытие палеолита в Тульской области // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб., 2002. С. 158–163.

Воронин 1996 – Воронин К. В. Стоянка Стан I и ее место в круге памятников энеолита – бронзового века Валдайской возвышенности и Верхнего Поволжья // ТАС. Тверь, 1996. Вып. 2. С. 319–331.

Гуськова и др. 2005 – Гуськова Е. Г., Распопов О. М., Иосифиди А. Г., Сеницына Г. В., Сеницын А. А. Палеомагнитные исследования отложений многослойной стоянки Подол III/1 на озере Волго в Тверской области // ТАС. Тверь, 2005. Вып. 6. С. 44–54.

- Добрецов, Коваленко 1995 – Добрецов Н. Л., Коваленко В. И. Глобальные изменения природной среды // Геология и геофизика. Новосибирск, 1995. Т. 36. № 8. С. 7–29.
- Жилин 2004 – Жилин М. Г. Мезолит Волго-Окского междуречья: некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004. С. 92–139.
- Жилин, Кравцов 1991 – Жилин М. Г., Кравцов А. Е. Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка I // Археология Верхнего Поволжья. Материалы к Своду памятников истории и культуры РСФСР. Нижний Новгород, 1991. С. 3–29.
- Зубаков 1986 – Зубаков В. А. Глобальные климатические события плейстоцена. Л., 1986.
- Кравцов, Конов 2002 – Кравцов А. Е., Конов С. Б. Стоянка Ладыжино 3 (предварительные результаты исследований 1999 и 2000 гг.) // ТАС. Тверь, 2002. Вып. 5. С. 127–136.
- Лаврушин и др. 2002 – Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А., Ходяковой Г. В. Календарно-событийная стратиграфия позднего неолита // Третье Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода. Смоленск, 2002. Т. 1. С. 143–145.
- Ланцев, Мирский 1996 – Ланцев А. П., Мирский А. В. Стоянка Троицкое 3 – один из древнейших памятников Тверской Поволжья // ТАС. Тверь, 1996. Вып. 2. С. 57–64.
- Нехорошев 1999 – Нехорошев П. Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб., 1999.
- Сидоров 1996 – Сидоров В. В. Мезолит бассейна р. Сьежи // ТАС. Тверь, 1996. Вып. 2. С. 75–92.
- Синицына 1996 – Синицына Г. В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях // Археологические изыскания ИИМК РАН. СПб., 1996. Вып. 39.
- Синицына 2000 – Синицына Г. В. Финальный палеолит и ранний мезолит – этапы развития матерьяльной культуры на Верхней Волге // ТАС. Тверь, 2000. Вып. 4. С. 61–71.
- Синицына 2005 – Синицына Г. В. Стоянки Верхней Волги – сезонные поселения охотников финала плейстоцена // Поздний палеолит северной Евразии: палеоэкология и структура поселений. СПб., 2005. С. 42–54.
- Синицына, Заречка 2002 – Синицына Г. В., Заречка Н. Е. О новой дате валдайской культуры // ТАС. Тверь, 2002. Вып. 5. С. 196–208.
- Синицына и др. 1997 – Синицына Г. В., Спиридонова Е. А., Лаврушин Ю. А. Природная среда и проблемы миграций человека на рубеже плейстоцена – голоцена на севере Русской равнины и в Скандинавии // Первые Скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997. С. 86–103.
- Синицына и др. 2005 – Синицына Г. В., Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А. Археологические материалы в позднеледниковых отложениях на северном берегу озера Волго в Тверской области // Квартер-2005. Материалы IV Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода: ТД. Сыктывкар, Республика Коми. 23–26 августа 2005 г. Сыктывкар, 2005. С. 400–402.
- Трусов 2004 – Трусов А. В. Финальнопалеолитическая стоянка Ростиславль (предварительное сообщение) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М., 2004. С. 42–52.
- Хаин 1994 – Хаин В. Е. Основные проблемы современной геологии (геология на пороге XXI в.). М., 1994.

RAW MATERIALS AS CHRONOLOGICAL INDICATIONS FOR THE STONE AGE SITES ON THE VALDAY HILLS

G. V. SINITSYNA

The development of the chronological scale for sites of the final Palaeolithic in the north-west of the Russian plain is as yet at its initial stage. Until recently, the main method of determination of the cultural and chronological belonging of the sites has been that of comparison. This level of the studies is determined mostly by the poor preservation of the habitation materials at final Palaeolithic sites owing to the soil erosion. The archaeological evidence of that epoch is represented most commonly by mixed complexes.

The significance of the sites of Podol III/1, Podol III/2 and Baranova Gora on the northern banks of Lake Volgo in Tver oblast is therefore due to the fact that cultural layers are partly preserved here: those of the late Bølling (phases of the Late Glacial increase in warmth; 12,800–12,300 b.p.), Middle Dryas, Allerød, Younger Dryas and Pre-Boreal. The dating of these layers by pollen analyses is confirmed by palaeomagnetic and geochemical studies and correlates well with the results of comparative typological analysis of the material culture. In each of the cultural levels, the use of only local Valday raw materials has been recorded.

The lower layer at the site of Baranova Gora is dated to the period of transition between the Pleistocene and Holocene (Bølling). During that period, diverse local raw materials were used. The flaking techniques by means of hard and soft hammers were fairly well developed. The commonest types of blanks were wide blades and microblades. The finds included combined tools. The highly developed blade industry links the site of Baranova Gora of the Bølling period with the sites of the transitional period in the Russian plain: Zolotoruchye I and Vashana.

The artefacts from the Dryas II deposits at the campsite of Baranova Gora present a new type of material culture in the microregion under consideration. Only one kind of flint was used here. Of the flaking technique the use of «soft» hammer is characteristic. The typical blanks were thin blades up to 1 cm wide, 1–2 mm thick and 3–6 cm long. For the secondary trimming, bifacial retouching of the most of a blank has been established. Tools with backs became widespread. Parallels are found among materials from the site of Akulovo in the Udomlya region, Tver oblast.

The Allerød and Dryas III periods are represented by artefacts of the Podolsk culture of the Bromme technocomplex (the Allerød deposits at the site of Baranova Gora and the sites of Podol III/1 and Podol III/2. The main type of blanks was blade with the length of 6–8 cm, width 2–2.5 cm and thickness up to 1 cm made with the hard-hammer technique. Tools from all sites of the Bromme-Lyngby technocomplex were manufactured using exclusively the local raw-material base.

The rise of migration processes at the turn of the epochs under conditions of sharp climatic changes is traceable throughout entire Europe including the Russian plain. In this connection of importance is the character of the raw materials used. At present, throughout the Valday area, making of tools only from the local flint has been recorded suggesting high adaptation abilities of the population here.

During the Mesolithic and Neolithic epochs, local raw flint from different Valday deposits was used. The diversity of the raw materials may be traced through the compositions of the «hoards» found at sites of the Mesolithic to Eneolithic periods. The so-called «tool-kits» (hoards) attest the transportation of flint and developed exchange.

An accumulation from the site of Podol III/1 contained tools made from the local raw material of a single type – brown spotted flint. This assemblage is of a fairly uniform composition and has parallels among materials of the Eneolithic site of Stan I. The latter fact suggests that on the Valday Hills an advanced Eneolithic culture was widespread which continued the exchange in raw materials started in the Mesolithic period.

ЖИЛИЩЕ 3 ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ПАВШИНО-2 НА РЕКЕ ЮГ: ТЕХНОЛОГИЯ КРЕМНЕОБРАБОТКИ

Н. Б. ВАСИЛЬЕВА, А. В. СУВОРОВ¹

Поселение Павшино-2 располагается на крупной острове в пойме правого берега р. Юг (бассейн р. Северной Двины – Белого моря). Поселение открыто и исследовалось в 1989–1995 гг. экспедицией НПЦ «Древности Севера» (г. Вологда) под руководством С. Ю. Васильева (Васильев 1995; Васильев, Суворов 2000). Здесь, в основном бору в 0,5 км к юго-западу от д. Павшино Великоустюгского района Вологодской обл., выявлены остатки пяти жилищ-полуземлянок, три из которых раскопаны (рис. 1). Жилищные впадины бессистемно расположены на протяжении 350 м вблизи края террасы, имеющей высоту 4 м над поверхностью прилегающей к ней заторфовой старицы и 8 м над современным межсезонным урезом воды в реке. По инвентарю и конструктивным особенностям жилищ установлена принадлежность оставившего памятник населения к кругу культур гаринско-борской общ., выявлены остатки пяти жилищ-полуземлянок, три из которых раскопаны (рис. 1). Жилищные впадины бессистемно расположены на протяжении 350 м вблизи края террасы, имеющей высоту 4 м над поверхностью прилегающей к ней заторфовой старицы и 8 м над современным межсезонным урезом воды в реке. По инвентарю и конструктивным особенностям жилищ установлена принадлежность оставившего памятник населения к кругу культур гаринско-борской общ.; вблизи рассматриваемых и некоторые материалы памятников Северо-Востока европейской части России (Суворов 1993; Васильев 1995: 55).

Характеристика жилища 3. В 1995 г. С. Ю. Васильевым исследована жилищная впадина № 3, находящаяся в центре поселения, в 40 м к югу от края террасы. Площадь раскопа, включающего жилищную впадину 3, и прилегающие к ней участки, разрушаемые при вывозе леса, составили 356 кв. м (Васильев, Паши, Суворов 1996). Культурный супесчаный слой мощностью до 0,8 м разбирался по литологическим слоям тонкими горизонтальными срезами лопатой и перебирался совками. Извлеченный грунт просеивался через грохот с ячеей 1,5 × 0,5 см. Заполнение очагов, ям и грунт нескольких наиболее насыщенных инвентарем участков котлована просеивались через сетку с размером ячеек 2 мм. Для хранения был взят весь собранный материал.²

Жилище 3 представляло собой полуземлянку. Ее котлован имел ровное дно, углубленное в материк на 0,2–0,5 м. Прямоугольная в плане постройка размерами 8,8 × 5,9 м была ориентирована длинной осью вдоль края террасы, по линии юго-запад-запад-северо-восток-посток. В котлован с узких торцов (с запада и востока) вели два траншеобразных входа неправильной конфигурации шириной до 1,1 м протяженностью 3,0 и 3,6 м соответственно. Площадь котлована жилища – 51 кв. м. На осевой линии постройки в центрах обеих ее половин располагались два очага – золистые линзы размерами 1,6 × 1,2 × 0,3 –

первая и 1,6 × 1,3 × 0,3 м – вторая, подстилаемые проколом мощностью 0,08–0,2 м. Об элементах несущих конструкций постройки можно судить по фрагментам древесного угля, лежащим горизонтально вдоль стенок котлована практически по всему его периметру. Возможно, стены представляли собой сруб. В жилище обнаружено несколько мелких комков красно-коричневой охры.

Жилище 3 поселения Павшино-2 можно охарактеризовать как насыщенный инвентарем самостоятельный жилой и хозяйственный комплекс, сформировавшийся в течение относительно непродолжительного времени. Коллекция инвентаря жилища насчитывает несколько более 30 тысяч единиц: многочисленные отходы кремневого производства, орудия из кремня, фрагменты керамики и развалы сосудов, единичные изделия из чистой меди. Абсолютное большинство находок сконцентрировано в жилищном котловане.

Задача статьи – охарактеризовать кремневую индустрию жилища. Коллекция кремневых артефактов насчитывает около 30 тыс. экземпляров общим весом 15,681 кг. Здесь отмечены лишь, что в жилище массово изготавливались наконечники стрел. Изготовление других орудий на отходах основного производства и отсутствие типологически выраженных серий, например, ножей и проколов, может рассматриваться как косвенное свидетельство широкого использования медных орудий.

Фрагменты керамики – вторая по численности категория находок в жилище 3, насчитывающая 910 фрагментов общим весом 3,863 кг. Из этого числа 310 фрагментов (34,1% общего числа) общим весом 2,281 кг (59% общего веса) отнесено к 23 сосудам, выделенным по комплексу признаков – орнаментации, профилировке венчика, толщине стенок, а также по характерным особенностям составления формочной массы, обработки поверхности и обжига. Остальные 600 фрагментов общим весом 1,582 кг не удалось отнести ни к одному из выделенных сосудов; это мелкие неорнаментированные фрагменты (Крутиков 2004). Анализ керамической коллекции позволяет утверждать, что на поселении Павшино-2 помимо жилищ существовали и какие-то достаточно значительные, но не выявленные раскопками объекты иного типа. Где-то за пределами жилища 3 происходила утилизация большей части фрагментов разбившихся сосудов (в жилище отложилось около

¹ Васильева Н. Б. – Россия. 160009. Вологда, ул. Путейская, 1. Областной центр детского-юношеского туризма и экстремный. Суворов А. В. – Россия. 160001. Вологда, ул. Челюскинцев, 12. Научно-производственный центр «Древности Севера».

² Коллекция инвентаря поселения Павшино-2 хранится в фондах ГУК «Великоустюгский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» (г. Великий Устюг Вологодской обл.).

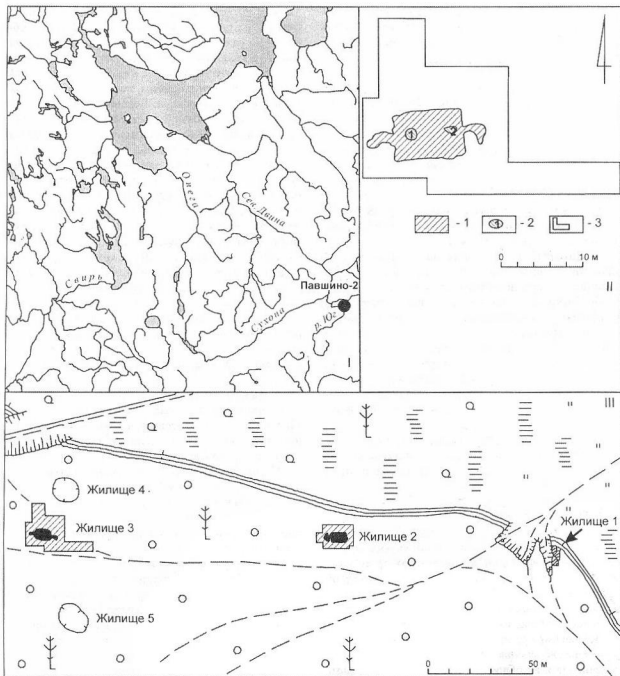

Рис. 1. Поселение Павшино-2, жилище 3. I – карта-схема расположения памятника; II – план расположения жилищных впадин на территории памятника; III – план-схема раскопа 1995 г. вокруг жилища 3.

Fig. 1. Site of Pavshino-2, Dwelling no. 3. I – schematic map of the situation of the site; II – plan of the arrangement of dwellings within the area of the site; III – schematic plan of the area excavated in 1995 around Dwelling no. 3.

1/10 части фрагментов). Возможно, эти предметы оказались рассредоточены в хозяйственных зонах, связанных с обработкой продуктов собирательства, рыбы или охотничьей добычи. В самом жилище выявлены свидетельства двух способов вторичного использования черепков керамики: как основы для тигля и как заготовки для орудий типа скребков.

Обитатели жилища 3 были знакомы со значительной частью арсенала методов передельной металлургии – плавкой меди, ее ковкой и резкой. В жилище 3

найлены несколько медных изделий: крупное долото (Васильев, Пагин, Суворов 1996: рис. 10), подвеска из круглой в сечении проволоки, скрученной в полтора оборота, шесть мелких фрагментов пластин, а также тигель, шесть фрагментов сосудов с прикипевшими к ним шлаками, кашля меди. Отметим, что в соседних жилищах (1 и 2) поселения обнаружены фрагменты тиглей со следами плавки меди, мелкие фрагменты медных изделий, 2 шила, проволока, нож (Пагин 1993: 44, 48; Васильев 1995: 54). Видимо, из-

делия изготовлены из «чистой» меди. Типологический анализ медных изделий позволяет говорить о принадлежности комплекса к гаринскому металлургическому очагу.

Для жилища 3 получены три радиоуглеродные даты (ВР – радиоуглеродных лет назад, некалиброванные): ГИН 6807 – 4180±120 (мелкие угли из западной части котлована), ГИН 6808 – 4000±100 (уголь бревна южной стенки), ГИН 6809 – 3920±110 (мелкие угли из заповедия очага № 1). Первая приведенная дата, имеющая наибольшую в серии достоверный интервал, представляется несколько удвоенной; две другие, связанные с важнейшими элементами конструкции жилища 3, лучше согласуются между собой и с датами трех других жилищ (Васильев, Суворов 2000: 24–25).³

Кремневые изделия и технология кремнеобработки. Подавляющее большинство артефактов жилища 3 – кремневые изделия и отходы кремнеобработки. Большая часть их была обнаружена в пределах котлована жилища. Очевидно, что почти вся производственная деятельность по изготовлению и использованию (кроме наконечников) каменных орудий была сосредоточена внутри жилища. Зафиксировано несколько крупных скопленных отходов производства, состоящих из тысяч мелких отщепов и чешуек, в которых находились также и части сломанных бифасов.

Жители Павшино-2 использовали кремневое сырье различных цветов, достаточно однородное по структуре. Например, готовые наконечники стрел (136 экз.) были изготовлены из кремня следующих цветов: серого (31,6%), коричневого (19,9%), желтого (17,6%), красного (15,4%), белого (11,8%), розового (1,5%), астрого (1,5%), бежевого (0,7%). В отношении подбора кремня по цветности четких закономерностей не выявлено. На некоторых артефактах присутствуют участки латинированной окатанной поверхности или слабо окатанная меловая корка. Источником сырья могли служить галечники, встречающиеся по берегам р. Юг.

Коллекция кремневых изделий может быть подразделена следующим образом: 136 законченных наконечников и их обломков, 84 предмета со следами использования, 191 обломок заготовок бифасов, 28 кусков кремня на начальной стадии обработки. Большинство кремневых изделий Павшино-2 было исследовано под бивокулярным микроскопом МБС-2 по методике трасологического анализа, разработанной С. А. Семеновым (Семенов 1957).

Наиболее весомо среди морфологически выраженных кремневых изделий в составе коллекции представлены наконечники стрел и их обломки (136 экз.). Подробная их характеристика будет представлена ниже, в связи с рассмотрением особенностей технологии изготовления тонких бифасов.

На втором по численности месте находятся скребки, их 57 экз. В данную категорию изделий объедине-

ны орудия, связанные с обработкой шкур животных. Все они изготовлены из отщепов и весьма разнообразны по размерам, расположению и конфигурации рабочего края. Следы изношенности у них располагаются на ретушированном участке и выглядят как скругленная в плане кромка, покрытая жирной проникающей заполировкой. Большинство скребков – концевые или боковые с прямым лезвием (рис. 2: 1–2); следующая по численности группа – концевые или боковые с выпуклым лезвием (рис. 2: 4, 6–7). Выделяется группа концевых скребков со скошенным рабочим краем (рис. 2: 5, 8). Присутствуют немногочисленные экземпляры орудий подпрямоугольной или подокруглой формы, обработанных ретушью на три четверти периметра. Следует отметить присутствие такого характерного типа орудия, как скребок с двумя смежными лезвиями, одно из которых оформлено со спинки отщепа, а другое – с брюшка (рис. 2: 3). Интересны три изделия, морфологически представляющие собой обломки недооформленных бифасов, одна из сторон которых была подправлена крутой ретушью и использовалась для очистки шкур от мездры (рис. 2: 15). Эти изделия отнесены к категории скребков на основании результатов трасологического анализа.

Пять изделий выполняли функции проколов при обработке шкур животных. Для этих целей использовались пластинчатые отщепы, чаще всего подработанные ретушью со стороны спинки в области жальца или по всему контуру (рис. 2: 9–11).

С обработкой мягких материалов (мяса, кожи) связаны еще три орудия. Это ножи, морфологически представляющие собой пластинчатые отщепы без ретушной подработки. Следы утилизации располагаются на одной из кромок изделия и представляют собой тонкую полоску слабой апрозрачной заполировки и легкую выкрошенность кромки. Вероятно, орудий, связанных с обработкой мясной добычи, на памятник больше, чем удалось выявить в ходе трасологического анализа. На результатах трасологического исследования сказались слабая выраженность следов изношенности и легкая заглаженность поверхности большинства артефактов.

Сверла, выявленные в количестве 5 экз., вероятно, не являются намеренно сделанными для данной операции орудиями. Морфологически они напоминают обломки недооформленных бифасов (рис. 2: 12). Судя по следам изношенности, все сверла использовались для обработки дерева.

Двусторонне обработанные обломки бифасов в начальной стадии обработки, при разломе получившие острые края, использовались и как резцы по дереву (рис. 2: 14).

Следы изношенности зафиксированы на нескольких отщепах, не имеющих ретушной подработки. Крупные пластинчатые сколы использовались как пилы, в одном случае – при обработке кости, в другом – дерева (рис. 2: 13).

³ Даты существования всех четырех датированных жилищ поселения Павшино-2 близки: 4020±50 (ГИН 8181, жилище 2), 3970±50 (ГИН 8179, жилище 1), 3900±80 (ГИН 8180, жилище 4). Приведены некалиброванные даты.

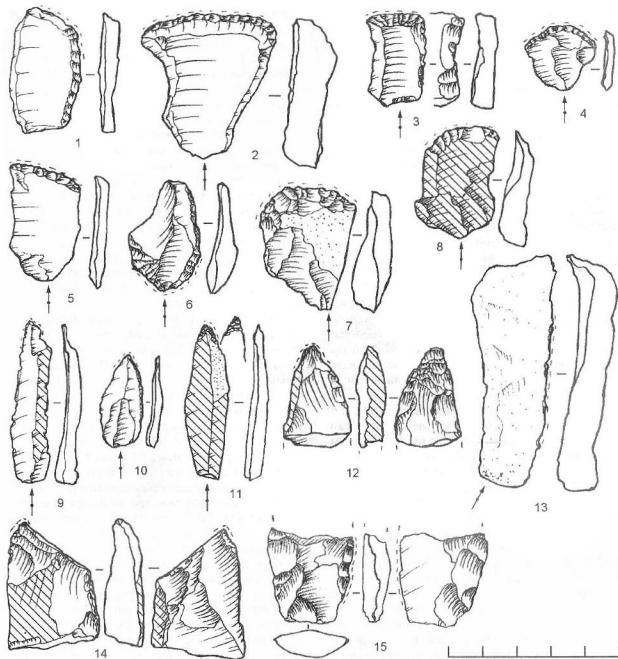

Рис. 2. Поселение Павшино-2, жилище 3. Кремневые орудия для обработки шкур: 1–8, 15 – скребки; 9–11 – проколки. Орудия для обработки дерева: 12 – сверло; 13 – пила; 14 – резец. Косой штриховкой обозначены сохранившиеся участки матовой преповерхности, сформированные до тепловой обработки заготовок.

Fig. 2. Site of Pavshino-2, Dwelling no. 3. Flint tools for working hides: 1–8, 15 – scrapers; 9–11 – borers. Tools for wood working: 12 – drill; 13 – saw; 14 – burin. Marked by oblique hatching are the preserved areas of the original mat surface formed before firing of the blanks.

Скобели для дерева или кости представлены 10 экз., это преимущественно массивные отщепы с крупной ретушью утилизации. Несколько орудий имеют и намеренно ретушированный выпуклый рабочий край.

Несмотря на ограниченность выборки орудий с сохранившимися следами использования, можно констатировать, что в жилище 3 велись разнообразные хозяйственно-бытовые операции. Типологически выразительных орудий немного. Намеренно изготов-

ливались только скребки, проколки, некоторые скобели. Но даже эти орудия не имеют выраженных стандартов в форме и размерах, типе заготовки. Исключение в этом отношении составляют лишь пять проколок, выполненных на пластинчатых сколах. Остальные орудия не образуют устойчивых морфологических серий и являются приспособленными отходами основного кремневого производства.

Технология изготовления тонких бифасов. Кремневая технология Павшино-2 была ориентиро-

вана главным образом на производство тонких бифасов: наконечников стрел, дротиков, ножей. Следов какого-либо иного производства (например, массового изготовления стандартных сколов-заготовок) не зафиксировано. Технологический анализ индустрии Павшино-2 ставил задачей выявление характерных последовательных стадий изготовления тонких бифасов и технических приемов их обработки. Материалом для реконструкции послужили многочисленные неоконченные по разным причинам изделия и огромное количество связанного с их производством дебритажа.

К готовым изделиям нами отнесены те бифасы и их обломки, поверхность которых полностью покрыта струйчатой ретушью; они имеют линзовидное сечение и определенную правильную форму. В единичных случаях заготовка не требовала полной двусторонней обработки поверхности ретушью, и требуемая форма достигалась лишь ретушированием краев (рис. 3: 7). Среди готовых целых изделий или таких, которые удалось склеить из частей, насчитывается 22 наконечника. Они сгруппированы по типам в зависимости от формы пера и особенностей оформления основания. Среди треугольных в плане наконечников имеется 13 с прямым основанием (рис. 3: 1-4; 9, 10) и 9 имеющих выемку в основании (рис. 3: 5, 11). Одно листовидное в плане изделие (рис. 3: 6) типологически можно было бы отнести и к ножам. Остальные наконечники дошли до нас в виде обломков различных частей изделия: 48 – обломки пера, 10 – медиальной части и 56 – обломки оснований. Обломков наконечников с прямым основанием – 41, с выемкой в основании – 13; присутствуют и 2 обломка подокруглых оснований.

Крайние показатели размеров бифасов таковы: длина (у целых экземпляров) варьирует в пределах от 22 до 50 мм, ширина – от 8 до 30 мм, а толщина – от 1 до 10 мм. Средние размеры наконечников: длина – 36 мм, ширина – 16 мм, толщина – 4 мм. Ширина измерялась в области основания, а толщина – в средней части изделия. Показатели толщины, ширины и длины целых изделий отражены в диаграмме (рис. 5). Подавляющее большинство изделий имеет толщину в пределах 3–4 мм, а ширину в области основания от 12 до 18 мм. Наиболее стабильны показатели толщины и ширины изделий, наиболее вариативна длина. Существенные отклонения от средних показателей выявлены лишь у нескольких экземпляров орудий. Промеры наконечников показали высокую степень стандартизации изготавливаемого производства.

Рассмотрим особенности технологического процесса изготовления тонких бифасов в жилище 3. Первым этапом нужно считать получение скола-заготовки. Эта стадия не всегда рассматривается при реконструкции палеотехнологии изготовления бифасиальных изделий. Однако уже на этом этапе работы присутствует целоеполагание: полученная заготовка должна быть пригодна для последующих операций уплощения и/или придания конечной формы, следовательно, должна обладать определенными про-

порциями и необходимой толщиной. Заготовкой для будущих бифасов служили сколы, намеренно произведенные с больших кусков галечникового кремня (рис. 4: 2, 5, 7). Небольшая часть двусторонних заготовок сохраняет галечную корку или окатанную поверхность на обеих сторонах, следовательно, в ряде случаев заготовкой служили подходящие по размерам кремневые плитки.

Обломки недоформленных бифасов, сломавшиеся на стадии уплощения заготовки крупными сколами, составляют весьма значительную часть коллекции – 24%. Обломки заготовок бифасов достигают ширины 4 см (преимущественно – 2,5–3,0 см) при толщине до 3 см (преимущественно – 0,7–0,8 см). Поперечное сечение типичных заготовок имеет очертания близкие к трапеции (рис. 4: 1, 3), а порой и к прямоугольнику (рис. 4: 6, 7, 8). Обитателей Павшино-2 не смущало отсутствие у заготовки линзовидного сечения. Своеобразие этих заготовок не может быть оставлено без рассмотрения. Считается, что для удачной обработки тонкого бифаса необходимо, чтобы его заготовка имела две поверхности с ровным рельефом и ребро между ними по всему периметру (Гиля 1997: 158). Но в технологии Павшино-2 значительная часть заготовок бифасов изначально не имела ребра. Игнорировалось одно из основных правил изготовления тонких бифасов: наличие у предмета расщепления ребра по всему периметру! Скалывание отщепов с заготовки будущего бифаса мастеру приходилось вести с угла в 90° или близкого к нему. Экспериментальное изготовление тонких бифасов показало, что подобные «неправильные» заготовки часто раскалываются надвое при процедуре уточнения (Гиля 1997: 158); наблюдается такой дефект расщепления, как «ныряние» скалывающей в глубь куска кремня, приводящее к возникновению депрессии (залома) или трещины. Однако значительное количество нелинзовидных в сечении заготовок в сравнении с общим количеством недоформленных наконечников свидетельствует о наличии на Павшино этого специфического технологического стандарта. Такая деталь начальной формы заготовки, как боковая плоскость, составляющая с фасом угол около 90°, сохраняется порой на практически доработанных наконечниках. Например, обломок прямого основания, изображенный на рис. 3: 12, сломался на стадии обработки отжимной ретушью по двум плоскостям. Размеры бифаса практически достигли среднего показателя: ширина составляет 2 см, толщина в средней части – 5 мм, то есть изделие практически оформлено, но поперечное сечение бифаса все еще сохраняет контуры, близкие к треугольнику.

Реконструируем весь процесс обработки – от подбора начальной заготовки до оформления поверхности бифаса отжимной ретушью – на примере одного из ремонтжей (рис. 4: 6). Складень состоит из обломка основания наконечника, оформленного практически до готовности (рис. 4: 6б, 6е), и подберирующегося к нему обломка, оставшегося на предыдущей стадии изготовления (рис. 4: 6а, 6в, 6д). Заготовкой для бифаса послужила окатанная водой

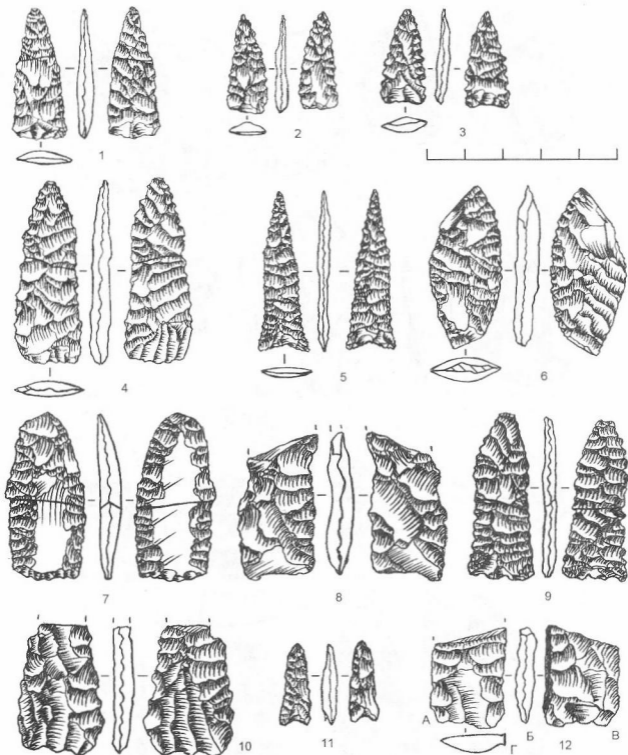

Рис. 3. Поселение Павшино-2, жилище 3. Тонкие кремневые бифасы: 1-5, 9, 11 – наконечники стрел; 6 – нож (?); 7, 8, 10, 12 – заготовки наконечников стрел. Косой штриховкой обозначены сохранившиеся участки матовой пренюзерности, сформированные до тепловой обработки заготовок.

Fig. 3. Site of Pavshino-2, Dwelling no. 3. Thin flint bifaces: 1-5, 9, 11 – arrowheads; 6 – knife (?); 7, 8, 10, 12 – blanks from which arrowheads could be made. Marked by oblique hatching are the preserved areas of the original mat surface formed before firing of the blanks.

плитка кремня. Выбранная заготовка не имела ребра по периметру, ее поперечный разрез имеет практически прямоугольные очертания (рис. 4: бж). Начальное уплощение/уточнение заготовки было про-

изведено только с одной стороны в одном направлении крупными сколами, большая часть из которых имеет петлеобразное окончание (рис. 4: бд). Толщина заготовки составляет 15 мм (рис. 4: бв), а

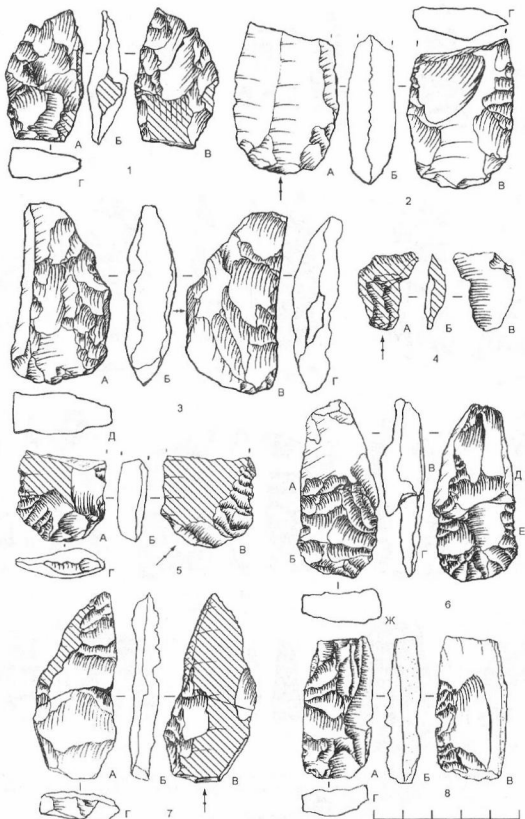

Рис. 4. Поселение Павшино-2, жилище 3. Отходы производства тонких бифасов: 1–3, 5, 7, 8 – заготовки, оставленные на различных стадиях обработки; 4 – отщеп, снятый с прокаленной заготовки; 6 – ремонтаж сломанной заготовки наконечника. Косой штриховкой обозначены сохранившиеся участки матовой преповерхности, сформированные до тепловой обработки заготовок.

Fig. 4. Site of Pavshino-2, Dwelling no. 3. Debris left from the manufacture of thin bifaces: 1–3, 5, 7, 8 – blanks left at different stages of manufacture; 4 – a flake chipped from a fired blank; 6 – refitting of a broken blank for a point. Marked by oblique hatching are the preserved areas of the original mat surface formed before firing of the blanks.

максимальная толщина той части изделия, которая обработана двусторонней отжимной ретушью, – 7 мм (рис. 4: 6г). На профиле складня видно, что удаление основного объема сырья производилось преимущественно с одной стороны; противоположный фас был лишь слегка подкорректирован. Большая часть материала удалена отжимом с той же стороны, которая изначально подрабатывалась крупными снятиями. Перед нами пример конкретно-ситуационного расщепления, когда морфология предмета расщепления диктовала определенную последовательность и технологию обработки. Данное изделие сломалось в процессе отжимного уточнения в том месте, где петлеобразное окончание отщепы, снятого на первом этапе обработки, создало наиболее глубокую депрессию и, возможно, внутреннюю трещину. Рассмотренный пример не может служить для исчерпывающей характеристики технологических приемов работы по изготовлению тонких бифасов уже в силу своей неудачности: перед нами пример технологической ошибки. Однако последовательность действий древнего мастера прослеживается четко. В частности, фиксируются два этапа уплощения: первичное (ударным способом) и вторичное (отжимом мелких чешуек).

К интересным деталям оформления некоторых бифасов нужно отнести так называемую пыльчатую ретушь. Изделия с пыльчатым краем отмечены на многих поселениях гаринско-борского круга, исследователи даже выделяют специальный подтип или группу таких наконечников. На поселении Павшино-2 нет ни одного целого готового изделия, на котором расстояние между зубцами ретуши превышало бы 2 мм, а сами зубчики выступали бы за основной контур изделия более чем на 1 мм. Между тем сломавшиеся в процессе обработки изделия зачастую демонстрируют крупную пыльчатую ретушь, с выступающими до 2 мм зубцами и большим расстоянием между ними (рис. 3: 10). Разумно предположить, что крупная пыльчатая ретушь – лишь необходимый технологический этап в доработке поверхности бифаса. В ряде рассмотренных нами случаев снятие микроскопических чешуек с ребра производилось сначала с одного фаса по всей поверхности. При этом каждая последующая чешуйка снималась на некотором удалении от предыдущей, так, что между негативами микроснятий оставалось межфасеточное ребро, часто с карнизом в области устраненного ударного бугорка. Серия таких снятий формировала характерный зубчатый контур края бифаса. Технологический смысл этого этапа обработки заключается в том, что сформированные зубчики являются удобными площадками для упора отжимника и отделения тонких чешуек при дальнейшем уточнении орудия. Оформлением крупных зубчиков на ребре бифаса мастер добивался выделения участка будущего снятия и тем подготавливал эффективное устранение ненужного объема сырья. Крупные «зубцы» на подобных недоформленных бифасах можно определить как намеренно подготовленные изолированные зоны отжимного расщепления.

На всех готовых тонких бифасах Павшино-2 ретушь покрывает обе стороны готового изделия. Типологически ретушь можно охарактеризовать как трансмедальную, то есть проходящую через середину изделия. Заметно стремление мастера довести фасетку ретуши максимально далеко от края бифаса (рис. 3: 4–6, 8–10).

Тепловая обработка кремня. Технология изготовления тонких бифасов на поселении Павшино-2 имеет еще одну важную особенность, на которой следует остановиться подробнее. На многочисленных обломках незавершенных бифасов зафиксировано сочетание участков матовой «преповерхности» заготовки и глянцевого блеска в местах негативов последующих снятий. На публикуемых иллюстрациях (рис. 2–4) сохранившиеся на изделиях участки преповерхности показаны наклонной штриховкой. Многие законченные изделия Павшино-2 имеют характерную блестящую поверхность негативов ретуши. Перечисленные признаки позволяют говорить о применении древним мастером тепловой подготовки кремня к расщеплению (Гиля 1997: 52–53).

Определить, на какой стадии обработки происходило прогревание сырья, помогло изучение отходов производства. Наиболее информативными в рассматриваемом отношении оказались сломавшиеся в процессе изготовления двусторонние изделия (производственный брак), которые сохранили на не вполне обработанных участках остатки преповерхности. При удачном завершении обработки и полном оформлении предмета ретушью с обеих сторон преповерхность полностью устранялась. В этом случае остается лишь констатировать наличие характерного для прокаленного кремня маслянистого блеска на всей поверхности изделия.

В неолитической кремневой индустрии Павшино-2 в роли преповерхности в ряде случаев выступает брющко массивного отщепы с хорошо выраженным бугорком (рис. 4: 5), иногда – дистальный участок крупного скола (рис. 4: 7) или уже обработанная крупными сколами поверхность заготовки (рис. 4: 1). На отщепе, чья спинка сохраняет структуру преповерхности, а брющко имеет характерный маслянистый блеск, дорсальная поверхность обычно состоит из негативов предшествующих прогреву снятий (рис. 4: 4). Иногда такие отщепы использовались и для производства других орудий, например скребков (рис. 2: 8).

Чаще всего прокалывание заготовки производилось после первоначального ее уплощения обивкой. Собственно тепловая обработка осуществлялась, вероятно, путем помещения заготовки под коstruction на определенный срок. После извлечения прокаленного заготовки и охлаждения производилась доработка ее поверхности. Как показывает состав отходов, производилось и удаление довольно крупных кусков, и обработка отжимной ретушью.

Сочетание различных по структуре поверхностей, свидетельствующее о применении теплового воздействия, отмечено также и на достаточно крупных кусках кремня. Можно полагать, что не существова-

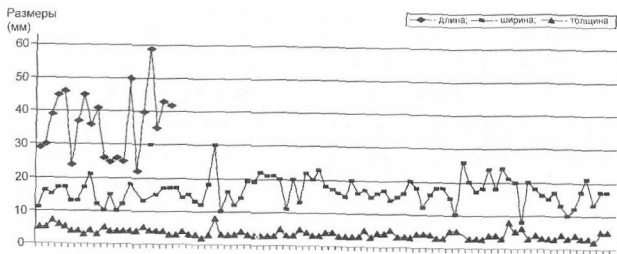

Рис. 5. Поселение Павшино-2, жилище 3. Диаграмма соотношения толщины, ширины и длины веселых наконечников стрел и обломков их оснований.

Fig. 5. Site of Pavshino-2, Dwelling no. 3. Diagram of the ratio between the thickness, width and length of complete arrowheads or fragments of their bases.

ло жестких правил, определяющих место тепловой подготовки в процессе кремнеобработки. Прокаливались как крупные куски перед получением сколов-заготовок, так и уже уплощенные одно-двусторонней обшивкой заготовки. Поскольку процесс прогрева кремня требовал оврежденного времени и, возможно, особого режима поддержания огня, в очаг помещался набор заготовок, в разной степени оформленных мастером к моменту начала прокаливания.

В настоящее время примеры тепловой подготовки кремня к расшилению зафиксированы в различных по географическому и хронологическому положению каменных технологиях. В частности, отмечены они на материалах родственной технологии производства тонких бифасов на поселениях эпохи бронзы Черная Речка 1 и 2 в соседней Архангельской области (Гиря 1994: 173) и на 5 памятниках от мезолита до энеолита в Вологодской области (Васильева, Суворов 2005). На наш взгляд, изучение традиций тепловой подготовки кремня к расшилению дает дополнительные возможности для выявления преемственности и контактов археологических культур. Внимание исследователей к этому аспекту древних технологий пока недостаточно.

Общая характеристика технологии производства тонких бифасов Павшино-2. Все продукты расщепления, собранные в жилище 3, были взвешены по категориям. Общий вес использованного кремневого сырья составляет 15,681 кг. Все готовые бифасы и их обломки весят 0,459 кг (2,9% общей массы кремня). 2,688 кг сырья (17,3%) было выбраковано на стадии черновой обработки поверхности бифаса. На долю крупных отщепов и изготовленных из них орудий приходится 71,6% использованного кремня, крупные куски кремня весят 1,290 кг (8,2%). Рассматривая соотношение веса этих групп изделий, нельзя забывать, что значительная часть готовых наконечников использовалась за пределами поселе-

ния и, скорее всего, была утрачена. Характеристика материалоемкости производства оказывается очень интересной: куски кремня на начальной стадии обработки весят от 40 до 110 г, а вес готовых наконечников колеблется от 5 до 10 г. Очевидно, что огромная часть сырья уходила в отходы (вспоминается поговорка: «все равно, что из бревна сделать карандаш»). Мелкие кремневые отщепы и чешуйки численно составляют большую часть артефактов жилища. Это обстоятельство указывает, что основная масса сырья уходила в отходы на окончательной стадии доработки поверхности бифаса отжимной ретушью. Одновременно последнее обстоятельство нужно рассматривать и как свидетельство масштабного производства тонких бифасов в данном жилище.

Технология производства тонких бифасов на поселении Павшино-2 предстает в виде цепочки следующих производственных операций. Первым этапом было получение скола-заготовки или подбор естественной кремневой плитки подходящей формы. Особенностью технологии Павшино-2 является то, что заготовки часто имели нелинейное сечение. Утверждать, что на складывании этой особенности технологии в первую очередь сказались состояние сырьевой базы, некорректно, так как наряду с плитчатыми отдельностями сырья на поселении найдены и крупные куски кремня, пригодные для получения массивных отщепов нужной морфологии. Специфический подбор заготовок приводил к тому, что уже на втором этапе процесса (при первичном уточнении) часть их выбраковывалась из-за возникающих депрессий и трещин. В случае удачно проведенной процедуры достигалось устранение лишней массы сырья обшивкой с одной или двух сторон. Чаще всего после этого производилось прокаливание заготовки в золе очага. Следующие процедуры включали как доработку формы ударным способом, так и отжимное уплощение бифаса. Весь технологический процесс, по сути своей стадийный, включал элементы

конкретно-ситуационного расщепления на каждом из этапов.

Многоэтапность процесса и высокие требования к стандартности конечной продукции приводили к получению большого количества производственного брака. В частности, древнему мастеру не всегда удавалось контролировать влияние термической обработки на заготовки. Множество изделий было оставлено незаконченным или оказалось сломанным при обработке из-за характерных термических трещин, образовавшихся при прокаливании заготовок. К тому же прокаленные куски кремня вместе с повышением однородности структуры приобретали и дополнительную хрупкость, легче раскалывались при сильном давлении отжимника на край. Характерно, что основным дефектом, зафиксированным на по-

следней стадии обработки орудия, является поперечная трещина, раскалывающая бифас на две части. Таким образом, индустрия Павшино-2 выглядит не слишком продуктивной, даже неэкономной. Но, видимо, у обитателей поселения рассмотренные технологические операции не вызвали затруднений и не требовали больших временных затрат. Изготовленные из отходов основного производства орудия, в частности проколки и ножи, сделанные из пластинчатых отщепов, свидетельствуют о знакомстве древних мастеров и с принципами параллельного расщепления, с возможностями пластинчатого производства, гораздо более экономичного и продуктивного в отношении использования сырья. Но, вероятно, культурные традиции диктовали обитателям Павшино-2 специфические технологические нормы.

Васильев 1995 – *Васильев С. Ю.* Древние стоянки местечка «Борок»: Поселение Павшино-2 // *Великий Устюг: Краеведческий альманах*. Вологда, 1995. Вып. 1. С. 43–56.

Васильев, Папин, Суворов 1996 – *Васильев С. Ю., Папин И. В., Суворов А. В.* Исследования центра «Древности Севера» // *АО 1995 года*. М., 1996. С. 29–31.

Васильев, Суворов 2000 – *Васильев С. Ю., Суворов А. В.* Новые материалы к археологической карте долины реки Юг (по итогам работ Югского археологического отряда ИИЦ «Древности Севера») // *Великий Устюг: Краеведческий альманах*. Вологда, 2000. Вып. 2. С. 5–31.

Васильева, Суворов 2005 – *Васильева Н. Б., Суворов А. В.* Применение тепловой подготовки кремня к расщеплению на стоянках каменного века Вологодской области (по материалам мезолитических стоянок Молого-Шекснинского междуречья и неолитического поселения Павшино-2) // *Европейский Север в судьбе России: Общее и особенное исторического процесса*. Вологда, 2005. С. 26–32.

Гира 1994 – *Гира Е. Ю.* Тепловая обработка кремнистых пород и способы ее определения в археологических материалах // *Экспериментально-археологические исследования в археологии*. СПб., 1994. С. 168–174.

Гира 1997 – *Гира Е. Ю.* Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макронализа древних орудий труда. СПб., 1997.

Крутиков 2004 – *Крутиков М. А.* Древняя керамика с берегов реки Юг (по материалам поселения Павшино-II) // *Великий Устюг: Краеведческий альманах*. Вологда, 2004. Вып. 3. С. 20–34.

Папин 1993 – *Папин И. В.* Находки палеометалла в долине р. Сухоны // *Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПИ*. Вологда, 1993. Вып. 1. С. 43–50.

Семенов 1957 – *Семенов С. А.* Первообытная техника // *МИА*. М., 1957. № 54.

Суворов 1993 – *Суворов А. В.* Павшино II – памятник гаринского времени в долине реки Юг // *Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПИ*. Вологда, 1993. Вып. 1. С. 50–56.

DWELLING NO. 3 AT THE ENEOLITHIC SETTLEMENT OF PAVSHINO-3 ON THE YUG RIVER: TECHNOLOGY OF FLINTWORK

N. B. VASIL'eva, A. V. SUVOROV

Flint is among the minerals most widely used throughout the entire Stone Age by populations of the European forest zone. Various methods of working flint were employed having in no way been limited by any techniques of mechanical treatment of the blank. A specific approach for working raw flint included its thermal pretreatment for easier flaking. Such a method was practised by Eneolithic population of the site of Pavshino-2.

This site, situated in the valley of the Yug River (Velikoustyugsky region of Vologda Oblast), was discovered and investigated in 1989–1995 under the direction of S. Yu. Vasil'ev by an expedition of the Science and Production Centre «Antiquities of the North» (city of Vologda). At the settlement, the remains of five semi-dugout

dwellings were found, three of which have been excavated. On the basis of the artefacts and construction peculiarities of the dwellings, the population that left this site has been attributed to the Garinsko-Borskaya circle of cultures. In this paper we discuss the assemblage of flint objects yielded by excavation of Dwelling no. 3 in 1995. The collection of artefacts from that semi-dugout comprises over 30 thousand items: flint tools and numerous debris from their manufacture, fragments of porous ceramics, accumulations of crashed pottery, and occasionally objects made from pure copper. Three radiocarbon dates have been obtained for Dwelling no. 3, but only two of them are acceptable: 4000±100 and 3920±110 BP (uncalibrated).

The flint industry of Pavshino-3 was oriented mainly toward the production of bifacial objects (arrowheads, dart-heads and knives) in the technique of bifacial pressure-flaking. The predominant majority of these tools show traits peculiar to thermal pretreatment of the raw material. Examination of numerous finished tools and those left for some reasons unfinished, as well as of the abundant debitage related with their manufacture, has enabled us to reconstruct roughly the process of making bifaces and to establish at what stage the heating of flint took place.

The blanks used for making bifaces in the Eneolithic industry of Pavshino-2 were primary flakes specially pro-

duced from large flint pebbles (stage 1). These were then flattened by preparatory flaking (stage 2). Occasionally, these bifacial blanks retained their crust on both sides. Hence, in some cases flint bars of suitable size were used as blanks. Preparation of the blanks at the second stage was conducted probably in order to accelerate heating since flattened lumps of flint are fired quicker. The third stage of working was the heating procedure proper which was carried out possibly by putting the blank under a bonfire for a time. As shown by the composition of the debris, after firing the blank was worked depending on its state both by flaking fairly large chips from its surface and its finishing by pressure retouch.

КУЛЬТОВЫЕ ПОСТРОЙКИ ТЕПЕ ГАВРЫ В ПЕРИОД УБЕЙД

Т. В. КОРНИЕНКО¹

Наряду с монументальными сооружениями древнейших шумерских городов и столиц ассирийских царей «скромные» раннеземледельческие памятники Месопотамии уже несколько десятилетий привлекают внимание археологов Ближнего Востока. Так, общим результатом исследований остатков убейдских поселений, которые были обнаружены в Абу-Шахрайне, Варке, Тепе Гавре и некоторых других древнемесопотамских центрах, стало открытие материальных доказательств существования храмового строительства уже в дописьменную эпоху (подробнее об этом см.: Корниенко 2005а). Более того, полученные свидетельства документируют тот факт, что к концу периода Убейд на севере и юге Месопотамии формируется единый тип культового строительства.

И. М. Дьяконов выделял четыре основных строительных принципа возведения построек культового назначения, которые сложились к концу убейдского времени на территории Двуречья и стали традиционными для почти всей позднейшей архитектуры Двуречья:

1. постройка святилища на одном месте (то есть все более поздние перестройки включают в себя все предшествующие, и здание, таким образом, никогда не переносится);

2. высокая искусственная платформа, на которой стоит центральный храм и к которой ведут лестницы или пандусы;

3. трехчастная планировка храма с центральным помещением, представляющим собой открытый сверху внутренний дворик (или зал), вокруг которого группируются боковые пристройки;

4. членение наружных стен храма, а также платформы (или платформ) контрафорсами или пилястрами, выступающими на равном расстоянии друг от друга и образующими правильное чередование ниш и выступов (Дьяконов 1983: 150–151).

Однако следует иметь в виду, что в северном варианте убейдской культуры фиксируется немало своеобразных черт. Хотя на севере и создавались по-лучившие распространение на всей территории Месопотамии позднеубейдского времени постройки трехчастного плана, здесь центральное помещение нередко имеет особую крестообразную / Т-образную форму. Специфичны некоторые орнаментальные композиции и мотивы на сосудах, генетически связанные с самарской и халафской традициями. Отличем служил и многочисленность печатей-штампов, которые на юге до сих пор практически не встречены. В русле халафской традиции продолжает развиваться антропоморфная скульптура. На основании сопоставления

этих и других особенностей материальной культуры дописанной Месопотамии французской исследовательницей К. Бренике был сделан вывод о том, что в конце V–начале IV тыс. до н. э. в Верхнем Двуречье происходила ассимиляция, судя по всему, не насильственным путем халафского населения убейдцами с параллельной адаптацией убейдской культуры к местным традициям (Breniquet 1987: 231–241; см. также: Амиров 1994: 14–15; 2000: 42–43).

Опираясь на данные наблюдения, можно предположить наличие особых отличительных черт и в североубейдском варианте традиции возведения и функционирования культовых построек общественного назначения при определенном их родстве с южными структурами подобного типа.

На севере Месопотамии хорошо исследованным памятником убейдской культуры, предоставившим значительную информацию об архитектуре и поселенческой структуре того времени, свидетельства которого вполне соотносимы с позднеубейдскими материалами Южного Двуречья (Убейд III–IV), является Тепе Гавра. На момент начала раскопок высота этого теля достигала 18 м. Его раскопки, открывшие остатки многослойного поселения, проводились в 30-х гг. прошлого века. Тогда удалось проследить развитие северного варианта убейдской культуры на протяжении периода, представленного не менее чем восемью строительными горизонтами – с XII по XIX (счет сверху вниз). Материалы данных слоев Тепе Гавры были подробно опубликованы во втором томе специального издания (Tobler 1950), где особая глава посвящена анализу строительных остатков памятника. В ней большое внимание исследователи уделяют рассмотрению предполагаемых культовых сооружений.

В частности, древнейшие выдающиеся строения, определенные авторами раскопок в качестве храмов, относятся к XIX–XVIII слоям Тепе Гавры. Исследования этих уровней проводились в восточной части теля на площади 625 кв. м. Предполагаемые храмовые постройки выявлены одна над другой в юго-западном районе раскопа, в то время как жилые дома и конструкции хозяйственного назначения открыты в северо-восточной части (рис. 1, 2). Более раннее из неординарных зданий, претерпевшее ряд перестроек, сохранилось гораздо хуже последующего, которое своими размерами, ориентацией и планировкой повторяло особенности своего предшественника. Установленные размеры постройки XVIII уровня: 10,50 × 7 м. Но не исключена возможность того, что западная часть конструкции осталась за границами

¹ Россия. 394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86. Воронежский государственный педагогический университет.

раскопа, и, соответственно, длина здания могла быть большей. Оба рассматриваемых строения ориентированы стенами по сторонам света и имеют трехчастную планировку. В центральной зоне большой комнаты и в том, и в другом сооружении были зафиксированы остатки прямоугольного подиума, размеры которого определены для древнейшего здания – 95×55 м, для более позднего – 150×95 м, сохранившаяся высота – 6 см. В районе расположения неординарной постройки XVIII уровня выявлены пять захоронений.² Для уровня XIX подобная информация не доступна, так как ниже него в этой зоне исследования уже не проводились.

Что касается других районов раскопанного участка поселения, то в XIX слое севернее предполагаемого храма открыт целый комплекс хорошо организованных жилых и хозяйственных помещений, восточнее – остатки еще одной менее регулярной в плане конструкции. В уровне XVIII жилище постройки мало похоже на дома из предшествующего слоя, они представлены скоплением небольших нерегулярных прямоугольных помещений. Кроме того, здесь открыты свидетельства пяти очажных сооружений, по поводу непосредственной близости которых с «храмовым участком» авторами раскопок высказывалось удивление. На наш взгляд, такое соседство как раз не противоречит предполагаемым функциональным характеристикам зданий из юго-западного сектора раскопа.³ Основываясь, главным образом, на отмеченных фактах, при сопоставлении их с материалами более поздних убейдских слоев Тепе Гавры, А. Тоблер приходит к заключению о культовом назначении отмеченных сооружений (Tobler 1950: 43–47).

Практически во всех последующих убейдских уровнях памятника помимо обычных жилищ и хозяйственных помещений были исследованы неординарные большие, симметричного плана строения, располагающиеся в различных частях поселения. К ним следует отнести: толосы XVII уровня; идентичные друг другу, массивные здания XVI–XV-A слоев, обнаруженные в северном производственном районе, среди конструкций складского назначения и печей для обжига керамики;⁴ сложную в плане большую Т-образную структуру XV слоя; единственную зафиксированную постройку с каменным фундаментом XIV горизонта; «акрополь» слоя XIII; Белую комнату и ее располагавшийся южнее меньший аналог в XII уровне (Tobler 1950: 25–45, pl. VIII–XX). Некоторые из названных строений, по мнению ряда исследователей, являлись зданиями культового предназначения (Tobler 1950: 25–45, pl. VIII–

XX; Oates, Oates 1976: 131; Safar et al. 1981: 112; Ллойд 1984: 85; Roaf 1984: 82 и др.), самые же выразительные в этом смысле материалы происходят из слоя XIII.

Здесь в северо-восточной части телля открыт целый комплекс хорошо спланированных и искусно построенных сооружений, который состоял из трех больших зданий, окружавших прямоугольный двор площадью приблизительно 18×15 м. Четвертая сторона двора была огорожена тонкими глинобитными разьединенными стенами, не давшими убедительных свидетельств о каких-либо распознаваемых зданиях (рис. 3). Перед возведением данного «акрополя» участок его будущего расположения специально подготавливался, и остатки построек XIV уровня были настолько тщательно нивелированы, что археологам удалось выявить только каменный фундамент одной из конструкций указанного слоя на всей территории раскопа. Два уровня – XIII и XIV, таким образом, фактически объединились в один.

«Акрополь» занял близкую по форме квадрату площадь со стороной около 30 м. Ординарных построек жилого или хозяйственного предназначения на исследованном участке встречено не было. По замечанию А. Тоблера, они могли располагаться в южном и западном секторах телля, а также у основания холма. Несомненно, что «акрополь» мог возникнуть лишь в результате совместных усилий довольно большого и хорошо организованного общества (Tobler 1950: 30).

Все три окружающих двор здания углами были ориентированы по сторонам света. Лучшее других сохранившийся так называемый Северный Храм представлял собой самую маленькую постройку XIII слоя (наибольшая длина – 12,25 м, наибольшая ширина – 8,65 м). Эта структура, как и другие конструкции «акрополя», не была строго прямоугольной (рис. 4). Каждая из двух ее длинных стен с внешней стороны в центральной части была украшена широкой и глубокой нишей, что придавало больше выразительности однообразному виду фасада здания. Длинные стены глубоких ниш не совпадали с внутренними боковыми стенами центрального зала. Между ними с двух сторон были оставлены узкие закрытые пространства. Интерьер постройки спроектирован таким образом, что в центральному залу с четырех углов примыкали вспомогательные боковые помещения, формирующие изогнутые (с нишами) линии длинных внешних стен строения (подобно Храмам VII–VI Эреду и храмовым зданиям Месопотамии позднейшего времени (Safar et al. 1981: 103–111, fig. 52–55).

² Концентрированное расположение более 63 захоронений также зафиксировано под полами неординарного общественного строения позднеубейдского времени в Тель Абаде, Центральной Месопотамии (Jasim 1983: 173, 181; 1989: 80; Jasim, Oates 1986: 355). Открытие концентрированного расположения погребений в районе отдельных выдающихся строений в поздние и погубейдских слоях Тепе Гавры, как и в Тель Абаде, соответствует известному в Северной и Центральной Месопотамии общему совершенному экстраординарных захоронений и жертвенных закладов в основании общественно значимых зданий или близости от них еще со времен предшествовавших убейдской эпохе хасунских, самарских и халафских поселений (подробнее см.: Корниенко 2001; 2002а; 2002б).

³ Об обычаях совмещения сакрально защищенного пространства с общественно значимыми хозяйственными участками на раннеземельских последних Северной Месопотамии подробнее см.: Корниенко 2001; 2002а; 2002б.

⁴ Интересная деталь: северная стена постройки XVI уровня сохранила следы полихромной геометрической росписи (Tobler 1950: 42).

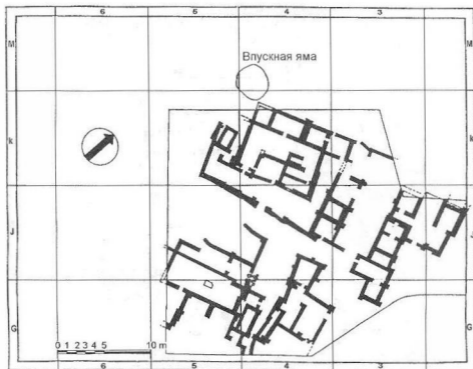

Рис. 1. Тепе Гавра. Уровень XIX (Tobler 1950: pl. XX).

Fig. 1. Tepe Gawra. Level XIX (Tobler 1950: pl. XX).

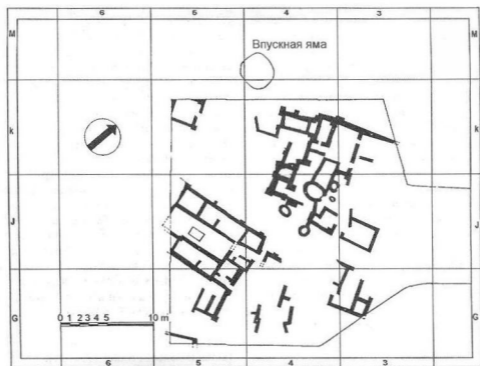

Рис. 2. Тепе Гавра. Уровень XVIII (Tobler 1950: pl. XIX).

Fig. 2. Tepe Gawra. Level XVIII (Tobler 1950: pl. XIX).

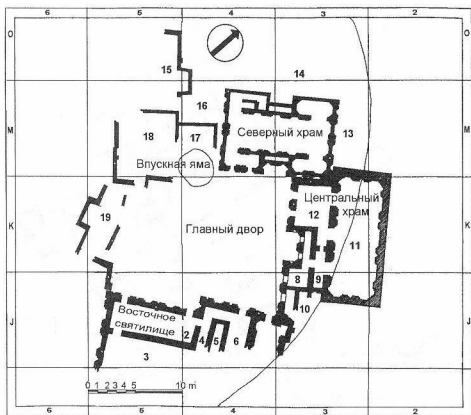

Рис. 3. Теме Гавра. Уровень XIII (Tobler 1950: pl. XI).

Fig. 3. Tepe Gawra. Level XIII (Tobler 1950: pl. XI).

Несомненно, важным символическим и декоративным элементом конструкции рассматриваемого здания является сложная система в большинстве своем сдвоенных пиластр, украшавших как внутренние, так и внешние стены постройки. Наиболее значимые в семантическом смысле части здания выделяются особым оформлением, количеством и расположением ственных выступов. В частности, из двух боковых ниш постройки богато украшена пиластрами была только та, что находилась с главной стороны фасада, примыкавшей непосредственно к центральному двору «акрополя», тогда как тыловая сторона здания вообще не имела ственных выступов. Подобные характеристики подтверждают использование пиластр именно в качестве символических, декоративных элементов, а не только лишь для укрепления стен построек, как это иногда представляется в исследовательских работах, посвященных архитектуре убойдского времени (Margueron 1989: 57–67). Особенности оформления внутренних стен помещений пиластрами показывают, что наиболее важной в семантическом отношении, безусловно, являлась северо-восточная его часть. Так, все углы северной и восточной вспомогательных комнат были украшены «четырёхгранными» фигурными выступами. Западная (примыкавшая к тыловой части здания)

комната не имела выступов вообще, южная — имела «двугранные» пиластры только в углах смежных со стеной главного фасада строения. Вместе с тем северо-восточная короткая стена постройки помимо центральных сдвоенных выступов на внутренней стороне, в отличие от противоположной юго-западной стены, имела две дополнительные симметрично удаленные от центра необычной формы пиластры. Эти усиленные по бокам «трехгранными» выступами пиластры располагались точно напротив северо-восточных окончаний длинных внутренних стен, формирующих с двух сторон центральный зал помещения и тоже богато украшенных пиластрами.⁵ Архитектурно оформленный вход в постройку был удален от северо-восточной части здания. Он располагался с главной стороны фасада и соединялся с залом через южное вспомогательное помещение. Западная угловая комната, единственная из всех, имела особую отгороженную дополнительной стеной секцию, которая, по мнению А. Тоблера, могла использоваться как специальное место для хранения принесенных в храм даров, но окончательно ее предназначение остается неясным (Tobler 1950: 31).

В целом картина рассмотренного здания представляет собой уже знакомый «трехчастный» план строения, характеризующийся строгой симметрией

⁵ В Южной Месопотамии украшение фигурными «двугранными» пиластрами так называемого Храма I зафиксировано в поздней убойдских слоях Варки (древний Урук) (Schmidt 1974: 178).

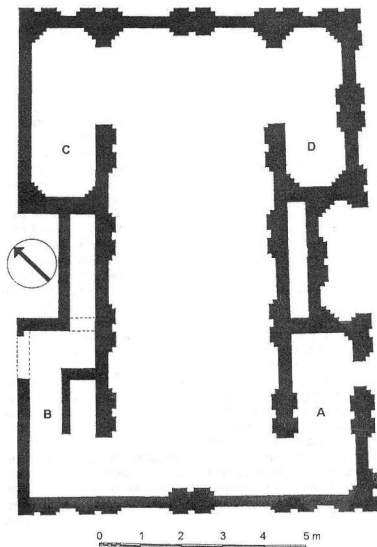

Рис. 4. Тепе Гавра. Уровень XIII. Северный Храм (Tobler 1950: pl. XII).

Fig. 4. Tepe Gawra. Level XIII. Northern Temple (Tobler 1950: pl. XII).

с отмеченным при помощи пилястр акцентом на примыкающую к площади парадную сторону фасада, центральный зал помещения и, особенно, на его северо-восточную часть, которую авторы раскопок назвали целлой. Именно здесь точно на полпути между дверными проемами примыкающих к «целле» боковых комнат в нескольких сантиметрах ниже уровня пола было обнаружено округлое отверстие колодца ($d = 1,15$ м), окруженное глинобитными стенами. Глубину данной конструкции археологам удалось проследить не до конца, и при этом она достигла 12–13 м (!). Симптоматично, что заполнение колодца явилось богатым источником разнообразных объектов, среди которых было представлено много прекрасных образцов глиняной посуды, печатей и отпечатков печатей.⁶ Помимо этого, там обнаружен череп слюгги. По за-

мечанию А. Тоблера, данный объект весьма интересен, так как названная порода охотничьей собаки часто изображалась на печатях и отпечатках, выявленных в соответствующих слоях Тепе Гавры. Авторы признают, что стратиграфическое положение колодца определено указывает на то, что он был сооружен жителями XIII уровня. Тем не менее А. Тоблер считал, что «колодец не имеет связи с Северным Храмом, в период существования которого эта конструкция, очевидно, уже была оставлена и заполнена» (Tobler 1950: 31). Учитывая точно выверенное центральное расположение колодца в наиболее значимой части Северного Храма, нахождение его прямо под уровнем пола постройки, а также весьма похожий на жертвенный состав заполнения, трудно согласиться с таким выводом. Более вероятным представляется

⁶ В XIII слое Тепе Гавры количество находок печатей и их оттисков увеличилось. Если во всех предшествующих слоях убейдского времени таких объектов найдено 10 (уровни XIX–XV), то в XIII уровне их в три раза больше. Резкий скачок А. Тоблер отнес к счет того, что все сооружения этого слоя служили храмами, куда делали приношения, на которых ставились оттиски печатей (Tobler 1950: 175, 179).

его преднамеренное сооружение в качестве устройства для жертвоприношений в границах рассмотренного строения.⁷

Всякий микрокосмос, пишет в своих работах М. Элиаде, всякий обитаемый участок включает в себя то, что можно назвать Центром, то есть местом всецело священным. Первобытные святилища, позже храмы на долговременных поселениях представляют собой символические проекции Центра. В культурах, которым известно понятие о трехчленном делении Космоса на Небо, Землю и преисподнюю, Центр находится в точке пересечения этих областей. Именно здесь возможен разрыв уровней и в то же время установление связи между этими областями посредством Оси (Элиаде 2000: 148–149).

Известно, что образ трех космических уровней достаточно архаичен, в том числе и для мезопотамского региона. Архетипический образ Оси часто встречается в древних восточных культурах. Храмы Нишпура, Ларсы и Сиппара носили название *дур-ан-ки*, «Связь между Небом и Землей». Священный город Вавилон имел множество названий, среди которых отметим такие, как «Дом основания Неба и Земли», «Схождение Неба с Землей». Но в том же Вавилоне осуществлялась, помимо того, связь между Землей и нижними мирами, ибо город был построен на Вратах *apsu*; то есть на водах Хаоса, предшествовавшего Творению. Та же самая традиция встречается и у израильтян: скала, на которой утверждены Иерусалим, уходит глубоко в подземные воды (*текот*). Сходные представления можно встретить во многих других религиозных системах (Элиаде 2000: 150–160; также см.: Кленгель-Бранд 1991: 60–62; Мелетинский 1995: 212–222; Русанова 1998).

Символы Горы, Деревя, Столпа, Лестницы или Колодца/Бездны, расположенных в Центре Мира, чрезвычайно распространены. Они имеют свои земные модели в святилищах и храмовых сооружениях соответствующих культур. Жертвенные колодцы являются одним из видов такой модели Оси, соединяющей в Центре космические уровни (яркий пример подобного объекта – жертвенный колодец маяя в священном городе Чичен-Ица).

Располагавшийся в самом центре «ещелы» Северного Храма колодец Тепе Гавры, в котором были обнаружены остатки жертвоприношений, вероятно, также выполнял функции связующего устройства между миром людей и миром богов, от которых зависело существование общины. Напомним, что функционирование особых «контейнеров», ям и мест для жертвоприношений в пределах темениса или непосредственно храма известно как по синхронным материалам убейдской культуры, так и по памятникам последующих периодов развития Месопотамии (Van Buren 1952: 76; Schmidt 1974: 180; Антонова 1990: 216). Истоки этой традиции фиксируются уже

в хассунской, саммарской и халафской культурах (Кориненко 2001; 2002а; 2002б).

Центральный Храм XIII уровня Тепе Гавры был сооружен между Северным Храмом и Восточным Святилищем и располагался перпендикулярно по отношению к ним. Сохранилась только передняя часть строения (длина – 14,5 м), которая граничила с углами смежных структур. Имеющиеся материалы дают основания полагать, что данная постройка имела обычный для зданий такого типа «трехчастный» план. Длинные внешние стены строения, судя по той, что была доступна для исследования, так же как и в Северном Храме, в центральной своей части имели широкие и глубокие ниши. Сохранившийся главный фасад постройки с внешней стороны, а также стены центрального зала на внутренней поверхности были украшены двоянными шпильцами. Единственный неразрушенный западный угол зала, а также оба угла в уцелевшей нише фасада здания (подобно оформлению углов некоторых секций Северного Храма) были украшены четырехгранными шпильцами. Возможно, другие (несохранившиеся) углы зала тоже имели подобные выступы. Вход шел через западное вспомогательное помещение № 12, из которого можно было попасть, повернув направо, в узкий коридор и комнату № 9. Каждое из названных помещений сообщалось с залом. Соответственно, с исследованной стороны постройки в ее центральную комнату вели три, а в оригинале, очевидно, четыре симметрично располагавшихся дверных проема. Примыкавшая с юга к основному помещению вспомогательная часть здания имела более сложный план, чем на западе, что, вероятно, дублировалось соответствующими конструкциями строения на севере и востоке. На поверхности внешних стен фасада Центрального Храма и на стенах находящегося за его центральной частью узкого коридора (продолжение комнаты № 8) зафиксированы следы белой обмазки. В то время как стены и пол центрального помещения, а также стены комнат № 9 и № 12 были окрашены, как сообщают авторы раскопок, в красновато-пурпурный цвет и даже, возможно, расписаны (Tobler 1950: 32–33).

В целом следует отметить, что некоторые важные архитектурные особенности, а именно: место расположения главного входа, «трехчастный» тип планирования, широкие и глубокие боковые ниши на длинных стенах строения, символическое оформление семантически значимых частей построек различного вида шпильцами – идентичны для двух рассмотренных зданий «акрополя» XIII уровня Тепе Гавры. Вместе с тем больший по своим размерам Центральный Храм отличается от Северного более сложным планом конструкции и дополнительным элементом декора, а именно, как цветная обмазка стен и полов строения.

Из трех исследованных построек XIII уровня Тепе Гавры Восточное Святилище является самой крупной

⁷ Версия об ordinarilyм предназначении данной конструкции в качестве «обычного колодца» выглядит несостоятельной, прежде всего потому, что обычные колодцы, сооружаемые с целью получения воды, строятся на возвышенности непрактично, а Тепе Гавра в убейдское время уже представляла собой возвышенность. Остатки древних колодцев в рассматриваемом регионе, как правило, можно обнаружить у основания теллей, но не в их центральной части.

и сохранившейся хуже, чем остальные. Длина уцелевшего главного фасада здания составила 20,50 м, короткие стены постройки были прослежены не более чем на 8,85 м.

Архитектурные остатки Восточного Святилища предполагают несколько иной, по сравнению с Северным и Центральным Храмами, очевидно, Т-образный вид плана. В частности, северо-восточная секция фасада на 1,70 м выступала из основного массива здания на сторону площади. Четыре дверных проема располагались в получившихся таким образом двух передних стенах постройки, выходящих к главному двору. Поверхность внешних стен Восточного Святилища, так же как и у других зданий «акрополя», была регулярно украшена характерными двойными пилястрами, тогда как ни одна из внутренних стен, помимо стен комнаты № 7, не имела подобных выступов. Важно отметить, что комната № 7 находилась в северо-восточной «выступающей» части сооружения и примыкала к внешней короткой его стене. Ведущий в нее вход, в отличие от всех остальных, открытых в других частях здания, был с двух сторон оформлен небольшими нишами. Кроме того, на стенах комнаты № 7 зафиксированы следы ярко-красного покрытия обмазкой. Комплекс всех названных характеристик, безусловно, указывает на особый характер данного помещения, сохранившегося, к сожалению, далеко не полностью. В настоящее время невозможно определить, было ли оно наиболее значимой частью Восточного Святилища – «святая святых», или только служило ее преддверием.

Комната № 2, или так называемая Длинная комната Восточного Святилища, находясь также за стеной главного фасада и сообщаясь двумя дверными проемами с центральным двором «акрополя», предоставила значительную коллекцию интересного материала. Авторы раскопок предполагают, что она могла служить хранилищем. В юго-восточном ее конце выявлена неглубокая яма, которая содержала несколько сосудов. Множество других глиняных объектов было найдено на полу этой комнаты. Среди них украшенные орнаментом чаши и кубки. Здесь же обнаружена художественно оформленная курильница (Tobler 1950: 33–34, 143, 145, fig. 181, 191, 193, 204, 228), аналоги которой в 40-х гг. были получены при исследовании двойной камеры северного угла Храма VI Эреду (Safar et al. 1981: 159) (рис. 5). Любопытно, что в целом характер заполнения, а следовательно, и назначение указанного помещения храмовой постройки в Эреду соответствовали тем же характеристикам Длинной комнаты Восточного Святилища Тепе Гавры. По мнению А. Тоблера, художественное оформление курильницы (вырезанный рисунок, отверстия), очевидно, воспроизводит архитектурные элементы (двойные пилястры, двери, треугольные окна) какого-то здания, которое могло представлять собой Восточное Святилище или другую постройку, включенную в «акрополь» слоя XIII (Tobler 1950: 34). Вместе с тем С. Ллойд подчеркивал, что курильница является обычным атрибутом храмового ритуала. Сжигание в ней ароматической древесины

считалось либо обрядом очищения, либо услугой божеству (Ллойд 1984: 48), что подтверждается письменными источниками.

В отличие от остальных сооружений уровня XIII, в Восточном Святилище под полами комнат № 2 и № 3 были обнаружены пять захоронений с останками детей и младенцев.

Уникальной находкой для убейдского времени являются 99 моделей кирпичей, сделанных из терракоты. 81 объект был найден в Длинной комнате Восточного Святилища, 16 – в помещении № 6 того же здания, два – на центральном дворе «акрополя». Эти модели близко соответствуют 1/10 размера тех кирпичей, из которых был построен Центральный Храм. Они представляли собой как полные экземпляры (43 × 23 × 7 мм), так и их половинки (22 × 23 × 7 мм; 43 × 12 × 7 мм) или четвертушки (22 × 12 × 7 мм) – варианты строительного материала, использовавшиеся при сооружении Северного и Центрального Храмов. По мнению большинства исследователей, эти модели предназначались для отработки некоторых приемов кладки (Tobler 1950: 34–35; Oates, Oates 1976: 131; Антонова 1998: 58). Помимо этого, учитывая особое сакральное значение, которое придавалось самому процессу строительства храмов в Месопотамии, о чем яры свидетелиствуют письменные источники, представляется вероятным, что данные объекты, так же как и глиняные «гвозди», найденные «погребенными» под специальной выемкой у западного угла алтаря в Храме VIII Эреду (Safar et al. 1981: 100–103), могли использоваться в магических и ритуальных целях.

Рассмотренные здания XIII слоя Тепе Гавры были построены из стандартных сделанных вручную и обожженных солнцем глиняных кирпичей. Способы их кладки, состав материала и методы скрепления одинаковы для всех трех строений, в то время как размеры кирпичей оказались индивидуальными для каждой постройки. Так, Северный Храм был сделан из блоков, имевших приблизительно размеры 36 × 18 × 9 см и 36 × 9 × 9 см; Центральный – 48 × 24 × 10 см; Восточное Святилище – 56 × 28 × 14 см. В некоторых случаях кирпичи разбивали на требуемые части или использовали L-образные блоки. Толщина стен всех построек соответствовала толщине 1,5 кирпича.

На основании ряда свидетельств авторами раскопок установлено, что самым первым из группы строений «акрополя» было возведено Восточное Святилище, потом построен Северный Храм и еще позже – Центральный (Tobler 1950: 34–35). Вместе с тем единый стиль в применении методов и способов строительства, идентичное символическое оформление данных построек, их строго упорядоченное расположение вокруг центрального двора и тот факт, что перед сооружением «акрополя» вся площадь, занятая им впоследствии, была предельно тщательно образом нивелирована, указывают на то, что исследованные здания XIII уровня Тепе Гавры действительно составляли единый архитектурный ансамбль. Вероятно, большой период своего существования они

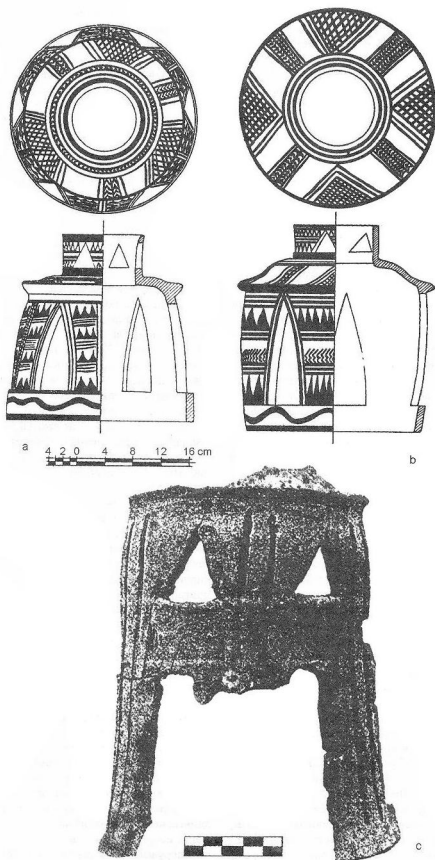

Рис. 5. Курильницы: а, б – из Эреду: Храм VI, комната 19 (по: Safar et al. 1981: 159); с – из Теппе Гавры: уровень XIII, Восточное Святилище, комната 2 (Tobler 1950: pl. XXVIII d)

Fig. 5. incense-burners: a, b – from Eridu: Temple VI, room 19 (according to: Safar et al. 1981: 159); c – from Tepe Gawra: Level XIII, Eastern Sanctuary, room 2 (Tobler 1950: pl. XXVIII d).

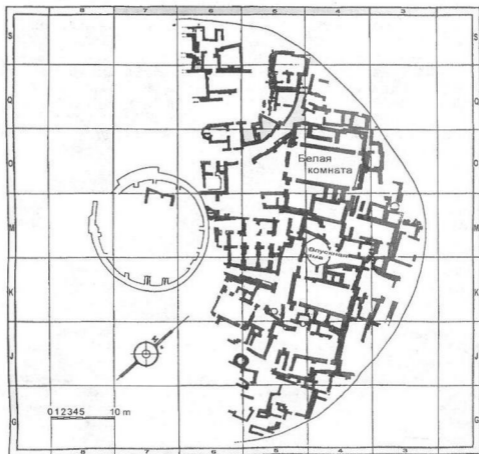

Рис. 6. Тепе Гавра. Уровень XII (Tobler 1950: pl. VIII).

Fig. 6. Tepe Gawra. Level XII (Tobler 1950: pl. VIII).

функционировали одновременно, как это и было изначально задумано их создателями.

Совершенно иную поселенческую картину представляет собой раскопанный участок Тепе Гавры следующего XII уровня. Почти половина холма была охвачена исследованиями в этом слое. Несмотря на плотную застройку поселения для данного периода, наблюдается определенная система в расположении зданий, улиц, переулков, дворов и других структур Тепе Гавры (рис. 6).

Выдающимся сооружением XI уровня является большая «трехчастная» конструкция (12,30 × 11,75 м), сориентированная углами по сторонам света, центральное помещение которой за цвет обмазки, покрывающей его стены, получило название Белой комнаты. Белая комната занимала половину общей площади всего строения. Юго-восточная часть здания на определенном этапе его существования перестраивалась, что в некоторой степени нарушило обычную для подобных сооружений симметрию плана. С юго-западной стороны от строения находился большой открытый двор, к которому примыкали тесно расположенные дома, улицы и переулки. Три входа в рассматриваемое здание вели со стороны открытого пространства. Два из них находились в юго-западной стене Белой комнаты, один – в юго-западной стене

примыкающей к ней комнаты № 37. Помимо названных входов в центральный зал конструкции вели еще 4 дверных проема, расположенных по парам друг напротив друга в боковых (длинных) стенах этого помещения. В северо-восточной (короткой) стене Белой комнаты выявлены одинаково удаленные от центральной оси две идентичные ниши (ширина – 60 см; глубина – 25 см), расположение которых точно соответствовало расположению входов в здание, находившихся на противоположной юго-западной стороне. Таким образом, в каждой стене Белой комнаты было сделано по два входных отверстия (в случае с северо-восточной стороной – две ниши), которые были симметричны по отношению друг к другу и точно соответствовали размерами и местом своего расположения находящимся напротив них проемам. Такая конструкция напоминает устройство центральных помещений Храмов VIII–VI Эреду, особенно зданий из уровней VI и VII (Safar et al. 1981: 100–112, fig. 10, 39), и Храма 1 в Уруке (Schmidt 1974: 176–177) позднелувийского времени. Исследованная короткая стена Храма VI Эреду имела ниши, аналогичные тем, что обнаружены в северо-восточной стене Белой комнаты.

Нет сомнений, что для Белой комнаты архитектурно выделенной наиболее значимой частью помещения являлась северо-восточная (противопо-

ложная входу) сторона. Помимо выявленных здесь ниш именно к северо-восточной стене Белой комнаты примыкала построенная из глиняных кирпичей скамья, начинавшаяся в восточном углу помещения. Ее высота составила 35 см, длина – 3,50 м. Можно предположить, что данный элемент интерьера, сопоставимый с подобными конструкциями более поздних шумерских культовых построек, предназначался для тех же целей, что и жертвенный колодец Северного Храма XIII уровня или глиняная скамья, обнаруженная в алтарной части Храма VI Эреду, то есть для votивных приношений.

Авторы раскопок отмечают, что многочисленные могилы находились как под полами рассматриваемого здания, так и на территории, к нему примыкающей. Однако состав заполнения постройки, по мнению А. Тоблера, носит светский характер. Здесь были обнаружены многочисленные фрагменты глиняной посуды, отпечатки печатей, обсидиановые орудия, каменная чаша, пряслица, топоры-тесла и другие предметы. В северном углу примыкавшего с северной стороны к Белой комнате вспомогательного помещения находился очаг.

Любопытно, что приблизительно в 10 м юго-восточнее дома с Белой комнатой находилось очень похожее на него своим устройством, ориентацией и соприкасающимися свидетельствами, но меньшее по размерам здание, которое также на протяжении истории своего функционирования претерпело ряд перестроек. В северо-восточной стене центрального зала этого «трехчастного» строения были сделаны две симметричные ниши, с юго-западной стороны от него находился открытый двор. Под полами помещений строения обнаружено несколько могил. Заполнение – аналогично выявленному в доме с Белой комнатой.

Учитывая размеры, ориентацию, формальный план и конструктивные особенности рассмотренных сооружений XII уровня, А. Тоблер полагал, что они являлись постройками общественного значения, светскими по своему характеру (Tobler 1950: 27–28). Вместе с тем по ряду архитектурных характеристик, в том числе по цвету штукатурки, покрывающей стены, эти здания напоминают позднееубейдские храмовые строения Эреду, Урука и по многим показателям отличаются от всех других построек XII слоя Тепе Гавры. Е. В. Антонова совершенно справедливо замечает, что здесь обнаруживаются признаки, указывающие на функционирование таких строений в качестве хранилищ (Антонова 1998: 53). Традиция расположения общественных хранилищ, межпоселенческих пунктов обмена товарами, важных производственных участков в пределах сакрально защищенного пространства или помещения на поселениях Северной Месопотамии прослеживается уже по материалам доубейдских раннеземледельческих памятников в том числе докерамического времени (Корниенко 2004: 129–142; 2005в). Кроме того, наличие захоронений под полами Белой комнаты и ее аналога в уровне XII Тепе Гавры представляется далеко не случайным. Предполагается храмовая постройка из уровня XVIII, Восточное Святянище «акрополя» XIII уровня, о чем

уже упоминалось выше, как и выдающееся Строение А центральномесопотамского позднееубейдского поселения Тепе Абада, продемонстрировавшее серию признаков культовых сооружений данной эпохи (Корниенко 2005б), также показали концентрированное расположение захоронений под полами своих помещений. Исходя из комплекса рассмотренных выше материалов, вполне вероятно, что неординарные конструкции XII уровня Тепе Гавры могли совмещать в себе функции хозяйственных и культовых центров на поселении.

Свидетельства XII слоя представляют последний период существования убейдского поселения в Тепе Гавре. Смена обитателей, возможно, произошла из-за вторжения носителей иной культурной традиции Северного Двуречья, которая по времени соответствует урукскому периоду на юге Месопотамии. Перерыв между слоями убейдского и постубейдского времени на данном памятнике незначительный, и последующие уровни (XI–VIII) предоставили информацию о дальнейшем развитии поселения. В том числе получены данные о функционировании монументальных общественных строений, некоторые из них интерпретируются исследователями как культовые. Такие постройки были крупнее и массивнее остальных конструкций, ориентированы углами по сторонам света, как правило, имели регулярный «трехчастный» план, в нескольких случаях здания были украшены фигурными пилястрами, в центральном зале фиксировались остатки характерных «антропоморфных» подиумов со следами горения. В районах расположения таких сооружений были сконцентрированы захоронения (Tobler 1950: 6–26, pl. I–VI, XXII). Ф. Сафар, С. Ллойд и М. А. Мустафа указывали на сходство данных строений, особенно архитектурного оформления их входов, с позднееубейдскими культовыми зданиями Эреду, в частности с Храмом уровня VIII (Safar et al. 1981: 112).

В завершение обзора свидетельств функционирования определенного типа неординарных зданий в убейдских и постубейдских слоях Тепе Гавры подведем некоторые итоги. Учитывая вышерассмотренные их соответствия по ряду признаков храмам позднееубейдского времени Эреду и Урука, а также нахождение здесь в нескольких случаях следов совершения жертвоприношений, сконцентрированных остатков захоронений, печатей и отгисков печатей, других объектов интенсивной хозяйственной деятельности, культовый характер этих построек представляется весьма вероятным. Здания «акрополя» XIII уровня Тепе Гавры, являясь современниками Храмов VII–VI Эреду, имеют с ними очевидное морфологическое сходство. Судя по полученным материалам, такие постройки одновременно выполняли функции культовых и хозяйственно-административных центров на поселении, что впоследствии в древнейших шумерских городах стало prerogative храмовых организаций.

Не раз отмечалось важное отличие топографических характеристик зданий культового назначения Эреду и Урука на юге и Тепе Гавры на севере Месо-

потами в убейдский период (Oates, Oates 1976: 132; Aurenche 1982: 239–243; Oates 1987: 299–383). Если для первых из названных памятников наблюдается сохранение традиции возведения храмовых построек на одном и том же месте в течение длительного времени с включением руин предшествовавших зданий в основание новых строений, что привело, в конце концов, к появлению платформ, а позже зикуратов, то в Тепе Гавре такого обычая не соблюдала. В отдельных случаях как будто фиксируются попытки реконструкции несординированных построек Тепе Гавры, но каждый раз последовательность расположения одного над другим культовых зданий прерывалась, изменялся вид выдающихся сооружений, а иногда и общий план поселения. Вместе с тем комплексы убейдских и постубейдских материалов Тепе Гавры указывают на то, что в эту эпоху данное поселение являлось важным обменным пунктом и обитавшие здесь общины процветали. То же обстоятельство, очевидно, способствовало высокой степени культурной восприимчивости, открытости данного общества для внешних влияний, идущих, в частности, из более южных областей Месопотамии, откуда, вероятно, была привнесена и сама идея строительства культовых общественных построек «трехчастного» плана. Сооружение сложной планировки, изысканно украшенных зданий «акрополя» в XII слое Тепе Гавры – яркий пример культурного заимствования. Привнесение уже сложившегося образца храмового строительства на север сопровождалось отрывом этой традиции от места ее появления, и на первых этапах для перенимавших ее северных поселений участок рас-

положения культового общественного строения, по-видимому, не имел особого значения. Только с течением времени и в городах Верхнего Двуречья формируется традиция преемственности в выборе места для возведения храмов. Помимо названных различий в отношении расположения культовых зданий рассматриваемых поселений храмовые постройки Тепе Гавры отличаются также рядом конструктивных деталей от подобных сооружений в Эреду, Уруке, Тель Абаде. Имеющиеся особенности подтверждают тот факт, что в убейдский период одновременно с общемесопотамскими существовали и местные строительные традиции. Тепе Гавра по разным категориям находок отражает развитие северного варианта Убейда. Открытие жертвенного колодца под полом в Северном Храме XIII уровня Тепе Гавры и концентрированного расположения погребений в районе отдельных выдающихся строений на этом памятнике, а также в Тель Абаде, соответствует известному обычаю совершения экстраординарных захоронений и жертвенных закладов в основании общественно значимых зданий или поблизости от них на раннеземледельческих поселениях Верхнего и Среднего Двуречья, который существовал здесь уже в период, предшествовавший убейдской эпохе. Тем не менее отмеченные локальные особенности функционирования религиозных общественных сооружений Тепе Гавры принципиально не противоречат известному представлению о распространении единой убейдской культурной традиции, в том числе и в сфере религиозной архитектуры, на всю территорию Месопотамии в преемственное время.

- Амиров 1994 – Амиров Ш. И. Морфология керамики халафской культуры Северной Месопотамии (по материалам поселения Ярым-Тепе II): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.
- Амиров 2000 – Амиров Ш. И. Топография археологических памятников хабурских степей Северной Месопотамии V–II тыс. до н. э. // ВДИ. 2000. № 2. С. 30–46.
- Антонова 1990 – Антонова Е. В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М., 1990.
- Антонова 1998 – Антонова Е. В. Месопотамия на пути к первым государствам. М., 1998.
- Дьяконов 1983 – Дьяконов И. М. Месопотамия. История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. М., 1983. Ч. 1.
- Кленгель-Бранд 1991 – Кленгель-Бранд Э. Вавилонская башня. М., 1991.
- Корниенко 2001 – Корниенко Т. В. К вопросу о культовых постройках халафской культуры // РА. 2001. № 3. С. 5–17.
- Корниенко 2002а – Корниенко Т. В. К интерпретации поселенческой структуры Тель эс Саввана // Проблемы археологии Евразии. К 80-летию Н. Я. Мерперта: Сб. статей. М., 2002. С. 304–313.
- Корниенко 2002б – Корниенко Т. В. Обрядовые действия в постройках Хассунской культуры (по материалам Ярым Тепе I) // Ученые записки. Воронеж, 2002. № 4. С. 52–68.
- Корниенко 2004 – Корниенко Т. В. Символическое оформление построек и сооружения общественного назначения раннего докерамического неолита (эпоха PPNA) Северной Месопотамии // ВДИ. 2004. № 2. С. 125–147.
- Корниенко 2005а – Корниенко Т. В. К вопросу о храмовых постройках Месопотамии убейдского времени // Древний Восток. Общность и своеобразие культурных традиций. М., 2005. Вып. 2. С. 3–15.
- Корниенко 2005б – Корниенко Т. В. Стрoение А в поселенческой структуре Тель Абада (Центральная Месопотамия, первая половина V тыс. до н. э.) // Древний Восток. Общность и своеобразие культурных традиций. М., 2005. Вып. 2. С. 16–21.
- Корниенко 2005в – Корниенко Т. В. К проблеме культового строительства в Северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита // АВ. СПб., 2005. № 12. С. 179–188.
- Ллойд 1984 – Ллойд С. Археология Месопотамии. М., 1984.
- Мелетинский 1995 – Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1995.
- Русанова 1998 – Русанова И. П. Священные колодцы // Историческая археология: Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д. А. Аведисьяна. М., 1998. С. 8–14.
- Эзнаде 2000 – Эзнаде М. Избранные сочинения. Миф о первом возвращении. Образы и символы. Священное и мирское. М., 2000.
- Aurenche 1982 – Aurenche O. A l'origine du temple et du palais dans les civilisations de la Mésopotamie ancienne // Ktema: Civilisations de l'Orient, de Grèce et de Rome Antiques. Strasbourg, 1982. Vol. 7. P. 236–259.
- Breniquet 1987 – Breniquet C. Nouvelle Hypothèse sur la Disparition de la Culture de Halaf // Préhistoire de la Mésopotamie. Paris, 1987. P. 231–241.
- Jasim 1983 – Jasim S. A. Excavations at Tell Abada: a Preliminary Report // Iraq. London, 1983. Vol. 45. P. 165–186.
- Jasim 1989 – Jasim S. A. Structure and Function in an 'Ubaid Village // Upon this Foundation. The 'Ubaid reconsidered. Proceedings from the 'Ubaid symposium Elsinore. May 30–th 1–st June 1988. Copenhagen, 1989. P. 78–90.
- Jasim, Oates 1986 – Jasim S. A., Oates J. Early tokens and tablets in Mesopotamia: new information from Tell Abada and Tell Brak // World Archaeology. London, 1986. Vol. 17. P. 3. P. 348–362.

- Margueron 1989 – *Margueron J.-Cl.* Architecture et société à l'époque d'Obeid // Upon this Foundation. The 'Ubaid reconsidered. Proceedings from the 'Ubaid symposium Elnore, May 30-th – June 1-st 1988, Copenhagen, 1989. P. 43–78.
- Oates 1987 – *Oates D.* Different Traditions in Mesopotamian Temple Architecture in the Fourth Millennium B. C. // *Préhistoire de la Mésopotamie*. Paris, 1987. P. 299–383.
- Oates, Oates 1976 – *Oates, Oates, D. and J.* The Rise of Civilization. Oxford, 1976.

- Roaf 1984 – *Roaf M.* 'Ubaid houses and temples // *Sumer*. Baghdad, 1984. Vol. 43. P. 80–90.
- Safar et al. 1981 – *Safar F., Ali Mustafa M., Lloyd S.* Eridu. Baghdad, 1981.
- Schmidt 1974 – *Schmidt J.* Zwei Tempel der Obcd Zeit in Uruk // *Baghdader Mitteilungen*. Berlin, 1974. Vol. 7. S. 173–187.
- Tobler 1950 – *Tobler A. J.* Excavations at Tepe Gawra. Philadelphia, 1950. Vol. 2.
- Van Buren 1952 – *Van Buren E. D.* Places of Sacrifice («*Opferstätten*») // *Iraq*. London, 1952. Vol. 14. P. 76–92.

CULT INSTALLATIONS AT TEPE GAWRA OF THE UBAID PERIOD

T. V. KORNIENKO

The leading role in establishment of a unified type of early archaic temple structures in Mesopotamia belonged to the Ubaid culture. In the pre-Sumer period this culture had spread from the south throughout the entire land between the Tigris and Euphrates rivers. The Ubaid expansion northwards was predominantly of a peaceful character. The cultural assimilation of the central and, later, northern regions was accompanied by adaptation of the Ubaid complex to the local traditions of Samarra and Halaf. That process was reflected *inter alia* in peculiarities of the construction, locations and functions of the public religious installations in the Upper Mesopotamia. This is well attested by comparison of particular materials from levels XIX–XII of Tepe Gawra with the evidence from the corresponding layers of Abu Shahrain, Warka and Tell Abad. An important distinction has been noted, in particular, between the topographical characteristics of cult buildings of the Ubaid period at Eridu and Uruk in the south of Mesopotamia and those of Tepe Gawra in the north (Oates, Oates 1976: 132; Aurenche 1982: 239–243; Oates 1987: 299–383). Indeed, the former two sites are noted for the tradition of building temples at the same place over a long period with inclusion of the ruins of preceding structures into the foundations of the newly built ones. This practice finally resulted in the appearance of platforms and, later, ziggurats. In Tepe Gawra, by contrast, no such customs were observed. Occasionally, attempts to reconstruct some unordinary structures were really noted at Tepe Gawra, but in each case the succession of cult buildings erected one upon another was interrupted, the appearance of the uncommon edifices or even the very layout of the settlement having been changed. Meanwhile, the complexes of Ubaid and post-Ubaid materials from Tepe Gawra suggest that during the epoch under consideration that settlement was an important post of exchange and the local communities were thriving. This fact must evidently have propitiated a high level of cultural assimilation and openness of the local society to external influences. The latter included, in particular, influences from the southern

regions of Mesopotamia wherefrom the very idea of building public religious structures of «three-piece» plan had probably been adopted. Construction of the buildings of the «acropolis» with refined decorations and sophisticated layouts in Level XIII at Tepe Gawra is an impressive example of the cultural borrowing. The spread of the already established tradition of temple-building to the north was followed by alienation of this tradition from its origins. Thus for the northern settlements which adopted it, the location of the public religious buildings may at first have been of no importance. Only after an interval, continuity in the choice of the place for building temples had become traditional in cities of Upper Mesopotamia. Aside from the mentioned distinctions concerned with the locations of cult buildings at the sites under consideration, temples of Tepe Gawra differ in a number of construction details and their interior from similar structures at Eridu, Uruk, and Tell Abad. The revealed peculiarities confirm the fact that simultaneously with the common Mesopotamian building traditions, some local ones existed here during the Ubaid period. In terms of various categories of finds Tepe Gawra has reflected the development of the northern Ubaid variant. A sacrificial well under the floor in the Northern Temple of Level XIII and a compact accumulation of burials within the area of separate prominent buildings have been revealed at this site and in Building A at Tell Abad. These finds agree with the well known practice of extra-ordinary burials and sacrificial construction in the foundations of buildings of public importance or nearby. This practice existed at early agricultural settlements of upper and middle Mesopotamia already during the period antecedent to the Ubaid epoch. The revealed local features of the functioning of religious public buildings at Tepe Gawra principally do not run counter the well known idea about the spread of the unified Ubaid cultural traditions, including those in the religious architecture, throughout the entire territory of Mesopotamia during the pre-Sumer period.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ФАУНЕ АЛТЫН-ДЕПЕ. НЕКОТОРЫЕ ДЕТАЛИ ЭВОЛЮЦИИ СКОТОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА ПРОТОГОРОДСКИХ СОЦИУМОВ

А. К. КАСПАРОВ¹

В археологической практике остатки фауны являются основным источником информации о структуре животноводства, составе охотничьей добычи и, соответственно, о мясной диете обитателей поселений, тем самым косвенно свидетельствуя и о степени социального расслоения общества.

Особое значение имеет изучение остеологических коллекций из многослойных поселений, археологические материалы которых отражают развитие экономики и культуры целого региона на протяжении длительного времени. Памятником такого типа является Алтын-депе в Южном Туркменистане – эталонный центр эпохи энеолита–средней бронзы (конец V–начало II тыс. до н. э.), в результате многолетних исследований которого была открыта древнейшая протогородская цивилизация Средней Азии (Массон 1981; 1984; 1992). С самого начала изучение Алтын-депе носило комплексный характер, и исследователям остатков фауны уделялось пристальное внимание. Уже в конце 60-х гг. XX в. здесь начала работать Н. М. Ермолова, которая первая описала фаунистический комплекс Алтын-депе из слов эпохи бронзы (Ермолова 1970; 1979). К сожалению, она успела опубликовать лишь предварительные сообщения, и значительная часть остеологических материалов в научный оборот введена не была.

Масштабные стратиграфические исследования ранних напластований памятника, предпринятые для изучения генезиса культурного комплекса древнего протогорода, принесли новые, принципиально важные массовые материалы периода позднего энеолита–ранней бронзы (Кирчо, Массон 1999), в том числе и обширные остеологические коллекции.

В настоящей работе рассматриваются фаунистические остатки из 10, 11 и, частично, 12 строительных горизонтов раскопа 5 Алтын-депе, полученные в результате раскопок 1987, 1989, 1991, 1992 и 1995 гг. и датированные серединой–концом периода позднего энеолита (позднеэоксюрский этап–начало III тыс. до н. э.). Палеозоологическое определение материалов проведено автором. Небольшие, но интересные данные из раскопок 2001 г. будут опубликованы в дальнейшем.

Исследуемая коллекция остатков фауны Алтын-депе насчитывает свыше 3500 определимых костных фрагментов, что составляет примерно 45% всех со-

бренных остеологических материалов. К сожалению, крупных обломков черепов и целых костей посткраниального скелета найдено крайне мало.

Для сравнения привлекается в первую очередь ранее изученный автором (Каспаров 2001) фаунистический комплекс расположенного рядом с Алтын-депе поселения Илгыны-депе периода среднего энеолита (середина–вторая половина IV тыс. до н. э., ялангачское и раннеэоксюрское время), а также опубликованные Н. М. Ермоловой материалы Алтын-депе эпохи средней бронзы (Ермолова 1970). Количественное распределение костных остатков по видам животных представлено в таблице 1.

В целом состав фауны Алтын-депе в позднеэоксюрское время практически не отличается от такового на поселении Илгыны-депе, материалы которого относятся к предшествующим периодам. Однако процентное соотношение остатков различных видов палеофаунистического комплекса на Алтын-депе уже несколько иное. Прежде всего это касается диких промысловых видов *предков копытных*.

Так, в слоях Илгыны-депе с течением времени процент остатков кулана почти не меняется. В ялангачское время он составляет 13,2%, в раннеэоксюрских отложениях – 11,0%. На поселении Алтын-депе в позднеэнеолитических горизонтах его остатки составляют 14,4%. То есть доля этого животного в составе охотничьей добычи практически одинакова. Главные отличия между фаунистическими комплексами двух памятников – это заметное увеличение на Алтын-депе общего процента двух основных охотничьих видов – кулана и джейрана (в позднем энеолите – до 25,3%, а в период средней бронзы – до 27,7%), а также изменение соотношения между их остатками: если на Илгыны-депе в раннеэоксюрских слоях кулан по числу остатков опережает джейрана почти вдвое, то в позднеэоксюрское время на Алтын-депе охота на джейрана велась более интенсивно и процентный разрыв между ними здесь не так велик. Кости джейрана на Илгыны-депе в конце среднего энеолита составляют 6,3% остатков, а в позднеэнеолитических слоях Алтын-депе уже 10,9%.

По сравнению с Илгыны-депе в позднеэоксюрских слоях Алтын-депе заметно меньше костей коровы, причем не только в абсолютных цифрах. Среди остатков домашних копытных удельный вес коровы

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Лаборатория археологической технологии.

Таблица 1. Остатки фауны поселений Илгыны-депе и Алтын-депе из слоев эпохи энеолита и средней бронзы.²

Table 1. Faunistic finds from Encolithic and Middle Bronze Age layers at the sites of Ilygny-Depe and Altyn-Depe.

Памятники	Илгыны-депе		Алтын-депе		Средняя бронза (Ермолова 1970)	
	Периоды	Конец среднего энеолита	Поздний энеолит	Средняя бронза		
Виды животных	Кол-во костей	%	Кол-во костей	%	Кол-во костей	%
ДИКИЕ						
Дикобраз <i>Hystrix leucura</i> Sykes.	1	0,05	–	–	–	–
Заяц толый <i>Lepus tolai</i> Pall.	1	0,05	–	–	–	–
Волк <i>Canis lupus</i> L.	–	–	2	0,05	–	–
Лисица <i>Vulpes vulpes</i> L.	5	0,3	23	0,6	1	0,2
Степной кот <i>Felis libyca</i> Fors.	–	–	1	0,05	–	–
Кулан <i>Equus hemionus</i> Pall.	214	11,0	512	14,4	80	21,1
Дикий кабан <i>Sus scrofa ferrus</i> L.	4	0,2	4	0,1	–	–
Дикий бык <i>Bos primigenius</i> L.	2	0,1	3	0,1	–	–
Джейран <i>Gazella subgutturosa</i> Guld.	123	6,3	388	10,9	25	6,6
Сайга <i>Saiga tatarica</i> L.	7	0,4	11	0,3	1	0,2
Безоаровый козел <i>Capra aegagrus</i> Erxl.	15	0,8	64	1,8	21	5,5
Уриал <i>Ovis vignei</i> Blyth.	26	1,3	98	2,8	2	0,5
Дикий баран или козел <i>Ovis</i> et <i>Capra</i>	4	0,2	2	0,05	–	–
Птицы <i>Aves</i> sp.	6	0,1	8	0,2	–	–
Черепаха <i>Testudinidae</i> sp.	1	0,5	11	0,3	–	–
ДОМАШНИЕ						
Домашняя корова <i>Bos taurus</i> L.	221	11,4	301	8,5	32	8,4
Домашняя овца <i>Ovis aries</i> L.	313	16,1	661	18,6	–	–
Домашняя коза <i>Capra hircus</i> L.	193	10,1	303	8,5	–	–
Домашние овца или коза <i>Ovis</i> et <i>Capra</i>	800	41,2	117	31,6	203	53,6
Домашняя собака <i>Canis familiaris</i> L.	5	0,3	31	0,9	14	3,7
ВСЕГО:	1942	100	3539	100	379	100

на Илгыны-депе периода среднего энеолита составляет 16,9%, а на Алтын-депе в позднем энеолите – 8,5%. Н. М. Ермолова объясняла это тем, что поблизости не было подходящих выпасов (Ермолова 1979). Однако теперь, после изучения материалов Илгыны-депе, которые на момент публикации ее статьи не были известны, становится ясно, что причина уменьшения количества остатков коровы в III тыс. до н. э. состоит, скорее всего, в нарастающей аридизации климата.

Между материалами периодов позднего энеолита и развитой бронзы Алтын-депе также заметны некоторые отличия. Прежде всего, вновь происходит заметное увеличение численности остатков кулана. При этом общий удельный вес двух основных объектов охоты – кулана и джейрана в период развитой

бронзы остается таким же, но внутри этой группы кулан теперь превосходит джейрана более чем втрое (в слоях эпохи средней бронзы доля остатков джейрана вновь падает до 6,6%, а кулана возрастает до 21,1%). При этом доля остатков домашних животных меняется незначительно. Однако материалы по фауне Алтын-депе периода развитой бронзы, опубликованные в 1970 г., крайне малочисленны, и потому более углубленная детализация процентной картины этой костной коллекции может привести к ошибочным выводам.

О некоторых видах животных, встречающихся на поселениях предгорной полосы Копетдага с неолита до исторического времени, следует сказать несколько подробнее. Не все они обнаружены на Алтын-депе.

² В подсчеты не включены остатки двугорбого верблюда, наличие которого на памятнике упоминает в последней работе Н. М. Ермолова (Ермолова 1979), и гиены, сведения об остатках которой встречаются среди ее неопубликованных рабочих материалов, а также остатки благородного оленя, одна первая фаланга которого была обнаружена в 2001 г. В литературе имеется только одно упоминание о находке двух костей благородного оленя в протонисторических слоях памятников предгорной полосы Копетдага: на поселении Ану, слои 0–1 периода IIB времени позднего Намазга II (Moore, Ermolova, Forsten 2003: 155).

Здесь пока не встречены, например, остатки зайца. Вероятнее всего, это случайное явление, поскольку заяц-толай являлся не основным, но тем не менее постоянным объектом охоты населения эпохи палеометалла Средней Азии. Он упоминается, например, среди материалов стоянки Толстова в Среднеазиатском Междуречье (Виноградов 1981) и некоторых других. Остатки его всегда немногочисленны.

Вообще количество остатков диких видов, кроме кулана и джейрана, на Алтын-депе относительно невелико.

Волк. Волк определяется достаточно часто на многих поселениях предгорной полосы Копетдага. Остатки его представлены в материалах из неолитического поселения Джейтун (Шевченко 1960), в раннеэнеолитическом комплексе Анау IA (Северный холм Анау; Ермолова 1985), в среднеэнеолитических слоях Елен-депе и слоях периода средней бронзы Шор-депе (Ермолова 1970). В материалах из позднеэнеолитических горизонтов Алтын-депе, рассмотренных автором, волк представлен одним обломком проксимальной части лучевой кости и верхней частью плеча.

Лисица. Кости лисицы обнаружены в заметном количестве на Джейтуне, Илгынды-депе и Алтын-депе. В позднеэнеолитическом комплексе фауны Алтын-депе остатки лисицы составляют 0,6%, а самое большое их количество оказалось на неолитическом Джейтуне (слои 3 и 4) – 2,6%.

Стенной кот. На Алтын-депе найден один обломок левой нижней челюсти стеной кошки, к сожалению, не поддающийся промерам. Вероятно, фрагменты принадлежат стеному коту, которому соответствуют по величине и у которого сходный индекс M_1 , а также прочие детали строения.

Дикий кабан. Свиной, кости которых найдены в слоях Алтын-депе периода позднего энеолита и на более ранних поселениях предгорной полосы Копетдага, мы относим к дикой форме, несмотря на относительно небольшие их размеры. Уменьшение размеров костей вообще-то служит одним из показателей одомашнивания вида, однако сам по себе размер, учитывая незначительное количество находок, таким безусловным показателем не может являться. Тем более, что речь идет о южных районах ареала обитания вида: известно, что азиатские разновидности дикой свиньи, особенно турецкие и иранские, заметно меньше европейских. На сложности доказательства одомашнивания диких животных, в частности – свиней, исходя из размеров их костей, указывал еще Д. Перкинс (Perkins 1973). Примечательно, что и Н. М. Ермолова в своих новейших работах уже определяет свинью на Алтын-депе как дикую (Ермолова 1979). Кроме того, находки обломков мощных клыков диких самцов-секачей на Джейтуне (слой 2, неолит), Илгынды-депе (раскоп 3, горизонт 2, раннегеоксорское время), Алтын-депе (раскоп 5, горизонт 10, поздний энеолит) и Кара-депе (погребение 109, ранний энеолит) говорят о том, что дикий кабан в эпоху палеометалла в регионе водился и обитатели предгорной полосы Копетдага на него

охотились. На Алтын-депе в слоях периода позднего энеолита автором обнаружены всего четыре кости дикого кабана: два обломка нижней челюсти с зубами, обломок метаподии и обломок лопатки. Н. М. Ермолова в материалах периода средней (развитой) бронзы этого памятника выделила две кости свиньи (0,4%; Ермолова 1970: табл. 1).

Сайга. На Алтын-депе обнаружено небольшое количество костей сайги. На других памятниках Южной Туркмении сайга почти не представлена. Всего пять обломков костей определены автором на неолитическом поселении Джейтун. Четыре упомянуты Н. М. Ермоловой (Ермолова 1970) для среднеэнеолитического памятника Елен-депе и одна – из слоев периода средней бронзы Алтын-депе. В слоях позднего энеолита на этом памятнике автором встречено одиннадцать костных фрагментов сайги. Таким образом, несмотря на то что сайга была постоянным обитателем почти всей территории Средней Азии в течение плейстоцена и голоцена (Верещагин, Барышников 1985), объектом охоты в энеолите и бронзовом веке в предгорной полосе Копетдага она не являлась.

Уриал и безоаровый козел. Количество костных фрагментов, определенных как остатки *Ovis vignei* и *Sarqa asagrus*, невелико. В позднеэнеолитических слоях Алтын-депе дикий козел составляет 59% от остатков уриала. Общая незначительная доля обоих этих животных в сборах (табл. 1) и доминирование уриала среди остатков диких капринов может, в частности, объясняться тем, что они, и в особенности безоаровый козел, представляли для раннеисторических охотников более трудную добычу.

Дикий бык. Некоторые кости палорогих настолько велики, что определяются как остатки дикого быка. В частности, в горизонте 10 раскопа 5 Алтын-депе найдена проксимальная часть передней метаподии быка (ширина эпифиза 74,7 мм). То есть на позднеэнеолитическом Алтын-депе обнаружены наиболее крупные для Южной Туркмении обломки костей палорогов. Причем, судя по ряду признаков, выделенных В. И. Бибиковой (Бибикова 1958), часть костей следует отнести именно к роду *Bos*, а не *Bison*, например. Зубр также мог встречаться в раннем голоцене в горах Копетдага, поскольку обитал он в то время не только на Кавказе, но и на Эльбурсе, и восточная граница его ареала здесь не прослежена (Флеров 1979).

В настоящее время имеется достаточно доказательств того, что первобытный бык дожил в среднеазиатском регионе до голоцена (Верещагин, Барышников 1985). Действительно, этот вид достоверно определен Н. К. Верещагиным на неолитической стоянке Караганда 15 (Клапчук 1970), а также встречен на некоторых стоянках среднеазиатского междуречья VI–III тыс. до н. э. (Виноградов 1981). Остатки крупного дикого быка, не определенного до вида, известны в слоях неолитической стоянки в пещере Караунгур (Макарова 1973), позднемезолитических и неолитических слоях пещеры Джебель (Цалкин 1956). В непосредственной близости от Алтын-депе, на неолитическом поселении Чагылы-депе, в самом

раннем 12-м горизонте обнаружено несколько костей крупного полорогого, которые В. И. Цалкин отнес к дикой форме (Бердыев 1964). По черепу и крупным фрагментам роговых стержней из неолитических слоев Анау И. Дюрст определил дикого быка *Vos nomadicus* (Duerst 1908).

Н. М. Ермолова отмечает находку на поселении Анау (Северный холм) в 1981 г. фрагмента верхней части пястной кости быка, сравнимого по размерам «лишь с очень крупным современным серым украинским скотом или с диким предком коров – туром» (Ермолова 1986: 113).

Домашняя корова. Одним из основных домашних животных на Алтын-депе является корова. Ее остатки во множестве встречены также на Илгылы-депе и на других памятниках в регионе начиная с энеолита. *Выше уже говорилось, что доля коровы в стаде домашних животных со временем падает, что, вероятно, связано с изменением климатической ситуации.*

Определение породной принадлежности крупного рогатого скота из позднеэнеолитических комплексов Алтын-депе представляет довольно трудную задачу. Никакого остеологического материала, хоть сколько-нибудь пригодного для краниометрии и последующих сравнений, не обнаружено. Это касается, к сожалению, не только крупного рогатого скота, но и большинства остальных видов данного тафоценоза. Поэтому при описании породности крупного рогатого скота автору приходилось руководствоваться не только костными, но и, в основном, этнографическими и археологическими данными.

В настоящий момент в большинстве областей Средней Азии население содержит коров зебувидной породы, описываемой в зоотехнической литературе под общим названием «туркестанский зебу». Это смешанная, как правило, безгорбая популяция, в которой присутствует кровь рогатого скота Туркмении, Узбекистана и Таджикистана (Вердиев 1994).

Однако тот же автор отмечает, что в Туркмении, в областях, граничащих с Ираном, то есть в районе расположения исследуемых нами памятников, содержатся так называемые хорасанские и сеистанские зебу. Эти породные группы несколько отличаются от остальной среднеазиатской популяции. Они сохранили все присущие зебу внешние особенности и большинство свойств этого вида. Время появления этого зебувидного скота в регионе устанавливается лишь предположительно. З. К. Вердиев считает, что стихийное смешение крупного рогатого скота местных популяций с иранским зебу происходило примерно в VII–VIII вв. н. э. Однако, судя по археологическим данным, в этот период оно, вероятно, уже завершилось окончательно и сформировалась вышеупомянутая порода – туркестанский зебу. Проникновение же зебу в регион началось гораздо раньше.

В Азербайджане находки самых ранних несомненных, натуралистических изображений зебу датируются 2,5–2 тыс. лет до н. э., что отмечается многими авторами (например, Morgan 1889). Для Средней Азии В. И. Громова определила зебу на поселении

железного века Каунчи-Тепе в районе современного Ташкента (Громова 1940).

Можно было бы предположить, что крупный рогатый скот на Илгылы-депе и Алтын-депе в эпоху среднего энеолита–средней бронзы также имел зебувидный облик. Кости посткраниального скелета крупного рогатого скота из Илгылы-депе проанализированы с точки зрения признаков, приводимых С. Д. Ольсеном, который подробно описал отличительные черты посткраниального скелета зебу от таковых бизона и домашнего быка (Olsen 1960). Однако ни одной кости, принадлежащей зебу, обнаружено не удалось.

В. И. Цалкин считает, что о времени появления зебу в Южной Туркмении трудно сказать что-нибудь определенное (Цалкин 1970). При этом он замечает, что на рубеже энеолита и эпохи бронзы крупный рогатый скот заметно мельчает. Исходя из длины метаподий (правда, встреченных в единичных экземплярах), он определяет высоту в холке коров бронзового века примерно 114 см, а для раннего железного – 112–116 см, тогда как высота в холке позднеэнеолитического скота (Чагылы-депе) и скота из геоксюрских поселений IV тыс. до н. э. определяется им в 122–126 см. Вполне возможно, что такое заметное и сравнительно быстрое уменьшение размеров скота вызвано тем, что ранняя примитивная домашняя форма сменилась на более мелкую зебувидную породу, проникшую в регион с юга. Примечательно, что рост зебу составляет от 104 до 115 см (Уханов, Столповский и др. 1993). При этом туркестанский зебу в среднем крупнее азербайджанского именно в силу того, что в его формировании участвовали местные крупные породы скота (Вердиев 1994).

Высота в холке позднеэнеолитических коров Алтын-депе по тем же критериям составляет порядка 122–124 см. Таким образом, в раннеземледельческую эпоху на территории Южной Туркмении разводился крупный рогатый скот, подобный восточноевропейскому. Возможно, он был местного происхождения, но гораздо вероятнее, что он попал в регион вместе с первыми переселенцами из Передней Азии, где уже в натуфийское время (мезолит), видимо, предпринимались попытки одомашнивания дикого быка, однако зебувидная форма еще не была известна (Шнирельман 1980).

В эпоху позднего энеолита и ранней бронзы в Среднюю Азию, возможно, попадает новая форма крупного рогатого скота – зебу, более мелкая, но лучше приспособленная к изменяющемуся в сторону аридизации климату, что произошло в конце льялякского плейстоценоза. Оказавшись на юге Туркмении, эта форма начала интенсивно смешиваться с местными породами скота и, постепенно меняя свой облик, распространилась по всей Средней Азии, образовав к VII–VIII вв. н. э. уже упоминавшуюся выше породу – туркестанский зебу, существующую и поныне.

Позднеэнеолитический крупный рогатый скот обитателей Алтын-депе к этой группе отнести нельзя. Это была более ранняя, крупная форма, вероятно, лишенная горба и обладавшая, по-видимому, более мощными рогами.

Верблюд. Самые ранние находки остатков верблюда на юге Туркмении, по последним данным, относятся к началу V тыс. до н. э. Н. М. Ермолова кратко упоминает дистальный эпифиз плечевой кости двугорбого верблюда из раннеэнеолитического комплекса Анау IA поселения Анау (Северный холм) (Ермолова 1985). Она пишет о верблюде как о домашнем животном, никак не аргументируя, впрочем, такую трактовку этой находки. Одна кость верблюда определена И. Дюрстом для верхних слоев этого же поселения (культура Анау II периода среднего энеолита) (Duerst 1908). Как уже несомненно домашнее животное верблюд определен Н. М. Ермоловой в комплексах конца периода ранней-периода средней бронзы на поселениях Шор-депе и Алтын-депе (Ермолова 1968; 1979). Судя по терракотовым фигуркам эпохи средней бронзы, верблюд являлся упряжным животным. В материалах с Илгылы-депе верблюд не обнаружен. Не встречен он и в позднеэнеолитических слоях Алтын-депе. Возможно, что верблюд присутствовал на этих поселениях в одомашненной или полудомашней форме, однако широко распространенным домашним животным двугорбый верблюд стал на предгорной равнине Копетдага в более позднее время.

Домашние овцы и козы. Основными домашними животными начиная уже с неолита в предгорной полосе Копетдага являлись козы и овцы. Состав стада домашних капринов менялся с течением времени. На поселении Джейтун в стаде было 60% овец и 40% коз. На Илгылы-депе в слоях ялангаского времени среди остатков домашних мелких полорогих, определенных до вида, зафиксировано примерно 56% остатков овец и 44% коз. В раннегеокюрских слоях овцы составляют 62%, а козы – 38%. Таким образом, в раннегеокюрское время по сравнению с предшествующим ялангаским периодом ситуация изменилась мало. В позднеэнеолитических слоях Алтын-депе козы составляют уже 34%, а на памятниках эпохи развитой бронзы – только 19% стада (Ермолова 1970: табл. 1).

В современных стадах мелкого рогатого скота Туркмении коз еще меньше. По нашим наблюдениям, доля коз составляет здесь не более 20, чаще – 15%. Объяснение этому довольно любопытно. Из разговоров с пастухами Туркмении и Таджикистана автору удалось выяснить, что преобладание в стаде овец обусловлено двумя главными причинами. Во-первых, овцы тихходны, гораздо менее подвижны и легче управляемы, чем козы. Последние же, в отличие от овец, находятся в постоянном движении, зачастую портят посевы и даже способны залезать на ствол плодового дерева передними ногами и глотать кору, отчего дерево сохнет и может погибнуть.

Во-вторых, среди пастухов бытует мнение, что коза скучивает растительность иначе, чем овца. Стебель травы, скусанный овцой, продолжает вегетировать, а коза проделывает это таким образом, что стебель более уже не растет, а засыхает. Потому считается, что в сельской местности на ограниченном выпасе много коз держать нельзя: они просто сведут всю травянистую растительность в округе.

Наилучшим параметром для сравнения размеров овец, содержащихся в разные исторические периоды на поселениях предгорной равнины Копетдага, является длина метаподий. Как правило, этот материал на поселениях наиболее массовый, а результаты его анализа весьма достоверны. К настоящему моменту уже имеются специальные таблицы корреляции длины метаподий и высоты животного в холке (Цалкин 1961). Исходя из этих данных, высота в холке овец, обитавших на Илгылы-депе, составляла от 66 до 80 см, так что в среднем энеолитические овцы Илгылы-депе оказываются чуть выше, чем, например, овцы бронзового века из поселений Хапуз-депе, Улуг-депе, Намазга-депе и Мадау-депе, где средняя высота овец – 67 см. С этим согласуются и данные Н. М. Ермоловой, свидетельствующие о том, что высота в холке овец эпохи средней бронзы на Алтын-депе и Шор-депе не превышает 66 см, то есть также несколько меньше, чем овец с Илгылы-депе среднеэнеолитического времени (Ермолова 1970). Овцы периода энеолита оказываются немного крупнее неолитических форм, в том числе и по общей массивности телосложения.

К сожалению, в материалах Алтын-депе периода позднего энеолита целые метаподии капринов отсутствовали. Автором проведено сравнение среднеэнеолитических овец Илгылы-депе и овец эпохи средней бронзы из Алтын-депе и Шор-депе по ширине дистального эпифиза плеча. Овцы бронзового века, как оказалось, чуть крупнее: эта величина у них составляет в среднем 33,8 мм (n=41); у энеолитических: 32,9 (n=23) (геокюрское время) и 32,0 (n=23) (ялангаское). В целом размеры костей козы из наших сборов на Алтын-депе периода позднего энеолита и Илгылы-депе ялангаского и раннегеокюрского этапов вполне укладываются в общий размах изменчивости для домашних коз раннеисторического времени в этом регионе, то есть речь может идти об одной и той же форме. Таким образом, заметна тенденция к небольшому увеличению размеров овец с неолита до бронзового века.

Для выяснения возраста и времени гибели взрослых особей капринов на поселениях Алтын-депе, Илгылы-депе и некоторых других использовалась методика подсчета слоев дентина на корнях зубов (Клевезаль 1988). Что касается молодых животных, то тут учитывались стадии смены молочных зубов на постоянные. К сожалению, на Алтын-депе материала, пригодного для такого исследования, оказалось немного. Было установлено, что в неолите и среднем энеолите молодые овцы гибли в основном зимой, а взрослые: в неолите – весной, а в энеолите – в весеннее и осеннее время (Kasparov 1994). Зимняя гибель молодых животных может быть обусловлена естественными причинами: недостатком корма и суровыми климатическими условиями. В позднем энеолите забой взрослых овец происходил в течение всего лета.

Для коз картина иная. В неолите основное количество молодых животных забивается в марте и июне, то есть в начале весны и лета, а взрослых – не только в весенне-летний сезон, но и осенью. В среднем энео-

лите забой как молодых, так и взрослых коз происходил дважды в год – осенью и весной. А в эпоху бронзы, вероятно, только весной.

Таким образом, наши наблюдения показывают заметное различие в сезонной стратегии обращения со стадом овец и коз. Овцы имеют более или менее равномерную смертность в течение всех сезонов года. Забой же коз, как правило, носит характер сезонной кампании, которая приходится главным образом на весну.

Собака. Остатки собаки на до- и раннеисторических памятниках предгорьев Копетдага никогда не бывают особенно многочисленными, однако встречаются постоянно. Из слоев эпохи средней бронзы Алтын-деше И. М. Ермолова описала всего 12 обломков костей собаки. В позднеэнеолитических слоях их встречено 31. Проведенные исследования (Каспаров 1996; Каспаров 2000) показывают, что в эпоху среднего энеолита на поселениях предгорной равнины Копетдага и, возможно, в Ираке существовала собака, уже несколько отличающаяся от классического типа, сложившегося на территории Египта и Передней Азии к концу V тыс. до н. э. Эта собака обладала, по-видимому, более длинной и узкой мордой и соответственной системой зубов, однако у нее было, вероятно, довольно широкое костное небо в области первых моляров и округлая черепная коробка; кроме того, ее характеризовал более массивный хищнический зуб.

Примечательно, что как раз в конце среднего энеолита на Юго-Востоке Туркмении происходит смена ялангачской культурной традиции на геокюрскую, предположительно связанную с проникновением на эту территорию каких-то новых коллективов людей. Надо полагать, что принадлежавшие им домашние собаки отличались от собак местного населения. Хотя и те и другие собаки, вероятнее всего, принадлежали к одной породной группе, в результате их скрещивания фенотип местной популяции все же несколько изменился.

Судя по терракотовым статуэткам, в период средней бронзы собаки на Алтын-деше по внешнему виду отличаются от собак из Илгышды-деше и самого Алтын-деше более раннего времени – появляются крупные собаки с массивной довольно короткой мордой. На некоторых статуэтках собак времени средней бронзы уши сохранились настолько хорошо и выделены столь реалистично, что на основании этих изображений можно предполагать купирование ушей у собак, обитавших в то время на Алтын-деше. Кроме того, у трех терракотовых собачек выделенный с большой тщательностью хвост выглядит как отходящий от тела под углом примерно 60° короткий толстый стержень, слегка загнутый и приотстренный к концу. Эти изображения наводят на мысль, что собакам с поселения Алтын-деше в период средней бронзы купировали не только уши, но и хвосты.

При исследовании фаунистических материалов и типа хозяйствования на памятниках эпохи позднего энеолита–средней бронзы следует помнить, что в это время начиналось имущественное расслоение раннеисторических социумов. На материалах Алтын-деше

конца III тыс. до н. э. прослеживается определенная социальная стратификация (Массон 1981; 1984; 1992; 1999; Березкин 1994). Таким образом, на формирование фаунистических комплексов этого времени влияли не только окружающая природная среда или традиционные охотничьи пристрастия обитателей поселения, но и какие-то социальные факторы.

На разных участках Алтын-деше в период средней бронзы наблюдается некоторое различие в видовом составе животных. На участке, где располагались, судя по строительным остаткам и обнаруженным находкам, дома простых ремесленников, кости диких животных явно преобладают. Кроме того, здесь отсутствуют слои рыхлой коричневатой земли, свидетельствующие о стойловом содержании скота. На участке, заселенном привилегированными и, видимо, зажиточными членами общины, – обратная картина. Здесь заметно преобладают кости домашних животных, причем сами кости почти не подвергались раздроблению (для получения костного мозга). Это может свидетельствовать о более расточительном отношении к пищевым ресурсам. Можно по-разному интерпретировать подобную ситуацию с остатками фауны, однако несомненно, что на Алтын-деше в конце III тыс. до н. э. уже существовали заметные различия между группами населения.

В целом Алтын-деше является памятником со сложной системой хозяйства, специфика которого определялась несколькими факторами.

Во-первых, аридизация климата в III тыс. до н. э. вызвала некоторое сокращение поголовья крупных пород овец, так как пригодные для их выпаса места значительно сократились.

Во-вторых, колебания численности кулана, поголовье которого быстро сокращалось в результате активной охоты, вызвали некоторую переориентацию лодзинэнеолитических охотников Алтын-деше. Они переключились на джейрана, однако охота на кулана возобновилась в период средней бронзы, когда численность этого животного вновь возросла.

В-третьих, укрепление скотоводческой базы хозяйства и несомненное увеличение поголовья мелких пород овец позволили обитателям Алтын-деше уже не так строго соблюдать сезонный режим обращения со своими стадами. Если в предшествующие эпохи мелкий рогатый скот резали в определенное время года с точностью чуть ли не до месяца, то к бронзовому веку элиминация животных производилась практически по мере надобности. Впрочем, ситуация с забоем коз продолжает пока сохранять свои особенности (см. выше).

В-четвертых, фаунистический состав, процентное соотношение остатков, набор скелетных элементов и их тафономия оказываются в эпоху бронзы несколько отличными на разных участках памятника, что обусловлено начинающимся социальным расслоением. На неолитических и энеолитических поселениях такого различия в фаунистических комплексах мы не наблюдаем.

На поселении Алтын-деше к концу III тыс. до н. э. существовало мощное скотоводческое хозяйство,

- а охота начала сходиться на нет и занимала несколько подчиненную роль. Развитие многочисленных стад домашних животных (и, вероятно, владение ими) являлось в значительной степени прерогативой людей, имевших более высокой социальный статус. Охота была в значительной степени уделом общинников, стоявших на более низких ступенях общественной иерархии, и ей только предстояло сделаться к концу бронзового века развлечением привилегированных классов.
- Бердыев 1964 – Бердыев О. Чагальды-Депе // Известия АН Туркменской ССР. Сер. обществ. наук. Ашхабад, 1964. № 1. С. 89–95.
- Березкин 1994 – Березкин Ю. Е. «Город мастеров» на древнеостанной периферии: Планировка поселения и социальная структура Алтын-депе в III тыс. до н. э. // ВДИ. 1994. № 3. С. 14–37.
- Бибикова 1958 – Бибикова В. И. О некоторых отличительных чертах в костях конечностей зубра и тура // БМОИП. Сер. биол., секция зоологии. 1958. № 63 (6). С. 23–35.
- Вердиев 1994 – Вердиев З. К. Зебу и зебувидный скот // Генетические ресурсы сельскохозяйственных животных в России и сопредельных странах / Эрнст Н. К., Дмитриев Н. Г. (ред.) СПб., 1994. С. 93–99.
- Верещагин, Барышников 1985 – Верещагин И. К., Барышников Г. Ф. Вымирание млекопитающих в четвертичном периоде Северной Евразии // Труды ЗИН АН СССР. 1985. № 131. С. 3–38.
- Виноградов 1981 – Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского Междуречья. М., 1981.
- Громова 1940 – Громова В. И. Материалы к изучению древнейших домашних животных Средней Азии. Ташкент, 1940.
- Ермолова 1968 – Ермолова Н. М. Костные остатки млекопитающих из поселений эпохи энеолита и бронзы Южного Туркменистана // Караумские древности. Ашхабад, 1968. № 1. С. 48–53.
- Ермолова 1970 – Ермолова Н. М. Новые материалы по изучению остатков млекопитающих из древних поселений Туркмении // Караумские древности. Ашхабад, 1970. № 3. С. 205–232.
- Ермолова 1979 – Ермолова Н. М. К характеристике млекопитающих Туркмении бронзового века (по остеологическому материалу из раскопок Алтын-Депе в 1975 г.) // Караумские древности. Ашхабад, 1979. № 8. С. 113–116.
- Ермолова 1985 – Ермолова Н. М. Новые исследования остатков млекопитающих из энеолитического поселения Анау // Известия АН Туркменской ССР. Сер. обществ. наук. Ашхабад, 1985. № 1. С. 85–87.
- Ермолова 1986 – Ермолова Н. М. Материалы к изучению скотоводства и охоты в Центральной Азии в эпоху энеолита и бронзы // Древние цивилизации Востока. Ташкент, 1986. С. 110–117.
- Каспаров 2000 – Каспаров А. К. Собака эпохи энеолита из Южного Туркмении по палеозоологическим данным // АВ. СПб., 2000. № 7. С. 41–48.
- Каспаров 2001 – Каспаров А. К. Скотоводство и охота в эпоху энеолита и палеометалла в Южной Туркмении (Систематизация материалов и вопросы интерпретации): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001.
- Кирью, Массон 1999 – Кирью Л. Б., Массон В. М. Изучение культурной трансформации раннеземледельческих обществ (По материалам новых раскопок на Алтын-депе и Илгылы-депе) // РА. 1999. № 2. С. 61–76.
- Кланчук 1970 – Кланчук М. Н. Стоянка Караганда 15 // СА. 1970. № 4. С. 153–160.
- Клевезаль 1988 – Клевезаль Г. А. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. М., 1988.
- Макарова 1973 – Макарова Л. А. Терофоуна пещеры Караунгур // Археологические исследования в Казахстане. Алматы, 1973. С. 146–155.
- Массон 1981 – Массон В. М. Алтын-Депе // Труды ЮТАКЭ. Л., 1981. № 18.
- Массон 1984 – Массон В. М. Формирование древних цивилизаций в Средней Азии и Индостане // Древние цивилизации Средней Азии и Индии. Л., 1984. С. 56–70.
- Массон 1992 – Массон В. М. Цивилизация Алтын-депе. Ашхабад, 1992.
- Массон 1999 – Массон В. М. Первые цивилизации и всемирная история. Уфа, 1999.
- Узанов, Столповский и др. 1993 – Узанов С. В., Столповский Ю. А., Барышников Л. В., Зубарева Л. А., Исаинова З. И., Вердиев З. К. Генетические ресурсы крупного рогатого скота: редкие и исчезающие отечественные породы. М., 1993.
- Филеров 1979 – Филеров К. К. Систематика и эволюция // Зубр / Соловов В. Е. (ред.) М., 1979. С. 9–127.
- Цалкин 1956 – Цалкин В. И. Предварительные результаты изучения фаунистического материала из раскопок Джебала, произведенных А. П. Окладниковым // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1956. № 7. С. 220–221.
- Цалкин 1961 – Цалкин В. И. Изменчивость метаколий у овцы // БМОИП. Отд. биол., секция зоологии. 1961. Т. 66 (5). С. 132–138.
- Цалкин 1970 – Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Средней Азии. Сообщение 1 // БМОИП. Отд. биол., секция зоологии. 1970. Т. 75 (1). С. 145–159.
- Шевченко 1960 – Шевченко А. М. К истории домашних животных Южного Туркменистана // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1960. № 10. С. 464–477.
- Ширельман 1980 – Ширельман В. А. Происхождение скотоводства. М., 1980.
- Duerst 1908 – Duerst J. U. Animal Remains From the Excavations at Anau, and the Horse of Anau in its Relation to the Races of Domestic Horses // Explorations in Turkestan Expedition of 1904. Prehistoric Civilizations of Anau Origins, Growth, and Influence of Environment. Vol. 1–2. Pumpelly R. (Ed). Washington D.C., 1908. Vol. 2, Part IV. Ch. XVI–XVIII. P. 341–399.
- Moore, Ermolova, Forsten 2003 – Moore K. M., Ermolova N. M., Forsten A. Animal Herding, Hunting and the History of Animal Domestication at Anau depe // Central Asian Village at the Dawn of Civilization, Excavations at Anau, Turkmenistan. Hiebert F. A. (Ed.) Philadelphia, 2003. P. 154–159.
- Morgan, de 1889 – De Morgan J. Mission scientifique au Caucase // Etudes archéologiques et historiques. E. Leroux. Paris, 1889. T. 1–2. P. 231–305.
- Kasparov 1994 – Kasparov A. K. Patterns in caprine exploitation at Ilgynly-Depe, Turkmenistan // New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. Sankt-Petersburg, 1994. P. 36–38.
- Kasparov 1996 – Kasparov A. K. On a chalcolithic dog from Southern Turkmenia // Paléorient, 1996. N 22 (1). P. 161–167.
- Olsen 1960 – Olsen S. J. Post cranial skeletal characters of Bison and Bos // Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. Harvard University. Cambridge, 1960. Vol. 35. N 4.
- Perkins 1973 – Perkins D. The beginnings of animal domestication in the Near East: Summary // American Journal of Archaeology, 1973. Vol. 77. N 3. P. 279–282.

NEW EVIDENCE ON THE FAUNA OF ALTYN-DEPE. SOME DETAILS OF THE EVOLUTION OF THE ANIMAL HUSBANDRY IN PROTO-URBAN COMMUNITIES

A. K. KASPAROV

In archaeological practice, faunal remains are a source of very important information not only on the structure of animal husbandry and the meat diet of a settlement, but also on the development of social relations and the extent of the social differentiation. In some cases, they are helpful to reveal the layout of the site under studies.

All the more important are studies of osteological collections from long-lived sites investigated on a high scholarly level since these collections reflect the cultural evolution of an entire region for a long period of time. The settlement of Altyn-Depe in southern Turkmenia is undoubtedly a site of this type. It is situated about 200 km south-east of Ashkhabad directly near the village of Meana.

At present, a new and fairly extensive collection of osteological materials has been yielded by this archaeological site of a worldwide significance. These materials have been gathered by the present author during the field seasons of 1987, 1989, 1991, 1992 and 1995. The dates are from the Late Aeneolithic or Geoksyur period.

Generally characterized, Altyn-Depe is a site with a complicated economical system dominated by a number of factors: the continuous aridification of the climate, variation of the numbers of kulan (Asiatic wild ass), considerable increase of the livestock of small cavicorns and the expansion of stock-breeding economy.

The faunal composition, the percentage of the osteological remains, the assemblage of skeletal elements and their taphonomy came to be different in different areas of the site having been determined by the beginning social differentiation.

On the whole, there was a highly developed animal husbandry at Altyn-Depe while hunting was rather of a secondary importance. Breeding numerous herds of domesticated animals (as well, perhaps, as owning them) was to a large extent a prerogative of those members of the community who possessed a fairly high social status. Hunting was an occupation of people of rather lower social grades and it was to become an entertainment of privileged classes only by the end of the Bronze Age.

КЕРАМИКА АНДРОНОИДНОГО ТИПА В ВЕРХОВЬЯХ Р. ТУБЫ

С. Н. ЛЕОНТЬЕВ¹

Рассматривая вопрос о территориальном распространении на Среднем Енисее памятников андроновской культуры, Э. Б. Вадецкая отметила, что они «найлены в Назаровской, Чулымско-Енисейской и Сыда-Ербинской котловинах и практически полностью неизвестны в собственно Минусинской котловине... Более того, черепки андроновских сосудов, так же как и иных изделий, нет среди огромных коллекций подъемного материала или случайных находок» (Вадецкая 1986: 41–42). Данное обстоятельство позволило ей предположить, что на юге Хакаско-Минусинского региона вплоть до карасукского времени продолжали проживать носители окуневских культурных традиций, не допустившие сюда пришедших с запада чужаков (Вадецкая 1986: 36, 42). Эта гипотеза не была опровергнута материалами полевых исследований 1990-х гг. и в настоящее время является практически общепринятой.

Самыми южными памятниками андроновской культуры на правобережье Среднего Енисея сегодня являются расположенные близ устья р. Тубы могильники Тепсей IV и Потрошилово II. Несколько севернее находятся могильники Лебяжье I, V и Устье Бири IV. Согласно изложенной выше гипотезе, они маркируют юго-восточную границу между соседствовавшими андроновскими и позднеокуневскими племенами. Последние в этом случае должны были занимать весь бассейн р. Тубы вплоть до предгорий Восточного Саяна, где, образуя эту реку, сливаются три горные таяежные реки – Кизир, Казыр и Амыл (рис. 1). Данная территория является «белым пятном» на археологической карте Хакаско-Минусинского региона и лишь в 2000–2005 гг., благодаря работам экспедиции Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова, здесь были открыты первые памятники Древности.

Наибольшее их количество оказалось сосредоточено в окрестностях с. Таяты Каратузского района Красноярского края – в горно-таяежной местности, расчлененной долиной р. Казыр, берущей свое начало на стыке Восточного и Западного Саяна. При раскопках одного из них – группы разновременных стоянок древних рыболовов и охотников, получившего порядковое наименование Таяты IV – помимо материалов эпохи неолита, бронзы, раннего железа и средневековая нами была встречена и фрагментированная посуда андроновского облика.

Первый сосуд имел миниатюрные размеры и «типично андроновскую» горшковидную форму (рис. 2: 4). Он был изготовлен из плотного средней пластичности теста с зернистой структурой, отощенного при-

месью измельченного аллювия, а моделирован, вероятно, простым выдавливанием из цельного комка глины с последующей расформовкой на ялоской подставке. Толщина стенок варьирует в пределах 0,3–0,4 см, диаметр к центру утончается до 0,2 см. Из-за сильной выщербленности характер обработки внешней и внутренней поверхностей стенок остается неясным. Обожжен сосуд был в равномерно-окислительной среде. Цвет поверхности черепков светлый оранжево-красный, излом заметно темнее. Орнаментация сосуда сплошная, охватывающая весь его корпус и состоящая из монотонных горизонтальных каннелюр, выполненных протаскиванием палочки со спрямленным концом.

Второй сосуд, напротив, имел крупные размеры и слабо профилированную баночную форму (рис. 2: 6). Он был изготовлен из плотного средней пластичности теста с зернисто-комковатой структурой, в котором заметна искусственная примесь крупнозернистого дробленого аллювия в сочетании с шамотом в виде комков сухой глины. Моделирован сосуд из двух отдельных частей: сформованной из широких лент емкости и дна, раскатанного в виде глиняной лепешки и вложенного внутрь уже слегка подсохшего начина. Поверхность сосуда доработана уплотняющей выбивкой, после чего была хаотично затерта орудием типа шпателя и замыта. Внешняя поверхность стенок покрыта тусклым лощением. Сосуд обожжен в равномерно-окислительной среде при достаточно низкой температуре. Цвет его поверхности светлый серовато-коричневый, излом с четкой черной прослойкой. Вся приустевая часть сосуда скрыта под черным нагаром. Декор занимает верхние две трети корпуса сосуда и имеет вид сплошной вертикальной «елки», выполненной длинным мелкозубчатым гребенчатым штампом. Оттиски нанеслись с акцентированным нажимом на верхний конец орнамента, первый зубец которого, в отличие от остальных, имел полукруглый абрис. Зона под венчиком выделена узором в виде цепочки обращенных вершинами вниз треугольников, выполненных зерновидными вдавлениями скругленного конца палочки.

Третий сосуд представлен лишь шестью небольшими фрагментами, судя по которым он имел слабо профилированную горшковидную форму с низким, слегка отогнутым наружу венчиком, слабо выраженной шейкой и покатыми плечиками, наибольший диаметр которых является экватором сосуда (рис. 2: 7). Горшок был изготовлен из плотного того же теста со слоисто-чешуйчатой структурой с интенсивной примесью измельченного аллювия. Способ его фор-

¹ Россия. 650099, г. Кемерово-99, ул. Томская, д. 5А. Музей-заповедник «Томская Писаница».

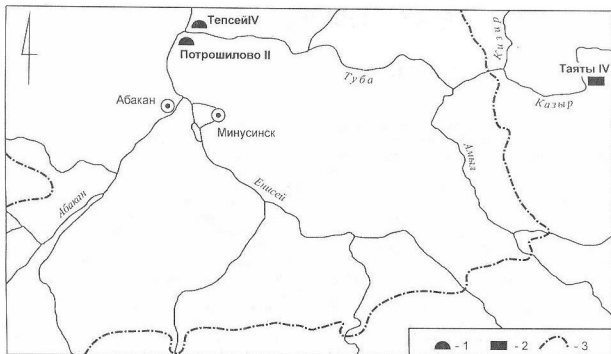

Рис. 1. План-схема расположения памятников с керамикой андроновского облика на юго-востоке Хакасско-Минусинской котловины.

Условные обозначения: 1 – могильники андроновской культуры; 2 – поселение Таяты IV; 3 – границы лесной зоны.

Fig. 1. Schematic plan of the distribution of sites with pottery of the Andronovo type throughout the south-east of the Khakassia-Minusinsk basin.

Notations: 1 – burial grounds of the Andronovo culture; 2 – settlement of Tayaty IV; 3 – boundaries of the forest zone.

мовки неясен, но на внутренней поверхности едва заметны следы выбивки. Стенки толщиной около 0,7 см, в области плечика – 0,5 см. Венчик по торцу уплощен подрезкой. Способ обработки поверхности неясен из-за сплошь покрывающих ее мелких звездчатых и ячеистых трещин. Обжиг сосуда высокотемпературный, проводившийся в равномерно-окислительной среде. Цвет поверхности и излома черепков ровный, насыщенный темно-красный. Внутренняя их часть покрыта бурым нагаром. Орнаментация сосуда, копирующая декор андроновских «парадных» горшков, выполнена печатными оттисками гребенчатого штампа с крупными зубцами прямоугольной формы. В подвенечной зоне они образуют цепочку косо заштрихованных наклонных треугольников, перекрывающих разреженный «жемчужник» с низким рельефом. Ниже помещен фриз из четырех выполненных протаскиванием палочки каннелюр. Тулово в верхней его половине украшено простым геометрическим узором типа сдвоенного меандра, разделенного пояском из двух (?) каннелюр.

По характерному облику черепков (насыщенный темно-красный цвет и сплошное звездчатое и ячеистое растрескивание поверхности), а также по таким особенностям, как плотное тоще тесто с примесью измельченного аллювия, небольшая (0,5–0,6 см) толщина стенки, плавно отогнутый наружу и уплощенный подрезкой венчик, к описанному выше горшку примыкают четыре сосуда, внешне не имеющие ничего общего с андроновской посудой (рис. 2: 1–3, 5).

Каждый из них представлен лишь незначительным числом мелких обломков, что не дает возможности составить представление ни о морфологии, ни о технике их изготовления. Один из этих сосудов был полностью лишен орнамента (рис. 2: 2), два были декорированы лишь жемчужинами с низким рельефом (рис. 2: 1, 3), у четвертого над «жемчужником» помещен поясок из двух параллельных прорезных линий (рис. 2: 5).

Первый из описанных выше сосудов находит себе полные аналогии среди керамических материалов андроновской культуры, но не Среднего Енисея, а более западных территорий, в первую очередь – Алтая (см., например: Кирюшин, Лузин 1993: рис. 4: 8) (рис. 3: 1). Форма и орнаментация второго сосуда может считаться классической для андроновских «банок»: посуда родственного облика встречена практически во всех федоровских могильниках Южной и Западной Сибири (рис. 3: 3). Третий сосуд по декору (исключая «жемчужник») тождествен федоровским «парадным» горшкам и проявляет близкое морфологическое сходство с некоторыми образцами керамики из могильника Устье Бири IV (рис. 3: 4–6). Необходимо отметить, что здесь же присутствуют и горшки, по форме близкие последним четырем сосудам из Таяты IV (рис. 3: 7), а также декорированный мелким «жемчужником» сосудик, по форме и размеру почти неотличимый от тождественного таятского (рис. 3: 2).

Вместе с тем рассматриваемая керамика не является собственно андроновской, на что прямо ука-

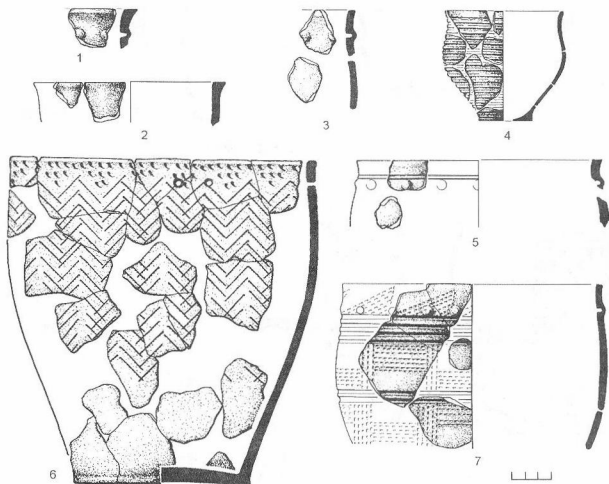

Рис. 2. Таяты IV. Керамика андронидного типа.

Fig. 2. Tayaty IV. Pottery of the Andronoid type.

зывают как особенности технологии ее изготовления, так и характер обработки поверхности найденных нами фрагментов. По указанным признакам лишь баночный сосуд, декорированный сплошной вертикальной «елкой», почти не отличается от хронологически смежной посуды приенисейских степей, остальные же не находят себе соответствий на этой территории не только в материалах андронидской культуры, но и среди окуневской и карасукской керамики. Сказанное позволяет утверждать, что появление данного типа посуды на Восточном Саяне явилось результатом мощного культурного влияния, оказанного племенами андроновских мигрантов на автохтонное население верховьев р. Тубы. Влияние это, очевидно, носило опосредованный характер, поскольку пространство от устья р. Тубы до слияния образующих ее Кизира, Казыра и Амыла, представляющее собой зону легких боров, наиболее вероятно являлось территорией проживания потомков окуневских племен. В этом случае последние должны были стать посредниками в культурных контактах между тайгой и степью.

Косвенным подтверждением высказанному выше предположению могут служить материалы исследования в 1981–1982 гг. Н. В. Леонтьевым андро-

новского могильника Устье Бири IV (Леонтьев 1996), демонстрирующие некоторые черты культурного влияния, оказанного на население, создавшее данный памятник, более южными и восточными соседями. Так, например, здесь в могиле 14 был расчищен скелет взрослой женщины монголоидного облика, уложенной скорчено на левом боку, головой на западно-запад, с кистями рук перед лицом и в сопровождении небольшого керамического сосуда баночной формы (рис. 3: 8). В ногах у нее находились скопление пережженных костей человека и керамический сосуд горшковидной формы. Это погребение, на основании косвенных данных, было интерпретировано нами как захоронение знатного мужчины в сопровождении наложницы или домашней рабыни-иноплеменницы, возможно, насильственно умерщвленной (Леонтьев 1996: 34). В могиле 17 этого памятника выявлена необычная форма погребальной конструкции – тын из четырнадцати крупных, диаметром около 50 см, бревен, установленных вертикально, обрамляющий стелу овальной в плане ямы (рис. 3: 9). Ряд сосудов, происходящих из данного могильника, как уже отмечалось выше, отличает сходство с андронидной керамикой из Таяты IV, а также с посудой окуневской

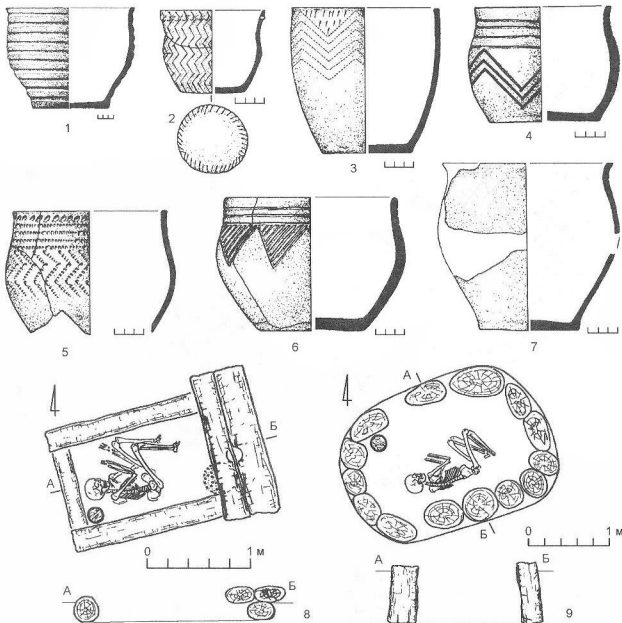

Рис. 3. 1 – Подтурино; 2–9 – Устье Бирь IV (2 – могила 11; 3 – могила 14; 4–6 – сборы; 7 – могила 21; 8 – могила 14; 9 – могила 17).

Fig. 3. 1 – Podturino; 2–9 – Ustye Biri (mouth of the Bir') IV (2 – grave 11; 3 – grave 14; 4–6 – gatherings from outside the excavations; 7 – grave 21; 8 – grave 14; 9 – grave 17).

(рис. 3: 2) и карасукской (рис. 3: 4–6) культур. Все перечисленное: присутствие среди останков погребенных людей иной расовой принадлежности, появление необычных внутримогильных конструкций и нетрадиционных образцов керамической посуды – несомненно, является следствием близкого соседства данной группы андроновского населения с племенами иного культурного и антропологического облика.

Таким образом, андроновские племена действительно едва ли продвинулись в глубь правобережной

части Минусинской котловины дальше устья р. Тубы. Рассмотренные выше материалы позволяют предположить, что в середине II тыс. до н. э. в предгорьях Восточного Саяна и предваряющей их зоне ленточных боров у местного автохтонного населения под влиянием более северных соседей происходит формирование культуры нового – андронидного – типа, памятники которой, более репрезентативные, чем исследованная нами стоянка Таяты IV, видимо, еще предстоит открыть.

Вадская 1986 – Вадская Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.

Кирюшин, Лузин 1993 – Кирюшин Ю. Ф., Лузин С. Ю. Андроновский могильник Подтурино // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 67–93.

Леонтьев 1996 – Леонтьев С. Н. Могильники андроновской эпохи Устье Бيري IV и Потрошилово II // Археология, палеоэтнология и этнология Сибири и Дальнего Востока: ТД XXXVI РАЭСК. Иркутск, 1996. Ч. 2. С. 33–35.

POTTERY OF THE ANDRONOID TYPE IN THE UPPER REACHES OF THE TUBA RIVER

S. N. LEONT'EV

According to the views generally accepted now, the tribes of the Andronovo culture in the *Khakassia-Minusinsk* region had not advanced southwards and south-eastwards farther than the mouth of the Tuba River while the entire basin of that river, as far as the foothills of the East Sayan Mountains, continued in population by the descendants of the people of the Okunev culture. It should be noted that the area from the middle course of the Tuba as far as its upper reaches formed by three mountain taiga rivers – Kizir, Kazyr and Amyl – is the «blank spot» on the archaeological map of the *Khakassia-Minusinsk* region. Only in 2000–2005, owing to the works of the Expedition of the Minusinsk Regional Museum named after N. M. Mart'yanov, the first ancient sites were discovered here. It was found that their utmost number was concentrated around the village of Tayaty of the Karatuz region of the Krasnoyarsk kray – in the mountain and taiga locality cut through by the valley of the Kazyr River taking its origins at the joint of the East and West Sayan ranges.

At one of the sites, which received the serial name of Tayaty IV, several groups of camps of ancient hunters and fishers were found. During our excavations, we uncov-

ered here, along with materials of the Neolithic epoch, *Bronze Age, early Iron Age and Middle Ages*, also seven fragmentary vessels of the Andronovo appearance. That pottery was not actually that of Andronovo culture proper as suggested by certain technological peculiarities of its manufacture as well as by the character of the surface of the fragments uncovered. In terms of the features mentioned, only one of the vessels was almost identical to the chronologically adjacent pottery of the Yenisey steppes. All the other, on the contrary, have here no parallels neither among the materials of the Andronovo culture nor even among the Okunev or Karasuk pottery. The emergence of this type of ware on the East Sayans probably resulted of a powerful cultural influence exerted by tribes of Andronovo migrants onto the autochthonous population on the upper Tuba River. Hence we have grounds to suppose that in the mid-2nd millennium BC, a culture of a new, *Andronoid*, type developed in the foothills of the East Sayan Mountains. Sites of that culture, which would come to be more representative than that of Tayaty IV excavated by us, are probably still awaiting their discovery.

ЛАПЧАТЫЕ ПРИВЕСКИ КАРАСУКСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБЕНИЙ)

А. В. ПОЛЯКОВ¹

Лапчатые привески традиционно считаются одним из основных маркирующих элементов карасукской культуры (рис. 1, 2). Многие исследователи, начиная с С. А. Теплоухова, обращались в своих работах к изучению этой категории бронзового инвентаря (Киселев 1951; Волков, Новгородова 1960; Хлобыстина 1963 и т. д.). В 60-е гг. прошлого столетия на волне всеобщего увлечения проблемами карасукской культуры появились типологические разработки в этой области и несколько исследований по вопросам семантики (Хлобыстина 1967; Новгородова 1970: 144–154). После создания основательной научной базы поток работ по этой теме практически прекратился, и в течение 35 лет не вышло ни одной статьи, где уделялось бы серьезное внимание лапчатым привескам. Между тем произошли закономерные изменения в объеме и структуре накопленного материала, а также в степени изученности карасукской культуры, что позволяет снова обратиться к этой теме, рассчитывая на новые результаты.

С. А. Теплоухов первым ввел в научный оборот термин «лапчатая» привеска (или подвеска), связав эти изделия с материалами карасукской культуры, и представил сводку памятников, в которых они были отмечены (Теплоухов 1927: 91–108). В 1928 г. С. В. Киселевым было обнаружено восемь лапчатых привесок в непогребенном захоронении женщины (могильник Кривинское, могила № 9). Анализ их расположения в могиле позволил ему предположить следующее: «...по-видимому, удалось определить, что “лапчатые привески” влетали в кошу сверху друг над другом по одной и на конце пучком в шесть штук» (Киселев 1929: 50–51). Похожая ситуация была зафиксирована С. В. Киселевым при раскопках могильника Быстрая 1 (могила 1), где лапчатая привеска была найдена под позвоночником. От привески по направлению к черепу вдоль позвоночника тянулся ряд из семи обойчек (Киселев 1937: 148).

Неч обобщил С. В. Киселев тему лапчатых привесок и в своей центральной работе – «Древняя история Южной Сибири» (Киселев 1951: 127–128), где они открывают раздел карасукских украшений. Обобщив результаты своих наблюдений и представив новую сводку погребений, содержащих лапчатые привески, С. В. Киселев приводит широкий круг аналогий (Старший Томский могильник, Малый Кайтас, находки с территории Тувы и Омской области) и поддерживает мнение С. А. Теплоухова и М. П. Грязнова об андроновских корнях этих бронзовых украшений. Анало-

гии из Монголии и Северного Китая были расценены С. В. Киселевым как «восточный заместитель лапчатых привесок», однако отсутствие черт непосредственного сходства определило заметную осторожность в высказываниях автора.

Более смелую позицию в этом вопросе заняли В. В. Волков и Э. А. Новгородова (Волков, Новгородова 1960). Публикуя серию случайных находок привесок с территории Монголии, авторы не только проводят типологический анализ, но и напрямую сравнивают их с карасукскими и северокитайскими образцами. На основании полученных результатов была выдвинута гипотеза о возникновении лапчатых привесок на территории Монголии и последующем проникновении в Минусинскую котловину (через Туву) и в Северный Китай. В этой же работе приводятся и новые западные аналогии из Центрального Казахстана (Быккылдак, Аксу-Аюлы), однако авторы относят их к позднеандоновскому пласту и считают, что они проникли туда вместе с другими элементами карасукской культуры.

Значительный вклад в изучение проблематики внесла М. Д. Хлобыстина (Хлобыстина 1963: 10–11; 1967). Она первой отметила, что лапчатые привески являются женским украшением, имеющим, по ее мнению, сакральное значение. Используя 120 экземпляров карасукских привесок (в основном случайные находки), М. Д. Хлобыстина разработала их типологию, разделив весь массив находок на три группы. Основная часть исследования посвящена анализу семантики рассматриваемых украшений. Автор, на основе сравнения лапчатых привесок с серией петроглифов, приходит к выводу, что они по своей сути являются изображениями мужчин, и, следовательно, карасукское общество было патриархальным. Тем самым выводы М. Д. Хлобыстиной входят в противоречие с мнением А. Н. Липского, считавшего лапчатые привески изображениями женщин (Липский 1956: 128).

Одной из последних работ, в которой специально рассматривались эти украшения, была монография Э. А. Новгородовой, где не только суммированы уже известные данные, но и предлагается ряд новых гипотез (Новгородова 1970: 144–154). При проведении исследования задействован более широкий круг материалов (180 экз.), по-прежнему в своей основе состоящий из случайных находок с территории Минусинского края. Автор, предлагая новую, более развернутую классификацию (6 типов), указывает на их

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

заметное преобладание в погребениях, расположенных на правом берегу Енисея. Следует отметить наблюдение Э. А. Новгородовой, что лапчатые привески значительно чаще встречаются в материалах собственно карасукской группы памятников («классический» этап) и, по мнению автора, почти не известны для «потомков афанасьевцев-окуневцев» (каменоложский этап).

Представляет определенный интерес предположение Э. Б. Вадецкой об идентичности семантической роли лапчатых привесок и треугольных бляшек с пуансонным (или пунктирным) орнаментом (Вадецкая 1986: 58). Новый этап в изучении проблемы начался после находок в погребениях разных этапов неизвестного ранее типа подобных украшений – комбинированных лапчатых привесок (Павлов 1995; Паульс 2000: 169). На этом можно завершить обзор ключевых работ, связанных с предложенной тематикой.

Как видно из краткого историографического очерка, последняя сводка лапчатых привесок, происходящих из погребений, была сделана более полувека назад С. В. Киселевым (Киселев 1951: 127–128). Последовавшие за этим работы М. Д. Хлобыстиной и Э. А. Новгородовой базировались в основном на случайных находках и не содержали самостоятельного анализа погребальных материалов (Хлобыстина 1967: 247; Новгородова 1970: 144–154).

Сейчас ситуация коренным образом изменилась. Продолжающиеся исследования погребений карасукской культуры значительно расширили базу источников. На сегодняшний день известно уже 80 погребений, в которых обнаружены лапчатые привески, что дало в общей сложности 199 экземпляров. Это позволяет опираться уже не на случайные находки, а на сопоставимые комплексы, несущие множество дополнительных данных. Введение информации об этих комплексах в научный оборот и ее первичная обработка являются главной задачей данного исследования.

Основная информация сведена в две таблицы. Первая объединяет комплексы, относящиеся к «классической» части культуры, вторая – связанные с «каменоложским» этапом. Подробные сведения об упомянутых могильниках приведены в сводке Э. Б. Вадецкой (Вадецкая 1986: 65–76). Информацию по комплексам, исследованным после 1984 г., и, следовательно, не вошедшим в эту сводку, можно найти в конце статьи.

Половозрастные определения. К сожалению, многие карасукские курганы были ограблены еще в древности, поэтому бывает чрезвычайно трудно в каждом конкретном случае точно установить пол и возраст погребенного. Если же вспомнить и о малочисленности находок лапчатых привесок в погребениях в целом, то проблема их интерпретации становится еще сложнее. Вероятно, именно поэтому С. В. Киселев, указав, что привески являются украшением, которое, возможно, вылетало в косу, деликатно обошел вопрос принадлежности их тому или иному полу (Киселев 1951: 127). В свою очередь М. Д. Хлобыстина и Э. А. Новгородова, относя их к категории женских украшений, никак свою точку

зрения не аргументируют (Хлобыстина 1967: 127; Новгородова 1970: 144), более того, Э. А. Новгородова считает положение об отсутствии лапчатых привесок в мужских погребениях излишне категоричным (Новгородова 1970: 144).

Увеличение количества находок позволяет вновь обратиться к этой проблеме, оперируя более многочисленными данными. В графе «пол по антропологическим данным» указаны антропологические определения, а в графе «пол по археологическим данным» приводятся определения, основанные на анализе археологического материала. На них необходимо обратить отдельное внимание.

Некоторые исследователи отмечали, что женским погребениям сопутствует определенный набор бронзовых изделий, обычно относимых к разряду украшений (Грязнов, Максименков, Пяткин 1968: 181–182; Павлов 1995). Статистический анализ полностью подтверждает это мнение. К комплексу женских украшений относятся: зеркала, биконические перстни, треугольные бляшки с пуансонным орнаментом, браслеты, серьги со шпеньком. Сложнее ситуация с многоярусными бляшками, бляшками-розетками и так называемыми «гвоздиками». В отдельных случаях они встречаются в мужских погребениях, и количество подобных наблюдений не позволяет говорить о возможных ошибках антропологов.

Учитывая вышесказанное, все же можно попытаться предположительно определить пол погребенных по перечисленным элементам инвентаря. Такой метод не дает 100% гарантии, но в значительной степени эффективен и позволяет заметно увеличить статистическую выборку. В графе «пол по археологическим данным» приведены определения, основанные на анализе остального сопроводительного инвентаря погребений. Знак вопроса ставился в тех случаях, когда определение давалось на основании наличия многоярусных бляшек или «гвоздиков».

Из антропологических определений, представленных в таблицах 1 и 2, видно, что в тех 27 случаях, когда по костным останкам установлен пол, лишь в одном погребении определено как мужское. Это могила № 1 могильника Быстрая 1, исследованная С. В. Киселевым в 1929 г. Однако наличие в могиле девяти «гвоздиков» и само местонахождение лапчатой привески (о чем подробнее будет сказано в следующем разделе) позволяют усомниться в правильности антропологического определения. Если же учесть и косвенные археологические данные (41 случай), то можно с достаточной долей уверенности говорить о том, что лапчатые привески встречаются исключительно в погребениях женщин. Аналогичные результаты получены и для других регионов, где подобные изделия встречаются в погребениях. К категории женских украшений лапчатые привески относятся в материалах памятников Верхней Оби (ирменская культура – Бобров 2001: 204) и Казахстана (алакульско-федоровский хронологический горизонт – Аванесова 1991: 60–61).

Особый интерес вызывает практически не исследованная проблема возрастных критериев. В детских

Таблица 1. Ладчатые привески из погребений «классического» этапа.²

Table 1. Palm-ended pendants from burials of the «classical» stage.

Могильник	Код-во привески в могильнике	Номер могилы	Код-во привески в могиле	Пол по антропологическим данным	Пол по археологическим данным	Возраст погребенного	Местоположение привески
Орак I	1	м.42	1	—	Ж?	ребенок	у левого виска
Сухое Озеро II	3	к.135	1	—	—	—	в заполнении
		к.142 м.7	2	—	—	13–14 лет	под черепом
Подгорное Озеро I	2	м.5	2	—	—	ребенок	рядом с предплечьем
Малые Копыи III	7	к.85 м.2	1	—	—	подросток	в заполнении
		к.124 м.2	4	—	Ж?	ребенок	в заполнении
		к.138 м.2	2	—	Ж?	взрослый	возле южной стенки
Усть-Сыда	1	к.7	1	—	—	взрослый	в центральной части
Белоарк II	4	о.22	2	—	Ж?	11 лет	среди костей
		о.32	2	—	Ж	12–13 лет	в заполнении
Кюргенер II	5	к.22 м.2	5	—	Ж?	2 года	в заполнении
Туран IV	1	к.2	1	—	—	—	в заполнении
Маяки I	2	м.2	2	—	—	ребенок	в заполнении
Тесь I	1	м.5	1	—	Ж?	взрослый	у западной стенки
Оглахты IV	1	м.2	1	Ж	Ж	взрослый	рядом с курганом
Мохов I	1	м.2-6	1	Ж	—	взрослый	в заполнении
Абакано-Перевоз II	1	о.12 м.1	1	—	—	взрослый	в заполнении
Абакан II	1	погр.5	1	—	Ж	ребенок	против средних грудных позвонков
Быстрая I	1	м.1	1	М	Ж?	взрослый	на середине спины под позвоночником
Быстрая II	13	м.3-а	7	Ж	—	взрослый	за спиной на уровне пояса
		м.6	1	—	Ж	взрослый	у южной стенки
		м.7	2	Ж	Ж	взрослый	у голени
		о.3 (1931)	3	—	Ж?	ребенок	в заполнении
Быстрая III	5	к.2 м.2	4	—	—	взрослый	в заполнении
		к.4	1	Ж	—	взрослый	в заполнении
Татарский Остров IV (Лысуха I)	37	о.1	1	—	—	взрослый	в ограде
		о.12	6	Ж	Ж?	взрослый	у колена
		о.15	6	—	Ж	взрослый	у левого колена
		о.16	5	—	Ж?	взрослый	у голени
		о.31	5	—	Ж	взрослый	в заполнении
		о.35	8	Ж	Ж	25–30 лет	у правого колена
		о.48	4	—	Ж?	ребенок	в заполнении
о.58	2	—	—	ребенок	в заполнении		
Минусинск IV	1	о.1 м.1	1	Ж	—	18–24 года	в заполнении
Подгорный	1	к.4	1	—	—	подросток	в заполнении
Подсиня I	4	м.2	3	Ж	Ж	взрослый	под позвоночником
Подсиня II	1	м.1	1	Ж	Ж	взрослый	на шею в ожерелье
Татарское Озеро	3	м.39	3	—	Ж	взрослый	в заполнении
Кривинское	18	м.9	8	Ж	—	взрослый	6 виллетено в косу
		м.15	10	—	Ж?	взрослый	по середине могилы

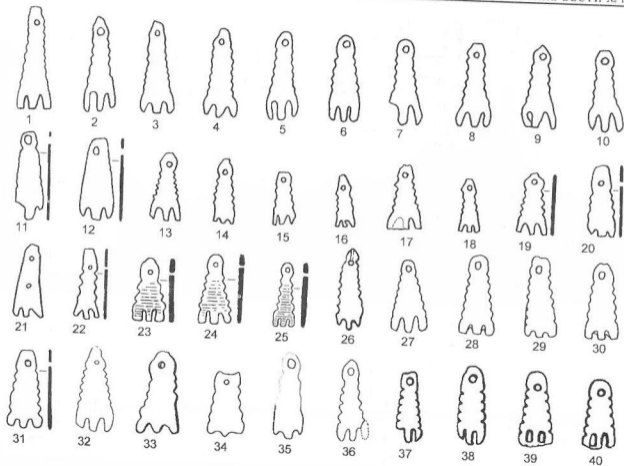
² Местоположение ладчатых привесок в погребениях указывается автором на основании данных полевых отчетов.

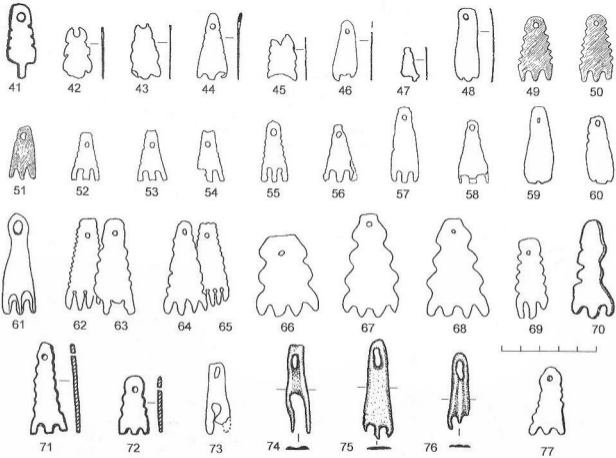
Ербинская	3	к.2	3	–	Ж?	взрослый	в заполнении
Белый Яр V	18	о.9	1	–	Ж?	подросток	в заполнении
		о.23	6	Ж	Ж	взрослый	слева от скелета
		о.52	2	–	Ж	взрослый	в заполнении
		о.66	6	–	Ж	ребенок	в заполнении
		о.69	3	–	–	взрослый	в заполнении
Окунев Улус	6	м.16	6	Ж	Ж?	взрослый	в заполнении
Аскиз III	5	м.1	5	Ж	Ж?	11–15 лет	4 в районе таза, 1 на черепе
Аскиз V	2	м.4	2	–	Ж	взрослый	в заполнении
Есинская МТС III	3	к.4	3	Ж	Ж?	30–35 лет	в заполнении
Бельглары	1	к.6	1	–	Ж?	взрослый	в районе таза
Терт-Аба	7	о.5-а	1	Ж	–	60–65 лет	в заполнении
		о.5-в	1	–	–	ребенок	в заполнении
		к.12	1	Ж	Ж	35–40 лет	в заполнении
		к.26-6	1	–	–	12–15 лет	в заполнении
		о.35	1	Ж	Ж?	35–40 лет	в заполнении
		к.41-а	1	Ж	–	50–55 лет	в заполнении
		о.50	1	–	–	12–13 лет	в заполнении
Арбан I	1	м.50	1	–	Ж?	взрослый	на костях стопы
Усть-Таштып	4	к.1	4	Ж	–	взрослый	3 в заполнении, 1 в ограде
Сабинка II	7	о.35	1	Ж	–	взрослый	в развале ребер
		о.54	2	–	Ж?	10 лет	на борту могилы
		о.56	1	Ж	–	взрослый	на левом плече
		о.72	3	Ж	Ж?	20–25 лет	в заполнении

Таблица 2. Лапчатые привески из погребений «каменоложского» этапа.

Table 2. Palm-ended pendants from burials of the Kamennolozhsky stage.

Могильник	Кол-во привесок в могильнике	Номер могилы	Кол-во привесок в могиле	Пол по антропологическим данным	Пол по археологическим данным	Возраст	Местоположение привески
Чазы	2	к.1 м.1	2	Ж	Ж	старческого возраста	справа от черепа
Устинкино I	1	с.10 м.2	1	–	–	–	в заполнении
Карасук IV	1	о.33 м.1	1	–	–	–	в заполнении
Ефремкино	1	к.6 м.1	1	–	–	–	в заполнении
Кутень-Булук	1	к.6 м.2	1	–	–	–	на костях животного
Пункт VI	1	о.1 м.1	1	–	–	ребенок	под черепом
Тагарское Озеро	8	м.36	8	–	Ж	взрослый	нижняя треть бедра
Минусинск-Карьер	1	м.3	1	–	–	подросток	в заполнении
Федоров Улус	1	к.9	1	Ж	Ж?	взрослый	в центре груди
Аскиз V	5	к.140	3	–	–	взрослый	в заполнении
		к.140-а	1	–	–	взрослый	в заполнении
		к.140-б	1	–	–	взрослый	в заполнении
Белое Озеро	4	к.8 м.2	2	Ж	–	18 лет	в центре на дне
		к.59 м.3	1	–	–	15–16 лет	в заполнении
		к.63 м.2	1	–	–	младенец	в заполнении
Сабинка II	1	к.2	1	–	–	–	в заполнении

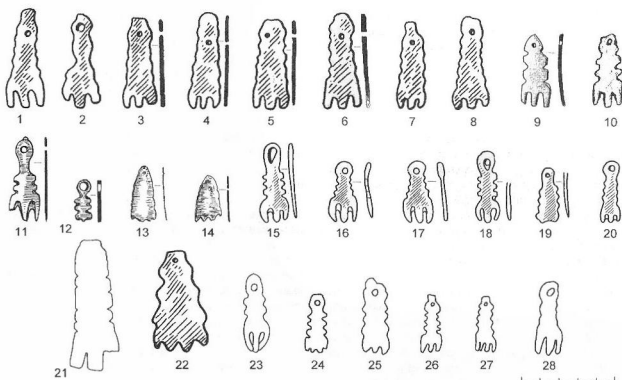

Рис. 2. Лапчатые привески из погребений каменнолозовского этапа карасукской культуры и Сартакского клада (15–20): 1–8 – Тагарское Озеро, могила № 36; 9 – Кутень-Булул, курган № 6, могила № 2; 10 – Устинкино I, сооружение № 10, могила № 2; 11–14 – Белое Озеро II, курган № 59, могила № 3; курган № 63, могила № 2; курган № 8, могила № 2 (2 экз.); 15–20 – Сартакский клад; 21 – Минусинск IV, ограда № 1, могила № 1; 22–28 – Аскиз V, курган № 140.

Fig. 2. Palmated pendants from burials of the Kamennozhsky stage of the Karasuk culture and the Sartak hoard (15–20): 1–8 – Tagarskoye Ozero, grave 36; 9 – Kuten-Buluk, kurgan 6 grave 2; 10 – Ustinkino I structure 10 grave 2; 11–14 – Belaye Ozero II, kurgan 59, grave 3; kurgan 63, grave 2; kurgan 8, grave 2 (2 items); 15–20 – Sartak hoard; 21 – Minusinsk IV fence 1 grave 1; 22–28 – Askiz V, kurgan 140.

и подростковых погребениях лапчатые привески встречаются довольно часто. Простая статистика показывает, что в предложенном списке «детей» составляют около 35%. Эта цифра довольно хорошо согласуется с общей статистикой по карасукской культуре, где детские погребения составляют 40% случаев (по результатам раскопок). Можно предположить, что лапчатые привески полагались всем погребенным женского пола независимо от возраста. Это подтверждают случаи обнаружения привесок в погребениях

младенцев (Кутень-Булул, курган № 6, могила № 2; Белое Озеро, курган № 63, могила № 2). Несколько иная ситуация с лапчатыми привесками в погребениях женщин пожилого возраста (старше 50 лет). Отмечено всего три подобных случая (~4,5%) в материалах могильников Чазы и Терт-Аба, что несколько ниже среднестатистического значения по всей культуре (~10%). На такой основе трудно делать какие-либо серьезные выводы, но этот факт следует учитывать.

Рис. 1. Лапчатые привески из погребений «классического» этапа карасукской культуры: 1–10 – Кривинское, могила № 15; 11–12 – Подгорное Озеро I, могила № 2; 13–19 – Быстрая II, могила № 3 а; 20 – Быстрая II, могила № 6; 21–22 – Быстрая II, могила № 7; 23–25 – Быстрая II, погребение № 3 (1931 г.); 26 – Быстрая III, курган № 2, могила № 2; 27–31 – Окунев Улус, могила № 16 (1928 г.); 32 – Абакан, погребение № 5; 33 – Быстрая I, могила № 1; 34–35 – Майяк I, могила № 2; 36 – Орак I, могила № 42; 37–41 – Подсиняя I, могила № 2; 42–48 – Терт-Аба, ограда № 5, могила а-6; курган № 12; курган № 26, могила № 2; курган № 35; курган № 41, могила № 1; курган № 50; 49–51 – Сухое Озеро II, курган № 142, могила № 7; курган № 135; 52–58 – Малые Копены III, курган № 124, могила № 2; курган № 85, могила № 2; курган № 138, могила № 2; 59–61 – Сабинка II, курган № 54; курган № 72; 62–65 – Аскиз III, могила № 1; 66–69 – Усть-Таштып, курган № 1; 70 – Усть-Сыда, могила № 7; 71–72 – Тагарское Озеро, курган № 39; 73 – Арбан I, курган № 50; 74–77 – Есинская МТС III, курган № 4. 1–77 – бронза.

Fig. 1. Palmated pendants from burials of the 'classic' stage of the Karasuk culture: 1–10 – Krivinskoye grave 15; 11–12 – Podgornoye Ozero I, grave 2; 13–19 – Bystraya II, grave 3-a; 20 – Bystraya II, grave 6; 21–22 – Bystraya II, burial 3 (1931); 26 – Bystraya III, kurgan 2, grave 2; 27–31 – Okunev Ulus, grave 16 (1928); 32 – Abakan, burial 5; 33 – Bystraya I, grave 1; 34–35 – Mayaki I, grave 2; 36 – Orak I, grave 42; 37–41 – Podsinayaya I, grave 2; 42–48 – Tert-Aba fence 5 graves а-6; kurgan 12; kurgan 26, grave 2; kurgan 35; kurgan 41, grave 1; kurgan 50; 49–51 – Sukhoye Ozero II, kurgan 142, grave 7; kurgan 135; 52–58 – Malye Kopeny III, kurgan 124, grave 2; kurgan 85, grave 2; kurgan 138, grave 2; 59–61 – Sabinka II, kurgan 54; kurgan 72; 62–65 – Askiz III, grave 1; 66–69 – Ust-Tashtyp, kurgan 1; 70 – Ust-Syda, grave 7; 71–72 – Tagarskoye Ozero, kurgan 39; 73 – Arban I, kurgan 50; 74–77 – Yesinskaya MTS III, kurgan 4. 1–77 – bronze.

Положение в могиле. На сегодняшний день предложены три версии использования лапчатых привесок в качестве деталей женского костюма. Находки лапчатых привесок in situ в погребениях весьма редки, что позволяет рассмотреть каждую гипотезу с учетом всех доступных данных.

Наиболее ранняя версия – это предположение С. В. Киселева, основанное на результатах раскопок в 1928 г. погребения № 9 могильника Кривинское. Анализируя расположение восьми лапчатых привесок, автор раскопок приходит к выводу, что они влетали в косу: «...сверху друг над другом по одной и на конце пучком в шесть штук» (Киселев 1929: 50–51). В 1929 г. при раскопках могильника Быстрая I в могиле № 1 была зафиксирована ситуация, подтверждающая, по мнению С. В. Киселева, высказанное предположение (Киселев 1937: 148). Одна лапчатая привеска находилась «на середине спины под позвоночником», а от нее в сторону черепа тянулся ряд овальных в сечении обоймочек, согнутых из желобчатой пластины. В один ряд с этими комплексами С. В. Киселев ставил погребение № 5 могильника Подгорное Озеро (исследования С. А. Теплоухова в 1926 г.), где две лапчатые привески расположены «рядом с предплечьем». С. В. Киселев полагал, что в этом случае коса была закинута на грудь.

На основании анализа материала других карасукских могильников можно несколько расширить этот список. В 1930 г. схожие обстоятельства отметила В. П. Левашева при раскопках могильника Быстрая II. В могиле № 3-а хорошо сохранившийся костяк женщины лежал на правом боку практически вплотную к стенке ящика. Семь лапчатых привесок «пучком» были обнаружены за спиной погребенной между стенкой ящика и поясничным отделом позвоночника; шесть из них – скреплены попарно остатками кожаных шнурков.

Еще три похожих эпизода зафиксированы А. Н. Липским. Первый – в 1951 г. в районе села Аскиз (Аскиз III, могила № 1). В непогребенном погребении женщины лапчатые привески были найдены in situ. Одна из них располагалась в области черепа, остальные четыре, лежавшие парами, были обнаружены под тазом. Второй – в 1953 г. у села Бельтеры (Бельтеры, могила № 6), где в женском погребении лапчатая привеска обнаружена в области таза. Третий – в 1963 г. в районе деревни Подсиня (Подсиня I, могила № 2). Погребенная женщина лежала на спине, а лапчатые привески располагались по две справа и слева от позвоночника в области поясничного отдела.

Таким образом, зафиксировано шесть практически идентичных случаев (за исключением могильника Подгорное Озеро) расположения лапчатых привесок в могиле. Предложенная С. В. Киселевым трактовка наиболее адекватно объясняет описанную ситуацию. Особое внимание хотелось бы обратить на обоймочки из могильника Быстрая I (могила № 1), которые являются дополнительным аргументом в пользу употребления лапчатых привесок именно в качестве украшения косы.

Изображения на гальках из поселения Торгажак косвенно подтверждают, что карасукские женщины носили прическу в виде косы. Д. Г. Савинов, анализируя в своей работе серию галек с женскими изображениями, отмечает, что на обратной стороне в отдельных случаях есть линии или ленты, которые можно трактовать как «косы или собранные в пучок волосы с наконечными украшениями» (Савинов 1996: 40; 2003: 55). Аналогия напрашивается и между костяными кольцами из Торгажака (Савинов 1996: табл. XII: 7, 8), которые, по мнению Д. Г. Савинова, могли использоваться для скрепления волос, и уже не раз упомянутыми обоймочками из могильника Быстрая I, вероятно, служившими для той же цели. Опираясь на материалы поселения Торгажак и могильника Быстрая I, можно предположить существование у определенной возрастной категории женщин прически в виде косы, которая украшалась лапчатыми привесками и обоймочками. Исходя из этого, антропологическое определение пола погребенного, сделанное С. В. Киселевым (Быстрая I, могила № 1), скорее всего, ошибочно. И на торгажакских гальках, и в погребенных памятниках карасукской культуры существование прически в виде косы зафиксировано только для женщин.

Однако известна серия захоронений, где лапчатые привески находятся непосредственно возле черепа погребенного (Орак I, могила № 42; Сухое Озеро II, курган № 142, могила № 7; Чапы, курган № 1, могила № 1; возможно, Подгорное Озеро I, могила № 5 и Сабинка II, ограда № 56). Возникает вопрос, всегда ли привески влетали обязательно в косу, если они обнаружены даже в погребениях младенцев. Из пяти перечисленных погребений три являются детскими, а еще одно принадлежит женщине весьма преклонного возраста. Правильнее, таким образом, было бы говорить о том, что лапчатые привески влетали в волосы. Прическа именно в виде косы, по всей вероятности, являлась лишь частным случаем и была связана исключительно с определенной возрастной группой.

Следует обратить внимание и на способ крепления лапчатых привесок. Безусловно, они не могли крепиться непосредственно к волосам. Зафиксированные в могильнике Быстрая II (могила № 3-а) остатки кожаных шнурков, пропущенных в отверстия, многое объясняют. Скорее всего, привески крепились к кожаным шнуркам (иногда попарно), а те уже в свою очередь влетали в волосы. Аналогичный способ зафиксирован как для ирменских привесок, так и для части казахстанских образцов (Бобров 2001: 204; Аванесова 1991: 60–61).

Новый способ использования лапчатой привески зафиксировал А. Н. Липский при исследовании в 1952–1954 гг. могильника Федоров Улус. По материалам кургана № 9 ему удалось реконструировать сложное нагрудное украшение, состоящее из обоймочек, пропизок, духьярусных бляшек и конусов, центральное место в котором занимала крупная лапчатая привеска (Липский 1963: табл. 7: 3). Подобные нагрудники известны в материалах карасукской

культуры и описаны в литературе (Павлов 1995), но использование в них лапчатых привесок более не фиксировалось.

Единственная близкая аналогия происходит из погребения, раскопанного А. П. Окладниковым в 1968 г. (могилиник Подсиния II, могила № 1), где в области шейных позвонков было найдено ожерелье, состоящее из шести проносок. Центральное место в нем занимала лапчатая привеска «без характерных для них отростков» (Окладников, Сунчугашев 1969). Возможно, типологически она близка лапчатой привеске, найденной в Федоровом Улусе, что позволяет более тесно связать эти две находки.

Последнее, третье наблюдение относительно местоположения привесок в погребениях сделано Н. В. Леонтьевым при раскопках в 1965 и 1971 гг. могильника Тагарский Остров IV (могилиник Лысуха I – по сводке Э. Б. Вадецкой). Всего было зафиксировано восемь могил, содержащих лапчатые привески, из них четыре потревожены мало. Привески в этих погребениях концентрируются в области голени и колен погребенных (ограда № 12, ограда № 15, ограда № 16 и ограда № 35), поэтому было выдвинуто предположение, что в данном случае лапчатыми привесками украшали обувь. Аналогичные ситуации известны из более ранних раскопок. В частности, А. В. Адриановым в 1894 г. (могилиник Тагарское Озеро, могила № 36) лапчатые привески были найдены возле «нижней трети бедра». Учитывая хорошую сохранность погребения, вряд ли можно предположить, что все восемь привесок оказались там случайно. Две лапчатые привески были найдены В. П. Левашевой при раскопках могилы № 7 могильника Быстрая II в 1930 г. возле голени погребенной. Все три могильника расположены на небольшом расстоянии друг от друга, на правом берегу р. Енисей. Это позволяет осторожно предположить существование определенной локальной традиции, характерной для небольшой группы карасукского населения, проживавшей на правом берегу Енисея.

Вне пределов этой локальной группы подобное размещение привесок зафиксировано в могиле № 50 могильника Арбан I, где на костях стопы был найден набор из трех многогранных бляшек, трех «воздушек» и лапчатой привески. Однако так как могила ограблена, то нельзя уверенно утверждать, что это украшение именно обуви, а не отброшенный, к примеру, фрагмент нагрудника.

Аналогичный способ использования привесок – по три экземпляра в области каждого голеностопа – зафиксирован в Казахстане (Аванесова 1991: 60), где они были обнаружены в неограбленных погребениях могильника Сангу II (ограда № 20) и Алыпкаш (курган № 32, могила № 2).

Этим исчерпываются все данные, позволяющие предполагать назначение лапчатых привесок в традиционном погребальном костюме. Другие захоронения настолько сильно потревожены грабителями, что достоверно установить положение костяка и расположение на нем привесок не представляется возможным.

Тем не менее можно сделать два общих наблюдения, связанных с описанными потребностями. Во-первых, вероятно, что определенное значение имеет количество лапчатых привесок, обнаруженных в могиле. В нетронутом погребении, в том случае, если привески украшали ирическу или обувь, чаще всего встречается не менее четырех-пяти экземпляров, а в некоторых случаях и до восьми. Известно большое число ограбленных могил, в которых сохранилось пять-шесть и даже десять лапчатых привесок. Во-вторых, можно обратить внимание, что два разных способа ношения привесок ни разу не встречены в одной могиле. Это, вероятно, указывает на существование определенной традиции их использования, возможно, прививавшей разные формы в разных территориальных или родовых сообществах.

Таким образом, можно сделать вывод, что лапчатые привески с помощью кожаных ремешков вплетались в волосы (в частности, в косу), а использование привесок в качестве украшения обуви носит локальный характер и указывает на существование различий в костюме отдельных групп карасукского населения. Зафиксировано всего два исключения, когда привески входили в состав ожерелья или нагрудника.

Локализация. На данный момент лапчатые привески найдены в погребениях, распространенных по всей территории, занимаемой карасукской культурой, однако плотность находок чрезвычайно неравномерна. Впервые этот факт был отмечен Э. А. Новгородовой (Новгородова 1970: 153). Исследователю удалось выделить район их наибольшей концентрации: правобережье Енисея и особенно его юго-восточная часть до р. Тубы. На левом берегу находки привесок на тот момент были единичны.

Продолжающиеся исследования карасукских погребений частично изменили эту картину. Лапчатые привески, происходящие из погребений «классического» этапа, хоть и не очень многочисленны, но известны по всему ареалу культуры (рис. 2). Что же касается «классического» этапа, то основная масса лапчатых привесок происходит из комплексов, расположенных на Енисее в районе устья р. Абакан (могилиники: Тагарский Остров IV, Быстрая I–III, Кривинское и т. д.). Здесь же фиксируется и наибольшее количество привесок в одном погребении. В каждом втором случае их число превышает четыре-пять экземпляров. При этом не меньшее количество привесок к настоящему времени обнаружено и на левом берегу Енисея.

В северной части ареала распространения памятников «классического» этапа карасукской культуры лапчатые привески в погребениях встречаются исключительно редко. Они полностью отсутствуют в материалах таких крупных могильников, как Кюргенер I, Карасук I, Варча I, Барсучиха I и т. д. В самом обширном из исследованных на данный момент погребальных памятников карасукской культуры (Сухое Озеро II – 550 могил) обнаружено всего три лапчатые привески.

Юго-западный район (вдоль течения р. Абакан), почти не уступающий правобережным памятникам в количестве погребений, содержащих лапчатые при-

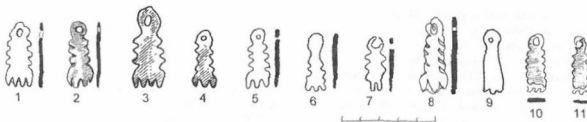

Рис. 3. Лапчатые привески из погребений байновского этапа тагарской культуры: 1 – Бейка II; 2 – Бырганов V, курган № 9, могила № 1; 3–4 – Аскиз VI (раскопки О. Ольсена, 1914 г.), курган № 8; 5–7 – Кривая I; 8 – Ефремкинo, курган № 6, могила № 1; 9 – Сабинка II, курган № 2; 10–11 – Верх Аскиз, Пунгт 5, курган № 2, могила № 1.

Fig. 3. Palmated pendants from burials of the Bainov stage of the Tagar culture: 1 – Beyka II; 2 – Byrganov V, kurgan 9, grave 1; 3–4 – Askiz VI (excavation O. Olsen, 1914), kurgan 8; 5–7 – Krivaya I; 8 – Yefremkino Kurgan, 6 grave 1; 9 – Sabinka II, kurgan 2; 10–11 – Verkh Askiz, point 5, kurgan 2, grave 1.

вески, резко отстает по их общему числу. Связано это прежде всего с тем, что в одной могиле чаще всего оказывается одна привеска. Ярким примером могут служить довольно крупные могильники Сабинка II и Терт-Аба, в которых насчитывается всего 15 лапчатых привесок, происходящих из 12 погребений.

Границы этих районов весьма условные, и правильное будет говорить о существовании «минусинского очага» (по названию г. Минусинск). Максимальная концентрация привесок приходится на место впадения р. Абакан в Енисей. По мере удаления от этого центра, в юго-западном и северном направлениях, число погребений, содержащих привески, резко уменьшается, как и их количество в одной могиле. Следует отметить, уже выходя за рамки данной работы, что с «минусинским очагом» можно связать целую серию бронзовых изделий, имеющих идентичный характер распространения. Это зеркала, биконические перстни, ярусные бляшки, «гвоздики» и т. д., то есть целый комплекс специфических женских украшений, широко известный в южных районах и почти не встречающийся в более северных погребениях «классического» этапа карасукской культуры.

Изучая проблему локализации, удалось сделать интересное наблюдение, касающееся привесок с четырьмя лапками (Аскиз III, могила № 1 – рис. 1: 62–65; Аскиз V, курган № 140, № 140-а; Белый Яр V ограда № 9; Усть-Таштып, могила № 1 – рис. 1: 66–68; Федоров Улуз, курган № 9 – рис. 2: 22; Белое Озеро, курган № 8, могила № 2 – рис. 2: 13, 14). Выяснилось, что перечисленные экземпляры обнаружены исключительно в погребениях юго-западной части Минусинской котловины. Более того, это наблюдение можно распространить и на памятники «типа Байнов Улуз», традиционно относимые к раннему этапу тагарской культуры, где известны несколько привесок с четырьмя лапками, также найденные в этой локальной зоне (могильники: Бейка II – рис. 3: 1; Бырганов V, курган № 9, могила – рис. 3: 2; Аскиз VI, курган № 8 – рис. 3: 3).

Таким образом, известно 17 специфических экземпляров, сконцентрированных в одной части Минусинской котловины, что само по себе вряд ли может быть случайностью. Наиболее вероятно существование в этом районе локальной группы. Этот

вывод приобретает особый смысл, если учесть, что на территории Тувы (рис. 4: 1, 2), к которой примыкает указанный район, известно лишь две привески, и обе с четырьмя лапками (Кызласов 1979: рис. 14–4; Дзвель 1988). Исследователи, изучавшие связи Верхнего и Среднего Енисея, отмечают, что именно в юго-западной части Минусинской котловины могли находиться основные зоны контактов древнего населения (Вадецкая 1986: 4–5).

Классификация. Существуют две типологии карасукских лапчатых привесок (рис. 6). Первая предложена М. Д. Хлобыстиной и основывается на 120 экземплярах привесок, представленных, в основном, случайными находками (до 100 шт.). При этом используются материалы, обнаруженные только в бассейне Среднего Енисея. Они разделены на три группы, связанные в единую хронологическую линию развития (Хлобыстина 1967). В основу типологии положена идея происхождения лапчатых привесок как результата стилизации изображений мужчин. Соответственно, у наиболее ранних привесок I типа – стержневидное тело, четко выделенная головка, поперечные перекладины и параллельно свисающие лапки (признаки, наиболее сближающие их с указанными изображениями). Другие типы привесок отражают, по мнению М. Д. Хлобыстиной, дальнейшие изменения: они постепенно уплощаются, теряя «объем», поперечные перекладины превращаются в «буторки» по краям, головка и лапки становятся менее выраженными (тип II). И на завершающем этапе боковые грани становятся ровными, головка не выделяется, а лапки часто заменяются «буторками» (тип III).

Интерпретация лапчатых привесок как символических мужских изображений – предположение довольно спорное, а аналогии с наскальными изображениями более чем условные. Ссылка на материалы Корбунского клада (Триполье) никак не подтверждает этой версии, поскольку найденные в нем подвески исследователи называют антропоморфными и, при уточнении, обычно относят к женским изображениям (Клейн 1968). В результате нужно признать, что типологическая линия, выстроенная М. Д. Хлобыстиной на основании случайных находок, является умозрительной. Никаких доказательств для предложенной последовательности развития лапчатых

привесок не приведено. При этом необходимо отметить, что сами типы выделены корректно и действительно отражают основные группы изделий, встречающихся среди случайных находок, относимых к карасукской культуре.

Вторая типология разработана Э. А. Новгородовой на основании уже 180 экземпляров, однако также базируется большей частью на случайных находках (Новгородова 1970: 144–154). При ее создании активно привлекались центральноеазиатские аналогии с территории современной Монголии и Северного Китая. В основу типологии положен принцип увеличения количества лапок, а остальные формообразующие признаки используются как дополнительные. Всего автором выделено шесть типов.

Типология Э. А. Новгородовой отчасти повторяет схему предыдущего автора: типы III, IV и VI совершенно идентичны по описанию и расположены в той же последовательности, что и I, II, III типы, предложенные в типологии М. Д. Хлобыстиной. Все изменения касаются только типов с другим числом лапок. Дополнение составили типы I и II, к которым были отнесены привески с одной и двумя лапками соответственно, а также тип V – привески с четырьмя лапками. Так как привески с одной и двумя лапками представлены на территории Минусинских котловин единичными находками, а в границах современной Монголии и Северного Китая они имеют заметно большее распространение, Э. А. Новгородова пришла к выводу, что происхождение этого типа украшений связано с юго-восточными регионами Центральной Азии, которые и являются их прародиной. К сожалению, исследование не приводит никаких доказательств в пользу того, что именно привески с одной и двумя лапками являются наиболее древними. Точно так же никак не обосновываются и причины указанной последовательности смены типов.

Отсутствие в разобранных типологических схемах определенных типов, встречающихся в погребениях, заставляет отказаться от их использования при описании серии лапчатых привесок, происходящих из комплексов. Выбранные М. Д. Хлобыстиной и Э. А. Новгородовой основные признаки, формирующие тип, теряют свое значение при переносе их на хронологическую шкалу самой культуры. Период бытования лапчатых привесок довольно продолжителен и не настолько линейен, как это представлялось при рассмотрении серии случайных находок (рис. 7).

В связи с этим предлагается новая схема описания, ориентированная в первую очередь на систематизацию находок из погребальных комплексов, для удобства оформленную в виде классификации, то есть набора типов, не связанных какой-либо линией развития. В качестве типологических используются признаки, относящиеся к форме привески: способ оформления боковых граней, наличие выделенной головки, оформление лапок.

Тип I. Боковые грани представлены в виде волнистой линии, сформированной серией «бугорков» (не менее трех). Привески с тремя, или, крайне редко, четырьмя четко выра-

женными лапками. В верхней части иногда хорошо выделена «головка» с отверстием для подвешивания (рис. 1: 1–11, 13–20, 22–45 и др.). Это наиболее представительный тип привесок – 140 экземпляров (более 75 %), максимально широко распространенный в памятниках карасукской культуры и представленный во всех типологиях (тип II – по Хлобыстиной, тип IV – по Новгородовой). Несмотря на то что признаки, формирующие этот тип, варьируются в довольно широких пределах, до сих пор ни один из авторов не предложил критерии, позволяющие выделять его подтипы. Возможно, причины этого кроются в довольно узких хронологических рамках существования привесок этого типа, а небольшие различия связаны с отсутствием единого производственного центра.

Тип II. Привески с ровными боковыми границами составляют вторую по величине группу (рис. 1: 12, 21, 46, 48, 51, 57–61, 73–76; рис. 2: 13, 14). Они гораздо более схематичны, выглядят значительно беднее, зачастую крайне грубо изготовлены, при этом встречается большое количество литейного брака. Лапки обычно менее четко выделены, головка не выделяется вовсе. Они известны во всех районах распространения лапчатых привесок, не образуют каких-либо локальных групп и традиционно считаются происходящими от привесок I типа. Можно только отметить, вслед за Э. А. Новгородовой, что промежуточное положение между I и II типами занимают привески с насечками по краям.

Тип III. Трапециевидные привески с широким основанием. Их отличают боковые грани, оформленные двумя-тремя крупными «бугорками» плавных очертаний и слабо выраженные лапки, в виде тех же «бугорков» (рис. 1: 66–68; рис. 2: 22). Привески этого типа заметно крупнее остальных. В отдельную группу их не выделяли, поскольку подобные экземпляры практически полностью отсутствовали среди случайных находок, хотя Э. А. Новгородова и отмечала их своеобразие. В то же время из погребений происходят девять привесок этого типа (могилишки: Федоров Улуус, курган № 9; Усть-Таштып, курган № 1; Тагарский Остров IV, курган № 37; Подсыния II, могила № 1).

Тип IV. «Комбинированные» лапчатые привески. Это украшение состоит из трапециевидной пластинки (иногда скобы) и трех длинных проносок (рис. 8: 1–3). В упомянутых типологиях они также не нашли своего места. На данный момент подобные привески обнаружены в четырех погребениях (могилишки: Тагарский Остров IV, ограда № 15; Чазы, курган № 1, могила № 1; Сабинка II, могила № 35 и № 56), кроме того, известны две случайные находки, хранящиеся в фондах Государственного Эрмитажа (ГЭ 359–37; 2603–9). Описание привесок этого типа уже существует в литературе (Павлов 1995; Паульс 2000: 109). Необходимо только отметить особую роль находки, сделанной Е. Д. Паульсом. Трапециевидное основание привески из могилишки Чазы снабжено тремя шпеньками, на которые были

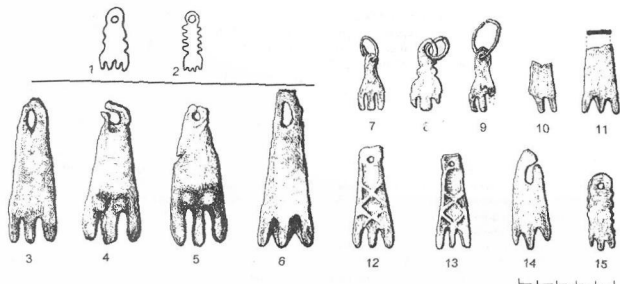

Рис. 4. Лапчатые привески с территории Тувы (1–2) и Верхней Оби (3–15 – по: Бобров 2002): 1 – случайная находка (Тува); 2 – Куylуг-Хем I (Тува); 3–6 – могильник Ваганово; 7–9 – могильник Танай 7; 10 – поселение Майма III; 11 – поселение Куделька II; 12–13 – могильник Титово; 14 – поселение Милованово III; 15 – поселение Мохвовое III.

Fig. 4. *Palmed pendants from Tuva (1–2) and Upper Ob River (3–15 – according to Bobrov 2002): 1 – chance find (Tuva); 2 – Kuylug-Khem I (Tuva); 3–6 – cemetery of Vaganovo; 7–9 – cemetery of Tanay 7; 10 – settlement of Mayma III; 11 – settlement of Kudel'ka II; 12–13 – cemetery of Titovo; 14 – settlement of Milovanovo III; 15 – settlement of Mokhovoye III.*

надевы пронизки, что доказывает полную ее идентичность традиционным лапчатым привескам.

Тип V. Привески с несколькими боковыми выступами (до четырех), более напоминающими перекладины, четко выделенной «головкой», стержневидным телом и тремя (или четырьмя) параллельно свисающими лапками (рис. 2: 11, 12, 15–18, 24, 26). Серия подобных изделий происходит как из погребений «каменоложского» этапа (могильники: Белое Озеро, курган № 59, могила № 3, курган № 63, могила № 2; Устинкино I, сооружение № 10, могила № 2), так и из Сартакскогоклада. Традиционно эта группа привесок помещается всеми авторами в самом начале эволюционного ряда (на территории Минусинского края). Однако погребения, из которых эти привески происходят (могильники Белое Озеро и Устинкино I), по характеру конструкций, керамики и сопроводительного инвентаря относятся к самому позднему пласту «каменоложского» этапа карасукской культуры. Этим же временем датируется и Сартакскийклад (на основании типа сосуда), в состав которого входят в основной привески V типа. Более того, к этому же типу относятся лапчатые привески из могильников Кривая I (раскопки Н. В. Леонтьева, 1965 г.) и Бырганов V (раскопки И. П. Лазаретова, 1990 г.). Они принадлежат к памятникам типа «Башнов Улус» (предскифское, раннетагарское время), в поздней дате которых нет сомнений (рис. 3). Из этого можно сделать только один вывод: несмотря на типологически ранний облик привесок V типа, в действительности они составляют наиболее поздний пласт и встречаются только в погребениях, хронологически близких к памятникам тагарской культуры. Причины этого явления, к сожалению, остаются неясными и требуют отдельного исследования.

На основании анализа сопроводительного инвентаря можно отметить, что остальные четыре типа привесок (I–IV) встречаются как в ранних («классических»), так и в поздних («каменоложских») погребениях. Иногда разные типы встречаются даже в вещевом комплексе одной могилы (например, могильник Тагарский Остров IV, могила № 15 – I, II, IV типы; могила № 35 – I, II, III типы). На современном уровне изученности карасукской культуры нет оснований выделять из этих четырех типов привесок более ранние или более поздние и тем более строить типологические ряды.

Подводя итог, отметим, что в погребениях карасукской культуры преобладают лапчатые привески одного – I типа. Остальные четыре типологические группы, составляющие около 25% материала, resultat различных отклонений от первоначального канона (привески I типа). Вопрос о бытовании в ареале карасукской культуры одно- и двухлапчатых привесок до сих пор остается спорным. Пока что нет убедительных доказательств того, что представленные только случайными находками единичные экземпляры не являются результатом литейного брака. Кроме того, по всем другим признакам они идентичны местным изделиям, и нет никаких оснований связывать их с монгольскими и, тем более, китайскими образцами.

Как видно из приведенной классификации и таблиц, привески с четырьмя лапками не являются самостоятельной группой. На основании других выделенных признаков их можно относить к любому из вышеописанных типов от I до V, за исключением очень редкого IV типа (рис. 1: 62–68; рис. 2: 13–14, 22, 24, 27; рис. 3: 1–3). Интересные результаты дает анализ их географической локализации (могиль-

ники: Аскиз III, могила № 1 – рис. 1: 62–65; Аскиз V, курган № 140, № 140-а; Белый Яр V, ограда № 9; Усть-Таштып, могила № 1 – рис. 1: 66–68; Федоров Улус, курган № 9 – рис. 2: 22; Белое Озеро, курган № 8, могила № 2 – рис. 2: 13, 14). Выяснилось, что независимо от типа все привески с четырьмя лапками обнаружены в погребениях юго-западной части Минусинской котловины. Более того, это наблюдение можно распространить и на памятники типа «Баннов Улус», традиционно относимые к раннему этапу тагарской культуры, где известны несколько подобных украшений. Все они также найдены в этой локальной зоне (могилиники: Бейка II – рис. 3: 1; Бырганов V, курган № 9 – рис. 3: 2; Аскиз VI, курган № 8 – рис. 3: 3).

В этом же разделе необходимо обратиться к интересному наблюдению Э. Б. Вадецкой. Исследователем отмечено, что лапчатые привески на «каменноложском» этапе сменялись треугольными бляшками с пуансонным орнаментом (Вадецкая 1986: 58). Статистика показывает, что практически все треугольные бляшки, как и лапчатые привески, происходят из женских погребений (рис. 8: 4–6). Однако до сих пор в закрытых комплексах они вместе не встречались, что неудивительно, так как треугольные бляшки встречаются только в погребениях «каменноложского» этапа и практически неизвестны в собственно карасукских. Главное доказательство справедливости предположения Э. Б. Вадецкой – «комбинированные» привески IV типа (рис. 8: 1–3). Треугольная пластина в центре этого украшения по форме и размерам идентична бляшкам. Важно отметить, что на подобных пластинах, происходящих из могильника Чазы и коллекции Чуракина, на оборотной стороне нанесен пуансонный орнамент (Паульс 2000: 109). В настоящей статье приводится рисунок стороны привески с упомянутым орнаментом,³ поскольку в публикации автора было воспроизведено изображение только одной ее стороны (рис. 8: 2). Все это позволяет считать «комбинированные» привески IV типа промежуточным звеном между собственно лапчатыми привесками и треугольными бляшками с пуансонным орнаментом. Из этого в свою очередь следует вывод о существовании единой линии развития, охватывающей эти два типа украшений.

Хронология. Вопрос о времени существования лапчатых привесок в рамках карасукской культуры поднимался лишь однажды. Э. А. Новгородова в своей работе отметила, что привески встречаются исключительно в тех комплексах, которые сейчас принято относить к «классическому» этапу (Новгородова 1970: 173–174). Существенное накопление материала и исследования последних лет по внутренней хронологии карасукской культуры позволяют по-новому взглянуть на этот вопрос и избавиться от некоторых сложившихся стереотипов (рис. 7).

Необходимо признать, что лапчатые привески также встречаются в погребениях «каменноложского» этапа (таблица № 2). Число исследованных мо-

гил этого периода примерно в шесть раз меньше, чем количество раскопанных «классических» погребений. Учитывая подобную пропорцию, приведенные в таблицах данные становятся вполне сопоставимыми (рис. 2). Кроме того, определенное количество привесок найдено и в более поздних, уже предскифских памятниках типа «Баннов Улус» (рис. 3). Таким образом, период бытования этих украшений оказывается гораздо более продолжительным, чем это представлялось традиционно.

Современные работы, основанные на изучении планиграфии крупных могильников, построении новой типологии керамики и масштабном статистическом анализе, доказывают неоднородность «классического» этапа карасукской культуры (Поляков 2002). Существование хронологических групп памятников в его рамках вызывает закономерный интерес к распределению по этим этапам лапчатых привесок. Статистический анализ показывает, что из 64 погребений, содержащих привески, только пять (семь экземпляров из 172) могут быть отнесены к раннему – I этапу «классической» части культуры (Сухое Озеро II, курган № 142, могила № 7; Подгорное Озеро I, могила № 5; Малые Копыны III, курган № 85, могила № 2; Быстрая III, курган № 4; Терт-Аба, курган № 26-б). Эти пять случаев связаны с более поздним подэтапом – I-б, что неудивительно, учитывая общий контекст развития культуры. В погребениях самого раннего подэтапа – I-а лапчатые привески не встречаются. Таким образом, лапчатые привески не так уж тесно связаны с «классической» частью культуры, как это принято считать, а характеризуют, в подавляющем большинстве, только ее более поздний – II этап.

Это наблюдение особенно важно, так как вместе с лапчатыми привесками в погребениях II этапа «классического» периода культуры появляется целый набор женских украшений: зеркала, биконические перстни, ярусные бляшки, «гвоздики» и др. Все они имеют схожий ареал распространения, обычно встречаются в комплексе, в одних и тех же погребениях, и не имеют прототипов в более ранних захоронениях. То есть можно предположить, что на определенном этапе развития культуры в южных районах появляется новый набор женских украшений, характеризующих погребальный костюм. В сочетании с другими признаками (трансформация керамики, погребального обряда, появление новых типов бронзовых изделий) этот процесс и позволяет выделить поздний – II этап «классического» периода карасукской культуры.

Рассматривая лапчатые привески данного хронологического горизонта с точки зрения предложенной классификации, можно отметить наличие в «классических» погребениях украшений четырех первых типов (I–IV). Привески V типа в захоронениях этого времени не встречаются. Во же время памятники «каменноложского» этапа характеризуются привесками уже всех пяти типов. Первые четыре существуют на всем его протяжении, а изделия V типа известны

³ Благодарим Е. Д. Паульса за любезно предоставленный рисунок.

только из достаточно поздних погребений могильников Белое Озеро и Устинкино I (рис. 7).

Особое значение имеет серия лапчатых привесок (девять экземпляров), происходящих из комплексов типа «Байнов Улус» (Кривая I; Барганов V; Аскиз VI; Бейка II; Сабинка II; Ефремино). Эти привески наиболее поздние, поскольку погребения, из которых они происходят, датируются предскифским временем. Очень важно, что большинство их (шесть экземпляров) относится именно к V типу (рис. 3: 1–7). Оставшиеся три привески (I и II типов) обладают некоторыми чертами, позволяющими их также сближать с подвесками V типа.

Таким образом, период бытования лапчатых привесок в бассейне Среднего Енисея довольно продолжителен и охватывает позднюю часть «классического» этапа, весь «каменоложский» этап карасукской культуры и памятники типа «Байнов Улус». Только один (V тип) украшений имеет относительно узкую датировку и может считаться наиболее поздним.

Семантика. Существуют две полярные точки зрения на семантику лапчатых привесок. Первая из них принадлежит А. Н. Липскому, полагающему, что это символическое изображение женщины. Его идея основана на этнографических параллелях с женским костюмом нанайцев-гольдов (Липский 1956: 128). Однако эти наблюдения лишь подтверждают то, что данный тип изделий относится к женским украшениям, и не могут объяснить их семантику.

Иную позицию занимает М. Д. Хлобыстина, которая считает, что привески олицетворяют мужское начало (Хлобыстина 1963). Основным аргументом автора являются параллели в наскальных изображениях мужчин. В качестве дополнительного довода М. Д. Хлобыстина ссылается на антропоморфные привески из Кэрбунского клада (Триполье). Эта позиция кажется еще более спорной, поскольку параллели с наскальными изображениями некорректны, особенно для привесок с четырьмя лапками, а исследователи трипольской культуры называют упомянутые находки антропоморфными, не указывая на принадлежность к определенному полу (Сергеев 1963: 142–143; Дергачев 1998: 22–25). Более того, некоторые исследователи склоняются к мнению о том, что кэрбунские

изделия происходят именно от женских статуэток (Клейн 1968: 43). При этом М. Д. Хлобыстина не объяснила основное противоречие, заключенное в ее предположении: почему подвески, изображающие мужчин, встречаются исключительно в женских погребениях и явно используются в роли украшений?

Есть основания отказаться от какой-либо трактовки образа, выраженного лапчатыми привесками. Можно предположить, что, появившись в пределах Минусинских котловин, они воспринимались просто в качестве женских украшений, не несущих особого сакрального смысла.

Во-первых, как уже отмечалось в разделе, посвященном хронологии, лапчатые привески практически неизвестны в самых ранних памятниках (этап I-а «классической» группы) и связаны уже с волной инноваций, сформировавших облик II этапа. То есть они являются чуждым элементом, привнесенным в культуру извне и в полностью сформировавшемся виде. Это подтверждается классификацией привесок из погребений. Причем связанные с «классической» частью культуры типы (I–IV) в меньшей степени могут быть сопоставлены с антропоморфными изображениями.

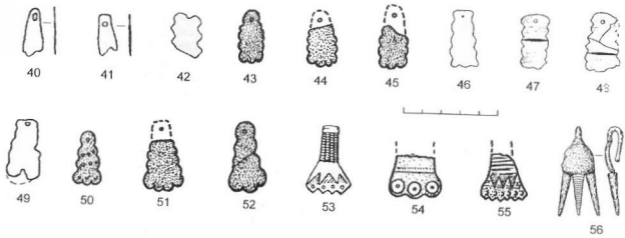
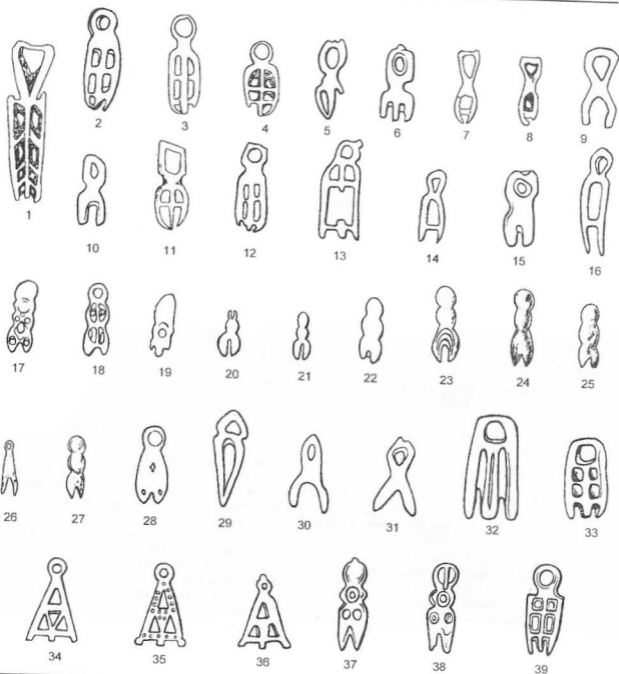
Во-вторых, использование лапчатых привесок для украшения прически или обуви также вызывает сомнение в сохранении сакрального значения. В этой связи неважен и тот факт, что привески часто использовались в большом количестве (более пяти экземпляров).

В-третьих, использование привесок в вивым литейным браком (к примеру, отсутствием лапок) вызывает вопрос о возможности использования символа с нарушенной изобразительной целостностью. Ярким примером могут служить привески из могильника Подлесия I (рис. 1: 37–41). В этот же ряд можно поставить и факт вариативности количества лапок (три или четыре), что тоже подтверждает отсутствие устойчивого образа.

Косвенным доказательством этого может служить полное отсутствие в материалах поселения Торгажак как самих лапчатых привесок, так и их изображений на гравированных гальках, передающих, по мнению Д. Г. Савинова, женский образ и, возможно, исполь-

Рис. 5. Лапчатые привески с территории Центральной Азии (1–39 – по: Новгородова 1970) и Казахстана (40–56): 1 – Монголия (место находки неизвестно) (Центр. гос. музей в Улан-Баторе); 2 – Сайнтаган-сомон, 4-й баг; 3 – Ундершил-сомон, 2-й баг; 4 – Байантобо-сомон, 4-й баг; 5 – Улзит-сомон; 6 – Дельгерт-сомон; 7 – Цогтандомон-сомон; 8 – Цогтандомон-сомон, 5-й баг; 9 – Ундершил-сомон; 10 – Байанжаргал-сомон (2–10 – Среднегобийский аймак, хранятся в Среднегобийском музее); 11 – Увэ аймак (Центр. гос. музей в Улан-Баторе); 12–14 – Восточногобийский аймак, Сайшанда; 15 – Центральный аймак; 16 – Сухэбаторский аймак (Барунурт музей); 17–22 – Внутренняя Монголия; 23–26 – Сев. Китай; 27 – Ордос; 28 – Шуйчунченгзи могила № 7701; 29–33 – Забайкалье (случайные находки); 34–39 – Тибет; 40–41 – Шет II; 42 – Атасу I, курган № 39; 43–45 – Аксу-Аюлы I; 46 – Тау-Тары; 47–48 – Койшоко II, ограда № 8; 49 – Боровое I; 50 – Былькыдак II; 51–52 – Байштын-Караокысы; 53 – Малый Койтас; 54 – Мурзашок; 55 – Акмолла; 56 – Северный Тагискен мавзолье 7-а.

Fig. 5. Palmated pendants from Central Asia (1–39 – according to Novgorodova, 1970) and Kazakhstan (40–56): 1 – Mongolia (the findspot unknown) (Central State Museum in Ulan-Bator); 2 – Sayntsagan-Sumun, 4th Bag; 3 – Undershil-Sumun, 2nd Bag; 4 – Bayantobo-Sumun, 4th Bag; 5 – Ulzit-Sumun; 6 – Delgertsogt-Sumun; 7 – Tsogetandomon-Sumun; 8 – Tsogetandomon-Sumun, 5th Bag; 9 – Undershil-Sumun; 10 – Bayanzhargal-Sumun (2–10 – Central-Gobi aimag, preserved in Central-Gobi Museum); 11 – Uve aimag (Central State Museum in Ulan-Bator); 12–14 – East-Gobi aimag, Sayshanda; 15 – Central aimag; 16 – Sukhebaator aimag (Barunurt Museum); 17–22 – Inner Mongolia; 23–26 – Northern China; 27 – Ordos; 28 – Shuijunchengzi grave 7701; 29–33 – Trans-Baikal Region (chance finds); 34–39 – Tibet; 40–41 – Shet II; 42 – Atasu I, kurgan 39; 43–45 – Aksu-Ayuly I; 46 – Tau-Tary; 47–48 – Koyshoko II fence 8; 49 – Borovoye I; 50 – Bylykydak II; 51–52 – Bayshryn-Karaokysy; 53 – Maly Koytas; 54 – Murzashoky; 55 – Akmolta; 56 – Northern Tagisken mausoleum 7-a.

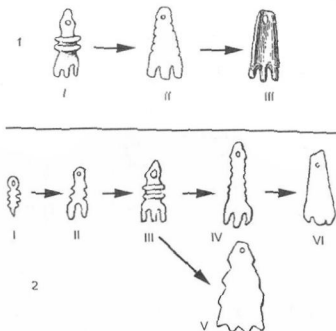

Рис. 6. Типологии М. Д. Хлобыстиной (1) и Э. А. Новгородовой (2).

Fig. 6. Typological schemes of M. D. Khlobystina (1) and E. A. Novgorodova (2).

зовавшихся в соответствующих обрядовых циклах (Савинов 1996: 44).

Происхождение. На современном этапе можно говорить о трех основных центрах распространения лапчатых привесок в эпоху бронзы (казахстанском, центральноазиатском и минусинском).

Минусинский – частично описанный в данной работе охватывает не только территорию собственно Минусинского края (сейчас это Республика Хакасия и юг Красноярского края), но и практически все прилегающие территории, где обнаружены весьма близкие образцы подвесок. Это район Верхней Оби, где зафиксирована целая серия сходных привесок в материалах ирменской культуры (Бобров 2001), Тува и другие восточные районы Западной Сибири (рис. 4).

Казахстанский – занимает практически все районы Казахстана, где лапчатые привески известны в погребениях андроновской общности алакульского и федоровского времени (Аванесова 1991: 60–61; Маргулан 1979: 311). Принципиальное отличие их от минусинских заключается в способе изготовления (рис. 5: 40–56). Практически все казахстанские образцы вырезаны из тонкой откованной бронзовой пластины (рис. 5: 40–52). Типологически их очень трудно сопоставлять с минусинскими именно в связи с технологическими отличиями, хотя по словесному описанию (наличие головки с отверстием, волнистые боковые грани, свисающие лапки и т. д.) они практически идентичны. Кроме того, интересные параллели можно увидеть в способе их ношения: *вплетенными в волосы и украшающими обувь.*

Центральноазиатский очаг охватывает огромные просторы Монголии, Забайкалья и северные районы Китая (рис. 5: 1–39). К сожалению, погребения эпо-

хи бронзы этих регионов совершались по бесыментарному обряду, и все находки лапчатых привесок с этой территории носят случайный характер. Таким образом, не никаких оснований для точных датировок привесок. Все центральноазиатские привески изготовлены способом отливки. Типологически они заметно отличаются как от казахстанских, так и от минусинских образцов. В первую очередь обращает на себя внимание значительная вариабельность привесок и отсутствие устойчивых типов. Все элементы, в отличие от плоскостных минусинских и казахстанских образцов, представляют собой объемные фигуры. Тенденция выполнять основные детали привески в форме стержней придает ей очень характерный внешний вид.

Существуют две основные точки зрения на взаимосвязь трех центров. Первая из них принадлежит С. А. Теплоухову и М. П. Грязнову, которые считают, что минусинские привески связаны с андроновской общностью, и вывели их из районов Центрального Казахстана, как и всю карасукскую культуру в целом. При этом центральноазиатские экземпляры рассматривались как восточная реплика карасукских образцов, и даже высказывалось определенное сомнение в том, что они относятся к типу лапчатых привесок.

В конце 60-х гг. в литературе уже окончательно сформировалось мнение о существовании центральноазиатского компонента в составе карасукской культуры. В это же время В. В. Волков и Э. А. Новгородова, используя серию монгольских аналогий, на которые впервые обратил внимание С. В. Киселев, предложили концепцию юго-восточной прародины лапчатых привесок. Казахстанские образцы, по их мнению, синхронны минусинским и являются

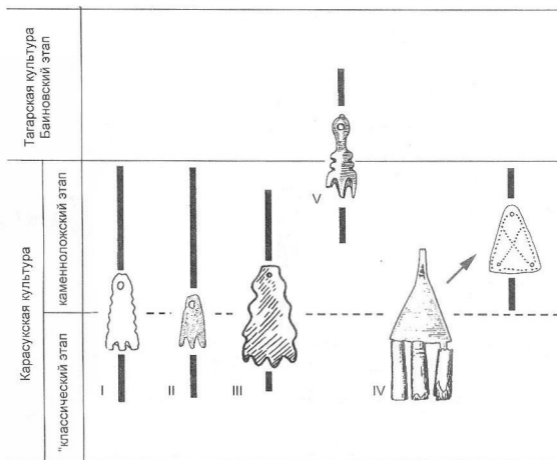

Рис. 7. Хронологическая схема периодов сосуществования различных типов лапчатых привесок и треугольных бляшек.

Fig. 7. Chronological scheme of the overlapped period of using different types of palmed pendants and triangular plaques.

результатом влияния карасукской традиции (Новгородова 1970: 147).

Теория центральноазиатского происхождения лапчатых привесок на современном этапе изученности материалов выглядит менее вероятной. Сама по себе «архаичная» внешность привесок этой группы не является доказательством их безусловной древности. С ошибочностью подобных методов датирования исследователи карасукской культуры сталкивались уже не раз. Если же опираться на типологический анализ, то к центральноазиатским наиболее близки минусинские привески V типа. Их сближают стержневидное тело, четко выраженные лапки, немногочисленные выступы, имитирующие перекладыны, и четко выделенная головка, в некоторых случаях оформленная в виде кольца. Все известные экземпляры V типа происходят из самого позднего горизонта «каменоложского» этапа и из погребений «типа Байнов Улус», относящихся непосредственно к предскифскому времени. Таким образом, центральноазиатские привески наиболее близки хронологически к самому позднему пласту минусинских и тем самым не могут быть их первоисточником.

Следует обратить внимание на один очень яркий элемент, имеющий большое значение. Это неболь-

шой выступ, находящийся в верхней части привески (на «головке» или кольце), иногда сверху, иногда несколько сбоку. Экземпляры с подобным элементом встречаются как среди центральноазиатских привесок (рис. 5: 6, 13, 36, 37), так и среди минусинских (рис. 1: 4, 14, 19, 33; рис. 2: 7, 11, 25, 26, 27). На этом основании можно сделать вывод, что две указанные территориальные группы не так сильно оторваны друг от друга и, возможно, имеют близкие хронологические рамки.

На современном уровне исследования данного типа украшений наиболее обоснованной выглядит теория казахстанского происхождения, где самые ранние образцы датируются атакусским (алакульским) временем (Аванесова 1991: 60–61). Карасукские привески и, возможно, центральноазиатские могут датироваться не ранее федоровского или даже саргары-алексеевского хронологических пластов андроновской общности.

В казахстанских степях, в отличие от других регионов, можно попытаться проследить процесс сложения этого типа украшений (рис. 9). Возникновение лапчатых привесок, вероятно, связано с андроновскими наконечниками, известными начиная с синташтинско-петровского времени (Усманова, Логвин

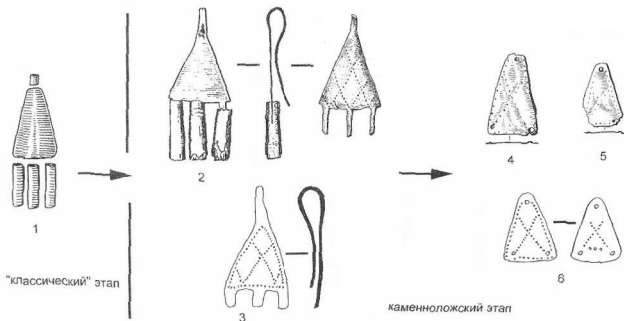

Рис. 8. Комбинированные лапчатые привески и схема происхождения треугольных бляшек с пуансонным орнаментом: 1 – Сабинка II, могила № 35; 2 – Чазы, могила № 1; 3 – собрание Чуракина, ГЭ; 4–5 – Усть-Бурь IV, курган № 1, могила № 1; курган № 3, могила № 1; 6 – Лугавское III, курган № 7, могила № 1.

Fig. 8. Combination palm pendants and a scheme of the origin of triangular plaques with punched design: 1 – Sabinka II grave 35; 2 – Chazy grave 1; 3 – Churakin's Collection, State Hermitage; 4–5 – Ust-Byur IV, kurgan 1, grave 1; kurgan 3, grave 1; 6 – Lugavskoye III, kurgan 7, grave 1.

1998). Наиболее ранние наконечники состояли из нескольких кожаных шнурков, украшенных бусинами, которые вставлялись в косу и заканчивались бронзовыми подвесками в виде листочков (обычно два-три). К алакульскому времени происходят заметные изменения – теперь к шнуркам крепится бронзовый щиток треугольной или трапециевидной формы, а к его нижнему краю подвешиваются листовидные подвески (три-четыре и более).

Возможно, лапчатые привески имитируют в миниатюре именно этот тип украшений. Во-первых, их сближает сама форма щитка в виде треугольника или трапеции. Во-вторых, на некоторых казахстанских экземплярах привесок по нижнему краю фиксируются отверстия, к которым, вероятно, подвешивались дополнительные элементы (как и у наконечников). В-третьих, волнистые боковые края привесок могут имитировать кожаные шнурки, украшенные бусинами, которые обрамляли края щитков наконечников. Еще больше усиливает сходство одинаковая роль и тех и других – в качестве женского украшения, вставлявшегося в косу.

Гипотеза о формировании лапчатых подвесок на основе андроновских наконечников несколько смещает акценты в семантической трактовке этой группы изделий. Возможно, их своеобразная форма связана не с антропоморфным изображением, а является просто результатом развития украшений другого типа.

В заключение подведем некоторые итоги:

1. На основании статистического анализа находок лапчатых привесок в карасукских могилах под-

твердилась их принадлежность исключительно к женскому погребальному костюму. Анализ возрастных данных позволил установить, что привески сопровождали погребенных женщин разного пола всех возрастов, в том числе и детей, начиная с младенческого возраста.

2. Изучение погребений, в которых лапчатые привески были обнаружены *in situ*, подтвердило существование трех способов их использования: вложение в волосы (чаще всего в косы), украшение обуви и включение в состав ожерелья или нагрудников. Вероятно, эта вариабельность может быть отражением некоторых этнических или локальных различий в среде карасукского населения.

3. В течение «классического» этапа карасукской культуры лапчатые привески были распределены в ее ареале неравномерно. Наибольшая концентрация фиксируется в погребениях, находящихся в районе впадения р. Абакан в Енисей («Минусинский очаг»). По мере удаления от него число погребений и количество привесок в них постепенно падает, в северных районах они известны только в исключительных случаях. В дальнейшем, на «каменоложском» этапе культуры, эта диспропорция исчезает.

4. Выявлена локализация привесок с четырьмя лашками в юго-западном районе Минусинских котловин (Аскизский район Республики Хакасия). За пределами этой зоны в карасукских погребениях они не встречаются.

5. Предложена новая схема классификации карасукских лапчатых привесок, учитывающая в первую очередь экземпляры из погребений. На основании

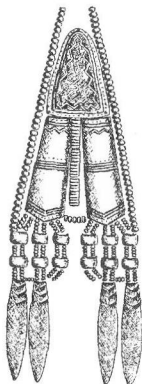
синташтинско-
петровский горизонталакульский
горизонтсаргары-алексеевский
горизонт

Рис. 9. Стадии развития андроновских наконсников и лапчатая привеска как возможный итог трансформации.

Fig. 9. Stages of the development of Andronovo plait-ornaments and a palmed pendant possibly resulted of the transformation.

анализа сопроводительного инвентаря установлено, что I–IV типы привесок существуют одновременно и могут быть синхронизированы. Привески V типа, близкие к экземплярам, встречающимся на территории современных Монголии и Северного Китая, относятся к наиболее позднему времени (конец «каменоложского» этапа, предскифское время).

6. Подтвердилось предположение Э. Б. Вадецкой о схожей роли лапчатых привесок и треугольных бляшек с пунсонным орнаментом. Выделенный IV тип – комбинированные привески – занимает промежуточное положение между ними, связывая упомянутые типы украшений единой линией развития.

7. Уточненный хронологический период существования лапчатых привесок на территории Среднего Енисея охватывает позднюю часть «классиче-

ского» и весь «каменоложский» этапы карасукской культуры. Более того, на сегодняшний день девять привесок зафиксировано в памятниках «типа Байнов Улус», традиционно относимых к байновскому этапу тагарской культуры.

8. Высказано предположение о том, что карасукское население воспринимало лапчатые привески лишь как деталь украшения женского костюма, не несущую особой смысловой нагрузки.

9. На основании современных данных подтверждено мнение С. А. Теплоухова и М. П. Грязнова о происхождении карасукских лапчатых привесок от наиболее древних образцов андроновских украшений с территории Казахстана.

10. Выдвинута гипотеза происхождения лапчатых привесок от наконсников раннеандоновского времени.

Карасукские комплексы, упоминающиеся в статье, но не вошедшие в сводку Э. Б. Вадецкой (Вадецкая 1986: 65–76):

1. **Абакано-Перевоз II.** Могильник раскопан К. Г. Котожековым в 1994 г. на левом берегу Красноярского водохранилища в 2,5 км к востоку–северо-востоку от одноименного села в Боградском районе Республики Хакасия.

2. **Арбан I.** 72 погребения раскопано Д. Г. Савиновым в 1987–1988 гг. на правом берегу р. Тея в 3,5 км от одноименного села в Аскизском районе Республики Хакасия (Лазаретов 1995; Савинов, Павлов: в печати).

3. **Белое Озеро.** Раскопки в Бейском районе Республики Хакасия в 1984 г. – четыре кургана Е. Д. Паульсом с 1985 до 1991 г. – 106 курганов И. П. Лазаретовым (Паульс А-1984; Лазаретов А-1985, А-1986, А-1987, А-1988, А-1989, А-1990, А-1991).

4. **Белый Яр V.** Раскопки А. И. Поселянина 1992 г. в Алтайском районе Республики Хакасия (73 погребения) возле поселка Белый Яр.

5. **Есицкая МТС III.** Раскопки 1990 г. Б. Н. Пяткина на Красной площади поселка Полтаков в Аскизском районе Республики Хакасия.

6. **Ефремкино.** Два кургана раскопано Ю. Г. Белокобыльским в 1 км севернее села Ефремкино в Ширинском районе Республики Хакасия.

7. **Кузень-Будук.** В 1986 г. Н. Ю. Кузьминым раскопано 14 курганов вдоль автодороги Сорск–Биджа Боградского района Республики Хакасия (Кузьмин А-1986).

8. **Полгорный-2.** Могильник раскопан А. Ю. Тарасовым в 1998–1999 гг. на правом берегу Енисея (Тарасов 2005: 55–57).

9. **Пункт VI.** Один курган из трех оград (четыре могилы) раскопан в 1992 г. Н. Ю. Кузьминым на автодороге Уйбат–Сорск Боградского района Республики Хакасия (Кузьмин А-1992).

10. **Терт-Аба.** Могильник в Аскизском районе Республики Хакасия на берегу р. Есь, полностью раскопан и опубликован (Павлов 1999).

Аванесова 1991 – Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991.

Бобров 2001 – Бобров В. В. Лапчатые подвески ирменской культуры // Евразия сквозь века. СПб., 2001. С. 204–307.

Вадецкая 1986 – Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. Л., 1986.

Волков, Новгородова 1960 – Волков В. В., Новгородова Э. А. Карасукские привески из Монголии // СА. 1960. № 4. С. 155–160.

Грязнов, Максименков, Пяткин 1968 – Грязнов М. П., Максименков Г. А., Пяткин Б. Н. Карасукская культура // История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Л., 1968. Т. 1. Древняя Сибирь. Гл. 4. С. 180–187.

Дергачев 1998 – Дергачев В. А. Курбуинский клад. Кишинев, 1998.

Дэвлет 1988 – Дэвлет М. А. Погребения эпохи поздней бронзы в Туве // Хронология и культура принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: ТД. Барнаул, 1988. С. 119–121.

Киселев 1929 – Киселев С. В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник Государственного музея им. Марьянова. Минусинск, 1929. Т. 6, вып. 2.

Киселев 1937 – Киселев С. В. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931, 1932 гг. // СА. 1937. № 3. С. 137–166.

Киселев 1951 – Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

Клейн 1968 – Клейн Л. С. О дате карбуинского клада (к проблеме датировки трипольской культуры) // Проблемы археологии. Л., 1968. Вып. 1. С. 5–75.

Кызласов 1979 – Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979.

Лазаретов 1995 – Лазаретов И. П. Каменоложские погребения могильника Арбан I // Южная Сибирь в древности / Археологические изыскания ИИМК РАН. СПб., 1995. № 24. С. 39–46.

Липский 1956 – Липский А. Н. Карасукские погребения (1200–700 гг. до н. э.) в городе Абакае // Краеведческий сборник. Абакан, 1956. № 1. С. 93–157.

Липский 1963 – Липский А. Н. Абдасельское в карасукской эпохе и карасукское у хакасов // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963. С. 57–78.

Маргулан 1979 – Маргулан А. Х. Бетазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.

Новгородова 1970 – Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.

Окладников 1969 – Окладников А. Л., Суемугаев Я. И. Замечательный памятник карасукской культуры в Хакасии // Известия СО АН СССР. Серия область наук. 1969. № 1. Вып. 1. С. 79–82.

Павлов 1995 – Павлов П. Г. К реконструкции карасукского погребенного костюма // Южная Сибирь в древности / Археологические изыскания ИИМК РАН. СПб., 1995. № 24. С. 47–56.

Павлов 1999 – Павлов П. Г. Карасукский могильник Терт-Аба. СПб., 1999.

Паульс 2000 – Паульс Э. Д. Могильники Чазы и Мара на севере Минусинской котловины (к вопросу изучения карасукской культуры) // Мирозозрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб., 2000. С. 104–118.

Поляков 2002 – Поляков А. В. Схема периодизации классического этапа карасукской культуры // Стен Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. С. 209–213.

Савинов 1996 – Савинов Д. Г. Древние поселения Хакасии. Торжак. СПб., 1996.

Савинов 2003 – Савинов Д. Г. Торгажакские гальки (основные аспекты изучения, интерпретации) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2003. Вып. 2 (14). С. 48–70.

Савинов, Поляков, в печати (2007) – Савинов Д. Г., Поляков А. В. Могильник Арбан I (к проблеме изучения памятников эпохи поздней бронзы на юге Минусинской котловины) // АВ. М., 2007. № 14.

Сергеев 1963 – Сергеев Г. И. Раннетрипольский клад у села Карбуна // СА. 1963. № 1. С. 135–151.

Тарасов 2005 – Тарасов А. Ю. Исследования комплекса археологических объектов «Подгорный» в Минусинске // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005. С. 55–57.

Теплоухов 1927 – Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Л., 1927. Т. 3, вып. 2. С. 91–108.

Усманова, Логвин 1998 – Усманова Э. Р., Логвин В. Н. Женские наконечники украшения Казахстана. Эпоха бронзы. Лисаевск, 1998.

Хлобыстина 1963 – Хлобыстина М. Д. Бронзовые изделия Хакаско-Минусинской котловины и развитие карасукской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1963.

Хлобыстина 1967 – Хлобыстина М. Д. К семантике карасукских лапчатых подвесок // СА. 1967. № 1. С. 246–250.

Архивные материалы

- Лазаретов А.-1985 – Лазаретов И. П. Отчет о раскопках на Белом Озере I в 1985 году // НА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1. 1985, д. 133.
- Лазаретов А.-1986 – Лазаретов И. П. Отчет о раскопках могильника Белое Озеро I в 1986 году // НА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1. 1986, д. 154.
- Лазаретов А.-1987 – Лазаретов И. П. Полевой отчет о раскопках могильника Белое Озеро I в 1987 году // НА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1. 1987, д. 132.
- Лазаретов А.-1988 – Лазаретов И. П. Отчет о работе гр. I Аскизского отряда Среднеисенской экспедиции в 1988 году // НА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1. 1988, д. 119.
- Лазаретов А.-1989 – Лазаретов И. П. Полевой отчет о работе IV отряда Среднеисенской экспедиции в 1989 году // НА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1. 1989, д. 104.

- Лазаретов А.-1990 – Лазаретов И. П. Отчет о раскопках могильников Бырганов III, IV, V Федоров Улус, Белое Озеро I в 1990 году // НА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1. 1990, д. 95.
- Лазаретов А.-1991 – Лазаретов И. П. Полевой отчет о раскопках могильника Белое Озеро I в 1991 году // НА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1. 1991, д. 75).
- Кузьмин А.-1986 – Кузьмин Н. Ю. Полевой отчет Биджского отряда Среднеисенской экспедиции за 1986 г. // НА ИИМК РАН, ф. 35 оп. 1. 1986, д. 156.
- Кузьмин А.-1992 – Кузьмин Н. Ю. Отчет о работе II отряда Среднеисенской экспедиции // НА ИИМК РАН, ф. 35 оп. 1. 1992, д. 55, с. 38–42.
- Паульс А.-1984 – Паульс Е. Д. Отчет о раскопках у с. Сабитка и могильника Белое Озеро в 1984 году // НА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1. 1984, д. 159.

PALM-ENDED PENDANTS FROM BURIALS OF THE KARASUK CULTURE

A. V. POLYAKOV

Palm-ended pendants are among the most noteworthy elements of the Karasuk culture. Nevertheless, they are fairly uncommon in Karasuk burials and settlement sites. The works published so far on these objects are based mostly on the chance finds widely represented in museum collections in southern Siberia and elsewhere. *Meanwhile, new tendencies* have appeared concerning the volume and structure of the evidence accumulated and our knowledge about the Karasuk culture. This fact allows us to return to the discussion of this subject in expectation of new advances.

At present, we know already 80 Karasuk burials with finds of palmed pendants which amount to a total of 199 examples. This enables us now to base our studies predominantly on complexes of high informational validity rather than on chance finds as before. The main objective of the present article is to publish the scientific information on the mentioned complexes and to make an attempt at their primary interpretation.

A statistical analysis of all of the known finds of palmed pendants from Karasuk graves has confirmed their belonging exclusively to female funerary garments. Consideration of the age data has shown that women of all ages, including children, were accompanied by these ornaments. At the same time, the burials where the pendants were uncovered *in situ* suggest three manners of their use: as hair ornaments (mostly interwoven in braids), on footwear and as parts of necklaces or breast sets. Possibly, this variability reflected certain ethnical differences among the Karasuk populations.

The palmed pendants were in use for a fairly long period of time overlapping the later part of the «classical» stage and the entire Kamennolozhsky one (Late Bronze Age), as well as the earlier period of the Bainov stage of the Tagar culture (Scythian period).

During the «classic» stage of the Karasuk culture, these ornaments were not regularly distributed throughout its area. Their highest concentration has been revealed in burials near the place where the Abakan River flows into the Yenisey (the «Minusinsky concentration»). The farther from that place one moves the less numerous become gradually the burials and the number of pendants found in them. In the northern regions only single finds of them are known. Later, at the Kamennolozhsky stage of the culture, this disproportion vanished.

Studies of the geography of distribution of the pendants have localized the concentration of the examples with four palms in the south-western area of the Minusinsk depressions (the Askiz region of the Republic of Khakassia). Outside that zone, none of them has been found in Karasuk burials. Two other four-palmed pendants are reported from the territory of Tuva suggesting close contacts between the two regions.

An examination of a wide group of evidence has confirmed E. B. Vadetskaya's supposition of a similar significance of palmed pendants and triangular plaques with punched design. Peculiar combination pendants hold an intermediate position connecting the two types of female ornaments into a single developmental line.

A critical analysis of the existing now theories suggests the absence of any deeply enrooted semantics of palmed pendants among the Karasuk people. Most probably, they considered these items simply as ornaments of women's garments.

Recent dating has confirmed the opinion of S. A. Teploukhov and M. P. Gryaznov who tied the origin of Karasuk palmed pendants with the earliest Andronovo samples from Kazakhstan.

ЭВОЛЮЦИЯ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ ПАЗЫРЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Е. В. СТЕПАНОВА¹

Курганы пазырьской культуры Алтая сохранили бесценные свидетельства материальной и духовной культуры населения этого региона в скифское время и, в частности, уникальные по своей сохранности комплекты снаряжения верховых лошадей.

При всей своей оригинальности и яркости пазырьская культура – явление не одномоментное и не застывшее – по материалам памятников можно проследить несомненные признаки ее развития. И в первую очередь это касается такой важной стороны кочевого быта, как снаряжение и убранство верхового коня. Следует признать, что его развитие находилось в русле общей эволюции конского снаряжения в евразийских степях в целом, несмотря на локализацию пазырьской культуры на юго-восточной периферии скифского мира.

На наличие как общих, так и специфических черт в «шарских» курганах пазырьской культуры обратил внимание еще С. И. Руденко. При сравнении 2-го Башадарского и Пазырьских курганов он констатировал различия в местоположении конского снаряжения в могилах, в типах и частоте встречаемости подружных пряжек, своеобразии седельных украшений, а также приуроченность бронзовых уздечных бляшек и бронзовых украшений узд и нагрудников ко 2-му Башадарскому, а седельных распорок – к Пазырьским курганам (Руденко 1960: 88–89). Вместе с тем он отметил и различия в фурнитуре и декоре седел 1–2-го и 3–6-го курганов Пазырьского могильника (Руденко 1953: 164–167, 344–345), а также близость последних седлам из курганов Шибе и у с. Каракол (Руденко 1953: 170). При датировании пазырьской культуры в целом С. И. Руденко опирался на многие импортные вещи (зеркало типа «ещинь», переднеазиатские ткани и ковер), но, преимущественно, использовал методы искусствоведческого анализа – поиск аналогий в искусстве Ордоса, Минусинской котловины, Причерноморья, ахеменидской Персии (Руденко 1960: 168–169, 245–322, 336). Однако он отметил перспективность анализа конского снаряжения для внутрикультурного датирования: «Предметы, найденные в конских захоронениях, особенно конская упряжь, скорее чем вещи из погребальных камер могут служить критерием для установления относительной хронологии раскрытых курганов» (Руденко 1953: 343), и применил этот тезис на практике, правда, может быть, не совсем последовательно (Руденко 1960: 336).

Действительно, детали конского снаряжения относятся к числу наиболее массовых находок, так

как сопроводительные конские захоронения, являющиеся характерной чертой пазырьского погребального обряда, сравнительно редко подвергались разграблению.

Существующий разброс предполагаемых дат памятников пазырьской культуры от VI–IV до III–I вв. до н. э. и даже до I в. н. э. во многом связан с игнорированием изменчивости конского снаряжения на протяжении существования культуры. Полученные в последние годы уточненные ¹⁴C даты 2-го Пазырьского кургана укладываются в узкий промежуток 300–290 гг. до н. э. (Васильев, Слюсаренко, Чугунов 2003), что в какой-то мере подводит черту полувековой дискуссии, но, во-первых, требует дальнейшей проверки археологическими методами, а во-вторых, не решает проблем внутрикультурной хронологии, и прежде всего датирования рядовых курганов.

В этой связи представляются интересными результаты, полученные путем сравнительного анализа комплексов конского снаряжения из курганов, датированных методом дендрохронологии.

Эталонные памятники. Сохранность дерева во многих алтайских курганах обеспечивает возможность использования дендрохронологических методов, однако в настоящее время круг датированных таким образом курганов ограничен, а сами даты расходятся между собой. Связующим звеном, своего рода «точкой отсчета» для дендрохронологических шкал, предложенных различными исследователями, является 2-й Пазырьский курган. По данным И. М. Замоторина и Л. С. Марсадолова, 1-й Тузгинский курган возведен на 130 лет ранее 2-го Пазырьского (Руденко 1960; Марсадолов 1988; 2003). По данным И. М. Замоторина, Л. С. Марсадолова и И. Ю. Слюсаренко, 1-й Пазырьский курган одновременно 2-му Пазырьскому или возведен с очень небольшим интервалом (от -5 до +2 лет), а 3-й, 4-й, 5-й Пазырьские курганы сооружены позднее 2-го Пазырьского, причем, по мнению И. М. Замоторина и Л. С. Марсадолова, 4-й курган раньше 3-го, а согласно И. Ю. Слюсаренко – наоборот, соответственно, 3-й Пазырьский датируется в интервале от +1 до +30 лет, 4-й Пазырьский – от +7 до +35 лет, а 5-й Пазырьский – от +48 до +52 лет.

И. Ю. Слюсаренко сопоставил дендрохронологическую шкалу, полученную для могильника Алюкгорья Уюк и Чуйской степи, через курган 11 могильника Берель, со средней кривой, рассчитанной для 2-го Пазырьского кургана. Однако из 12 дати-

¹ Россия. 190000. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж. Отдел научной документации по учету и хранению.

рованных И. Ю. Слюсаренко курганов для целей данного исследования подошли только три: курган Кутургутас и курган 1 могильника Ак-Алаха-1 были возведены на 12 и 10 лет соответственно ранее 2-го Пазырыкского, а курган 1 могильника Ак-Алаха-3 — на 20 лет позднее (Слюсаренко 2000). В остальных либо отсутствовали конские захоронения, либо снаряжение не сохранилось, а по результатам исследования кургана II могильника Берель опубликованы только предварительные данные.

Таким образом, по наличию сопоставимых дендрохронологических дат были отобраны девять курганов. Для расширения выборки в нее были также включены материалы курганов, относимых большинством исследователей к ранним (Башадар, курган 2, Тузкта, курган 2)² и поздним (Шибе, Каракол) памятникам пазырыкской культуры, хотя их абсолютные даты, предлагаемые различными авторами, варьируют весьма значительно. В выборку был включен также 6-й Пазырыкский курган — производство зеркала типа «цинь», аналогичных найденному в этом кургане, согласно последним данным, может быть ограничено 311–222 г. до н. э. (Bunker 1991: 20–21).

Вышеназванные памятники помимо наличия относительных дат в рамках культуры характеризуются сравнительно хорошей сохранностью органики, что позволяет достоверно интерпретировать отдельные детали конской амуниции, и богатством материала, дающего выразительные типологические серии элементов снаряжения, которые в рядовых памятниках обычно представлены в единичных экземплярах, поэтому их можно использовать в качестве эталонов.

Всего в выборку вошли материалы 14 курганов из 6 могильников³ (табл. 1). В них было захоронено 129 лошадей, сохранились детали не менее 85 седел и 112 узд.

Хронологические группы конского снаряжения. Анализ конского снаряжения из эталонных курганов позволил выделить в рамках пазырыкской культуры достоверно различающиеся ранние (связанные с раннескифскому времени), поздние (имеющие аналогии гунино-сарматского времени) и промежуточные комплексы конского снаряжения. При их сравнении прослеживается не только процесс замены бронзовой фурнитуры изделиями из железа, кости и дерева, но и что обращал внимание ряд авторов (Руденко 1960; Шульга 1998 и др.), но и существенные изменения в фурнитуре и декоре узд и седел, а также в обрядовых действиях при совершении конских захоронений (табл. 2–7).

В 1-ю (раннюю) хронологическую группу вошли комплекты из 2-го Башадарского и 1-го, 2-го Тузктинских курганов, во 2-ю (промежуточную) группу — комплекты из курганов Ак-Алаха-1, курган 1, Кутургутас, 1-й и 2-й Пазырыкские, Ак-Ала-

ха-3, курган 1, в 3-ю (позднюю) группу — комплекты из 3–6-го Пазырыкских курганов, Шибе и Каракола. Причем относительно хорошо сохранившиеся седла и узды из 2-го Пазырыкского кургана и кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 имеют ряд черт, позволяющих рассматривать эти памятники как переходные от 2-й к 3-й группе. Хотя между эталонными памятниками 1-й и 2-й групп наблюдается значительный хронологический разрыв (более 100 лет), их преемственность и основное направление трансформации снаряжения верховых лошадей достаточно очевидны, что позволяет в дальнейшем выделить также ряд переходных памятников.

Общие черты конского снаряжения пазырыкской культуры.

Так как далее речь пойдет главным образом о различиях, представляется целесообразным коротко остановиться на общих чертах конского снаряжения пазырыкской культуры и используемой в работе терминологии.

Узды. Пазырыкские узды имели наносный, два суголовных и два подбородных ремня (правые суголовный и подбородные ремни длиннее, левые короче). Конец правого суголовного ремня продевался в петлю на конце левого и завязывался, так что узел обычно находился с левой стороны затылка лошади. В качестве застежки подбородных ремней обычно использовалась деревянная или костяная пронизка (другие варианты в единичных экземплярах), располагавшаяся на конце левого подбородного ремня, а на конце правого прорезались одна или две петли. Если застежка отсутствовала, конец левого подбородного ремня продевался в петлю на конце правого и завязывался. Развилка при соединении оголовья с двудырчатыми псалениями формировалась двумя способами: 1) раздвиганием суголовных ремней или 2) перештением суголовных и наносного ремней, при этом концы суголовных ремней продевались в нижние, а наносного ремня — в верхние отверстия псалиев. Для фиксации ремней в отверстиях псалиев на их концах завязывались узелки, вставлялись кожаные заклепки или конец ремня продевался в прорезь, на нем же сделанную. Для крепления налобной бляхи к коротким концам подбородных ремней в месте пересечения их с суголовными привязывались дополнительные тонкие ремешки. Псалии использовались двудырчатые S-видные, дуговидные или прямые (61,6 %, 12,8 % и 25,6 % учтенных в выборке соответственно), в основном деревянные (89,1 % учтенных в выборке), реже — бронзовые или костяные. Удила составные, двухзвенные, с колычатыми окончаниями, железные или бронзовые (82,6 % и 17,4 % соответственно⁴). К левому кольцу удила привязывался чумбур, к правому — повод. На конце повода обычно выполнялась кожаная петля, через которую

² 2-й Башадарский курган практически одновременно признается самым ранним памятником. 2-й Тузктинский создан несколько позднее 1-го Тузктинского — его насыпь перекрывает попу последнего (Руденко 1960: 106).

³ Выражаю благодарность хранителю Государственного Эрмитажа Л. Л. Барковой за предоставленную возможность непосредственно ознакомиться с материалами Башадарского, Тузктинского и Пазырыкского могильников и консультации по вопросам пазырыкского искусства.

⁴ Соотношение дано для сохранившихся узд. У части узд удила не сохранились (табл. 4).

Таблица 1. Относительные и абсолютные даты эталонных памятников.

Table 1. Relative and absolute dates for standard Pazyryk sites.

Эталонные памятники	Относительные даты	Абсолютные даты
Башадар, курган 2	ранний	?
Туэкта, курган 1	-130	430-420 гг. до н.э.
Туэкта, курган 2	< -130	позже 430-420 гг. до н.э.
Кутургунтас	-12	312-302 гг. до н.э.
Ак-Алаха-1, курган 1	-10	310-300 гг. до н.э.
Пазырык, курган 1	-5 - +2	305-288 гг. до н.э.
Пазырык, курган 2	0	300-290 гг. до н.э.
Ак-Алаха-3, курган 1	+20	280-270 гг. до н.э.
Пазырык, курган 3	+1 - +30	299-260 гг. до н.э.
Пазырык, курган 4	+7 - +35	293-255 гг. до н.э.
Пазырык, курган 5	+48 - +52	252-238 гг. до н.э.
Пазырык, курган 6	?	311-222 гг. до н.э.
Каракол	поздний	?
Шибэ	поздний	?

Таблица 2. Наличие бронзовых деталей в конском снаряжении.

Table 2. Occurrence of bronze parts in horse trappings.

Хронолог. группа, эталонные памятники	Удила ¹ , компл./%	Псални, компл./%	Чумбурные блоки, компл./%	Поздиружные пряжки, компл./%	Декор. элементы, компл.	Декоративные элементы, описание
Башадар, курган 2 (грабл.)	6/42,9	3/21,4	4/28,6	9/64,3	4	Бронзовые комплекты украшений узд и нагрудников (3 комп.), бронзовые 4-лепестковые розетки - на седельной покрывке (2 комп.)
Туэкта, курган 1 (грабл.)	??	-	-	1/8,3	3 ?	Бронзовые украшения узд и нагрудников (от 3 ? комплектов)
Туэкта, курган 2 (грабл.)	-	-	1/25,0	1/25,0	3	2 бронз. 4-леп. бляхи - украшения нагрудника (1 комп.); 4 бронз. приставных рога к головкам животных - украш. узд и нагрудников, 4 штамп. бронз. бляхи с изобр. гор. барада - украш. покрывки (1 комп.)
1-я группа, всего	62/15,8 ?	3/7,9	5/13,6	11/36,7	10	+
Кутургунтас	-	-	-	-	-	-
Ак-Алаха-1, курган 1	-	-	-	-	-	-
Пазырык, курган 1	1/10,0	-	-	-	-	-
Пазырык, курган 2	2/28,6	-	-	-	-	-
Ак-Алаха-3, курган 1	-	-	-	-	-	-
2-я группа, всего	3/7,9	-	-	-	-	-
Пазырык, курган 3	5/50,0	2/20,0 (бр.степ.)	-	-	-	-
Пазырык, курган 4	-	-	-	-	1	2 бронз. кружка - накладки на кожаные рога конского наворачия
Пазырык, курган 5	-	-	-	-	-	-
Пазырык, курган 6	1/100	-	-	-	-	-
Каракол	-	-	-	-	1	бронзовый колокольчик
Шибэ (грабл.)	-	-	-	-	-	-
3-я группа, всего	6/16,7	2/5,6 (бр.степ.)	-	-	2	+

¹ Процент бронзовых удил, псалней и чумбурных блоков в таблице рассчитан по отношению к числу узд.

Таблица 3. Особенности седельной фурнитуры 1-й, 2-й и 3-й хронологических групп.

Table 3. Features of saddle furnishings of chronological groups 1, 2 and 3.

Хронолог. группа, эталон. памятники	Конн. кол-во	Седла, кол-во; % седел с пряжками; распос. седел	Левые полнпуж. застёжки, кол-во; из них ДВ, % / ОД, %	ДВ (двучастные застёжки), кол-во и %				ОД (одночастные застёжки), кол-во и %		
				всего	в т. ч.			всего	в т. ч.	
					бронз. петля-пряжка	кост. петля-пряжка	комбин. с кож. петлей		бронз.	кост.
Башадар, курган 2 (грабл.)	14	14 100 оседл.	14 92,9/7,1	13 100	7 53,8	3 23,1	3 23,1	1 100	1 100	—
Туэкта, курган 1 (грабл.)	8	18 ? 66,7 в камере	12 ? 100/-	12 100	1 8,3	2 16,7	9 75	—	—	—
Туэкта, курган 2 (грабл.)	8	4 ? 100 ? оседланы	4 ? 75/25	3 100	—	1 33,3	2 66,6	1 100	1 100	—
1-я группа, всего	30	36 ? 83,3	30 ? 93,3/6,7	28 100	8 28,6	6 21,4	14 50	2 100	2 100	—
Кутургунтас	10	> 2 ? < 100 не сохр.	2 -/100	—	—	—	—	2 100 (1 лом.)	—	2 100
Ак-Алаха-1, курган 1	9	5 ? 40 на лош.	2 -/100	—	—	—	—	2 100	—	2 100
Пазырык, курган 1	10	10 ? 0 на лош.	— -/-	—	—	—	+ (2 кож. петли)	—	—	—
Пазырык, курган 2	7	7 14,3 на лош.	1 -/100	—	—	—	—	1 100	—	1 100
Ак-Алаха-3, курган 1	6	4 ? 0 на лош.	— -/-	—	—	—	—	1 ? 100	—	1 ? 100
2-я группа, всего	42	>28 ? <17,9 ?	5 -/100	—	—	—	+ (кож. петли)	6 100	—	6 100
Пазырык, курган 3	14	10 ? 10 на лош.	1 -/100	—	—	—	+ ? (3 накладки с отверстием)	1 100	—	1 100
Пазырык, курган 4	14	2 ? 50,0 ? на лош.	1 -/100	—	—	—	—	1 100	—	1 100
Пазырык, курган 5 (верх.)	5	5 0 на лош.	— -/-	—	—	—	—	—	—	—
Пазырык, курган 6	3	1 0 на лош.	— -/-	—	—	—	+ ? (1 накладка с отверстием)	—	—	—
Каракол	3	1 0 на лош.	— -/-	—	—	—	+ ? (1 накладка с отверстием)	—	—	—
Шибе (грабл.)	14	>2 0 на лош.	— -/-	—	—	—	—	—	—	—
3-я группа, всего	53	> 21 < 9,5	2 -/100	—	—	—	+ (накл. с отв.)	2 100	—	2 100

Таблица 4. Особенности уздечной фурнитуры 1-й, 2-й и 3-й хронологических групп.

Table 4. Features of bridle furnishings of chronological groups 1, 2 and 3.

Хронол. группа, этап, памятники	Узды, кол-во, рас- поло- жение	Уздла, кол-во, в т. ч. жел./ бронз.	Лесалин, всего (в т. ч. опр. формы)	Лесалин, комплектов / %			Чумбурные блоки, кол-во		Копыт. про- низки, кость/ дер.		
				в т. ч. S-видные с фиг. окош.	дуговидные с фиг. окош.	прямые с фиг. окош.	всего				
							в т. ч.				
				простые бронз.	сложные, кость/ дер.						
Башадар, курган 2 (грабл.)	14 взнузд.	14 08.июн	13 100	13 100 3 бр. 10 дер.	—	—	—	4	4	—	—
Туэкта, курган 1 (грабл.)	20 ? в камере	? +/? ¹	20(15) 100	8 53,3 дер.	4 26,7 дер.	—	3 20 дер.	-?	—	—	—
Туэкта, курган 2 (грабл.)	4 ? взнузд.	? +/- ²	3(2) 100	2 100 дер.	—	—	—	1	1	—	—
1-я группа, всего	38 ?	> 14 >8/6 ?	36(30) 100	23 76,7	4 13,3	—	3 10	5?	5	—	—
Кутургутас	10 взнузд.	10 10/-	1 ? 100	1 100 дер.	—	—	—	?	—	—	—
Ак-Алаха-1, курган 1	5 взнузд.	4? 4/- ³	5 100	5 100 дер.	—	—	—	—	—	—	—
Пазырык, курган 1	10 на лош.	10 9/1	10 100	4 40 дер.	—	—	6 60 дер.	—	—	—	1 -/1
Пазырык, курган 2	7 на лош.	7 5/2	6 100	3 50 дер.	—	1 16,7 кость	2 33,3 1 дер., 1 кожа	—	—	—	—
Ак-Алаха-3, курган 1	6 взнузд.	6 ⁴ 6/- ⁴	6 100	2 33,3 дер.	3 50 дер.	—	1 16,7 дер.	—	—	—	—
2-я группа, всего	38	37? 34/3	28 100	15 53,6	3 10,7	1 3,6	9 32,1	—	—	—	1 -/1
Пазырык, курган 3	10 на лош.	10 5/5	10 100	1 10 дер.	—	1 10 кость	8 80 6 дер., 2 с бр. степ.	8	—	1	7 3/4
Пазырык, курган 4	11 на лош.	11 11/-	11 100	9 81,8 с лоп. дер.	—	2 18,2 кость	—	5	—	3	2 2/-
Пазырык, курган 5	9 5 — на лош., 4 — в погр.	9 9/-	5 100	3 33,3 с лоп. дер.	—	—	6 66,7 дер.	—	—	—	2 -/2
Пазырык, курган 6	1 взнузд.	1 -/1 ⁵	? —	—	—	—	—	?	—	—	—
Каракол	1 взнузд.	1 1/-	? —	—	—	—	—	?	—	—	—
Шибэ	> 4 на лош.?	? 3/-	4 ? 100	4 100 2 с лоп. дер.	—	—	—	-?	—	—	1 ? -/1
3-я группа, всего	> 36	>35 >29/6	34 100	17 50	—	3 8,8	14 41,2	13	—	4	9 5/4
									> 14 ? 4/10		

¹ По мнению С. И. Руденко, бронзовые узды, возможно, похищены (Руденко 1960: 124).

² «Узды были с железными двусоставными колчатыми узлами» (Руденко 1960: 154).

³ Одно лезно бронзовых узды найдено в ограде кургана (Полосьмак 2001: 47, рис. 30).

⁴ По устной информации Н. В. Полосьмак.

⁵ Следы «окиси меди во рту коня» (Руденко 1953: 161).

Таблица 5. Особенности декора псалмов 1-й, 2-й и 3-й хронологических групп.

Table 5. Features of decoration of cheek-pieces of chronological groups 1, 2 and 3.

Хронолог. группа, эталон, памятники	Удлы, кол-во	Псалмы с опред. окончаниями, всего, комп.	Псалмы с фигурными завершениями, комплектов							Псалмы без фин. завершения, комп., ори./не ори.	
			асимметрич. листки, пальметки	грифы	грифы +др., грифы +раст./грифы +хищ.	хищники, копытки, волки	бараны	другие копытные	птицы		геом. фигуры, всего, диски/прочие
Башадар, курган 2 (грабл.)	14	13	12	1	—	—	—	—	—	—	—
Тузета, курган 1 (грабл.)	20 ?	20	16	1	—	1 (прот.) 1/-	—	2 (гол. копей, лосей)	—	—	—
Тузета, курган 2 (грабл.)	4 ?	2	—	1	—	1 (гол.) 1/-	—	—	—	—	—
1-я группа, всего	38 ?	35 100	28 80	3 8,6	—	2 5,7	— 5,7	2	— 0	— 0	— 0
Кутургунтас	10	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Ак-Алаха-1, курган 1	5	5	2	2	1 1/-	—	—	—	—	—	—
Пазырык, курган 1	10	10	3	2	—	1 (гол.) 1/-	2 (гол. и фигура)	1 (фигура оленя)	—	1 1/-	—
Пазырык, курган 2	7	6	—	—	—	2 (гол и прот.) 2/-	2 (гол.)	—	1 (гол. гуся)	—	1 -/1
Ак-Алаха-3, курган 1	6	6	1	3	1 1/-	—	1 (протомы)	—	—	—	—
2-я группа, всего	38	28 100	6 21,4	8 35,7	2	3 10,7	5 21,4	1	1 3,6	1 3,6	1 3,6
Пазырык, курган 3	10	10	—	1	1 -/1 (гол. рог. тигра)	—	1 (протомы) с брон. стерж.	1 (гол. лосей)	1 (фиг. лебедя) с брон. стерж.	4 1/3	1 1/-
Пазырык, курган 4	11	11	—	4	—	5 (гол.) 02.мар с лоп.	—	—	—	—	2 1/1
Пазырык, курган 5	9	9	—	1	—	1 (гол.) 1/- с лоп.	—	1 (гол. сайги) с лоп.	—	6 5/1	—
Пазырык, курган 6	1	?	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Каракол	1	?	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Шибе	> 4	2 ¹	—	—	—	1 (гол.) 1/-	—	—	—	1 1/-	—
3-я группа, всего	> 36	32 ? 100	— 0	6 21,9	1	7 21,9	1 9,4	2	1 3,1	11 34,3	3 9,4

¹ Еще у 2 комплектов псалмы сохранились только нижние лопасти.

Таблица 6. Особенности декора узд 1-й, 2-й и 3-й хронологических групп.

Table 6. Features of decoration of bridles of chronological groups 1, 2 and 3.

Хронолог. группа, эталон. памятники	Узды, кол-во	Накладки на развилки, комплексов	Развилки-рогатки деревянные							Кожаные «агр-мош-ки»	Дер. алашки с попереч. валиками
			двух-рядные дольки	не орнам.	поперечная штриховка	«чешуйчатый»	по краю фестоны, «бег. волны», встреч. завитки	по краю фестоны, «бег. волны» в разн. стороны	фигурные		
Башадар, курган 2 (грабл.)	14	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Туэкта, курган 1 (грабл.)	20 ?	12?	—	12?	—	—	—	—	—	—	+
Туэкта, курган 2 (грабл.)	4 ?	4	—	4	—	—	—	—	—	—	+
1-я группа, всего	38 ?	17?	1	16?	—	—	—	—	—	—	+
Кургунгитас	10	1?	—	1	—	—	—	—	—	—	+
Ак-Алаха-1, курган 1	5	4	—	4	—	—	—	—	—	—	+
Пазырык, курган 1	10	8	—	2	—	2	4	—	—	—	+
Пазырык, курган 2	7	2	—	—	—	—	2 (1ож.)	—	—	—	—
Ак-Алаха-3, курган 1	6	6	—	—	3 ¹	2 ²	1	—	—	—	—
2-я группа, всего	38	21	—	7	3	4	7	—	—	—	+
Пазырык, курган 3	10	8	—	—	—	—	—	1	2	5	—
Пазырык, курган 4	11	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Пазырык, курган 5	9	9	—	—	—	—	—	6	2	1	—
Пазырык, курган 6	1	?	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Каракол	1	?	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Шибс	> 4	?	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3-я группа, всего	> 36	18?	—	—	—	—	—	7	4	7	—

¹ Одна развилка с поперечной штриховкой по всей рогатке и две развилки с поперечной штриховкой только на основании, на вилках орнамент (треугольники, образованные косой штриховкой, завитки).

² «Чешуйчатый» орнамент только на вилках, на основании фестоны и сдвоенные головки сайгака.

Таблица 7. Особенности декора седел 1-й, 2-й и 3-й хронологических групп.

Table 7. Features of decoration of saddles of chronological groups 1, 2 and 3.

Хронолог. группа, эталонные памятники	Дужки уноров, комп., мат-л	Декор уноров, комплектов, материал			«Щитовидные» подвески, комплектов, материал			Накладки, комп. материал	Седла, распорки, комп., мат-л		
		войлоч. медальоны	ажур. аппликации из кожи и зол. листья	наклад. линзов. без отв.	наклад. всего, (арочн./ линзов., трапец. с отв.)	к унорам	к пояречным ремням			к пристругам, всего, (с отв./ без отв.)	
Башадар, курган 2	—	12 ¹	—	1 (орлы дер.	—	—	—	—	—		
Тузкта, курган 1	18 дер.	+(ф-ты)	—	—	—	—	—	—	—		
Тузкта, курган 2	—	+(ф-ты)	2 зол.	—	—	—	—	—	—		
1-я группа, всего	18 дер.	>12	2 зол.	1	—	—	—	—	—		
Кутургунтас	- ?	?	?	—	—	—	—	—	—		
Ак-Алаха-1, курган 1	4 ? дер.	4	—	—	—	—	—	—	—		
Пазырык, курган 1	4 ? дер.	—	7 ? кожа	—	—	—	—	—	—		
Пазырык, курган 2	3 дер.	—	2 ? кожа	—	—	3 ? рог	—	—	—		
Ак-Алаха-3, курган 1	2 ? дер.	—	—	—	—	—	—	—	—		
2-я группа, всего	13 ? дер.	4 ?	9 ? кожа	—	—	3 ? рог	—	—	—		
Пазырык, курган 3	3 2 рог, 1 кожа	2	4 1 кожа 3 зол.	—	4 (3/1 трап.) 2 рог, 1 дер./ 1 рог	10 3 рог 7 дер.	10 3 рог 7 дер.	9 (3/6) 3 рог/ 6 дер.	8 (3/5) 3 рог/ 5 дер.	1 дер.	10 дер.
Пазырык, курган 4	2 рог	?	+(ф-ты) зол.	—	2 (2/-) рог	2 рог	2 рог	—	1 (1/-) рог	—	—
Пазырык, курган 5	2 кожа	—	—	—	3 (-/3 линз.) кожа	4 дер.	4 дер.	3 (-/3) 1 дер., 2 кожа	2 (2/-) кожа, дер.	2 дер.	5 дер.
Пазырык, курган 6	—	?	—	—	1 (1/-) рог	1 рог	1 рог	1 (1/-) рог	1 (1/-) рог	—	—
Каракол	1 рог	?	—	—	—	1 рог	1 рог	1 (1/-) рог	1 (1/-) рог	—	1 дер.
Шябе	1 рог	?	+(ф-ты) зол.	—	—	1 ? дер.	1 ? рог	?	1 (1/-) рог	—	1 ?
3-я группа, всего	9 6 рог, 3 кожа	2 ?	>4 1 кожа > 3 зол.	—	10 (6/4) 5 рог, 1 дер./ 1 рог, 3 кожа	19 7 рог, 121 дер.	19 8 рог, 11 дер.	14 (5/9) 5 рог, 1 дер., 2 кожа	14 (9/5) 7 рог, 1 дер., 1 кожа/ 5 дер.	3 дер.	>17 дер.

¹ Еще 1 комплект — войлочные линзовидные накладки с четырьмя нащитыми деревянными рельефными бляхами в виде головок горного барана.

продевался чумбур, реже использовались бронзовые, деревянные или костяные блоки. Варианты узд, по материалам Башадарского, Тузгинского и Пазырыкского могильников, детально рассмотрены С. И. Руденко (Руденко 1953: 151–158; 1960: 67–70, 124–127).

Седла. Характерной особенностью пазырыкских седел являлось то, что они не имели каркаса – лещика. Они представляли собой две кожаные подушки, длиной 50–70 см, набитые оленьим волосом или сухой травой и сшитые так, чтобы между набитыми частями оставался седельный желоб, предотвращавший контакт всадника с позвоночником лошади, шириной 6–10 см, как у современных седел (Руденко 1953: 161). *Подушки были шире в передней части, в плане имели «бабочковидную» форму.* Спереди и сзади седельных подушек имелись утолщения, полукруглые в фас и подтреугольные сбоку, обеспечивавшие прочную посадку всаднику, конструктивно и функционально идентичные упорам⁵ (подколенникам, коленным подушкам) современных «английских» седел. Сидение и упоры формировались благодаря крою и набивке подушек, затем простегивались. Детали края торцевых частей кожаных подушек имели линзовидную форму, что предопределяло внешний вид упоров. У алтайских седел были два передних и два задних упора. Их длина по хорде колебалась от 15 до 34,5 см, высота от 10 до 20 см. Задние упоры были ниже передних. Сверху поперек подушек ремешками закреплялся широкий ремень, концы которого выступали в качестве приструги, и два более узких ремня с внутренней стороны упоров, предназначенные для придания дополнительной прочности конструкции и крепления приторочных ремешков.

Характерными деталями алтайских седел являлись деревянные, роговые или кожаные дужки, крепившиеся ремешками сверху к бортикам упоров. Дужки усиливали конструкцию и одновременно являлись элементами декора.

Алтайские безлещиковые седла, как и современные седла, имели подпруги, приструги, нагрудники, подвостники и войлочные потники. Потники подшивались под седло, они имели такой же размер и форму, что и седельные подушки. Нагрудники состояли из основного ремня, расположенного горизонтально, и двух пришитых перпендикулярно ему находковых (холодных) ремешков. Обычно нагрудники крепились к пристругам, как и у современных английских (скаковых, конкурных) и ков-

бойских седел. Концы основного ремня продевались в отверстия приструги, расположенных несколько ниже края подушек, и привязывались, реже использовались застежки. Подвостники крепились к задним упорам. Существовали регулируемые и нерегулируемые по длине варианты подвостников.

С пазырыкскими седлами использовались *безязычковые подпруговые пряжки*, изготовлявшиеся из бронзы, рога или дерева. В качестве фиксатора у них служил носик – крючок или горизонтальный выступ, лежащий в плоскости рамки. Пазырыкские седла имели только одну подпругу и одну подпруговую пряжку (слева). Подтягивание подпруги производилось слева, как и у современных седел.

Конструкция безязычковых пряжек обусловила некоторые особенности их применения в качестве подпруговых, по сравнению с язычковыми. У пазырыкских седел зафиксированы два типа подпруговых ремней – *двухчастные и одночастные* (Степанова 2005: 109–115). *Двухчастная застежка (ДЗ)*, помимо пряжки с носиком-крючком, загнутым внутрь, предусматривала наличие *петли* (бронзовой, костяной или кожаной), выполняющей роль блока. *Одночастная застежка (ОЗ)* состояла из одной пряжки с носиком-выступом или крючком, отогнутым наружу, в качестве блока выступала рамка пряжки⁶.

В качестве правых подпруговых застежек использовались *ременные узелковые и, возможно, деревянные застежки-палочки*.

Особенности конского снаряжения 1-й хронологической группы (эталонные памятники: Башадар, курган 2, Тузга, курган 1 и 2).

Для эталонных памятников реконструируются не менее 36 комплектов седел и 38 узд при останках 30 лошадей, в том числе 9 комплектов *in situ* и пять потревоженных с почти полным комплектом фурнитур из 2-го Башадарского кургана.

Находки из 2-го Башадарского и 1-го, 2-го Тузгинских курганов взаимно дополняют друг друга. Во 2-м Башадарском кургане были погребены 14 оседланных коней, причем девять происходящих из верхнего слоя конского погребения, отделенного от нижнего прослойкой бересты и земли, оказались непотревоженными, а пять – из нижнего слоя пострадали от грабителей, хотя седельная фурнитура большей частью осталась в погребальной камере. К сожалению, кожа узд и седел не сохранилась, сами кони истлели до костей, но уцелели бронзовые, деревянные, костяные и войлочные детали, в том числе

⁵ Термин *упор (подколенник)* широко используется в практике конного спорта и в иппологической литературе. О предпочтительности этого термина см.: Степанова 2003: 151–154. Традиционно в археологической литературе считается, что у скифских мягких седел было две пары лук (Амброз 1973; Вайнгейн 1972; 1991; Киселев 1951; Полосымак 1994; 2001; Руденко 1953; 1960; Kohalmi 1968). Однако лук – это дугообразные части лещика, соединяющие лавки (полки) седла (см., например, Гурцац, Рогова 1991). Алтайские седла не имели лещика и, соответственно, не имели таких его частей, как лавки (полки) и лавки.

⁶ В справочнике «Система научного описания музейного предмета» для поясных застежек, подобных подпруговым скифского времени, предложены термины: *двухчастная пряжка с застежкой крючок-петля* и *одночастная пряжка с крючком* (Система научного описания... 2003: 66–67). Но, во-первых, «застежка – приспособление для застегивания» более общее понятие, чем «пряжка» – жесткая застежка, обычно со шпеньком» (БТСРЯ 1998: 347, 1040); (крючок, кнопка, пуговина, запонка – тоже застежки. Во-вторых, несомненно, почему предмет, внешне идентичный пряжке с крючком (отогнутым наружу), но с носиком, загнутым внутрь, следует называть просто *крючком* (при этом крючок только один из элементов его конструкции). В связи с вышеназванным представляются более логичными терминами *двухчастная застежка, состоящая из пряжки с носиком-крючком, загнутым внутрь, и петли*, и *одночастная застежка, состоящая из пряжки с носиком-выступом или крючком, отогнутым наружу*.

великолепные седельные покрывки. В 1-м Тузетинском кургане восемь коней были погребены без упряжки, седельные комплекты (не менее 18) и узды (не менее 20), сложенные между стенками срубов, сильно пострадали от грабителей, фурнитура перемешана и отделена от ремней, бронзовые удила, по мнению С. И. Руденко, возможно, похищены (Руденко 1960: 124), но сохранились два седла, подпруга (самая древняя целая подпруга с пряжкой!) и много кожаных деталей узд и седел, а также отдельные деревянные, костяные и бронзовые элементы декора. Во 2-м Тузетинском кургане также были захоронены 8 коней, но взнузданы и оседланы были не более четырех из них. Это погребение сильно пострадало от грабителей и процессов деформации сруба, но сохранившаяся фурнитура и кожаные детали узд и седел практически идентичны найденным в 1-м Тузетинском кургане. Войлочные детали из 1-го и 2-го Тузетинских курганов представляли небольшими фрагментами.

Фурнитура и конструктивные особенности седел. Седла этой группы характеризуются, пожалуй, наибольшими абсолютными размерами упоров. Судя по некоторым дужкам упоров из 1-го Тузетинского кургана и войлочным накладкам на упоры («медальонам») из 2-го Башадарского, их высота достигала 20 см, а ширина 34,5 см.

Деревянные дужки упоров обнаружены в 1-м Тузетинском кургане – 72 экземпляра не менее чем от 18 комплектов седел (Руденко 1960: рис. 79, 80), но их не было во 2-м Башадарском и 2-м Тузетинском курганах (сохранность дерева в последнем значительно хуже, чем в 1-м Тузетинском и 2-м Башадарском курганах). Таким образом наличие дужек не являлось обязательным, при их отсутствии бортик упора мог оформляться войлочной полоской, в том числе украшенной аппликацией или нашитыми бляшками (Руденко 1960: табл. СХХ, СХХV: 1, СХХI: 1). В среднем в 1-й группе дужки имели 50 % седел.

В памятниках раннескифского времени Северного Причерноморья, например, в кургане 2 у с. Жаботицы (Иванчук 2001: рис. 25: 9–12) и финала раннескифского времени на Алтае, например, Рогозиха I, курган 7, могила 8 (Уманский, Шамши, Шульга 2005: рис. 20: 1, 2, 3) зафиксированы массивные костяные дужки упоров. По размерам и сечению (подтреугольные, сегментовидные, с внутренним вырезом типа «ласточкин» хвост) они очень близки пазырыкским деревянным дужкам 1-й и 2-й хронологических групп.

Фурнитура седел 1-й группы характеризуется абсолютным преобладанием двухчастных подпружных застёжек (28 из 30, то есть 93,3 %), которые обнаруживают несомненную близость подпружным застёжкам раннескифского времени, но имеют и ряд отличий. Скорее здесь можно говорить о преемственности, чем об одновременности.

В VII–VI вв. до н. э. на Алтае и в других районах Южной Сибири, в Казахстане и восточной части

Южного Приуралья бытовал стандартный седельный комплект – бронзовые пряжка и петля (левая подпружная застёжка) и крупная бляха (правая застёжка)⁷ – рис. 1–2. За пределами данных регионов имеются отдельные разрозненные находки седельной фурнитуры, которые также укладываются в эту схему. Бронзовые пряжки и петли двухчастных подпружных застёжек этого периода отличались большими размерами (от 5 до 13 см, большинство 6–8 см), разнообразием форм (фигурные, пластинчатые, рамочные) и способов крепления к седельным ремням (скоба – подпрямоугольная или трапециевидная петля в плоскости пряжки, обойма – широкая петля на обороте, перпендикулярная плоскости пряжки, кнопка). Пряжка и петля из одного комплекта обычно соответствовали друг другу по размерам, пропорциям и оформлению. Пряжки имели носик-кнопку или носик-крючок, загнутый внутрь пряжки. Носик-кнопка часто оформлялась в виде локального коныта, обращенного носком внутрь. Застёжки раннескифских седел одновременно являлись важными элементами их декора. Крупные бляхи-застёжки, располагавшиеся справа, были призваны визуально уравновесить петлю и пряжку слева (их размеры колебались от 3,5 до 8 (!) см, у большинства – 4–7 см, при длине собственно шпильки-застёжки на обороте 2–3 см).

Двухчастные бронзовые подпружные застёжки продолжали использоваться и в классическое скифское время, о чем свидетельствуют, например, бронзовые подпружные пряжки с изогнутым носиком голов и носиком-крючком, загнутым внутрь, происходящие из кургана «В» и кургана 400 у с. Журовка (Приднпровье) первой половины V в. до н. э. (Золотые олени Евразии 2002: 50; Ильинская, Тереножкин 1983: 251). Следует отметить, что их оформление имеет сюжетные соответствия в курганах пазырыкской культуры (Алексеев 2003: 182) и, в том числе, в памятниках 1-й хронологической группы – узденские подвески с геральдически сопоставленными головами лосей из 1-го и 2-го Тузетинских курганов (Руденко 1960: табл. ХСI: 4, 5, СХ: 4, 5).

Отличия в курганах 1-й группы схема крепления седел сохраняется та же, что и в раннескифский период, сама фурнитура меняется (рис. 4–7). Находки во 2-м Башарском и 1-м, 2-м Тузетинских курганах позволяют реконструировать следующие варианты двухчастных застёжек: 1) петля и пряжка бронзовые, 2) петля и пряжка костяные, 3) петля кожаная, а пряжка бронзовая, костяная или деревянная (Степанова 2005: 112–115). Все варианты функционально идентичны. Их количественное соотношение приведено в таблице 3.

Все бронзовые пряжки и петли из ранних пазырыкских комплексов однотипные – с округлой рамкой и креплением скобой, мелкие (4,5–6 см) и небрежно сделанные. При этом пряжки и петли из одного комплекта могут заметно различаться размерами и формой рамки – рис. 4, 5. От раннескифской фурнитуры

⁷ Находки в Гельво-10 (могила 16, 26 и 31) позволили уверенно идентифицировать одиночные крупные бляхи с кнопкой на обороте из раннескифских памятников как правые подпружные застёжки (Шульга 2003; Шульга, Шульга 2004: 453–454, рис. 1: 4–6).

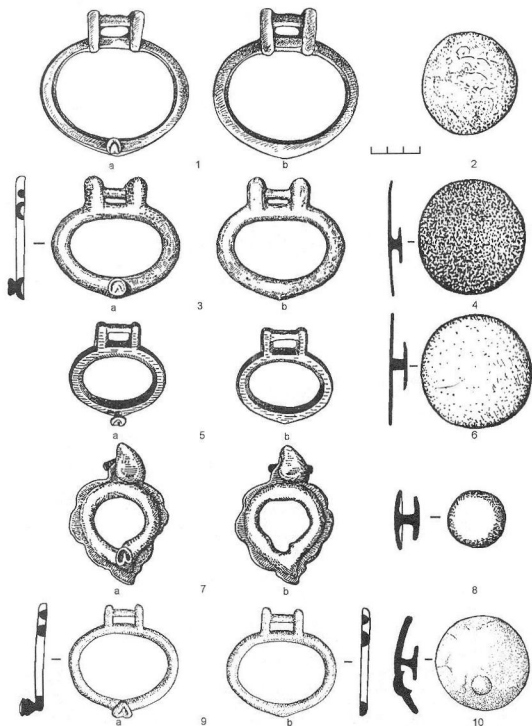

Рис. 1. Бронзовые комплекты подпругных застежек раннескифского времени. 1, 3, 5, 7, 9 – левые двухчастные застежки (а – пряжка, б – петля), 2, 4, 6, 8, 10 – правые застежки.

1, 2 – Арзхан, курган 2 (Тува); 3, 4 – Южный Тагискен, курган 36 (Казахстан); 5, 6 – Тасмола V, курган 3 (Казахстан); 7, 8 – Уйгарак, курган 22 (Казахстан); 9, 10 – Бойтыгем II, курган 19 (Алтай).

1–10 – бронза.

1–2 – Арзхан 2004: прорис. по фото на с. 32; 3, 4 – Итина, Яблонский 1997: рис. 17: 7, 11–12; 5, 6 – Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев 1966: рис. 24: 1–2, 7; 7–8 – Вишневская 1973: табл. V: 18–20; 9–10 – Кирюшин, Тишкин 1997: рис. 52: 7–9.

Fig. 1. Bronze sets of girth fastenings of the Early Scythian period. 1, 3, 5, 7, 9 – left two-piece fastenings (a – fastening, b – loop), 2, 4, 6, 8, 10 – right fastenings.

1, 2 – Arzhan, kurgan 2 (Tuva); 3, 4 – Southern Tagisken, kurgan 36 (Kazakhstan); 5, 6 – Tasmola V, kurgan 3 (Kazakhstan); 7, 8 – Uygarak, kurgan 22 (Kazakhstan); 9, 10 – Boytygem II, kurgan 19 (Altai).

1–10 – bronze.

1–2 – Arzhan 2004: drawing after photograph on p. 32; 3, 4 – Itina, Yablonskiy 1997: fig. 17: 7, 11–12; 5, 6 – Margulan, Akishev, Kadyrbaev, Orasbaev 1966: fig. 24: 1–2, 7; 7–8 – Vishnevskaya 1973: table V: 18–20; 9–10 – Kiryushin, Tishkin 1997: fig. 52: 7–9.

ры они отличаются также составом металла – все пряжки и петли отлиты из мышьяковистых бронз,⁸ тогда как для раннескифских памятников Алтая, Западного, Центрального и Восточного Казахстана характерны оловянистые (Хаврин 2003; 2005; Степанова, Хаврин 2005). В среднем в 1-й группе бронзовые комплексы составляют около трети – 28,6 % двухчастных застежек (53,8 % во 2-м Башадарском кургане, 8,3 % в 1-м Тузуктинском, во 2-м Тузуктинском отсутствуют) – табл. 3.

Рассмотрим схему функционирования двухчастных застежек на примере варианта «бронзовая петля-пряжка». Существует мнение, что при совместном использовании носик пряжки деформался непосредственно за петлю (Руденко 1960: 71–84; Марсадолов 1998: 12), однако такая подпружинная застежка абсолютно нефункциональна: она не позволяет подтянуть подпружку; для застежек с петлей, имеющей округлую рамку, очень ненадежна; шелевидное отверстие в пластинчатых петлях не позволяет продеть в них крючок или кнопку. Реконструкция, предложенная С. Б. Валиаком (Валияк 2004; рис. 4), при которой маленький дополнительный ремешок соединяет петлю и пряжку, причем петля размещена на подпружке, также не позволяет подтянуть подпружку. Бронзовые петли не имеют носиков, в остальном они внешне идентичны пряжкам, поэтому одиночные петли из разграбленных погребений часто называют пряжками. Ю. Ф. Кирушин и А. А. Тишкин, соглашаясь, что «пряжка с носиком» и «пряжка без носика» обычно использовались в седельных комплексах «в паре» (даже если один предмет отсутствует в ограбленном погребении), предполагают, что пряжки без носика размещались справа от седла, а с носиком – слева (Кирушин, Тишкин 1997: 73). Однако в конских погребениях скифского времени пряжка и петля всегда находятся в комплекте слева от корпуса лошади.

Нелья согласиться с мнением С. И. Руденко, который, фиксируя, как правило, левое расположение застежек, интерпретировал, в виде исключения, левую подпружинную застежку коня № 6 как правую подпружинную застежку седла коня № 9, лежащего вплотную рядом. Заключение о двустороннем размещении бронзовых комплексов застежек у седла коня № 9, видимо, сделано по аналогии с современными седлами (Руденко 1960: 72). Однако в этом случае костяная пряжка у коня № 6 оказывается справа, а седло коня № 1 остается без подпружинной пряжки (Руденко 1960: рис. 16). Способ подтягивания подпружки при двустороннем размещении комплексов «петля-пряжка», предложенный С. И. Руденко (Руденко 1960: 73), на практике неосуществим.

Во 2-м Башадарском кургане у семи коней зафиксированы бронзовые комплексы «петля-пряжка». При них сохранились небольшие обрывки ремней, позволяющих реконструировать этот вариант застежки.

У комплекта, предположительно относящегося к седлу коня № 3 (Руденко 1960: табл. XXXIX: 1, 5), при бронзовой петле сохранился фрагмент левой приструги длиной 18 см и шириной 2,7 см. Приструга представляла собой ремень, покрытый с лицевой стороны тонкой кожей, отогнутой на боковые стороны ремня и пришитой сухожильными нитками. После наложения тонкой кожи конец ремня приструги был срезан наискосок, продет в скобу петли и пришит к основному ремню толстыми сухожильными нитками, после чего были выполнены боковые швы. При пряжке сохранились узел крепления ее на подпружке с фрагментом подпружного ремня, а также фрагмент подпружного ремня длиной 9 см и шириной 2,8 см, обшитый тонкой кожей, как и ремень приструги, с двумя прорезными отверстиями, одно из которых было надето на носик пряжки. Фрагмент подпружного ремня, подобный описанному, также сохранился в рамке одной из бронзовых петель из нижнего слоя конского погребения. Реконструкция застежки представлена на рис. 12: 1.

В археологической литературе двухчастность подпружных застежек традиционно признается только для бронзовых комплексов «петля-пряжка». Костяные петли обычно рассматриваются как «блоковидные» пряжки (Руденко 1960: 158; Марсадолов 1998: 22; Кирушин, Степанова 2004: 52 и др.). Они действительно по сути являются блоками, но сами по себе в качестве подпружных застежек использоваться не могут. Во 2-м Башадарском кургане на пять коней из нижнего слоя приходится два бронзовых комплекта и три костяных (три пряжки и три петли), причем две костяные пряжки сохранились при лошадях, а все петли (костяные и бронзовые), вместе с седлами, попали в камеру (рис. 5). Одна из трех костяных пряжек является явным подражанием бронзовым, петли, с учетом специфики материала, также близки бронзовым прототипам. При этом одна из петель была нова, а две имеют следы длительного употребления, именно как петли двухчастных застежек. В 1-м Тузуктинском кургане на пять костяных пряжек было две костяные петли. Для реконструкции (рис. 12: 2) использован фрагмент подпруги и предполагаемый комплект «пряжка-петля» из этого кургана. Необходимо отметить, что костяные петли, так же как и бронзовые из пазырыкских курганов, не имеют строгого соответствия пряжкам в размерах и форме.

Костяные застежки представлены и в раннескифских памятниках, но очень небольшим числом экземпляров. Костяная пряжка двухчастной застежки с носиком-кнопкой, оформленным в виде лошадиного копыта, обращенного носком внутрь, была найдена в кургане могильника Новозаведенное II на Ставрополье (рис. 3: 1), датированного 650–600/580 гг. до н. э. (Алексеев 2003: 295). Можно согласиться с мнением А. Ю. Алексеева (Алексеев 2003: 58, примеч. 26), что

⁸ Спектральный анализ бронзы из 2-го Башадарского, 1-го и 2-го Тузуктинских курганов выполнен в Лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа С. В. Хавриным. Выражаю благодарность С. В. Хаврину за возможность ознакомиться с результатами исследований.

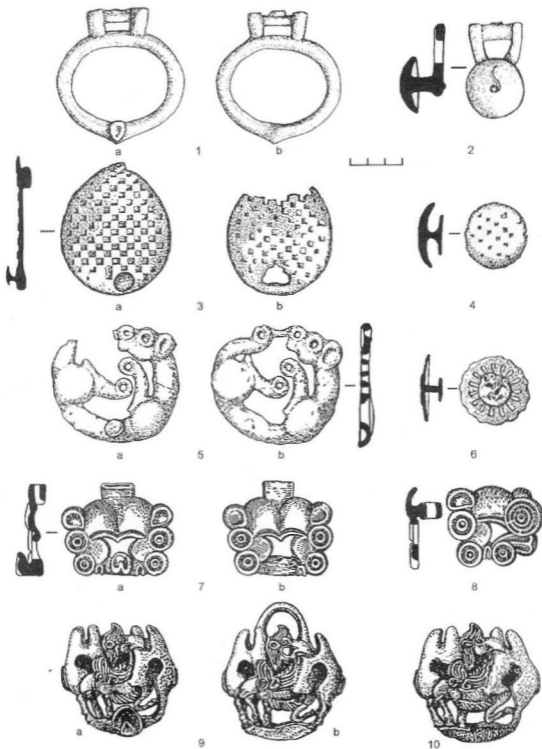

Рис. 2. Бронзовые комплекты подпружных застёжек раннескифского времени. 1, 3, 5, 7, 9 – левые двухчастные застёжки (а – пряжка, б – петля), 2, 4, 6, 8, 10 – правые застёжки.

1–2 – Вакулиха I (Алтай); 3–4 – Южный Тагискен, курган 49 (Казахстан); 5–6 – Сакар-Чага 6, курган 23 (Южное Приаралье); 7–8 – Уйгарак, курган 28 (Казахстан); 9–10 – Бесоба, курган 5 (Казахстан).

1–10 – бронза.

1–2 – Кирюшин, Тишкин 1997: рис. 55: 1–3; 3–4 – Итина, Яблонский 1997: рис. 36: 15–17; 5–6 – Яблонский 1996: рис. 20: 1–3; 7–8 – Вишневская 1973: табл. X: 10–12; 9–10 – Тасмаганбетов 2003: прорисовка по фото из к. 129.

Fig. 2. Bronze sets of girth fastenings of the Early Scythian period. 1, 3, 5, 7, 9 – left two-piece fastenings (a – fastening, б – loop), 2, 4, 6, 8, 10 – right fastenings.

1–2 – Vakulikha I (Altai); 3–4 – Southern Tagisken, kurgan 49 (Kazakhstan); 5–6 – Sakar-Chaga 6, kurgan 23 (Southern Aral Sea area); 7–8 – Uygarak, kurgan 28 (Kazakhstan); 9–10 – Besoba, kurgan 5 (Kazakhstan).

1–10 – bronze.

1–2 – Кирюшин, Тишкин 1997: fig. 55: 1–3; 3–4 – Итина, Яблонский 1997: fig. 36: 15–17; 5–6 – Яблонский 1996: fig. 20: 1–3; 7–8 – Вишневская 1973: Pl. X: 10–12; 9–10 – Тасмаганбетов 2003: drawing after photograph, p. 129.

«заготовка для украшения», найденная на Западном укреплении Бельского городища (рис. 3: 2), является, скорее всего, заготовкой подобной пряжки. К сожалению, в публикации не приведен вид сбоку и не дана толщина изделия – возможно, это заготовка не пряжки, а костяной петли.

Однако наибольшее число экземпляров костяных пряжек и петель двухчастных застёжек происходит из памятников алтайского региона финала раннескифского времени (рис. 3: 3–7). В кургане 7 могильника Кайнду (Средняя Катунь) в неграбленном конском захоронении слева от костика лошади найден костяной комплект «петля-пряжка» (Кирюшин, Степанова 2004: рис. 53, 56). Костяная прямоугольная пластинчатая пряжка с носиком-крючком, обращенным внутрь (рис. 3: 3а), очень близка по форме и размерам пряжкам из 2-го Башадарского и 1-го Тузуктинского курганов (рис. 5: 4, 6; 5), а также обломанной, но использовавшейся, судя по сильной загрязненности, пряжке из 2-го Тузуктинского кургана (рис. 7: 3). У последней, как и у пряжки из Кайнду, вследствие производственного дефекта, носик смещен к краю и очень удлиненные пропорции. Костяная петля из Кайнду с двумя овальными отверстиями (рис. 3: 3б) практически идентична петлям из внешнего слоя конского захоронения 2-го Башадарского кургана (рис. 5: 7, 8). Памятник датирован второй половиной VI в. до н. э. (Кирюшин, Степанова 2004: 104). Из кургана 2 и кургана 7 (могила 8) могильника Рогозиха-1 (Барнаульское Приобье), относящегося к каменной культуре, происходят две роговые петели. Для каменной культуры конские захоронения не характерны, комплекты конского снаряжения клались в ногах погребенных. К сожалению, оба погребения были ограблены и сохранились только разрозненные детали фурнитуры и декора. Округлые рамочные петели выполнены из основания рога лося (?), что и предопределило их форму (рис. 3: 5, 6). В отличие от костяных петель из 2-го Башадарского, 1-го и 2-го Тузуктинских курганов, изготовленных из лопастей оленьих или лосиных рогов, эти петели не имеют дополнительных отверстий для закрепления их на приструтах, а лишь сравнительно узкие выемки в месте расположения крепежных ремешков, однако их функциональная идентичность не вызывает сомнения. Курганы 2 и 7 входят в северную, наиболее раннюю курганную цепочку могильника Рогозиха-1 и датируются авторами раскопок второй половиной VI–началом V в. до н. э. Костяные петели из курганов 2 и 7 могли использоваться с пряжками из основания рога, подобными найденной в 5-м Арагольском кургане (рис. 3: 4). Для фурнитуры узд вышеуказанных курганов еще характерны раннескифские традиции: костяные трехдырчатые псалы (Кайнду, курган 7), бронзовые и костяные распределители ремней, бронзовые проноски и застёжки подбородных ремней (Кайнду, курган 7, Рогозиха-1, курганы 2 и 7, Арагол, курган 5).

Костяные комплекты «петля-пряжка» составляют в памятниках 1-й хронологической группы чуть более 20%⁹ – табл. 3.

Третий вариант двухчастных застёжек – комбинированные. В 1-м Тузуктинском кургане помимо фрагментов сохранилась целая подпруга с деревянной пряжкой (рис. 10: 2). Подпруга выполнена из толстой (около 4 мм), отлично выделанной кожи. Ширина основного ремня 5,7 см, общая длина 119 см. Его правый конец закручен и обшит тонкой кожей на участке длиной 18 см. На нем прорезана петля 1,2 × 2,7 см для пристегивания к правой подпругной застёжке. Остальная часть подпруги – однослойная. К левому концу подпруги последовательно пришиты четыре все более сужающихся (до 0,7 см) куска толстого ремня, и узким ремешком закреплена пряжка. Ближе к концу прорезано отверстие для носика пряжки. Узкий конец подпруги и деревянная пряжка с носиком, обращенным внутрь (всего в кургане шесть таких пряжек), предполагают ее использование в комплекте с кожаной петлей. Кожаные петели двухчастных застёжек представляют собой прорезные овальные или каплевидные отверстия 1,6–2 × 3–3,5 см на закруженных и обшитых тонкой кожей концах левых приструг. Приструги имеют ширину 3,5–5 см. Они выполнены из более тонкой кожи и хорошо отличаются от фрагментов подпруги. Такие петели имеются у обоих седел, сохранившихся в 1-й Тузуктинском кургане (рис. 10: 1), а также представлены во фрагментах. Для реконструкции использована петля от одного из седел (рис. 12: 3). Во 2-м Тузуктинском кургане также сохранилась кожаная петля с каплевидным отверстием, очевидно, использовавшаяся с одной из костяных пряжек из этого кургана. Во 2-м Башадарском кургане две костяные пряжки и одна бронзовая из верхнего слоя конского погребения (кони № 1, 2 и 4), очевидно, также использовались с кожаными несохранившимися петлями.

Половина всех двухчастных подпругных застёжек в курганах 1-й группы представлена комбинированными застёжками (табл. 3). Во 2-м Башадарском кургане таких комплектов всего три (23,1%), причем одна пряжка бронзовая, а две костяные. В Тузуктинских курганах они составляют большинство:¹⁰ в 1-м Тузуктинском – девять комплектов (75%), из них три с костяными пряжками и шесть с деревянными (одна из них на подпруге), во 2-м Тузуктинском – два комплекта (66,6%), обе пряжки костяные.

В 1-м и 2-м Тузуктинских курганах сохранились правые приструги и их фрагменты, на которых проделано по несколько небольших щелевидных или круглых отверстий диаметром 0,5–0,7 см (рис. 10: 1), а также большое количество деревянных палочек-застёжек с отверстием для ремешка в центральной части. Часть палочек, возможно, использовалась в качестве правых подпругных застёжек, аналогично тому, как это можно видеть на примере двух седел из

⁹ Для разрозненных комплектов из 1-го и 2-го Тузуктинских курганов в таблице приведено минимальное расчетное количество костяных комплектов – по числу костяных петель (с подбором к ним пряжек).

¹⁰ Для комбинированных застёжек подсчет комплектов производится по пряжкам.

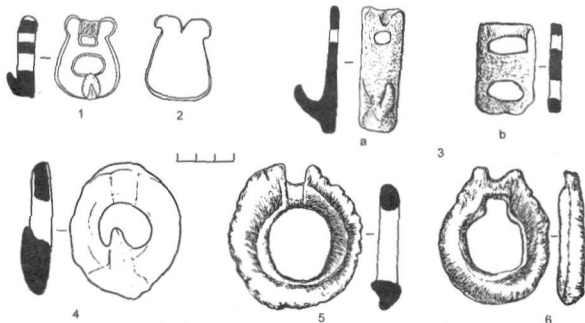

Рис. 3. Костяные подпругные пряжки и петли раннескифского времени: 1, 3а, 4 – пряжки двухчастных застежек; 3б, 5, 6 – петли; 2 – заготовка пряжки или петли (?).

1 – Новозаведенное II (Ставрополье); 2 – Западное укрепление Бельского городища (Левобережье Днепра); 3 – Кайнду, курган 7 (Средняя Катунь); 4 – Арагол, курган 5 (Горный Алтай); 5 – Rogozikha-1, курган 2 (Барнаульское Приобье); 6 – Rogozikha-1, курган 7, могила 8 (Барнаульское Приобье).

1-6 – кость.
1 – Petrenko 1994: fig. 1:7; 2 – Шрамко 1987: рис. 39: 12; 3 – Кирюшин, Степанова 2004: рис. 56: 6; 7, 4 – Марсадолов 1997: рис. 15: 11; 5, 6 – Уманский, Шамшин, Шульга 2005: рис. 3: 1, 19: 6.

Fig. 3. Bone girth's buckles and loops of the Early Scythian period: 1, 3a, 4 – buckles of two-piece fastenings; 3b, 5, 6 – loops; 2 – blank for a buckle or a loop (?).

1 – Novozavedennoye II (Stavropol Region); 2 – Western defences of the townsite of Belskoye (v. Belsk on the left bank of the Dnieper River); 3 – Kayindu, kurgan 7 (Middle Katun River); 4 – Aragol, kurgan 5 (Altai Mountains); 5 – Rogozikha-1, kurgan 2 (Ob River near the city of Barnaul); 6 – Rogozikha-1, kurgan 7, grave 8 (Ob River near Barnaul).

1-6 – bone.
1 – Petrenko 1994: fig. 1:7; 2 – Шрамко 1987: fig. 39: 12; 3 – Кирюшин, Степанова 2004: fig. 56: 6; 7, 4 – Марсадолов 1997: рис. 15: 11; 5, 6 – Уманский, Шамшин, Шульга 2005: fig. 3: 1, 19: 6.

1-го Пазырыковского кургана, у которых в отверстия на пристругах продеты ремешки с узелковыми застежками (Степанова 2005: рис. 1: 4, 5).

Во 2-м Башадарском и 2-м Тужгинском курганах имеется по одной бронзовой пряжке одночастных застежек (рис. 4: 1; 7: 1), причем во 2-м Башадарском кургане пряжка найдена *in situ*. Такие застежки идентичны поясным, широко бытовавшим на территории Внутренней Монголии и Северного Китая с VI в. до н. э. (Bunker et al. 1997: N 149; Mounted, Nomads 1997: N 168), причем по форме (округлая неширокая рамка, трапециевидная скоба) пряжки наиболее близки экземплярам V–III вв. до н. э. (Bunker et al., 1997: № 180a). В пазырыкской культуре в качестве поясных такие пряжки, как правило, не использовались.¹¹ На Алтае, в Казахстане, Приуралье и в европейских степях в качестве поясных или подпругных в раннескифское время такие пряжки также не использовались.¹²

Таким образом на раннем этапе пазырыкской культуры происходит постепенная замена бронзовых пряжек и петель костяными и деревянными пряжками и кожаными петлями. Правые бронзовые бляхи-застежки в пазырыкских памятниках не встречаются – видимо, уже выходят из употребления. Бронзовые одночастные подпругные застежки являются наиболее ранними из находок одночастных подпругных застежек в памятниках скифского времени. Седельная фурнитура утрачивает декоративное значение.

Декор седла. В оформлении конского снаряжения 1-й группы акцент сделан на броской отделке нагрудников и узд, сплошь унизанных крупными, покрытыми золотой фольгой подвесками, и на ярком, пестром украшении самого седла с применением войлока, кожи, дерева, кости, окрашенных или покрытых лаком, золотой и оловянной фольгой. Декорировка

¹¹ В кургане 3 могильника Уландрык IV зафиксирован один случай использования бронзовой пряжки одночастной застежки в качестве поясной (Кубарев 1987: табл. LXXVI: а, LXXVII: 16).

¹² Отметим, что А. П. Уманский и П. И. Шульга датируют VI–V вв. до н. э. бронзовые поясные пряжки одночастных застежек из памятников северных предгорий Алтая – Сибиря-1, Юбилейное-2, курган 2, Бийск-1, курган 12 (быстрянская культура), Новотроицкое-1, курган 15 (каменская культура) (Уманский, Шульга 2005: 176–182).

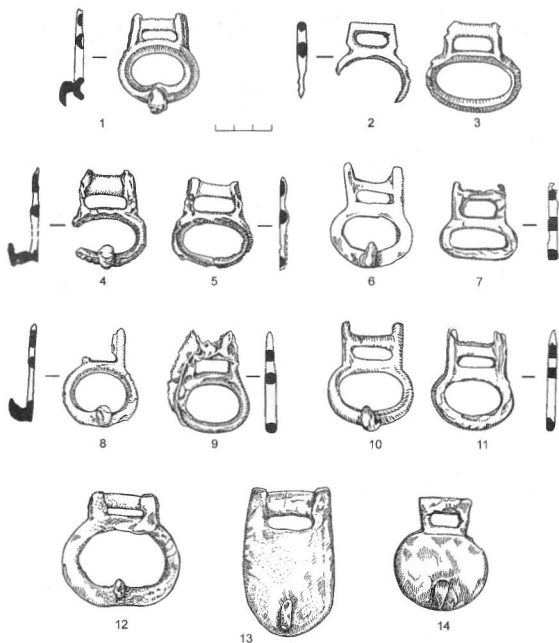

Рис. 4. Подпружные пряжки и петли из 2-го Башадарского кургана (верхний слой конского погребения): 1 – пряжка одночастной застёжки; 2, 4, 6, 8, 10, 12, 13, 14 – пряжки двучастных застёжек; 3, 5, 7, 9, 11 – петли.

1–12 – бронза, 13–14 – кость.

ГЭ, инв. №: 1 – 1793/423 (конь 5); 2–3 – 1793/578, 592 (?) (конь 8); 4–5 – 1793/792–791 (конь 37); 6–7 – 1793/450–451 (конь 7); 8–9 – 1793/593–594 (конь 9); 10–11 – 1793/815 (?), 591 (конь 6); 12 – 1793/761 (конь 2); 13 – 1793/438 (конь 1); 14 – 1793/405 (конь 4).

1–5, 7–9, 11 – рисунки автора; 6, 12–14 – Руденко 1960: рис. по фото табл. XXXIX: 4, XL: 5, XLI: 4, 9; 10 – Марсадолов 1998: рис. по фото 6: 3.

Fig. 4. Girth buckles and loops from Barrow 2 at Bashadar (upper layer of the horse burial): 1 – buckle of one-piece fastening; 2, 4, 6, 8, 10, 12, 13, 14 – buckles of two-piece fastenings; 3, 5, 7, 9, 11 – loops.

1–12 – bronze, 13–14 – bone.

State Hermitage inv. nos. 1 – 1793/423 (horse 5); 2–3 – 1793/578, 592 (?) (horse 8); 4–5 – 1793/792–791 (horse 37); 6–7 – 1793/450–451 (horse 7); 8–9 – 1793/593–594 (horse 9); 10–11 – 1793/815 (?), 591 (horse 6); 12 – 1793/761 (horse 2); 13 – 1793/438 (horse 1); 14 – 1793/405 (horse 4).

1–5, 7–9, 11 – drawing by the author; 6, 12–14 – Руденко 1960: drawing after photo in Pl. XXXIX: 4, XL: 5, XLI: 4, 9; 10 – Марсадолов 1998: drawing after photo 6: 3.

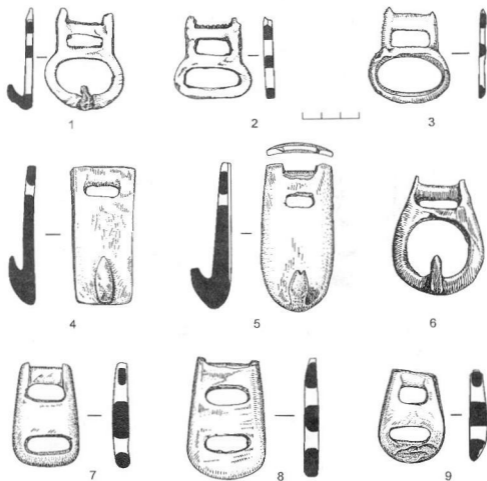

Рис. 5. Подпругные пряжки и петли из 2-го Башадарского кургана (нижний слой конского погребения): 1, 4–6 – пряжки двух-частных застежек; 2–3, 7–9 – петли.

1–3 – бронза, 4–9 – кость.

ГЭ, инв. №: 1 – 1793/86; 2 – 1793/84; 3 – 1793/85; 4 – 1793/756; 5 – 1793/56; 6 – 1793/618; 7 – 1793/54; 8 – 1793/53, 9 – 1793/55.

1–5, 7–9 – рисунки автора; 6 – Руденко 1960: рис. по табл. XLI: 4.

Fig. 5. Girth buckles and loops from Barrow 2 at Bashadar (lower layer of the horse burial): 1, 4–6 – buckles of two-piece fastenings, 2–3, 7–9 – loops.

1–3 – bronze, 4–9 – bone.

State Hermitage inv. nos.: 1 – 1793/86, 2 – 1793/84, 3 – 1793/85, 4 – 1793/756, 5 – 1793/56, 6 – 1793/618, 7 – 1793/54, 8 – 1793/53, 9 – 1793/55.

1–5, 7–9 – drawings by the author; 6 – Руденко 1960: drawing after Pl. XLI: 4.

седла предусматривала использование *покрышек*, сшитых из цветных лоскутов войлока, кожи, меха, или изготовленных из тонкого войлока типа фетра с нашитыми прорезными войлочными аппликациями. Во 2-м Башадарском кургане сохранились фрагменты 14 седельных *покрышек*. Большая часть *покрышек* выполнена в «лоскутной» технике (Руденко 1960: табл. СХХ, СХХIII: 1, 2) или отделана нашитыми аппликациями, имитирующими ее: цветные войлочные квадраты нашивались в шахматном порядке и украшались прорезными розетками или квадратиками с волнистыми сторонами (Руденко 1960: табл. СХVIII, СХХ, СХХI: 1). Другой распространенный орнаментальный мотив – «зигзаг» («шкура тигра») (Руденко 1960: табл. СХХV: 1, СХХVI). Кроме того, по всему полю одной *покрышки* были нашиты войлочные изображения грифов с расправленными крыльями

(Руденко 1960: 89, табл. CVII: 2), и еще одна *покрышка* была сшита из ворсового ковра (сохранились мелкие фрагменты). Во 2-м Тузкитинском кургане найдены фрагменты трех *покрышек*: две выполнены в «лоскутной» технике, одна из квадратных кусочков кожи и меха (Руденко 1960: 155, рис. 100), другая из кусочков кожи, образующих орнамент «зигзаг» (ГЭ. Инв. № 2180/77), третья – с прорезными войлочными аппликациями с «растительными» мотивами (Руденко 1960: табл. СХХVIII: 2). В 1-м Тузкитинском кургане сохранились фрагменты от двух (?) *покрышек*, украшенных аппликациями с «растительными» мотивами: одна войлочная с войлочными прорезными аппликациями (Руденко 1960: табл. СХХVIII: 1), другая сшита из кожаных квадратиков, с кожными аппликациями (ГЭ. Инв. № 2179/937). Еще на одну *покрышку* были помещены кожаные изображения рогатых тиг-

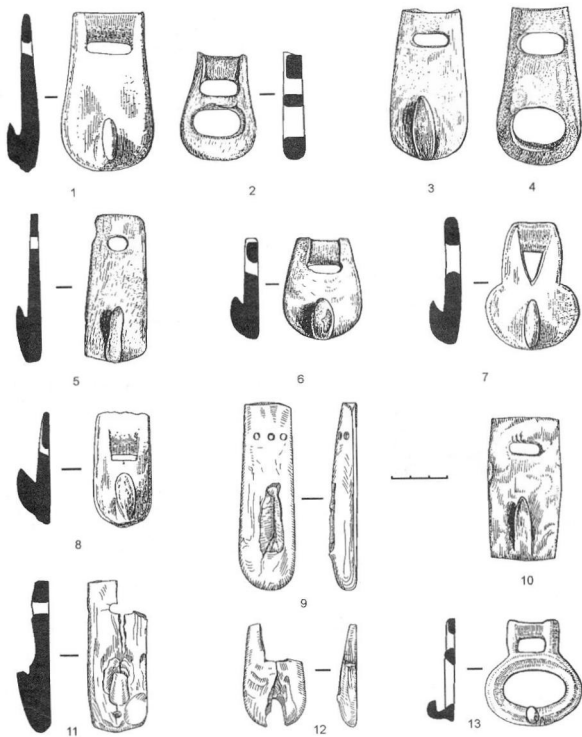

Рис. 6. Подпругные пряжки и петли из 1-го Туектинского кургана: 1, 3, 5-13 - пряжки двухчастных застежек; 2, 4 - петли.
1-7 - кости; 8-12 - дерево; 13 - бронза.
ГЭ, инв. №: 1 - 2179/850; 2 - 2179/856; 3 - 2179/851; 4 - 2179/855; 5 - 2179/852; 6 - 2179/853; 7 - 2179/855; 8 - 2179/846;
9 - 2179/848; 10 - 2179/847; 11, 12 - 2179/849 (2 пряжки); 13 - 2179/857.
1, 7, 8, 13 - Руденко 1960: рис. 81: а, в, г, д; 2-6, 9-12 - рисунки автора.

Fig. 6. Girth buckles and loops from Tuetka kurgan 1: 1, 3, 5-13 - buckles of two-piece fastenings; 2, 4 - loops.
1-7 - bone, 8-12 - wood, 13 - bronze.
State Hermitage inv. nos.: 1 - 2179/850; 2 - 2179/856; 3 - 2179/851; 4 - 2179/855; 5 - 2179/852; 6 - 2179/853; 7 - 2179/855;
8 - 2179/846; 9 - 2179/848; 10 - 2179/847; 11, 12 - 2179/849 (two buckles); 13 - 2179/857.
1, 7, 8, 13 - Rudenko 1960: fig. 81: a, v, g, d; 2-6, 9-12 - drawings by the author.

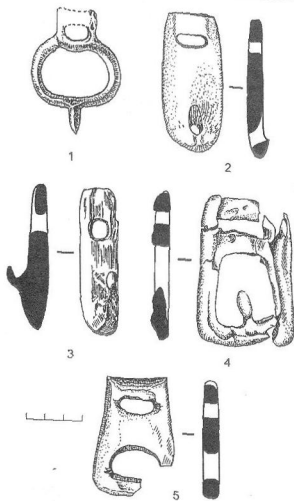

Рис. 7. Подпругные пряжки и петли из 2-го Тузунтского кургана: 1 — пряжка одночастной застёжки, 2-4 — пряжки двухчастных застёжек, 5 — петля.
1 — бронза, 2-5 — кость.
ГЭ, инв. №: 2 — 2180/71; 3 — 2180/73; 4 — 2189/74; 5 — 2180/72.
1, 3 — Руденко 1960: рис. по фото — табл. СХХ: 5, рис. 81; 6; 2, 4-5 — рисунки автора.

Fig. 7. Girth buckles and loops from Tuetka kurgan 2: 1 — buckle of one-piece fastening, 2-4 — buckles of two-piece fastenings, 5 — loop.
1 — bronze, 2-5 — bone.
State Hermitage inv. nos.: 2 — 2180/71; 3 — 2180/73; 4 — 2189/74; 5 — 2180/72.
1, 3 — Руденко 1960: drawing after photograph in Pl. СХХ: 5, fig. 81; 6; 2, 4-5 — drawings by the author.

ров — по три с каждой стороны (Руденко 1960: 137-138, рис. 87). Этот вариант оформления покрывшек станет лидирующим в курганах 2-й группы.

Покрывшки в курганах 1-й группы были также украшены нашивными бляхами, оклеенными золотой фольгой, пяти основных форм. Из них S-видные, серповидные, круглые и в виде «зашпайтой» изготовлялись из дерева, а четырехлепестковые розетки — из дерева, бронзы и рога (Руденко 1960: табл. XLII: 1-13; LXIV: 1-3, 5-7; LXXIII: 15-18, CVIII: 2-3, 5, 8-

12, 18; СХII: 5-6). S-видные бляхи использовались, видимо, исключительно для декора пламевидных фестонов, снаружи войлочных, изнутри подшитых кож, которыми оформлялись края покрывшек. У всех покрывшек из 2-го Башадарского кургана S-видные бляхи нашиты только на пламевидные фестоны (по 4-6 с каждой стороны). Так как S-видные бляхи представлены также в материалах 1-го и 2-го Тузунтских курганов, и в обоих курганах сохранилось по одному фрагменту покрывшек с пламевидными фестонами и нашитыми S-видными бляхами,¹³ можно предположить аналогичное оформление покрывшек и в этих памятниках.

Бляхи остальных форм, судя по покрывшкам из 2-го Башадарского кургана, нашивались на саму покрывшку, преимущественно в нижней части, в произвольном сочетании и количестве, а четырехлепестковые розетки нашивались иногда в шахматном порядке по всему полю покрывшек, выполненных в лоскутной технике (например, так оформлены две покрывшки из 2-го Башадарского кургана). Использовались данные бляхи и для оформления упоров и войлочных лопастей, прикреплявшихся к покрывшкам по две с каждого бока.

При покрывшках из 2-го Башадарского кургана сохранились войлочные лопасти в виде узких полуovalов с нашитыми серповидными бляхами и со стилизованным изображением морд тигров, выполненных с использованием блях (серповидных, круглых, в виде «зашпайтой») и вышивки (Руденко 1960: рис. 79, табл. СХVI: 1). Они напоминают лопасти, правда, не орнаментированные, а обшитые кантом, при пополах для верховой езды и при пополах колесничих лошадей на рельефах из Ниневии VII в. до н. э. Впрочем, скорее всего, это сходство объясняется общим прототипом — шкура с четырьмя свисающими лапами.

Кроме двух вышеназванных комплектов, во 2-м Башадарском кургане имеются еще два набора подвесок более сложной формы с изображением волков и рыб (Руденко 1960: табл. СХХII, рис. 34). На графической реконструкции, приведенной С. И. Руденко, четыре подвески с изображением рыб ошибочно смонтированы в одну орнаментальную полосу.¹⁴

Наружные стороны упоров в курганах 1-й группы обычно украшались войлочными «медальонами» с нашивными войлочными аппликациями (табл. 7). Их линзовидная форма повторяла форму торцевых деталей края седельных подушек. Медальоны имелись при 12 седлах во 2-м Башадарском кургане (Руденко 1960: табл. СХVII: 1, VIII, СХХ, СХXI: 2, СХХIV: 1, 2, СХХV: 2, СХХVI; остальные сильно фрагментированы). В 1-м и 2-м Тузунтских курганах сохранились только небольшие фрагменты медальонов (Руденко 1960: 138, 157), не позволяющие подсчитать количество комплектов. У одного из седел из 2-го Башадарского кургана с наружной стороны упоров на войлочную основу были нашиты

¹³ 1-й Тузунтский курган — ГЭ, инв. № 2179/934, 2-й Тузунтский курган — Руденко 1960: рис. 100.

¹⁴ Выражаю признательность за прояснение этого вопроса Л. Л. Барковой.

линзовидные деревянные накладки с изображением грифов (Руденко 1960: табл. Л1: 1, 2, СХIX: 1), а у другого – по четыре деревянные бляхи в виде голов горных баранов на каждый упор (Руденко 1960: табл. СХVI: 2). Кроме того, в 1-м Тузунтинском кургане зафиксированы два фрагмента ажурных аппликаций из золотой фольги, возможно, также украшавших упоры (Руденко 1960: 155, рис. 98).

Декоративное назначение имели также пучки ремешков с деревянными подвесками на концах, которые пришивались к седельным подушкам в их задней части (Руденко 1960: LXXV: 4–7, 10–16; LXXVI: 1–15; CVIII: 13–15; СХIII: 5–6; рис. 125: а, в-с). Формы деревянных подвесок, широко представленных в материалах 1-го и 2-го Тузунтинского курганов, очень разнообразны, но особенно много конусовидных и каплевидных подвесок. По наблюдениям С. И. Руденко, обычно пучок состоял из трех ремешков. Частично сохранились несколько таких пучков, в том числе закрепленных на фрагментах седельных подушек. Количество некоторых разновидностей подвесок как будто подтверждает такую комплектацию. Однако общее количество конусовидных и каплевидных подвесок заставляет либо предположить их иное использование, либо допустить возможность большего количества подвесок в пучке. В этом плане заслуживает внимания изображение на стене фракийской гробницы у деревни Свешари (Болгария), датируемой IV в. до н. э. (Ancient gold 1998: Fig. 39, 83) – всадник, участвующий в погребальной процессии, сидит в седле, аналогичном пазырыкскому, с пучком из четырех ремешков с подвесками в задней части седла.

Деревянные конусовидные и цилиндрические подвески с «веревочным» кантиком в нижней части, имеющиеся при всех седлах из 2-го Башадарского кургана по четыре на комплект (Руденко 1960: табл. XLVII: 10), по предположению С. И. Руденко, пришивались к покрывшкам, но он не приводит ни одного рисунка, иллюстрирующего такой вариант декора. И это неудивительно – покрывшки из этого кургана имели пламевидные фестоны по нижнему краю, а четыре покрывки еще и лопасти. Найти место для размещения подвесок довольно сложно. Между тем, учитывая, что кожа в кургане практически не сохранилась, а сами подвески, особенно конусовидные, очень близки подвескам из Тузунтинских курганов, можно предположить их аналогичное использование, только по две с каждой стороны седла.

Под черепом коня № 10 из нижнего слоя конского погребения 2-го Башадарского кургана уцелели остатки кисти, сплетенной из шерстяных ниток (Руденко 1960: 74), а в камере, куда грабители втащили седла из нижнего слоя конского погребения, найдены фрагменты шерстяных шнуров с войлочными шариками на концах (ГЭ. Инв. № 1793/14). Обрывки плетеных шерстяных шнуров с шариками были также найдены в конском захоронении 2-го Тузунтинского кургана (ГЭ. Инв. № 2180/83,94–95). Эти элементы декора могут быть интерпретированы в контексте находок в кургане 1 Ак-Алах-3. Там при одном из коней сохранились косы с кистями из шерстяных

шнуров с войлочными шариками на концах. Две длинные косы крепились в задней части седла, подобно пучкам ремешков с деревянными подвесками, а две короткие – к узлу (Полосьяк 2001: 80, рис. 56, 57). Таким образом, данные оригинальные элементы декора, по-видимому, восходят еще к 1-й хронологической группе.

Удечная фурнитура. Из всего набора элементов фурнитуры и декора, характерных для раннескифских узд VII–VI вв. до н. э., в пазырыкских курганах 1-й хронологической группы представлены только бронзовые чумбурные блоки – четыре блока найдено во 2-м Башадарском и один во 2-м Тузунтинском курганах (рис. 14: 1–5). В качестве аналогий можно упомянуть бронзовые блоки из Южно-го Тагискена, курган 54; Уйгарака, курганы 45, 47; Аникина Камня I, курган 28; Чесноково-1, Садьдара и Турана (Игина, Яблонский 1997: рис. 45; 7; Вишневская 1973: табл. XIV: 15, XV: 1; Плетнева 2003: рис. 9; Кирушани, Тишкин 1997: рис. 55; 8, 38; 11; Мандельштам 1992: табл. 75: 67). Причем у блоков из Аникина Камня I, курган 28, Чесноково-1 и Турана имеется интересная деталь – рамка блока в месте крепления скобы шире в сечении, чем противоположная сторона рамки, то же можно заметить и у двух блоков из 2-го Башадарского кургана (рис. 14: 3, 4).

По мнению С. И. Руденко, во 2-м Башадарском кургане бронзовые блоки использовались при уздах коней № 7 и 8 парами – крепились к ремешкам, которые пришивались «к суголовным ремням в месте их соединения с ремнем переносым... В эти блоки продевались, по-видимому, ремни повода и чумбура, благодаря чему ни тот, ни другой ремень не свисали» (Руденко 1960: 81). Действительно, бронзовые блоки на концах ремешков, закрепленных другим концом в месте пересечения суголовных и подбородных ремней (а не наносных, что не имело бы никакого смысла), с пропущенными сквозь них поводьями, для предотвращения их перебрасывания через голову, можно видеть у бронзовых скульптурных изображений лошадей, запряженных в модели колесниц из гробницы императора Цинь Шин-хуанди, 210 г. до н. э. (Дебен-Франкфор 2002: 88). Однако для 2-го Башадарского кургана такая реконструкция вызывает сомнение. Как и в случае с бронзовыми комплектами «плетя-пряжка», она основана на ошибочном отношении к одному комплекту деталей фурнитуры от узда рядом лежащих коней. У трех блоков уцелели небольшие фрагменты ремешков, продетые в отверстия скоб. На фото (Руденко 1960: табл. XL: 1, 3) хорошо видно, что у блоков, относимых С. И. Руденко к одному комплекту (коня № 8), способы крепления к ремешкам различны. Отличаются и сами блоки (рис. 15: 1, 2). Судя по сохранившимся уздам из 3-го Пазырыкского кургана, узел для ограничения движения блока завязывался на ремне чумбура в 20–25 см от наружного кольца удила, а так как наносные ремни находились у пазырыкских узд приблизительно на том же расстоянии от удила, чумбурные блоки объективно оказывались в непотроженном погребении поблизости от места пересечения суголовных и наносных (!)

ремней, что и было зафиксировано С. И. Руденко. Такой узел имеется на фрагменте ремешка, продетом в отверстие одного из блоков.

В качестве чумбуриных блоков в курганах 1-й группы также использовались кожаные петли, завязанные на концах правых поводьев (рис. 14: 6). Такие кожаные блоки зафиксированы во 2-м Башадарском и 1-м Тузгинском курганах.

Отделенные аналоги в курганах VI–V вв. до н. э. имеют также деревянные декоративные бляхи в форме «запятой» с одним или двумя сквозными отверстиями для крепления, прикрывающие место застежки подбородных ремней, из 1-го Тузгинского и 2-го Башадарского курганов (Руденко 1960: табл. XL: 2; XLVI: 5–6; LXXXV: 3; XCII: 3; XCIV: 1). Клювовидные бронзовые упиленные бляхи-застежки с петельками для крепления на обороте происходят, например, из могильников Тяткескень-IV, курган 27, Рогозиха-1, курган 2, Нижний Шапар-1, курган 19, поселения старолетской культуры Фирсов XVIII и др. (Киришин, Степанова 2004: рис. 82: 7; Уманский, Шамшин, Шульга 2005: рис. 3: 3; 63: 11; Шамшин, Скрыжова 2003: рис. 7). Семантически им близки бронзовые подвески к левому подбородному ремню в виде стилизованного «кабаньего» клыка с изображением головы хищной птицы и морды хищника, например, из 6-го Тузгинского кургана (Руденко 1960: рис. 9). Однако даже если бронзовые клювовидные подвески-застежки и являлись прототипами деревянных подвесок в виде «запятой» из пазырыкских курганов 1-й группы, на данном хронологическом этапе последние превратились уже в абстрактные геометрические фигуры.

В одном случае в качестве застежки подбородных ремней у коня № 2 из 2-го Башадарского кургана использован крючок на обороте бронзовой подвески (Руденко 1960: табл. XXXV).

Псалли пазырыкских узд уникальны уже из-за специфики материала – преимущественно они деревянные (92,1 % в 1-й группе и 89,1% в целом по выборке), поэтому найти им точных аналогов где-либо (за пределами культуры) не представляется возможным.

Все псалли из курганов 1-й группы двухдырчатые, большинство S-видной формы¹⁵ (во 2-м Башадарском и 2-м Тузгинском курганах их 100 %), с фигурными, обычно одинаковыми окончаниями в виде асимметричных листков¹⁶, пальметок, головок

или прогом животных (рис. 16). Деревянные прямые (три комплекта) и дуговидные (четыре комплекта) псалли из 1-го Тузгинского кургана имеют такие же завершения. Бронзовые S-видные псалли (три комплекта¹⁷ из 2-го Башадарского кургана) оформлены идентично деревянным. Цельнобронзовые псалли зафиксированы только в 1-й хронологической группе, во 2-м Башадарском кургане они составляют 3 из 13.

Большинство псалней (80 %) 1-й группы, в том числе все бронзовые, имеют окончания в виде асимметричного листка или пальметки. Окончания с изображениями животных имеются всего у 7 (20%) комплектов псалней. Из них только один приходится на 2-й Башадарский курган, четыре – на 1-й Тузгинский курган и два – на 2-й Тузгинский¹⁸. На концах псалней изображены: головы ушастых хищных птиц – далее «грифов» (три комплекта), головы и протомы кошачьих хищников (два комплекта), головы досей и коней (по одному комплекту) – табл. 5, рис. 16. У одного комплекта псалней из 1-го Тузгинского кургана завершения выполнены в виде сильно стилизованных птичьих лап (рис. 16: 22).

Хотя двудырчатые псалли, по мнению ряда авторов, появились еще в VI в. до н. э. или даже в VII в. до н. э. (Марсадалов 1998 и др.), их S-видные формы, судя по хорошо датированным Причерноморским памятникам, наиболее распространение получают в V–IV вв. до н. э. (Алексеев 2003: 79).¹⁹ Среди бронзовых S-видных псалней V в. до н. э. из памятников Северного Причерноморья встречаются образцы с фигурными окончаниями, как на одном конце, например, псалли с головками кошачьего хищника и коней из Максевки, кургана у с. Хитцы, кургана 1 у с. Аксютинцы, так и на обоих концах, например, псалли с окончаниями в виде конских копыт и птичьих лап из Малой Цимбалки, кургана 400 у с. Журовка, кургана 484 у с. Плавиницы (Мелюкова 1989: табл. 35: 4; Алексеев 2003: 26: 8, 9, 23; Ильинская, Тереножкин 1983: 251, 332). Но особенно интересен псалней с протомой кошачьего хищника на одном конце и орлиной головой на другом из кургана 522 на Юрьевой Горе близ Смелы (Бобринский 1914: 101, рис. 4).

Декор узд и нагрудников. В декоре узд 1-й группы прослеживается развитие отдельных элементов, характерных для раннескифских узд.

Бронзовые колечки, широко использовавшиеся в VI–VI вв. до н. э. от Южного Урала до Алтая для украшения ремней узд и нагрудников, в середине

¹⁵ Форма стержня может быть уверенно определена только для 30 комплектов псалней из 36 (табл. 2).

¹⁶ Существует мнение, что орнаментальный мотив, называемый «асимметричным листком», растительным или зооморфным орнаментом, пламандой фигурой, является стилизованным изображением головок хищных птиц или грифонов (Уманский, Шамшин, Шульга 2005: 55). Однако стилизация здесь настолько значительная, что нельзя исключать и использование элементов из растительного царства или синкретического происхождения данного мотива. Поэтому далее этот мотив рассматривается как самостоятельный.

¹⁷ В коллекции Государственного Эрмитажа имеются только два комплекта бронзовых псалней (коня № 2 и № 7 из верхнего слоя конского захоронения). Третий комплект (от коня № 13 или № 14) зафиксирован С. И. Руденко в нижнем слое конского захоронения: «обломок бронзовых псалней, совершенно таких же, какие были найдены у коней № 2 и 7» (Руденко 1960: 85).

¹⁸ Псалли из 2-го Тузгинского кургана (рис. 16: 16, 21) в подпсах к таблицам в публикации С. И. Руденко ошибочно отнесены к 1-му Тузгинскому кургану (Руденко 1960: табл. XCVI: 1; С: 4).

¹⁹ Бронзовые двудырчатые псалли из других регионов: дуговидные с окончаниями в виде голов грифонов (случайная находка из Минусинской котловины – Членова 1992: табл. 85: 12); с окончаниями в виде «листо» (случайная находка у ст. Уш-Бик, Семипалатинская область – Арсланова 1981: рис. 22); прямые с головками волков, оленей, верблюда (из Хошутувского комплекса, Нижнее Поволжье – Ойг-Горгаева 2005), с соколиной, дятловой не столь определено.

VI в. до н. э. сменяются полукруглыми пронизками, уплощенными с одной стороны, и бронзовыми скобками (Киришин, Степанова, Тишкин 2003: 72). Поздним вариантом такого рода декора являются, очевидно, и железные *колечки-пронизки*. Например, курганы 62 и 63 Южного Тагискаена, где представлены такие колечки, по наборам бронзовых трехлопастных втуличатых стрел датируются второй половиной VI–V вв. до н. э. (Итина, Яблонский 1997: 69; рис. 59: 18, 60: 4).

Железные, крытые золотом скобки унизывают одну из узд из нижнего слоя конского погребения 2-го Башадарского кургана (Руденко 1960: 85, рис. 49: а, б).

Дальнейшим продолжением этой декоративной традиции являются, по-видимому, деревянные, крытые золотом продолговатые накладки с поперечными валиками, имитирующими *напизанные на ремни кольца*. Они широко представлены в материалах 1-го и 2-го Тузгинских курганов и использовались для украшения узд и нагрудников (Руденко 1960: табл. LXXIV: 1–9, 12, 14, СХII: 8).

Другим элементом, зафиксированным в памятниках *середины VI–первой половины V вв. до н. э.*, является мотив асимметричного листка. Он появляется на шитках распределителей ремней, бляхах и на бронзовых подвесках, имеющих основания в виде пластин, в том числе с выпуклыми поперечными валиками, имитирующими бронзовые колечки на ремнях узды. Репрезентативная сводка курганов, где отмечены подобные элементы декора, приведена в монографии А. П. Уманского, А. Б. Шамшина, П. И. Шульги (Уманский, Шамшин, Шульга 2005: 55–56, рис. 60). Данный мотив получает распространение в степной полосе от Алтая до Южного Урала и служит скорее хронологическим, чем культурным индикатором.

Бронзовые подвески с асимметричным листком и с пластиной с двумя рядами четковидных долек в основании, близкие по композиции подвескам из Рогозихи-1, курган 6 (могила 4), Арчекаса, Маймы-19, Бийска-1 (Уманский, Шамшин, Шульга 2005: рис. 15: 7–9; 61: 5–7), представлены в памятниках 1-й группы только одним комплектом, относящимся к коню № 2 во 2-м Башадарском кургане. Ему идентичен *деревянный комплект подвесок от нагрудника и узды коня № 7 из этого же кургана* (причем и бронзовые, и деревянные подвески одинаково покрыты золотым листком). Остальные бронзовые подвески из 2-го Башадарского кургана и из 1-го Тузгинского кургана оформлены иначе, хотя у тузгинских подвесок присутствует планка в основании, и они, как и башадарские, имеют близкие им варианты из дерева (Руденко 1960: рис. 49: в-е, табл. ХСIV: 4, 5; СII: 4, 6, табл. СIII: 1–4). В 1-м Тузгинском кургане бронзовые штампованные подвески чередовались в уздечном комплекте с *деревянными* (Руденко 1960: табл. LXVII: 1).

Основные мотивы оформления деревянных подвесок к уздам и нагрудникам из 2-го Башадарского кургана – «запятая» и асимметричный листок, в основании – круг или продолговатая планка. В 1-м

и 2-м Тузгинских курганах подвески более разнообразны. Помимо мотива асимметричного листка широко представлены разнообразными пальметки, головы грифов, кошачьих хищников и досей в сочетании с растительными мотивами. В основании подвесок – круг или продолговатая планка. На планках-основаниях подвесок встречаются поперечные дольки и дольки в два-три ряда, продольные валики, косяя нарезка.

Совершенно новыми элементами декора, отсутствующими в ранних скифских памятниках, являются деревянные накладки на развилки суголовных ремней в виде рогов (рис. 15). Во 2-м Башадарском кургане их всего один комплект, зато в 1-м Тузгинском кургане они украшали большинство узд, а во 2-м Тузгинском, возможно, даже все. Развилки-рогатки в 1-м и 2-м Тузгинских курганах неорнаментированные, только на основании выделены поперечный валик, аналогичный поперечным валикам описанных выше накладок и оснований подвесок, служивший, видимо, для создания визуальной плавности перехода от подвесок к развилке. Развилки-рогатки из 2-го Башадарского кургана, как и дощечки-накладки из этого уздечного комплекта, украшены двумя рядами четковидных долек.

Для курганов 1-й хронологической группы характерно широкое использование деталей из бронзы (табл. 2). Изменение доли бронзовых узд со временем установилось не удалось (хотя во 2-м Башадарском кургане их 42,9%), но бронзовые псалли, чумбурные блоки, подпружные пружки и петли, подвески узд и нагрудников, бляхи для украшения седельных покрышек приурочены именно к ранним памятникам. В курганах 2-й и 3-й хронологических групп количество бронзовых элементов в конском снаряжении ничтожно.

Таким образом, 1-я хронологическая группа в рамках пазырыкской культуры характеризуется, во-первых, *большим количеством фурнитуры и элементов декора, выполненных из бронзы*, по сравнению с более поздними памятниками, где они практически исчезают. Особым обилием бронзовых деталей выделяется 2-й Башадарский курган. Во-вторых, *фурнитура седла отличается решительным преобладанием двухчленных подпружных застеек* (28 из 30, то есть 93,3%). Варианты двухчленных застеек «бронзовые петля-пужка» и «косятные петля-пужка», как и *бронзовые пружки одночленных застеек*, характерны только для этой группы. В-третьих, для конских погребений 1-й группы характерно наличие *полных седельных комплектов*, включающих подпруги с пужками, как при захоронении оседланных лошадей, так и в случае отдельно подоженного конского снаряжения. В-четвертых, хотя отдельные элементы декора продолжают раннескифские традиции (железные, крытые золотом скобки и дощечки с поперечными валиками – имитация бронзовых колечек-пронизок, бляхи-застежки (?) в виде «запятой»), но в целом *декор памятников 1-й группы оригинален* и отличается как от раннескифских, так и поздних памятни-

ков пазырыкской культуры. Однако он близок памятникам 2-й хронологической группы, несмотря на более чем 100-летнюю разницу во времени, судя по дендрохронологическим датам.

Для декора конского снаряжения 1-й группы характерны: крупные деревянные подвески к уздам и нагрудникам в виде асимметричного листка, разнообразных пальметок, голов грифов, кошачьих хищников и досей, с основаниями в форме круга или продолговатых планок, гладких или с продольными, поперечными, косыми валиками и четкообразным орнаментом; декоративные покрывки с пламевидным краем, лопацевидными подвесками, войлочными «медальонами» с внешней стороны упоров, пучками ремешков или шнурков с подвесками в задней части седла, четырехлепестковыми розетками, нашитыми на покрывки в шахматном порядке.

Подводя итог сказанному, следует признать, что памятники 1-й хронологической группы имеют некоторые аналогии в памятниках раннескифского времени (бронзовые двучастные подпружные застёжки, бронзовые чумбурные блоки), но наибольшее число параллелей – в переходных памятниках, дата которых в настоящее время определяется второй половиной VI – началом V в. до н. э., с Алтая и прилегающих регионов, таких как Кайду, курган 7; Рогозица-1, курган 2, курган 6 (могила 4), курган 7 (могила 8); Арчекас; Майма-19; Бийск-1 (бронзовые и костяные двучастные подпружные застёжки, бронзовые и железные удила с кольцевыми окончаниями, бронзовые подвески с асимметричным листком, в том числе с основаниями, ornamentированными полеречными дольками). Однако в фурнитуре из этих памятников еще сильны раннескифские традиции – трехдырчатые псалмы, бронзовые и костяные распределители ремней, бронзовые застёжки подбородных ремней с креплением киошкой или петлей, которые в 1-й хронологической группе уже отсутствуют. Декор конского снаряжения 1-й группы отражает дальнейшее развитие лишь некоторых мотивов, представленных в переходных памятниках. S-видные псалмы с зооморфными окончаниями из курганов 1-й группы имеют аналогии в памятниках Северного Причерноморья V в. до н. э.

Таким образом, наиболее вероятная дата памятников 1-й группы – V (вторая половина V) – начало IV в. до н. э.

Особенности конского снаряжения 2-й хронологической группы (эталонные памятники: Кутургутас, Ак-Алаха-1, курган 1, Пазырык, курганы 1 и 2, Ак-Алаха-3, курган 1).

Для эталонных памятников реконструируются не менее 28 комплектов седел и 37 узд²⁰ при останках 42 лошадей. Все конские захоронения неграбленные, но сохранность органических материалов различна. Наибольшая сохранность в 1-м и 2-м Пазырыкских курганах, кургане 1 Ак-Алаха-1 и кургане 1 Ак-Алаха-3, где найдены костяные, деревянные, войлочные

детали узд и седел, а в 1-м и 2-м Пазырыкских курганах частично и кожаные. В кургане Кутургутас уцелели только костяные пряжки и отдельные деревянные фрагменты фурнитуры и декора, но они достаточно показательны.

Фурнитура и конструктивные особенности седел. Размеры упоров сохранившихся седел несколько меньше максимальных размеров, зарегистрированных в курганах 1-й группы, но тоже весьма значительные, например, у войлочных медальонов из кургана 1 Ак-Алаха-1 они колеблются от 19,5 × 12,5 см до 23,5 × 15,5 см.

Деревянные дужки аналогичны таковым из курганов 1-й группы. Они зафиксированы во всех курганах, кроме Кутургутаса, в котором сохранность дерева очень плохая. В среднем по группе дужки имелись у 46 % седел (табл. 7).

Подпружные пряжки из курганов 2-й группы представлены исключительно костяными пряжками одночастных застёжек с носиком-выступом, лежащим в плоскости рамки (рис. 9: 1–4). Причем необходимо отметить, что в таких близких по времени возведения курганах, как Кутургутас и курган 1 могильника Ак-Алаха-1, представлены сразу все основные разновидности этих пряжек: пластинчатые с двумя овальными отверстиями, с одним X-образным отверстием, а также рамочные без дополнительного отверстия или скобы для крепления. Такие пряжки размещались на левых пристругах, то есть были закреплены на седлах, сами же подпруги пряжек не имели. Реконструкция одночастной подпругной застёжки приведена на рис. 12: 4.

Функционально подобные застёжки аналогичны поясным застёжкам с бронзовыми, железными, костяными пряжками с носиком, отогнутым наружу или лежащим в плоскости рамки. Этот тип застёжек получает довольно широкое распространение в памятниках скифского и гунно-сарматского времени. В пазырыкской культуре такие пряжки использовались практически всегда в качестве подпружных. Ранее было отмечено, что в курганах 1-й группы найдено две бронзовые пряжки одночастных застёжек, что составляет 6,7 % всех подпружных застёжек в среднем по группе. В памятниках 2-й группы этот тип застёжек становится преобладающим, что, видимо, является отражением общих процессов эволюции конского снаряжения, протекавших в евразийских степях. Так, в Северном Причерноморье, где в памятниках VII–V вв. до н. э. найдены только отдельные экземпляры пряжек двучастных подпружных застёжек, в памятниках второй половины IV в. до н. э. в большом количестве фиксируются пряжки одночастных подпружных застёжек – рамочные различной конфигурации (прямоугольные, трапециевидные, круглые, полукруглые), без дополнительного отверстия или скобы для крепления к приструге, с носиками-крючками и киошками, отогнутыми наружу, изготовленные из бронзы и железа. То же наблюдает-

²⁰ В кургане 1 могильника Ак-Алаха-1 учтены пять узд, надетых на лошадей. Еще две «узды», положенные отдельно (Полосьмак 2001: 48), без удила и псалмы, скорее всего, являются нагрудниками.

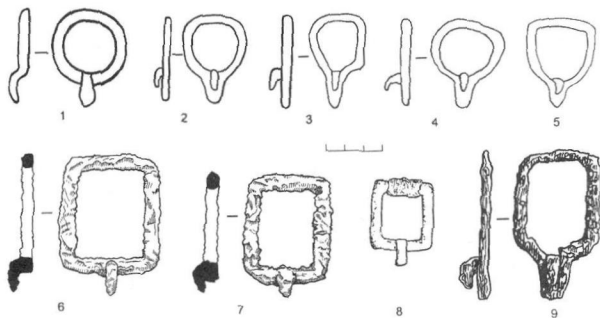

Рис. 8. Железные и бронзовые пряжки одночастных подпиржных застёжек Северного Причерноморья IV в. до н. э.: 1 – Осняги, курган 7; 2, 8 – Осняги, курган 5; 3, 4 – Восточное укрепление Бельского городища; 5 – Страшная могила; 6, 7 – Чертомлык; 9 – Толстая Могила. 1–7, 9 – железо; 8 – бронза. ГЭ, инв. № 6 – Дн 1865 1/67; 7 – Дн 1863 1/45. 1–4, 8 – Шрамко 1987: рис. 73: 5, 72: 16, 37: 10, 11, 72: 17; 5 – Мелькова 1979: рис. 47: 22; 6, 7 – рисунки автора; 9 – Мелькова 1989: табл. 36: 34.

Fig. 8. Iron and bronze buckles of one-piece girth fastenings from the northern Black Sea area of the 4th century BC: 1 – *Osnagi*, kurgan 7; 2, 8 – *Osnagi*, kurgan 5; 3, 4 – Eastern defences of the Belskoye townsite; 5 – *Strashnaya Mogila*; 6, 7 – *Chertomlyk*; 9 – *Tolstaya Mogila*. 1–7, 9 – iron, 8 – bronze. State Hermitage inv. nos.: 6 – Дн 1865 1/67, 7 – Дн 1863 1/45. 1–4, 8 – Шрамко 1987: fig. 73: 5, 72: 16, 37: 10, 11, 72: 17; 5 – Мелькова 1979: fig. 47: 22; 9 – Мелькова 1989: Pl. 36: 34; 6, 7 – drawings by the author.

ся во фракийских памятниках конца IV–начала III в. до н. э. Репрезентативную сводку пряжек этого времени приводит А. И. Мелькова (Мелькова 1979: рис. 47: 1–22). Некоторые разновидности таких пряжек представлены на рис. 8.

Костяные пластинчатые пряжки одночастных застёжек с носиком-крючком, отогнутым наружу, или с носиком-выступом, лежащим в плоскости рамки, аналогичные пазырыкским, являются типичным инвентарем в памятниках саргатской культуры (лесостепь Западной Сибири) IV–II вв. до н. э., и они продолжали использоваться вплоть до I в. до н. э. – II в. н. э. (Могильников 1992: 304, табл. 124: 17, 59, 67). Конские захоронения для саргатской культуры не характерны, но предметы конского снаряжения представлены в погребениях на протяжении всего периода существования культуры. По мнению В. А. Могильникова, в ряде случаев крупные костяные пряжки с выступом, лежащим в плоскости рамки, могли применяться как подпиржные, например, пряжка из погребения 5 кургана 1 могильника Богданово I, которая была найдена вместе с удилами (рис. 9: 11).

В памятниках сюнну III–I вв. до н. э. бронзовые безязычковые пряжки с носиками, отогнутыми наружу, наряду с бронзовыми и железными язычко-

выми пряжками, широко представлены в качестве поясных и одежных застёжек. Однако на 215 погребений Иволгинского (Давыдова 1996) и 130 погребений Дырестуйского (Миняев 1998) могильников нет ни одного случая использования костяных пряжек одночастных застёжек, аналогичных пазырыкским, в качестве поясных. Для рядовых погребений сюнну конские захоронения не характерны, и помещение в могилу деталей конского снаряжения достоверно не зафиксировано, поэтому говорить о типе подпиржных пряжек сюнну в настоящий момент преждевременно. Однако, учитывая, что использование вышеописанных костяных пряжек как поясных в могильниках не отмечено, такие пряжки, найденные в жилищах и культурном слое Иволгинского городища, датируемого, как и могильник, II–I вв. до н. э. (Давыдова 1996: 24–25, 60–61), вполне могли применяться в качестве подпиржных, по крайней мере, некоторые из них (Давыдова 1995: табл. 182: 4, 5, 9) – рис. 9: 10.

У двух седел из 1-го Пазырыкского кургана сохранились кожаные петли на левых пристругах, аналогичные петлям двухчастных застёжек из 1-го и 2-го Тузуктинских курганов, что позволяет предположить продолжение традиции использования этого варианта подпиржных застёжек у седел 2-й группы. Однако сами пряжки двухчастных застёжек в эталонных

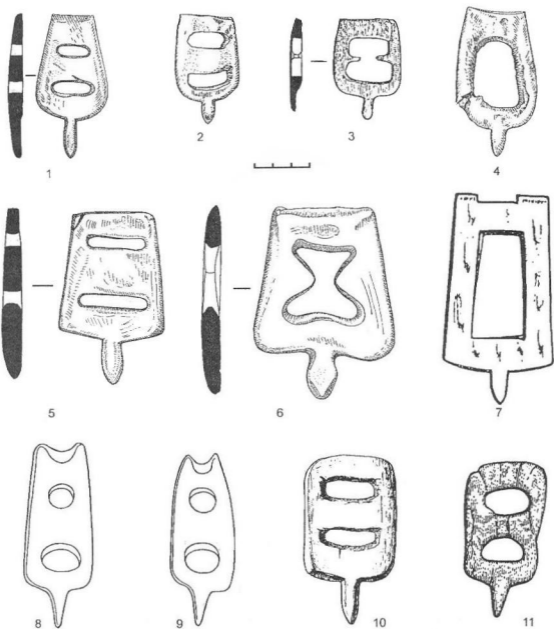

Рис. 9. Костяные пряжки одночастных подпругных застежек из курганов пазырыкской культуры и их аналоги:

1 – Пазырык, курган 2; 2, 4 – Ак-Алаха-1, курган 1; 3 – Кутургутнас; 5 – Пазырык, курган 4; 6 – Пазырык, курган 3; 7 – Иволгинское городище; 8, 9 – Узунтал III, курган 5; 10 – Берель, курган 34; 11 – Богданово I, курган 1, погребение 5. 1–11 – кость.

1, 5–6 – рисунки автора; 2, 4 – Полосьмак 1994: рис. 68, 109; 7 – Давыдова 1995: рис. 182; 9; 8, 9 – Савинов 1978: рис. 1: 1, 2; 10 – Samašev, Bazarbaeva, Žumarbekova 2002: Abb. 4; 2; 11 – Могильников 1992: табл. 124: 17.

Fig. 9. Bone buckles of one-piece girth fastenings from barrows of the Pazyryk culture and their parallels:

1 – Pazyryk, kurgan 2; 2, 4 – Ak-Alakha-1, kurgan 1; 3 – Kuturguntas; 5 – Pazyryk, kurgan 4; 6 – Pazyryk, kurgan 3; 7 – Ivolginskoye townsite; 8, 9 – Uzuntal III, kurgan 5; 10 – Berel, kurgan 34; 11 – Bogdanovo I, kurgan 1, burial 5. 1–11 – bone.

1, 5–6 – drawings by the author; 2, 4 – Polos'smak 1994: fig. 68, 109; 7 – Davydova 1995: fig. 182; 9; 8, 9 – Savinov 1978: fig. 1: 1, 2; 10 – Samašev, Bazarbaeva, Žumarbekova 2002: Abb. 4; 2; 11 – Mogilynikov 1992: Pl. 124: 17.

памятниках не найдены. Не обнаружено и никаких **члезов подпруг**, хотя в 1-м и 2-м Пазырыкских курганах сохранились фрагменты кожаных седельных подушек, ремней приструг и нагрудников.

Также обращает на себя внимание заметное уменьшение количества пряжек по отношению к седлам в сравнении с памятниками 1-й группы. Если в курганах 1-й группы практически все седла, как находя-

щиеся на лошадях, так и положенные отдельно, имели подпругные застежки, то в курганах 2-й группы в неграбленных конских захоронениях пряжки зафиксированы менее чем у 18 % седел (табл. 3). Данный феномен связан не с отказом от подпругных пряжек, а с изменением погребального обряда. Манипуляциям с инвентарем конских захоронений в памятниках 2–3-й группы ниже посвящен отдельный параграф.

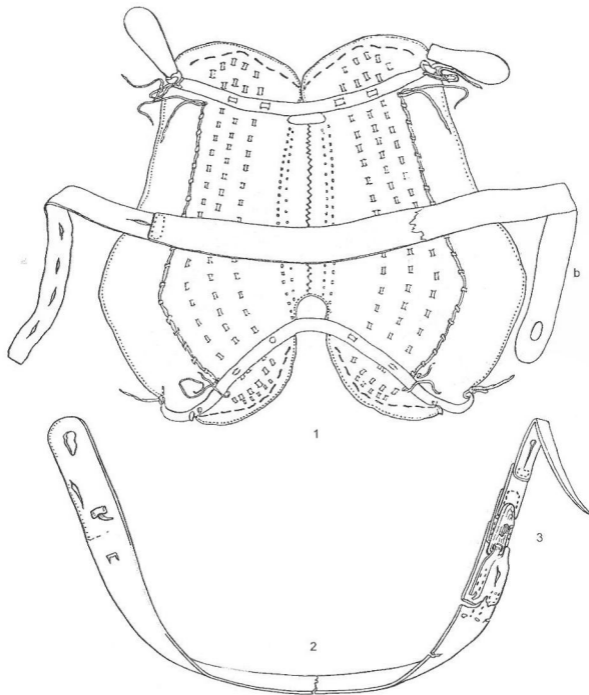

Рис. 10. Седло и подпруга из 1-го Тууктинского кургана: 1 – седло, вид сверху (а – левая приструга, б – правая приструга); 2 – подпруга; 3 – пряжка.

1 – кожа, сухожильные нити, олений волос; 2 – кожа, сухожильные нити; 3 – дерево.
1 – по Руденко 1960: рис.77; 2–3 – рисунки автора.

Fig. 10. Saddle and saddle-girth from Tuukta kurgan 1: 1 – saddle, view from above (a – left girth strap, b – right girth strap); 2 – girth; 3 – buckle.

1 – leather, tendinous fibres, deer hair; 2 – leather, tendinous fibres; 3 – wood.
1 – after Руденко 1960: fig.77; 2–3 – drawing by the author.

Декор седел. В целом декор седел 2-й хронологической группы близок декору 1-й группы, хотя отдельные элементы утрачиваются, а некоторые видоизменяются.

В самых ранних из эталонных памятников этой группы еще присутствуют покрывки, выполненные

в «лоскутной» технике из разноцветных ромбов с деревянными 4-лепестковыми бляшками (Ак-Алаха-1, курган 1, один комплект) или с войлочными прорезными нашивными аппликациями с «растительными» мотивами (Ак-Алаха-1, курган 1, два комплекта), войлочные медальоны с сильно стилизованными го-

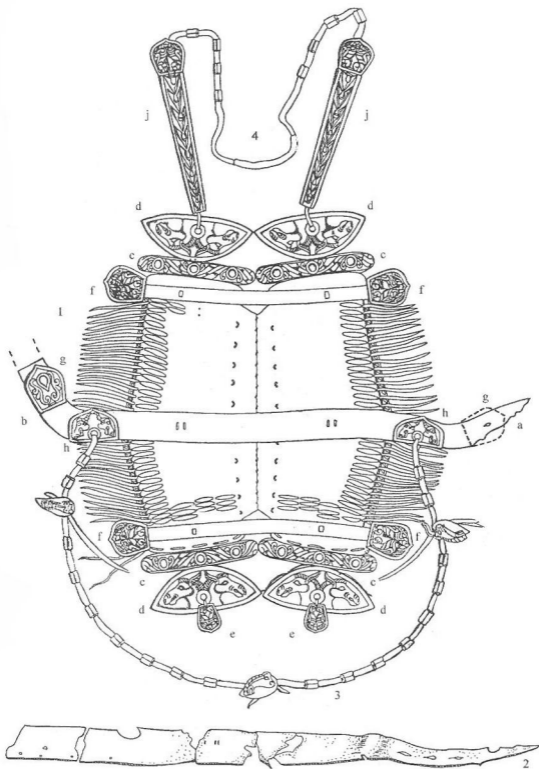

Рис. 11. Седло и подпруга из 5-го Пазырыкского кургана: 1 – седло (а – левая приструга, б – правая приструга, с – дужки, d – линзовидные с отверстиями накладки на упоры (показаны отогнутыми), e – щитовидные подвески к упорам, f – щитовидные подвески к поперечным ремням, g – щитовидные подвески к пристругам с декоративными отверстиями, h – накладки на приструги, j – трапециевидные и щитовидные накладки на подхвостник); 2 – фрагмент подпруги; 3 – нагрудник; 4 – подхвостник.

1, 3–4 – по Руденко 1953: рис. 99 с уточнениями; 2 – рисунок автора.

1, 3–4 – по Руденко 1953: рис. 99 с уточнениями; 2 – рисунок автора.

Fig. 11. Saddle and girth from Pazyryk kurgan 5: 1 – saddle (a – left girth strap, b – right girth strap, c – arches, d – lens-like mounts with holes for knee rolls (shown outturned), e – shield-like pendants for knee rolls, f – shield-like pendants for transversal straps, g – shield-like pendants for girth straps with decorative holes, h – mounts for girth straps, j – trapezoid and shield-like mounts for the crupper); 2 – fragment of the girth; 3 – breast-plate; 4 – crupper.

1 – leather, tendinous fibres, deer hair, felt, wood; 2 – leather; 3, 4 – leather, wood.

1, 3–4 – after Руденко 1953: fig. 99 with corrections, 2 – drawing by the author.

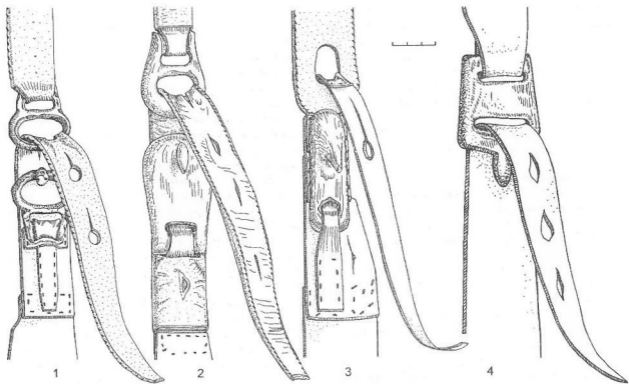

Рис. 12. Реконструкция подпругных застежек пазырыкского времени: 1–3 – левые двухчастные подпругные застежки, 4 – левая одночастная подпругная застежка.

1 – Башадар, курган 2; 2–3 – Туэкта, курган 1; 4 – Пазырык, курган 4.

1 – бронза, войло, сухожильные нити; 2 – кость, кожа, сухожильные нити; 3 – дерево, кожа, сухожильные нити; 4 – кость, кожа.

1–4 – рисунки автора.

Fig. 12. Reconstruction of girth fastenings of the Pazyryk period: 1–3 – left two-piece girth fastenings, 4 – left one-piece girth fastening.

1 – Bashadar, kurgan 2; 2–3 – Tuekta, kurgan 1; 4 – Pazyryk, kurgan 4.

1 – bronze, leather, tendinous fibres; 2 – bone, leather, tendinous fibres; 3 – wood, leather, tendinous fibres; 4 – bone, leather.

1–4 – drawings by the author.

ловками грифов (Ак-Алахе-1, курган 1, четыре комплекта из четырех), деревянные подвески, конические и бутоновидные с дольками, располагавшиеся на ремешках в задней части седла (Кутургунтас, два комплекта) (Полосьмак 1994: рис. 40, 42–44, 46–47, 49, 50, 53, 107). Однако для оформления края покрышек пламевидные фестоны более не используются, как и сопутствующие им S-видные, серповидные, в виде «запятой» и круглые деревянные бляхи.

Преобладающим в оформлении покрышек становится декоративный мотив, впервые зафиксированный на одном седле в 1-м Туэктинском кургане: фигуры отдельных животных или сцены терзания на однотонном (красном, синем, черном) фоне покрышки из тонкого войлока. Изменения коснулись и техники исполнения. Помимо нашивных войлочных аппликаций широко используются клееные аппликации в виде силуэтов животных из кожи, подкрашенных и частично покрытых золотой и оловянной фольгой. В Ак-Алахе-1, курган 1, подобным образом декорирована одна покрышка (аппликация войлочные), в 1-м Пазырыкском кургане – все 10 покрышек (две с войлочными аппликациями, восемь с кожаными), во 2-м Пазырыкском кургане из семи покрышек три с войлочными аппликациями, две с кожаными и две не декорированы, в Ак-Алахе-3, курган 1 – три по-

крышки с войлочными аппликациями (Руденко 1953: рис. 156–165, табл. СІХ: 1,2, СХ: 1,2, СХІ: Полосьмак 1994: рис. 49; Полосьмак 2001: рис. 138, 139, 141). В целом декор седельных покрышек, помещенных в конские погребения, становится более бутафорским. Подобный способ декорирования не предполагает использования седла, так как при посадке в него всадника аппликации становятся совершенно не видны, а клеевое крепление деталей не обладает необходимой прочностью.

Зооморфные фигурные лопасти из войлока на кожаной подкладке представлены в двух курганах: в Ак-Алахе-1, курган 1 при всех покрышках – один комплект с изображением волков и три с изображением рыб и в 1-м Пазырыкском кургане у двух покрышек из 10 – один комплект с изображением рогатого льва и один с изображением рыбы с головой барана в пасти (Полосьмак 1994: 42, 43, 46, 49; Руденко 1953: табл. СХІІІ, рис. 166, 167). Однако все покрышки с лопастями из курганов 2-й группы, в отличие от курганов 1-й группы, имеют ровный край.

При отсутствии лопастей края покрышек в курганах 2-й группы украшены с каждой стороны 3–6-фигурными, довольно вычурными подвесками из кожи, войлока и конского волоса – четыре покрышки из 1-го Пазырыкского кургана (Руденко 1953: табл.

CVII,3,4; LXXVII, LXXX,6) или кожаной бахромой – две покрышки из 1-го Пазырыкского кургана, все семь покрышек из 2-го Пазырыкского кургана и, предположительно, две покрышки²¹ из Ак-Алахи-3, курган 1. Одна из покрышек из Ак-Алахи-3, курган 1 имеет зубчатый край (Полосымак 2001: рис. 139). Очень близкая ей седельная покрышка показана на изображении скамьюшей лошади на костяной пластинке – накладке на гребень из кургана Куль-Оба IV в. до н. э. (Scythian art 1986: рис. 215), а также, по-видимому, на войлочном ковре из 5-го Пазырыкского кургана (Руденко 1953: табл. XCV).

Войлочные медальоны с войлочными нашпанными аппликациями, как уже говорилось, были зафиксированы только в кургане 1 могильника Ак-Алаха-1. В 1-м и 2-м Пазырыкских курганах часть упоров обшита войлоком, а часть – шерстяной тканью, аппликации же исключительно кожаные – ажурные полуподковки и «шлетенки» (Руденко 1953: 163, рис. 110: а-ж). Видимо, тканью были обтянуты упоры седел и в кургане 1 Ак-Алахи-3, так как при хорошей сохранности войлочных покрышек войлочные медальоны в нем не зафиксированы.

Вместо характерных *подвесок на ремешках* или *шурках* в задней части седла в 1-м и 2-м Пазырыкских курганах использовались деревянные ворворки с кистями из крашеного конского волоса, бочонковидные и бутонovidные в 1-м Пазырыкском кургане, колоколовидные и в форме лувочек во 2-м Пазырыкском кургане (Руденко 1953: табл. XLII: 3, 4, 9, 10). В кургане 1 Ак-Алахи-3 при одном из седел сохранились две плетеные из шерстяных ниток косы с шерстяными шариками на концах, и аналогичные, но меньшего размера две косы при узде. По мнению Н. В. Полосымак, «подобные конские украшения до сих пор не встречались в пазырыкских курганах» (Полосымак 2001: 80, рис. 56), однако эти элементы декора, по-видимому, не уникальны, а происходят еще к памятникам 1-й группы. Выше уже отмечалось, что в конских погребениях 2-го Башадарского и 2-го Тузгинского курганов обнаружены обрывки шерстяных шнуров с войлочными шариками на концах, а у глазицы коня № 10 из 2-го Башадарского кургана, как и у черепа коня из Ак-Алахи-3, курган 1, зафиксированы остатки «кисти» из шерстяных ниток (Руденко 1960: 74; Полосымак 2001: 80). Шерстяные косы с войлочными шариками, скорее всего, закреплялись в месте пересечения сутолковых и подбородных ремней, а не на затылке, как показано на реконструкции (Полосымак 2001: рис. 57).

Во 2-м Пазырыкском кургане впервые появляются *щитовидные подвески* к средним упорам – три комплекта из рога (Руденко 1953: табл. XLVI: 2, 3). Щитовидные подвески, в сочетании с подвесками к поперечным ремням, накладками на приструги и подхвостники, являются характерной частью декора седел 3-й хронологической группы. Во 2-м Пазырыкском кургане они еще представлены как отдельные элементы.

Узденная фурнитура. Узденная фурнитура из курганов 2-й группы в целом близка таковой 1-й группы. Однако обращает на себя внимание снижение доли S-видных псалев (с 77 до 54 %) и увеличение доли прямых псалев (с 10 до 32 %) по сравнению с 1-й группой (табл. 4). Меняется и декор псалев (табл. 5, рис. 16). На первое место выходят псалы с головами грифов (включая два комплекта с головами грифа на одном конце и асимметричным листком на другом) – около 36 %, резко сокращается доля псалев с асимметричными листками и пальметками – с 80 до 21 %, столько же псалев с изображением копытных – 21 % (причем из шести комплектов, вошедших в эту группу, пять с изображениями горных баранов и только один с изображением оленя). Псалев с изображениями кошачьих хищников всего три (около 11 %). Оригинальные окончания псалев, не встречающиеся в 1-й группе, в виде голов гусей и дисков с розетками (по одному комплекту из 2-го Пазырыкского кургана), а также голов и протом горных баранов, но эти мотивы присутствуют в 3-й группе. Уникальны по оформлению два прямых псала из 1-го Пазырыкского кургана в виде фигур прыгающих животных – барана и оленя (рис. 16: 34–35).

Нужно отметить, что все нетипичные для памятников 1-й группы разновидности псалев происходят из 1-го и 2-го Пазырыкских курганов и кургана 1 Ак-Алахи-3, то есть более поздних памятников 2-й группы (табл. 5).

Бронзовые чумбурные блоки к этому времени, видимо, выходят из употребления. Широко используются кожаные чумбурные блоки – петли, идентичные происходящим из памятников 1-й группы (Руденко 1953: 155, табл. XXXVII) – рис. 14: 7.

Декор узд и нагрудников характеризуется отсутствием бронзовых элементов. Детали изготовлены преимущественно из дерева.

В памятниках 2-й группы широко представлены *деревянные развигки-«рогатки»*, но, как и в 1-й группе, они были не у всех узд. Причем если в курганах 1-й группы эти изделия преимущественно не украшены, то в эталонных памятниках 2-й группы встречаются как неорнаментированные рогатки (Кутургутас; Ак-Алаха-1, курган 1; 1-й Пазырыкский курган), так и с поперечной штриховкой, «чешуей», а также с наклонными фестонами, «бегущими волнами», встречаемыми завитками по краю (1-й и 2-й Пазырыкские курганы; Ак-Алаха-3, курган 1) – табл. 6, рис. 15.

В наиболее позднем кургане 2-й группы – кургане 1 Ак-Алахи-3 декор развигки-«рогаток» имеет более сложный характер. Из трех «рогаток» с поперечной штриховкой у двух поперечные полосы подчеркнуты только на основаниях, а на вилках помещен узор из треугольников, образуемых косой штриховкой, или S-видных завитков (рис. 15: 21–22). У двух «рогаток» с «чешуей» на вилках основание украшено в одном случае наклонными фестонами, в другом – парными головами сайгаков (рис. 15: 26–27).

²¹ Кожа не сохранилась, остались только два ряда отверстий по краям покрышки (Полосымак 2001: рис. 138).

В более ранних курганах 2-й группы (Кутургуна-тас, курган 1 Ак-Алаха-1, 1-й Пазырыкский) в декоре узд и нагрудников еще сохраняются дощечки с поперечными дольками (Полосымак 1994: рис. 67, 107; Полосымак 2001: рис. 29; Руденко 1953: табл. XXXIX: 1, 2), но дольки на основаниях подвесок становятся редкостью (Полосымак 2001: рис. 28, 54).

В изменении сюжетов подвесок узд и нагрудников наблюдаются те же тенденции, которые отмечены для оформления псалев. Преобладающим становится мотив с изображением грифов, широко представлены изображения копытных, особенно горных баранов, появляются изображения водоплавающих птиц. Мотив асимметричного листа используется ограниченно, гораздо шире – разнообразные пальметки.

В целом, декор конского снаряжения из памятников 2-й группы близок декору 1-й группы и является результатом его дальнейшей развития. Так в оформлении отдельных седел еще встречаются войлочные медальоны, фигурные лопасти – подвески к покрывкам, войлочные шарика на шерстяных шнурах – аналог деревянных подвесок на ремешках в задней части седла, а в оформлении узд продолжают бытовать крупные подвески с продолговатой планкой в основании и дощечки с поперечными дольками. Однако подвески в задней части седла уже сменяются ворворками с кистями, войлочные медальоны – ажурными аппликациями и «плетенками» из кожи, «соскутные» узоры и аппликации с геометрическими и растительными мотивами, покрывающие всю площадь покрывшек, – локальными сюжетными сценами с изображением животных и их борьбы. Выходят из моды пламевидные фестоны и S-видные бляхи, а также простые декоративные сочетания серповидных, круглых блях и блях в виде «заплатой». Популярным оформлением края покрывшек становится кожаная бахрома. Расширяется круг сюжетов в отделке окончаний псалев и подвесок к уздам и нагрудникам. Изменяется декор развилки «ротаго». Появляются шитовидные подвески к передним упорам.

Таким образом, 2-я хронологическая группа в рамках пазырыкской культуры характеризуется следующими особенностями. Во-первых, бронза практически не применяется при изготовлении элементов декора и фурнитуры конского снаряжения (за исключением небольшого количества бронзовых удиц – около 8 % в выборке). Во-вторых, для фурнитуры седел характерно преимущественное использование кожаных или костяных застежек при сохранении комбинированного варианта двухчастных застежек с кожаными петлями. В-третьих, большинство седел в захоронениях не имеет подпругных прищепок, что является отражением изменения погребального обряда, а не особенностей седловки. В-четвертых, в декоре узд и седел из памятников 2-й груп-

пы сочетаются элементы декора, характерные как для 1-й, так и для 3-й групп, что позволяет говорить об этих памятниках как переходных.

В конском снаряжении 2-й группы, с одной стороны, отсутствуют элементы фурнитуры, восходящие к раннескифскому времени, а с другой стороны, смена типа подпругных застежек с двухчастных на односторонние позволяет синхронизировать памятники 2-й группы с памятниками других регионов евразийских степей IV в. до н. э.

Мы не можем пока достоверно установить нижнюю границу 2-й хронологической группы, однако выявленные различия в декоре «ранних» и «поздних» эталонных памятников группы, при очень небольшом временном разрыве между ними, заставляют предположить, что по крайней мере изменения декора от 1-й к 3-й группе происходили достаточно быстро, возможно, на протяжении нескольких десятилетий.

Таким образом, наиболее вероятная датировка памятников 2-й группы – IV (вторая половина IV) – начало III в. до н. э.

Особенности конского снаряжения 3-й хронологической группы (эталонные памятники: Пазырык, курганы 3, 4, 5, 6, Каракол, Шибе).

Для эталонных памятников реконструируются не менее 21 комплекта седел и 36 удл при останках 53 лошадей. Кроме кургана Шибе, конские захоронения неграблены. В 5-м Пазырыкском кургане сохранились узды пяти верховых и четырех упряжных лошадей, пять седел с покрывками, ремнями, войлочными и деревянными деталями, в том числе пять войлочных «чепраков». В 3-м Пазырыкском кургане сохранность предметов значительно хуже, тем не менее некоторые узды восстанавливаются практически полностью,²² также найдены фрагменты седельных подушек, потников и покрывшек от 10 седел, бронзовые, деревянные и костяные элементы декора узд и седел. В 4-м, 6-м Пазырыкских и Каракольском курганах сохранились бронзовые, костяные и деревянные элементы фурнитуры и декора, в 4-м Пазырыкском, кроме того, небольшие фрагменты кожи и войлока. В конском захоронении кургана Шибе уцелели только отдельные разрозненные, но весьма показательные, деревянные и костяные детали фурнитуры и декора.

Фурнитура и конструктивные особенности седел. Седельная фурнитура 3-й группы отличается значительным разнообразием. Появляются новые ранее не встречавшиеся элементы – седельные распорки. Распорки представляют собой небольшие прямоугольные дощечки с заостренными или округлыми выступами на узких сторонах (Руденко 1953: рис. 102–103; Баркова 1979: рис. 4, 5, 6). В седельный комплект входили две распорки, они крепились ремешками снизу к поперечным ремням, а их выступы вставлялись внутрь седельных подушек, обеспечивая

²² В 3-м Пазырыкском кургане при останках 14 лошадей имелось 10 комплектов узд и, соответственно, столько же удиц, из них пять железных и пять бронзовых. Это количество соответствует материалу коллекции, хранящейся в Государственном Эрмитаже, а также локальному описанию узд, которое приводит С. И. Руденко (Руденко 1953: 185–200). Таким образом, фраза «в кургане третьем из четырнадцати пять бронзовых удиц» (Руденко 1953: 160) является ошибочной в части общего количества удиц.

тем самым постоянную ширину седельного желоба. Часть распорок обнаружена при седлах или при отделившихся от седел поперечных ремнях (Руденко 1953: рис. 119), поэтому их размещение и крепление не вызывают сомнений, в отличие от их функционального назначения.

Видимо, они были призваны придать дополнительную жесткость седельной конструкции, препятствуя «расползанию» седельных подушек под весом всадника. Возможно, как элементы поперечного каркаса они являлись отдаленным прообразом лук. Однако распорки пазырыкских седел были практически прямыми.²³ Единственная дугообразная распорка (Г.Э. Инв. № 1685/322) обнаружена в 3-м Пазырыкском кургане, однако, судя по тому, что эта дощечка была выстругана строго вдоль волокон, как и другие аналогичные распорки, ее современный сильный изгиб является, скорее всего, следствием деформации, произошедшей уже в погребении или в процессе его раскопок.

Распорки зафиксированы при всех седлах в 3-м и 5-м Пазырыкских курганах и Шибе. В 4-м Пазырыкском кургане они не обнаружены. Деревянную поперечную деталь седла из Каракола (Киселев 1951: табл. XXXII, 12) С. И. Руденко также определил как распорку (Руденко 1960: 16), однако по форме она отличается от распорок из 3-го и 5-го Пазырыкских курганов, а размеры ее, к сожалению, в публикациях не приведены.

Оригинальны также дужки упоров из курганов 3-й группы. Они зафиксированы у 40 % седел, во всех курганах, кроме 6-го Пазырыкского, и отличаются от более массивных деревянных дужек 1-й и 2-й групп материалом и формой (табл. 7). Все они выполнены из рога и толстой кожи, в сечении практически плоские и очень тонкие (не более 0,2 см в центральной части). При этом некоторые дужки – комплекты из Каракола и 3-го Пазырыкского кургана буквально пришивались к упорам, а дужки из 3-го Пазырыкского кургана, кроме того, соединялись ремешками с роговыми накладками на внешние стороны упоров (Киселев 1935: рис. 6; Руденко 1953: табл. LVIII: 1, 2).

Два комплекта дужек – костяной из Шибе и кожаной из 5-го Пазырыкского кургана имеют резной орнамент (Баркова 1979: рис. 4: 7–9; Руденко 1953: табл. CV: 1). В двух случаях кожаные неорнаментированные дужки (3-й и 5-й Пазырыкские курганы) были украшены скульптурными деревянными головками кошачьих хищников, с кожными лапами, закрепленными с помощью сквозных отверстий и шпеньков (Руденко 1953: табл. LIV: 2, 4; LXVIII: 6; CVI: 1, рис. 128). Головки и лапы были покрыты золотым листом.

Подпругные пряжки в эталонных курганах 3-й группы, как и в курганах 2-й группы, представлены исключительно костяными пряжками двухчастных застежек (рис. 10), причем количество пряжек в погребениях сокращается в еще большей степени – они зафиксированы менее чем у 10 % седел (табл. 3). Аналогии пряжкам этого типа рассмотрены выше, при описании седельной фурнитуры 2-й группы.

У пяти седел (три из 3-го Пазырыкского кургана, по одному из 6-го Пазырыкского кургана и Каракола) в неповрежденных погребениях и при хорошей сохранности костяных деталей зафиксированы костяные щитовидные накладки на левые приструги с большими отверстиями, аналогичными по размерам отверстиям тетель двухчастных застежек (рис. 13). Щитовидные накладки на приструги являются типичным элементом декора седел 3-й хронологической группы. Однако у большинства седел они деревянные или кожаные, парные и без отверстия или с небольшим декоративным калевидным отверстием в центре. Щитовидные костяные накладки с большими отверстиями в четырех случаях из пяти не имели пары, то есть приходились по одной на седло. Таким образом, находки одиночных костяных накладок на левые приструги с большими округлыми или щелевидными отверстиями могут свидетельствовать о продолжении бытования комбинированного варианта двухчастных застежек.

Все подхвостники, сохранившиеся в 3-м и 5-м Пазырыкских курганах, – регулируемые. При общей схеме крепления они различаются оформлением. Принципиальная схема регулируемого подхвостника – короткий широкий ремешок одним концом крепился к заднему упору, а в продольный разрез на другом его конце продевался и завязывался более узкий основной ремешок подхвостника (Руденко 1953: рис. 106). Крепежный узел аналогичен узлам, соединявшим, при отсутствии застежки, подбородные и суголовные ремни. Для более надежного крепления применялись костяные шлевки. Место крепления оформлялось трапециевидными и щитовидными накладками.

Декор седел. Характерными элементами декора седел 3-й хронологической группы являются щитовидные подвески²⁴ к передним упорам, поперечным ремням и пристругам, полукруглые накладки на приструги и место крепления нагрудного ремня, трапециевидные и щитовидные накладки на подхвостники, арковидные, трапециевидные и линзовидные с отверстием накладки на внешние стороны упоров (табл. 7). Данные элементы могли изготавливаться из дерева, рога и толстой кожи.

Полный комплект всех этих декоративных элементов показан на рис. 11.

²³ Только в середине ханьской эпохи догадываются соединить подушки дугообразными деревянными планками, причем не снизу, а объединяя сверху оба упора.

²⁴ Большинство подвесок имеет форму «тербового щита», то есть это плоские пластины с ровным срезаемым верхом, вдоль которого размещаются крепежные отверстия, и округлым низом с небольшим заостренным выступом. Однако часть подвесок имеет закругленный низ без выступа или более сложную форму, как, например, стреловидная подвеска из Шибе или подвеска в виде сдвоенных голов сайгаков из коллекции П. К. Фролова. Далее в тексте все подвески условно называются щитовидными – по преобладающей форме.

Минимальный стандартный седельный комплект 3-й группы включал в себя две небольшие *подвески к передним упорам* и четыре более крупные *подвески к поперечным ремням*. В большинстве комплектов входили также две еще большего размера *подвески к пристругам*. Часть подвесок была гладкая, а часть имела резной рельефный орнамент в виде различных завитков («*ступных*» и «*оленьих*» рогов, по С. И. Руденко), или на них вырезались рельефные головы кошачьих хищников анфас.

На подвесках к упорам в верхней части обычно располагалось овальное поперечное отверстие для крепежного ремешка. Продетый в отверстие подвески ремешок складывался вдвое и продевался в проניзку диаметром 2–5 см (уплощенную коническую, сферическую или плоскую круглую) или в отверстие в накладке на внешнюю сторону упора, затем проходил сквозь толщину упора и через прорезь в поперечном ремне и закреплялся. С помощью крепежного ремешка, подвески и пронизки в качестве ограничителей осуществлялась стяжка упора в поперечном направлении, способствующая сохранению его формы и высоты. Таким образом, данный элемент декора имел еще и функциональное значение, чем объясняется его довольно широкое распространение, как будет показано ниже.

На подвесках к поперечным ремням и пристругам в верхней части просверливались 3–7 маленьких круглых отверстий для «пришиванию» подвесок тонкими ремешками к широким седельным ремням. Размер верхних горизонтальных частей подвесок обычно соответствовал ширине седельных ремней, к которым они крепились. Подвески, располагающиеся на концах поперечных ремней, оформляли край *ремня* и *аркировали* место крепления приторочных ремешков (потому на изображениях седел 3-й группы и их аналогов приторочные ремешки обычно показаны выходящими из-под шитовидных подвесок). В 1-м Тузгинском кургане окончания поперечных ремней в ряде случаев оформлены *кожаными каплевидными подвесками* (Руденко 1960: рис. 128, 129)²⁵ – рис. 10. Возможно, шитовидные подвески являются дальнейшим развитием этой декоративной традиции. К сожалению, из-за плохой сохранности кожи в курганах 2-й группы ничего нельзя сказать о существовании кожаных подвесок к поперечным ремням в это время.

Подвески на пристругах имели около 70% седел. Парные шитовидные подвески обычно не имели отверстий или только маленькие декоративное отверстие в нижней широкой части. На пристругах они располагались на некотором расстоянии от края (рис. 11: 1g), так как ниже их, слева размещались подпружные пряжки одночастных застежек, а справа, возможно, правые деревянные застежки-палочки (обычно они фиксируются по две на седельный комплект).

Из 14 седел с подвесками к пристругам у пяти подвески имели большие отверстия (рис. 13). Причем у четырех из них в комплект входила только одна подобная подвеска. Выше уже было высказано предположение, что подвески с большими отверстиями являются накладками на кожаные петли двухчастных застежек. Однако необходимо отметить, что процентные соотношения подвесок с большими отверстиями и без них не отражает реального соотношения типов подпружных застежек в 3-й группе. Так у двух седел из 3-го и 4-го Пазырьских курганов, с сохранившимися пряжками одночастных застежек, шитовидные подвески к пристругам отсутствовали (таких седел в выборке более 30 %)²⁶.

При широком распространении шитовидных подвесок подвески на ремешках в задней части седла утрачивают свою популярность. В 4-м, 5-м, 6-м Пазырьских курганах они не обнаружены, но колоколовидные деревянные ворворки по одному комплекту представлены в Караколе и Шибе (Киселев 1935: 100, рис. 10; Баркова 1979: рис. 4: 10–12), а в 3-м Пазырьском кургане у одного седла имелся комплект деревянных подвесок, набранных из шариков и серповидных пронизок, единственный в своем роде (Руденко 1953: табл. L: 2).

О седельных покрывах 3-й группы можно судить только по находкам из двух курганов. В 5-м Пазырьском кургане четыре из пяти покрывшек изготовлены из тонкого черного войлока с красным войлочным кантом, без аппликаций, и с кожаной бахромой по нижнему краю, а одна сшита из квадратиков кожи и шерстяной ткани с клееными аппликациями в несколько слоев из крашеного меха, шелка и золотой фольги, ее нижний край ровный, без бахромы (Руденко 1953: 280–281, рис. 128). Декор последней покрывшки явно бутфорский. Интересно, что закреплена она на седле ремешками всего в нескольких точках, поверх седельных ремней, тогда как войлочные покрывшки с кожаной бахромой не только прикреплены к седлу по всему нижнему краю ремешками, образующими бахрому, но и дополнены пришиты строчками из двух-трех ремешков с внутренней стороны упоров (рис. 11). Характерно, что у седел с таким капитальным креплением покрывшек, не имеющих аппликаций, поперечные седельные ремни и ремень, концы которого образуют приструги, закреплены поверх (!) покрывшек. Такое расположение седельных ремней наблюдается у четырех седел из 5-го Пазырьского кургана, на нескольких фрагментах седел из 3-го Пазырьского кургана, а также у двух седел из 2-го Пазырьского кургана (2-я группа).

В 3-м Пазырьском кургане сохранились небольшие обрывки покрывшек от 10 седел. Из них восемь (девять ?) из коричневатого (изначально красного?) войлока, а одна (две ?) из желтоватого вой-

²⁵ На рисунках 128 и 129 показаны разные седла.

²⁶ Таким образом, доля двухчастных застежек может составлять от 23,8 до 35,6 %. Следует отметить, что декоративная подвеска с большим отверстием, в комплекте с прямой одночастной застежкой, визуально имитируют схему двухчастной застежки «петля-пряжка».

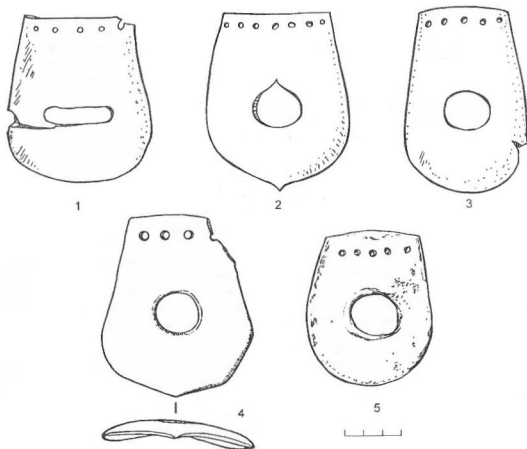

Рис. 13. Щитовидные накладки на приструги с большими отверстиями из курганов пазырыкской культуры:

1–3 – Пазырык, курган 3; 4 – Пазырык, курган 6; 5 – Каракол.

1–5 – кость.

1–4 – Руденко 1953: табл. LIX: 12–14, рис. 133; 5 – Киселев 1935: рис. 3.

Fig. 13. Shield-like mounts with large holes for the girth straps from barrows of the Pazyryk culture:

1–3 – Pazyryk, kurgan 3; 4 – Pazyryk, kurgan 6; 5 – Karakol.

1–5 – bone.

1–4 – Rudenko 1953: Pl. LIX: 12–14, fig. 133; 5 – Kiselev 1935: fig. 3.

лока, все они не имели аппликаций, на одном фрагменте сохранились отверстия от кожаной бахромы.

Сравнительно скромный декор седельных покрышек, по-видимому, был связан с широким распространением щитовидных подвесок и, как следствие, смещением декоративных акцентов. Щитовидные подвески, обтянутые золотом и окрашенные красной краской в углубления рельефных узоров, были хорошо видны, даже если всадник находился в седле.

Все упоры в 3-м Пазырыкском кургане были обтянуты снаружи тонким войлоком. При этом собственно войлочных медальонов с нашивными аппликациями простых геометрических форм было всего два комплекта. На часть упоров были наклеены простые геометрические фигуры из кожи, обтянутой золотой или оловянной фольгой, или просто из листочков фольги. В некоторых случаях кусочками фольги были отделаны и внутренние стороны упоров. По меньшей мере у трети седел из 3-го Пазырыкского кургана упоры были украшены ажурными клееными аппликациями в виде полуподковок и других фигур из золотого листа, а у одного седла –

из кожи (Руденко 1953: рис. 110: 3; 116, 121–123, табл. CIV: 1–6).

Фрагменты золотых ажурных клееных аппликаций представлены также в 4-м Пазырыкском кургане и в кургане Шибэ (Баркова 1979: 61, рис. 2: 1). В 5-м Пазырыкском кургане у двух седел упоры были обтянуты красной шерстяной тканью, причем у одного из них поверх ткани сохранились обрывки аппликаций из тисненой кожи.

Почти у половины седел 3-й хронологической группы (10 из 21) упоры с внешних сторон украшены и одновременно усилены роговыми, деревянными или кожаными накладками (табл. 7). По форме различаются линзовидные и трапеzieвидные накладки, закрывающие всю наружную сторону упора, с округлым отверстием по осевой линии ближе к низу и арковидные накладки, закрывающие только верхнюю и, отчасти, боковые части наружной стороны упора, оставляя свободным место для крепления подвесок непосредственно к передним упорам или подхвостника к задним. Такие накладки представлены в 3-м, 4-м, 5-м, 6-м Па-

зырьских курганах. Часть накладок украшена резными изображениями голов или фигур копытных животных – лосей, лошадей, сайгаков.²⁷

Около 70 % седел 3-й группы имели накладки (полукруглые, широкие щитовидные или в виде усеченного трилистника), расположенные на пристругах в месте крепления к ним нагрудного ремня. В седельный комплект входили две такие накладки из рога, дерева или кожи. Сохранились узлы крепления двух нагрудников с использованием накладок из 5-го Пазырыкского кургана (Руденко 1953: рис. 104). Интересно отметить, что у обоих указанных комплектов помимо маленьких отверстий для закрепления на пристругах, расположенных по углам и в средней части выпуклых сторон, имелись одно или два округлых отверстия большого размера вдоль прямых сторон накладок, служивших для продевания нагрудного ремня. Отверстия для нагрудного ремня характерны для большинства накладок (табл. 7), однако у пяти деревянных комплектов из 3-го Пазырыкского кургана они отсутствовали. К сожалению, узлы крепления с такими накладками не сохранились. По наблюдениям С. И. Руденко, они распределяются по две на седло (Руденко, 1953), по размерам и форме соответствуют накладкам на приструги с отверстиями, имеют резной орнамент и покрыты золотым листком. Можно предположить, что эти накладки закреплялись на пристругах непосредственно в процессе подготовки конского снаряжения к погребению, поверх уже существующих креплений нагрудников, для большей представительности седельных комплектов. Так как седла в курганах 3-й группы обычно не надевались на лошадей, а просто клались в могилу, необходимости в регулировке длины нагрудников не было.

Отдельно следует остановиться на оформлении подхвостников. Трапезцевидные деревянные резные накладки на подхвостники найдены в 3-м Пазырыкском (один комплект) и 5-м Пазырыкском (два комплекта) курганах. В 5-м Пазырыкском кургане они были дополнены щитовидными бляхами. Еще два комплекта подхвостников из 5-го Пазырыкского кургана имели только щитовидные бляхи, закрепленные на кожаных широких ремнях с прорезной петлей.

Накладки на подхвостники наряду с седельными щитовидными подвесками хорошо видны на ряде изображений и могут служить датирующими признаками.²⁸

Накладка на подхвостник и подвеска к переднему поперечному ремню показаны, например, у седла под всадником с войлочного ковра из 5-го Пазырыкского кургана, то есть изображение соответствует оформлению седла данного кургана и 3-й группы в целом.

Подвески к упорам, к поперечным ремням, а также накладки на подхвостники хорошо видны у оседланных лошадей на парных золотых пластинах с изоб-

ражением отдыхающих всадников из Сибирской коллекции Петра I. Это позволяет отнести седла изображенные на пластинах к 3-й хронологической группе в рамках пазырыкской культуры.

Очень близки пазырыкским седлам 3-й группы по конструкции и декору седла из могильника Субаши Турфанского района Синьцзяна (Китай), который датируется в настоящее время IV–III вв. до н. э. (Половская, 2001: 126, 185), седла на лошадях «глиняной армии» из гробницы китайского императора Цинь Ши-Хуанди (210 г. до н. э.), а также изображенные на ханьских терракотовых статуэтках II–I вв. до н. э. (рис. 17). Продолговатые щитовидные подвески к упорам, поперечным ремням и пристругам показаны у выподеленных в натуральную величину седел на глиняных лошадях, найденных в траншеях вокруг мавзолея Цинь Ши-Хуанди. Однако, в отличие от пазырыкских седел, в их задней части показаны три дополнительные седельные подвески – две к упорам и одна по центру (рис. 17: 2, 4). Точно такое же расположение подвесок имеется у довольно многочисленных терракотовых фигурок всадников из погребений Западной Хань. Несмотря на то что сами изображения выподелены довольно условно, седельные подушки обычно нарисованы прямо на спине лошади, а подвески переданы каплевидными фигурами – две в передней части седла, три в задней, по две по бокам, не вызывает сомнения то, что это те же самые седла (Imperial China 2000: № 121; Вайнштейн 1991: рис. 96). На статуэтках обычно показаны тонкими линиями два-три приторочных ремешка, отходящие от боковых подвесок (к поперечным ремням). Приторочные ремешки изображены выходящими из-под подвесок к поперечным ремням и у циньских седел, и у седел на золотых пластинах с отдыхающими всадниками из Сибирской коллекции Петра I, что соответствует расположению торцов у реальных пазырыкских седел. Часто вышеописанные статуэтки из случайных находок датируются в каталогах достаточно условно – династией Хань. Необходимо отметить, что изображение седла, подобных пазырыкским, характерно только для ранней Хань. Из памятников, относящихся к рубежу эр, происходит изображения уже иных седел, имеющих другой декор.

Седло из могильника Субаши (рис. 17: 3), вероятно, является прототипом для изображений на скуьтурах династий Цинь и Хань. Прекрасно сохранились стеганные седельные подушки бабочковидной формы с полукруглыми упорами, седельными ремнями и щитовидными подвесками, размещенными как на передних, так и на задних упорах. Подвески каплевидной формы с заостренным выступом в нижней части, с овальным отверстием для крепящего ремешка в верхней узкой части и круглым декоративным отверстием в широкой части имеют близкие ана-

²⁷ Следует отметить, что на двух кожаных накладках на упоры из коллекции П. К. Фролова также изображены лоси (Баркова 2003: рис. 6, 7).

²⁸ Вышеописанные выше варианты оформления подхвостников на мелких или схематичных изображениях выглядят одинаково – как вытянутые каплевидные утолщения на основаниях подхвостников, от которых отходит основной ремень подхвостника.

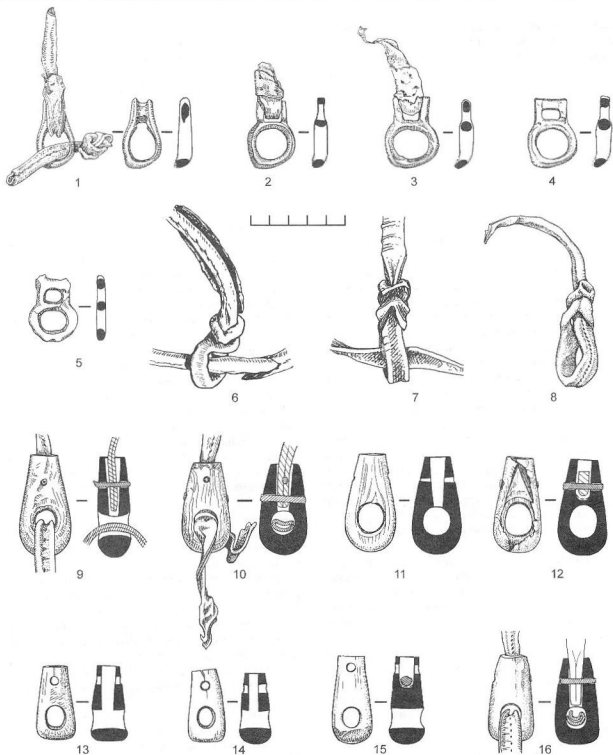

Рис. 14. Чумбурные блоки из курганов пазырыкской культуры: 1-4, 6 – Башадар, курган 2; 5 – Тукта, курган 2; 7 – Пазырык, курган 1; 8-12, 15-16 – Пазырык, курган 3; 13-14 – Пазырык, курган 4.
 1-3 – бронза, кожа; 4-5 – бронза; 6-8 – кожа; 9-10 – дерево, кожа; 11 – дерево; 12 – дерево, золото, краска, кожа; 13-14 – кость; 15-16 – кость, кожа.
 ГЭ, инв. №: 1 – 1793/767; 2 – 1793/766; 3 – 1793/453; 4 – 1793/452; 5 – 2180/75; 8 – 1685/37; 9 – 1685/403; 10 – 1685/161; 11 – 1685/94; 12 – 1685/59; 13 – 1686/50; 14 – 1686/43; 15 – 1685/176; 16 – 1685/54.
 1-5, 8-16 – рисунки автора; 6 – Руденко 1960: рис. 46: а; 7 – Руденко 1953: табл. XXXVII, рис. по фото.

Fig. 14. Rein blocks from barrows of the Pazyryk culture:

1-4, 6 – Bashedar, kurgan 2; 5 – Tuktia, kurgan 2; 7 – Pazyryk, kurgan 1; 8-12, 15-16 – Pazyryk, kurgan 3; 13-14 – Pazyryk, kurgan 4.
 1-3 – bronze, leather; 4-5 – bronze; 6-8 – leather; 9-10 – wood, leather; 11 – wood; 12 – wood, gold, paint, leather; 13-14 – bone; 15-16 – bone, leather.
 State Hermitage inv. nos.: 1 – 1793/767; 2 – 1793/766; 3 – 1793/453; 4 – 1793/452; 5 – 2180/75; 8 – 1685/37; 9 – 1685/403; 10 – 1685/161; 11 – 1685/94; 12 – 1685/59; 13 – 1686/50; 14 – 1686/43; 15 – 1685/176; 16 – 1685/54.
 1-5, 8-16 – drawings by the author; 6 – Rudenko 1960: fig. 46: a; 7 – Rudenko 1953: Pl. XXXVII, drawing after photograph.

логии в 3-м, 4-м, 6-м Пазырыкских курганах и Шибге (Руденко 1953: LIX: 1, 4, 8, 9; рис. 133; Баркова 1979: рис. 4: 4).

Размещение подвесок на передних и задних упорах было вполне оправдано, так как помимо декоративной они выполняли также функцию стяжки упоров. Таким образом, седло из Субаши и рассмотренные изображения демонстрируют дальнейшее развитие элементов декора, которые зафиксированы у пазырыкских седел 3-й хронологической группы.

Очень интересны уникальные войлочные «чепрак» с кистями, деревянными подвесками в виде бутон или зубчатыми треугольниками по нижнему краю и с простыми (без холочных ремешков) войлочными нагрудниками, сохранившиеся при седлах в 5-м Пазырыкском кургане (Руденко 1953: табл. С1-С11, СХVII, рис. 129). Отмечу, что наименование чепрак может быть употреблено в данном случае только с большой долей условности. Термины чепрак (от тюрк. *чепрак*) и *валътрап* (от итал. *quadrappa*) используются для обозначения декоративных тканевых (меховых, ковровых) покрывал, которые кладутся под седло, а *валътрап* также на седло (Гуревич, Роголев 1991: 30, 222). Размещение «под седло» подразумевает «поверх потника», который у современных седел является отдельной деталью конского снаряжения. Он всегда кладется непосредственно на спину лошади и декоративных функций не несет. Однако у пазырыкских седел потники были подшиты снизу к седельным подушкам, поэтому применение чепраков было затруднительно, и широко использовались декоративные покрыва, закреплявшиеся поверх седельных подушек.²⁹ В результате пазырыками был найден оригинальный выход: они поместили войлочные аппликации и нашили ценные импортные шелковые и шерстяные ткани на войлочную основу (!), оставив место для седла свободным от аппликаций, получив тем самым эффективные и единственные в своем роде «декоративные потники». Дополнительный слой войлока был только полезен, так как смягчал давление на спину лошади (с современными седлами для этой цели иногда также используют несколько потников). Следует отметить еще одну немаловажная деталь – в «декоративных потниках» были сделаны специальные прорезы для подпруг (хотя в 5-м Пазырыкском кургане ни *пряжки*, ни *подпруги* не были найдены при седлах). Эти наблюдения приводят к выводу, что «декоративные потники», в отличие от совершенно бутафорской лоскутной покрывки из того же кургана, были вполне функциональными предметами конского снаряжения и вряд ли изготовлялись специально для погребения.

Остаются два вопроса – откуда и почему появились столь необычные для пазырыков предметы декора? Откуда – ответ достаточно очевиден: прямоугольные ковровые попоны для верховой езды, украшенные по краю зубчатыми треугольниками, с простыми нагрудниками и подпругами (скорее *тра-*

ковыми ремнями – Гуревич, Роголев 1991: 213), закрепленными с внутренней стороны попоны, широко использовались в ахеменидском и селевкидском Иране с VII по III вв. до н. э. Такие попоны можно видеть на многочисленных изображениях этого времени из данного региона, например, на керамическом сосуде из Маку, Северо-Восточный Иран, VII в. до н. э.; на бронзовой фигурке лошади со всадником VI–IV вв. до н. э. из Британского музея; на рельефе из Ксанфа, Ликия, Малая Азия, 470 г. до н. э.; на золотом диске и серебряном умбоне щита из Аму-Дарьинского клада, V–III вв. до н. э.; на печати из халцедона с изображением всадника с пешим воином IV–III вв. до н. э. из Государственного Эрмитажа и др. (Ghirshman 1964: f. 345, 315, 445; Амударьинский клад 1979: кат. № 24, 36; Луконин 1977: рис. 88). Подобные попоны показаны и на ворсовом ковре иранской работы с изображениями всадников из 5-го Пазырыкского кургана (Руденко 1953: рис. 196).

С приходом к власти парфянской династии Аршакидов, тесно связанной с сакскими племенами Средней Азии, изображения кардинально меняются, что, видимо, обусловлено широким введением в обиход седел «скифского» («пазырыкского») типа. На немногих изображениях, сохранившихся с парфянского времени, совершенно отсутствуют прямоугольные попоны с зубцами. На части изображений на лошади под всадниками показаны только подпруги, подхвостники и нагрудники, часто с фаларами, самих седел не видно – они скрыты одеждой всадников, например, граффити из Дура-Европос I в. до н. э., терракотовая фигурка парфянского всадника I–II вв. н. э. из Лувра (Gall 1990: taf. 18; Луконин 1977: рис. 133). На других (монеты Квинта Лабиеца 40–39 гг. до н. э., граффити I в. до н. э. из Старой Ниссы, Южный Туркменистан, рельеф из Танг-э Сарык) можно видеть сами седла – подушечные (безлепничковые), с полукруглыми упорами с подхвостниками и нагрудниками с фаларами (Graeber 1910: pl. CXIII, 19–20; Пилипко 1996: рис. 45: 1; Gall 1990: taf. 3, 4). Нужно отметить, что фалары, имевшие на обороте три петли, были предназначены для использования с нагрудниками, имевшими холочные ремешки.

Таким образом, появление прямоугольных «чепраков» с зубчатым краем связано с переднеазиатским импульсом, который вряд ли мог иметь место позже III в. до н. э.

На изображении седла на войлочном ковре из 5-го Пазырыкского кургана привлекают внимание следующие детали: крупная бляха (характерная для декора 3-й группы) в месте крепления холочного ремешка – своего рода мини-фалар, а также зубчатый край декоративной покрывки, видимо, аналогичной покрывке из Ак-Алахи-3, курган 1, однако зубцы почему-то показаны в задней части седла, а не висают вдоль ноги всадника, что было бы более реалистично. В результате рассматриваемое изображение сближается по композиции с известными золотыми бляхами из кургана Тендик (Семиречье), датированного III–

²⁹ Если бы покрывки были съемные, их вполне можно было назвать *валътрапами*.

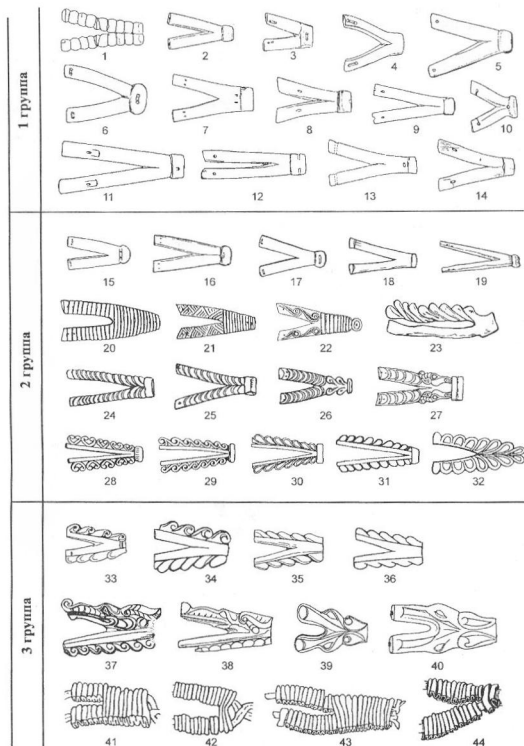

Рис. 15. Декор развилки суголовных ремней из курганов пазырькской культуры:

1 – Башадар, курган 2; 2–13 – Туэкта, курган 1; 14 – Туэкта, курган 2; 15 – Кутургунтаас; 16–17 – Ак-Алаха-1, курган 1; 18, 19, 24, 25, 28–31 – Пазырык, курган 1; 20–22, 26, 27, 32 – Ак-Алаха-3, курган 1; 23 – Пазырык, курган 2; 33, 39–43 – Пазырык, курган 3; 34–38, 44 – Пазырык, курган 5.

1–22, 24–40 – дерево; 23, 41–44 – кожа.

1 – рисунок автора; 2–14 – Руденко 1960; 15–17 – Полосымак 1994; 20–22, 26, 27, 32 – Полосымак 2001; 18–19, 23–25, 28–31, 33–44 – Руденко 1953.

Fig. 15. Decorations of dividers of cheek-straps from barrows of the Pazyryk culture:

1 – Bashadar, kurgan 2; 2–13 – Tuekta, kurgan 1; 14 – Tuekta, kurgan 2; 15 – Kuturguntas; 16–17 – Ak-Alakha-1, kurgan 1; 18, 19, 24, 25, 28–31 – Pazyryk, kurgan 1; 20–22, 26, 27, 32 – Ak-Alakha-3, kurgan 1; 23 – Pazyryk, kurgan 2; 33, 39–43 – Pazyryk, kurgan 3; 34–38, 44 – Pazyryk, kurgan 5.

1–22, 24–40 – wood; 23, 41–44 – leather.

1 – drawing by the author; drawings after: 2–14 – Rudenko 1960; 15–17 – Polosymak 1994; 20–22, 26, 27, 32 – Polosymak 2001; 18–19, 23–25, 28–31, 33–44 – Rudenko 1953.

II вв. до н. э. (*Древнес золото* 1983: 146–147), где у лошадей показаны нагрудники с холочными ремешками и фаларами, а в задней части седла из-под одежды всадников видны зубчатые фестоны. На бляхах зафиксирован редкий вариант изображения седла, отражающий смену традиции – переход от ковровых попонок с зубчатым краем и с простыми нагрудниками к седлам «скифского» типа без чепраков, но с фаларами.

Уздечная фурнитура из курганов 3-й группы достоверно отличается от таковой 1-й и 2-й групп (табл. 4, 5, рис. 14, 16). Хотя доля S-видных псалиев и остается еще довольно высокой – 50 %, но количество прямых псалиев возрастает до 41,2 %. На долю дуговидных псалиев приходится 8,8 %, но все они костяные, без фигурных окончаний, два из трех комплектов украшены врезными треугольниками (рис. 16: 59–61). По оформлению S-видные и прямые псалии также заметно отличаются от псалиев предшествующих хронологических групп. Столь популярные в 1-й и 2-й группах асимметричные листки и пальметки в памятниках 3-й группы более не используются для оформления псалиев. Свыше 80 % S-видных псалиев (14 из 17 комплектов) имеют зооморфные окончания только на одном конце и лопасть (раздвоенную, подтреугольную, заостренную, в том числе оформленную в виде «заячьей») на другом. У еще одного комплекта из кургана Шибэ на обоих концах псалиев размещены диски с барельефными изображениями морд кошачьих хищников в фас (рис. 16: 57). Прямые деревянные псалии из курганов 3-й группы имеют окончания преимущественно в виде геометрических фигур – более 70 % (10 из 14 комплектов). Из них наиболее распространенными являются круглые и полусферические диски, гладкие, с валиками по периметру или с розетками (шесть комплектов). Во 2-й хронологической группе в 1-м Пазырыковском кургане представлен один комплект псалиев с круглыми дисками с розетками. Все другие варианты геометрических фигур (ромбовидные лопасти, ребристые розетки и «лапы», пирамидки из шариков), характерные для 3-й группы, в памятниках 1-й и 2-й групп отсутствуют. Уникальны два прямых псалия с бронзовыми стержнями и деревянными окончаниями в виде протом горных баранов и фигур лебедей из 3-го Пазырыковского кургана (рис. 16: 62, 65).

Из всех псалиев 3-й группы (34 комплекта) аналогии в памятниках 1-й и 2-й групп имеют S-видные и прямые псалии с зооморфными изображениями на обоих концах – четыре комплекта (из них вариант с головой грифа на одном конце и рога тигра на другом в материалах эталонных памятников 1-й и 2-й групп не представлен). Только в курганах 2-й группы находятся аналогии роговому дуговидным несоразмеренным псалиям без фигурных окончаний (один комплект) и прямым с окончаниями в виде дисков с розетками (один комплект).

Таким образом, 90 % псалиев 3-й группы не имеют аналогий в эталонных памятниках 1-й группы и около 80 % – в памятниках 2-й группы.³⁰

Только в 3-й хронологической группе представлены такие элементы уздечной фурнитуры, как деревянные и костяные чумбурные блоки со штифтовым креплением (далее – сложные чумбурные блоки). Они найдены в 3-м и 4-м Пазырыковских курганах³¹ (семь и два экземпляра соответственно) – рис. 14: 9–16. Сложные чумбурные блоки имели форму, близкую усеченному конусу, слегка уплощенному. В широкой части параллельно основанию располагалось круглое отверстие для чумбура диаметром 1,0–1,4 см. В узкой верхней части блока высверливалось отверстие диаметром 0,7–0,9 см, перпендикулярное отверстию для чумбура, тупиковое или соединявшееся с ним. В него вставлялся конус правого повода и закреплялся кожаным штифтом, для которого параллельно основанию блока высверливалось специальное отверстие диаметром 0,3–0,4 см, проходящее сквозь канал для повода и сам повод.

Вопреки предположению С. И. Руденко о надежности таких блоков, необходимо отметить, что по своим параметрам штифты чумбурных блоков не уступают размерам штифтов, использовавшихся для крепления ремешков разилок в псалиях, а нагрузка на последние была, в принципе, более значительной. Для большей надежности на концах одного штифта были завязаны узелки, а у одного из блоков имелись целых два штифта – отверстия для них были просверлены в перпендикулярных направлениях (рис. 14: 9, 10). Только в одном случае можно предположить небрежность при изготовлении блока: штифтовой канал не просверлен полностью, а с одной стороны только намечен и сходится на конус, соответственно вставленный штифт имеет клиновидную форму (рис. 14: 11).

Роговой сложный чумбурный блок, аналогичных блокам из 3-го и 4-го Пазырыковских курганов, с одним отверстием для штифта, параллельным отверстию для чумбура, происходит из могильника Ильмовая падь I в. до н. э. – I в. н. э. (Руденко 1962: 49, табл. XXII: 5).

Что же касается простых костяных чумбурных блоков, также представленных в 3-м и 4-м Пазырыковских курганах (табл. 4), то все они разной формы. Один экземпляр выше является подражением конусовидным сложным блокам, остальные по форме аналогичны бронзовым чумбурным блокам. Хотя данные предметы зафиксированы в эталонных памятниках только 3-й группы, они, по-видимому, не являются специфическим признаком данной хронологической группы, так как представлены единичными находками в памятниках, имеющих широкий временной диапазон. Например, костяной конусовидный чумбурный блок найден в кургане 27 могильника Тыткескень –

³⁰ При расширении выборки процент аналогий в памятниках 2-й группы может несколько увеличиться.

³¹ С. И. Руденко ошибся, написав, что сложных чумбурных блоков не было в 4-м Пазырыковском кургане (Руденко 1953: 200–201). Один из них он даже привел в таблице (Руденко 1953: табл. LX: 8).

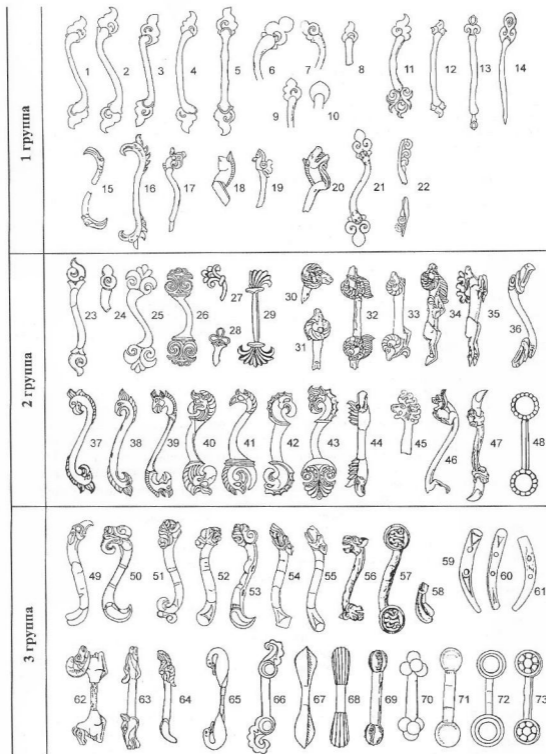

Рис. 16. Декор псалмов из курганов пазырыкской культуры:

1, 8, 15 – Башадар, курган 2; 2–7, 9–14, 17–20, 22 – Туэкта, курган 1; 16, 21 – Туэкта, курган 2; 23–24, 28, 38 – Ак-Алаха-1, курган 1; 25, 27, 29, 32, 34–35, 39, 44, 47–48 – Пазырык, курган 1; 26, 33, 40–43 – Ак-Алаха-3, курган 1; 30–31, 36, 45–46 – Пазырык, курган 2; 37 – Кутургунтас; 49, 52, 54–55, 60–61 – Пазырык, курган 4; 50, 53, 64, 69, 71–72 – Пазырык, курган 5; 51, 59, 62–63, 65, 66–68, 70, 73 – Пазырык, курган 3; 56–58 – Шибэ.
 1 – бронза; 45 – кожа; 59–61 – кости; 62, 65 – бронза, дерево; остальное – дерево.
 1–22 – Руденко 1960; 23–24, 26, 28, 33, 37–38, 40–43 – Полосымак 1994; 2001; 25, 27, 29–32, 34–36, 39, 44–55, 59–73 – Руденко 1953; 56–58 – Баркова 1979.

Fig. 16. Decorations of cheek-pieces from kurgans of the Pazyryk culture:

1, 8, 15 – Bashedar, kurgan 2; 2–7, 9–14, 17–20, 22 – Tuekta, kurgan 1; 16, 21 – Tuekta, kurgan 2; 23–24, 28, 38 – Ak-Alakha-1, kurgan 1; 25, 27, 29, 32, 34–35, 39, 44, 47–48 – Pazyryk, kurgan 1; 26, 33, 40–43 – Ak-Alakha-3, kurgan 1; 30–31, 36, 45–46 – Pazyryk, kurgan 2; 37 – Kuturguntas; 49, 52, 54–55, 60–61 – Pazyryk, kurgan 4; 50, 53, 64, 69, 71–72 – Pazyryk, kurgan 5; 51, 59, 62–63, 65, 66–68, 70, 73 – Pazyryk, kurgan 3; 56–58 – Shibe.
 1 – bronze; 45 – leather; 59–61 – bone; 62, 65 – bronze, wood; the rest – wood.
 Drawings after: 1–22 – Rudenko 1960; 23–24, 26, 28, 33, 37–38, 40–43 – Polosymak 1994, Polosymak 2001; 25, 27, 29–32, 34–36, 39, 44–55, 59–73 – Rudenko 1953; 56–58 – Barikova 1979.

VI, датированном середине VI—началом V в. до н. э., в комплекте с бронзовым уздечным набором — удилами, двудырчатыми стержневидными псалями, распределителями ремней, улощенными пронизками и бронзовой подпружной застежкой «четля-пряжка» (Кирушин, Степанова 2004: рис. 82: 4). Костяной блок, по внешнему виду очень близкий блоку из 4-го Пазырыкского кургана, с удлиненной скобой с ушками (Руденко 1953: табл. LX: 10), найден в кургане 2 могильника Катанда (Руденко 1960: табл. XXII: 11) в комплекте с железными колычатыми удилами и костяной подпружной застежкой — «четля-пряжка», то есть данный курган может быть отнесен к 1-й хронологической группе в рамках пазырыкской культуры. Три экземпляра простых костяных чумбурных блоков происходят из могильников Сайлюгема из курганов, которые по инвентарю могут быть отнесены ко 2–3-й хронологическим группам (Кубарев 1992: табл. IV: 2, XXXIV: 3, XLIX: 1).

На основании приведенных примеров можно заключить, что простые костяные блоки бытовали, по крайней мере, с финала раннескифского времени и на протяжении всего пазырыкского периода.

В курганах 3-й хронологической группы представлены также кожаные чумбурные блоки, совершенно идентичные происходящим из курганов 1-й и 2-й групп (рис. 14: 8).

Нельзя обойти вниманием такие элементы уздечной фурнитуры 3-й группы, как копытовидные пронизки — застежки подбородных ремней. Они представляют собой усеченный конус, основание которого срезано наискосок, а по осевой линии просверлено сквозное отверстие, одинакового диаметра по всей длине. В это отверстие, в направлении от широкой к узкой части пронизки, продевался левый подбородник, обычно из сшитого продольными краями «круглого» ремня, после чего его несшитый конец оформлялся в виде плоского листа (Руденко 1953: табл. LI: 2). Как правило, копытовидные пронизки были деревянными, реже из рога. Они найдены во всех курганах 3-й группы (табл. 4), за исключением тех курганов, где деревянные изделия плохо сохранились (6-й Пазырыкский курган и Каракол). В одном случае, в 3-м Пазырыкском кургане, деревянная пронизка — застежка подбородного ремня вырезана в виде головки сайгака (Руденко 1953: табл. LV: 4).

В пазырыкской культуре копытовидные пронизки — застежки подбородных ремней характерны именно для памятников 3-й группы (в 1-м Пазырыкском кургане имеется одна пронизка). Но они были известны еще в памятниках рубежа VI—V вв. до н. э. (Рогозиха-1, Локоть-4), где, возможно, служили застежками узд и поясных гарнитуров (Уманский, Шамшин, Шульга 2005: рис. 55 : 1, 3). Подобные пронизки долго не выходили из употребления и продолжали использоваться вплоть до раннего средневековья. Возможно, копытовидные пронизки, точнее, их разновидность со срезанными наискосок не только основанием, но и верхушкой, послужили исходной формой для «ложечковидных» застежек туно-сарматского времени, которые использовались аналогично копытовид-

ным пронизкам в поясных гарнитурах, а также пронизок в форме «сапожка» тюркского времени.

Декор узд и нагрудников. В памятниках 3-й группы более не используются деревянные дощечки с поперечными долями, а также подвески к уздам и нагрудникам с поперечными планками и кружками в основании. Украшения представлены разнообразными бляхами: от простых геометрических форм (полушарные, «репш») до объемных фигур животных, часто с приставными частями (головами, ушами, рогами). Крепежные отверстия (сквозные или в виде углубленных петель на обороте) проделываются непосредственно в бляхах. Декор узд и нагрудников становится менее громоздким. В большинстве случаев ремни видны и свободны от украшений, декоративные элементы размещаются локально в узлах пересечения ремней. Даже в случаях, когда мелкие бляхи размещаются в промежутках между крупными, ремни полностью все равно не закрываются.

В оформлении разилок (табл. 6, рис. 15) широкое распространение получают кожаные «гармошки» как с общим основанием, так и размещенные только на вилках. В отделке деревянных разилок «рогатою» сохраняются мотивы наклонных фестонов и «бегущих волн», но теперь рельефные орнаменты на разных сторонах одной разилки имеют противоположные направления. Часть разилок вырезана в виде морд волкообразных хищников.

В 6-м Пазырыкском кургане, в Караколе и Шибде декор разилок не отмечен, возможно, это также были кожаные «гармошки» (кожа в этих курганах не сохранилась).

В отличие от предшествующих групп, в оформлении псалев, фигурных блях и разилок широко представлены изображения волкообразных хищников, а также сайгаков.

Особенности погребального обряда 2-й и 3-й хронологических групп.

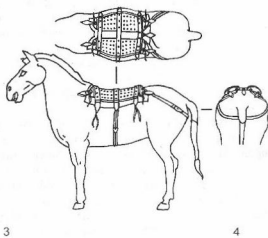
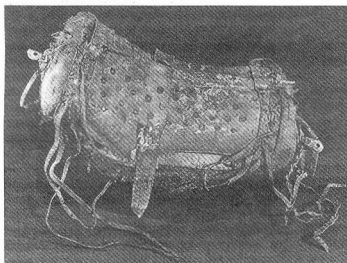
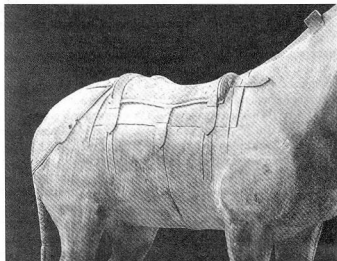
У многих народов мира известны обычаи порчи вещей, соприкасавших умерших, одевания на покойных неполных комплектов одежды или выподнения с их вещами определенных обрядовых действий, призванных подчеркнуть «инаковость» мира мертвых. Обстоятельную сводку этнографических свидетельств такого рода приводит Н. В. Полосымак (Полосымак 2001: 135).

Насколько такие ритуальные действия были распространены у пазырыков? По наблюдениям Н. В. Полосымак, «пока единственными “погребальными” особенностями» можно считать несшитые мужские штаны из кургана 1 могильника Ак-Алаха-1, отсутствие каких-либо крепежей на высоких войлочных чулках, надетых на женщину в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3, и, может быть, защитные концы рукавов верхней одежды (Полосымак 2001: 136).

Наблюдения за предметами из конских захоронений позволяют расширить этот список. Порча и «недовложение» отдельных предметов конского снаряжения являются характерной особенностью погребального обряда памятников 2-й и 3-й хронологических групп (включая курган 1 Ак-Алаха-1

2

3

4

Рис. 17. Седла, аналогичные пазырыкским, из Китая и Турфана:

1 – терракотовая статуэтка из погребения ханьского полководца из Сиани, провинция Шанси, Северный Китай, II в. до н. э.; 2 – седло на терракотовой статуе из погребения императора Цинь Ши-Хуанди, 210 г. до н. э.; 3 – седло, могильник Субаши, Турфанский район, Синьцзян, IV–III вв. до н. э.; 4 – терракотовая статуя из погребения императора Цинь Ши-Хуанди, 210 г. до н. э.

1, 4 – Вайнштейн 1991: рис. 96: 2, 5; 2 – Imperial China 2000: кат. № 102; 3 – Ван Бинхуа 1993: 16.

Fig. 17. Saddles from China and Turfan similar to the Pazyryk examples:

1 – terracotta figurine from the burial of a Han military leader from Xian, Shenxi, North China, 2nd century BC; 2 – saddle of a terracotta statue from the tomb of the Qin emperor Shi Huangdi, 210 BC; 3 – saddle, cemetery of Subashi, Turfan region, Xinjiang, 4th–3rd century BC; 4 – terracotta statue from the tomb of the Qin emperor Shi Huangdi, 210 BC.

Drawings after: 1, 4 – Вайнштейн 1991: fig. 96: 2, 5; 2 – Imperial China 2000: cat. № 102; 3 – Ван Бинхуа (Binghua) 1993: 16.

и курган 1 Ак-Алахи-3).

В памятниках 1-й хронологической группы во 2-м Башадарском и 2-м Тузктинском курганах лошади были положены в могилы взнузданными и заподируженными. Отсутствие каких-либо деталей конского снаряжения не зафиксировано. В 1-м Тузктинском кургане седла и узды были положены отдельно, но, даже несмотря на утраты, связанные с ограблением и разрушением органических материалов, судя по сохранившимся остаткам седел, их детали представлены достаточно пропорционально, и можно предположить, что все седла имели в комплекте подпруги и подпружные пряжки.

В памятниках 2-й и 3-й групп обращает на себя

внимание отсутствие подпружных пряжек при большинстве седел. Всего они имеются примерно у 18 % седел во 2-й группе и менее чем у 10 % в 3-й группе. В тех курганах, где сохранились кожаные детали седел (в 1-м, 2-м, 3-м Пазырыкских курганах), можно констатировать также отсутствие подпруг при седлах. В 5-м Пазырыкском кургане, при очень хорошей сохранности седельных ремней, найдена всего одна подпруга, точнее, ее фрагмент, так как правый конец утрачен.

Именно отсутствием пряжек и подпруг при седлах обусловлен следующий зафиксированный в процессе раскопок факт: седла в курганах 2-й и 3-й групп обычно просто положены в конские захоро-

нения. Узды же в некоторых случаях клались вместе с седлами, в некоторых – *надвешивали на лошадей*. С. И. Руденко неоднократно подчеркивал, что *седла и узды в 1-м, 2-м, 3-м, 4-м и 5-м Пазырыкских курганах были положены поверх лошадей, возможно, тех, которым они предназначались* (Руденко 1953: 60). В 6-м Пазырыкском кургане одна лошадь была внизу, а чем свидетельствуют следы окислов меди на ее чешуйках, от седла же сохранились только кожаные детали, *пряжка отсутствовала*. В Караколе, по свидетельству С. В. Киселева, «на верхней лошади было найдено седло, не заседланное, но положенное поперек спины», в зубах этой лошади сохранились железные удила (Киселев 1935: 99). В кургане 1 Ак-Алахи-3 все шесть лошадей были вьюзланы. Зафиксированные на плане четыре седла, видимо, просто положены в погребение – одно седло находится под головой нижнего (шестого) коня, а другое, в западной части могилы, судя по положению дужек, лежит перпендикулярно костякам пятого и шестого коней и, частично, под их костями (Полосьмак 2001: табл. VI: в). Следует отметить, что в этом кургане при седлах не было нагрудников – единственный случай во всей выборке. Так как нагрудники – необходимые детали конского снаряжения при езде в горах, можно предположить, что факт их отсутствия не случаен, как и отсутствие подпруг.

В кургане 1 Ак-Алахи-1 узды (пять комплектов) были надеты на лошадей, а четыре седла, как можно видеть на плане, положены на их спины (Полосьмак 2001: табл. I: в). В этой могиле были оставлены две подпругие пряжки одночастных застёжек. К сожжению, локализация пряжек в погребении не указана, поэтому не ясно, оставались ли они при седлах или лежали отдельно. Еще две «узды», без удили и пасадисов, которые были «просто сложены рядом» (Полосьмак 2001: 48), скорее всего, являются нагрудниками, возможно, снятыми с седла и положенными отдельно, что затрудняет их интерпретацию.

Сохранившиеся в 1-м, 2-м, 5-м Пазырыкских курганах приструги свидетельствуют, что определенные действия выполнялись и с ними. При одном из седел с простыми покрышками из 2-го Пазырыкского кургана сохранился фрагмент поперечного ремня, закрепленного поверх покрышки, – левая приструга, которая была завязана двумя узлами, что исключает возможность ее нормального использования (рис. 18: 3). В 1-м Пазырыкском кургане при двух седлах сохранились обе приструги, которые, судя по всему, были связаны между собой ремнями и в таком виде положены на лошадей. Левые приструги этих седел представляли собой кожаные пегиди двухчастных застёжек, поэтому ремни были продеты в отверстия петель и завязаны узлами, которые в пазырыкских узлах обычно использовались для завязывания суголовных и подбородных ремней (рис. 18: 1–2). Концы правых приструг и правые концы ремней не сохранились, но, так как на кожаных узелковых застёжках правых приструг нет никаких следов чего-либо пристегнутого к ним, очевидно, концы приструг и ремней были именно связаны. В археологи-

ческой литературе, начиная с С. И. Руденко, господствует мнение, что ремни, которыми были связаны приструги, и есть подпруги этих седел. Однако, так как вышеописанные приструги совершенно аналогичны найденным в 1-м и 2-м Тузуктинских курганах, можно было бы ожидать и использование подпруг, подобных подпругам из этих курганов. Но ремни, использованные в 1-м Пазырыкском кургане для связывания приструг, по своим параметрам (ширина 2,5 см, толщина 0,2 см, плохая выделка – скорее всего, сыромятная кожа, сохранившиеся концы срезаны наискосок, отверстия отсутствуют) не имеют ничего общего с подпругами из 1-го, 2-го Тузуктинских, а также 5-го Пазырыкского кургана (ширина 5,5–6,0 см, толщина 0,4 см, отличная выделка – вероятно, дубленая кожа, иначе оформлены окончания – рис. 10, 11), а описанный узел не может быть использован в качестве подпруговой застёжки.³²

Вопрос преобладающей точки зрения о являющемся широком распространении в пазырыкское время «привязыванию» подпруг к седлам, следует подчеркнуть принципиальную невозможность использования вязаных узлов в качестве подпруговых застёжек (по крайней мере, в широкой практике). Помимо сложности выполнения любого узла при затянута подпруге (в момент подтягивания под нее не подсунуть пальцы или конец ремня) необходимо иметь в виду, что все лошади сопритягиваются подтягиванию подпруги пассивно («наддуваются»), а многие и активно – отходят, кусаются и лягаются, тем более это относится к полудиким табуныным лошадям. В момент подтягивания подпруги одна рука всадника всегда задействована на удержании лошади за повод, переброшенный на ее шею, и подтягивание подпруги желательно производить быстро и одной рукой. Поэтому подпругие пряжки и появились одновременно с седлами.

В 5-м Пазырыкском кургане приструги не завязывались и не связывались, но у всех приструг концы отсутствуют ниже места крепления нагрудников, приблизительно на уровне щитовидных подвесок. Подвески к пристругам были у трех седел – деревянные без отверстий (один комплект) и из толстой кожи с маленькими декоративными отверстиями (два комплекта). На рисунке сохранившегося лучше всего седла с кожаными подвесками к пристругам (Руденко 1953: рис. 99) видно, что с такими пристругами седло закрепить на спине лошади невозможно. Рисунок представляет собой реконструкцию, с которой можно согласиться, за одним исключением. Сохранившийся конец левой приструги у этого седла гораздо длиннее. Он выходит за пределы подвески (которая сильно фрагментирована и находится отдельно от седла, но ее местоположение надежно фиксируется по сквозному отверстию на приструге) и срезан наискосок. Когда-то к нему крепились пряжка одночастной застёжки (рис. 11: 1). Как выглядел конец правой приструги, можно только предполагать – сейчас он лишь немного выступает за край подвески. Возможно, на нем были размещены деревянные палочки-застёжки. На каждую лошадь приходилось по две такие палочки,

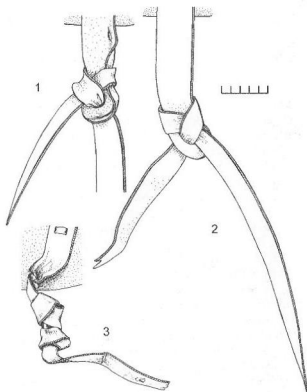

Рис. 18. Узлы на седельных ремнях из курганов пазырыкской культуры: 1–2 – Пазырык, курган 1; 3 – Пазырык, курган 2.
1–3 – кожа.
1–3 – рисунки автора.

Fig. 18. Knots on saddle straps from kurgans of the Pazyryk culture: 1–2 – Pazyryk, kurgan 1; 3 – Pazyryk, kurgan 2.
1–3 – leather.
1–3 – drawing by the author.

но в настоящее время они ни к каким ремням не прикреплены. Вероятно, застежки были срезаны с правых приструг и оставлены в погребении.

К числу свидетельств порчи конского снаряжения можно отнести также обрезание поводьев и чумбуров у всех узд верховых лошадей из 5-го Пазырыкского кургана.

Датировка памятников пазырыкской культуры на основе хронологических групп конского снаряжения.

Выделенные на основе анализа конского снаряжения хронологические группы позволяют датировать памятники в рамках культуры. К сожалению, возможности применения данного метода существенно ограничены сохранностью органических материалов и полнотой комплектов конского снаряжения. Как правило, в рядовых курганах от седел фиксируется преимущественно тлен, а от узд – обломки железных удила.

Дополнительную сложность составляет то, что многие элементы конского снаряжения не являются специфическими и представлены в памятниках всех трех групп (костяные пряжки от комбинированного варианта двухчастных застежек, колючатые железные удила, S-видные деревянные псалии с головками животных на окончаниях, простые костяные и кожаные чумбурные блоки, круглые налобные бляхи, деревянные имитации кабаньих клыков).

Однако отдельные детали фурнитуры и декора могут служить надежными хронологическими индикаторами, даже если в погребении сохранились только они. Для 1-й группы датировочными предметами являются бронзовые и костяные комплекты двухчастных застежек, бронзовые чумбурные блоки (при отсутствии в памятниках раннескифской фурнитуры и элементов декора узд и нагрудников!), бронзовые пряжки одночастных застежек, бронзовые псалии с фигурными окончаниями, наборы блях от покрывшек: S-видных, круглых, серповидных и в виде «заячьей». Для 2-й группы датировочными являются: костяные пряжки одночастных застежек (или их отсутствие в комплексах с хорошей сохранностью) в сочетании с подвесками узд и нагрудников, ворворками, декор развилоч-«рогаatok». Отличительными особенностями 3-й группы являются псалии (прямые с окончаниями в виде геометрических фигур и S-видные с лопастями), сложные чумбурные блоки, плоские костяные дужки упоров, седельные распорки, щитовидные подвески, накладки на упоры (арковидные, линзовидные и трапециевидные с отверстиями), накладки на приструги и подхвостники.

Рассмотрим возможности датирования по хронологическим группам конского снаряжения на нескольких примерах.

1-я хронологическая группа. Датирование памятников 1-й группы связано с наибольшими сложностями, так как такой сохранности и такого набора элементов фурнитуры и декора, как в эталонных памятниках, в других известных мне курганах нет. С определенной долей вероятности к 1-й группе могут быть отнесены такие, например, рядовые погребения, как Катанда, курган 2 и Уландрык I, курганы 14 и 15.

В кургане 2 могильника Катанда у единственного коня (захороненного в северной части могильной ямы головой на восток) от седла сохранился роговой комплект «петля-пряжка», а от узды – железные удила и простой роговой блок с круглой рамкой и скобой с ушками (Руденко 1960: табл. XXII: 11, 14, 15). Псалии, очевидно, были деревянными (дерево в кургане не сохранилось). Роговой комплект «петля-пряжка» позволяет отнести этот памятник к 1-й хронологической группе.

Курганы 14 и 15 могильника Уландрык I расположены несколько обособленно в северо-восточной

³² Узлы, используемые в качестве уздечных застежек, выполняются на незапятнутых ремнях. Суголовные ремни после подгонки узды к конкретной лошади более не развязываются, а при подгонке их натяжение позволяет легко подпнуть под них пальцы и даже ладонь. Подбородный ремешок вообще никогда не затягивается – между ним и ганашиами должен свободно проходить кулак или хотя бы ладонь. Интересно, что узлы, аналогичные пазырыкским, используются до сих пор для завязывания подбородных ремней, например, у тувинов.

части могильника.³³ В неграбленном кургане 15 в северо-восточной части ямы головой на юго-восток захоронена одна лошадь. В ее целостях сохранился обломок (одно звено) кольчатых бронзовых удиц с фрагментом повода и обломком деревянного двухдырчатого псаля, а под ребрами – костяная петля двучастной застежки с двумя удлиненно-овальными отверстиями, аналогичная петлям, происходящим из нижнего слоя конского захоронения 2-го Башадарского кургана (Кубарев 1987: 166, табл. XXXIV: 1, 4). Деревянные украшения узды и нагрудника представлены небольшими фрагментами с мотивами асимметричного листка, один из приведенных в публикации обломков, возможно, является окончанием псаля (Кубарев 1987: табл. XXXIV: 2). Украшением нагрудника, скорее всего, являются также три деревянные подвески в виде кабаньих клыков, найденные под ребрами лошади.

В кургане 14 в северо-западной части ямы, головой на северо-восток, были захоронены две лошади. Погребение потревожено, черепа отделены от костяков и сильно смещены. У нижней лошади в целостях сохранились кольчатые бронзовые удила с двухдырчатыми деревянными псалями в виде плоской дощечки, немного выгнутой и слегка расширяющейся к закругленным краям. Для крепления псаля к оголовью на его обороте вырезана прямоугольная петля с двумя отверстиями (Кубарев 1987: табл. XXXII: 2, 3). Подпругные пряжки не сохранились. Украшения узды и нагрудника нижнего коня представлены деревянными подвесками с сильно стилизованными противопоставленными головками грифов(?) и прямоугольными планками в основании (Кубарев 1987: табл. XXXII: 4). Для маркировки и украшения места застежки подбородных ремней, возможно, был использован деревянный «кабаний клык» (Кубарев 1987: табл. XXXI, XXXII: 1). Принадлежность конского снаряжения кургана 14 к I-й хронологической группе не так очевидна, и его следует отнести скорее к I–2-й группам.

В. Д. Кубарев относит курганы 14 и 15 могильника Уландрык I к третьему (шибинскому) периоду пазырыкской культуры и датирует II–I вв. до н. э. без какого-либо обоснования, кроме указания на их *изолированное расположение* (Кубарев 1987: 132). По особенностям конского снаряжения IV памятника должны быть датированы не позднее I в. до н. э.

2-я хронологическая группа. К этой группе может быть отнесен курган 3 могильника Узунтал III. В конском захоронении этого кургана в северной части могильной ямы помимо железных кольчатых удиц найдены костяные шитовидные подвески к упорам с тремя круглыми крепежными отверстиями в верхней узкой части подвески и тремя декоративными каплевидными отверстиями в широкой части (Савинов 1978: рис. 1: 3, 4). По материалу и оформлению они очень близки костяным шитовидным подвескам к упорам из 2-го Пазырыкского кургана

с тремя декоративными каплевидными отверстиями, и, так же как в данном кургане, в кургане 3 могильника Узунтал III при седлах не было подвесок к поперечным ремням и пристругам, характерных для 3-й хронологической группы. Подпругные пряжки в кургане 3 не обнаружены. Таким образом, курган 3 могильника Узунтал III, как и 2-й Пазырыкский курган, по особенностям конского снаряжения и погребального обряда должен быть отнесен к переходным памятникам от 2-й к 3-й группе и может быть датирован рубежом IV–III вв. до н. э., а не II–I вв. до н. э., как предложено в публикации (Савинов 1978: 53).

Курган 5 могильника Узунтал III по двум костяным пряжкам одночастных застежек (Савинов 1978: рис. 1: 1, 2), в сочетании с железными кольчатыми удилами, может быть отнесен к памятникам 2–3-й хронологических групп в рамках пазырыкской культуры и датирован в пределах IV–III вв. до н. э. (для получения более узкой даты необходим анализ основного инвентаря, что выходит за рамки данной статьи).

Полнотой конского набора и хорошей сохранностью дерева и кости отличается неграбленный курган 2 могильника Уландрык IV (Кубарев 1987: 186–187, табл. LXXI). В кургане захоронены три коня (в северной части ямы головой на восток). Все кони внизу даны железными кольчатыми удилами. Псалям деревянные, S-видные, от одного комплекта – фрагменты, псалям из другого комплекта имеет одно окончание в виде головы грифа, второй конец обломан (?). Особенно интересен хорошо сохранившийся псалям из третьего комплекта (Кубарев 1987: табл. LXXII: 9, 7). На один его конец помещена голова грифа, на другой – голова рогатого хищника, то есть композиционно он аналогичен псалям из 3-го Пазырыкского кургана, с головой грифа на одном конце и рогатого тигра на другом. Седла, видимо, были у всех коней, но подпругная пряжка зафиксирована только одна, у верхнего коня. Пряжка костяная от двучастной застежки, подпрямоугольная, с закругленными углами, рамочная, с дополнительным овальным отверстием для крепежного ремешка и «ушками» в верхней части (Кубарев 1987: табл. LXXIII: 13). Сохранились два комплекта деревянных дужек, массивных, с треугольным внутренним вырезом. Декор узд и нагрудников представлен подвесками в виде стилизованных парных головок грифов с прямоугольными планками в основании, прямоугольными дощечками, в том числе с поперечными дольками, деревянными развилками-«рогатками» с поперечной штриховкой (один комплект), а также деревянными имитациями кабаньих клыков (Кубарев 1987: табл. LXXII: 1–4, 5, 8, 10–11). В целом фурнитура и декор седел и узд характерны для 2-й хронологической группы. Отсутствие подпругных пряжек у двух седел типично для погребального обряда 2–3-й групп. Наличие в погребении одного комплекта псалям с композицией, зафиксированной в эталонном памятнике 3-й группы, позволяет отнести курган 2 могильника Уландрык IV к позднему

³³ К ним примыкает курган 13 с погребением ребенка без конского захоронения.

комплексам 2-й группы. Датировка, предложенная для памятника В. Д. Кубаревым – III в. до н. э., может быть сужена до рубежа IV–III вв. до н. э. – начала III в. до н. э. *Находка в кургане пряжки двучастной застежки* подтверждает высказанное выше предположение о сохранении *комбинированной разовидности* двухчастных застежек в памятниках 2-й хронологической группы.

Характерным памятником 2-й хронологической группы является курган 11 могильника Берель. По данным дендрохронологического датирования, он близок по времени создания 2-му Пазырыкскому кургану – 294 г. до н. э. (Samašev, Bazarbaeva, Žumarbekova 2002: 268) или одновременен ему (Слюсаренко 2000). *Вещевой комплекс* конского захоронения подтверждает наблюдения, сделанные для эталонных памятников 2-й группы.

В кургане было захоронено 13 лошадей (в северной части могильной ямы, головой на восток, в два слоя). Погребение не было ограблено, органические материалы сохранились достаточно хорошо, однако подпругиные пряжки отсутствуют. Как видно по реконструкции, все юзи были втузданы, седла находились на стинах лошадей (Samašev, Bazarbaeva, Žumarbekova 2002: Abb. 27). Покрышки преимущественно не орнаментированные, с ровным краем или *кожаной бахромой*, одна с сюжетной аппликацией. Все опубликованные псални (шесть комплектов) деревянные S-видные с фигурными окончаниями, два из них с головами грифов, еще два – с головами фантастических рогатых хищников, по одному – с головами лосей и с пальметками (Samašev, Bazarbaeva, Žumarbekova 2002: Abb. 22, 25: 4). *Чумбурные блоки* не отмечены. Часть подвесок узд и нагрудников (не менее шести комплектов) имеет продолговатые палки в основании, в том числе с поперечными дольками, два комплекта имеют в основании головку кошачьих хищников и подвеску в виде пальметки или композицию из трех головок грифов (Samašev, Bazarbaeva, Žumarbekova 2002: Abb. 19: 1, 5; 20: 2–4; Abb. 23: 1, 3; 25: 1–3). Бляхи с головой оленя в пасти грифа (грифов) сюжетно *близки удечным и седельным* подвескам из 1-го Пазырыкского кургана с головой барана в пасти хищника (хищников). Оригинален декор *деревянных развилок «рогаток»* – один комплект с фигурами лежащих на вилках лосей, рога которых соединяются в основании рогатки, и один комплект с аналогично расположенными фигурами рогатых хищников (Samašev, Bazarbaeva, Žumarbekova 2002: Abb. 21: 1, 2; 4). Фигурные развилки «рогатки», как было отмечено выше, характерны более для 3-й группы, но *появляются* еще в конце 2-й группы (сдвоенные головки сайгаков на одном комплекте «рогаток» из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3). Еще один комплект *деревянных развилок «рогаток»* со встречными завитками (Самашев и др. 2004: рис. 18: а-д) по оформлению близок развилкам из 1-го Пазырыкского кургана (рис. 15: 28). Фигурная *налобная бляха* в виде головы кошачьего хищника в фас с примыкающей к ней снизу раздвоенной фигурой кошачьего хищника (Samašev, Bazarbaeva, Žumarbekova 2002: Abb. 23: 4) композиционно близка на-

лобной бляхе из 2-го Пазырыкского кургана в виде головы рогатого хищника с примыкающей к ней снизу раздвоенной фигурой гуся (Руденко 1953: табл. С).

Ко времени создания 11-го кургана близки и другие курганы берельского могильника, например 34 и 36. В кургане 34 в конском захоронении найдены костяная пряжка одночастной застежки (рис. 9: 10) и железные удила, то есть он может быть отнесен к памятникам 2–3-й хронологических групп. А в кургане 36 in situ найден прекрасной сохранности костяной комплект из 66 предметов: S-видные *двудырчатые псални* с окончаниями в виде головок грифонов, развилки «рогатки» с щечуйчатым орнаментом, *подвески к узду* и нагруднику в виде шарных головок грифонов с прямоугольной планкой в основании, при этом следует отметить, что *подпругиная пряжка* отсутствовала (Самашев, Бородинский 2004: рис. 1–7, 11). По особенностям декора изделий и погребального обряда данный курган можно уверенно отнести ко 2-й хронологической группе.

3-я хронологическая группа. К 3-й группе, без сомнения, относится 1-й Башадарский курган. В нем было захоронено 10 лошадей (в северной части могильной ямы). Погребение, возможно, *неграбленное*, но сохранность органических материалов очень плохая: «*исстели* не только изделия из дерева и менее стойких материалов, но и скелеты захороненных человека и лошадей» (Руденко 1960: 28). В результате обрушения перекрытия погребальной камеры и оползания стенок могильной ямы лошадиные кости оказались смещены, и часть их попала в погребальную камеру и даже была вдавнена в дно саркофага-колоды (Руденко 1960: 29). Удила не сохранились. От одного *псалня (?)* уцелел небольшой и довольно невыразительный фрагмент (Руденко 1960: рис. 18: 2), подпругиные пряжки не зафиксированы. Однако сохранившиеся обломки *деревянных шитовидных подвесок* и покрывавших их накладок из золотого листка (Руденко 1960: рис. 20: а, б, д) позволяют уверенно датировать 1-й Башадарский курган в рамках 3-й хронологической группы. Судя по количеству золотых накладок, таких подвесок было не менее 19 экземпляров, предположительно от двух седел (подвески к упорам, к поперечным ремням, к пристругам и к подхвостникам). Декор узд и нагрудников, представленный *деревянными, обтянутыми золотым листком, круглыми бляхами* диаметром 8–10 см с валиком по краю и выпуклостью в центре (не менее восьми экземпляров), *круглыми выпуклыми бляхами* диаметром около 3 см (не менее шести экземпляров), *круглыми налобными бляхами* с валиком по краю диаметром 14–17 см (три экземпляра) и *треугольной бляхой* с валиком по краю, также соответствует декору 3-й группы.

К 3-й группе следует отнести также вещи из курганов «близ р. Алеи» и «близ р. Катуня» из коллекции П. К. Фролова, хранящейся в Государственном Эрмитаже. Все они имеют функциональные, сюжетные и стилистические аналогии в 3-м, 4-м, 5-м Пазырыкских курганах и Шибе, детально рассмотренные Л. Л. Барковой (Баркова 2003: 16–18). Из кургана «близ р. Алеи» происходят две роговые шитовидные

седельные подвески – характерные детали декора седла 3-й группы. Один экземпляр – подвеска к поперечному седловому ремню, с тремя сквозными отверстиями по верхнему краю для крепления к ремню и небольшим каплевидным отверстием в центре. На *лицевой стороне подвески вырезаны две сопоставленные головки лошадей*. Второй экземпляр – подвеска к переднему упору с продолговатым отверстием для крепежного ремешка в верхней части и с сердцевидным декоративным отверстием в центре. На *лицевой стороне подвески вырезаны две геральдически сопоставленные головки сайгаков* (Баркова 2003: рис. ж, з). Из кургана «близ р. Катунь» происходят пять декоративных деталей конского снаряжения: *круглая налобная бляха с изображением в центре морды кошачьего хищника в фас, две бляхи с изображением головок тигров в профиль и скульптурная головка тигра со сквозным овальным отверстием (украшения узд или нагрудников)*. Но особенно интересна накладка на лисевую сторону упора (20,5 × 11,8 см) линзовидной формы, с изображением лоса с поджатыми передними и задними чоггами. По осевой линии, ближе к нижнему краю пластины, имеется круглое отверстие для шитовидной подвески (Баркова 2003: рис. 3), как у линзовидных накладок на уборы из 5-го Пазырыкского кургана и у трапеци-

евидной накладки из 3-го Пазырыкского кургана. Данный признак является датирующим для накладок на уборы, и, наряду со стилистическими и сюжетными аналогиями элементов декора, позволяет отнести этот памятник к 3-й группе.

Выводы. Время бытования конского снаряжения, характерного для эталонных памятников пазырыкской культуры, с учетом результатов дендрохронологического и радиоуглеродного датирования, а также отмеченных аналогий, может быть ограничено периодом V–III вв. до н. э. На основании общности фурнитуры и декора в пределах культуры выделены три группы конского снаряжения, которые могут быть предварительно датированы:

1-я группа – V (вторая половина V) – начало (первая половина) IV в. до н. э.

2-я группа – вторая половина IV – начало III в. до н. э.

3-я группа – вторая четверть – конец III в. до н. э. Выявленные закономерности изменения конского снаряжения позволяют точнее датировать погребальные памятники пазырыкской культуры. Предпочтительным является датирование по комплексам признаков, однако отдельные детали фурнитуры и декора могут служить самостоятельными хронологическими индикаторами.

Алексеев 2003 – Алексеев А. Ю. Хронография европейской Скифии. СПб., 2003.
 Амброз 1973 – Амброз А. К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // СА. 1973. № 4. С. 81–98.
 Амударынский клад 1979 – Амударынский клад: Каталог выставки. Л., 1979.
 Аржан 2004 – Аржан. Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб., 2004.
 Арсланова 1981 – Арсланова Ф. Х. Случайная находка бронзовых вещей в Семипалатинском Прииртышье // КСИА. 1981. Вып. 167. С. 54–58.
 Баркова 1979 – Баркова Л. Л. Погребение коней в кургане Шибле // АСГЭ. Л., 1979. Вып. 20. С. 55–65.
 Баркова 2003 – Баркова Л. Л. Предметы зернистого стиля из коллекции П. К. Фролова // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2003. Кн. 2. С. 14–19.
 Бобринский 1914 – Бобринский А. А. Отчет о раскопках в Кисловской губернии в 1912 году // ИАК. Пг., 1914. Вып. 54. С. 97–108.
 БТСРЯ 1998 – Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.
 Вайнштейн 1972 – Вайнштейн С. И. Историческая этнография туванцев. М., 1972.
 Вайнштейн 1991 – Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991.
 Валиак 2004 – Валиак С. Б. Конская упряжь Приаралья и юга Восточной Европы: скелетно и отличия // Археологические памятники раннего железного века юга России. М., 2004. С. 32–56.
 Ван Бинхуа 1993 – Ван Бинхуа. Субойские находки // Китай. 1993. № 3. С. 15–18.
 Васильев, Слюсаренко, Чугунов 2003 – Васильев С. С., Слюсаренко И. Ю., Чугунов К. В. Актуальные вопросы хронологии скифского времени Саяно-Алтая // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2003. Кн. 2. С. 24–27.
 Вишнякская 1973 – Вишнякская О. А. Культура саянских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. (По материалам Уйгарака). М., 1973.

Гуревич, Роголев 1991 – Гуревич Л. Я., Роголев Г. Т. Словарь-справочник по коневодству и конному спорту. М., 1991.
 Давыдова 1995 – Давыдова А. В. Иволгинское городище // Иволгинский археологический комплекс. Т. 1 / Археологические памятники сioniу. СПб., 1995. Вып. 1.
 Давыдова 1996 – Давыдова А. В. Иволгинский могильник // Иволгинский археологический комплекс. Т. 2 / Археологические памятники сioniу. СПб., 1996. Вып. 2.
 Дебен-Франкфор 2002 – Дебен-Франкфор К. Древний Китай. М., 2002.
 Древнее золото 1983 – Древнее золото Казахстана. Алма-Ата, 1983.
 Золотые олени Евразии 2002 – Золотые олени Евразии. СПб., 2002.
 Иванчик 2001 – Иванчик А. И. Киммерийцы и скифы (Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени) // Степные народы Евразии. М., 2001. Т. 2.
 Изьянская, Тереножкин 1983 – Изьянская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983.
 Итина, Яблонский 1997 – Итина М. А., Яблонский Л. Т. Саки нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южной Татгискен). М., 1997.
 Киришин, Степанова 2004 – Киришин Ю. Ф., Степанова Н. Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть 3 // Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул, 2004.
 Киришин, Степанова, Тишкин 2003 – Киришин Ю. Ф., Степанова Н. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 2. Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003.
 Киришин, Тишкин 1997 – Киришин Ю. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1 // Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997.
 Киселев 1935 – Киселев С. В. Из работ Алтайской экспедиции Государственного Исторического музея в 1934 г. // СЭ. 1935. № 1. С. 97–106.
 Киселев 1951 – Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

- Кубарев 1987 – *Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка*. Новосибирск, 1987.
- Кубарев 1992 – *Кубарев В. Д. Курганы Сайлюгема*. Новосибирск, 1992.
- Лукиян 1977 – *Лукиян В. Г. Искусство древнего Ирана*. М., 1977.
- Манделштам 1992 – *Манделштам А. М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степи Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР М., 1992. С. 178–195.*
- Маргулан, Акчиев, Кадырбаев, Оразбаев 1966 – *Маргулан А. Х., Акчиев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана*. Алма-Ата, 1966.
- Марсадолов 1988 – *Марсадолов Л. С. Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тмс. до н. э. // АСГЭ. 1988. Вып. 29. С. 65–81.*
- Марсадолов 1997 – *Марсадолов Л. С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Тазда)*. СПб., 1997.
- Марсадолов 1998 – *Марсадолов Л. С. Основные тенденции в изменении форм узда, псалды и пражек коня на Алтае в VIII–V вв. до н. э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье: Сб. научных трудов. Барнаул, 1998. С. 5–24.*
- Марсадолов 2003 – *Марсадолов Л. С. Еще раз о последовательности сооружения пазырыкских и бертегских курганов // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2003. Кн. 2. С. 93–103.*
- Мельникова 1979 – *Мельникова А. И. Скифия и фракийский мир*. М., 1979.
- Мельникова 1989 – *Мельникова А. И. Оружие, конское снаряжение, повозки, наконечники // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР. М., 1989. С. 92–99.*
- Миняев 1998 – *Миняев С. С. Дырестуйский могильник // Археологические памятники союзу. СПб., 1998. Вып. 3.*
- Могильников 1992 – *Могильников В. А. Саргастская культура // Степи Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР. М., 1992. С. 292–311.*
- Палинко 1996 – *Палинко В. Н. Старая Инесса. Здание с квадратным залом*. М., 1996.
- Плетнева 2003 – *Плетнева Л. М. Предметы конской упряжи раннескифского времени из Томского Приобья // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2003. Кн. 2. С. 127–130.*
- Полосмак 1994 – *Полосмак И. В. Стерегущие золотого грифы (ак-алахские курганы)*. Новосибирск, 1994.
- Полосмак 2001 – *Полосмак И. В. Всадники Уюка*. Новосибирск, 2001.
- Руденко 1953 – *Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время*. М.; Л., 1953.
- Руденко 1960 – *Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время*. М.; Л., 1960.
- Руденко 1962 – *Руденко С. И. Культура кизинов и нонупулинские курганы*. М.; Л., 1962.
- Савитов 1978 – *Савитов Д. Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // Ранние кочевники / КСИА. М., 1978. Вып. 154. С. 48–55.*
- Самашев, Бороловский 2004 – *Самашев З. С., Бороловский А. П. Ротовые украшения конской узда и упряжи из берельского некрополя // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 3. С. 82–86.*
- Самашев и др. 2004 – *Самашев З., Аметкаева Р., Алытбеков К. Консервация и реставрация деградированной древесины берельского кургана № 11. Алматы, 2004.*
- Система научного описания... 2003 – *Система научного описания музейного предмета (Классификация. Методика. Терминология)*. Саратовск. СПб., 2003.
- Слюсаренко 2000 – *Слюсаренко И. Ю. Дендрохронологический анализ дерева из памятников пазырыкской культуры Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2000. № 4. С. 122–130.*
- Степанова 2003 – *Степанова Е. В. Скифские мягкие седла: вопросы терминологии // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2003. Кн. 2. С. 151–154.*
- Степанова 2005 – *Степанова Е. В. Эволюция подпружных застеек по материалам курганов Алтая скифского времени // Снаряжение кочевников Евразии: Сб. научных трудов. Барнаул, 2005. С. 109–115.*
- Степанова, Хаврин 2005 – *Степанова И. Ф., Хаврин С. В. О хронологических особенностях инвентаря из погребальных комплексов скифского времени средней Катунь // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры Новосибирск, 2005. Т. 2. С. 155–163.*
- Тасмаганбетов 2003 – *Тасмаганбетов И. Кентавры Великой степи. Живописная культура древних кочевников*. Алматы, 2003.
- Уманский, Шамшин, Шульга 2005 – *Уманский А. П., Шамшин А. Б., Шульга П. И. Могильник скифского времени Рогозика-1 на левобережье Оби*. Барнаул, 2005.
- Уманский, Шульга 2005 – *Уманский А. П., Шульга П. И. Поясные пряжки-застежки скифского времени на Алтае // Снаряжение кочевников Евразии: Сб. научных трудов. Барнаул, 2005. С. 176–182.*
- Хаврин 2003 – *Хаврин С. В. Металл скифских памятников Тувы и кургана Аджан // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2003. Кн. 2. С. 171–173.*
- Хаврин 2005 – *Хаврин С. В. Спектральный анализ бронзовых изделий скифского времени Саяно-Алтая и проблемы хронологии тагарской культуры // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005. С. 96–98.*
- Членова 1992 – *Членова Н. Л. Тагарская культура // Степи Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР М., 1992. С. 206–223.*
- Шамшин, Чекрыжова 2003 – *Шамшин А. Б., Чекрыжова О. И. Предметы древнего искусства из окрестности села Фиреево // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2003. Кн. 2. С. 184–187.*
- Шрамко 1987 – *Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон)*. Киев, 1987.
- Шульга 1998 – *Шульга П. И. Раннескифская упряжь VIII–VI вв. до н. э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 25–49.*
- Шульга 2003 – *Шульга П. И. Снаряжение лошади по материалам раннескифского могильника Гилево-10 // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Сб. научных трудов. Барнаул, 2003. Кн. 1. С. 395–400.*
- Шульга, Шульга 2004 – *Шульга П. И., Шульга Н. Ф. Новые находки раннескифских срубных наборов на Алтае и вопрос о назимении «налобных» блях // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Головой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2004 г. Новосибирск, 2004. Т. 10, ч. 1. С. 451–455.*
- Яблонский 1996 – *Яблонский Л. Т. Сакхи Южного Приаралья (археология и антропология могильников)*. М., 1996.
- Ancient gold 1998 – *Ancient gold: the wealth of the Thracians*. New York, 1998.
- Bunker 1991 – *Bunker E. C. The Chinese artifacts among the Pazyryk finds // SOURCE: Notes in the History of Art. New York, 1991. Vol. 10. N 4. S. 20–24.*
- Bunker et al. 1997 – *Bunker E. C., Kawami T. S., Linduff K. M., Wu En. Ancient bronzes of the Eastern Eurasian Steppes from the Arthur M. Sackler Collections*. New York, 1997.
- Gall 1990 – *Gall H. von. Das Reiterkampfbild in der iranischen und iranisch beeinflussten Kunst parthischer und sasanidischer Zeit*. Berlin, 1990.
- Ghirshman 1964 – *Ghirshman R. The Art of Ancient Iran*. New York, 1964.
- Grueber 1910 – *Grueber H. A. Coins of the Roman republic in the British Museum, Vol. 2. Coinages of Rome (Continued). Roman campania, Italy, the Social war and the provinces*. London, 1910.
- Imperial China 2000 – *Imperial China. The Art of Horse in Chinese History. Exhibition Catalog*. Lexington, 2000.
- Kohalmi 1968 – *Kohalmi R. U. Two Saddle Finds from Western Mongolia // AAN. 1968. T. 20. F. 1–4.*
- Mounted Nomads 1997 – *Mounted Nomads of Asian Steppes. Chinese Northern bronzes*. Tokyo, 1997.
- Petrenko 1994 – *Petrenko Vlad. G. On the Interpretation of Early Scythian Sites in Central Sissaucasia // The Archaeology of*

- the Steppes. Methods and Strategies. Napoli, 1994, P. 347-356.
- Oëir-Gorjaeva 2005 – *Oëir-Gorjaeva M. A. Pferdegeschirr aus Chösoutovo: Skythischer Tierstill an der Unteren Wolga / Archäologie in Eurasien. Mainz, 2005. Bd 19.*
- Samalëv, Bazarbaeva, Zumarbekova 2002 – *Samalëv Z. S., Bazarbaeva G. A., Zumarbekova G. S. Die «gold hutenden*

- Greife» des Herodot und die archäologische Kultur der frühen Nomaden im kazachischen Altai. Skythenzeitliche Kurgane von Berel und Tar Asu // *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Berlin, 2002. Bd 8. S. 237-276.*
- Scythian art 1986 – *Scythian art. The legacy of the scythian world: mid-7th to 3rd century B.C. Leningrad, 1986.*

EVOLUTION OF HORSE GEAR AND THE RELATIVE CHRONOLOGY OF SITES OF THE PAZYRYK CULTURE

E. V. STEPANOVA

This paper presents an analysis of assemblages of horse gear from typical kurgans of the Pazyryk culture. The sampling examined included finds from 14 barrows at six burial grounds (table 1). These burials contained 129 horse skeletons; also parts of at least 85 saddles and 112 bridles were preserved. The sampling was based on 9 barrows with dendrochronological dates available for comparison. One of the kurgans (Pazyryk, barrow 2) was radiocarbon dated to a narrow range of 290–300 BC. In order to extend the sampling, considered were also finds from the barrows regarded by most of the researchers as the earlier (Bashadar, barrow 2, Tuekta, barrow 2) and younger (Shibe, Karakol) monuments of the Pazyryk culture. In addition, taken into consideration was the 6th Pazyryk kurgan dated by a mirror of the «Qin» type found in it to a period not earlier than 311 BC. The sites enumerated above are noted for the fine preservation of the organics enabling us to interpret reliably separate parts of the horse trappings. Moreover, they yielded fairly extensive typological series of the elements of gear which at ordinary sites are commonly represented only by single items. These facts allow us to regard the mentioned sites as the standard ones. Examination of the complexes of horse gear from these standard kurgans has enabled us to divide the latter into three chronological groups differing in the furnishings, bridle and saddle decorations, as well as in the funerary rite of the horse burials (tables 2–7; figs. 4–7, 9–16, 18).

Features of the 1st chronological group.

1. Rich amounts of bronze furnishings and ornamental parts (table 2).

2. Two-piece saddle-girth fastenings are the typical saddle furnishings. These fastenings consist of a loop used as a pulley and buckles with a fixed bar bent inwards. They are represented by three varieties (figs 4–7; 12: 1–3; table 3). The «bronze loop-buckle» and «bone loop-buckle» variants have been found only among group 1. Recorded exclusively in group 1 have been also bronze saddle-girth buckles with the bar bent outwards (used as the pulleys were the frames of the buckles) (figs. 4: 1; 7: 1).

3. Characteristic of the horse burials is the presence of complete saddle sets including the saddle-girths with buckles.

4. The ornaments of the bridles and breast-plates are characterized by large wooden pendants in the form of asymmetrical leaves, palmettes, griffin heads, feline beasts of prey and elks. The base of the pendants is shaped like a circle or an elongated plank. The terminals of the cheek-pieces were decorated with the same motifs as the pendants.

5. Saddles typically had decorative coverings with flame-like edge, bladed pendants, felt «medallions» on semicircular projections in the front and rear parts of the cushions, bunches of straps with pendants in the rear of the saddle, sets of plates (S-shaped, sickle-shaped, circular, shaped like commas or four-petalled rosettes).

Bronze two-piece girth fastenings and side-rein blocks from kurgans of group 1 have parallels at sites of the Early Scythian period (figs. 1, 2, 14: 1–5). Most of the analogues (bronze and bone two-piece girth fastenings (fig. 3), bronze and iron bits with circular terminals, bronze pendants with asymmetrical leaves) come from sites of the end of the Early Scythian period in the Altai or nearby regions. At present these sites are dated to the second half of the 6th – beginning of the 5th century BC. However, furnishings from there included in addition three-hole cheek-pieces, bronze and bone strap-dividers and bronze fastenings of the throatlashes which in the 1st chronological group are already absent. Ornaments of the horse gear of group 1 reflect the evolution of only some of the elements represented at transitional sites (iron cramps and tablets with transversal cylinders plated with gold – imitations of the bronze spacer-rings and wooden comma-shaped plates-clasps). The S-shaped cheek-pieces with zoomorphic terminals from kurgans of group 1 have parallels at sites of the northern Black Sea area of the 5th century BC.

Features of the 2nd chronological group.

1. The use of bronze was limited to making bronze bits (about 8% of the sample).

2. Saddle-girth fastenings were mostly of bone with an outturned bar, however the combination type of two-

piece fastenings with leather loops also continued in use (figs. 9; 12: 3, 4; 18: 1–2).

3. Most of the saddles from the burials have no girth fastenings (table 3).

4. In the decorations of the bridles and saddles, elements of the ornamentation both of groups 1 and 3 are combined suggesting the transitional character of the sites of group 2 (figs. 15, 16; tables 5–7).

The horse gear of the 2nd group lacks the elements of furnishings rooted back to the Early Scythian period. The replacement of the type of two-piece girth fastenings with the one-piece examples gives us a possibility to synchronize the sites of group 2 with those situated in other regions of the Eurasian steppes of the 4th century BC (fig. 8).

Features of the 3rd chronological group.

1. The furnishings are close to those of group 2 in a number of characteristics: the limited use of bronze (bits, rods of the cheek-pieces, certain small parts of the ornaments), predominant use of one-piece bone girth fastenings, preservation of the variant of two-piece fastenings with leather loops (strengthened with bone mounts – fig. 13), and the absence of fastenings on most of the saddles buried (figs. 9, 11, 5, 16; tables 2–7).

2. Saddle bracings and complicated side-rein blocks (fig. 14: 9–16) are found only at sites of this group.

3. Of the decoration of bridles and breast-plates characteristic are figured wooden plates while pendants were not used.

4. The main elements of the decoration of saddles were shield-like pendants and arched or lens-shaped

mounts on the semicircular projections on the front and rear of the cushions of wood, bone and leather (fig. 11).

The girth buckles and complicated blocks have analogues at sites of the Hunnic-Sarmatian period. Shield-shaped pendants similar to the Pazyryk ones are found at sites of the Qin and Western Han dynasties (late 3rd – 1st century BC) (fig. 17). Numnahs with breast covers from kurgan 5 at Pazyryk are similar in their appearance to the ancient Iranian horse-rugs for riding which were used not later than the 3rd century BC (they are not found at sites of the Arshakid dynasty).

In horse burials of the 2nd and 3rd groups, damaging or lack of accompanying grave-goods has been noted: most of the saddles were buried without a saddle-girth and girth buckles, the girth straps are tied together, tied into knots or cut out (table 3; figs. 11, 18).

Conclusions. The horse trappings from standard sites of the Pazyryk culture are dated by dendrochronological and absolute methods, as well as on the basis of the parallels mentioned above, to within the bracket of the 5th – 3rd centuries BC. The chronological groups of the horse gear distinguished within the culture in question may be tentatively dated as follows:

Group 1 – 5th (second half of the 5th) – beginning (first half) of the 4th century BC.

Group 2 – second half of the 4th – early 3rd century BC.

Group 3 – second quarter – the end of the 3rd century BC.

ЧЕРНОЛАКОВЫЕ КИЛИКИ И КАНФАРЫ ИЗ СТЕПНЫХ СКИФСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ¹

Н. А. ГАВРИЛЮК²

Введение. Изучение основных групп античного импорта из материалов скифских степных и лесостепных археологических памятников позволяет не только определить процессы развития экономики, быта и культуры скифских племен, но и их социодинамику, отразить характер взаимодействия античной и кочевой цивилизаций раннего железного века, и, в частности, развитие непрерывно меняющейся, но обычно сбалансированной, греко-варварской торговли. Исследование распространения товаров греческого производства в степном и лесостепном хинтерланде позволяет на материалах скифских памятников по находкам импортных изделий судить о происходящих в античном обществе переменах, то есть решать несвойственную для скандинавской торговли. Вторая половина V–IV в. до н. э. характеризуется массовым поступлением греческих товаров в скифские земли. Среди основных категорий древнегреческого импорта первое место принадлежит амфорам. Они и были изучены в первую очередь. В работах С. Ю. Монахова подведен итог современного знания о продукции основных категорий античных центров, находившихся в Северном Причерноморье. Меньшее внимание было уделено столовой посуде (краснофигурной, чернолаковой, сероглиняной и красноглиняной), хотя именно ее значение для реконструкции палеосоциологических и палеоэкономических явлений в жизни населения Северного Причерноморья очевидно.

Объектом предлагаемого исследования является одна из групп столовой керамики – сосуды «для вина» – килики и канфары. Как следует из известного текста Геродота, эта группа сосудов весьма ценилась в скифском обществе уже в его время: «Один раз в год каждый начальник округа в своем округе наполняет вином кратер, из которого пьют скифы, убившие врага... А все те из них, кто убили очень много мужей, имеют по два килика и пьют из обоих» (Herod. IV. 66). Аналогии с употреблением вина из богатырской чаши в нартском эпосе приведены в комментарии к этому отрывку (Доватур, Каллистов, Шицова 1982: 123, 304).

Целью данной работы является изучение особенностей поступления и распространения в регионах «сосудов для питья вина», в том числе хронологические рамки таких поступлений в земли кочевников, идентификация характера – единичности изделий или их партионности, особенности использования указанных сосудов в скифской среде.

Нас также будет интересовать степень соответствия свидетельств письменных источников и информации, извлекаемой из материалов раскопок памятников культуры степных скифов. В частности, уже известно, что слова Геродота относительно кратеров пока не получили археологического подтверждения – чернолаковые krathra в скифских погребениях еще не встречены. С другой стороны, находки kilikas – достаточно обычное явление. По-видимому, в «постгеродотовский» период функции киликов выполняют канфаровидные килики и канфары. В ходе дальнейшей интерпретации текста можно ожидать подтверждения предположения преимущественно парности находок киликов в погребениях. В целом, в силу ограниченного количества письменных источников, первостепенное значение в этом случае приобретают данные археологии, базирующиеся на материалах скифских степных памятников.

Столовая керамика античного производства из степных скифских погребений как группа сосудов для вина в целом уже исследовалась ранее (Гаврилюк 1989). Однако за последние годы накопились новые значительные материалы, требующий дополнительного исследования и уточнения ранее приведенных данных. Из примерно 3000 раскопанных степных скифских погребений, известных к концу 90-х гг. прошлого века, 1710 погребений содержали находки, относимые к категории «посуда» (Гаврилюк 1999: 60–61, 414). Из них чернолаковая керамика найдена в 221 погребении, что составляет около 13% степных скифских погребений с посудой (здесь учтены находки как целых сосудов, так и их фрагментов из опубликованных и неопубликованных погребений Степной Скифии). Целые и фрагментированные килики и канфары найдены в погребениях и в материалах некоторых поселений и городищ. Коллекция чернолаковой керамики, рассмотренная нами в основном de visu, состоит из 78 сосудов, распределенных по видам и типам, как указано в таблице.

1. Килики, кат. № 1–22. Килики различных типов представлены 22 экземплярами, известными из опубликованных погребений.

1.1. Килики на невысокой тонкой ножке, кат. № 1–3. Наиболее ранними находками чернолаковых сосудов антического производства в степных скифских погребениях являются два килика на невысокой тонкой ножке. Это килик с глубокой чашей с вертикальным бортиком (поддон не сохранился) из погребения 1 кургана 9 у с. Васильевка Снегиревского р-на

¹ Работа выполнена в рамках совместной украинско-российской программы «Античный мир и варвары. Олявия, Боспор и Скифия (опыт сравнительного анализа)» (проект № 4-05/05-01-9111а/Ук.).

² Украина, 04210, Киев, пр. Героев Сталинграда, 12, Институт археологии НАН Украины. Письмой комитет.

Таблица 1. Коллекция чернолаковой керамики из скифских погребений степной зоны Северного Причерноморья.

Table 1. Collection of black-glazed pottery from Scythian burials in the steppe zone of the northern Black Sea area.

Вид сосуда	Тип сосуда	Кол-во сосудов
1. Килики	Килики на невысокой тонкой ножке	3
	Килики-болсалы (bolsal)	2
	Килики с валиком-венчиком (cup-skyphos with heavy wall)	13
	Килики тонкостенные (cup-skyphos with light wall)	4
	Всего киликов	22
2. Канфаровидные килики	Всего канфаровидных киликов	21
3. Канфары	Канфары обычные	29
	Канфары каннелированные	4
	Канфары, орнаментированные в стиле West Slope	2
	Всего канфаров	35
Всех сосудов		78

Николаевской обл. (Побужье) (№ 1 по каталогу в конце статьи; рис. 1: 1') и сосуд из Чмыревой могилы у с. Большая Белозерка Белозерского р-на Запорожской обл. (кат. № 2; ОАК за 1909 г. 1913: 128). Сосуд из Васильевки найден в северной нише мужского погребения вместе с вкопанной в дно амфорой, чернолаковым скифосом и лепным светильником с четырьмя рожками (Гребенников, Ребедайл 1991: 120, 121). В Чмыревой могиле килик найден в тайнике в западной стенке боковой могилы вместе с пятью серебряными сосудами. Килик с отбитой ножкой найден во рву кургана 158 могильника Мамай-Гора у с. Великая Знаменка Каменско-Днепропетровского р-на Запорожской обл. (кат. № 3).

Аналогичные по форме два чернофигурных килика на ножках найдены в памятниках лесостепного правобережья – в курганах 400 и 401 у с. Журовка. Н. А. Онайко датирует их началом-первой половиной V в. до н. э. (Онайко 1970: 58). А. Ю. Алексеев относит эти погребения к рубежу первой и второй четвертей V в. до н. э. (Алексеев 1991: 47). Второй четвертью V в. до н. э. О. Д. Лордкипанидзе датировал погребение знатной колхидянки у селения Вани, в котором найден чернолаковый килик, аналогичный по форме находке из Васильевки (Лордкипанидзе 1976: 143, рис. 5). В материалах Афинской Агоры килики не могут быть датированы точнее, чем до 480 г. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 92; 2: № 398–413, Pl. 20, fig. 4).

Таким образом, чернолаковая иттическая посуда – килики на высокой ножке – впервые проникает в туземный мир в первой половине V в. до н. э. Это одноразовые случайные поступления и в степную и лесостепную зоны Северного Причерноморья.

1. 2. Килики-болсалы (bolsal), кат. № 4–5. Килики-болсалы (bolsal) (иначе – чаши-жюльи, низкие скифосы) представлены двумя сосудами – из погребения 1 кургана 14 Рогачкинского могильника

(кат. № 4, рис. 2: 1; Фялалко 2004: 89, рис. 1: 5) и находкой из Мелитопольского кургана (кат. № 5, рис. 2: 3; Тереножкин, Мозолевский 1988: 30; в этой публикации сосуд назван киликом). Это сосуды в виде чаши с прямыми стенками на кольцевом поддоне. Высота сосуда меньше диаметра его венчика. Поддон сосуда из Мелитопольского кургана обведен тонким углубленным пояском без лака. В средней части дна с внешней стороны – ряд углубленных значков. Дно изнутри орнаментировано штампованным узором в виде нечеткой и несимметричной шестилучевой розетки с пальметками на концах, заключенной в круг из густо поставленных косых насечек (Тереножкин, Мозолевский 1988: 114–115, рис. 83, 2; 126). Найден сосуд у юго-восточной стены погребальной камеры вместе с обломками крышки леканы. Датировка гробницы – рубеж третьей и четвертой четвертей IV в. до н. э. (Тереножкин, Мозолевский 1988: 157).

По материалам Афинской агоры, подобные сосуды начали производиться в позднем V в. до н. э. Отмечаются различные варианты таких сосудов, что означает не хронологические различия, а их производство в разных мастерских, которые работали в конце V в. Для киликов V в. до н. э. характерны прямые стенки (Sparkes, Talcott 1970: 1: 107; 2: № 541, 557, Pl. 6). Аналогичный по форме и орнаменту сосуд происходит из погребения 3/1992 семейно-родового некрополя Ольвии и датируется последней четвертью V в. до н. э. (Пананова 2000: 200, рис. 3: а). Последней четвертью V в. до н. э. датируется погребение 3 кургана 60 Елизаветовского могильника, в котором найдены лучший и по форме, и по орнаменту образец сосудов типа болсал (Брашинский 1980: 127, 222, табл. 14, 163). В некрополе Панское 1 сосуды типа болсал происходят из могил 13, 40, могилы 1 кургана 12, которые датируются первой четвертью IV в. до н. э. (Монахов, Рогов 1990: 140, 141, табл. 3: 57, 4: 56, 53).

¹ В подрисовочных подписях после номера погребения указан номер сосуда по каталогу.

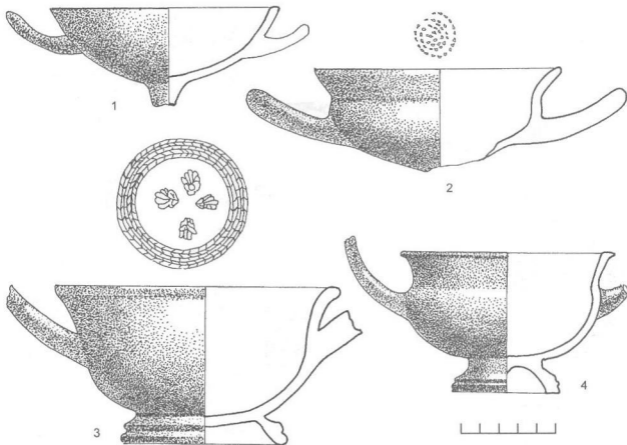

Рис. 1. Килики на ножке: 1 – Васильевка, курган 9, погребение 1; 2 – Мамай-Гора, курган 158, ров, западный сектор; тонкостенные килики: 3 – Ленино, курган 6, погребение 1; 4 – Львово, курган 18, погребение 1.

Fig. 1. Stemmed kylikes: 1 – Vasilyevka, kurgan 9, burial 1; 2 – Mamay-Gora, kurgan 158, ditch, western sector; thin-walled kylikes: 3 – Lenino, kurgan 6, burial 1; 4 – Lvovo, kurgan 18, burial 1.

В материалах поселения Козырка 2 такие сосуды датируются последней четвертью V–рубежом V–IV вв. до н. э. (Данильченко 2000: 218). В пределах последней трети V в. до н. э. датируются находки киликов типа болсал из хозяйственных ям поселения Выше-стеблиевская 11 на юге Таманского полуострова (Рогов, Кашаев, Форназир 2005: 185, рис. 10: 4, 5).

Анализ узко датированных погребальных комплексов из некрополей Северного Причерноморья позволил Е. Я. Рогову и И. В. Тункиной заключить, что сосуды этого типа не встречаются позднее середины IV в. до н. э. Их поступление на рынки Северного Причерноморья началось, судя по всему, в последней четверти V в. до н. э., а закончилось во второй четверти IV в. до н. э. (Рогов, Тункина 1998: 163). Встречаются такие сосуды, в основном, в степной зоне Северного Причерноморья.

1. 3. Килики с валиком-венчиком (*cup-skyphos with heavy wall*), кат. № 6–18. Килики с валиком-венчиком (*cup-skyphos with heavy wall*) (тяжелостенные). Это глубокие сосуды на невысокой профилированной ножке, покрытые лаком высокого качества (12 экземпляров).

Большинство из них имеет штампованный орнамент на внутренней поверхности дна в виде четырех

крестообразно расположенных пальметок (курган Солоха – Манцевич 1987: 23, 94, 96; кат. № 6, рис. 3: 1) группа Солохи у с. Великая Знаменка Каменко-Днепровского р-на Запорожской обл., курган 75, погребение 3 (кат. № 7, рис. 3: 2; Мелюкова 1999: 69), погребения 3 Трехбратного кургана в Восточном Крыму (кат. № 18, рис. 3: 11; Бессонова 1973: 247), курган 14, погребение 1 Рогачикского могильника (кат. № 11, рис. 3: 5; Фялалко 2004: 88), погребение 9 кургана 7 у с. Кут Никопольского р-на Днепропетровской обл. (кат. № 14, рис. 3: 7; Березовец 1960: 54); основное погребение кургана 5 у с. Чкаловка Верхнеднепровского р-на Днепропетровской обл. (кат. № 9, рис. 3: 4; Ковалева 1999: 131) и курган 4, погребение 1 у с. Первомаевка Верхнерогачикский р-н Херсонская обл. (кат. № 10, рис. 3: 6; Евдокимов, Фридан 1987: 102, 103). Пальметки в орнаментации последнего сосуда обрамлены двумя концентрическими окружностями, пространство между ними заполнено овами. Четыре пальметки в орнаментации килика из кургана Солоха расположены вокруг кольца, заполненного семью овами (Манцевич 1987: 23, 95; инв. № Дн 1913 1/22). Такой же орнамент на дне тяжелостенного килика из погребения 2 кургана 6 у г. Днепрорудный Запорожской обл. (кат. № 12; Кузнецова, Кузнецов 2005: 320–321).

Рис. 2. Чернолаковые сосуды из погребений Степной Скифии (фото): 1, 1а, 1б – килик из Кутянского могильника, курган 7, погребение 9 (кат. № 14); 2 – канфар из погребения 1, кургана 26, группы 2 у с. Широкое (кат. № 50); 3 – канфаровидный килик из кургана 1, погребение 9 у г. Камсика-Днепровская (кат. № 34); 4 – канфар с орнаментом в стиле West Slope с канелированным туловом из погребения 1 кургана 2 у с. Плюшевка (кат. № 78); 5 – канфаровидный килик с канелированным корпусом из погребения 1 кургана 4 группы Острая Могила у с. Широкое (кат. № 43); 6 – канфар классического типа, курган 12, погребения 2 у с. Владимировка (кат. № 64).

Fig. 2. Black-glazed pottery from burials of Steppe Scythia (photographs): 1, 1a, 1b – kylix from the cemetery of Kutjansky, kurgan 7, burial 9 (cat. № 14); 2 – kantharos from burial 1, kurgan 26, group 2 near v. Shirokoye (cat. № 50); 3 – kantharos-shaped kylix from kurgan 1, burial 9 near the town of Kamenska-Dneprovskaya (cat. № 34); 4 – kantharos with fluted body and a design in the West Slope type, burial 1 in kurgan 2 near v. Plyushchevka (cat. № 78); 5 – kantharos-shaped kylix with fluted body from burial 1 kurgan 4 of the Ostraya Mogila group near v. Shirokoye (cat. № 43); 6 – kantharos of the classic type, kurgan 12, burial 2 near v. Vladimirovka (cat. № 64).

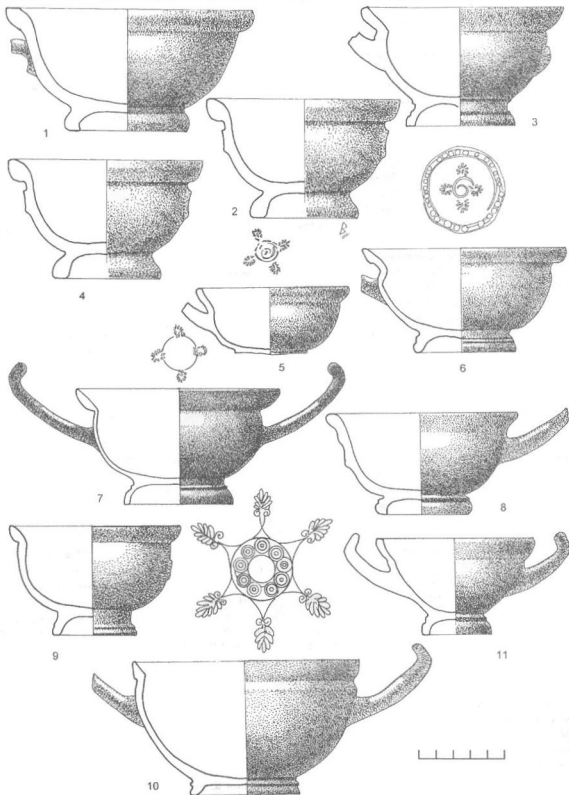

Рис. 3. Килики с валиком-венчиком (cup-skyphos with heavy wall): 1 – Курган Солоха – у правой руки скелета «В» (кат. № 6); 2 – Группа Солохи, курган 75, погребение 3; 3 – Носаки, курган 4, погребение 3 (кат. № 8); 4 – Чкаловка, курган 5, погребение 1 (кат. № 9); 5 – Рогачикский могильник, курган 14, погребение 1 (кат. № 11); 6 – Первомайска, курган 4, погребение 1 (кат. № 10); 7 – Кут, курган 7, погребение 9 (кат. № 14); 8 – Богдановка, курган 3, погребение 1 (кат. № 15); 9 – Астанино, курган 16, погребение 3 (кат. № 16); 10 – Плавни, погребение 1, курган 4 (кат. № 17); 11 – Трехбратный курган, погребение 3 (кат. № 18).

Fig. 3. Kylikes with cylindrical rim (cup-skyphoi with heavy walls): 1 – Kurgan Solokha – at the right hand of skeleton B (cat. № 6); 2 – the Solokha Group, kurgan 75, burial 3; 3 – Nosaki, kurgan 4, burial 3 (cat. № 8); 4 – Chkalovka, kurgan 5, burial 1 (cat. № 9); 5 – cemetery of Rogachik, kurgan 14, burial 1 (cat. № 11); 6 – Pervomayevka, kurgan 4, burial 1 (cat. № 10); 7 – Kut, kurgan 7, burial 9 (cat. № 14); 8 – Bogdanovka, kurgan 3, burial 1 (cat. № 15); 9 – Astanino, kurgan 16, burial 3 (cat. № 16); 10 – Plavni, burial 1, kurgan 4 (cat. № 17); 11 – Three-Brothers kurgan, burial 3 (cat. № 18).

Лишь килики из погребения 3 кургана 4 группы Носаки у с. Балки Васильевского р-на Запорожской обл. были без орнамента (кат. № 8, рис. 3: 3; Бидзля, Болтрик, Мозоловский, Савоский 1977: 117). Тяжелостенный килик из погребения 4 кургана 1 у с. Ольгино Горностаевского р-на Херсонской обл. также не был орнаментирован, однако у него на поддоне было граффито DDIII (кат. № 13; Бессонова, Ковальов, Кубишев 2005: 39–40).

На дне килика из погребения 1 кургана 4 у с. Плавни Ренийского р-на Одесской обл. имеется штампованный орнамент из шести пальметок, соединенных дугами (кат. № 17, рис. 3: 10; Суничук, Фокеев 1984: 108). Две concentрические окружности, промежуток между которыми заполнен овами, окружают семь пальметок на внутренней поверхности дна килика из кургана 3, погребения 1 у с. Богдановка Каховского р-на Херсонской обл. (кат. № 15, рис. 3: 8; Битковский, Полин 1987: 76, 79). Авторы публикации считают, что орнаментация сосуда из Богдановки ближе всего к орнаментам конца V в. до н. э. «болсалов» (bolsal) Афинской агоры (Sparkes, Talcott 1970, part. 1: 108, part 2. N 548).

Килики с валикообразным венчиком имеют аналоги в материалах Афинской агоры. Они поступили в обращение после 420 г. до н. э. и использовались до 380 г. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 112; 2: № 621–623, fig. 6, pl. 27). Они встречаются в некрополе Гетри и Олифра (Robinson 1933: табл. 151, 534). По материалам Аполлонии, они относятся к VII типу и датируются серединой IV в. до н. э. (Иванов 1963: 184). Это обычная находка в материалах античных памятников Северного Причерноморья. Тяжелостенные килики с «лигтым венчиком» зафиксированы в материалах семейно-родового участка Ольвийского некрополя, где датируются около 380 г. до н. э. (Папанова 2000: 196, 207, рис. 8, а, б). По материалам Ольвийского некрополя, такие килики относятся к шестому типу киликов (Козуб 1974: 47, рис. 6, 8, 9). В некрополе Панское 1 такие сосуды – самая многочисленная группа киликов (Рогов, Тункина 1998: 163, №№ 58–67, рис. 5). Глять киликов найдено в материалах могильника Николаевка на Днепре (Мелюкова 1975: 161–162, рис. 43: 8–10; 44: 1, 3, 6). Фрагменты двух тяжелостенных киликов происходят с поселения Козырка 2 (Данильченко 2000: 218, табл. 1: 5, 6). В материалах Елизаветовского могильника такие сосуды (ближайшая аналогия – в кургане 13/1910 г.) датируются серединой–третьей четвертью IV в. до н. э. (Брашинский 1980: 129, 222, табл. 14: 171). Наиболее северными памятниками, в которых встречаются килики с валикообразным венчиком, являются курганы лесостепного правобережья (Онаiko 1970: № 325–327, 348). По материалам могильника Панское 1, выделяются более ранние и более поздние килики с венчиком в виде валика (Моныхов, Рогов 1990: 141–143).

Наиболее ранний тяжелостенный килик из степных скифских погребений происходит из кургана 3, погребения 1 у с. Богдановка и датируется последней

четвертью V в. до н. э. (Битковский, Полин 1987: 83). К концу V–первой половине IV в. до н. э. относятся килики с валиком из кургана Солоха и погребения 3 кургана 75 Солохского курганного поля (Маневич 1987: 95). А. Ю. Алексеев, правда, считает, что они бытуют в 400–380 гг. до н. э. (Алексеев 1992: 147). Другие килики с валикообразным венчиком из степных скифских погребений датируются в пределах первой половины IV в. до н. э.

По материалам Афинской агоры, эти сосуды (heavy-walled cup skyphos) поступили в обращение после 420 г. до н. э. и использовались до 380 г. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 112; 2: № 621, fig. 6, pl. 27). В Степную Скифию килики описанного типа в единичных экземплярах стали поступать в последней четверти V в. до н. э. и продолжали использоваться всю первую половину IV в. до н. э.

Территорией наибольшего распространения тяжелостенных киликов в степной зоне Северного Причерноморья является Днепровское Степное Левобережье. В скифских левобережных памятниках найдено девять тяжелостенных киликов, два – в скифских погребениях степного левобережья и по одному – в приднепровских и крымских (рис. 4.)

Возможно, в первой половине IV в. до н. э. к скифам Днепровского степного Левобережья поступила небольшая партия тяжелостенных киликов с орнаментом в виде четырех крестообразно расположенных пальметок. Во всяком случае, шесть таких сосудов происходят из территориально близких могильников – два из Солохского, по одному из Рогачикского, Первомайского, Днепрорудненского, Ольгинского.

1. 4. Килики тонкостенные (cup-skyphos with light wall), кат. № 19–22. Килики тонкостенные (cup-skyphos with light wall) (легкостенные) с отгнутым тонким краем с глубокой чашей на невысоком профилированном поддоне найдены в женском погребении кургана 18 (погребение 1), у с. Львово Бериславского р-на Херсонской обл. (кат. № 19, рис. 1: 4; Кубишев, Николава, Полин 1982: 140) и в мужском погребении 1 кургана 6 у поселка Ленино Ленинского р-на АРК (кат. № 20, рис. 1: 3; Яковенко, Черненко, Корнусова 1970: 157). Фрагментированные килики такого типа происходят из Ахташского могильника Семеновка Ленинского р-на (детское погребение 1 в кургане 20 – Бессонова, Бунятян, Гаврилюк 1988; кат. № 21). Орнаментирован лишь сосуд из Львово, имеющий штампованный орнамент, состоящий из широкого кольца насечек и четырех крестообразно расположенных пальметок в центре.

В погребении 1 кургана 18 у с. Львово килик стоял отдельно от других сосудов – у правого плеча погребенной. У ее ног найдены серолиняный кувшинчик с прислещем и лепной горшочек (Кубишев, Николава, Полин 1982: 140). В мужском погребении из кургана 6 у пос. Ленино килик стоял в северо-восточном углу склепа рядом с амфорой (Яковенко, Черненко, Корнусова 1970: 157). Один сосуд найден

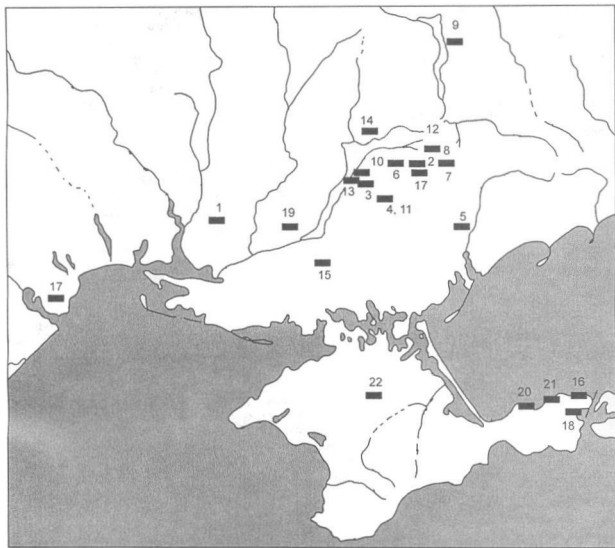

Рис. 4. Карта распространения киликов. Номера на карте соответствуют номерам каталога.

Fig. 4. Map of distribution of kyliks. The numbers on the map correspond to those in the catalogue.

в Днепровского Правобережья, два – в Восточном Крыму (рис. 4).

Килики, аналогичные по форме нашим, широко представлены в античных памятниках Северного Причерноморья. При описании материалов Ольвийского некрополя Ю. И. Козуб выделяет такие сосуды в 5-й тип и датирует их первой половиной IV–III в. до н. э. (Козуб 1974: 46, рис. 6, 7). В. А. Папанова, основываясь на датировке орнамента, относит эти килики к первой трети IV в. до н. э. (Папанова 2000: 196, 202, рис. 4). В Тире такие килики относятся к киликам «с чашей тюльпановидной формы пятого типа» (Самойлова 1988: 46, рис. 6, 7). В некрополе Панское 1 ближайшей аналогией рассмотренным выше сосудам является килик № 68, который датируется второй четвертью IV в. до н. э. (Рогов, Тункина 1998: 168, рис. 5: 1).

Погребение 1 кургана 18 у с. Львово по всему комплексу находок датируется концом первой четверти IV в. до н. э. (Кубышев, Николова, Полин 1982: 147). Этому не противоречат материалы других погребений с легкостенными киликами.

Легкостенные килики с штампованным орнаментом впервые были найдены в слоях третьей четверти V в. до н. э. Афинской агоры, однако по орнаменту они не могли датироваться этим временем, поскольку стали производиться во второй четверти IV в. до н. э. Небольшое количество легкостенных киликов встречается и после 375 г. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 111; 2: № 605, 608, fig. 6). Некоторые исследователи считают, что данный тип посуды бытовал в Северном Причерноморье до конца IV в. до н. э. По-видимому следует согласиться с мнением Е. Я. Рогова и И. В. Тункиной, полагающих, что по-

ступление таких сосудов на рынки Причерноморья прерастает не позднее середины IV в. до н. э. (Рогов, Тункина 1998: 165). К степным скифам поступали единичные экземпляры киликов этого типа.

Фрагментированный килик, тип которого не удалось определить, найден в ограбленном мужском погребении кургана 2 Бахчи-Эли (№ 22 – Троицкая 1957: 175, 179). Шесть киликов происходят из неопубликованных материалов скифских погребений, в основном, из стенных памятников Днепровского Левобережья.

Удалось определить положение в кургане 17 киликов. Только один сосуд – из кургана 158 – связан с погребальной тризной. Он происходит из западного сектора рва кургана (Андрух, Тошев 2004: 61). Остальные найдены в погребениях: два – в заплечении входных ям – мужского погребения у с. Богдановка (Битковский, Полин 1987: 76) и женского погребения у с. Ольговка (Бессонова, Ковальов, Кубишев 2035: 40), а 13 – в самих погребальных камерах. Существует определенная закономерность в расположении киликов в погребальной камере. В мужских погребениях (шесть случаев) они найдены в группе инвентаря, связанной с питьем вина (например, Трехбратний курган – с амфорой, киликом и бронзовым кифафом (Бессонова 1973: 247)), в женских – соотносится с рукоделием, парфюмерией или с гаданием. Так, в женском погребении 1 кургана 4 у с. Плавни килик зафиксирован в юго-западном углу погребальной камеры вместе с зеркалом, ленимым сосудом и пряслищем; в кургане 75 группы Солюха – стоял в ногах вместе с свиновым пряслищем, кусочками серы и остатками деревянного предмета (пиксиды?) (Мелюкова 1999: 69); в погребении 9 кургана 7 у с. Кут килик располагался к югу от черепа с двумя свиновыми пряслищами, деревянной пиксидой и фрагментом костяного наборного веретена (Березовец 1960: 54). В погребении 1 кургана 5 у с. Чкаловка – за головой погребенной на меловом пятне вместе с двумя свиновыми пряслищами (Ковалева 1999: 131). Иногда, как правило, в детских погребениях, килики стояли отдельно – в изголовье (курган 4, погребение 1 у с. Первомаевка – Евдокимов, Фридан 1987: 102) или у левого щека (Акташский могильник, курган 20; Днепрорудный, погребение 2 курган 6 – мужское воинское). В ногах килики встречались реже. Можно упомянуть только находки в двух женских захоронениях (Львово, курган 18, погребение 1 – Кубышев, Николова, Полин, 1982: 140; группа Носаки, погребение 3 кургана 4 – Бидиля, Болтрик, Мозолевский, Савоский 1977).

В погребениях скифской знати или царских чернотлаковые килики встречаются, как правило, в группах с серебряными сосудами. Так, в кургане Солюха чернотлаковый килик найден у правой руки скелета «В» среди серебряных сосудов (Манцевич 1987: 23). В двух случаях они зафиксированы в тайниках: в Чмыревой могиле в западной боковой стенке вместе с пятью серебряными сосудами (ОАК 1913: 128) и в богатом мужском погребении 1 курга-

на 1 у с. Васильевка в комплексе с амфорой, скифосом и ленимым светильником (Гребенников, Ребедайл 1991: 121).

2. Канфаровидные килики, кат. № 23–43. Канфаровидные килики из опубликованных стенных скифских погребений представлены 21 сосудом. Чаще всего это сосуды с утолщенным клювовидным венчиком, приземистым корпусом и невысокой ножкой (например, сосуд из погребения 1 кургана 13 группы 1 у с. Капуловка Никопольского р-на Днепронетровской обл. (кат. № 26, рис. 5: 4; Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский 1973: 122, рис. 10: 6), погребения 4 кургана 11 (кат. № 36, рис. 6: 5) и погребения 2 Вишневой могилы Рогачинского могильника (кат. № 27, рис. 5: 5) у с. Гюновка Каменско-Днепровского р-на Запорожской обл. (Финало 2004: 89, рис. 1, 2), канфаровидные килики из кургана 45 (кат. № 41) Акташского могильника у с. Семесювка, Ленинского р-на, АРК, (Бессонова, Бунятян, Гаврилюк 1988: 42, фото. 2, 4)).

По форме они ближе к канфарам, но горизонтально расположенные ручки позволяют называть их канфаровидными киликами. Десять канфаровидных киликов имели штампованный орнамент. На восьми сосудах встречен наиболее распространенный орнамент в виде четырех пальметок, соединенных дугами и окруженных двумя-тремя кругами из косых насечек: Ильинка (Великая Знаменка) Каменско-Днепровского р-на Запорожской обл., курган 4, погребение 2 (кат. № 23, рис. 5: 1; Пleshивенко 1991: 63); Первомаевка Верхнерогачинского р-на Херсонской обл., группа 5, курган 1, погребение 4 (кат. № 24, рис. 5: 2; Евдокимов, Фридан 1991: 90); Владимировка Джанкойского р-на, курган, погребение 4 (кат. № 32, рис. 6: 6; Колотухин 2000: 14); Капуловка Никопольского р-на Днепронетровской обл., группа 2 курган 1, погребение 1 (кат. № 33, рис. 6: 1; Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский 1973: 128, рис. 15, 16); Владимировка Томаковского р-на Днепронетровской обл., курган 4, погребение 2 (кат. № 37, рис. 6: 4; Чередищенко, Болдин 1977: 129–136); Владимировка Джанкойского р-на, курган, погребение 1 (кат. № 25, рис. 5: 3; Колотухин 2000: 11); Виноградово Сакского р-на Крыма, погребение 2 в кургане 13 (кат. № 38; Колотухин 2000: 49, рис. 28: 6); Кут, курган 7, погребение 3 (кат. № 35, рис. 6: 8; Березовец 1960: 52).

Орнаментация канфаровидного килика из кургана 4 погребения 6 у с. Ильинка состоит из шести пальметок, соединенных дугами (кат. № 29, рис. 6: 2; Пleshивенко 1991: 70). Один сосуд был украшен на дне орнаментом из двух кругов строенных и двосонных насечек (кат. № 28, рис. 5: 8; курган 143, погребение 2 могильника Мамай-Гора; Андрух, Тошев 2004: 29–46). Орнаментация других канфаровидных киликов проще – концентрические круги из насечек (кат. № 30, рис. 6: 3; Первомаевка Верхнерогачинского р-на Херсонской обл., группа 5, курган 4, погребение 3; Евдокимов, Фридан 1991: 92–93); двойной круг насечек на канфаровидном килике из Акташского

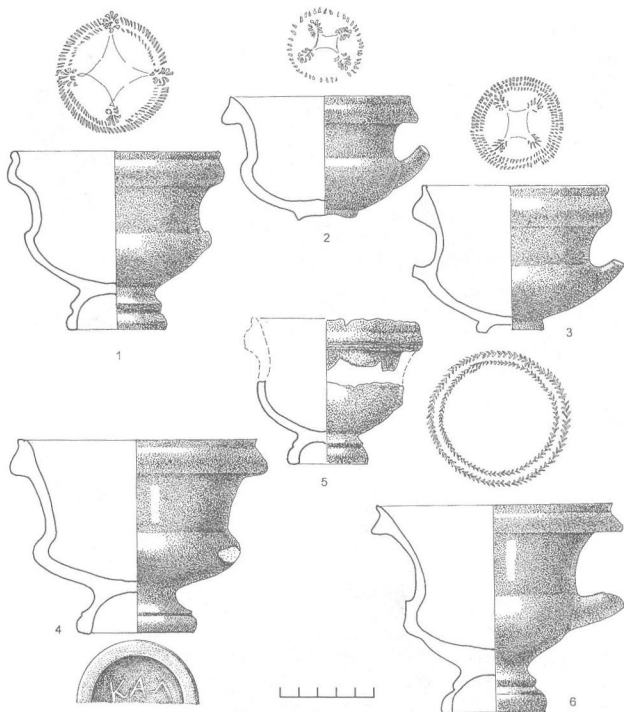

Рис. 5. Канфаровидные килики с утолщенным венчиком: 1 – Ильинка (Великая Знаменка), курган 4, погребение 2 (кат. № 23); 2 – Первомайск, группа 5, курган 1, погребение 4 (кат. № 24); 3 – Владимировка Джанкойский р-н, погребение 1 (кат. № 25); 4 – Капуловка, группа 1, курган 13, погребение 1 (кат. № 26); 5 – Пюновка, Рогачикское курганное поле, Вишневая могила, погребение 2 (кат. № 27); 6 – Мамай-Гора, курган 143, погребение 2 (кат. № 28).

Fig. 5. Kantharos-shaped kylikes with heavy rim: 1 – Ilyinka (Velikaya Znamenka), kurgan 4, burial 2 (cat. № 23); 2 – Pervomayevka, group 5, kurgan 1, burial 4 (cat. № 24); 3 – Vladimirovka of Dzhanikoy district, burial 1 (cat. № 25); 4 – Kapulovka, group 1 kurgan 13, burial 1 (cat. № 26); 5 – Gyunovka, Rogachik kurgan field, Vishnevaya Mogila, burial 2 (cat. № 27); 6 – Mat u-Gora, kurgan 143, burial 2 (cat. № 28).

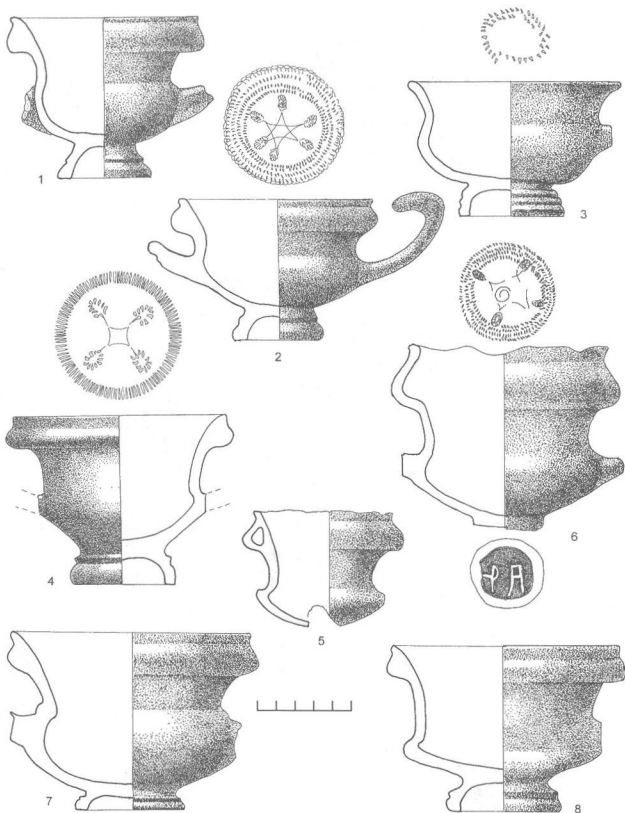

Рис. 6. Канфаровидные килики с утолщенным венчиком: 1 – Капуловка, группа 2, курган 1, погребение 1 (кат. № 33); 2 – Ильинка, курган 4, погребение 6 (кат. № 29); 3 – Первомайевка, группа 5, курган 4, погребение 3 (кат. № 30); 4 – Виноградово, курган 13, погребение 2 (кат. № 38); 5 – Рогачикское курганное поле, курган 11, погребение 4 (кат. № 36); 6 – Владимировка Джанкойского р-на, курган, погребение 4 (кат. № 32); 7 – Владимировка Томаковского р-на, курган 4, погребение 2 (кат. № 37); 8 – Кут, курган 7, погребение 3 (кат. № 35).

Fig. 6. Kantharos-shaped kylikes with heavy rim: 1 – Kapulovka, group 2, kurgan 1, burial 1 (cat. № 33); 2 – Ilyinka, kurgan 4, burial 6 (cat. № 29); 3 – Pervomayevka, group 5, kurgan 4, burial 3 (cat. № 30); 4 – Vinogradovo, kurgan 13, burial 2 (cat. № 38); 5 – Rogachik kurgan field, kurgan 11, burial 4 (cat. № 36); 6 – Vladimirovka of Dzhankoy district, kurgan, burial 4 (cat. № 32); 7 – Vladimirovka of Tomakovsky district, kurgan 4, burial 2 (cat. № 37); 8 – Kut, kurgan 7, burial 3 (cat. № 35).

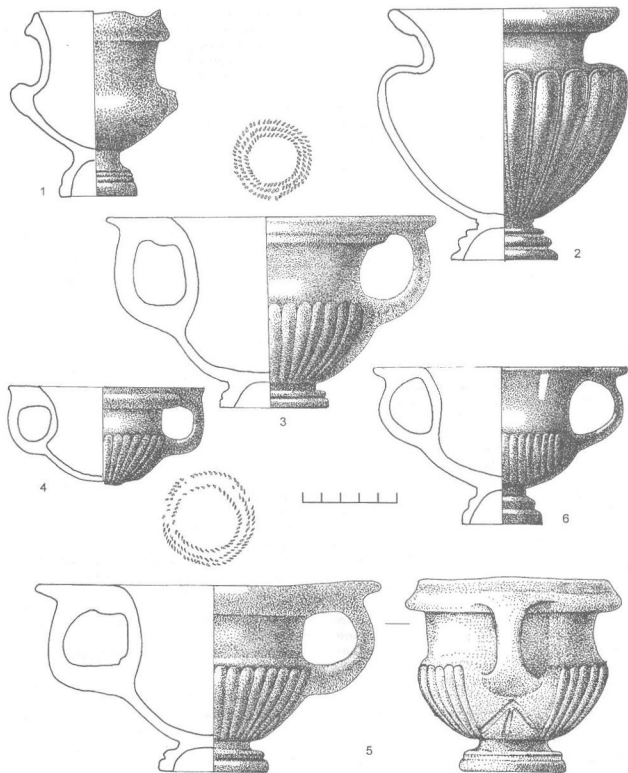

Рис. 7. Канфаровидные килики и канфары с канелированным туловом: 1 – Акташский могильник, курган 52, погребение 1 (кат. № 40); 2 – Широкое, группа Острой Могила, курган 4, погребение 1; 3 – Владимировка Джанкойского р-на, курган, погребение 3 (кат. № 73); 4 – Балки, Гайманово поле, курган 27, погребение 4 (кат. № 75); 5 – Первомайевка, группа 6, курган 1, погребение 2 (кат. № 74); 6 – Кут, курган 22, погребение 9.

Fig. 7. Kantharos-shaped kylixes and kantharoi with fluted body: 1 – cemetery of Aktash, kurgan 52, burial 1 (cat. № 40); 2 – Shirokoye, Ostraya Mogila group, kurgan 4, burial 1; 3 – Vladimirovka of Dzhankoy district, kurgan, burial 3 (cat. № 73), 4 – Balki, Gaymanovo Pole, kurgan 27, burial 4 (cat. № 75); 5 – Pervomayevka, group 6, kurgan 1, burial 2 (cat. № 74); 6 – Kut, kurgan 22, burial 9.

могилиника у с. Семеновка, Ленинского р-на, АРК, курган 40, погребение 1 (кат. № 39, рис. 6: 7) и погребения 1 кургана 52 Акташского могильника (кат. № 40, рис. 7: 1) у с. Семеновка, Ленинского р-на, АРК (Бессонова, Бунятян, Гаврилюк 1988: 41, 42, рис. 29, 10; фото. 2, 4).

Орнамент в виде вертикальных канделлор на тулове сосуда для канфаровидных килинков не характерен. Только два сосуда были украшены таким образом: фрагментированный канфаровидный килик из погребения 4 кургана 21 у с. Кут Никопольского р-на Днепропетровской обл. (кат. № 42; Березовец 1960: 67) и целый сосуд из погребения 1 кургана 4 группы Острой Могилы на Херсонщине (кат. № 43, рис. 7: 2; Ольговский, Полин 1977: 37). Они принадлежат к погребениям, датированных третьей четвертью IV в. до н. э.

Аналогичные канфаровидные килики найдены в античных памятниках Северного Причерноморья. В материалах Николаевского могильника их всего два (Мельюкова 1975: 68, 242, рис. 44: 4). Они относятся к 10-му типу килинков, по классификации В. Иванова, и датируются серединой-второй половиной IV в. до н. э. Канфаровидный килик из погребения 4 Николаевского могильника (Мельюкова 1975: 68, 242, рис. 44: 2) близок по форме к килику из кургана 4, погребения 2 у с. Ильинка. Это килик 9-го типа, по классификации В. Иванова; датируются такие сосуды серединой-третьей четвертью IV в. до н. э. (Иванов 1963: 186). Канфаровидный килик из материалов семейно-родового некрополя Ольвии, близкий по форме киликам из ственных погребений, относится к третьей четверти IV в. до н. э. (Папанова 2000: 210). Канфаровидный килик с клювовидным венчиком происходит из кургана 43 некрополя Панское I, где датируется третьей четвертью IV в. до н. э. (Монахов, Рогов 1990: 149, табл. 12, 69).

Выпуск сосудов этой серии начался в Аттике в начале IV в. до н. э. и продолжался на протяжении трех четвертей столетия. По материалам Афинской агоры, канфаровидные килики относятся ко второй четверти-середина IV в. до н. э. Ближайшей аналогией описанным сосудам по формам являются сосуды № 652, 653 (Sparkes, Talcott 1970: 1: 118-119; 2: № 652, 653, 659). Датируется эта группа сосудов 390-380 гг. до н. э. Сосуды с орнаментом в виде четырех-шести пальметок, соединенных дугами в концентрических кругах, выполненных косыми насечками, появились в Аттике в конце V в. до н. э. и существовали весь IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 118-119, 2: № 560).

В этой группе керамики особняком стоит канфаровидный килик из погребения 9 кургана 1 у г. Каменка-Днепровская (кат. № 34; Гаврилюк, Рассамкин, Отрошенко 2005: 165). В довольно массивный клювовидный венчик этого сосуда в древности был помещен шарик, перекатывание которого создает звук, напоминающий звук детской погремушки. Это пока единственный шумящий сосуд из ственных скифских погребений, найденный мною в Фондах

Института археологии НАН Украины. А. В. Круглов справедливо отметил, что в археологических экспедициях, в силу отсутствия специального интереса к подобным вещам, такие предметы не фиксируются (Круглов 2004: 104).

Наиболее ранние шумящие сосуды были изготовлены аттическими ремесленниками. Как правило, это килики, у которых в пустотелую ножку еще до обжига было включено несколько керамических шариков. Наиболее ранними в этой группе являются черnofигурные килики на ножках типа А (Vickers 1980: 183-184, pl. 29). Чернolакoвые шумящие килики представлены также сосудами из Отдела античности Музея в Оксфорде (килик из Vienna-Cup group, датированный 475-450 гг. до н. э.) и из коллекции Дублинского университета (Vickers 1973: 196-197, pl. 40). В Северном Причерноморье находки шумящих сосудов известны по материалам Нимфея (Круглов 2004: 104).

С IV в. до н. э. шарики стали помещать в полые венчики канфаров, а судя по находке из Каменки, и в венчики канфаровидных килинков. Существует ряд предположений о функциях таких сосудов (для игр во время пира, ритуальные и т. п.). В скифском погребении шумящий сосуд найден отдельно от групп погребального инвентаря, связанных с питьем или потреблением пищи (обе группы здесь отсутствуют). Он лежал на боку справа от погребенной, за пределами погребальных носилок женщины, в правой руке которой находилось зеркало. Все это позволяет предположить ритуальный, а не «питьевой» смысл находки. Известно, что в состав украшения погребального юртежа богатых скифов входили «шумящие» наперстки для отпугивания злых духов (Бессонова 1982: 105). Возможно, такую же функцию выполнял канфаровидный шумящий килик из погребения 9 кургана 1 у г. Каменка-Днепровская. Работа с керамикой в фондах Института археологии НАН Украины и других музеев, возможно, расширит группу «шумящих» чернolакoвых сосудов, найденных в скифских ственных погребениях.

Удалось определить положение в кургане 16 канфаровидных килинков. Четыре из описанных канфаровидных килинков происходят из мужских погребений. В погребении 1 (подходит) кургана 13 группы 1 Кагуловского могильника канфаровидный килик найден вместе с амфорой и подносом (Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский 1973: 122, рис. 10: 6). В погребении 2 кургана 4 у с. Ильинка сосуд стоял вместе с серебряным киликом и амфорой. А в детском погребении 6 кургана 4 канфаровидный килик встречен вместе с калчаном со стрелами (Плещиненко 1991: 63, 70). В погребении 1 кургана 13 у с. Виноградно в Крыму канфаровидный килик зафиксирован у входа в погребальную камеру (Колотухин 2000: 49, рис. 28: 6), таким образом большинство канфаровидных килинков, обнаруженных в мужских погребениях, происходит из наборов для питья.

Женских погребений с канфаровидными киликами всего два. Сосуд из погребения 1 кургана 2

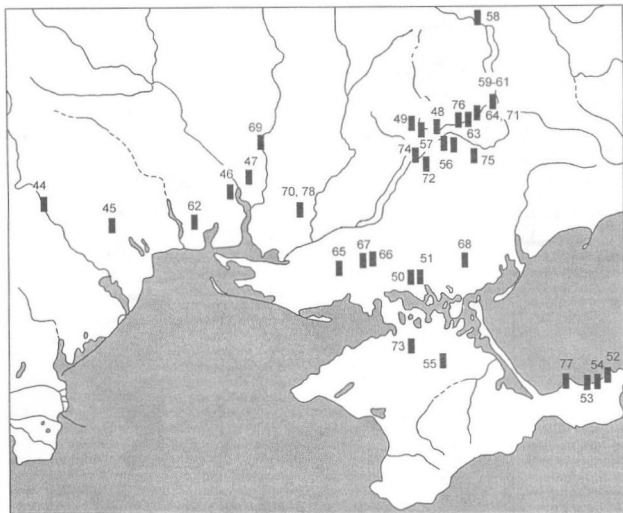

Рис. 8. Распространение канфаровидных киликов. Номера на карте соответствуют номерам каталога.

Fig. 8. Distribution of kantharos-shaped kylikes. The numbers on the map correspond to those in the catalogue.

группы 2 у с. Капуловка стоял за черепом. Рядом с ним лежали железное шило и глиняное пряслице (Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский 1973: 128, рис. 15, 16). В погребении 1 кургана 4 группы Острой Могилы у с. Широко канфаровидный килик найден у левой руки погребенной вместе с зеркалом, следовательно, канфаро-килики в женских погребениях, как и килики, входят в группу с пряслицами и зеркалами.

В детских погребениях встречено два канфаровидных килика. Происходят они из могильника Владимировка Джанкойского р-на Крыма: один сосуд найден рядом с бусами, подвеской египетского фаянса, обломком железного браслета, лепным горшком, второй – с двумя лепными горшками (Колотухин 2000: 11, 14).

Три канфаровидных килика входили в состав инвентаря парных погребений. В погребении 2 кургана 143 могильника Мамай-Гора сосуд стоял за черепами костяков вместе с сероглиняным и лепным кувшиниками (Андрух, Тошев 2004: 29–46). В парном детс-

ком погребении 3 кургана 7 у с. Кут рядом с канфаровидным киликом найдены белила, остатки деревянной пиксиды, плоского камня для растирания белил и бронзовый стержень (шпилька?). В грабленном парном погребении 4 кургана 21 этого же могильника канфаровидный килик встречен в заполнении камеры (Березовец 1960: 67). Пять фрагментированных киликов происходят из грабленных или коллективных погребений.

Таким образом, канфаровидные килики, как и килики в мужских погребениях, входили в группу инвентаря, связанную с питьем вина, а в женских – в группу, связанную с туалетом или ритуальными действиями. Учитывая эту закономерность, можно определять половую принадлежность детских погребений и определять пол погребенных в частично ограбленных погребениях.

Анализ встречаемости канфаровидных киликов в скифских могильниках степной Скифии позволяет высказать некоторые общие наблюдения. Большинство канфаровидных киликов происходит из мо-

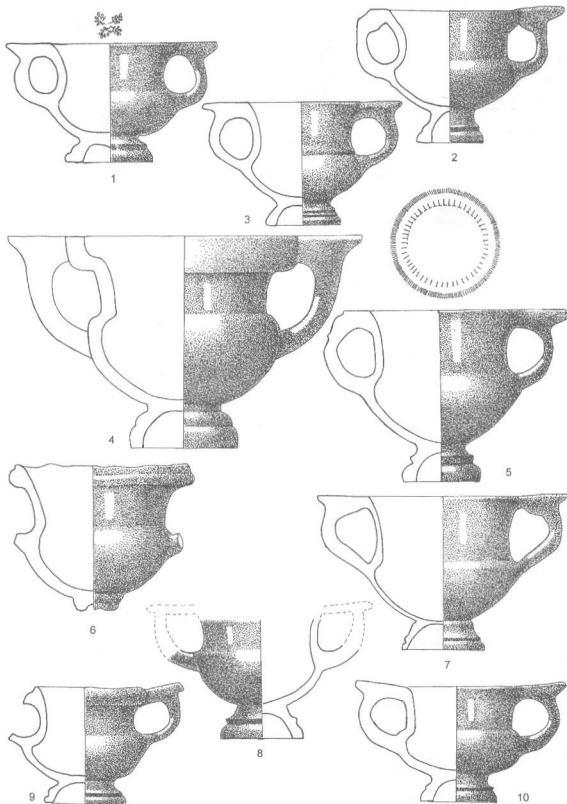

Рис. 9. Канфары: 1 – Бутор 1 (Тирасполь, Молдова), курган 13, погребение 4 (кат. № 44); 2 – Широкоє, группа 2, курган 26, погребение 1 (кат. № 50); 3 – Широкоє, группа 2, курган 69, погребение 1 (кат. № 51); 4 – Отрадноє, курган 3, погребение 2 (кат. № 47); 5 – Ковалевка, группа 5, курган 2, погребение 2 (кат. № 46); 6 – Ленино, курган 13, погребение 1 (кат. № 52); 7 – Ордзоникидзе, группа Лисьих Могил, курган 1, погребение 3 (кат. № 48); 8 – Высшетарасовка, курган 31, погребение 1 (кат. № 59); 9–10 – Великая Знаменка, группа Солохи, курган 4, погребение 1 (кат. № 56).

Fig. 9. Kantharoi: 1 – Butor 1 (Tiraspol, Moldova), kurgan 13, burial 4 (cat. № 44); 2 – Shirokoye, group 2, kurgan 26, burial 1 (cat. № 50); 3 – Shirokoye, group 2, kurgan 69, burial 1 (cat. № 51); 4 – Otradnoye, kurgan 3, burial 2 (cat. № 47); 5 – Kovalevka, group 5, kurgan 2, burial 2 (cat. № 46); 6 – Lenino, kurgan 13, burial 1 (cat. № 52); 7 – Ordzhonikidze, Lis'yi Mogilya group, kurgan 1, burial 3 (cat. № 48); 8 – Vysshetarasovka, kurgan 31, burial 1 (cat. № 59); 9–10 – Velikaya Znamenka, Solokha group, kurgan 4, burial 1 (cat. № 56).

гильдий, территориально близких к Каменскому и Капуловскому городищам.

3. Канфары, кат. № 44–78. Канфары из погребений степной Скифии представлены коллекцией из 35 сосудов. Кроме того, в Научном архиве Института археологии НАН Украины хранятся сведения еще о 13 погребениях, в которых были найдены канфары. Пять из них найдены мною в фондах Института археологии НАН Украины; два – представлены в экспозиции Археологического музея Института археологии НАН Украины; три – в экспозиции Херсонского краеведческого музея.

3. 1. Канфары обычные, кат. № 44–72. Большинство чернолаковых канфаров из скифских погребений имеет призматическое тулово и низкую ножку. Вертикальные ручки прямоугольные в сечении, их горизонтальные верхушки образуют с венчиком единую линию. Венчик литой, валикообразный, иногда полый, треугольный в сечении («клювовидный» (moulded rim)). Как правило, лак черный, нанесен неравномерно. У канфара из кургана 13, погребения 4, могильника Бутор 1 (кат. № 44, рис. 9: 1) подошва ножки, одна из ручек и треть канфара (от венчика до плечиков) не покрыты лаком (Серова, Яровой 1987: 109). Поверхность канфара из погребения 1, кургана 4, группы Солохи (кат. № 56, рис. 9: 10) матового, светло-красного цвета, который получается в результате неправильного обжига (Мелюкова 1999: 61, 72). Такие дефекты образуются в случае обжига большой группы сосудов.

Большинство канфаров не орнаментировано. Кроме упомянутых выше это сосуды из погребения 2 кургана 3 у с. Отрадное Баштанского р-на (кат. № 47, рис. 9: 4; Гребенников 1980: 152, 155), погребения 8 кургана 2 у с. Нецайное Николаевского р-на (кат. № 62; Шапошникова А.-1976/7: 230), курган у с. Вознесенка Прибужанского р-на (кат. № 69, раскопки В. И. Никитина), погребение 1 кургана 2 у с. Плющевка Николаевской обл. (кат. № 70, рис. 10: 2; раскопки В. И. Никитина, В. А. Снытко). Из степных правобережных скифских погребений канфары происходят из погребения 3 кургана 1 группы Лисьях Могил у г. Орджоникидзе Днепропетровской обл. (кат. № 48, рис. 9: 7; Мозольский 1980: 123); из грабленного погребения в камере 5 кургана Чертомлык (кат. № 49; Алексеев, Мурзин, Розле 1991: 61, 216); из Вышестаросовского могильника (Томаковского р-на Днепропетровской обл.); кургана 31, погребения 1 (кат. № 59, рис. 9: 8); кургана 33, погребения 1 (кат. № 60; Бунятян, Чердниченко, Мурзин 1977: 76, 84, 85), погребения 2 кургана 85 (кат. № 61; Чердниченко А.-1975/10: 118, 119); могильника у с. Владимирова Томаковского р-на Днепропетровской обл. – из курганов 5 (кат. № 71; Чердниченко, Болдин 1977: 137–139), 12, погребение 2, (кат. № 64, рис. 10: 5; Чердниченко А.-1976/10: 271–272), погребений 1–2 кургана 4 группы 2 Николюцкого курганного поля (кат. № 63; Граков 1962: 61).

Из памятников степного левобережья неорнаментированные канфары происходят всего из шести

погребений: погребения 1 кургана 19 Рогачикского курганного поля (кат. № 72; Фидалько 2004: 89, рис. 1: 1), из погребения 1 кургана 26 у с. Широко Скадовского р-на Херсонской обл. (кат. № 50, рис. 9: 2; Черненко, Бунятян 1977: 45–47), погребения 2 кургана 2 у с. Волная Украина Каховского р-на (кат. № 65; Лесков А.-1971/23: 55–56), погребения 1, 2 у с. Новомихайловка Новотроицкого р-на Херсонской обл. (кат. № 68; Кубышев А.-1985/7), в погребениях 1 и 2 кургана 8 у с. Чернянка Каховского р-на Херсонской обл. (кат. № 66, 67; Кубышев А.-1979/32). В Крыму неорнаментированные канфары найдены в погребении 1 кургана 13 у пос. Ленино (кат. № 52, рис. 9: 6), погребении 1 кургана 18 у с. Астанино Ленинского р-на в Крыму (кат. № 54; Яковенко, Черненко, Корпусова 1970: 161; 173), погребении 1 кургана 3 у с. Октябрьское Первомайского р-на, АРК (кат. № 55; Колотухин 2000: 32). Один неорнаментированный канфар найден на о. Хортица – в жертвеннике № 2 могильника Канфарка (кат. № 58, рис. 10: 1; Остапенко 2001: 63, 65).

Канфары, как и килики, украшались штампованным орнаментом, расположенным на внутренней поверхности дна сосуда. Сюжеты штампованного декора довольно однообразны. Чаще всего это окружности, выполненные косыми насечками. Так, в ларном погребении 4 кургана 20 могильника Мамай-Гора (кат. № 57, рис. 10: 3) стоял чернолаковый канфар с штампованным орнаментом на внутренней поверхности в виде трех окружностей, выполненных короткими косыми насечками (Андрох, Тошев 1999: 119, рис. 33: 2). Орнамент канфара из могильника Мамай-Гора ближе всего орнаменту на дне канфаровидного килика из погребения 10/1992 Ольвийского некрополя, датированного 340–325 гг. до н. э. (Папанова 2000: 212, рис. 11: 6). Три окружности украшают внутреннюю поверхность дна канфара из погребения 3 кургана у с. Владимировка Джанкойского р-на (кат. № 73, рис. 7: 3; Колотухин 2000: 13). Орнаментация в виде двух окружностей была нанесена на канфар, найденный в погребении 2 кургана 2 группы 5 у с. Ковалевка Николаевского р-на и обл. (кат. № 46, рис. 9: 5; Ковпаненко, Бунятян, Гаврилюк 1978: 118, 119). Тремя concentрическими кругами из насечек украшен канфар с канцелированным туловом из кургана 1, погребения 2 у с. Первомавка Верхнеергоачского р-на Херсонской обл. (кат. № 72, рис. 7: 2; Евдокимов, Фридман 1991: 96).

Штампованный орнамент в виде пальметок на дне имели четыре сосуда: канфары из погребения 1 кургана 69 группы 2 у с. Широко Скадовского р-на Херсонской обл. (№ 51, рис. 9: 3; Черненко, Бунятян 1977: 87), погребения 1 кургана 4 у с. Бранное Поле, Ленинского р-н, АРК (кат. № 54; Яковенко, Черненко, Корпусова 1970: 140) и из погребений 1 и 2 кургана 8 могильника у с. Чернянка Каховского р-на Херсонской обл. (Кубышев А.-1979/32).

3. 2. Канфары канцелированные, кат. № 73–76. Наиболее поздними считаются канфары с кан-

нелированной внешней поверхностью. Известны они и по находкам в степных скифских погребениях. Штампованным орнамент описанного выше канфара из могилы 3 кургана у с. Владимировка в Крыму был дополнен каннелированным орнаментом (Колотухин 2000: 13, 876 рис. 7: 2). Каннелиоры на канфаре из Первомаевки (группа 6, курган 1, погребение 2 – Евдокимов, Фридман 1991: 96) под ручками приобретали форму коротких отрезков, расположенных под углом друг к другу. Как и сосуд из Владимировки, канфар из Первомаевки орнаментирован тремя штампованными крутами из насечек (кат. № 74, рис. 7: 5). У канфара с каннелированным корпусом из женского погребения 4 кургана 27 Гайманова Поля у с. Балки (кат. № 75, рис. 7: 4) отбита ножка. (Терезножки, Ильинская, Мозолот 1970: 1; 122; 2: № 711, pl. 29, fig. 7). С. Ротрофф относит «призматические каннелированные классические канфары» к последней четверти IV в. до н. э. (Rotroff 1997: 1: 85; 2: fig. 6, № 38). В это же время или чуть позже – в начале III в. до н. э. они появляются в степных скифских погребениях (Гаврилюк 1989: 61).

В материалах Афинской агоры канфары с каннелированным туловом (ribbing) были найдены в слоях второй четверти IV в. до н. э. Однако они продолжают существовать до конца столетия и даже до начала III в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 711, pl. 29, fig. 7). С. Ротрофф относит «призматические каннелированные классические канфары» к последней четверти IV в. до н. э. (Rotroff 1997: 1: 85; 2: fig. 6, № 38). В это же время или чуть позже – в начале III в. до н. э. они появляются в степных скифских погребениях (Гаврилюк 1989: 61).

3. 3. Канфары, орнаментированные в стиле West Slope, кат. № 77–78. В группу классических канфаров, орнаментированных в стиле West Slope (группа орнаментов в виде гирлянд), входят сосуды из двух скифских погребений. Это канфар из погребения 1 кургана 24 Акташского могильника (кат. № 77, рис. 10: 4; Бессонова, Буянтин, Гаврилюк 1988: 115, 163, рис. 19: 3), орнаментированный по горлу гирляндой и розеткой. Украшения были нанесены жидкой белой краской. Этой же краской выполнена надпись Ekathx, расположенная на горле. С. Ротрофф выделяет декор группы в стиле West Slope в орнаменты с гирляндами. Орнамент сосуда из Акташского могильника ближе всего к гирляндам на канфарах группы Vatican G 116, которые производились в первой четверти III в. до н. э. (Rotroff 1997: 1: 98; 2: fig. 5, № 178). Авторы находки относят данное погребение к первой половине III в. до н. э.

Канфар из погребения 1 кургана 2 у с. Площевка Николаевской обл. (кат. № 78, рис. 10: 6) с каннелированной поверхностью и орнаментом в виде гирлянды плоча имеет аналогии в материалах Афинской агоры. Это канфары с каннелированным туловом (ribbing), орнаментированные в стиле West Slope. Они были найдены в слоях второй четверти IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 721, pl. 29). Декор сосуда из Площевки ближе всего к гирляндам плоча, которые были популярны в IV в. до н. э. Это классический канфар с «plain rim». Такие сосуды по форме и орнаментации датируются последней

четвертью IV в. до н. э. (Rotroff 1997: 1: 85; 2: fig. 5, № 28, 31).

Скифские погребения, в которых найдены канфары, – либо женские, либо детские, реже – парные. Нет ни одного неогрabenного погребения с канфаром, которое могло бы быть отнесено к мужским захоронениям.

Так, девять неогрabenных скифских погребений, в которых найдены канфары, определены как женские. Стоящий у головы погребенного канфар найден в шести случаях (Мамай-Гора, курган 20, погребение 4 – парное; Высшетарасовка, курган 31, погребение 1; Гайманово Поле курган 27, могила 4; Кут, курган 22, погребение 9; Вольная Украина, курган 2, погребение 2; Акташский могильник, курган 24, погребение 1). В погребении 2 кургана 3 у с. Отрадное у ног погребенной найдены только канфар. В кургане 13, погребении 1 канфар стоял у левого бедра умершей, в погребении 1 кургана 4 у с. Бранное Поле – под правой рукой. В двух случаях (Ленино и Бранное Поле) канфары в женских погребениях не сопровождалась другими находками. Во всех других женских захоронениях канфары входили в группу находок, связанных с прядением, шитьем или вязанием. Примерами являются находки веретена и двух свинцовых пряслиц и железных спиц из Отрадного; пряслица и шила из кургана 20 Мамай-Горы; пряслица и шила из Высшетарасовки; пряслица из кургана 22 у с. Кут; пряслица и проколки из кургана у с. Владимировка Джанкойского р-на; каменного пряслица из кургана 24 Акташского могильника; пряслица из кургана 2 у с. Вольная Украина. Сюда же входили находки, связанные с туалетом женщины (зеркало с бронзовой ручкой из кургана 20 могильника Мамай-Гора; зеркало и кусок охры из кургана 31 Высшетарасовского могильника, зеркало из кургана 2 Вольная Украина; бусы в виде амфор из кургана 27 Гайманова Поля).

Пять канфаров происходят из детских погребений (Орджоникидзе, группа Лисьих Могила курган 1, погребение 2; Широко, группа 2 курган 26, погребение 1; группа Солохи, курган 4, погребение 1, Высшетарасовка, Томаковского р-на курган 85, погребение 2; Октябрьское курган 3, погребение 1). Все они найдены в районе черепов погребенных. Лишь в детском погребении 2 кургана 12 у с. Владимировка на Днепрпетровщине канфар стоял у бедра погребенного. Как и в женских захоронениях, канфары из детских могил происходят из наборов для рукоделия (пряслице из погребения 2 кургана 85 у с. Высшетарасовка) или из группы украшений (золотая серьга с бусиной и браслет из кургана группы Солоха или бронзовая серьга из кургана 85 у с. Высшетарасовка).

Канфары, в отличие от киликов и канфаровидных киликов, иногда (крайне редко) встречаются (во фрагментах) в материалах скифских поселений Поднепровья. Так, за все время работы на Камеском городище из 174 фрагментов столовой керамики (Гаврилюк 1999: 250, табл. 5: 11) лишь 53 фрагмента были от черепколяковых сосудов – канфаров и чашечек. Из них канфарам могли принадлежать фрагменты 28 со-

Рис. 10. Канфары: 1 – Канфарка на о. Хортита (кат. № 58); 2 – Плюшевка, курган 2, погребение 1 (кат. № 70); 3 – Мамай-Гора, курган 20, погребение 4 (кат. № 57); 4 – Акташский могильник, курган 24, погребение 1 (кат. № 77); 5 – Владимировка Токмаковского р-на, курган 12, погребение 2 (кат. № 64); 6 – Плюшевка Николаевской обл., курган 2, погребение 1 (кат. № 78).

Fig. 10. Kantharoi: 1 – Cemetery of Kanfarka on Khoritsa Island; 2 – Plyushchevka, kurgan 2, burial 1 (cat. № 70); 3 – Mamay-Gora, kurgan 20, burial 4 (cat. № 57); 4 – cemetery of Aktash, kurgan 24, burial 1 (cat. № 77); 5 – Vladimirovka of Tomakovsky district, kurgan 12, burial 2 (cat. № 64); 6 – Plyushchevka of Nikolayev oblast, kurgan 2, burial 1 (cat. № 78).

судов. На поселении Лысая гора найден всего лишь один фрагмент чернолакового канфара.

Картографирование чернолаковых канфаров свидетельствует о распространении этих сосудов по всей Степной Скифии. Однако в материалах левобережного (Капуловского) эколого-экономического района найдено наибольшее количество канфаров, в то время как в районе Каменского городища (Каменский эколого-экономический район) чернолаковых канфаров встречено сравнительно мало.

4. Анализ описанной коллекции чернолаковых киликов и канфаров из степных скифских погребений. Выше была охарактеризована коллекция из 78 экземпляров чернолаковых целых и фрагментированных киликов и канфаров из степных скифских по-

гребений. Большинство этих находок было опубликовано ранее. Однако заметную часть коллекции составляют ранее неопубликованные материалы, хранящиеся в фондах Института археологии НАН Украины, исторических музеев. Именно знакомство *de visu* с материалами степных скифских погребений позволило уточнить датировку, функциональное назначение, обратить внимание на ряд других особенностей исследуемой категории керамики.

О составе, хронологических рамках и количественном характере поступающих в Степную Скифию сосудов. Первые чернолаковые сосуды – килики на ножках – начинают поступать в скифскую степь с середины V в. до н. э. Их можно охарактеризовать как разовые поступления. Отметим, что они попада-

ли не только в степную, но также и в лесостепную зоны Северного Причерноморья. Происходило знакомство скифов с новым вешевым миром.

В последней четверти V в. до н. э. у скифов Северного Причерноморья получают распространение килики-болсалы, встречающиеся в Северном Причерноморье и во второй четверти IV в. до н. э. (Рогов, Тункина 1998: 163). Их находки в степных скифских погребениях также единичны.

И только тяжелостенные килики начали поступать к степным скифам в виде партий товаров. По материалам Афинской агоры, эти сосуды датируются 420 г. до н. э.–380 г. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 112). В Степной Скифии тяжелостенные килики появились в последней четверти V в. до н. э., сначала как единичные экземпляры, а потом, на протяжении всей первой половины IV в. до н. э., уже небольшими партиями. Вероятнее всего, посредниками в распространении этой аттической продукции явились античные центры Северного Причерноморья.

Основное количество следующего вида чернолаковой керамики, встречающейся в Степной Скифии, — легкостенных киликов производилось в Аттике во второй четверти IV в. до н. э. Однако небольшое количество легкостенных киликов встречается также и после 375 г. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 111). В погребениях Степной Скифии легкостенные килики поступали в единичных экземплярах на протяжении короткого времени — в первой половине IV в. до н. э. Напротив, в материалах античных центров легкостенные килики — массовая находка. Поступление таких сосудов на рынки Причерноморья (по данным поселения и некрополя Ганское) прекращается не позднее середины IV в. до н. э. (Рогов, Тункина 1998: 165).

По материалам Афинской агоры, канфаровидные килики уже известны в середине IV в. до н. э. Однако датировка 390–380 гг. до н. э. кажется авторам наиболее приемлемой (Sparkes, Talcott 1970: 1: 119). В степных скифских погребениях они встречаются на протяжении середины–третьей четверти IV в. до н. э. Более поздним временем датируются канфаро-килики с каннелированным корпусом. По материалам Афинской агоры, их производство относится к третьей четверти IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 119). Следовательно, в двух скифских погребениях (кат. № 42, 43) они могли появиться в конце IV в. до н. э. Количество и локализация погребений с канфаровидными киликами позволяют говорить не о единичных, разовых находках, а о поступлении в регион сосудов в виде партий.

Канфары с утолщенным полом (клововидным) или прямым венчиком, если судить по материалам Афинской агоры, стали производиться так же рано, как и канфаровидные килики, они появились в V в. до н. э., но основное время их распространения — IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122). В степную зону Северного Причерноморья эти сосуды поступают с середины IV в. до н. э. и бытуют там всю вторую половину века. Выделяется более поздняя группа чернолаковых канфаров — сосуды с каннелированным туловом (кат. № 73–76). В материалах Афинской

агоры они были найдены в слоях второй четверти IV в. до н. э. и продолжают встречаться в слоях конца столетия и даже начала III в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122). С. Ротрофф относит «ариземистые каннелированные классические канфары» к последней четверти IV в. до н. э. (Rotroff 1997: 1: 85). Два канфара из скифских степных погребений были декорированы в стиле West Slope (кат. № 77, 78). С. Ротрофф выделяет в этом стиле группу орнаментов с гиляндами. Орнамент сосуда из Акташского могильника (кат. № 71) ближе всего к гиляндам на канфарах группы Vatican G 116, которые производились в первой четверти III в. до н. э. (Rotroff 1997: 1: 98; 2: fig. 5, № 178), что не противоречит дате погребения. Орнаментация на сосуде из Площецки ближе всего к гиляндам плоча, которые были популярны в IV в. до н. э. И по форме, и по орнаментации такие сосуды датируются последней четвертью IV в. до н. э. (Rotroff 1997: 1: 85; 2: fig. 5, № № 28, 31). Таким образом, наиболее поздние поступления чернолаковой аттической керамики к скифам относятся к последней четверти IV — началу III в. до н. э. Большая коллекция канфаров из степных скифских погребений позволяет говорить о массовых поставках чернолаковых сосудов этого типа. Однако к концу IV в. до н. э. количество канфаров в скифских землях сокращается. Последней партией была, очевидно, группа канфаров с каннелированным туловом.

О роли античных центров Северного Причерноморья. По всей видимости, Ольвия, а также города Боспора играли роль посредников в торговле аттической чернолаковой посудой. Об этом свидетельствует не только состояние сосудов в погребениях (многие из них сильно потерты, некоторые, например, сосуд из Широкого, имеют следы ремонта), но и сравнительно большое количество чернолаковых сосудов с граффити. Можно допустить, что ремонт керамики был доступен не только греческому населению, но и скифам, даже кочевым. Однако о массовости распространения греческой письменности в скифской среде говорить не приходится. Поэтому можно предположить, что в массовом количестве чернолаковые сосуды поступали вначале в античные центры Северного Причерноморья. После некоторого времени пребывания там и употребления их в быту греков они попадали к скифскому населению. То есть чернолаковые сосуды, происходящие из памятников скифского круга, нередко являлись предметами вторичного использования.

Картографирование основных видов чернолаковой посуды позволяет говорить о некоторых особенностях их распространения. Так, чернолаковые килики встречаются по всей Степной Скифии (рис. 4). Однако территорией наибольшего распространения тяжелостенных киликов в степной зоне Северного Причерноморья является его степное левобережье — Каменский эколого-экономический район. В скифских левобережных памятниках найдено девять тяжелостенных киликов, два — в скифских погребениях степного правобережья и по одному — в приднестровских и крымских.

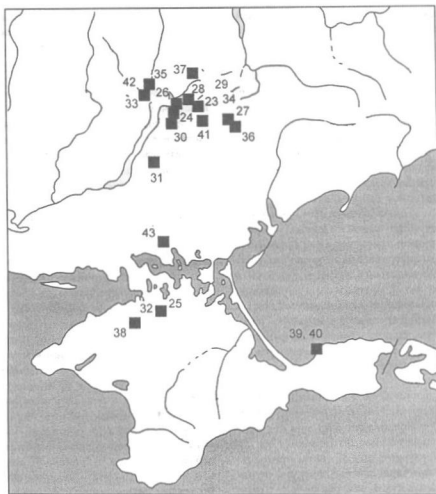

Рис. 11. Распространение канфаров. Номера на карте соответствуют номерам каталога.

Fig. 11. Distribution of kantharoi. The numbers on the map correspond to those in the catalogue.

Возможно, в первой половине IV в. до н. э. к скифам Днепровского степного левобережья поступила небольшая партия тяжелостенных киликов с орнаментом в виде четырех крестовидно расположенных пальметок. Во всяком случае, шесть таких сосудов происходят из территориально близких могильников – два из Солохского, по одному из Рогачикского, Первомайского, Днепрорудненского, Ольгинского. То есть частая встречаемость чернолаковых аттических киликов в могильниках Днепровского левобережья, расположенных вблизи Каменского городища, позволяет предположить, что основными потребителями этого товара были обитатели Каменского эколого-экономического района.

Картографирование находок канфаровидных киликов (рис. 8) свидетельствует об ограничении распространения этих сосудов районом Каменского и Капуловского городищ и Крымом. По-прежнему большинство чернолаковых сосудов поступает обитателям Каменского эколого-экономического района. Во всяком случае, девять канфаровидных киликов найдены в погребениях этого района. Более того, можно предположить, что основным посредником в поступлении этих сосудов были беспорские античные центры.

Погребения с канфарами равномерно распространены по всей Степной Скифии (рис. 11). Однако, в отличие от других чернолаковых сосудов «для питья», основная масса канфаров поступает к обитателям степного правобережья (Капуловского эколого-экономического района).

О функции чернолаковых сосудов в быту степных скифов. Исследование положения киликов в мужских, женских и детских погребениях позволяет говорить как о длительном использовании этих сосудов, так и об изменении в течение периода использования их функционального предназначения. По-видимому, основными получателями этих парадных сосудов были представители «среднего класса», то есть представители скифской аристократии, выполнявшие управленческую функцию (модель 3), составлявшие от 15 до 20 % населения Степной Скифии (Буянтян 1985: 96–100). Во всяком случае, в скифских погребениях более высокого ранга – в царских – чернолаковые «сосуды для питья вина» встречаются крайне редко и, как правило, в качестве дополнения набора серебряных сосудов.

В некоторых богатых мужских погребениях в группе инвентаря, связанного с употреблением

вина, действительно, как об этом писал Геродот, найдено по два килика – серебряный и чернолаковый. Возможно, это – погребения воинов, которые «убили многих мужей». Естественно предположить, что вначале килик использовался мужчинами для употребления вина. И лишь впоследствии, если судить по фактам присутствия этого вида сосудов в женских погребениях, функции киликов трансформировались весьма радикальным образом. При этом особо следует заметить, что это наблюдение относится только к киликам или канфаровидным киликам. Из рассмотренных мною погребений с канфарами ни одно не принадлежало мужчине.

В женских погребениях килики, канфаровидные килики и канфары встречаются в группах инвентаря вместе с веретенами, пряслицами, зеркалами, что не позволяет их рассматривать как сосуды для употребления вина. По-видимому, также и в реальной жизни сосуды для нитя, пришедшие в негодность, передавались в пользование женщинами в качестве шатулов для хранения предметов рукоделия – пряслиц, иглол, веретен, изредка – бус. Эту же функцию продолжают выполнять потертые, со следами ремонта канфары, которые почему-то перестали ставить в мужские погребения.

Особенности расположения в инвентаре чернолаковых сосудов повторяются и в детских погребениях. Эту особенность можно учитывать при половозрастных определениях детских захоронений.

Иногда можно говорить еще об одном – ритуальном – использовании чернолаковых сосудов. Функцию отпугивания злых духов, аналогичную функции шумящих наперших, мог выполнять шумящий сосуд из Каменки-Днепровской (кат. № 34). В целом же, учитывая «жреческий» характер некоторых упомянутых женских захоронений, можно предположить, что в скифской среде чернолаковые сосуды особо ценились как предметы погребального инвентаря.

Таким образом, на примере находок чернолаковых сосудов в скифских погребениях можно проследить изменение функциональной принадлежности некоторых предметов, попавших в нютраичную среду. Кроме того, при датировке погребений по находкам чернолаковой керамики, столь надежно датированной по материалам Афинской агоры, следует учесть время использования одних и тех же сосудов: обитателями античных центров, мужчинами-скифами для питья вина и женщинами-скифянками в рукоделии и ритуальных действиях.

Выводы. 1. Первые чернолаковые сосуды – килики на ножках – поступают в скифскую степь в середине V в. до н. э. С последней четверти V в. до н. э. у скифов Северного Причерноморья появляются килики-болсалы. В последней четверти V – первой половине IV в. до н. э. в степи используются килики различных типов. С середины IV в. до н. э. в степную зону Северного Причерноморья попадают канфары различных типов, где они бытуют всю вторую половину века. Канфары и канфаровидные килики с каннелированным корпусом появляются во второй четверти IV в. до н. э. и продолжают встречаться в слоях

конца столетия и даже начала III в. до н. э. С последней четверти IV в. до н. э. до первой четверти III в. до н. э. в степи используются канфары, декорированные в стиле West Slope.

2. В V в. до н. э. поступления чернолаковых сосудов в Степную Скифию носят единичный характер. В первой половине IV в. до н. э. килики привозятся уже небольшими партиями, которые формируются, скорее всего, не в Аттике, а в античных центрах Северного Причерноморья. Возможно, какую-то роль в формировании таких партий играли жрецы, занимавшиеся «трансфером» votивных предметов. Во всяком случае, на сосудах нередко встречаются греческие граффито, в основном, *посвятительные* (Бессонова 2004). Количество и локализация погребений с канфаровидными киликами также позволяет говорить о небольших размерах партий этих сосудов. Распространение канфаров в скифских памятниках всей степи позволяет предположить поступление, как минимум, трех больших партий таких сосудов: канфаров с прямым венчиком; призматических канфаров с утолщенным полым венчиком; канфаров с каннелированным туловом. Последние поступили в степь позже всех. Находки канфаров, декорированных в стиле West Slope, единичны и происходят из памятников, расположенных вблизи античных центров.

3. Оливия, города Боспора играли роль посредников в торговле аттической чернолаковой посудой. В первый период распространения чернолаковой керамики в степи, в V – первой половине IV в. до н. э. это, скорее всего, – Оливия и, возможно, – Тира. Во всяком случае, килики встречаются в основном в западных районах степи. Картографирование канфаровидных киликов дает основание сделать вывод, что Боспор выступал в качестве посредника. Поставщиками канфаров в степь были, по-видимому, античные центры всего Северного Причерноморья.

4. Картографирование находок сосудов различного типа позволяет предположить, что обитатели степного побережья, в частности, население Каменского эколого-экономического района, были основными получателями тяжелостенных киликов, орнаментированных четырьмя крестообразно расположенными пальметками, а также – канфаровидных киликов (рис. 4; 8). С середины IV в. до н. э. основными получателями чернолаковой керамики становятся скифы днепровского степного правобережья – Капуловского эколого-экономического района (рис. 11).

5. Сосуды из женских погребений, как правило, имеют явные повреждения (отбиты ручки, потертый лак). Этот факт может свидетельствовать о существенном продлении жизненного цикла чернолаковых сосудов («первоначальные владельцы из античного мира» → «носители скифской культуры») путем передачи после их «выхода из строя» в женские руки. Таким образом, при использовании чернолаковой керамики в качестве хронологического материала при датировке скифских погребений, как в свое время правильно заметил Б. Н. Моделевский (Тереножкин, Моделевский 1988: 146–149), необходимо учитывать вероятное «продленное» время их использования

в быту. Другими словами, после первоначального (не исключено: двухстадийного – северопричерноморский грек → скиф-воин) периода использования сосудов по прямому назначению – для питья вина и их повреждения в этом качестве – сосуды получали очередную вторую или третью «жизнь» в женском быту. Период «второй жизни» едва ли превышал продолжительность жизни одного поколения (25–30 лет). Такое определение подтверждается сравнением датировок сосудов по материалам Афинской агоры и датировок степных скифских погребений по другим материалам (например, по амфорам: кат. № 3, 5, 15, 19; другим материалам: кат. № 6, 18, 21, 23, 26, 31, 46, 48, 51, 56 или по стратиграфии курганов: кат. № 10, 29, 34, 74). Следует отметить, что эта особенность чернолаковой керамики учитывалась почти всеми скифологами – авторами раскопок погребений, приведенных в каталоге.

6. Основными получателями этих парадных сосудов были представители «среднего класса», то есть представители скифской аристократии, выполнявшие управленческую функцию (модель 3) и составлявшие от 15 до 20 % населения степной Скифии (Бузняк 1985: 96–100). Во всяком случае, в царских скифских погребениях чернолаковые «сосуды для питья вина» встречаются крайне редко и, как правило, лишь дополняют набор серебряных сосудов.

7. В некоторых богатых мужских погребениях в группе инвентаря, связанной с употреблением вина, действительно найдено, как писал Геродот, по два килика – серебряный и чернолаковый. Возможно, это погребения воинов, которые «убили многих мужей», то есть сведения Геродота о парности парадных сосудов во время некоторых ритуалов степных скифов подтверждаются археологически.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КАТАЛОГ ЧЕРНОЛАКОВЫХ СОСУДОВ ИЗ СКИФСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (КИЛИКИ, КАНФАРОВИДНЫЕ КИЛИКИ И КАНФАРЫ)

1. Килики, кат. № 1–22.

1. 1. Килики на невысокой тонкой ножке, кат. № 1–3.

1. Килик открытого типа на невысокой тонкой ножке, поддон не сохранился (рис. 1: 1). Чаша неглубокая с вертикальным бортиком и округлым дном. Лак черный блестящий хорошего качества.

– Высота: чаша – 4,5 см, ножки – 1,4 см; диаметр: венчик – 14 см, ножки – 1,4 см; длина ручки – 5,5 см.

– с. Васильевка Снегиревского р-на Николаевской обл. Курган 9, погребение 1, мужское. Килик найден с амфорой, скифосом и светильником в северной нише (Гребеников, Ребадейло 1991: 120).

– Аналоги: форма сосуда возникла до 480 г. до н. э. и представлена двумя фрагментами, которые соотносятся с материалами второй четверти V в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 3; 2: № 435, Pl. 20, Fig. 5).

– Дата погребения: не ранее второй четверти V в. до н. э., скорее всего – середина V в. до н. э.

2. Килик на ножке.

– с. Большая Белозерка Белозерского р-на Запорожской обл. Чмырева могила; раскопки Н. И. Веселовского. Найдены в тайнике в западной стенке боковой могилы вместе с пятью серебряными сосудами.

3. Килик. Дно; по-видимому, ножка отбита в древности.

– Высота – 4,5 см, диаметр венчика – 13 см. Орнаментирован концентрическими окружностями в центре.

– с. Великая Знамена Камениско-Днепровского р-на Запорожской обл. Мамай-Гора, курган 158, ров, западный сектор (Андрух, Тошев 2004: 61–62).

– Аналоги: не могут быть датированы более точно, чем до 480 г. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 92; 2: № 398–413, Pl. 20, Fig. 4.)

– Дата погребения: по находке во рву хвостовой пухлогорной амфоры авторы публикации датируют курган началом-серединой V в. до н. э. (Андрух, Тошев 2004: 61–62).

1. 2. Килики-болсалы (bolsal), кат. № 4–5.

4. Килик типа «болсала».

– Рогачкинский могильник, курган 14, погребение 1.

– Аналоги: начало производства таких сосудов относится к позднему V в. до н. э. Отмечаются их различные вариации, связанные не с хронологией, а с производством в разных мастерских, которые функционировали в позднем V в. до н. э., для V в. до н. э. характерны прямые стенки, позднее отмечается изгиб (Sparkes, Talcott 1970: 1: 107; 2: № 541, 557, Pl. 6).

– Дата погребения: начало–первая четверть IV в. до н. э. (Филалет 2004: 88).

5. Килик в виде чаши с прямыми стенками на кольцевом поддоне. Помещенные в верхней части горизонтальные ручки отбиты. Поддон обведен тонким углубленным пояском без лака. В средней части дна с внешней стороны – ряд углубленных значков. Дно изнутри орнаментировано штампованным узором в виде нечеткой и несимметричной шестилучевой звезды с пальметтами на кончиках, заключенных в круг из густо поставленных косых насечек.

– Высота сосуда – 7 см; диаметр: устья – 14,5 см; поддона – 9,8 см.

– Мелитопольский курган – у юго-восточной стены погребальной камеры обломки крышки леканы и чернолакового килика (Тереженжин, Мозолевский 1988: 30, 114–115).

– Аналоги: производство таких сосудов относится к позднему V в. до н. э. Для этого времени характерны прямые стенки (Sparkes, Talcott 1970: 1: 107; 2: № 541, 557, Pl. 6). К последней четверти IV в. до н. э. относят болсал подобного типа С. Ротрофф (Rotroff 1997: 1: 97; 2: № 168, fig. 13).

– Дата погребения: по амфорам (на основании стипольского клеймения) датировка кургана 340–320 г. до н. э., на основании взаимовстречаемости найденных золотых бляшек и некоторых типов бронзовых наконечников стрел А. Ю. Алексеев датирует оба погребения Мелитопольского кургана 350/

- 340–280 гг. до н. э., при этом первичное погребение он относит к 360–310 гг. до н. э., вторичное – к последней трети IV в. до н. э. Б. Н. Мозолевский считает, что Мелитопольский, Пятибратный и Чертомлыкский курганы «синхронны... и были сооружены в пределах конца третьей–начала четвертой четверти IV в. до н. э.». Касаая датировку скифских погребений по черепашковской керамике, Б. Н. Мозолевский, со ссылкой на Н. А. Онайко, датирует черепашковские килик не позднее середины IV в. до н. э. Б. Н. Мозолевский отмечает, что черепашковская керамика «ценилась у скифов очень высоко и могла попадать в гробницу после длительного пользования ею, что подтверждается и неодиокарными находками в курганах сосудов со следами ремонта» (Терезюккин, Мозолевский 1988: 146–149).
1. 3. Килик с валиком-венчиком (*cup-skyrphos with heavy wall*), *кат. № 6–18*.
6. Килик с двумя ручками на низкой профилированной подставке. Венчик в виде валика отделен от тулова едва заметным желобком. Ручки отбиты в древности. Внутри на донышке штампованный орнамент: семь подковообразных дуг внутри кольца, вне кольца четыре семилестчатые пальметки. На донышке сизу на фоне глины три концентрических кольца. Лак – снаружи до основания ручек имеет черный оттенок, ниже – вогнутости обжига сосуда. Лак нанесен неровно. Орнамент оттиснут небрежно.
- Высота: сосуда – 6,6 см, ножки – 0,7 см; диаметр: венчика – 12,3 см, ножки – 5,9 см.
 - Курган Солоха – у правой руки скелета «В» (Н. И. Веселовский считал погребенного царем), среди серебряных сосудов (Манцевич 1987: 23, 94, 96, Илл. № Дн 1913 1,22).
 - Аналогич: Среднее Поднепровье (Онайко 1970: табл. 34, № 799, 900), могильник у с. Николаевка на Днепропетровской ливане (Мельникова 1975: рис. 43: 10, 44: 6), Петуховка (Ebert 1913: рис. 52, 54), Ольвийский некрополь (Илл. № О 1912, 217, 1906, 28), некрополи Истрии и Оливиры (Robinson 1933: табл. 151, 534).
 - Дата погребения: конец V–начало IV в. до н. э. по аналогиям из Оливиры. А. П. Манцевич на основании аналогий серебряных сосудов синхронизировала дату погребения в кургане Солоха с Чмыревой Моголол и Куль-Обой. Она отмечала, что горит и сосуд с изображением охоты из Солоха и фриз Парфенона, с одной стороны, ножки из Чертомлыка и музея Метрополитен – с другой по сюжетам и стилю принадлежат одному кругу памятников. 14 амфор из Солохи имеют близкие аналоги в памятниках рубежа V – IV в. до н. э. (Манцевич 1987: 95, 119–120). Редактор книги А. Ю. Алексеев замечает, что ближайшей аналогией по форме являются килики № 621, а по орнаменту – № 799, 864, 598, 619, 803 из материалов Афинской агоры, которые датируются около 400–380 гг. до н. э. (Манцевич 1987: 121). Однако В. Спаркс и Л. Талькотт отмечают, что «heavy-walled cup skyrphos» поступили в обращение после 420 г. до н. э. и использовались до 380 г. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 112; 2: № 621, fig. 6, pl. 27).
7. Килик с валиком на невысоком поддоне. Еще в древности сосуд был отгормонирован – соединен скобами, от которых сохранились отверстия. Лак хорошего качества, черный блестящий. С внешней стороны на дне две концентрические окружности, нанесенные лаком, с внутренней стороны – пальметки.
- Высота – 8 см; диаметр: венчика – 12,8 см, поддона – 6,7 см.
 - с. Великая Знаменка Каменско-Днепропетровской р-на Запорожской обл. Группа Солоха, курган 75, погребение 3. Стоял в ногах вместе с свинцовым коническим присьемем. Под киликом – остатки деревянного предмета с окисью железа, свернее – кусочек серы (Мельникова 1999: 69, 72).
 - Аналогич: погребение кургана Солоха, Афинская агора (Sparkes, Talcott 1970: 1: 112; 2: № 621, fig. 6, pl. 27).
 - Датировка: А. П. Манцевич датирует соловыхский килик концом V–началом IV в. до н. э., Н. А. Онайко – первой половиной IV в. до н. э., А. Ю. Алексеев – в интервале 400–
- 380 гг. до н. э. (Алексеев 1992: 147). По Афинской агоре – 420–380 гг. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 112).
8. Килик с обломанными ручками. Тяжелостенный килик на кольцевом поддоне. Широкий венчик выгнут наружу.
- Высота сосуда – 7 см, диаметр: венчика – 12 см, дна – 6,2 см.
 - с. Балки Васильевского р-на Запорожской обл. Носаки, курган 4, погребение 3, найден на войлоке у ног погребенной (Бидзиля, Болтрик, Мозолевский, Савоский 1977: 117).
 - Аналогич: поступили в обращение после 420 г. до н. э. и использовались до 380 г. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 112; 2: № 621–623, fig. 6, pl. 27).
 - Дата погребения: середина IV в. до н. э. (Бидзиля, Болтрик, Мозолевский, Савоский 1977: 118).
9. Тяжелостенный килик с валиковидным венчиком (в публикации назван кифаровидным) с пальметтой на дне и граффити на ножке.
- с. Чкалова Верхнеднепровской р-на, Днепропетровской обл. Курган 5, погребение 1 (женское). Сосуд найден на меловом пятне, рядом находились два свинцовых присьема (в публикации – ворворки) (Ковалева 1999: 131).
 - Аналогич: поступили в обращение после 420 г. до н. э. и использовались до 380 г. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 112; 2: № 621–623 fig. 6, pl. 27).
 - Дата погребения: IV в. до н. э. (Ковалева 1999: 131).
10. Килик с глубокой чашей на невысоком профилированном поддоне. Венчик валикообразный, выступающий наружу. Ручки обломаны в древности. Внутри на дне атгамом оттиснута четырехлучевая розетка с расположенными крестообразно пальметками. Вокруг дна концентрические кольца, пространство между ними украшено овалами. Дно с внешней стороны украшено четырьмя концентрическими кольцами из лака с точкой в центре.
- Высота: килика – 6,2 см, поддона – 1,4 см; диаметр: венчика – 11,6 см, поддона – 6 см.
 - с. Первомайск, Верхнерогачицкий р-н Херсонской обл. Курган 4, погребение 1, летское. Килик стоял отдельно от других предметов, в изломе погребенного (Евдокимов, Фридман 1987: 102, 103).
 - Аналогич: поступили в обращение после 420 г. до н. э. и использовались до 380 г. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 112; 2: № 621–623, fig. 6, pl. 27).
 - Дата погребения: погребение 1 является одним из позднейших в кургане 4, из восьми скифских погребений, о чем свидетельствует его положение в кургане. Следовательно, верхняя граница сооружения кургана 4, учитывая тот факт, что килик, прежде чем попасть в погребение, использовался в течение определенного времени, не выходит за рамки первой четверти IV в. до н. э. (Евдокимов, Фридман 1987: 102, 115).
11. Килик с валиком. Орнамент – четыре розетки вокруг концентрических кругов.
- Рогачицкий могильник курган 14, погребение 1.
 - Аналогич: поступили в обращение после 420 г. до н. э. и использовались до 380 г. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970, P. 1: 112; 2: № 621–623, fig. 6, pl. 27).
 - Дата погребения: начало–первая четверть IV в. до н. э. (Филимо 2004: 88).
12. Килик тяжелостенный. Лак черный хорошего качества. Поддон в виде округлого валика. На дне с внешней стороны – концентрические круги, нанесенные лаком; с внутренней стороны – семилестчатая розетка. Похожий килик был найден во впускном погребении кургана Солоха (Манцевич 1987: 94, 95, № 67).
- Высота – 8,5 см, диаметр: венчика – 15 см, поддона – 7,3 см.
 - г. Днепрорудный Запорожской обл. Курган 6, погребение 2, мужское воинское погребение, слева от головы стоял килик (Кузнецова, Кузнецов 2005: 320–321).
 - Аналогич: поступили в обращение после 420 г. до н. э. и использовались до 380 г. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 112; 2: № 621–623, fig. 6, pl. 27).
 - Дата погребения: первая половина IV в. до н. э. (Кузнецова, Кузнецов 2005: 328).

13. Килик на низком, слегка профилированном поддоне, ручки отбиты, венчик валикоподобно отогнут. Лак черный не очень качественный. На поддоне на внешней поверхности нанесено графити DDIII.

— Высота сосуда — 6,5 см, диаметр: венчика — 10,4 см, поддона — 5,3 см.

— с. Ольгино Горностаевского р-на Херсонской обл. Женское погребение. Сосуд найден в заполнении входной ямы на глубине 1,5 м.

— Аналогии: поступили в обращение после 420 г. до н. э. и использовались до 380 г. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 112; 2: № 621–623, *fig. 6, pl. 27*). Елизаветовский могильник.

— Дата погребения: середина–третья четверть IV в. до н. э. (Бессонова, Ковальов, Кубицес 2005: 40).

14. Килик (назван в публикации канфаром) на широкой ножке. Одина ручки отбиты в древности.

— с. Кут Никопольского р-на Днепропетровской обл. Курган 7, погребение 9 — восточная катакомба, погребение богатой женщины с оружием. Стоял на ког от черепа вместе с двумя связанными присланими, деревянной писцилой, фрагментом восточного наборного веретена (в публикации — ручка писцилы).

— Аналогии: по материалам Афинской агоры известно, что такие килики поступили в обращение после 420 г. до н. э. и использовались до 380 г. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 112; 2: № 621, *fig. 6, pl. 27*).

— Дата погребения: IV–III вв. до н. э. (Березовец 1960: 54).

15. Килик с одной отбитой в древности ручкой. Изнутри украшен штампованным орнаментом из восьми расположенных по кругу пальметок, соединенных дугами. Внутри круга прочерчены две концентрические окружности, промежутки между которыми заполнено 13 овцами. Старушка плоское донышко украшено пятью концентрическими кольцами лака с точкой в центре. Лак коричневый, блестящий, различной плотности.

— Высота сосуда — 6,7 см, диаметр: венчика — 13,2 см, поддона — 6,7 см.

— с. Богдановка Каховского р-на Херсонской обл. Курган 3, погребение 1, мужское. Килик найден в заполнении ямы (Битковский, Полин 1987: 76).

— Аналогии: погребение 1906/25 Ольвийского некрополя конца V в. до н. э. (Козуб 1974: 47), такие килики (по материалам Афинской агоры) поступили в обращение после 420 г. до н. э. и использовались до 380 г. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 112; 2: № 622, *fig. 6, pl. 27*, орнамент — № 482).

— Дата погребения: по гераклейским клеймам — конец V в. до н. э. (Битковский, Полин 1987: 83).

16. Килик (в публикации — канфар) с отбитыми ручками. Валикообразный венчик, невысокий поддон. Лак плохого качества.

— Высота сосуда — 6,5 см, диаметр: венчика — 11,5 см, поддона — 6,5 см.

— с. Астанино Ленинского р-на АРК. Курган 16, погребение 3, на дне отграбленного погребения (Яковенко, Черненко, Корпусова 1970: 171).

— Аналогии: такие килики (по материалам Афинской агоры) поступили в обращение после 420 г. до н. э. и использовались до 380 г. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 112; 2: № 622, *fig. 6, pl. 27*).

— Дата погребения: IV в. до н. э. (Яковенко, Черненко, Корпусова 1970: 171).

17. Килик на невысокой профилированной ножке. Лак неравномерно нанесен, красноватый. На дне — штампованный орнамент из шести пальметок, соединенных дугами. В центре композиции — девять кружочков, заключенных между двумя концентрическими кругами.

— Высота сосуда — 8 см, диаметр венчика — 14,5 см.

— с. Плавни Рениевского р-на Одесской обл. Курган 4, погребение 1, по-видимому, женское. Килик найден в юго-западном углу вместе с зеркалом, лепным сосудом и присланием (Сунчук, Фокеев 1984: 108).

— Аналогии: такие килики (по материалам Афинской агоры) поступили в обращение после 420 г. до н. э. и использовались до 380 г. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 112; 2: № 622, *fig. 6, pl. 27*), тип VII, по В. Иванову (Иванов 1963: 184).

— Дата погребения: середина IV в. до н. э. (Сунчук, Фокеев 1984: 108).

18. Килик со штампованным орнаментом из четырех пальметок на дне, соединенных дугами, и трех кругов насечек.

— г. Керчь, АРК. Трехбратний курган, погребение 3. За поперечной стеной саркофага, в ногах погребенных найдены: амфора, килик, бронзовый кияф с лебединой головкой (Бессонова 1973: 247, 251, *рис. 3: 2*) (*рис. 3: 11*).

— Аналогии: такие килики (по материалам Афинской агоры) поступили в обращение после 420 г. до н. э. и использовались до 380 г. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 112; 2: № 621, *fig. 6, pl. 27*).

— Дата погребения: по данным инвентаря и погребельного обряда датируется второй половиной IV в. до н. э. (Бессонова 1973: 251).

1.4. Килики тонкостенные (*cup-skyphos with light wall*), кат. № 19–22.

19. Килик тонкостенный с глубокой чашей на невысоком профилированном поддоне (*рис. 1: 4*). Края отогнуты наружу. На стенках чаши внутри характерный наглав. Ручки обломаны в древности. Лак черный, блестящий, с матовым отливом. Дно внутри украшено штампованным орнаментом, состоящим из широкого кольца насечек и четырех крестообразно расположенных пальметок в центре. С внешней стороны на дне сосуда — четыре концентрических кольца лака с точкой в центре.

— Высота сосуда — 7,3 см, диаметр: венчика — 11,2 см, поддона — 6,3 см.

— с. Львово Бериславского р-на Херсонской обл. Курган 18, погребение 1, у правого плеча погребенной (Кубицес, Николаев, Полин, 1982: 140).

— Аналогии: легкостенные килики с штампованным орнаментом впервые появляются в третьей четверти V в. до н. э. Орнамент, подобный орнаменту сосуда из Львова, бытует со второй четверти IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 111; 2: № 605, 608, *fig. 6*).

— Дата погребения: конец первой четверти IV в. до н. э. (Кубицес, Николаев, Полин 1982: 147).

20. Килик с отбитыми ручками (*рис. 1: 3*).

— Высота — 6,5 см, диаметр: венчика — 10 см, дна — 4,5 см.

— с. Ленино Ленинского р-на АРК. Курган 6, погребение 1, в юго-западном углу мужского погребения.

— Аналогии: подобные сосуды стали производиться во второй четверти IV в. до н. э. Однако небольшое количество легкостенных киликов встречается и после 375 г. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 111; 2: № 605, 608, *fig. 6*).

— Дата погребения: IV в. до н. э. (Яковенко, Черненко, Корпусова 1970: 157).

21. Килик, фрагменты.

— с. Семеновка Ленинского р-на, АРК, Актанский могильник, курган 20, погребение 1 — у левого плеча ребенка (Бессонова, Бунятян, Гаврилюк 1988).

— Аналогии: подобные сосуды стали производиться во второй четверти IV в. до н. э. Однако небольшое количество легкостенных киликов встречается и после 375 г. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 111; 2: № 650, *fig. 6*).

— Дата погребения: конец IV в. до н. э. (Бессонова, Бунятян, Гаврилюк 1988).

22. Килик черолафовый — обломки.

— Бахчи-Эли, Симферополь, АРК, курган 2, раскопки 1924 г. Мужской восток, погребение граблено (Тронцкая 1957: 175, 179).

2. Канфаровидные килики (*cup-kantharos with moulded rim*), кат. № 23–43.

23. Канфаровидный килик на невысоком профилированном поддоне (*рис. 5: 1*). Венчик валикообразный, выступающий наружу, ручки обломаны в древности. Лак черный густой, на поддоне оставлен понос в свете глины. На дне штампованный, небрежно выполненный орнамент: четыре соединенных дугами крестообразно расположенных пальметки, окруженные тремя рядами насечек.

- Высота сосуда – 9,5 см, поддона – 1,8 см; диаметр: венчика – 11,5 см, поддона – 5,4 см.
- Идентификация (Великая Знаменка) Каменско-Днепровского р-на Запорожской обл. Курган 4, погребение 2, мужское. Килик стоял вместе с серебряным киликом и фиасковой амфорой, то есть в наборе для питья (Плещинско 1991: 63).
- Аналогия: по материалам Афинской агоры, эта форма уже известна в середине IV в. до н. э. Однако датировка 390–380 гг. до н. э. кажется авторам наиболее приемлемой (Sparkes, Talcott 1970: 1: 119; 2: № 651–653, 658, pl. 27).
- Дата погребения: вторая–третья четверть IV в. до н. э. (Брашинский 1980: 60; Оняйко 1970: 54). Могильник функционировал несколько десятилетий середины IV в. до н. э. (Плещинско 1991: 71).
24. Канфаровидный килик с выступающим наружу венчиком (рис. 5: 2). Ручки и поддон отломаны в древности. Дно сосуда украшено концентрическим кругом из насечек, внутри которого помещен четырехугольник с сильно выгнутыми углами, заканчивающимися пальметками.
- Высота сосуда – 7 см, диаметр венчика – 11 см.
- с. Первомавка Верхнерогачинского р-на Херсонской обл. Группа 5, курган 1, погребение 4 (Евдокимов, Фридман 1991: 90).
- Аналогия: по материалам Афинской агоры, эта форма уже известна в середине IV в. до н. э. Однако датировка 390–380 гг. до н. э. кажется авторам наиболее приемлемой (Sparkes, Talcott 1970: 1: 119; 2: № 651–653, 658, pl. 27).
- Дата погребения: начало второй четверти IV в. до н. э. (Евдокимов, Фридман 1991: 97).
25. Канфаровидный килик с утолщенным клововидным венчиком (рис. 5: 3). Поддон и ручки утрачены в древности. Штампованный орнамент в виде трех кругов насечек и четырехпестиковой пальметки.
- Сохранившаяся высота сосуда – 7,5 см (первоначальная 8,7 см); диаметр венчика – 10,5 см.
- с. Владимирова Джанкойского р-на АРК, Курган, погребение 1, рядом с черепом ребенка вместе с бусами, подвеской стигийского фианса, обломком железного браслета, лентным горшком.
- Аналогия: по материалам Афинской агоры, эта форма уже известна в середине IV в. до н. э. Однако датировка 390–380 гг. до н. э. кажется авторам наиболее приемлемой (Sparkes, Talcott 1970: 1: 119; 2: № 658, pl. 27).
- Дата погребения: середина–третья четверть IV в. до н. э. (Колотухин 2000: 11).
26. Канфаровидный килик (в публикации кифар) чернолаковый с оббитыми ручками (рис. 5: 4). Лак хороший, по с металлическим отливом. На дне снаружи – графити «КАΛ». – Высота сосуда – 10,5 см.
- с. Капуловка Никополюского р-на Днепровской обл. Группа 1, курган 13, погребение 1, подросток. Вместе с канфаровидным киликом найдены поднос и амфора (Мозолевский 1973: 122, рис. 10: 6).
- Аналогия: по материалам Афинской агоры, эта форма уже известна в середине IV в. до н. э. Однако датировка 390–380 гг. до н. э. кажется авторам наиболее приемлемой (Sparkes, Talcott 1970: 1: 119; 2: № 663, pl. 27).
- Дата погребения: IV в. до н. э. (Мозолевский 1973: 122, рис. 10: 6).
27. Канфаровидный килик фрагментированный (рис. 5: 5). Сохранились: клововидный венчик, ножка и придонная часть со следами горизонтально расположенных ручек.
- с. Пюювка Каменско-Днепровского р-на Запорожской обл. Рогачинское кургано поле, Вышевая могила, погребение 2 (Финало 2004: 89, рис. 1, 3).
- Аналогия: по материалам Афинской агоры, эта форма известна в середине IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 119; 2: № 666, pl. 27).
- Дата погребения: конец второй четверти IV в. до н. э. (Финало 2004: 87).
28. Канфаровидный килик с клововидным венчиком (рис. 5: 6). Ручки отломаны в древности. На дне орнамент из двух кругов строенных и сдвоенных насечек. Лак черный матовый.
- Высота сосуда – 11 см; диаметр: венчика – 12,4 см, поддона – 5,5 см.
- с. Великая Знаменка Каменско-Днепровского р-на Запорожской обл. Мамай-Гора, курган 143, погребение 2. Парное погребение. За черепами восточек располагались (справа налево): чернолаковый килик, сероглиняный гончарный кувшинчик, лентной кувшинчик. Между киликом и кувшинчиком лежал оселек (Андрух, Тоцев 2004: 29–46).
- Аналогия: по материалам Афинской агоры, эта форма известна в середине IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 119; 2: № 666, pl. 27).
- Дата погребения: в пределах IV в. до н. э. (Андрух, Тоцев 2004: 114).
29. Канфаровидный килик на невысокой профилированной ножке (рис. 6: 2). Лак отличается хорошим качеством – черным металлическим блеском. На дне отсутствует орнамент в виде шести пальметок, соединенных дугами и обрамленных концентрическими кругами, выходящими насечками.
- Высота: сосуда – 7,5 см, ножки – 1,6 см; диаметр: венчика – 10 см, ножки – 5 см; ширина сосуда с ручками – 17,5 см.
- с. Ильянка (Великая Знаменка) Каменско-Днепровского р-на Запорожской обл. Курган 4, погребение 6, детское, канфаровидный килик найден вместе с колчаном со стрелами (Плещинско 1991: 70).
- Аналогия: по материалам Афинской агоры, эта форма уже известна в середине IV в. до н. э. Однако датировка 390–380 гг. до н. э. кажется авторам наиболее приемлемой (Sparkes, Talcott 1970: 1: 119; 2: № 652, pl. 27).
- Дата погребения: вторая–третья четверть IV в. до н. э. (Брашинский 1980: 60; Оняйко 1970: 54). Могильник функционировал несколько десятилетий середины IV в. до н. э. (Плещинско 1991: 71).
30. Канфаровидный килик с коротким выступающим венчиком на невысоком трехступенчатом поддоне (рис. 6: 3). Ручки обломаны в древности. Дно килика украшено концентрическим кругом из насечек.
- Высота: сосуда – 7,2 см, поддона – 1,8 см; диаметр: венчика – 11 см, поддона – 5,3 см.
- с. Первомавка Верхнерогачинского р-на Херсонской обл. Группа 5, курган 4, погребение 3. Сосуд стоял отдельно от компактных групп инвентаря, у лясной плечи погребенной (Евдокимов, Фридман 1991: 92–93).
- Аналогия: по материалам Афинской агоры, форма (сир-каифарос with squat rim) распространена в пределах второй–третьей четверти IV в. до н. э. В материалах Олифия она появляется раньше (Sparkes, Talcott 1970: 1: 120; 2: № 681–685, fig. 7, pl. 28).
- Дата погребения: по сосуду – конец второй–третья четверть IV в. до н. э. (Евдокимов, Фридман 1991: 97).
31. Канфаровидный килик с оббитыми ручками. Лак густой черной, блестящей.
- Высота: сосуда – 9,8 см, поддона – 1,8 см; диаметр: венчика – 11 см, ножки – 5,5 см.
- с. Озьянино Горностаевского р-на Херсонской обл. Курган 2, погребение 1, запознание камеры гробового погребения.
- Аналогия: Епископовский могильник, Капуловка, курган 13, погребение 1 (Мозолевский 1973: 122, рис. 10: 6), по материалам Афинской агоры, эта форма уже известна в середине IV в. до н. э. Однако датировка 390–380 гг. до н. э. кажется авторам наиболее приемлемой (Sparkes, Talcott 1970: 1: 119; 2: № 663, pl. 27).
- Дата погребения: середина–третья четверть IV в. до н. э. (Бессонов, Ковальов, Кубишев 2005: 45).
32. Канфаровидный килик с утолщенным клововидным венчиком, венчик нарушен, поддон и ручки утрачены (рис. 6: 6). На дне штампованный орнамент в виде трех кругов насечек, с четырехпестиковой пальметкой с кружком в центре. На внешней стороне дна процарапана надпись I-PA (Колотухин 2000: 14).
- Сохранившаяся высота – 9,7 см, первоначальная высота – 11,4 см; диаметр: венчика – 10,5 см.
- с. Владимирова Джанкойского р-на АРК, Курган, погребение 4, захоронение подростка. У южной стенки вместе с киликом стояло два лентных сосуда.

- Аналогии: по материалам Афинской агоры, эта форма уже известна в середине IV в. до н. э. Однако датировка 390–380 гг. до н. э. кажется авторам наиболее приемлемой (Sparkes, Talcott 1970: 1: 119; 2: № 658, pl. 27).
- Дата погребения: 350 г. до н. э. (Колотухин 2000: 14).
33. Канфаровидный клинок (в публикации канфар) чернолаковый с отбитыми в древности ручками (рис. 6: 1). Внутри на дне штампованный орнамент в виде четырехлучевой фигуры с пальметками на концах.
- с. Капуловка Новополюского р-на Днепропетровской обл. Група 2, курган 1, погребение 1, женское. Сосуд стоял за черепом, рядом с ним найдено железное шило, глиняное *приселок* (Терножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский 1973: 128, рис. 15, 16).
- Аналогии: по материалам Афинской агоры, эта форма уже известна в середине IV в. до н. э. Однако датировка 390–380 гг. до н. э. кажется авторам наиболее приемлемой (Sparkes, Talcott 1970: 1: 119; 2: № 658, pl. 27).
- Дата погребения: судя по хорошему качеству лака, сосуд относится к середине IV в. до н. э. (Терножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский 1973: 128).
34. Канфаровидный клинок – шумящий с шариком в венчике. Узкие горизонтальные ручки были отбиты в древности. Лак черной густой, покрывающий и кожу сосуда. Лишь на поддоне оставлен полоск в цвете глины. С одной стороны лак имеет бурную окраску, получившуюся в результате неравномерного обжига (судя по всему, сосуд при обжиге лежал на боку). С этой же стороны – след подтека лака. На внутренней поверхности дна сосуда – штампованный орнамент в виде розетки, образованной четырьмя пальметками вокруг кружочка. В месте перепада дна в туловце – два центральных круга из косяк насечек вправо. Здесь явлет еще один круг, образованный маленькими овнами, и два круга, образованные косяком короткими насечками с наклонном влево. Шарик был введен в полый венчик сосуда после его формовки, но до покрытия лаком. Отверстие для введения было проделано под венчиком сосуда в районе ручек. Затем оно и трещина, которая пошла под валиком-венчиком, были замазаны зеленоватой глиной и залиты черным лаком.
- Высота канфаровидного клинка – 12 см; диаметр: венчика – 12 см, ножки – 6 см.
- г. Каменка-Днепровская Запорожской обл. Курган 1, погребение 9, женское. У головы к востоку от бивада, прямо у стенки саркофага, стоял чернолаковый канфаровидный клинок с отбитыми ручками, под ним были найдены также остатки костяного веретена (Гаврилюк, Рассасмакин, Отроченко 2005: 165).
- Аналогии: по материалам Афинской агоры, эта форма уже известна в середине IV в. до н. э. Однако датировка 390–380 гг. до н. э. кажется авторам наиболее приемлемой (Sparkes, Talcott 1970: 1: 119; 2: № 658, pl. 27).
- Дата погребения: третья четверть IV в. до н. э. (Гаврилюк, Рассасмакин, Отроченко 2005: 165).
35. Канфар – «канфаровидная чаша» с призматическим туловцем, на поддоне с штампованным и резным орнаментом в середине (рис. 6: 8). Имел две ручки, отбитые в древности. Поверхность слабо потреска.
- с. Куз Николаевского р-на Днепропетровской обл. Курган 7, погребение 3. В катакомбе два детских костяка. Рядом с сосудом – белая, остатки деревянной пшкисды, плоского камня для растирания белила и бронзовый стержень (шпицка?) (Березовский, 1960: 52).
- Аналогии: по материалам Афинской агоры, эта форма уже известна в середине IV в. до н. э. Однако датировка 390–380 гг. до н. э. кажется авторам наиболее приемлемой (Sparkes, Talcott 1970: 1: 119; 2: № 658, pl. 27).
- Дата погребения: IV в. до н. э. (Березовский 1960: 52).
36. Канфаровидный клинок с клововидным венчиком, призматическим туловцем, ножка обгита (рис. 6: 5).
- с. Гюювка Камиско-Днепровского р-на Запорожской обл. Рогачинское курганное поле, курган 11, погребение 4 (Финалю 2004: 89, рис. 1, 2).
- Аналогии: по материалам Афинской агоры, эта форма уже известна в середине IV в. до н. э. Однако датировка 390–380 гг. до н. э. кажется авторам наиболее приемлемой (Sparkes, Talcott 1970: 1: 119; 2: № 658, pl. 27).
- Дата погребения: вторая четверть IV в. до н. э. (Финалю 2004: 87).
37. Канфаровидный клинок с отбитыми ручками. Венчик клововидный. Внутри четыре пальметки, соединенные дугами. Окружены кругом, выполненным насечками. Лак плохого качества с матовым оттенком, местами бурый.
- Высота – 8,8 см; диаметр: венчика – 11,4 см, дна – 5,5 см (рис. 6: 4).
- с. Владимировка Томаковского р-на Днепропетровской обл. Курган 4, погребение 2. Справа у шен стоял канфаровидный клинок (Чередищенко, Болдин 1977: 129–136).
- Аналогии: по материалам Афинской агоры, эта форма уже известна в середине IV в. до н. э. Однако датировка 390–380 гг. до н. э. кажется авторам наиболее приемлемой (Sparkes, Talcott 1970: 1: 119; 2: № 658, pl. 27).
- Дата погребения: середина IV в. до н. э. (Чередищенко, Болдин 1977: 129–136).
38. Канфаровидный клинок с клововидным венчиком, призматическим туловцем, с утраченными в древности ручками и тремя ремонтными отверстиями. На внутренней поверхности дна имела штампованный орнамент в виде четырехлучевой розетки с окружением в центре. Вокруг пальметки по периметру располагалось два ряда косяк насечек.
- Высота сосуда – 9 см; диаметр: венчика – 11,5 см.
- с. Виноградное Сакского р-на АРК. Курган 13, погребение 2, мужское. Найден у входа в погребальную камеру.
- Аналогии: по материалам Афинской агоры, эта форма уже известна в середине IV в. до н. э. Однако датировка 390–380 гг. до н. э. кажется авторам наиболее приемлемой (Sparkes, Talcott 1970: 1: 119; 2: № 658, pl. 27).
- Дата погребения: середина-вторая половина IV в. до н. э. (Колотухин 2000: 49, рис. 28: 6).
39. Канфаровидный клинок с утолщенным клововидным венчиком, призматическим корпусом и ножкой на высоком поддоне (рис. 6: 7). На дисе внутри сосуда штампованный орнамент в виде двойного круга насечек. Здесь же знаки, напоминающие граффити.
- Высота сосуда – 9,5 см; диаметр: венчика – 11,7 см, корпуса – 8 см, ножки – 5,5 см.
- с. Семеновка, Ленинского р-на АРК. Актаский могильник, курган 40, погребение 1, коллективное, грабленое (Бессонова, Бунятян, Гаврилюк 1988: 41, рис. 29, 10).
- Аналогии: по материалам Афинской агоры, эта форма уже известна в середине IV в. до н. э. Однако датировка 390–380 гг. до н. э. кажется авторам наиболее приемлемой (Sparkes, Talcott 1970: 1: 119; 2: № 663, pl. 28).
- Дата погребения: в пределах IV в. до н. э. (Бессонова, Бунятян, Гаврилюк 1988: 116).
40. Канфаровидный клинок с утолщенным клововидным венчиком, удлиненным корпусом и высокой ножкой (рис. 7: 1).
- Высота сосуда – 7 см; диаметр: венчика – 5 см, корпуса – 6 см, ножки – 3 см.
- с. Семеновка, Ленинского р-на АРК. Актаский могильник, курган 52, погребение 1, коллективное, грабленое (Бессонова, Бунятян, Гаврилюк 1988: 42, фото 2: 4).
- Аналогии: по материалам Афинской агоры, эта форма уже известна в середине IV в. до н. э. Однако датировка 390–380 гг. до н. э. кажется авторам наиболее приемлемой (Sparkes, Talcott 1970: 1: 119; 2: № 657, pl. 28). К IV в. до н. э. относят также канфаровидные клинки С. Ротрофф (Rotroff 1997: 1: 87; 2: № 82, 83, Pl. 8).
- Дата погребения: третья четверть IV в. до н. э. (Бессонова, Бунятян, Гаврилюк 1988: 116).
41. Канфаровидному клинку принадлежит ножка сосуда, напоминающая пропорции сосуда из погребения 1 кургана 52 Актаского могильника.
- Высота сохранившейся части – 2,2 см; диаметр ножки – 3,5 см.
- с. Семеновка Ленинского р-на АРК. Актаский могильник, курган 45, коллективное, грабленое (Бессонова, Бунятян, Гаврилюк 1988: 42, рис. 31: 11).

- Аналогии: по материалам Афинской агоры, эта форма уже известна в середине IV в. до н. э. Однако датировка 390–380 гг. до н. э. кажется авторам наиболее приемлемой (Sparkes, Talcott 1970: 1: 119; 2: № 657, pl. 28). К IV в. до н. э. относят такие канфаровидные килики С. Ротрофф (Rotroff 1997: 1: 87; 2: № 82, 83, Pl. 8).
 - Дата погребения: конец IV в. до н. э. (Бессонова, Бунятян, Гаврилюк 1988: 116).
 - 42. Фрагменты канелированного канфаровидного килика. Четко выделенный венчик, канелюры выделены глубокими бороздками, под ручками (они как у килика) канелюры соединяются в виде углов. Лак хорошего качества, черный густой, блестящий. Хороший облик.
 - Высота – приблизительно 8,5 см; диаметр венчика – 8,4 см; ножка и дно отсутствуют.
 - с. Кут Никопольского р-на Днепропетровской обл. Курган 21, погребение 4. Найден в заполнении парного скифского погребения. В публикации пишется о фрагментах двух сосудов (Березовец 1960: 67).
 - Аналогии: по материалам Афинской агоры, эти канфары были произведены в третьей четверти IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 119; 2: № 668, pl. 28).
 - Дата погребения: третья четверть IV в. до н. э. (Березовец 1960: 67).
 - 43. Канфаровидный килик с канелированным корпусом (рис. 7: 2). Ручки отбиты.
 - Высота: сосуда – 13 см, поддона – 4,4 см; диаметр венчика – 12,5 см.
 - с. Широко Скадовского р-на Херсонской обл. Группа Острой Могила, курган 4, погребение 1. Найден у фланга пальцев левой руки вместе с зеркалом в деревянном футляре с матерчатой подкладкой (Ольгинский, Поинн 1977: 37).
 - Аналогии: по материалам Афинской агоры, эти канфары были произведены в третьей четверти IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 119; 2: № 650, pl. 28).
 - Дата погребения: в пределах IV в. до н. э. (Березовец 1960: 67).
- ### 3. Канфары, кат. № 44–78.
- #### 3.1. Канфары обывиче, кат. № 44–72.
- 44. Канфар имеет призматическое тулово и низкую ножку (рис. 9: 1). Вертикальные части ручек – прямоугольные в сечении, их горизонтальные части образуют с венчиком единую линию. Венчик литой, валикообразный, треугольный в сечении. Лак черный, нанесен неравномерно. Подошва ножки, одна из ручек и треть канфара (от венчика до плечиков) не покрыты лаком. Дно украшено штампованным орнаментом в виде четырех крестообразно расположенных пальметок.
 - Высота: канфара – 7 см, ножки – 1,6 см; диаметр: венчика – 7 см, ножки – 4,8 см.
 - с. Бутур 1, Тирасполь, Молдова. Курган 13, погребение 4, найден у восточной стенки (Серова, Яровой 1987: 109).
 - Аналогии: Среднее Поднепровье (Овайко 1970: 15, 675–676, типа 307: 58, табл. 8); по материалам Афинской агоры, эти канфары (moulded rim) стали производиться так же рано, как и канфаровидные килики. Они появились в V в. до н. э., но основное время их распространения IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 700, pl. 29, fig. 7).
 - Дата погребения: вторая–третья четверть IV в. до н. э. (Серова, Яровой 1987: 140).
 - 45. Канфар.
 - с. Нагорное Измайловского р-на Одесской обл. Курган 11, погребение 3 (Андрух 1995: 49, рис. 8: 5).
 - Аналогии: Среднее Поднепровье (Овайко 1970: 15, 675–676, типа 307: 58, табл. 8); по материалам Афинской агоры, эти канфары (moulded rim) стали производиться так же рано, как и канфаровидные килики. Они появились в V в. до н. э., но основное время их распространения IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 700, pl. 29, fig. 7).
 - 46. Канфар на высоком кольцевом поддоне (рис. 9: 5). Ручка отбита в древности. Лак хорошего качества. На дне два концентрических круга из насечек.
 - Высота – 10,5 см; диаметр: венчика – 9,8 см, дна – 5 см.
 - с. Ковалевка Николаевского р-на Николаевской обл. Группа 5, курган 2, погребение 2 (Ковпаненко, Бунятян, Гаврилюк 1978: 118, 119).
 - Аналогии: по материалам Афинской агоры, эти канфары (moulded rim) стали производиться так же рано, как и канфаровидные килики. Они появились в V в. до н. э., но основное время их распространения IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 707, pl. 29, fig. 7).
 - Дата погребения: IV в. до н. э. (Ковпаненко, Бунятян, Гаврилюк 1978: 144).
 - 47. Канфар (рис. 9: 4). Лак тусклый, местами облес.
 - Высота – 13 см.
 - с. Отрадное Баштанского р-на Николаевской обл. Курган 3, погребение 2, погребальная камера разрушена камерой погребения 1. У *in situ* – чернолаковый канфар, деревянное веретено, два свинцовых пряслица, деревянная колодка, три железных стигны (Требеников 1980: 152, 155).
 - Аналогии: по материалам Афинской агоры, эти канфары (moulded rim) стали производиться в V в. до н. э., но основное время их распространения IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 698, pl. 29, fig. 7).
 - Дата погребения: IV–III вв. до н. э. (Требеников 1980: 164).
 - 48. Канфар на невысоком поддоне с двумя вертикальными ручками (рис. 9: 7). Одна ручка отбита.
 - Высота сосуда – 9 см; диаметр: венчика – 8,5 см, поддона – 4,8 см.
 - г. Орджоникидзе Днепропетровской обл. Группа Лисых Могила, курган 1, погребение 3, грабленое. Летское. За обломком черепа в северо-западном углу – фрагменты вальмовый чернолаковый канфар (Мозолевский 1980: 123).
 - Аналогии: по материалам Афинской агоры, эти канфары (moulded rim) стали производиться в V в. до н. э., но основное время их распространения IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 703, pl. 29).
 - Дата погребения: IV в. до н. э. (Мозолевский 1980: 123).
 - 49. Канфар – фрагменты. Венчик в разрезе подреугольной формы. Глаза светло-оранжевого цвета, лак черный, блестящий, хорошего качества.
 - Восстанавливаемый диаметр – 8–9 см.
 - Чертомлык, грабленое погребение в камере № 5, в заполнении вместе с поземки и фрагментами стрел (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991: 61, 216).
 - Аналогии: по материалам Афинской агоры, эти канфары (moulded rim) стали производиться в V в. до н. э., но основное время их распространения IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 703, pl. 29).
 - Дата погребения: около 300–320 гг. до н. э. (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991: 216).
 - 50. Канфар на высоком кольцевом поддоне с выступами в верхней части ручек (рис. 9: 2). Лак плохого качества, выступ на одной ручке отбит.
 - Высота: сосуда – 7,8 см, поддона – 4 см; диаметр устья – 7 см.
 - с. Широко Скадовского р-на Херсонской обл. Группа 2, курган 26, погребение 1, грабленое парное детское. Канфар найден рядом с черепом одного из погребенных (Черненко, Бунятян 1977: 45–47).
 - Аналогии: по материалам Афинской агоры, эти канфары (moulded rim) появились в V в. до н. э., но основное время их распространения IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 698, pl. 29).
 - Дата погребения: в пределах IV в. до н. э.
 - 51. Канфар на невысоком профилированном поддоне (рис. 9: 3). На дне штампованный орнамент в виде пальметки.
 - Высота сосуда – 7,5 см.
 - с. Широко Скадовского р-на Херсонской обл. Группа 2, курган 69, погребение 1, грабленое, канфар найден в камере ближе к входу, отдельно от других групп находок (Черненко, Бунятян 1977: 87).
 - Аналогии: по материалам Афинской агоры, эти канфары (moulded rim) появились в V в. до н. э., но основное время их распространения IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 703, pl. 29).
 - Дата погребения: в пределах IV в. до н. э.

52. Канфар с отбитыми ручками и ножкой (рис. 9: 6).
– Высота сохранившейся части – 8,5 см; диаметр венчика – 10 см.
– с. Ленинского Ленинского р-на АРК. Курган 13, погребение 1, у левого бедра женского погребения (Яковенко, Черненко, Корпусова 1970: 161).
- Аналоги: по материалам Афинской агоры, эти канфары (moulded rim) появились в V в. до н. э., но основное время их распространения IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 703, pl. 29).
- Дата погребения: в пределах IV в. до н. э.
53. Канфар (фрагмент стенки).
– с. Астанино Ленинского р-на АРК. Курган 18, погребение 1, на дне отграбленного погребения (Яковенко, Черненко, Корпусова 1970: 173).
54. Канфар (внешняя часть). Внутренняя поверхность донышка украшена штампованными пальметками.
– Высота сохранившейся части – 4 см; диаметр – 6,7 см.
– с. Бранное Поле Ленинского р-на АРК. Курган 4, погребение 1 – пол правой рукой погребенной (Яковенко, Черненко, Корпусова 1970: 140).
55. Канфар.
– Высота – 7,6 см; диаметр венчика – 7 см.
– с. Октябрьское Первомайского р-на АРК. Курган 3, погребение 1, детское. Сосуд найден в северном углу, у головы.
– Аналоги: по материалам Афинской агоры, эти канфары (moulded rim) появились в V в. до н. э., но основное время их распространения IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 710, pl. 29).
- Дата погребения: 350–325 гг. до н. э. (Колоухин 2000: 32).
56. Канфар (рис. 9: 10). Поверхность матового светло-красного цвета в результате неправильного обжига. С внутренней стороны на дне четыре пальметки, обрамленные двумя concentрическими кругами из насечек.
– Высота – 7 см; диаметр: венчика – 7 см, дна – 4,8 см.
– с. Великая Зимаевка Камыско-Днепровского р-на Запорожской обл. Група Солохи, курган 4, погребение 1, детское, граблено. Канфар найден чуть выше черепа, рядом с ним – золотая серьга с бусиной и фрагменты плоха сохранившегося браслета.
– Аналоги: Среднее Поднепровье (Онайко 1970: 15–16, тип 307, табл. 7: 375, 376); по материалам Афинской агоры, эти канфары (moulded rim) появились в V в. до н. э., но основное время их распространения IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 710, pl. 29).
- Дата погребения: вторая–третья четверть IV в. до н. э. (Мелюкова 1999: 61, 72).
57. Канфар с клювовидным венчиком (рис. 10: 3). Лак с металлическим отливом. На дне орнамент в виде тройного круга мелких косых насечек.
– Высота сосуда – 7,5 см; диаметр: венчика – 9 см, дна – 5,2 см.
– с. Великая Зимаевка, Камыско-Днепровского р-на Запорожской обл. Мамай-Гора, курган 20, погребение 4, парное погребение. Сосуд находился при женщине 22–25 лет. Канфар лежал на боку на дне деревянной чаши, под ним находилось пряслице, у горловины канфара – зеркало с бронзовой ручкой и железный стержень (Андрух, Тощев 1999: 119–120).
- Аналоги: Среднее Поднепровье (Онайко 1970: 15–16, тип 307, табл. 7: 375, 376); по материалам Афинской агоры, эти канфары (moulded rim) появились в V в. до н. э., но основное время их распространения IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 710, pl. 29).
- Дата погребения: вторая–третья четверть IV в. до н. э. (Андрух, Тощев 1999: 119–120).
58. Канфар (рис. 10: 1).
– о. Хортица, Могильник Канфарка, жертвенник № 2 (Остапенко 2001: 63–65, рис. 10: 1).
- Аналоги: по материалам Афинской агоры, эти канфары (moulded rim) появились в V в. до н. э., но основное время их распространения IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 720, pl. 29, fig. 7).
59. Канфар, венчик, часть шейки и ручки отбиты (рис. 9: 8). Лак плохой сохранности и качества с матовым оттенком.
– Высота шейки – 2,3 см; диаметр: шейки – 7 см, тулова – 8,2 см, поддона – 5 см.
– с. Вышестарасовка Томаковского р-на Днепровской обл. Курган 31, погребение 1, молодой женщины. В северо-западном углу стоял канфар, рядом с которым лежало бронзовое зеркало, железное шило с деревянной ручкой, глиняное пряслице и кусок охры (Бунятян, Чердиченко, Музун 1977: 76).
- Аналоги: по материалам Афинской агоры, эти канфары (moulded rim) появились в V в. до н. э., но основное время их распространения IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 720, pl. 29, fig. 7).
- Дата погребения: IV в. до н. э.
60. Канфар со слегка отогнутым наружу венчиком, прямой шейкой, резко переходящей в тулова, и ручкой с выступом (вторая ручка не сохранилась).
– Высота канфара – 7 см; диаметр: венчика – 7,5 см, шейки – 6 см, тулова – 7,5 см, поддона – 4 см.
– с. Вышестарасовка Томаковского р-на Днепровской обл. Курган 33, погребение 1, парное. При раскопке разрушенного грабителями скелета у восточной стенки найден разбитый канфар (Бунятян, Чердиченко, Музун 1977: 84, 85).
- Аналоги: по материалам Афинской агоры, эти канфары (moulded rim) появились в V в. до н. э., но основное время их распространения IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 707, pl. 29, fig. 7).
- Дата погребения: IV в. до н. э.
61. Канфар. Следы ремонта, графика отбиты, венчик широкий ворончатый. На тулове – граффити «VL», на донышке снизу – А. На шейке и поддоне насечки.
– Высота сосуда – 6,5 см; диаметр: венчика – 8,5 см, шейки – 1,7 см.
– с. Вышестарасовка Томаковского р-на Днепровской обл. Курган 85, погребение 2. Три погребенных – ребенок, подросток и взрослый. Рядом со скелетом 1 (ребенок, повидимому, девочка) – у левого плеча – канфар, под ним – пряслице, у тазу – бронзовая серьга с подвеской (Чердиченко А-1975/10: 118, 119).
- Аналоги: по материалам Афинской агоры, эти канфары (moulded rim) появились в V в. до н. э., но основное время их распространения IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 707, pl. 29, fig. 7).
- Дата погребения: IV в. до н. э.
62. Канфар чернолаковый – фрагмент. Найден в заполнении грабленного погребения, по-видимому, мужского, рядом с входной ямой.
– с. Нецятинское Николаевского р-на Николаевской обл. Курган 2, погребение 8 (Шапошников А-1976/7: 230).
- Аналоги: по материалам Афинской агоры, эти канфары (moulded rim) появились в V в. до н. э., но основное время их распространения IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 707, pl. 29, fig. 7).
- Дата погребения: IV в. до н. э.
63. Канфар без ручки.
– с. Никополь Днепровской обл. Никопольское курганное поле, группа 2, курган 4, погребения 1–2. Полностью грабленая катакомба, в центре камеры канфар и груды костей (Граков 1962: 61).
- Аналоги: по материалам Афинской агоры, эти канфары (moulded rim) появились в V в. до н. э., но основное время их распространения IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 706, pl. 29, fig. 7).
- Дата погребения: IV в. до н. э.
64. Канфар (рис. 10: 5). Лак хорошего качества с матовым оттенком. Хорошо обожжен.
– Высота – 9,5 см; диаметр: венчика – 10 см, дна – 5,1 см.
– с. Владимировка Томаковского р-на Днепровской обл. Курган 12, погребение 2, детское. У бедра погребенного стоял канфар (Чердиченко А-1976/10: 271–272).
- Аналоги: по материалам Афинской агоры, эти канфары (moulded rim) появились в V в. до н. э., но основное время их распространения IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 706, pl. 29, fig. 7).

- Дата погребения: IV в. до н. э.
65. Канфар. Лак тусклый, неровный.
- Высота — 8 см; диаметр: венчика — 9,3 см, дна — 5,2 см.
- с. Волянка Украина Каховского р-на Херсонской обл. Курган 2, погребение 2, женское (?). У головы справа — зеркало, слева — канфар, предание — между амфорой и зеркалом (Лесков А-1971/23: 55–56).
- Аналоги: по материалам Афинской агоры, эти канфары (moulded rim) появились в V в. до н. э., но основное время их распространения IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 698–723, pl. 29, fig. 7).
- Дата погребения: IV в. до н. э.
66. Канфар с штампованным орнаментом в виде круга из маленьких пальметок.
- с. Чернянка Каховского р-на Херсонской обл. Курган 8, погребение 1 (Кубышев А-1979/32).
- Аналоги: по материалам Афинской агоры, эти канфары (moulded rim) появились в V в. до н. э., но основное время их распространения IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 698–723, pl. 29, fig. 7).
- Дата погребения: IV в. до н. э.
67. Канфар с орнаментом из четырех пальметок в трех кругах из косых насечек.
- с. Чернянка Каховского р-на Херсонской обл. Курган 8, погребение 2 (Кубышев А-1979/32).
- Аналоги: по материалам Афинской агоры, эти канфары (moulded rim) появились в V в. до н. э., но основное время их распространения IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 698–723, pl. 29, fig. 7).
- Дата погребения: IV в. до н. э.
68. Канфар.
- с. Новомихайловка Новотроицкого р-на Херсонской обл. Курган 5, погребение 1, 2 (Кубышев А-1985/7).
- Аналоги: по материалам Афинской агоры, эти канфары (moulded rim) появились в V в. до н. э., но основное время их распространения IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 698–723, pl. 29, fig. 7).
- Дата погребения: IV в. до н. э.
69. Канфар.
- с. Вознесенка Прибужянского р-на Николаевской обл. (раскопки В. И. Никитина) (Никитин, Смытко А-1985/36).
- Аналоги: по материалам Афинской агоры, эти канфары (moulded rim) появились в V в. до н. э., но основное время их распространения IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 698–723, pl. 29, fig. 7).
- Дата погребения: IV в. до н. э.
- Место хранения: экспозиция Николаевского краеведческого музея — временное хранение.
70. Канфар чернолаковый (рис. 10: 2).
- Высота — 7,5 см; диаметр: тулова — 7 см, дна — 3,5 см.
- с. Плушевка Баштанского р-на Николаевской обл. Курган 2, погребение I, раскопки В. И. Никитина и В. А. Смытко (Никитин, Смытко А-1985/36).
- Аналоги: по материалам Афинской агоры, эти канфары (moulded rim) появились в V в. до н. э., но основное время их распространения IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 698–723, pl. 29, fig. 7).
- Дата погребения: IV в. до н. э.
- Место хранения: Фонды Николаевского краеведческого музея А-6033.
71. Канфара стенка. Лак густой с матовым оттенком. Парное погребение.
- с. Владимиривка Томатковского р-на Днепропетровской обл. Курган 5, дромос (Чередниченко, Болдин 1977: 137–139).
- Место хранения: Фонды Института археологии НАН Украины. Коллекция 859, № 211.
72. Канфар.
- с. Гюювка Каменский-Днепропольского р-на Рогачицкое курганное поле, курган 19, погребение 1 (Фидалько 2004: 89, рис. 1: 1).
- Аналоги: Среднее Поднепровье (Онайко 1970: 15, 675–676, типа 307: 58, табл. 8); по материалам Афинской агоры, эти канфары (moulded rim) появились в V в. до н. э., но основное время их распространения IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 700, pl. 29, fig. 7).
- Дата погребения: IV в. до н. э. (Фидалько 2004: 87).
3. 2. *Канфары канцелированные, кат. № 73–76.*
73. Канфар со штампованным орнаментом на внутренней поверхности дна (три круга косых насечек) и канцелированным туловом (рис. 7: 3).
- Высота — 11,5 см; диаметр — 12,2 см, дна — 6,1 см.
- с. Владимиривка Джатковской р-на АРК. Курган, погребение 3, рядом с железной пилой вместе с кушином, пряслицем, точильным бруском и железной проколкой.
- Аналоги: в материалах Афинской агоры канфары с канцелированным туловом (ribbing) были найдены в слоях второй четверти IV в. до н. э. Однако они продолжают существовать до конца столетия и даже до начала III в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 711, pl. 29, fig. 7). С. Ротрофф относит «призматические канцелированные классические канфары» к последней четверти IV в. до н. э. (Rotroff 1997: 1: 85; 2: fig. 6, № 38).
- Дата погребения: 320–310 гг. до н. э. (Колотухин 2000: 13).
74. Канфар с канцелированным корпусом на несъемном профилированном поддоне (рис. 7: 5). Над верхним основанием вертикально поставленных и сплюснутых с валикообразным венчиком ручек выступают шпиль. Дно укреплено тремя концентрическими кругами из насечек.
- Высота: канфара — 10,2 см, поддона — 1,9 см; диаметр: венчика — 10 см, поддона — 6 см.
- с. Первомайск Верхнерогачицкого р-на Херсонской обл. Група 6, курган 1, погребение 2 (Евдокимов, Фридман 1991: 96).
- Аналоги: в материалах Афинской агоры канфары с канцелированным туловом (ribbing) были найдены в слоях второй четверти IV в. до н. э. Однако они продолжают существовать до конца столетия и даже до начала III в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 711, pl. 29, fig. 7). С. Ротрофф относит «призматические канцелированные классические канфары» к последней четверти IV в. до н. э. (Rotroff 1997: 1: 85; 2: fig. 6, № 38).
- Дата погребения: третья четверть IV в. до н. э. (Евдокимов, Фридман 1991: 97).
75. Канфар с канцелированным корпусом, валиком на венчике и отбитой ножкой (рис. 7: 4). Лак потертый.
- с. Балки Васильевский р-на Запорожской обл. Гайманово поле, курган 27, погребение 4. Погребенная — женщина до 18 лет за головой — потертый канцелированный канфар с отбитой ножкой, рядом с ним — шесть бусин в виде амфор (Тереженкин, Ильинская, Мозолевский 1977: 186).
- Аналоги: в материалах Афинской агоры канфары с канцелированным туловом (ribbing) были найдены в слоях второй четверти IV в. до н. э. Однако они продолжают существовать до конца столетия и даже до начала III в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 711, pl. 29, fig. 7). С. Ротрофф относит «призматические канцелированные классические канфары» к последней четверти IV в. до н. э. (Rotroff 1997: 1: 85; 2: fig. 6, № 38).
- Дата погребения: конец IV в. до н. э.
76. Канфар канцелированный (рис. 7: 6). С отогнутым венчиком. Канфары короткие на тулове, высокая ножка. Лак плохого качества — бурно-оливковый. Следы недиоксидного ремонта. Дно в лаке, на внешней поверхности невысокий конический выступ.
- Высота — 8,5 см; диаметр: венчика — 8,2 см, дна — 4,6 см.
- с. Кут Никопольского р-на Днепропетровской обл. Курган 22, погребение 9. Найдены следа от черепа погребенной с глиняным пряслицем (Березовецкий 1960: 69).
- Аналоги: в материалах Афинской агоры канфары с канцелированным туловом (ribbing) были найдены в слоях второй четверти IV в. до н. э. Однако они продолжают существовать до конца столетия и даже до начала III в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 711, pl. 29, fig. 7). С. Ротрофф относит «призматические канцелированные классические канфары» к последней четверти IV в. до н. э. (Rotroff 1997: 1: 85; 2: fig. 6, № 38).
- Дата погребения: конец IV — начало III в. до н. э.

- 3.3. *Капфары, орнаментированные в стиле West Slore, кат. № 77–78.*
77. Капфар («бурлаковайный») с почти цилиндрическим горлом и приближающимся по форме к конусу корпусом (рис. 10: 4). Орнаментирован по горлу гирляндами и розеткой, выполненными жидкой белой краской. Этой же краской выполнены надписи Ekaith, расположенная на горле.
– Высота сосуда – 6 см; диаметр: венчика – 5,5 см, корпуса – 6 см, ножки – 2 см.
- с. Семеновна Ленинского р-на АРК Актанский могильник, курган 24, погребение 1. У глеца женщины 20–30 лет, рядом каменное пращице.
- Аналогия: С. Ротрофф выделяет группы орнаментов в стиле West Slore в орнаменты с гирляндами. Орнамент сосуда из Актанского могильника ближе всего к гирляндам на капфарах группы Vatican G 116, которые противопоставлены в первой четверти III в. до н. э. (Rotroff 1997: 1: 98; 2: fig. 5, № 178).
- Дата погребения: первая половина III в. до н. э. (Бессонова, Буянтин, Гаврилюк 1988: 115–163, рис. 19: 3).
78. Капфар бурлаковайный, коническоцилиндрическая поверхность (рис. 10: 6). На шейке гирлянда плетца, ручки отбиты.
– Высота сосуда – 10 см, диаметр венчика – 8 см.
- с. Плющико Николаевского р-на Николаевской обл. Курган 2, погребение 1. Раскопки В. И. Никитина и В. А. Снытко (Никитин, Снытко А-1985/36).
- Аналогия: в материалах Анфисинской агоры капфары с канцелированными тудолом (ribbing) с орнаментом в стиле West Slore были найдены в словах второй четверти IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: 1: 122; 2: № 721, pl. 29). С. Ротрофф выделяет группы орнаментов в стиле West Slore с орнаменты с гирляндами. Орнамент сосуда из Плющико ближе всего к гирляндам плетца, которые были популярны в IV в. до н. э. Это классический капфар с «rain rim». По форме и орнаментации датируемый последней четвертью IV в. до н. э. (Rotroff 1997: 1: 85; 2: fig. 5, № 28, 31).
- Алексеев 1991 – Алексеев А. Ю. Хронология и хронография Причерноморской Скифии // АСГЭ. 1991. Вып. 31. С. 43–57.
- Алексеев 1992 – Алексеев А. Ю. Скифская хроника. СПб., 1992.
- Алексеев, Мурзин, Роде 1991 – Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Роде Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. Киев, 1991.
- Андрух 1995 – Андрух С. Н. Нижнеднэпровская Скифия в VI–начале I вв. до н. э. Запорожье, 1995.
- Андрух, Тошев 1999 – Андрух С. И., Тошев Г. Н. Могильник Мамай-Гора. Запорожье, 1999. Кн. 1.
- Андрух, Тошев 2004 – Андрух С. И., Тошев Г. Н. Могильник Мамай-Гора. Запорожье, 2004. Кн. 3.
- Березовская 1960 – Березовская Д. Т. Розетки курганного могильника эпохи бронзы та скифского часу близ с. Кут // АП УРСР. Київ, 1960. Т. 9. С. 39–88.
- Бессонова 1973 – Бессонова С. С. Погребение IV в. до н. э. из Треухратского кургана // Скифские древности. Киев, 1973. С. 243–252.
- Бессонова 1982 – Бессонова С. С. О скифских повозках // Древности Степной Скифии. Киев, 1982. С. 102–118.
- Бессонова, Буянтин, Гаврилюк 1988 – Бессонова С. С., Буянтин Е. П., Гаврилюк Н. А. Актанский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев, 1988.
- Бессонова, Ковальков, Кубишев 2005 – Бессонова С. С., Ковальков М. В., Кубишев А. I. Курганы близ с. Олыгине (скифский поховання) // Археологія. 2005. № 3. С. 43–57.
- Бидзля, Болтрик, Мозолевский, Савоцкий 1977 – Бидзля В. И., Болтрик Ю. В., Мозолевский Б. Н., Савоцкий И. П. Курганный могильник в уроч. Пески // Курганные могильники Рязань Могилы и Носаки. Киев, 1977. С. 61–159.
- Битковский, Позин 1987 – Битковский О. В., Позин С. В. Скифский курган у с. Богдановка на Херсонщине (к проблеме хронологии памятников V–IV вв. до н. э.) // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987. С. 74–85.
- Брашинский 1980 – Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н. э. Л., 1980.
- Буянтин 1985 – Буянтин Е. П. Методика социальных реконструкций в археологии. Киев, 1985.
- Буянтин, Чередищенко, Мурзин 1977 – Буянтин Е. П., Чередищенко И. П., Мурзин В. Ю. Скифский могильник у с. Верхнегитарасовка // Курганы юга Дисперпетровщины. Киев, 1977. С. 59–125.
- Гаврилюк 1989 – Гаврилюк Н. А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев, 1989.
- Гаврилюк 1999 – Гаврилюк Н. А. История земледелия Степной Скифии VI–III вв. до н. э. Киев, 1999.
- Гаврилюк, Рассамакин, Отрошенко 2005 – Гаврилюк Н. А., Рассамакин Ю. Я., Отрошенко В. В. Шумяцкий сосуд из скифского погребения // Археологія: дослідження в Україні 2003–2004 рр. Київ, 2005. С. 343–348.
- Граков 1962 – Граков Б. И. Скифские погребения на Пятипольском курганном поле // МИА. 1962. № 115. С. 56–114.
- Гребенников 1980 – Гребенников Ю. С. Скифский курганный могильник у с. Отрадное // Археологические памятники Почтулы. Киев, 1980. С. 146–164.
- Гребенников, Ребедайло 1991 – Гребенников Ю. С., Ребедайло Г. П. Скифское погребение V в. до н. э. на Ингульте // Курганы степной Скифии. Киев, 1991. С. 117–122.
- Дашинченко 2000 – Дашинченко С. А. Череполовская аттичская керамика поселения Козырка 2 // SUSSITA. СПб., 2000. С. 217–222.
- Доватур, Каллистов, Шишова 1982 – Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории Геродота». М., 1982.
- Евдокимов, Фридман 1987 – Евдокимов Г. Л., Фридман М. И. Скифские курганы у с. Первомайка на Херсонщине // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987. С. 85–116.
- Евдокимов, Фридман 1991 – Евдокимов Г. Л., Фридман М. И. Курганы скифского времени у с. Первомайка на Херсонщине // Курганы степной Скифии. Киев, 1991. С. 18–27.
- Иванов 1963 – Иванов В. Аполония. Разрушение в некрополе на Аполония през 1947–1949 гг. София, 1963.
- Ковалева 1999 – Ковалева И. Ф. Скифские погребения Правобережного Преддестья // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999. С. 130–133.
- Ковпаненко, Буянтин, Гаврилюк 1978 – Ковпаненко Г. Т., Буянтин Е. П., Гаврилюк Н. А. Раскопки курганов у с. Ковалева // Курганы на Южном Буге. Киев, 1978. С. 7–133.
- Козуб 1974 – Козуб Ю. I. Некрополь Ольвий V IV ст. до н. э. Київ, 1974.
- Колотухин 2000 – Колотухин В. А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма. Симферополь, 2000.
- Круглов 2004 – Круглов А. В. Необходимы античные вазы // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. С. 103–108.
- Кубишев, Николова, Позин 1982 – Кубишев А. И., Николова А. В., Позин С. В. Скифские курганы у с. Львово на Херсонщине // Древности степной Скифии. Киев, 1982. С. 13–148.
- Кузнецова, Кузнецов 2005 – Кузнецова Е. М., Кузнецов С. В. Курганы скифского времени у пос. Дзюперовский и с. Большая Безозерка (Краткий очерк) // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005. С. 317–333.
- Лордкипанидзе 1976 – Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы к истории связей Афин с Колхидой // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 141–143.
- Маневич 1987 – Маневич А. П. Курган Сопоха. Л., 1987.
- Мелюкова 1975 – Мелюкова А. И. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М., 1975.
- Мелюкова 1999 – Мелюкова А. И. Скифские курганы возле Сопоха (раскопки 1961–1962 гг.) // Евразийские древности. 100 лет Б. П. Гравову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999. С. 63–72.

- Мозолевский 1973 – *Мозолевский Б. Н.* Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепротропушине // Скифские древности. Киев, 1973. С. 187–234.
- Мозолевский 1980 – *Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепротропушине // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 70–155.
- Моисахов, Рогов 1990 – *Моисахов С. Ю., Рогов Е. Я.* Керамические комплексы некрополя Панское // Античный мир и археология. 1990. Вып. 4. С. 122–152.
- ОАК 1913 – ОАК за 1909 г. СПб., 1913.
- Ольговский, Полин 1977 – *Ольговский С. Я., Полин С. В.* Курганная группа «Острая Могила» // Курганы Южной Херсонщины. Киев, 1977. С. 34–45.
- Овайко 1970 – *Овайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н. э. М., 1970.
- Остапенко 2001 – *Остапенко М. А.* Пам'ятки осілости скіфського часу на о. Хортиця // Археологія. Київ, 2001. № 1. С. 51–68.
- Папанова 2000 – *Папанова В. А.* Чернолаковая керамика из семейно-родового участка некрополя Ольгин // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2000. Вып. 8. С. 194–216.
- Плещиненко 1991 – *Плещиненко А. Г.* Скифский курган у Белозерского лимана // Курганы степной Скифии. Киев, 1991. С. 53–72.
- Рогов, Кашаев, Форназир 2005 – *Рогов Е. Я., Кашаев С. В., Форназир И.* Керамический комплекс из хозяйственных ям поселения Вышестеблевская-II на юге Таманского полуострова // Боспорские исследования. Керчь, 2005. Вып. 8. С. 177–218.
- Рогов, Тункина 1998 – *Рогов Е. Я., Тункина И. В.* Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I // АВ, СПб., 1998. № 5. С. 59–176.
- Самойлова 1988 – *Самойлова Т. Л.* Тира VI–I вв. до н. э. Киев, 1988.
- Серова, Яровой 1987 – *Серова Н. Л., Яровой Е. В.* Григорпольские курганы. Кишинев, 1987.
- Сунчук, Фокеев 1984 – *Сунчук Е. Ф., Фокеев М. М.* Скифский могильник Плавни 1 в Низовьях Дуная // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984. С. 103–133.
- Тереножкин, Ильинская, Мозолевский 1977 – *Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н.* Скифский курганный могильник Гайманово поле // Скифы и сарматы. Киев, 1977.
- Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский 1973 – *Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. Киев, 1973. С. 113–187.
- Треножкин, Мозолевский 1988 – *Треножкин А. И., Мозолевский Б. Н.* Мелитопольский курган. Киев, 1988.
- Тронцкая 1957 – *Тронцкая Т. Н.* Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в областном краеведческом музее // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957. С. 174–190.
- Фидало 2004 – *Фидало Е. Е.* Чернолаковая керамика в погребально-обряде скифов (по материалам Рогачинского могильника) // Вид Киммерії до Сарматії. Київ, 2004. С. 87–92.
- Черединченко, Болдин 1977 – *Черединченко Н. Н., Болдин Я. И.* Скифские курганы у с. Владимировка // Курганы юга Днепротропушины. Киев, 1970. С. 125–151.
- Черненко, Бунтяк 1977 – *Черненко Е. В., Бунтяк Е. П.* Курганная группа Широкое II // Курганы Южной Херсонщины. Киев, 1970. С. 45–94.
- Яковенко, Черненко, Корпусова 1970 – *Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н.* Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма. Киев, 1970. С. 136–180.
- Ebert 1913 – *Ebert M.* Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn // PZ, Berlin, 1913. Bd 5, Heft 1–2.
- Robinson 1933 – *Robinson D. M.* Excavation at Olynthus. Baltimore, 1933. Vol. 5.
- Rotroff 1997 – *Rotroff S.* Hellenistic Pottery. Athenian and imported wheelmade table ware and related material. The Athenian Agora. Princeton: New Jersey, 1997. Vol. 29.
- Sparkes, Talcott 1970 – *Sparkes V. A., Talcott L.* Black and plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries BC // The Athenian Agora. Princeton: New Jersey, 1970. Vol. 12.
- Vickers 1973 – *Vickers M.* An ex-rattling cup in Oxford // AJA. 1973. Vol. 77. N 2. P. 196–197.
- Vickers 1980 – *Vickers M.* Another Dirty Trick Vase // AJA. 1980. Vol. 84. N 2. P. 87–89.
- Черединченко А-1975/10 – *Черединченко Н. Н.* Отчет о работе Верхнетатарской экспедиции в 1975 г.
- Черединченко А-1976/10 – *Черединченко Н. Н.* Отчет о работе Верхнетатарской экспедиции в 1976 г.
- Шапошникова А-1976/7 – *Шапошникова О. Г.* Отчет о работах Нинувильской экспедиции в 1976 г.

Архивные материалы НА ИА НАН Украины

- Кубышев А-1979/32 – *Кубышев А. И.* Отчет о раскопках Херсонской экспедиции в 1979 г.
- Кубышев А-1985/7 – *Кубышев А. И.* Отчет о раскопках Херсонской экспедиции в 1985 г.
- Лесков А-1971/23 – *Лесков А. М.* Отчет о работе Каховской экспедиции в 1971 г.
- Никитин, Снытко А-1985/36 – *Никитин В. И., Снытко И. А.* Отчет о раскопках Николаевского краеведческого музея у с. Плющевка Багтанского р-на в 1985 г.

BLACK-GLAZED KYLIKES AND KANTHAROI FROM STEPPE SCYTHIAN BURIALS

N. A. GAVRILYUK

The present paper is aimed at clarification of the peculiar use of black-glazed ware among the Scythians, as well as determination of the regions which imported either single «vessels for drinking wine» or consignments of these objects and the chronological framework of those imports.

Of the 3,000 steppe Scythian burials so far excavated, black-glazed ware has been found in 221 that is 13 percent of all the steppe Scythian graves with pottery.

Now certain suppositions have been published on the chronological frames and quantities of kantharoi and kylikes imported to Steppe Scythia. The first black-glazed vessels, viz. stemmed kylikes, appeared in the Scythian steppe in the first half of the 5th century BC. Those were single objects imported both to the steppe and forest-steppe zones of the northern Black Sea area. Only in the last quarter of the 5th century, with the appearance of thick-walled kylikes in the steppe, we may speak about importing consignments of these goods. Thin-walled kylikes only occasionally entered steppe Scythia where they are sometimes found in graves of the first half of the 4th century BC. Kantharoi-kylikes occur in steppe Scythian burials throughout the middle and third quarter of the 4th century BC. Kantharoi with a thickened hollow rim were imported to the steppe since the mid-4th century BC remaining in use

until the early 3rd century. The rich collection of kantharoi-kylikes and kantharoi from steppe Scythian burials suggests mass imports of this type of black-glazed ware.

Mapping of black-glazed kylikes and kantharoi gives us grounds to speak about certain peculiarities of their distribution. Until the mid-4th century BC those were predominantly occasional imports. In the first half of the 4th century BC, a small consignment of thick-walled kylikes was brought to the Scythians of the steppe left-bank zone of the Dnieper River (the Kamensky ecological and economical region). Kantharos-shaped kylikes were imported to the regions of the settlement-sites of Kamenskoye and Kapulovskoye and to the Crimea. The majority of kantharoi has been found in the Kapulovsky ecological and economical region.

Studies of the occurrence of kylikes and kantharoi in male and female graves suggest the long use of these vessels. Initially they were used by men for drinking wine. In female burials they were occasionally accompanied by spindles, spindle-whorls and mirrors. It seems that also during the life-time, drinking vessels which had become worthless were handed over to women and used by the latter as cases to keep spindle-whorls, needles or occasionally beads. The same peculiarity is observed in rich Scythian burials.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О НЕКРОПОЛЕ ПОРФМИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК 2003–2005 гг.)

М. Ю. ВАХТИНА, Р. В. СТОЯНОВ¹

Боспорский город Порфмий традиционно отождествляют с античным городищем (рис. 1: 1), расположенным к северо-востоку от г. Керчь (АР Крым, Украина), на возвышенном плато недалеко от побережья Керченского пролива, на окраине современного пос. Жуковка (Шургая 1984: 69–70; Веселов 1952: 227–237). Археологические раскопки этого памятника были начаты в 1953 г. Боспорской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР под общим руководством В. Ф. Гайдукевича. Следующий этап в исследовании этого памятника связан с именем Е. Г. Кастанаян, руководившей археологическими раскопками городища в 1968 и 1971–1985 гг. (Кастанаян 1983; Кастанаян, Вахтина 1987). Исследования городища, продолжавшиеся в 1986–1990 гг. под руководством М. Ю. Вахтиной, были возобновлены в 2002 г.² За время исследования памятника были получены многочисленные материалы о жизни этого «малого» Боспорского города (см. Кастанаян 1968; 1970; 1983; Вахтина 2003; Вахтина 2005), расположенного в непосредственной близости от традиционных переур через Киммерийский Боспор (Вахтина, Виноградов, Рогов 1980; Виноградов 2005: 243). В настоящее время городище Порфмий является одним из наиболее полно исследованных раннеэллинистических укрепленных поселений Европейского Боспора.

К сожалению, несмотря на многолетние поиски, проводившие всеми исследователями городища, некрополь Порфмия долгое время считался неизвестным, о чем неоднократно упоминалось в литературе (см., например: Шургая 1984: 70), однако отдельные находки указывали на его существование. Наиболее яркой из них, пожалуй, является фрагмент известнякового надгробия с надписью, найденный во вторичном использовании при раскопках городища (Кастанаян 1987).

Авторы данной работы некоторое время полагают, что в 2003 г. именно им довелось впервые обнаружить и начать раскопки погребальных сооружений Порфмийского некрополя. Однако архивные материалы, связанные с деятельностью замечательного ученого-краеведа В. В. Веселова, неизвестные ранее и введенные в научный оборот в 2005 г., содержат данные о том, что он в последние годы во время работ, связанных со строительством порта «Крым»,

когда грунт для строительства брался в непосредственной близости от памятника, обнаружил и доследовал остатки эллинистических захоронений (Веселов 2005: 14).

На участке грунтового карьера, расположенного на расстоянии примерно в 300 м к юго-западу от городища Порфмий, В. В. Веселовым были зафиксированы 10 могил с плитовыми конструкциями и одно разрушенное захоронение в черепичной гробнице. Погребальный инвентарь был представлен красноглиняной миской с загнутым внутрь краем, проволочным браслетом и бронзовой спиралевидной подвеской, датирующейся второй половиной V в. до н. э. (Веселов 2005: 14, фото 4–6).

Подземный материал, собранный нами на участке, разрушаемом бортами старого карьера (рис. 2: 3; 6: 8–10), относится к IV в. до н. э. Среди находок следует отметить обломок нижней части конической хиосской амфоры с кошачьей ножкой (рис. 6: 10), относящейся к типу V-B, по классификации С. Ю. Монахова (Монахов 2003: 21–22). В результате археологических разведок и последующих раскопок, проведенных Порфмийским отрядом Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2003–2005 гг. к западу от городища, было открыто несколько погребальных комплексов, а также получены данные, позволившие уточнить границы и время функционирования некрополя.³

Территория к западу от Порфмийского городища представляет собой северный склон широкой балки, вытянутой в западном направлении, понижающийся к югу, ограниченный двумя узкими балками, идущими с севера на юг (рис. 1: 2; 2: 1, 2). Южная часть склона была практически полностью уничтожена грунтовым карьером (рис. 1: 3), а остальная площадь, в настоящее время занятая огородами, ранее использовалась под виноградный плантаж. В 2003 г. здесь были зафиксированы более 20 м глубиной от 0,5 до 1,5 м, а также выявлены следы разрушенных погребальных комплексов. Раскопки, проведенные в месте концентрации нескольких грабительских ям, расположенных в верхней части возвышенности на расстоянии около 500 м от северо-западного угла городища, позволили выявить бессистемные скопления тщательно обработанных известняковых плит, а так-

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург: Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел истории античной культуры.

² В настоящее время археологические исследования Порфмия проводятся по гранту некоммерческого фонда поддержки археологических исследований «Киммерид» (г. Москва).

³ В 2003–2004 гг. археологические раскопки на территории некрополя проводились под руководством младшего научного сотрудника Отдела истории античной культуры, кандидата исторических наук Р. В. Стоянова. Авторы выражают благодарность С. В. Яблочкину за помощь в фотофиксации и компьютерной обработке фотографий открытых объектов и отдельных находок.

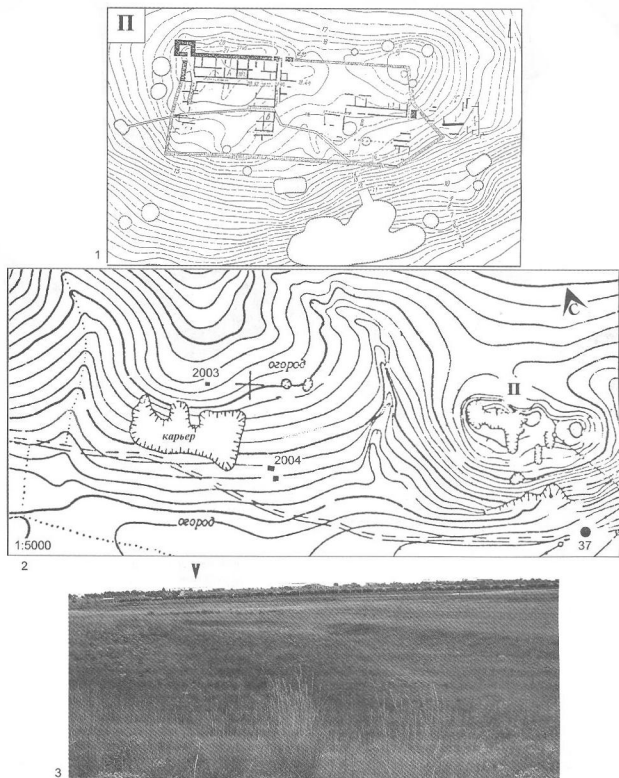

Рис. 1. 1 – план эллинистического Порфмия (по Е. Г. Кастаняну); 2 – участок некрополя, исследованный в 2003–2004 гг. (план); П – городище Порфмий; 3 – карьер, вид с северо-запада (фото 2005 г.). Стрелкой указан порт «Крым».

Fig. 1. 1 – Porthmion of Hellenistic period (after E. G. Kastanajan); 2 – necropolis area, excavated in 2003–2004 (plan); П points the townsite; 3 – quarry, view from north-west (photo of 2005). The arrow points to Port «Crimea».

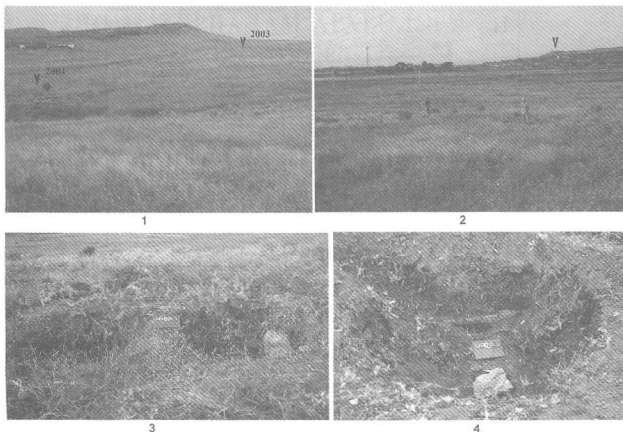

Рис. 2. 1 – некрополь у городища Порфмий, вид с востока (фото 2000 г.). Стрелками указаны места раскопок 2003–2004 гг.; 2 – участок, исследованный в 2004 г. (фото 2004 г.). Сотрудники экспедиции стоят в местах расположения склепов 1–2. Стрелкой указано расположение крепости Еникале; 3–4 – грабительские ямы на территории некрополя (фото 2004 г.).

Fig. 2. 1 – necropolis near the townsite of Porthmion, view from east (photograph of 2000). Arrows mark the sites of the excavations of 2003–2004; 2 – area excavated in 2004 (photograph of 2004). The Expedition assistants are standing on the spots where crypts 1 and 2 are located; the arrow is pointed towards Fort Yenikale; 3–4 – robbers' pits in the area of the necropolis (photo of 2004).

же мелких фрагментов человеческих костей и керамики. Среди керамики, найденной в развалах, следует отметить обломки тарных амфор I в. до н. э.–I в. н. э., определяемые как «псевдокосские» (рис. 6: 1, 4; Внуков 2000: 54–56), а также обломки ручек и дно светлоглиняной амфоры, относящейся, по классификации Д. Б. Шелова, к типу D, широко распространенному на античных памятниках Северного Причерноморья конца II–III в. (рис. 6: 2–3; Шелов 1978: 16–21; Домжальский, Чистов 2003: 13, табл. 22: 9–11). Найденный в слое распушки материал позволил установить, что на исследованной площади было уничтожено как минимум две могилы с плитовыми и каменными конструкциями, относящимися к I в. до н. э.–II в. н. э.

Этот факт представляет исключительный интерес, поскольку имеющиеся на сегодняшний день археологические материалы, происходящие с городища Порфмий, свидетельствуют о прекращении жизни на его территории около середины I в. до н. э. (Кастанаян 1983: 162; Вахтина 2005: 61). Отсутствие следов разрушений, соотносимых с этим временем, позволило предположить, что крепость была оставлена жителями. Е. Г. Кастанаян полагала, что это могло произойти и вследствие обмеления залива, близ которого было основано поселение (Кастанаян 1983: 162).

Наличие в непосредственной близости от городища могил, датирующихся более поздним временем, позволяет с осторожностью предположить, что они принадлежали жителям одного или нескольких поселений, возможно, существовавших на близлежащих территориях после запустения крепости. В пользу этого предположения свидетельствуют отдельные случайные находки римского времени, происходящие с территории, прилегающей к Порфмийскому городищу. К сожалению, имеющихся материалов недостаточно, чтобы составить представление о том, что происходило на рассматриваемой территории в этот период. Тем больший интерес представляет собой изучение территории некрополя, содержащего погребения римского времени.

В 2004 г. на расстоянии около 250–300 м к юго-западу от западной куртины оборонительных стен городища были зафиксированы 6 ям различных размеров прямоугольной и овальной в плане формы глубиной 0,5–1 м, бессистемно расположенных на площади около 0,5 га. В двух ямах были видны частично разрушенные плитовые конструкции (рис. 2: 3–4). В результате археологического исследования этой территории были открыты два плитовых склепа.

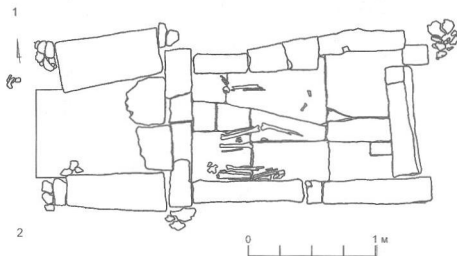

Рис. 3. Склеп 1. 1 – фото; 2 – план.

Fig. 3. Crypt 1. 1 – photo; 2 – plan.

Склеп 1 (рис. 3) прямоугольной формы, ориентирован по линии восток–запад. Верхняя часть конструкции была полностью разрушена плантажной распашкой и грабителями. Блоки продольных стен погребальной камеры были наклонены к югу под углом 73° , а блоки восточной стены – к западу под углом 70° . Трещины и следы смещений имелись на блоках северной и западной стен, а также на блоке, образующем северную стену дромоса. Наличие вырубов на верхних частях блоков восточной и западной стен указывает на наличие еще как минимум одного ряда кладки, уничтоженного полностью, как и перекрытие склепа. Размеры плитовой конструкции были меньшими, чем яма, в которой она была установлена. На это указывают глинистая трамбовка, заполнявшая пустое пространство вдоль стен, а также группы необработанных камней в углах, служившие для дополнительной фиксации конструкции. Дромос, размерами $1,5 \text{ Ч } 2,1 \text{ м}$, расположенный с западной стороны конструкции, образован двумя прямоугольными блоками, установленными орфостату. В восточной части на уровне основания блоков имелась

вымостка из двух уложенных плашмя плит, плотно прилегавших к блокам второго ряда кладки стены погребальной камеры и образовавших с блоками первого ряда кладки западной стены ступеньку, ведущую из дромоса в погребальную камеру. Пол дромоса представлял собой плотную глинистую трамбовку толщиной $0,25\text{--}0,3 \text{ м}$. Конструктивной особенностью склепа является оформление входа из дромоса в погребальную камеру. Плиты второго ряда кладки западной поперечной стены были приставлены перпендикулярно к торцу плит дромоса, прикрывающих вход и сужающих проход в камеру. Погребальная камера имеет вид прямоугольного в плане плитового ящика размерами $2,4 \text{ Ч } 1,7 \text{ м}$.

В выбросе были найдены фрагментированные человеческие кости и обломки столовой и кухонной керамики местного производства III–середины II в. до н. э. (рис. 7: 1–9; Соколова 2004: рис. 1; Tolstikov, Zhuravlev 2004: pl. 99), а также ледная керамика, типы которой имеют аналогии среди сосудов скифского населения степного и предгорного Крыма III–I вв. до н. э. (рис. 7: 10–11; ДГН: кат. 142, 144; Дашев-

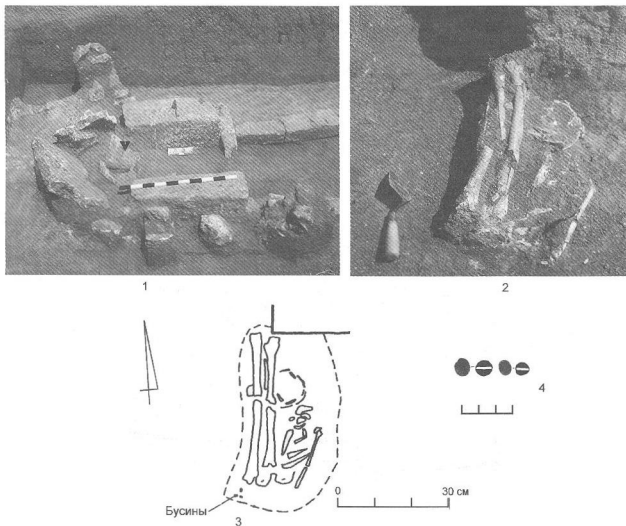

Рис. 4. Погребение 1. 1 – расположение погребения (указано стрелкой); 2–3 – расположение костных останков; 3 – бусины.

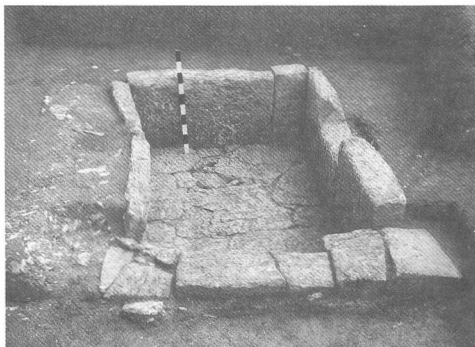
Fig. 4. Burial 1. 1 – position of the burial (indicated by an arrow); 2–3 – positions of skeletal remains; 3 – beads.

ская 1991: табл. 50–52; Колтухов 2004: рис. 7: 7–8, 12; 8: 1, 4, 8).

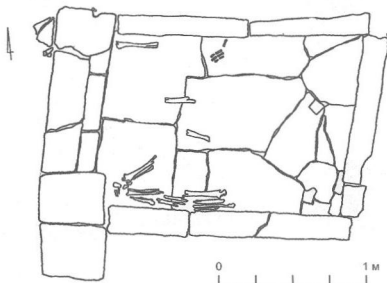
В слое распанки находились обломок книдской амфоры с коническим горлом и кубаревидной ножкой варианта II-B (рис. 6: 5) конца IV–начала III в. до н. э. (Монахов 2003: Табл. 74: 1–3), фрагменты синопских амфор позднего типа варианта III-C-1 (рис. 6: 6–7) середины–третьей четверти III в. до н. э. (Монахов 2003: 153–154, табл. 104: 1–3). Среди столовой керамики отметим фрагменты краев рыбных блюдов (рис. 7: 11–16) конца III–первой половины II в. до н. э. (Rotroff 1997: Ca. 725–730) и обломки тарелок типа rolled rim (рис. 8: 1–9) III–I вв. до н. э. (Rotroff 1997: Ca. 640–644, 660–663, 670–677; ДГН: кат. 109), фрагмент подставки канфара (рис. 8: 10) конца III в. до н. э. (Rotroff 1997: Ca. 94–98), а также фрагменты чаш с рельефным орнаментом (рис. 8: 11–12), относящихся к продукции малоазийских мастерских (Lamonier 1977: pl. 21: 9747, 2345, 3; Rotroff 1981: pl. 88: 384, 391),⁴ поступление

которых в Северное Причерноморье начинается во второй четверти II в. до н. э. и продолжается до конца II – начала I в. до н. э. (Коваленко 1989: 4–6, 19–20; Внуков, Коваленко 1998: 62–70; Tolstikov, Zhuravlev 2004: pl. 100: 9, 101: 5; Дашевская 1991: табл. 53: 9) и унгентариев (рис. 8: 13–14), относящихся к этому же периоду (Camilli 1999: В. 11.2; Гран 1999: A180, ННФ.77. 46; ДГН: кат. 103). По нашему мнению, часть этих находок может быть отнесена к комплексам одной или нескольких тризид, расположенным недалеко от склепов. Отдельно следует упомянуть антропоморфное надгробие (рис. 6: 11 а–с). Памятник относится к типу массивных антропоморфных надгробий со стилизованной головой округлой формы с утолщенным затылком. Голова переходит в покатые плечи, заканчивающиеся прямоугольным туловом с плоским основанием. Размеры надгробия 45,3 Ч 35,5 Ч 22 см. На поверхности многочисленные выбоины и сколы. Аналогии надгробию такого типа дают материалы Боспора (Молева 2002:

⁴ Выражаем благодарность Е. В. Грицик за консультацию.

1

2

Рис. 5. Склеп 2. 1 – фото; 2 – план.

Fig. 5. Crypt 2. 1 – photo; 2 – plan.

тип 15) и Херсонеса Таврического (АСХ: кат. 223; Колесникова 1977: рис. 1: 1) второй половины III–II в. до н. э.

Склеп был полностью ограблен. При этом отдельные части скелетов были открыты на полу склепа *in situ*. Расположение фрагментов костей нижних конечностей в западной, а частей черепа в восточной частях погребальной камеры указывает на то, что покойники были положены в вытянутом положении

и ориентированы на восток. По данным антропологического анализа, в склепе были похоронены не менее трех человек в возрасте 30–50 лет (1?, 2?).⁵ При разборке заполнения погребальной камеры и дромоса были найдены обломки краев рыбных блюд (рис. 9: 6–7) конца III–начала I вв. до н. э. (Rotroff 1997: Ca. 732), чаш (рис. 9: 3–5) конца III–начала I вв. до н. э. (Rotroff 1997: Ca. 1034, 1039–1044), блюда типа *rolled rim* (рис. 9: 2) начала II в. до н. э. (Кругликова 1957:

⁵ Авторы благодарят старшего научного сотрудника Института антропологии и этнографии РАН к. и. н. В. И. Борисову, которой была произведена атрибуция краниологического материала, полученного в результате археологических раскопок 2004 г.

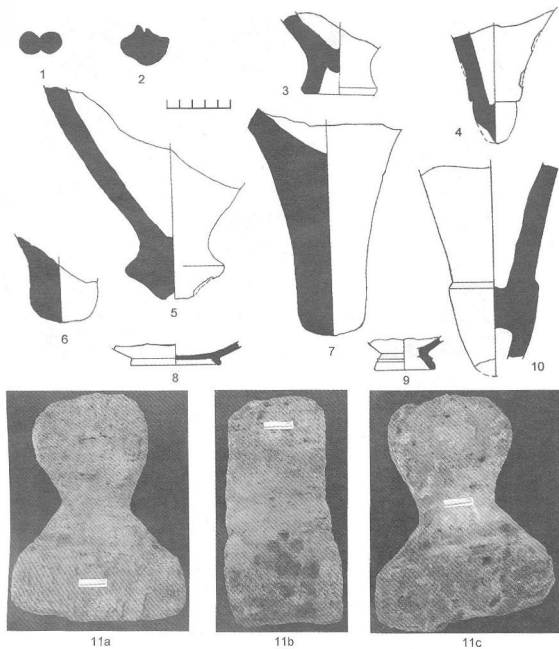

Рис. 6. Фрагменты гарных амфор: 1–4 – раскопки 2003 г.; 5–7 – из слоя распушки у склепа 1; 8–10 – полевые находки 2005 г. 11 – антропоморфное надгробие из габриельского выброса склепа 1.

Fig. 6. Fragments of storage amphorae: 1–4 – excavations of 2003; 5–7 – from the ploughed-up layer near Crypt 1; 8–10 – surface finds of 2005; 11 – human-like gravestone found in the spoils from robbers' pit at Crypt 1.

127, рис. 7; 7; Rotroff 1997: Ca. 678), двуручной чашечки III в. до н. э. (рис. 9; 8; Гайдукевич 1987: рис. 92, 4). Обломки столовых сосудов (рис. 9; 9–16) имеют аналогии среди керамики боспорского производства эллинистического времени III–I вв. до н. э. (Соколова 2004: 146, рис. 1; Tolstikov, Zhuravlev 2004: рf. 98: 13–14). Кроме того, в заполнении склепа был найден бронзовый браслет в виде согнутого гладкого, округлого в сечении проволочного стержня с округлыми утолщениями на концах (рис. 9: 1a). Браслеты подобной формы были распространены в Северном Причерноморье с конца IV в. до н. э. вплоть до римского времени (Петренко 1978: табл. 38: 3–

10; Дашевская 1991: табл. 71: 5; Грач 1999: табл. 6, ННФ. 73. 127). Там же были найдены глазчатая бузина синего цвета, округлой формы с круглыми глазками, по классификации Е. М. Алексеевой, время производства подобных бус охватывает период I в. до н. э.–I в. н. э. (АБСП 1975: табл. 15: 1) и фрагмент лезвия железного ножа (рис. 9: 1 b-c). Комплекс находок позволяет относить время использования склепа ко II–I вв. до н. э.

Под камнями заклада входа в дромос было открыто захоронение (рис. 4: 1). Скелет располагался на уровне пола дромоса. Ориентировка северная с отклонением к востоку. Положение костных остан-

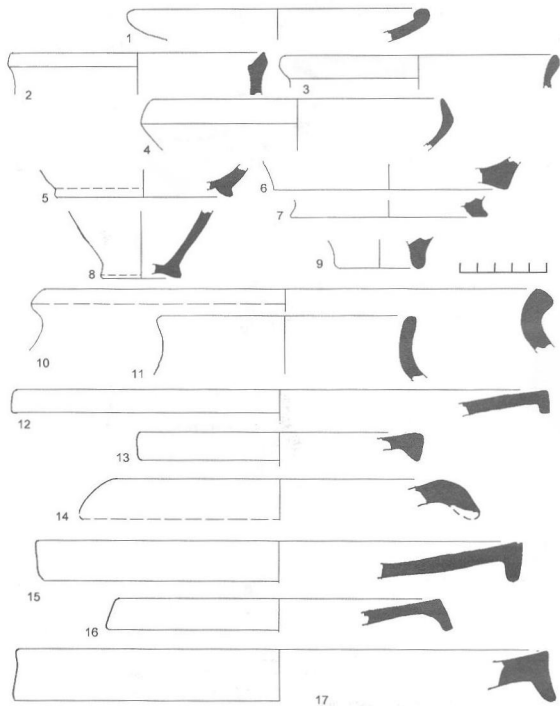

Рис. 7. Керамика из выброса грабительской ямы у склепа 1: 1–9 – столовые сосуды; 10–11 – лепные сосуды; 11–16 – фрагменты рыбных блюдец из слоя распашки у склепа 1.

Fig. 7. Pottery found in the spoils from the robbers' pit near Crypt 1: 1–9 – tableware; 10–11 – handmade pottery; 11–16 – fragments of fish-plates from the ploughed-up layer near Crypt 1.

ков позволяет установить, что покойник был положен скорченно на спине с согнутыми и прижатыми к корпусу ногами, руки были согнуты в локтях, кисти прижаты к грудной клетке. Кости сохранились плохо. Согласно антропологическому заключению, скелет принадлежал женщине в возрасте около 50 лет (рис. 4: 2–3). Сопутствующий инвентарь состоял из двух стенок светлоглиняных тарных амфор и двух стеклянных бусин округлой формы синего и зеленого

цветов II–I вв. до н. э. (рис. 4: 4; АБСП 1978: 64, тип 7). Расположение скелета и датировка сопутствующего инвентаря указывают на то, что рассматриваемое погребение было совершено одновременно с захоронениями в погребальной камере или с непродолжительным перерывом после них.

Склеп 2 (рис. 3) расположен на расстоянии 5 м к юго-востоку от склепа 1. Сооружение было сильно разрушено вследствие глубинной распашки и раз-

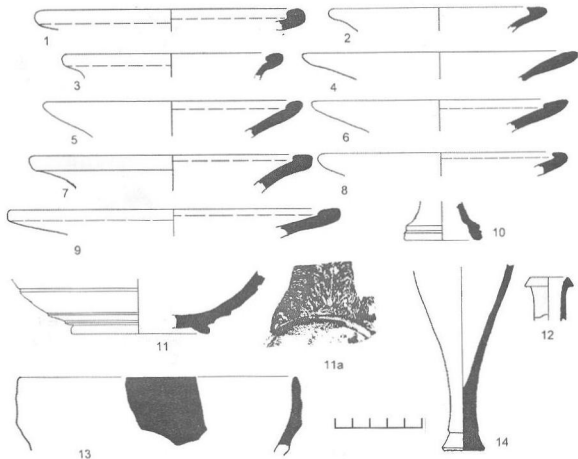

Рис. 8. Находки из слоя распашки у склепа 1: 1–12 – столовые сосуды; 3–14 – унгвентарии.

Fig. 8. Finds from the ploughed-up layer near Crypt 1: 1–12 – tableware; 3–14 – unguentarii.

грабления. Стены склепа потревожены распашкой: блоки северной стены наклонены к югу под углом 79° , блоки восточной стены наклонены к западу под углом 83° . Кроме того, блоки северной и западной стен имели отклонения от осевых линий трасс. Размеры ямы, в которой было расположено сооружение, как и в случае со склепом I, превышали размеры плитовой конструкции. Пустое пространство было заполнено плотной глинистой трамбовкой с большим количеством известняковой крошки. Дромос, который был полностью разрушен, очевидно, располагался в западной части сооружения. От конструкции стен дромоса сохранилась единственная плита, пристроенная вплотную к наружным верхним частям блоков западной стены погребальной камеры. Указанная плита лежала на плотной глинистой трамбовке, вероятно, служившей полом дромоса. В месте перехода из дромоса в камеру имелась плитовая вымостка. Все блоки, составлявшие конструкцию дромоса, имели следы повреждений. Вход из дромоса в камеру был, как и в склепе I, сужен двумя блоками второго ряда кладки западной стены погребальной камеры. Погребальная камера прямоугольной формы размерами $2,4 \times 1,9$ м. В восточной части в плитах пола были зафиксированы квадратные в плане подрубки размерами около 10×10 см.

В выбросе были найдены фрагментированные человеческие кости, обломки рыбных блюд начала II в. до н. э. (рис. 10: 1; Rotroff 1997: Ca. 729) и конца II–начала I в. до н. э. (рис. 10: 2; Rotroff 1997: Ca. 732), а также кухонная (рис. 10: 3) и толстостенная керамика (рис. 10: 6) III–I вв. до н. э. (Кругликова 1957: 107–115; Соколова 2004: 146, рис. 1; Tolstikov, Zhuravlev 2004: pl. 94: 18). Отдельно стоит отметить чашечки (рис. 10: 4–5), относящиеся к так называемой Понтийской сигиллате, время производства которой Д. В. Журавлев относит ко второй половине II в. до н. э.–концу I в. (Tolstikov, Zhuravlev 2004: 274). На расстоянии $0,5$ м от северо-западного угла погребальной камеры, в слое распашки был найден фрагмент терракотовой протомы. Сохранилась часть в виде лица женского божества в стифане (рис. 10: 7). Крупные черты удлиненного лица трактованы обобщенно, глаза мягко затенены, рот небольшой. Черепок светло-коричневого цвета с крупнозернистыми включениями. На поверхности многочисленные потертости и сколы. Протомы подобной формы относятся к III–II вв. до н. э. (Леви 1970: 53, таб. 32, 4; Яценко 1970: 69, табл. 7: 2).

Как и склеп I, склеп 2 оказался полностью ограбленным. Открытые *in situ* на полу погребальной камеры костные останки позволяют установить, что

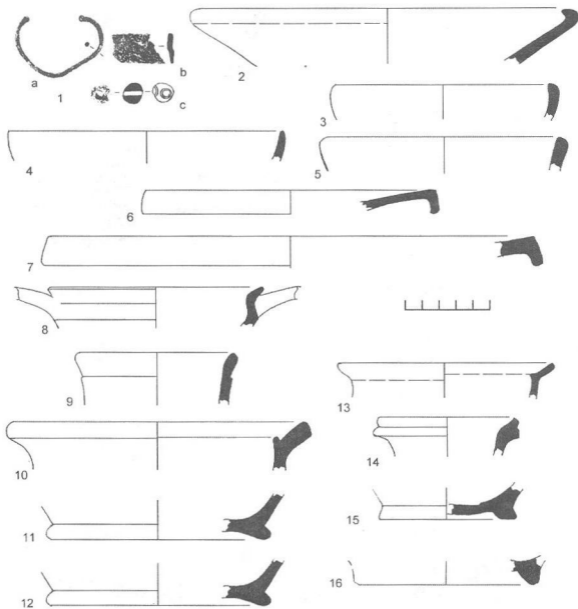

Рис. 9. Находки из заполнения склепа 1: 1 – а – браслет, б – обломок лезвия ножа, с – бусина; 2–16: столовая керамика.
 Fig. 9. Finds from the fill of Crypt 1: 1 – a – bracelet, b – fragment of knife blade, c – bead; 2–16: tableware.

наиболее вероятным расположением покойников было вытянутое с северо-восточной ориентировкой. По данным антропологического анализа, в склепе были погребены не менее четырех человек (2?, 2?) в возрасте 40–50 лет. В заполнении камеры найдены фрагменты блюд типа rolled rim с покрытием коричневого и тускло-графитового цвета, датирующиеся второй половиной II–началом I в. до н. э. (рис. 10: 10–11; Rotroff 1997: Ca. 686–688; Tolstikov, Zhuravlev 2004: pl. 100: 2–4), а также рыбные блюда, форма которых имеет аналогии среди керамики II–начала I в. до н. э. (рис. 10: 8–9; Rotroff. 1997. Ca. 729, 732). Очевидно, к этому же времени относится и фрагмент ножки утвари (рис. 10: 12). На уровне

пола погребальной камеры были найдены подвески и бусины, вероятно, составлявшие ожерелье (рис. 10: 13–24). Подвеска из гагата в виде тонорика и подвеска из египетского фаянса относятся, согласно классификации Е. М. Алексеевой, к I в. до н. э. (АБСП 1975: табл. 7: 21–27, табл. 7: 28–30; АБСП 1978: тип 107, табл. 20: 42). Бронзовая пронизь, свитая из пластинки с продольным швом, и подвеска имеют аналогии в материалах Северного Причерноморья античного периода (АБСП 1982: 23, тип 4, табл. 40: 20). Бочковидная уплощенная бусина желтого стекла датируется в пределах III–I вв. до н. э. (АБСП 1978: табл. 33: 7). Бусины из глухого белого, синего и красного стекла округлой и бочковидной форм

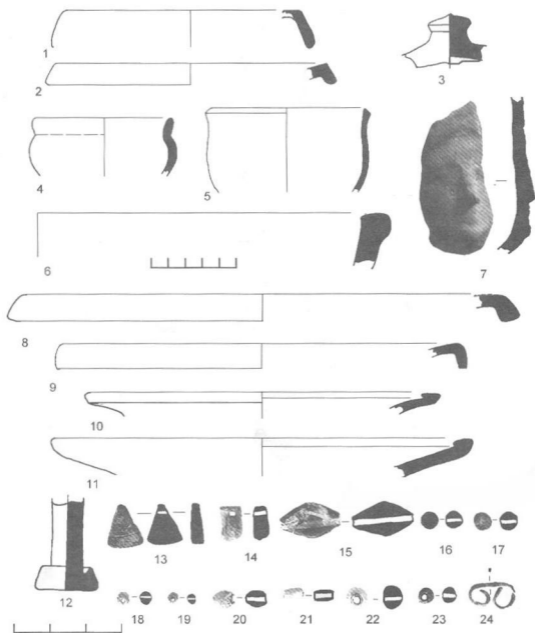

Рис. 10. Находки из выброса грабительской ямы у склепа 2: 1–6 – керамика; 7 – фрагмент терракотовой протомы. Находки из заполнения склепа 2: 8–12 – столовая керамика; 13–24 – бусины.

Fig. 10. Finds from the spoil heap from the robbers' pit near Crypt 2: 1–6 – pottery; 7 – fragment of a terracotta protome. Finds from the fill of Crypt 2: 8–12 – tableware; 13–24 – beads.

также относятся к I в. до н. э., хотя подобные формы были распространены и в более позднее время (АБСП 1978: Тип 6, 17). Согласно датировкам найденного в выбросе, заполнении склепа и на полу погребальной камеры материала, время использования сооружения можно отнести ко второй половине II–началу I в. до н. э.

Оба склепа относятся к типу плитовых сооружений, появившихся на Боспоре в IV в. до н. э. Конструктивной особенностью типа является оформление входа из дромоса в погребальную камеру. Стенки дромоса состоят из двух массивных блоков, вход в погребальную камеру образован плитами, пер-

пендикулярно приставленными к их торцу, прикрывающими и сужающими проход. К наиболее ранним аналогиям подобных конструкций можно отнести склепы III–II вв. до н. э., открытые у пос. им. Ленина и в некрополе Ольвии (Яковенко 1970: рис. 7, 8: 2; Яковенко, Черненко, Корпусова 1970: рис. 15; Парович-Пешикан 1974: рис. 50, склеп 1/1912), наиболее позднюю аналогию дают материалы некрополя Иллурата I–II вв. (Молева, Тульце, Христановский 2004: 178–181, склеп 211, рис. 3). Материалы, полученные в результате исследования склепов некрополя у городища Порфмий, свидетельствуют о непрерывности практики сооружения погребальных конст-

рукций подобного типа на Боспоре на протяжении III–II вв. до н. э.

Расположение исследованных в 2001–2005 гг. погребальных сооружений свидетельствует об их принадлежности к некрополю городища Порфмий. Территория некрополя занимает верхнюю часть и склоны возвышенности к западу от городища, а также распространяется к юго-западу в направлении городища Парфений. В настоящее время рассматриваемый некрополь сильно разрушен, а на отдельных участках полностью уничтожен в результате вывоза грунта, плантажной расчистки и систематических отработок.

Исследования некрополя, проведенные в 2003–2005 гг., позволили установить, что он содержал

разновременные захоронения, производившиеся как в каменных склепах, так и в простых грунтовых ямах. Некрополь у городища Порфмий является чрезвычайно важным, своеобразным, ярким и интересным памятником. Нет необходимости объяснять всю важность и значение профессиональных археологических исследований некрополей боспорских городов. Систематическое исследование Порфмийского некрополя, вне всякого сомнения, дополнит уже имеющиеся сведения о развитии этого «малого города» на протяжении различных периодов его существования, а также дополнит представления об особенностях погребального обряда в одном из регионов греческой ойкумены.

- Вахтина 2005 – Вахтина М. Ю. Раскопки античного города Порфмий в Восточном Крыму // Проблемы изучения античной археологии Северного Причерноморья. СПб., 2005. С. 54–61.
- Вахтина, Виноградов, Рогов 1980 – Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Рогов Е. Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций восточных скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 155–161.
- Веселов 1952 – Веселов В. В. Древнейшие городища в районе Стыгино // АИБ. Симферополь, 1952. Т. 1. С. 227–237.
- Веселов 2005 – Веселов В. В. Своиная владость. Результаты археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–64 гг. // ДБ. 2005. Supplement 2.
- Виноградов 2005 – Виноградов Ю. А. Боспор Киммерийский // Греки и варяги Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 211–296.
- Внуков 2000 – Внуков С. О. «Псевдовосские» амфоры Причерноморья // РА. № 4. С. 54–63.
- Внуков, Коваленко 1998 – Внуков С. Ю., Коваленко С. А. «Мегарская» чаша с городища Кара-Тобе // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье / Труды ГИМ. 1998. № 102. С. 61–76.
- Гайдучевич 1987 – Гайдучевич В. Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987.
- Грав 1999 – Грав И. Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999.
- Дашевская 1991 – Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. 1991. Д1–7.
- Домжалский, Чистов 2003 – Домжалский К., Чистов Д. Е. Итоги работ на участке «В» (1994–1998) // Материалы Нимфейской экспедиции. СПб., 2003. Вып. 1. С. 3–42.
- Кастанян 1968 – Кастанян Е. Г. Раскопки Порфмий в 1968 г. // КСИА. 1972. Вып. 130. С. 77–82.
- Кастанян 1970 – Кастанян Е. Г. Терракоты из Порфмий // САИ. 1970. Г1–11. С. 118–119.
- Кастанян 1983 – Кастанян Е. Г. Порфмий // Travaux du Centre d'archéologie Méditerranéenne de l'Académie Polonaise des Sciences. Т. 26 / Etudes et Travaux. 1983. Т. 13. P. 162–168.
- Кастанян 1987 – Кастанян Е. Г. Надгробия налпнсь из Порфмий // ВДИ. 1987. № 2. С. 85–87.
- Кастанян, Вахтина 1987 – Кастанян Е. Г., Вахтина М. Ю. Исследования Порфмий. Некоторые итоги и перспективы // Задачи советской археологии в свете решения XXVII съезда КПСС. М., 1987. С. 60–61.
- Коваленко 1989 – Коваленко С. А. Античная рельефная керамика III–I вв. до н. э. в Северном Причерноморье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.
- Колесникова 1977 – Колесникова Л. Г. Значение и место антропоморфных надгробий в некрополе Херсонеса // СА. 1977. № 2. С. 87–100.
- Колтухов 2004 – Колтухов С. Г. Лепная керамика скифского населения Степного и Предгорного Крыма // ХСб. 2004. Вып. 13. С. 68–120.
- Кругликова 1957 – Кругликова И. Т. Ремесленное производство простой керамики в Пантикее в VI–III вв. до н. э. // МИА. 1957. № 56. С. 96–139.
- Леви 1970 – Леви Е. И. Терракоты Ольвии // САИ. 1970. Г1–11. С. 33–56.
- Молева 2002 – Молева Н. В. Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород, 2002.
- Молева, Тульпе, Хриановский 2004 – Молева Н. В., Тульпе И. А., Хриановский В. А. Костяная подставка из Илурата – боспорский календарь? // БФ. Проблемы хронологии и датировки памятников. 2004. С. 171–183.
- Монахов 2003 – Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов, 2003.
- Парович-Пешчан 1974 – Парович-Пешчан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974.
- Петренко 1978 – Петренко В. Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. // САИ. 1978. Д4–5.
- Соколова 2004 – Соколова О. Ю. Керамический комплекс из нимфейской виллодельи № 4 (раскопки 1985 г.) // БФ. Проблемы хронологии и датировки памятников. 2004. С. 142–148.
- Шелов 1978 – Шелов Д. Б. Ужгородские амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 16–21.
- Шурга 1984 – Шурга И. Г. Нимфея, Мирмекий, Тиритака, Порфмий, Илурат // Античные государства Северного Причерноморья / Археология СССР. М., 1984. С. 63–71.
- Яковенко 1970 – Яковенко Э. В. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма // ДВК. С. 113–135.
- Яковенко, Черненко, Корпусова 1970 – Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма // ДВК. С. 136–179.
- Яценко 1970 – Яценко И. В. Терракоты из городища у селения «Чайка» в Евпатории // САИ. 1970. Г1–11. С. 68–70.
- Lamonier 1977 – Lamonier A. La céramique hellénistique à reliefs // EAD. Paris, 1977. Fasc. XXXI.
- Rotroff 1981 – Rotroff S. J. Hellenistic pottery. Athenian imported moldmade bowls // The Athenian Agora. Princeton; New Jersey, 1981. Vol. 7. P. I–II.
- Rotroff 1997 – Rotroff S. J. Hellenistic pottery. Athenian and imported wheelmade table ware and related material // The Athenian Agora. Princeton; New Jersey, 1997. Vol. 29. P. I–II.
- Tolstikov, Zhuravlev 2004 – Tolstikov V., Zhuravlev D. Hellenistic pottery from Two Cisterns on the Acropolis of Panticapaeum // СтА спотрижнички сунантния για την ελληνιστική κεραμική. Αθήνα, 2004. P. 269–276.
- Vachina 2003 – Vachina M. Yu. Archaic buildings of Porthmion // Black Sea Studies, 2003. Vol. 1. P. 37–54.

NEW DATA ON THE NECROPOLIS OF PORTHMION (ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS OF 2003–2005)

M. YU. VAKHTINA, R. V. STOYANOV

This paper deals with systematization of finds from the necropolis of Porthmion – one of the so-called «small-cities» of the European Bosphorus (fig. 1: 3). The studies at the site are regularly conducted by the Porthmion Group of the Bosphoran Archaeological Expedition of the Institute of the History of Material Culture (IIMK), RAS. Despite the researches of many years carried out here by all of the excavators of the Porthmion townsit, its necropolis until recently has been unknown.

Archaeological surveys and subsequent excavations conducted in 2003–2005 west of the townsit have resulted in discovery of a few burial complexes and yielded information which allows us to identify more precisely the boundaries and the dates of functioning of the necropolis. The excavations were located on the northern slope of a wide *balka* (gully) ranged westwards. The area of the necropolis lowers down here towards the south being limited by two narrow *balkas* extended in the north-south direction (fig. 1).

Crypt no. 1 (fig. 3), of rectangular form, was oriented east-west. The upper part of its construction was totally destroyed by ploughing up for planting and by grave-robbers. The dromos, measuring 1,5 × 2,1 m, was located on the west of the structure and composed of two rectangular stone blocks set in the orthostatic position. The floor of the dromos was made of densely packed clayey layer 0.25–0.3 m thick. A noteworthy structural peculiarity of the vault was the entrance from the dromos to the burial chamber. The burial cell was a slab

box of rectangular plan measuring 2.4 × 1.7 m. In the spoils thrown out from the pit dug out by the robbers were found fragmentary human bones, sherds of table- and cooking ware of local manufacture dated to the 3rd – mid-2nd century BC (fig. 7), and an anthropomorphic gravestone (fig. 6 a–c). The collection of finds from this crypt (fig. 9) enables us to date its use to the beginning of the 2nd and 1st century BC.

Under the stones blocking-up the entrance to the dromos, uncovered was a burial (fig. 4: 1) with grave goods dated to the 2nd–1st century BC.

Crypt 2 (fig. 3) was situated 5 m south-east of Crypt 1. The structure was poorly disturbed by deep ploughing-up and grave-robbers. The totally destroyed dromos seemed to have been once located in the western section of the structure. The burial chamber of rectangular plan was measuring 2.4 × 1.9 m. The finds found in the soil thrown-out by robbers, in the fill of the vault and on the floor of the burial chamber (fig. 10) suggest that the structure was used in the second half of the 2nd–1st century BC.

The two crypts both belong to the type of slab-built structures which appeared in the Bosphorus in the 4th century BC. Systematic studies of the Porthmion necropolis will undoubtedly supplement the information on the development of that «small city» during different phases of its existence, as well as the evidence on the peculiarities of the funerary rite in this nook of the Greek *oikoumene*.

ИЗОБРАЖЕНИЯ РАСТЕНИЙ И ИХ РОЛЬ НА ПАМЯТНИКАХ ИСКУССТВА VI–V вв. до н. э. ИЗ ТИРЫ, ОЛЬВИИ, ХЕРСОНЕСА И БОСПОРА

М. В. СКРЖИНСКАЯ¹

Растения всегда играли важнейшую роль в жизни людей. Для земледельческих народов они в первую очередь составляли источник питания; так было и у греков, поселившихся на северных берегах Понта. Поэтому не случайно большинство ученых, обращающихся к теме о растениях в античности, сосредотачивают внимание на сельскохозяйственных культурах и их значении (Кругликова 1984: 154–158; Крыжницкий и др. 1989: 72–24, 136–137). Кроме того, палеоботаники восстанавливают древнюю флору (Пашкевич 1991), а по остаткам деревянных изделий исследователи делают выводы об использовании разных пород древесины при строительстве частных и общественных зданий, для обогрева жилища и приготвления пищи, для всевозможных изделий и прочих нужд (Сокольский 1971).

Следую роль растений не исчерпывалась указанными потребностями. Памятники изобразительного искусства дают возможность узнать об иных функциях растений в культуре эллинов Тире, Ольвии, Херсонеса и Боспора. Одна из этих функций – украшение головы венком из цветов, трав или ветвей, а также праздничное убранство венками и гирляндами стен дома, храма или алтаря.

Античные художники постоянно изображали людей и богов в венках, отражая их заметную роль в определенных моментах жизни эллинов. Венки сплетали из полевых и садовых цветов, трав, ветвей и листьев лавра, оливы, винограда плюща, мирта, дуба, сосны, пальмы и других растений. Спрос на венки и гирлянды был столь высок, что наряду с прочими товарами их продавали на рынках (Antiph. 83). Этим занимались в основном бедные женщины; например, Аристофан (Thesm. 446–452) упоминал вдову солдата, добывавшую подобным образом средства к существованию.

Венок был необходимой принадлежностью любого праздника. Устраивая дома свадьбу, день рождения или просто встречу с друзьями, хозяин заботился и о венках для гостей; в особо торжественных случаях венками украшали стены андрона (№ 2),² тинсея (№ 7) и двери дома (Anacr. fr. 83; Scmicorion alticozum fragmenta. ed. Kock. II. P. 3, 253; III. P. 372). Плутарх в «Застольных беседах» (III, 645–648) посвятил целый раздел подобным венкам. Он писал, что цветочные венки «радуят наше обоняние и зрение, испуская удивительный запах и представляя неподражаемое разнообразие красок», аромат же опреде-

ленных растений помогает от опьянения. Считалось, что излюбленные греками венки из роз и фиалок успокаивают головную боль, а венок из шафрана «безболезненно рассеивает явления похмелья» и дает спокойно уснуть выпившим лишнее.

На общественных празднествах венками из священных растений или их изображениями из золота увенчивали за заслуги перед государством (Thuc. IV, 21; Dem. XVIII, 84, 114, 115, 116) и за победы на мусических, атлетических и конных агонах (Pind. Ol. VIII, 76; Nem. V, 5; Her. VIII, 26). Венок включался также в торжественный наряд хористов, выступавших на праздниках (Dem. XXI, 16); ими украшали жертвенных животных (№ 60), их приносили в святлища богов в качестве дара (Eur. Hippol. 73; Dem. XXII, 72–74). Кроме того, греки часто хоронили умерших в венках, увеличивая их как победителей в битве, которой уподоблялась жизнь человека (Higgins 1961: 121).

Эти общие для всех эллинов обычаи существовали и в Северном Причерноморье. По надписям известно о посвящении венков богам в Ольвии (HO 1968: № 68, 80) и о наградах венками в Тире, Ольвии и Херсонесе (Скржинская 2003: 90–94), а в некрополях Боспора, Херсонеса и Ольвии найдены венки из золота и других материалов (Стефанн 1875: 16–28; ГЗ: № 105, 113, 115; Парович-Пешихан 1974: 182, 187, 205, 209; Зубарь, Шевченко, Липавский 1989: 39, № 13, 19, 20, 39, 48; Стоянов 2001: 123–124). Поэтому не случайно изображения венков встречаются на местных монетах, почетных стелах и pedestалах статуй, росписях склепов и некоторых других памятниках искусства.

Античные авторы упоминают венки из разных растений и цветов. Среди цветов для венка греки особенно любили розы, фиалки и мирт (Saph. Fr. 3; Anacr. fr. 83; Aristoph. Ran. 330; Theoc. VII, 64). Их ценили не только за красоту, но и за приятный запах (Theophr. De odor. 28), поэтому в венках использовались также душистые травы, например укроп (Saph. fr. 18).

Венки из лавра, оливы, плюща и некоторых других растений были атрибутами определенных богов: лавр – Аполлона, олива – Афины, плющ – Диониса, колосья – Деметры. Поэтому Аполлона изображали в лавровом венке и таким венком увенчивали на его праздниках во время Пифийских игр в Дельфах и на панэллинских торжествах на Делосе. Подобным образом победителей на драматических агонах во время Великих Дионисий в Афинах получал венок из плю-

¹ Украина, 254210, Киев, пр. Героев Сталинграда, д. 12. Институт археологии НАН. Отдел античной археологии.

² Здесь и далее в скобках указаны номера каталога, помещенного в конце статьи.

ща (Plut. Mor. 785 b; Athen. 241 f), а Диониса и его спутников художники часто представляли в плоцевых венках. Этой традиции придерживались в Тире, Ольвии, Херсонесе и на Боспоре, когда чеканили на монетах профили Аполлона (№ 8, 21, 22, 30), Деметры (№ 23), Диониса (№ 31, 40, 41) или его спутника Сатира (№ 15, 16, 24) в венках из соответствующих растений.

Древнейшие изображения венков появились в Северном Причерноморье уже в архаическую эпоху. Таковы рисунки на импортных аттических вазах VI–IV вв. до н. э. (№ 1–7, 9, 57, 59). В классический период венки стали изображать и на местных памятниках. В конце V в. до н. э. боспорские помещики на своих монетах профиль Аполлона в венке (№ 8), а с IV в. до н. э. венки стали встречаться также в росписях склепов (№ 13, 17), на весовых гириях (№ 21) и изготовлять для погребальных обрядов (№ 29, 34–39).

На плите, замыкавшей свод склепа IV в. до н. э. в кургане Большая Близица на Тамани, была изображена Деметра или Кора в венке из цветов выюнка и зелени (№ 13). Вероятно, греки вообще любили вплетать в свои венки выюнки; не случайно они вместе с другими цветами включены в найденный на юге Италии самый пышный из сохранившихся золотых венков (Deppert-Lippitz 1985: 196, Abb. 145, Taf. 21). Традиция украшать склепы росписью такого рода сохранялась на Боспоре несколько столетий; богиня в венке из лилий, колокольчиков и диких роз была нарисована на рубеже нашей эры в пантикапейском склепе Алкима (№ 43).

Пантикапейский художник во второй половине IV в. до н. э. украсил стены склепа изображениями необходимых принадлежностей атлета (сосуды с маслом для натирания во время тренировок и состязаний, полотенца и стригиль), а также нарисовал два вида пригов, представляющих лавровые венки и повязки-тени с тканым узором (№ 17). Венки составлены из двух ветвей, на некоторых среди листьев видны крупные плоды лавра. Вероятно, не случайно листья окрашены желтоватой краской, которая передает золотистый цвет искусственного изделия или засушенного венка. Видь на Боспоре, по словам Феофраста (Theophr. Hist. plant. IV, 53), эллины безуспешно пытались вырастить лавр и мирт хотя бы в небольших количествах для священных ритуалов. Существует мнение, что боспорянам в конце концов удалось акклиматизировать лавр, так как его листья обнаружены в нескольких могилах пантикапейского некрополя (Сокольский 1971: 23). Палеоботанические доказательства произрастания лавра на территории античных государств Северного Причерноморья отсутствуют, поэтому можно предположить, что сюда привозили засушенные лавровые листья и ветви, которые и попали в могилы.

Имитации лавровых и оливковых венков, исполненных из золота, неоднократно находили в боспорских погребениях (№ 10–12, 20, 34–39), а фрагменты подобных изделий из золота и менее ценных материалов (бронзы, свинца, керамики) обнаружены также, как уже говорилось, в некрополях Ольвии и Херсонеса.

Венки бывали двух типов: у одних листья и цветы прикреплялись к обручу, другие состояли из двух ветвей, скреплявшихся сзади проволокой или лентой. У золотых венков на месте соединения ветвей сзади иногда помещали полудрагоценный камень или золотую пластину с оттиском местной монеты (ДБК 1854: табл. 4, 5; ОАК 1875: 16).

Большинство уцелевших венков сделано специально для погребального обряда, и поэтому у них тончайшие лепестки из золотой фольги, изредка цветы (№ 34), а на затылочной части они отсутствуют. Погребальные венки и повязки часто включали листья сельдерея (№ 36, 38, 39), считавшегося олицетворением печали (Plin. NH. XX, 44). Греки украшали могилы венками и гирляндами из сельдерея (Duris, 33), а о безнадёжно больном существовала поговорка: «он нуждается в сельдерее» (Plut. Mor. 676 d), то есть его дни сочтены. Возможно, свинцовые трилистники в херсонесских погребальных венках представляли листья сельдерея, хотя их красная окраска может указывать на условное изображение какого-то цветка (№ 29). Иногда покойного унецивали венком, вероятно, полученным им при жизни в качестве награды. Такие оливковые венки IV в. до н. э., более искусно сделанные и более тяжелые, чем погребальные, находились, например, в мужских погребениях кургана Кекуватского (№ 10) и Большая Близица (№ 11); на последнем видны следы древней почивки, свидетельствующие о том, что его неоднократно носили в торжественных случаях.

Как и во многих греческих городах, венки, полученные гражданами Тире, Ольвии и Херсонеса у себя на родине и в других государствах, изображались на мраморных стелах с почетными декретами и на постаменте статуи (Скржинская 2003: 93–94). На Боспоре такие изображения отсутствуют, потому что его правители не давали своим гражданам подобных наград (Скржинская 2003: 91). Одно из древнейших и лучших изображений наградных венков в Северном Причерноморье сохранилось на стеле из Тире, исполненной в середине III в. до н. э. Ее украшали шесть венков из ветвей лавра и плюща, заслуженных тиритом в Ольвии, Кизике, на Родосе и еще в трех городах, наименования которых вместе с именем награжденного не уцелели (№ 19). Лавровые венки состоят из двух ветвей, перевязанных сзади лентами, а плоцевые дополнены влиственными в них цветами. Видимо, плющ в венке нередко соединялся с цветами. Такое сочетание видно на венках, венчающих голову Диониса и Сатира на боспорских монетах (№ 16, 41); венки из плюща с фиалками украшал голову Алкивида во время симпозиона (Plat. Symp. 212 e), а пастух в идиллии Феокрита (III, 22–23) предлагал своей возлюбленной ветвь из плюща, цветочных бутонов и душистых трав.

Лавровые и плоцевые венки были вырезаны на постаменте конной статуи херсонесита Агасида, жившего в первой половине III в. до н. э. (№ 25), а очень обобщенного вида венки украшают стелы с почетными декретами в честь соотечественников и младших современников Агасида (№ 26, 27). Тра-

диция украшать венками стелы с декретами и постановлениями статуи сохранялась в Ольвии и Херсонесе до первых веков нашей эры (IRE I² 1916: № 198, 279, 419, 420, 423, 424, 426, 427, 585). На Боспоре, где отсутствовал обычай награждать граждан венками, их рельефные изображения встречаются на посвященных надписях (№ 32, 33).

Листья и цветы в венках часто бывают столь обобщенными, что их невозможно отнести к какому-то определенному виду; например, во многих случаях нельзя распознать оливковые, лавровые и миртовые листья. Примером могут служить листовые венки на херсонесских и ольвийских стелах (№ 26, 27), а также монетах (№ 28) или цветочные и другие венки на привозных вазах (№ 2, 4, 7, 9). Наверное, в таких случаях художник имел в виду не конкретный венок, а венок вообще.

Схематичные венки на монетах в ряде случаев можно отнести к определенному виду, исходя из принадлежности тому или иному богу. Поэтому, каким бы условным ни был венок у Аполлона, он всегда считается лавровым. По той же причине мне кажется неверным определение В. А. Анохиным венка на монете III в. до н. э. из Тира как лаврового; он занимает весь реверс монеты, но так как на аверсе представлен Афина, то венок должен быть оливковым (№ 18). Для сравнения напомним монеты Тира с изображением Деметры в венке из колосьев и одного такого венка, явно символизирующего богиню (№ 23), или боспорские монеты с плющевыми венками, атрибутом Диониса, на реверсе и профилем самого бога на аверсе (№ 42).

В Северном Причерноморье в силу климатических условий венки из живых растений и цветов отличались от принятых в Элладе. Греки могли вырастить любимые всеми эллинами розы и фиалки, душистый укроп и сельдерей, найти для венка ветви дуба, сосны, тополя, но необходимые для священнодействий лавр, мирт, плющ и олива здесь не росли. Видимо, их заменяли чем-то иным. Так, например, произошло во многих государствах Северной и Центральной Европы, где пальмовые ветви, которыми некогда приветствовали Христа, были заменены вербой во время празднования Вербного воскресенья. Однако местные мастера в древности, делая искусственные венки или изображая их, следовали канонам искусства Эллады. Поэтому догребальные венки, изображенные на монетах и в росписях склепов Северного Причерноморья, представлены растениями, распространенными в Средиземноморье, в основном лавровыми и оливковыми ветвями.

Художники кроме венков изображали в руках богов или рядом с ними и определенные растения в качестве атрибутов. Такие примеры в Северном Причерноморье можно найти преимущественно на импортных изделиях, чаще всего на вазах. Аполлон представлен с лавровой ветвью (№ 61) или рядом с лавровым деревцем (№ 57–59). Деметра изображалась как с колосьями (№ 14), так и с маком, другим ее растительным атрибутом (№ 64). Подобно отдельно представленным венкам в качестве символа божества,

изображения колосьев со снопами и маками подражатели присутствовали этой богине плодородия, например, на гемме перстня с альмайднином из Ольвии (№ 68). Из местных изделий можно упомянуть макковый стебель вместе с колосьями, представленные на монетах Тира III–II вв. до н. э. (Зограф 1951: 113) как атрибут Деметры.

Плющ и виноград постоянно сопровождали изображения Диониса и его спутников. Дионис, менады и сатиры на фоне виноградных лоз нарисованы на аттических вазах из Ольвии и Пантиккапея (№ 44–49). Редкое изображение Диониса с Ариадной в виноградной беседке сохранилось на ойнохе из Пантиккапея (№ 63); стоящий бог с виноградной кистью представлен на монетах Горгиппии (№ 69).

Олива издавна символизировала богиню-покровительницу Афин, поэтому неудивительно, что это растение часто встречается на аттических вазах. Во многие города Северного Причерноморья в V в. до н. э. привозили массово изготовлявшиеся скифосы с изображением совы, птицы Афины, между двумя оливковыми ветвями (№ 52–56). Ветви нарисованы столь схематично, что в некоторых современных работах их называют лавровыми (На краю ойкумены 2002: 25), хотя их сочетание с совой в древности несомненно вызывало ассоциацию только с оливой.

Гирлянда тонко прорисованных оливковых ветвей обвивает горло гидрии со сценой спора Афины и Посейдона за обладание Аттикой; боги предлагают свои дары: Посейдон – соляной источник, а Афина – оливу, изображенную в виде лозолистного дерева. Эта дорогая ваза из Пантиккапея принадлежит к лучшим образцам ваз с рельефными фигурами (№ 113). На ней воспроизведена средняя часть исполненной Фидием композиции скульптур на фронте Парфенона. Во время праздников в честь главной городской богини афиняне шли в торжественной процессии с оливковыми ветвями в руках. Это отразилось в росписи амфоры из Нимфея (№ 50) и могло напоминать тот праздник, который видели достаточно многочисленными боспоряне, посетившие Афины. Вазописцы рисовали оливковые венки и ветви у героев, которым, согласно мифам, покровительствовала Афина, и подобные росписи есть на вазах, привезенных в Северное Причерноморье (№ 51).

В Элладе растения и цветы неоднократно служили символами государства. Примером такого рода является пшеничный колос на золотых стateraх Пантиккапея в IV в. до н. э. (№ 62), когда хлебная торговля Боспора достигла своего наивысшего расцвета, завоевав рынки Афин и других греческих государств. К числу наиболее известных символов такого рода в греческой ойкумене относится цветок граната на монетах (Зограф 1951: 98, табл. 9, 14; 17, 5 и 6) и амфорных клеймах Родоса в эллинистический период; последние во множестве найдены в городах Северного Причерноморья (№ 65). Цветок граната чеканился на монетах Фанагории в начале II в. до н. э. (№ 67). По сообщению Феофраста, известно о выращивании гранатов на Боспоре; возможно, это особенно хорошо удавалось на хоре Фанагории, и поэтому она взя-

ля этот символ для своих монет. Однако за монетными изображениями часто стояли политические мотивы, так что широко известный символ Родоса мог появиться на фангорийских монетах по какому-то государственному соображению.

Оливковое дерево в гилрии IV в. до н. э. из Пантикаея (№ 113) представляет одно из немногих подпадающих точно определению деревьев на памятниках искусства, найденных в Северном Причерноморье. Сюда можно добавить несколько пальм (№ 58, 59, 111, 114) и лавровых кустов или небольших деревьев (№ 59, 114) на аттических вазах. В прочих случаях как на местных боспорских фресках (№ 117), так и на привозных вазах встречаются некие обобщенные силуэты лиственных деревьев (№ 112), а иногда и фруктовых деревьев с крупными плодами (№ 115). Вообще в греческом искусстве плоды обычно изображались весьма обобщенно как нечто круглое, что может быть яблоком или гранатом (№ 89, 92, 115, 116). Исключения составляют эгиндически встречающиеся шишки (№ 109), орехи (№ 110) или дыни (№ 98). Возможно, четырехугольные выступы, украшавшие некоторые «мегарские» чаши, имитировали шишку пинии (Забелина 1984: 159), но вряд ли на Боспоре, куда привозили такие сосуды, они вызвали ассоциации с плодом не произраставшего здесь дерева.

Как правило, столь же обобщенно изображались цветы. Лотос был любимым цветом вазонистов архаического времени (Boardman 1985: 203). Его можно узнать в руках участницы праздничной процессии на клазоменском кратере из расколов Березани (№ 71) и Эроты на ольвийском лекифе (№ 84), а также рядом с женской головой на ойхохе из Ольвии (№ 77). Но, в основном, стилизованные цветы и бутоны лотоса использовались в орнаментах на вазах и зеркалах; пояса из цветов лотоса встречаются на самых ранних образцах расписной керамики из Северного Причерноморья, например на хисской вазе второй половины VII в. до н. э., найденной на Березани (№ 70). В классический период такие орнаменты на керамике выходят из моды и в дальнейшем встречаются на ювелирных изделиях и тканях. Назовем несколько памятников такого рода из Ольвии и Пантикаея. Таковы пояса бутонов или цветов лотоса на аттической, самосской и коринфской керамике (№ 78, 76, 78, 80, 81), цветок на ручке архаического агросского зеркала (№ 82), стилизованные цветы, обрамляющие розетки, на золотом ожерелье и пашинных бляшках (№ 86, 90).

Другие стилизованные цветы, так называемые розетки, постоянно встречаются в декоре импортной и местной керамики (№ 70, 106), ювелирных украшений (№ 88, 90, 91), алтарей (№ 92, 100), архитектурных деталей (№ 94), посвягительных и надгробных стел (№ 95, 97), саркофагов (№ 96) и иных памятников (№ 102). В основе этих изображений невозможно различить определенный цветок, хотя розетки имеют разнообразие формы.

Античные растительные украшения и орнаменты чаще бывают лиственными, чем цветочными. Сре-

ди них наиболее распространены лавр, олива, виноград, плющ, аканф и пальма. Листья последней в большинстве случаев приобрели столь специфически орнаментальный характер, что уже в архаический период пальметты вряд ли вызвали ассоциации с пальмовым деревом. На памятниках искусства из Северного Причерноморья пальметты встречаются начиная с VI в. до н. э. Они венчали фронтоны храмов (Крыжицкий 1993: 52) и стел (АП 1973: № 48; АГСИ: 319, табл. 128, 1 и 2), украшали архитектурные детали (№ 82, 103, 108), многие вазы, ювелирные изделия и ткани (№ 88, 89, 93). Один из наиболее красивых подобных орнаментов занимает пространство под ручкой знаменитого лекифа Ксенофанта из Пантикаея (№ 114; Передольская 1945: 54).

Листья аканфа изображались более реалистично. На памятниках искусства из Северного Причерноморья они украшали многие изделия эллинистического времени: колонны коринфского ордера и прочие архитектурные детали, а также «мегарские» чаши (№ 106) и другие керамические и металлические сосуды (№ 98, 107). В орнаментах аканф нередко переплетался с другими растениями, часто с цветами аралии. Такое сочетание появилось в IV в. до н. э. (Сольский 1969: 31, рис. 15) и в дальнейшем получило распространение не только на привозных, но и на местных изделиях. Например, ольвийский художник нарисовал на курильнице-урне листья аканфа и несколько стадий цветения и созревания плода аралии или каллы, как ее также называют в археологических исследованиях (№ 98). Бронзовые украшения греческой колонии III в. до н. э. из Васюриноского кургана на Тамани состояли из аралии, пальметт и листьев аканфа (№ 99). В III–II вв. до н. э. цветы аралии и лотоса, чередуясь с пальметтами, встречаются в декоре монументальных сооружений Херсонеса (№ 103). Вместе с пальметтами аралии с белыми лепестками и красным початком включены в декор раскрашенных капителей на известняковых колоннах II–I вв. до н. э. из Пантикаея (№ 108).

Достаточно хорошо узнаваемы были гирианды и орнаменты из листьев плюща и винограда с гроздьями ягод, имевшие характерные очертания. Они постоянно встречались на росписях ионийских и аттических ваз (№ 72, 74, 75, 101), а также на рельефной керамике (№ 106), однако в ряде схематических росписей они неразличимы, тем более что оба растения являлись атрибутами одного бога Диониса.

Оливковые, лавровые и миртовые листья часто трудно различить на вазонных рисунках (№ 104, 105) и на гириандах, украшавших алтари (№ 92, 100). Более старательно художники выписывали растения, если они служили единственным украшением вазы (№ 101) или в орнаментах высокого художественного качества; таковы, например, ветви оливы с плодами на кратере и гилрии из Пантикаея (№ 85, 113). Обобщенно изображенную ветвь в руке Аполлона в древности всегда воспринимали как лавровую, а ветви на вазах с символикой Афины – как оливковые (№ 52–56), о чем иногда забывают современные исследователи.

Для жителей Северного Причерноморья изображения южных растений играли познавательную роль. Памятники искусства давали возможность представить, как выглядели не произраставшие здесь лавр, олива, плющ, пальма, акациф, арачея. Об оливковых деревьях здесь знал каждый, потому что оливковое масло и соленые маслины входили в состав пищи всех эллинов. Так же широко было известно о лавре, плюще, оливе и пальме как растениях, являвшихся атрибутами самых популярных богов и использовавшихся на празднествах.

Местные мастера, обращаясь к изображению растений, следовали установившимся в греческом искусстве традициям. Поэтому на росписях ваз и склепов, на монетах и искусственных венках появлялись лавр, плющ, олива, акациф, не встречавшиеся в окрестностях государств Северного Причерноморья. Но даже если художник использовал произраставшие здесь растения, он изображал их по установившимся канонам. Такими, например, виноградные лозы, виноградники и маки на росписях боспорских ваз и склепов или повторяющийся родосский образец цветков граната на монетах Фанагории.

Набор растений на предметах искусства из греческих государств Северного Причерноморья составляет менее двадцати видов, однако они включают все основные типы, характерные для античного искусства. Одни из них встречаются часто и, как правило, изображаются реалистически (виноград, плющ, лавр, олива, акациф, арачея, сельдерей, шишечные колосья); другие, не менее распространенные, приобрели стилизованные очертания (цветы и бутоны лотоса, розетты, круглые плоды), третьи хорошо узнаваемы, но появляются довольно редко (мак, дуб, мирт, пальмовое дерево), и, наконец, есть единичные изображения (дыня, миндаль, шишки).

Этот скромный ассортимент дает важную информацию о греческой культуре, хотя и не отражает истинных знаний эллинов о флоре Причерноморья и Средиземноморья, о чем можно узнать, например, из «Истории растений» Теофраста. Рассмотренные предметы изобразительного искусства раскрывают выдающуюся роль лиственных и цветочных венков в жизни греков и в их погребальном обряде. Эти памятники указывают также на символическое значение ряда растений в качестве атрибутов определенных божеств или символов государства. Как и в Элладе, на северных берегах Понта весьма ограниченный круг растений и цветов занимал видное место в украшении архитектурных памятников, ювелирных изделий, расписных ваз, тканей и других вещей, а выбор таких растений мало изменялся на протяжении многих столетий. Плющ и виноград всегда были излюбленными растениями античных художников. Лотос исчез из орнаментов на керамике в V в. до н. э., но остался на ювелирных изделиях и тканях до конца рассматриваемого периода, а цветы арачеи и листья акацифы прочно вошли в декор разных предметов в эпоху эллинизма.

Различия в составе видов растений из разных городов Северного Причерноморья практически отсутствуют; различия можно наблюдать лишь в их количестве. Например, в милетских колониях, где Аполлон был главным богом, встречается больше изображений посвященного ему лавра, а выдающееся положение Деметры в пантеоне Тира объясняет сравнительно более частое изображение колосьев на местных монетах. Рассмотренные материалы показывают, что роль флоры в культуре всех античных городов на северных берегах Понта была схожей и полностью отвечала общегреческой традиции, отражая все ее основные тенденции и изменения во времени.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КАТАЛОГ СЮЖЕТОВ³

Венки

1. Участники праздника Диониса в плющевых венках. Аттический канфар с подписью художника Эпиктета. Конец VI в. до н. э. Остров Левка. АП 1973: № 14; GSA 2001: № 25.
2. Венки, украшающие андрон во время симпозиона. Аттический кратер. Конец VI в. до н. э. Пангиткалей. *Corpus Vasorum Antiquorum*. Puschkin Museum 1996. Vol. 1: pl. 25, 2.
3. Флейгистка и вакханка в венках из плюща на празднике Лейней. Аттический стамнос. Середина V в. до н. э. Пангиткалей. АРК 1985: № 46.
4. Ника с венком, подлетающая к алтарю. Аттическая амфора. Середина V в. до н. э. Ольвия. АМ 1977: № 49.
5. Дионис в венке из плюща. Аттический кратер. Середина V в. до н. э. Никоний. Секерская 1989: 76, рис. 64.

6. Гермес и Эрот в венках в сцене суда Париса. Аттический кратер. Последняя треть V в. до н. э. Пангиткалей. ОАК за 1861, табл. 3; ARV 1963: 1185, 7; LIMC. Bd 7: 176, № 48.
7. Невеста в венке из цветов и лавровые или оливковые венки с плодами, украшающие стены гинекея. Аттический свадебный лебет мастера Мидия. 410 гг. до н. э. Пангиткалей. МГВ 1961: 105, рис. 50.
8. Аполлон в лавровом венке. Монеты Пангиткалей V-I вв. до н. э. БЦ 1949: 583; табл. 2, № 29, 35, 36; Анохин 1989: № 57, 117, 172, 186, 188, 189.
9. Олимпийские боги в венках в сцене апофеоза Теракла. Аттический кратер. Рубеж V-IV вв. до н. э. Курган Бакса близ Пангиткалей. Scheffon 1982: 149-181, Taf. 42; LIMC. Bd 5: 474, № 242; Bd 7: 472, № 232.

³ В каталоге указаны: место находки, основные публикации и датировка по этим изданиям. Автор собрал наиболее выразительные изображения растений из всех крупнейших государств Северного Причерноморья, но их, безусловно, можно дополнить другими аналогичными находками.

10. Золотой венчик из оливок ветвей с плодами. *Середина IV в. до н. э. Пангикаей. ДБК 1854: табл. 4, 2; ГЗ 1995: № 105.*
11. *Оливковый* золотой венчик со следами починки. 330–300 гг. до н. э. Курган Большая Блианица (Тамань). БЦ 1949: 189; ГЗ 1995: № 115.
12. Дубовый золотой венчик. 320–330 гг. до н. э. Курган Зеленская гора. (Тамань). ГЗ 1995: № 113.
13. Деметра (или Кора) в венке из цветов и фриз из цветов аралии и аканта. Роспись скелета в кургане Большая Блианица (Тамань). IV в. до н. э. АДЖ 1914: 18, табл. 7.
14. Деметра в венке из колосьев. Мраморный бюст. IV в. до н. э. Пангикаей. АП 1973: № 49; Античная скульптура 2004: 74, № 29.
15. Сатур в площевом венке. Монеты Пангикаей. IV–III вв. до н. э. БЦ 1949: 582–583, табл. 1, 19–23; 2, 25, 26; Анохин 1989: № 80, 81, 102, 104, 124, 125, 129, 155, 175.
16. Сатур в площевом венке с цветком посередине. Монеты Пангикаей. IV–III вв. до н. э. БЦ 1949: 583, табл. 1, 20; Анохин 1989: № 109, 110, 115, 116, 120.
17. Лавровые венки. Роспись скелета. Конец IV–начало III в. до н. э. Пангикаей. АДЖ 1914: 72, табл. 26, 27.
18. *Оливковый* венчик на реверсе и голова Афины на аверсе монеты Тиря. 270–260 гг. до н. э. Анохин 1989: № 445.
19. Лавровые и площевые венки с цветами. Почетная мраморная статуя. *Середина III в. до н. э. Тира. Фурманская 1960: 173–179; Каршиковский, Клейман 1985: 64, рис. 23.*
20. Золотой лавровый венчик. III в. до н. э. Пангикаей. ДБК 1854: табл. 4, 3, ОАК за 1875: 19.
21. Аполлон в лавровом венке. *Синцовая тиря. Ольвия. III в. до н. э. АГСП 1984: 253, табл. 66.*
22. Аполлон в лавровом венке. Монеты Ольвия. III в. до н. э. и первые века н. э. Анохин 1989: № 282–291; 366, 372, 380, 381.
23. Деметра в венке из колосьев. Монеты Тиря. III в. до н. э. Анохин 1989: № 441–443, 447, 450.
24. Сатур в площевом венке. Монета Фанагорин. III в. до н. э. Анохин 1989: № 142.
25. Лавровые и площевые венки. *Рельеф на мраморном постаменте статуи Агаситкиа. III в. до н. э. Херсонес. IPE I² 1916: № 418; Ниноградов, Шелтов 1990: 354–355.*
26. Два (лавровых ?) венка. Почетная мраморная статуя с декретом в честь херсонеситов. III в. до н. э. Ольвия. ИО 1968: № 28.
27. Лавровый (?) венчик. Почетная мраморная статуя с декретом в честь историка Сириска. III в. до н. э. Херсонес. IPE I² 1916: № 344.
28. Богиня Дева в венке. Монеты Херсонеса. 210–200 гг. до н. э. Анохин 1977: № 133–141.
29. Погребальные венки с «цветами» из свинца и бронзовыми листьями. III–II вв. до н. э. Херсонес. *Стойков 2001: 118–125.*
30. Аполлон в лавровом венке. Монеты Тиря. III–I вв. до н. э. Анохин 1989: № 452–454, 460, 475.
31. Дионис в венке из плюща. Монета Тиря. 170–160 гг. до н. э. Анохин 1989: № 462.
32. Три разных венка, завязанных лентами, и четыре розетки. Посвященная известиям статуя Афродите Урании. *Середина II в. до н. э. Пангикаей. КБН 1965: № 75; АГСП 1984: 311, табл. 121, № 2.*
33. Три венка, перевязанные лентами, розетки и пальметты. *Украшение известиям статуи Пангикаей. II в. до н. э. Античная скульптура... 2004: 60, № 16.*
34. Золотой оливковый погребальный венчик с цветком выюшка в центре. II в. до н. э. Артюховский курган (Тамань). ОАК за 1880: табл. 4, Максимова 1979: 41, рис. 4.
35. Золотой лавровый погребальный венчик. II в. до н. э. Артюховский курган (Тамань). Максимова 1979: 42, рис. 5.
36. Золотой погребальный венчик из листьев сельдерея. II в. до н. э. Ольвия. Орешников 1894: 8. Датировка дана на основании более точного современного определения монеты из этого погребения.
37. Золотой погребальный лавровый (?) венчик. Эллинистический период. Пангикаей. На краю ойкумены 2002: 57, № 187.
38. Золотой погребальный венчик из листьев сельдерея. Эллинистический период. Пангикаей. ДБК 1854: 40, табл. 5, 3.
39. Золотая погребальная повязка с прикрепленными к ней листьями сельдерея. Эллинистический период. Боспор. *Быковская 2004: 505, рис. 9.*
40. Дионис в площевом венке. Монеты Пангикаей, Фанагорин и Горгиппини. I в. до н. э. Анохин 1989: № 196–198, 202, 204, 209, 212.
41. Дионис в площевом венке с цветами. Монеты Пангикаей. I в. до н. э. Анохин 1989: № 212 а-л.
42. Площевый венчик на реверсе и Дионис на аверсе. Монеты Пангикаей, Фанагорин и Горгиппини. I в. до н. э. Анохин 1989: № 198, 204, 209.
43. Деметра (или Кора?) в венке из листьев, колокольчиков и двукл. роз. Роспись скелета Алкима. I в. до н. э.–I в. н. э. Пангикаей. АДЖ 1914: 166, табл. 49.

Растительные символы и атрибуты богов

44. Дионис на фоне лозы с кистями винограда. Аттический киликс. 510 гг. до н. э. *Ольвия. АНО 1988: 95, № 140, 1.*
45. Сатур и менады на фоне лозы с кистями винограда. Аттическая ойноха. 510–500 гг. до н. э. *Ольвия. АНО 1988: 52, № 50, 10.*
46. Дионис на фоне лозы с кистями винограда. Аттический киликс. 500–490 гг. до н. э. *Ольвия. АНО 1988: 66, № 82, 1.*
47. Два танцующие менады на фоне виноградной лозы. Аттическая ойноха. Начало V в. до н. э. *Ольвия. АНО 1988: 37, № 6, 1.*
48. Танцующий Дионис, менада и Сатур на фоне виноградной лозы. Аттическая ояла. Начало V в. до н. э. *Ольвия. АНО 1988: 38, № 8, 1.*
49. Менада на фоне виноградной лозы. Первая четверть V в. до н. э. Пангикаей. *Сидорова 1984: 85, рис. 9.*
50. Оливковая ветвь в руке участника панафинейской процессии. Аттическая амфора. 460 г. до н. э. *Нимфей, Переловская 1967: 154, № 175.*
51. Олива с плодами и оливковый венчик на Калме в сцене основания Фив. Аттическая гидрия. Последняя четверть V в. до н. э. Тамань. ОАК за 1866: табл. 5; МГВ 1961: 107, рис. 5; ARV 1963: 1187; 2; LIMC. Bd 5: 866, № 9.
52. Сова между оливковыми ветвями. Аттический скифос. Вторая половина V в. до н. э. *Херсонес. Зеленидзе 1978: 73, рис. 4, 3.*
53. Сова между оливковыми ветвями. 5 аттических скифосов. *Вторая половина V в. до н. э. Пангикаей. Лосева 1962: 178; рис. 5, 3; Лосева 1984: 118, рис. 4 б; Масленникова, Розов 1990: рис. 1, 16–19.*
54. Сова между оливковыми ветвями. 2 аттических скифоса. Вторая половина V в. до н. э. Хора Ольвия. Крайчикий и др. 1989: 131, рис. 50, 8.
55. Сова между оливковыми ветвями. Аттический скифос. Третья четверть V в. до н. э. Германасса. На краю ойкумены 2002: 25, № 22.
56. Сова между оливковыми ветвями. Аттический скифос. Конец V в. до н. э. *Тузунский некрополь. Сорочина 1957: табл. 2, 1.*
57. Аполлон в лавровом венке, лавровое дерево, Ирис с венком и жрица, наделяющая венком на рога жертвенного козла. Аттический кратер. Конец V в. до н. э. Никоний. *Северская 1989: 78, рис. 57.*
58. Аполлон с лавровой ветвью и Дионис рядом с пальмой. Аттический кратер. Конец V в. до н. э. Пангикаей. ОАК за 1861: 31, табл. 3; ARV 1963: 1185, 7; LIMC. Bd 2: 279, № 768 а.
59. Аполлон в лавровом венке, лавровое дерево и фриз из лавровых листьев. Аттический кратер со сценой празднества Аполлона и Диониса. Конец V в. до н. э. Никоний. *Северская 1989: 77, рис. 57.*
60. Ветви оливы в руке Геракла и венки на участниках жертвоприношения и на рогах быка, ведомого к алтарю у статуи нимфы острова Хрисы. Аттическая пеллика. Начало IV в. до н. э. Курган Баика близ Пангикаей. МГВ 1961: 108, рис. 52; *Переловская 1971: 45.*

61. Аполлон в лавровом венке и с лавровой ветвью в руке. Рельеф на деревянном саркофаге. IV в. до н. э. Змеиный курган близ Пантикалея. ДБК 1854: табл. 81; АГСП 1984: 318, табл. 127, 3; Сокольский 1971: 232, рис. 69.
62. Колос пшеницы на золотых стержнях Пантикалея. IV в. до н. э. БЦ 1949: 582, табл. 1, 20; ГЗ 1995: 122, рис. 144.
63. Дионис и Ариадна в виноградной беседке. Аттическая ойнохия. IV в. до н. э. Пантикалея. ДБК 1854: табл. 60.
64. Деметра в обрамлении колосьев и маков. Рельеф на крышке бронзового зеркала. III в. до н. э. Ольвия, Парович-Пещины 1974: 170.
65. Цветок граната. Клейма родосских амфор. III-II вв. до н. э. Ольвия. Левы 1964: табл. 1-20; Пантикалея, Шелов 1957: 209; Фанатория, Шелов 1956: 137-139.
66. Колос на реверсе и Деметра на аверсе монет Ольвия. 140-130 гг. до н. э. Анохин 1984: № 321, 322.
67. Цветок граната. Монета Фанатория. Конец II в. до н. э. БЦ 1949: 584, табл. 2, 39; Анохин 1989: № 193.
68. Колосья, мак, снопы. Гемма в золотом кольце. Единичный период. ИАК № 8, 1903: 61, рис. 68.
69. Стоящий Дионис с виноградной кистью в руке. Мопета Горитини. Первая половина I в. до н. э. БЦ 1949: 586, табл. 3, 51.
- Ср. также № 1, 3, 5, 8, 14-16, 18, 21-24, 30, 31, 40, 41.
- Растительные орнаменты и украшения*
70. Пояс из цветков лотоса и розетт. Хиосский кубок. Вторая половина VII в. до н. э. Березань, Корпусова 1987: 45, рис. 18.
71. Цветок лотоса в руке участницы праздничного шествия. Клазоменский кратер. 560 гг. до н. э. Березань, Корпусова 1987: 50, рис. 20; Scythian Gold. New York, 2001: p. 173, № 61.
72. Виноградная лоза с гроздьями. Хиосский кубок. Середина VI в. до н. э. Ольвия. АМ 1977: № 12.
73. Пояс из бутонов лотоса. Самосская пниксида. 550-525 гг. до н. э. Ольвия. АНО 1988: 148, № 231, 11.
74. Два ряда листьев плоада. Два аттических киллика. 540-530 гг. до н. э. Ольвия. АНО 1988: 108, № 162, 13 и 14.
75. Гирлянда плоских листьев. Самосский аск. 540-530 гг. до н. э. Ольвия. АНО 1988: 111, № 167, 4.
76. Пояс из бутонов лотоса. Аттическая ольпа. 540-530 гг. до н. э. Ольвия. АНО 1988: 103, № 153, 1.
77. Большой цветок лотоса и орнамент из бутонов. Ойнохия стиля фиделура. 540-530 гг. до н. э. Ольвия. АНО 1988: 169, № 266, 3.
78. Пояс из бутонов лотоса. Самосская пниксида. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. АНО 1988: 73, № 97, 13.
79. Гирлянда плоских листьев. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. АНО 1988: 74, № 97, 17.
80. Пояс из бутонов лотоса. Аттический лексиф. Концы VI в. до н. э. Ольвия. АНО 1988: 85-86, № 123, 3.
81. Пояс из бутонов лотоса. Аттическая ойнохия. Концы VI в. до н. э. Ольвия. АНО 1988: 89, № 132, 6.
82. Пальметты и цветы лотоса. Орнамент из мраморных карнизов общественных зданий. Рубеж V-VI вв. до н. э. Ольвия. Буйских 1994: 37, рис. 4.
83. Цветок лотоса. Рельеф на ручке бронзового зеркала. Около 500 г. до н. э. Фармаковский 1914: табл. 11; АХБ 1973: № 58.
84. Эрот с цветком лотоса. Аттический лексиф. Ольвия 490 гг. до н. э. Прушевская 1941: 318.
85. Гирлянда из ветвей оливы с плодами. Аттический кратер. Последняя треть V в. до н. э. Пантикалея. Лосева 1984: 118, рис. 4, 6.
86. Стилизованные цветы лотоса, обрамляющие розетку. Золотое ожерелье. 400-380 гг. до н. э. Пантикалея. ГЗ 1995: 152, № 94.
87. Миртовая ветвь. Аттический лексиф. Начало IV в. до н. э. Сельмовый Семибратний курган. Передельская 1973: 63, рис. 1.
88. Розетки и пальметки в декоре серг «рокошного» стила. 390-350 гг. до н. э. Херсонес и Бостор. ГЗ 1955: № 89, 122, 200; Саверкина 2000: 10-15, рис. 1-7.
89. Пальметты, цветы и плоды. Вышивка на ткани женской одежды. IV в. до н. э. Павловский курган близ Пантикалея. ОАК за 1878-79: 40, табл. 3; Герингер 1973: 80.
90. Лотос. Золотые нашивные бляшки. Вторая половина IV в. до н. э. Нимфей. АП 1973: № 23.
91. Розетки в декоре золотых ожерелий. 330-300 гг. до н. э. Курган Большая Балиница (Тамань). ГЗ 1995: № 121, 123.
92. Розетки и гирлянда из лавровых (?) листьев и шлодов. Мраморный алтарь Пасида. IV в. до н. э. Херсонес. Крыжинский 1993: 143, рис. 98.
93. Розетки в декоре золотых серег. IV в. до н. э. Пантикалея, Нимфей. АП 1973: № 26; ГЗ 1995: № 110.
94. Розетты, обрамляющие голову Ио. Синопский terra-cottный акротерий. IV в. до н. э. Феодосия. Марченко 1984: 61, рис. 4, 5.
95. Розетты и листья аканфа. Надгробная мраморная стела. IV-III вв. до н. э. Пантикалея. АП 1973: № 69.
96. Розетты и пальметты. Мраморный саркофаг. IV-III вв. до н. э. Тамань. АП 1973: № 63; АГСП 1984: 317, табл. 126, 2.
97. Розетты. Надгробные стелы. IV-III вв. до н. э. Херсонес. ИЭИХ 1972: № 144-147, 150-154, 159-161, 168, 170, 178, 180.
98. Арация, аканф и дыня. Роспись курницы. Конец IV-начала III в. до н. э. Ольвия. Зайцева 1970: 110-111, рис. 1, 2.
99. Арация, аканф и пальметты. Бронзовое украшение колесницы. III в. до н. э. Курган Васюриня гора (Тамань). АДЖ 1914: 51, табл. 23; АХБ 1973: № 80.
100. Гирлянда из лавровых листьев и розетки. III в. до н. э. Три мраморных алтаря. Херсонес. АСХ 1976: № 532, 533, 534.
101. Гирлянда плотаца с цветами и виноградная лоза с гроздьями. Аттическая амфора. III в. до н. э. Пантикалея. Брагинский 1963: 159.
102. Розетка и пальметта. Ношка мраморного жертвенного стола. III в. до н. э. Фанатория. Кобылина 1956: 31.
103. Пальметты, цветы лотоса и арация. Орнаменты на архитектурных деталях монументальных сооружений. III-II вв. до н. э. Херсонес. Буйских 1994: 37, рис. 5.
104. Гирлянда из листьев оливы (или лавра?) с плодами. Пелика боспорского производства. III вв. до н. э. Пантикалея. АП 1973: № 97.
105. Гирлянда из листьев. Вазы ольвийского производства. III-II вв. до н. э. Ольвия. Зайцева 1976: 100-103.
106. Листья аканфа, виноград и розетки. Мегарские чаши. Пантикалея. III-II вв. до н. э. Лосева 1962: 205; АГСП 1984: 354-355, табл. 163, 164; Забелина 1984: 157-166, рис. 1-2.
107. Листья аканфа и лотоса. Серебряный канфар. II в. до н. э. Артюховский курган (Тамань). ОАК за 1880: 17, табл. 2; Максимова 1979: 78, рис. 24.
108. Цветы арация и пальметты. Кантепел юонии. II-I вв. до н. э. Пантикалея. АДЖ 1914: 116, табл. 27, 2 и 3; АГСП 1984: 282, табл. 92, 2.
- Деревя и плоды*
109. Пшеница палыма. Окончание нашивки золотых ионийских серег. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. Фармаковский 1914: 25-26, табл. 9; Скржинская 1986: 117, рис. 3, 2.
110. Ионийский аск в форме мидального ореха. VI в. до н. э. Ольвия. История украинской культуры. Київ, 2001. Т. 1. 412.
111. Негр у палыма. Аттический алабастр. Около 500 г. до н. э. Пантикалея. Горбунова 1979: 37, рис. 1.
112. Сидел, вращивающийся за деревом. Аттическая ойнохия. 460 гг. до н. э. Пантикалея. Передельская 1967: 163; № 186.
113. Оливковое дерево и гирлянда ольвиновых ветвей. Аттическая гадрага со сценой спора Афины и Посейдона. 350-340 гг. до н. э. Пантикалея. ОАК за 1872: 130, табл. 1; АП: № 37; UKV 1934: № 161; ЛМС. Вд 1: 291, № 38.
114. Палыма, лавры и узор из пальметт. Аттический лексиф мастера Ксеонофанта со сценой охоты персов. 380 г. до н. э. Пантикалея. ДБК 1854: табл. 45, 46; Передельская 1945: 53-55; UKV 1934: № 366; ARV 1963: 1407, 1.

115. Эрот, срывающий с дерева крупные плоды. Аттическая пелла. 370–350 гг. до н. э. Пантикaley. ДБК 1854: табл. 63; КЛЖС: табл. 8.
116. Рука с вбросом (?). Обломок терракоты. III–II вв. до н. э. Марьинский. Денисова 1981: табл. 19 в.
- АДЖ 1914 – *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.
- AM 1977 – *Штудман Ф. М.* Античне мистецтво. Київ, 1977.
- АНО 1988 – *Судьбина В. М.* Архаичный некрополь, Ольвия. Л., 1988.
- Анохин 1977 – *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977.
- Анохин 1989 – *Анохин В. А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989.
- Античная скульптура 2004 – Из собрания Керченского Государственного историко-культурного заповедника. Киев, 2004.
- АП 1973 – *Совколов Г. И.* Античное Причерноморье. Л., 1973.
- АХБ 1973 – Античная художественная бронза. Л., 1973.
- Брашинский 1963 – *Брашинский И. Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. М., 1963.
- Буйських 1994 – *Буйських А. В.* Декоративні мотиви в античній архітектурі ольвій та Херсонеса // Археологія. 1994. № 3. С. 32–40.
- БЦ 1949 – *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- Виноградов, Шегалов 1990 – *Виноградов Ю. Г., Шегалов А. Н.* Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 310–371.
- Герштер 1973 – *Герштер Д. С.* Античные ткани в собрании Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973. С. 71–100.
- ГП 1995 – *Уильямс Л., Оден Д.* Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV вв. до н. э. СПб., 1995.
- Горбунова 1962 – *Горбунова К. С.* Аттические вазы в форме человеческих голов из собрания Эрмитажа // ТГЭ. Л., 1962. Вып. 7. С. 28–45.
- Горбунова 1979 – *Горбунова К. С.* Аттические алабастры, найденные в некрополях Северного Причерноморья // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979. С. 37–48.
- Денисова 1981 – *Денисова В. И.* Коронка Боспора. Л., 1981.
- Забелина 1984 – *Забелина В. С.* Импортные «мегарские» чаши из Пантикалея // Сообщения ГМИИ. Культура и искусство Боспора. М., 1984. Вып. 7. С. 153–172.
- Зайцева 1970 – *Зайцева К. И.* Расписная курляница-урна из Ольвии // СА. 1970. № 3. С. 109–116.
- Зайцева 1976 – *Зайцева К. И.* Ольвийская расписная керамика эллинистической эпохи // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 97–108.
- Зеденцидзе 1978 – *Зеденцидзе А. А.* Аттическая краснофигурная керамика из Херсонеса // КСИА. 1978. № 156. С. 69–78.
- Зограф 1951 – *Зограф А. Н.* Античные монеты. М., 1951.
- Зубарь, Шевченко, Липавский 1989 – *Зубарь В. М., Шевченко А. В., Липавский С. А.* Некрополь Херсонеса Таврического (материалы раскопок 1983–1985 гг.). Киев, 1989.
- Кармышовский, Клейман 1985 – *Кармышовский П. О., Клейман И. Б.* Древний город Тира. Киев, 1985.
- Кобылянская 1956 – *Кобылянская М. М.* Фанатерия // МИА. М., 1956. № 57. С. 5–101.
- Корпусова 1987 – *Корпусова И. Н.* Восточно-греческая расписная керамика // Культура населения Ольвия и ее окружи в архаическое время. Киев, 1987. С. 35–52.
- Крупникова 1984 – *Крупникова Н. Т.* Сельское хозяйство и промыслы // АГСП. 1984. С. 154–158.
- Крыжицкий 1993 – *Крыжицкий С. Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.
- Крыжицкий и др. 1989 – *Крыжицкий С. Д., Буйських С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М.* Сельская округа Ольвия. Киев, 1989.
117. Лиственное дерево. Ростись склепа Ангестерия. I в. до н. э. 3–1 в. н. э. Пантикaley. АДЖ 1914: 172–174, табл. 51. Ср. также № 58, 59.
- Левин 1964 – *Левин Е. И.* Керчанский комплекс III–II вв. до н. э. из раскопок Ольвийской агоры // Ольвия. Темосос и агора. М.; Л., 1964.
- Лосева 1962 – *Лосева Н. М.* Аттическая краснофигурная керамика Пантикалея из раскопок 1945–1958 гг. // МИА. М., 1962. № 103. С. 166–179.
- Лосева 1962 – *Лосева Н. М.* Импорт и местное производство «мегарских» чаш на Боспоре // МИА. М., 1962. № 103. С. 195–205.
- Лосева 1984 – *Лосева Н. М.* Аттическая краснофигурная керамика Пантикалея // Сообщения ГМИИ. М., 1984. Вып. 7. С. 111–124.
- Максимова 1979 – *Максимова М. И.* Арктиковский курган. Л., 1979.
- Марченко 1984 – *Марченко И. Д.* Об акротериях Пантикалея // Сообщения ГИМ. М., 1984. Вып. 7. С. 57–60.
- Масленников, Розов 1990 – *Масленников А. А., Розов В. И.* Расписная керамика с миса Зюк // КСИА. 1990. Вып. 197. С. 66–73.
- МГВ 1961 – *Горбунова К. С., Передовская А. А.* Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961.
- На краю ойкумены 2002 – На краю ойкумены. Греки и варяги на северном берегу Понта Евксинского: Каталог выставки. М., 2002.
- НЭИХ 1972 – *Саламочка Э И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1972.
- ОАК за 1861, 1866, 1872, 1878, 79, 1880 – Отчеты Императорской Археологической комиссии. СПб., 1863, 1868, 1875, 1881, 1882.
- Орешников 1894 – *Орешников А. В.* Несколько замечаний о древности, найденных в Нарутине в 1891 г. // Древности: Труды Московского императорского археологического общества. М., 1894. Т. 15, вып. 2. С. 1–13.
- Парович-Пешкина 1974 – *Парович-Пешкина М.* Некрополь Ольвия эллинистического времени. Киев, 1974.
- Пашинев 1991 – *Пашинев Г. А.* Палеоботанические находки на территории Украины. Памятники I тыс. до н. э. – II тыс. н. э. Киев, 1991.
- ПБП 1951 – *Кобылянская М. М.* Поздние боспорские вазы // МИА. М., 1951. № 19. С. 136–170.
- Передовская 1945 – *Передовская А. А.* Вазы Ксенофанта // Труды Отдела истории искусства и античного мира ГЭ. Л., 1945. Вып. 1. С. 47–67.
- Передовская 1967 – *Передовская А. А.* Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1967.
- Передовская 1971 – *Передовская А. А.* Кто же расписал пендуку из Баксы? // Культура и искусство античного мира. Л., 1971. С. 45–55.
- Передовская 1973 – *Передовская А. А.* Аттический лексиф из 7-го Симбирского кургана // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973. С. 62–70.
- Прушевская 1941 – *Прушевская Е. О.* Из ольвийских находок краснофигурной керамики строгого стиля // СА. 1941. № 7. С. 318–325.
- Саверкина 2000 – *Саверкина И. И.* Роскошные серги в Эрмитаже и в других музеях // Античное Причерноморье. СПб., 2000. С. 7–23.
- Северская 1989 – *Северская Н. М.* Античный Никоний и его округа в VI–IV вв. до н. э. Киев, 1989.
- Сидорова 1984 – *Сидорова Н. А.* Чернофигурная керамика из Пантикалея (раскопки 1959–1969) // Сообщения ГМИИ. 1984. № 7. С. 71–110.
- Скряжнская 1986 – *Скряжнская М. В.* Греческие серги и ожерелья архаического периода // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 112–126.
- Скряжнская 2003 – *Скряжнская М. В.* Награды граждан античных городов Северного Причерноморья // ВДИ. 2003. № 4. С. 89–101.

- Сокольский 1969 – *Сокольский Н. И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья*. М., 1969.
- Сокольский 1971 – *Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья*. М., 1971.
- Сорокина 1957 – *Сорокина Н. П. Тузлинский некрополь*. М., 1957.
- Стефанн 1875 – *Стефанн Л. Объяснения некоторых художественных произведений, найденных в 1874 г. в Южной России* // ОАК за 1872. СПб., 1875. С. 16–28.
- Стоянов 2001 – *Стоянов Р. В. Слинцеве трилински из слинцевичного некрополя Херсонеса Таврийского* // Археология. Киев, 2001. № 1. С. 118–125.
- Фармаковский 1914 – *Фармаковский Б. В. Архаический период в России* // МАР. 1914. Вып. 34. С. 13–78.
- Фурманская 1960 – *Фурманская А. И. Новый эпиграфический памятник из Тира* // СА. 1960. № 4. С. 173–179.
- Шелов 1956 – *Шелов Д. Б. Керамические клейма из раскопок Фанагории* // МИА. М., 1956. № 57. С. 202–226.
- Шелов 1957 – *Шелов Д. Б. Клейма на амфорах и черепках из раскопок Пантикапея* // МИА. М., 1957. № 56. С. 128–153.
- ARV 1963 – *Beazley J. D. Attic Red-figure Vase-painters*. Oxford, 1963.
- Boardman 1985 – *Boardman J. Athenian Black-Figure Vases*. London, 1985.
- Deppert-Lippitz 1985 – *Deppert-Lippitz B. Griechischer Goldschmuck*. Mainz am Rhein, 1985.
- Higgins 1961 – *Higgins R. A. Greek and Roman Jewellery*. London, 1961.
- Schefton 1982 – *Schefton Å. The Krater from Baksy* // *The Eye of Greece*. London, 1982. P. 149–181.

REPRESENTATIONS OF PLANTS AND THEIR SIGNIFICANCE IN PIECES OF ART OF THE 6TH-5TH CENTURIES BC FROM TYRAS, OLBIA, CHERSONESOS AND BOSPORUS

M. V. SKRZHINSKAYA

The set of plants represented on pieces of art from Greek states of the northern Black Sea region does not exceed some twenty species, but these include all the major types characteristic of the art of the Classical period. Some of them are fairly widespread and are represented, as a rule, quite realistically (vine, ivy, laurel, olive, acanthus, aracea, celery, or wheat ears). Others, equally important, acquired stylized outlines (flowers and buds of lotus, rosettes, round fruit). Plants of a third type are easily recognized although they were represented rarely (poppy, oak, myrtle, palm-tree). And finally, there are a few single representations (melon, almond, conifer cones).

This modest assemblage yields us important information about Greek culture, although it does not reflect the genuine ideas of the Hellenes on the flora of the Black Sea and Mediterranean regions. The pieces of fine arts studied demonstrate a significant part of wreaths of leaves and flowers in the life of Greeks and in their funerary rites. Archaeological evidence attests also the symbolical significance of a number of plants as attributes of certain deities or symbols of a state. Like in Hellas, on the northern coasts of Pontus, a fairly scanty circle of

plants and flowers held an important place in decoration of architectural sites, jewellery, painted vases, textiles etc. Moreover, the choice of these plants had been changing little for many centuries. Ivy and vine always had been the favourite plants of the ancient Greek artists. Lotus vanished from pottery decorations in the 5th century but had been remaining on jewellery and textiles until the end of the period under consideration. Flowers of aracea and leaves of acanthus came to be constantly used in decoration of various objects during the Hellenistic period. Any distinctions between the compositions of plant species from different cities in the northern Black Sea area are absent, the difference having been noted only in their numbers. The material examined shows that the role of flora was similar in the culture of all Greek cities on the northern littoral of the Black Sea. This role suited entirely the common Greek tradition, reflecting all its major tendencies and changes in time. Representations of laurel, olive, acanthus, palm and some other southern plants enabled the local inhabitants, who had no possibility to leave the limits of their native polis, to make an idea on the flora of Hellas.

СИСТЕМЫ ДОРОГ И КЛЕРОВ ГОРОДОВ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА ПО ДАННЫМ АЭРОФОТОСЪЕМКИ, КАРТОГРАФИИ И НАЗЕМНЫХ РАЗВЕДОК¹

Т. Н. СМЕКАЛОВА, С. Л. СМЕКАЛОВ²

Греческая колонизация Боспора Киммерийского носила явный сельскохозяйственный характер, так как именно обширные плодородные угодья Керченского полуострова были главным богатством этих мест (Кошленко, Кузнецов 1992: 24). Сельская округа должна была не только обеспечивать продовольствием население Боспора, но и давать товар, который мог бы успешно конкурировать на международном рынке и реализация которого обеспечила бы поступление на Боспор всех остальных необходимых компонентов для полноценной жизни государства и его граждан. Таким товаром был хлеб, а точнее, зерновая пшеница, спрос на которую в древнем мире был неизменно высоким.

Согласно письменной традиции, археологическим и эпиграфическим данным, первыми греческими полисами, возникшими в VI в. до н. э. на Боспоре, были Пантикапей, Феодосия и Нимфей (Виноградов 1995: 68; Зинько 2004: 19). Небольшие городки Тиритака, Мирмекей и Порфрий были основаны, вероятно, в ходе внутренней колонизации и входили в состав Пантикапейского полиса. Ранние полисы представляли собой гражданские коллективы земельных собственников, владеющие участками или клерами, расположенными в радиусе нескольких километров от поселений. В дальнейшем, с развитием товарного производства хлеба, хора полисов росла, что требовало и ее нового размежевания, но основа полисов как общины землевладельцев оставалась неизменной. В период расцвета международной торговли зерном в IV в. до н. э. возделывалась, вероятно, почти вся пригодная для этого территория Боспорского государства (Блаватский 1953: 176, 178). Хотя для Европейского Боспора мы располагаем очень скудными данными письменной традиции о размежевании земель,³ но зато, к счастью, сохранились еще физические следы существования такого. В данной статье делается попытка реконструкции систем клеров крупнейших полисов на основании комплекса дистанционных (аэрофотосъемки, картографии, космической съемки) и археологических методов.

Авторы исходят из постулата, что системы размежевания земель в той или иной степени должны отразиться в существующих реалиях: на аэрофотоснимках, в сети старых и современных дорог, зафиксированных на картах разных лет, в границах современных полей, положении лесополос и межей. Территория Керченского полуострова с античных времен не настолько сильно видоизменилась, чтобы признаки систем древних полей бесследно исчезли бы с ее поверхности. Только наиболее урбанизированные, полностью застроенные участки, а также, скажем, выровненные территории аэродромов могут оказаться неперспективными для нашего поиска. Большая же часть земель все еще содержит в себе или содержала в недавнем прошлом информацию, которую можно выявить с помощью применения комплекса специальных методов, перечисленных выше.

В данном комплексе основным звеном является аэрофотосъемка. Исходя из опыта наших последних работ, мы решимся утверждать, что в условиях Европейского Боспора прямые признаки систем древних полей, относящихся к категории наиболее монументальных сооружений древности, если иметь в виду занимаемую ими площадь, можно наблюдать только со значительной высоты и при определенных природных условиях. К сожалению, изучение имеющихся аэрофотоснимков стало реальным только в самые последние годы, так как многие материалы картографии и аэрофотосъемки были рассекречены и стали доступными для систематического изучения совсем недавно. Это отчасти затормозило процесс изучения хоры античных государств, что необходимо сейчас восполнить удвоенными усилиями исследователей, чтобы не упустить быстро исчезающие следы клеров на возделываемых или застраиваемых территориях.

Отправным пунктом всей логической цепочки процесса реконструкции служат клеры, выявленные по аэрофотосъемке. Необходимым условием является требование «воочию» увидеть правильную сетку земельных наделов на аэрофотографиях. Двумя важ-

¹ Исследование проводилось при финансовой поддержке РФФИ (проект № 04-05-8009) и РГНФ (проект № 06-01-12120а). Присоединяем наши самые искренние благодарности И. Н. Попову (ИВИ РАН) и Л. Л. Сукачевой (ГУП НИИ космоэрологологических методов) за помощь в работе с аэрофото- и космическими снимками.

² Смекалова Т. Н. – Россия, 198504, СПб., Петродворец, ул. Ульяновская, д. 1. Научно-исследовательский институт физики им. С. Яковлева С.-Л. – Россия, 198005, Санкт-Петербург, 1-я Красноармейская, д. 1. Балтийский государственный технический университет «Военмех», физико-технический факультет, кафедра «Приборы и системы лучевой энергетик».

³ За исключением известного пассажа Диодора о наделении царем Евмелом (309–304 гг. до н. э.) земель 1 тыс. каллатийцев, для чего была разбита на клеры область Песоя (Diod., XX, 25).

нейшими признаками клеров служат ряды прямых параллельных (чаще темных) линий, пересекающихся с группой таких же прямых линий, идущих в перпендикулярном направлении, и метрологические данные прямоугольников, получающихся при таких пересечениях.

Ориентация осей размежевания должна соответствовать наиболее «выгодным» направлениям с точки зрения транспортировки урожая с полей и других коммуникаций, а также с учетом особенностей рельефа местности для наилучшего дренажа почвы. Принималось во внимание, очевидно, и требование оптимального солнечного освещения возделываемых участков (Trousset 1977: 186–188). Метрологические же данные были определены нами с учетом исторических свидетельств и опыта исследований на хоре Херсонеса. Как известно, у Страбона есть косвенное указание на то, что в Северном Причерноморье в качестве меры площади применялся плетр, однако без указания на его величину (Strabo., VII, 3, 19). Плетр, как известно, равен 100 футам в квадрате. Как показали А. И. Щеглов и Г. М. Николаенко при изучении системы размежевания хоры Херсонесского государства, там употреблялась единая система мер, основанная на египетском футе, равном 0,35 м (100 футов соответственно равны 35 м) (Щеглов 1978: 89; Николаенко 1985: 12, 13)⁴. Поэтому такой египетский плетр будет равняться 1225 кв. м или 0,1225 га. Предполагив, что и на Боспоре при разделении земель использовались футы и плетры, мы получили этому полное подтверждение, как будет показано ниже. Имеется еще одна чрезвычайно распространенная античная мера площади, югер, равный 2523,30 кв. м или 0,25233 га. Нетрудно видеть, что плетр почти точно равен половине югера, так что эти величины можно считать достаточно близкими с точки зрения приложения их к определению площади клеров. Именно в югерах измерялась площадь прямоугольных участков в Валенсии, которые имели стороны 710 м на 360 м, а площадь 2556 кв. м, что соответствует 100 югерам (Blanc 1953: 39). Имеются многочисленные следы римских *центуриаций*⁵ в Италии, восточной Испании, северной Африке (Barrington Atlas 2004: карты 15, 17–19, 32, 33, 34, 39, 40–42, 44, 45).

После определения по аэрофотоснимкам видимых признаков систем клеров на картах, как старых, так и крупномасштабных новых, а также на космических снимках высокого разрешения отбиралась линейные элементы, или *линименты*, направление которых соответствовало направлению осей размежевания, а расстояние между ними равно или кратно размерам одного клера. Все найденные элементы помещались на единую компьютерную топографическую основу. Сюда же помещалась и полученная ранее дешифровка аэрофотографий. Такая сводная карта являлась базой для реконструкции систем кле-

ров того или иного подиса или иной государственно-административной структуры.

На последнем этапе полученные данные дистанционных исследований дополнялись имеющимися археологическими сведениями, а также проверялись на местности в ходе пеших разведок. Точные географические координаты отчетливо видимых межвых валов, стенок, дорог, строний и других объектов определялись с помощью GPS-приемников и наносились на сводную компьютерную карту интересующей площади. В некоторых случаях для определения планов усадеб, а также выявления аномалий от запылявшихся рвов, погребенных стен, дорог и валов между древними полями может применяться магнитная разведка. Часто границами участков служили небольшие рвы, которые с течением времени заносились верхними почвенными слоями, более магнитными, чем вмещающая среда – подпочва. Как показывают предыдущие исследования, эти объекты должны создавать довольно заметные возмущения в магнитном поле, обнаружение которых облегчается за счет значительной их протяженности, а также наличия пересечений линий под прямыми углами, что, как правило, не характерно для естественных, природных структур.

Нарезка равных участков, входящих в систему ортогонального размежевания, подчинялась, прежде всего, природным факторам. Разделение земель обычно велось в пределах территорий, тяготеющих к тому или иному подису и ограниченных естественными географо-топографическими препятствиями: хребтами холмов, берегами морей или озер, реками, глубокими балками и прочими природными рубезами. Ориентировка осей размежевания выбиралась соответственно господствующему направлению склонов и одновременно подчинялась требованию наиболее короткого и удобного пути в поле (либо иной ближайший хозяйственно-административный центр) для транспортировки урожая с полей и других хозяйственных нужд. Расположение древних полей, помимо особенностей ландшафта, зависело от типа почв, их увлажненности, степени каменистости местности, направления господствующих ветров, освещенности местности. Разумеется, в соответствующих исторических реконструкциях необходимо учитывать не только современное строение рельефа местности, но и произошедшие изменения климата и гидросреды (степени обводненности рек, балок, низменных мест и заболоченных тонких участков), а также постоянство или изменения розы ветров.

Необходимая дополнительная информация содержится в материалах археологических разведок и раскопок предыдущих лет. Особенно важны сведения об усадьбах, которые могли находиться на каждом из клеров. Если пространственная связь между клерами и усадьбами будет доказана, находки с усадеб могут служить датирующим материалом и для системы наделов.

⁴ Есть, однако, мнение, что при размежевании городской территории Херсонеса употреблялись футы лорического стандарта в 0,3265 м (Буйских, Золотарев 2001: 115).

⁵ Центуриация, как известно, – это площадь в 100 участков по два югера.

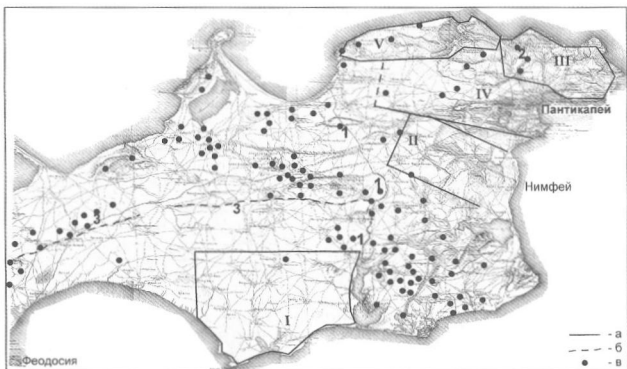

Рис. 1. Керченский полуостров. Военно-топографическая карта 1862 г. масштаба в 1 дюйме 3 версты («трехверстка») или 1:126000. Условные обозначения: а – области ортогонального размежевания (I–IV) и территория предполагаемой «царской» хоры (V); б – вали; 1 – Узунларский вал; 2 – так называемый Третий Тиритакский вал; 3 – Парпачский гребень; в – варварские селения IV–III вв. до н. э. (Масленников 1999: 77).

Fig. 1. Kerch Peninsula. Military topographic map of 1862 at a scale of 3 versts in 1 inch («three-verst map») or 1:126 000. Notations: а – areas of the orthogonal land-division (I–IV) and the territory of the hypothetical 'Royal Chora' (V); б – walls: 1 – the Uzunlar Wall; 2 – the so-called Third Tiritaka Wall; 3 – the Parpach Ridge; в – barbarian settlements of the 4th–3rd centuries BC (Maslennikov 1999: 77).

Приступим к изложению результатов проведенных исследований. На территории Европейского Босфора были выявлены четыре района сплошного ортогонального размежевания (см. карту на рис. 1):⁶

- 1) юго-западная часть Керченского полуострова – I;
- 2) средняя часть полуострова у пролива – II;
- 3) район к северо-востоку от Керчи, по направлению к Темир-горе – III;
- 4) район к западу от Пантикапея – IV.

Первый, самый большой район – южная часть Керченского полуострова от мыса Чауда до Узунларского озера. На аэрофотоснимках 1972 г. очень четко видны следы не менее 130 клеров (рис. 2а), о чем уже писалось ранее (Масленников 2001; Сماعيلова, Масленников, Сماعيلов, Куликов 2004). Размеры сторон клеров в меридиональном направлении – около 350 м, а в широтном – 388–390 м (рис. 2б). Таким образом, более короткая сторона участков точно соответствует 1000 египетских футов, более длинная – 1000+100 футам. Можно сделать предположение, что площадь каждого квадратного участка

равнялась точно 100 плетрам, или 12,25 га. Дополнительные же 100 футов могли получаться по одному из направлений в результате прокладки коммуникаций (дорог, межей, стен) и, возможно, не входили в расчет при вычислении площади. Подобная практика прослежена нами и для участков в районе Михайловки (см. ниже). В рассматриваемом случае «дополнительные» 100 футов оставлены вдоль направления на юг, к морю, что кажется вполне объяснимым, если говорить о транспортировке урожая в полис морским путем.

Все участки ориентированы приблизительно по частям света, с небольшим отклонением от севера: примерно 6–8° к западу. Сетка этих квадратов нарушается лишь береговым обрывом и берегами Качикского озера, в древности, скорее всего, залива. На тех из них, что расположены к востоку от озера, «читаются» дополнительные линии, идущие в меридиональном направлении, которые, вероятно, соответствуют перепланированию клеров. Следов усадебных строений ни на снимках, ни при очень

⁶ Вероятно, этими районами не ограничиваются территории клеров на Европейском Боспоре. Так, например, уже были описаны участки у Китея (Сماعيلова, Масленников, Сماعيلов, Куликов 2004), у пос. Чокракской Мыс (Сماعيلова, Масленников, Сماعيلов: в печати), но они носят, как нам кажется, несколько «локальный» характер и отличаются от достаточно «глобальных» размежеваний в трех перечисленных областях. Есть данные о возможности существования подобных же систем непосредственно в районе города Тиритак, но результаты исследований по этим площадям еще неполные и нуждаются в дополнительных проверках, поэтому в данной статье о них говорится только предположительно.

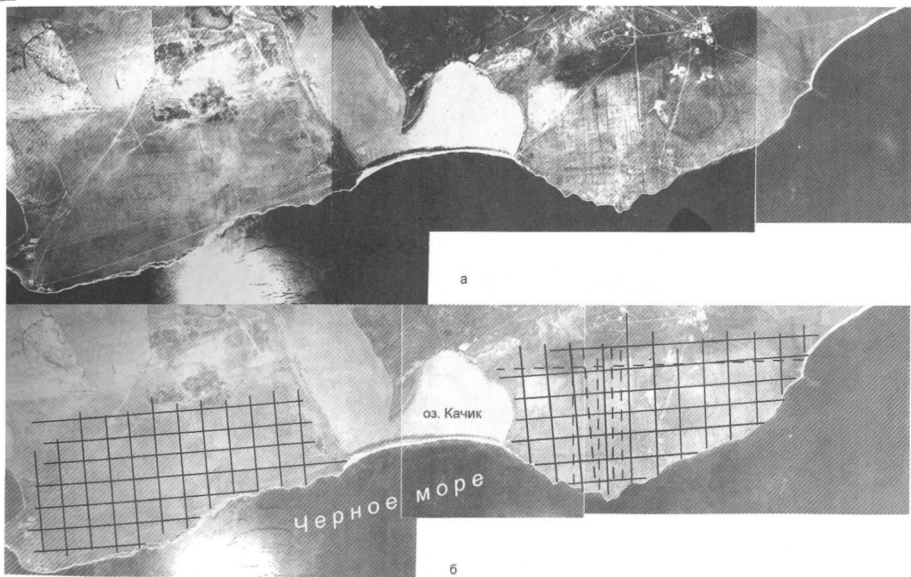

Рис. 2. а) Аэрофотоснимки на территорию к западу от мыса Чауда; б) на аэрофотоснимках выделена ортогональная система клеров.
 Fig. 2. а) Aerial photographs of the territory west of Cape Chauda; б) the orthogonal system of land-plots is set off on the air photographs.

ограниченных обследований на местности пока не обнаружено⁷.

Необходимо, возможно, более подробно остановиться на вопросе об ориентировке системы клеров, а именно на величине отклонения оси клеров от современного направления на север на 6–8° против часовой стрелки. Забегая вперед, отметим, что точно такое же направление межевых границ зафиксировано нами для клеров у Темир-горы. Известно, что положение магнитного полюса менялось со временем, и отклонение на 6–10° против часовой стрелки относительно современного северного направления соответствует направлению на магнитный север для периода примерно с IV в. до н. э. по I в. до н. э. (Загитий, Русаков 1982: 76). Вероятно, совпадение ориентировок двух систем земельных наделов не случайно, и возможное объяснение сводится к тому, что древние земледельцы использовали при разбивке осей деления земли устройства, сходные с современными компасами. Действительно, имея некое приспособление, состоящее, например, из тонкого и длинного намагниченного железного бруска, подвешенного на нити, можно довольно точно прокладывать маршруты межей, даже по пересеченной местности, строго придерживаясь при этом одного и того же направления (на север). Мы не утверждаем, что клеры должны были быть обязательно и повсюду, даже и в других частях Босфора, ориентированы на север. Безусловно, главными требованиями при выборе ориентации осей была необходимость создания кратчайшего пути для вывоза урожая с полей к полюсу или к месту, откуда зерно транспортировалось морем. Как мы увидим ниже, направление осей клеров Нимфея совершенно иное, именно соответствующее кратчайшему пути к полюсу. Но бесспорно и то, что применение компаса было удобным, поэтому там, где направление к полюсу приблизительно совпадало с направлением по сторонам света и где позволяли природные условия, выбиралось, возможно, направление на север, а точнее, на «древний», магнитный север, который отличался в IV–III вв. до н. э. от современного соответствующего направления на 8° против часовой стрелки. В принципе, можно было бы даже использовать это специфическое склонение для очень приблизительной «археомангнитной» датировки системы клеров, если бы получаящаяся при этом дата не лежала бы в столь широких пределах. Тем не менее, несмотря на сильную «расплывчатость» даты, она все же не противоречит, а, наоборот, подкрепляет более точную дату, определенную по археологическим данным, предлагаемую ниже.

Важнейшие результаты для реконструкции системы наделов в южной части Керченского полуострова дают крупномасштабные карты: 1: 25000, так называемые «верстовки» (масштаб 1: 42000); 1: 100000, «трехверстка» 1862 г. (масштаб 1: 126000),

карта Бетева 1842 г., карта Мухина 1817 г. и космические снимки высокого разрешения. По этим картам и снимкам были выделены линейные элементы (в основном дороги и границы полей), которые соответствуют двум признакам клеров, а именно: направлению 8° к западу или перпендикулярному к нему и расстоянию между ними, кратному 350 м в широтном и 385 м в меридиональном направлении (рис. 3).

Благодаря сохранившимся элементам системы наделов, зафиксированным на картах и космических снимках, удается восстановить ее ортогональную структуру на значительной территории, в несколько раз превосходящей начальную территорию, где зафиксированы клеры по аэрофотосъемке. Прежде всего, необходимо выделить несколько (по крайней мере, три) «магистральные» дороги, проходящие с севера на юг, к морю. Одна дорога примерно от Вулкановки до берега моря, которая точно соответствует границе между предполагаемыми древними участками, идущей с севера на юг, видна как на «верстовке», так и на карте 1: 25000 приблизительно по середине группы участков, расположенных к востоку от озера Качик. Не исключено, что в конце этой, центральной, дороги на берегу могло находиться портовое поселение, которое, вполне вероятно, к настоящему времени оказалось разрушено за счет быстрой абразии берега. Подобные же сквозные дороги к морю имеются к западу от бывш. села Сарылар и к востоку от совр. местечка Краснополье (см. рис. 3). Они отстоят от центральной на расстояние 8 и 6, 5 км на запад и восток соответственно. Можно сделать предположение, что в древности данные дороги были основными, ведущими из глубины степного пространства к берегу моря.

В западной половине интересующей нас территории восстанавливается еще одна дорога в меридиональном направлении, а также две широтные дороги, идущие на расстоянии 720 м друг от друга к северу от озера Дорт-коль и к югу от д. Арпач. Но наибольшее количество элементов ортогональной системы клеров восстанавливается в центральной и восточной частях исследуемой области, начиная от берега моря в глубь территории по направлению к Вулкановке (бывш. Джав-тепе)⁸. Вероятно, здесь мы имеем дело с почти непрерывным использованием полей с античного времени и до наших дней, причем в прежних границах, и преемственностью в использовании дорог.

В наиболее северной части залива Черного моря, к западу от Узуларского озера, дороги идут двумя параллельными линиями в широтном направлении приблизительно в 720 м друг от друга. Их пересекают по крайней мере четыре перпендикулярные дороги, три из которых следуют на расстоянии примерно 770 м друг от друга, а четвертая — отстоит от преды-

⁷ Интересующая территория находится в пределах закрытого военного полигона, недоступного для разведки. Вероятно, именно исключению данной площади из современного освоения мы обязаны сохранностью следов клеров.

⁸ Отметим, что здесь в границах нашей сетки укладывается любопытное образование, именуемое на карте 1: 25000 «открытый крест», который, однако, отсутствует на «верстовке».

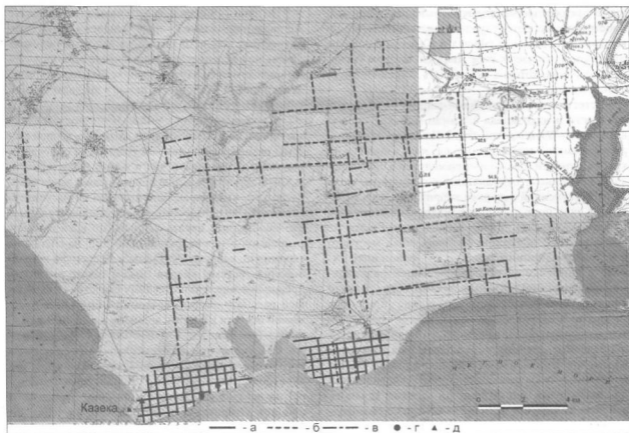

Рис. 3. Южная часть Керченского полуострова от мыса Чауда до Узунларского озера. Реконструкция ортогональной системы размежевания земель.

Условные обозначения: а – структуры, видимые на аэрофотоснимках; б – структуры, видимые на карте масштаба 1:25000; в – то же на «верстовке»; г – GPS координаты межей, видимых на поверхности; д – место проведения магнитной съемки.

Fig. 3. Southern section of Kerch Peninsula from Cape Chauda up to Lake Uzunlar. Reconstruction of the orthogonal system of land-division.

Notations: а – the structures discernible on air photographs; б – the structures discernible on the map at a scale of 1:25 000; в – same on the 'one-verst map'; г – GPS fixes of demarcations observable on the surface; д – site of geomagnetic surveys.

душей приблизительно в 2000 м к востоку, подходя довольно близко к Узунларскому озеру (см. рис. 3).

Направление всех перечисленных элементов точно соответствует направлению системы земельных участков, а расстояние между нимикратно линейным размером последних. Пользуясь сводной картой (рис. 3), удается определить, что клеры располагались на значительно большей территории, чем та, которая прослеживается по данным аэрофотосъемки. С юга и запада эта территория ограничена морем, с востока – Узунларским озером, а с севера – линией, проходящей несколько севернее северной оконечности упомянутого озера. Общая площадь реконструированной системы клеров, вероятно, около 350 кв. км или 35 тыс. га, число клеров не менее 2800.

Высказанные предположения были проверены в ходе пеших разведок 2004–2005 гг. и магнитной съемки 2005 г., а также измерения координат остатков следов древнего размежевания, видимых на поверхности. В качестве опытного участка (50 м Ч 20 м) магнитной съемки был выбран один из углов клера в наиболее западной части системы наделов, то

есть вне закрытой зоны. Местоположение этого угла было найдено на местности по расчетной GPS координате, определенной по совмещенным компьютерной карте района и аэрофотоснимку. В измеренном магнитном поле, несмотря на значительный уровень «шумов» от современных железных предметов военного происхождения, достаточно четко выделяются две аномальные вытянутые структуры. Они пересекаются под прямыми углами, причем их направления точно соответствуют направлению осей размежевания. Следовательно, результаты магниторазведки подтверждают наличие следов клеров. Наиболее вероятный тип межей – пропаханные ровики, которые со временем заносились верхними (более магнитными) почвенными слоями и таким образом создают слабые вытянутые положительные аномалии.

В природном отношении вся данная территория лежит в пределах довольно однотипного ландшафта: слабо или практически вовсе не пересеченной равнины, на которой лишь кое-где имеются холмы с пологими склонами. Немногочисленными природ-

ными препятствиями для возделывания обширных пространств являются глубокая и разветвленная балка Джагар-Берды, впадающая в Качикское солонное озеро, само это озеро, гора Дюрмен, а также урочище Котловина, которое могло быть в древности солонным озером.

Естественными границами данной системы полей с юга и юго-запада служили морские берега, на востоке – Узунарское озеро. На севере пределом размежеванной площади мог служить Парпачский хребет, который одновременно являлся и своего рода пограничьем, отделявшим возделанные поля от расположенной севернее территории, где, вероятно, в силу природно-климатических (а возможно, и каких-то других) причин господствовал в это же время иной хозяйственно-бытовой уклад местного населения. Напомним, именно этот район полуострова в наибольшей степени насыщен разновременными курганными могильниками, образующими в ряде случаев (в частности по вершине упомянутого хребта в направлении: запад–восток) практически непрерывную цепь насыпей, которая маркирует направление древних дорог. Несмотря на то что Крымское Приазовье всегда было самой благоприятной с точки зрения природных условий зоной для земледелия, оно в немалой степени являлось районом, связанным преимущественно со скотоводством и полукочевым образом жизни местного населения. Разумеется, в разные исторические периоды, даже в пределах одной эпохи, эта ситуация не оставалась неизменной.

Почвенный покров представлен здесь черноземами, слитыми солонцеватыми, луговыми и черноземно-луговыми почвами и солончакми, которые в настоящее время классифицируются как земли потенциально пригодные для земледелия, но требующие мелиоративных работ (Драган 2004: 55, 165). В древности, однако, эти угодья были, вероятно, куда более плодородны. Иначе просто невозможно понять известное свидетельство Страбона, что равнина, лежащая между Феодосией и Пантикалеем, богата хлебом и имеет селения (Strabo., VII, 4, 4).

В археологическом отношении данная территория относится к категории наименее изученных, возможно, в силу того, что практически все прибрежное пространство шириной до 5 км с довоенного времени закрыто для посещения. Помимо известного по письменным источникам портового поселения Казека, расположенного предположительно у мыса Чауда, на карте, приведенной в монографии И. Т. Кругликовой (Кругликова 1975: 273), здесь указано только одно эллинистическое поселение (Карасевка) в северной части интересующей нас области. Да и от самой Казеки к настоящему времени мало что осталось. Разведками В. В. Весселова этот район, вероятно, вообще не был охвачен, равно как и недавними обследованиями А. В. Гаврилова, по мнению которого, он не мог входить в хору Феодосии, так как слишком удален от города. Несколько наших кратких поездок 2004–2005 гг. в район мыса Чауда также не добавили информации.

По нашему мнению, выявленные здесь клеры все же являются дальнейшей хорой Феодосии. Хотя сухопутное расстояние от них до города немалое (около 50 км), но не следует забывать о предпосылности греками морского пути. Путь по заливу был короче (около 32 км), удобен и безопасен, лежал в пределах прямой видимости из Казеки в Феодосию.

К сожалению, на данном этапе исследования мы ничего не можем сказать о датировке данной системы размежевания, так как усадьбы на ее территории пока не найдены отчасти в силу недоступности южных территорий для пеших разведок, отчасти из-за того, что направление поисков до настоящего времени было неизвестно. Теперь становится ясным, что необходимо искать усадьбы по всей реконструированной территории и, особенно, на обширной территории к югу от Вулкановки. О времени возникновения системы клеров можем только высказать предположение, что по тесному сходству со следующей рассматриваемой системой (нимфейской) их можно отнести к одному времени, а именно – к IV в. до н. э. (см. ниже).

Следующая предположительная область сплошного размежевания – середина восточной части полуострова, приблизительно от с. Тасуново (на севере) на десяток километров в сторону Керченского пролива. Отправным пунктом для ее изучения послужили результаты дешифровки аэрофотоснимка, полученные Б. Г. Петерсом в районе к северу от пос. Михайловка (Петерс 1978: 122). Им было выявлено более 100 клеров, образованных прямыми параллельными и взаимно пересекающимися под прямыми углами линиями (рис. 4). Размеры участков, указанные Б. Г. Петерсом, – 300 м × 340 м, однако при тщательной проверке масштаба приведенного им в публикации чертежа, а также при изучении материалов аэрофотосъемки 1972 г. выяснилось, что эти цифры ошибочны. На самом деле размеры участков 350–380 м × 380–400 м, то есть они равны размерам участков на дальней хорой Феодосии, о которых писалось выше. Ориентация сторон этой системы клеров – около 20° по часовой стрелке от северного направления. На доступных нам аэрофотоснимках 1972 г., сделанных с большей высоты, чем снимки клеров Феодосии, которые дешифровал Б. Г. Петерс, к сожалению, видны только отдельные элементы ортогональной сети, полностью открытой исследователем. Только отдельные параллельные темные линии, идущие на расстоянии примерно 390 м друг от друга, «читаются» в наиболее северной части интересующей нас территории. Снимок, с которым имел дело Б. Г. Петерс, охватывал меньшую территорию, чем каждый из снимков, имеющихся в нашем распоряжении, и был сделан, возможно, в более благоприятное время года, когда темные линии от границ участков были видны очень четко, по крайней мере, у исследователя не возникло никаких сомнений в том, что он видит перед собой клеры. Б. Г. Петерс имел возможность наблюдать границы клеров и визуально при пешеходных разведках по более темной растительности и всхолмленным в местах их расположений

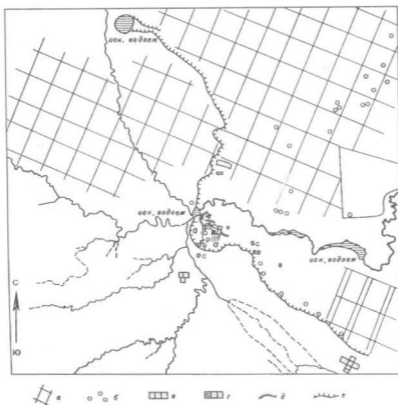

Рис. 4. Ортогональная система размежевания, выявленная Б. Г. Петерсом у Михайловки (Петерс 1978: рис. 3).

Условные обозначения: а – границы клеров; б – курганная группа у села Михайловка; в – каменные ограды античного времени; г – каменные ограды средневекового времени; д – подпорные стены искусственных террас; е – выходы известняковой скалы, к которой приурочены оборонительные сооружения.

Fig. 4. The orthogonal system of land-division revealed by B. G. Peters near the village of Mikhaylovka (Peters 1978: fig. 3).

Notations: а – boundaries of land-plots; б – group of barrows near v. Mikhaylovka; в – stone fences of the Classical period; г – stone fences of the medieval period; д – supporting walls of artificial terraces; е – outcrops of limestone rocks with defensive structures built above.

(Петерс 1978: 119).³ Более того, раскопки курганов, находящихся на размежеванной территории, позволили исследователю даже выяснить временное соотношение между ней и сооружением насыпи курганов (Петерс 1978: 122).

Итак, на первом этапе исследования нам удалось выявить прямые признаки системы клеров, обнаруженной к северу от пос. Михайловка. Они имеют направление осей 20–23° по часовой стрелке от севера, а размеры участков 360 м × 390 м, то есть примерно 1000 футов × 1000 + 100 футов. Таким образом, площадь каждого клера равнялась 00 плетрам. В меридиональном направлении участки длиннее, чем в широтном, что соответствует, вероятно, положению межей. Здесь мы видим точно такую же практику нарезки участков, которая была зафиксирована и для клеров дальней хоры Феодосии. В данном случае преобладающим направлением склонов и возможных коммуникаций было направление к Чурбашскому озеру, поэтому и «дополнительные» 100 футов оставлялись с соответствующей стороны клеров, так что проложенные дороги вели к озеру и проливу.

На втором этапе исследования данной системы наделов, то есть при рассмотрении детальных карт интересующей нас территории, удалось выявить многочисленные линейные элементы, соответствующие прямым признакам клеров (рис. 5). Это, во-первых, две взаимно перпендикулярные грунтовые дороги, отходящие от северного угла с. Тасуново; во-вторых, лесополосы и грунтовые дороги, пересекающие шоссе Керчь–Феодосия по направлению от Михайловки к Керчи, а также грунтовые дороги и лесополоса к югу и юго-востоку от Михайловки (см. рис. 1 и 5).

Но самое примечательное, что большой, почти квадратный массив современных полей на обширном плоском участке размерами более 3 км × 3 км и область вокруг него к юго-западу от Чурбашского озера, отмеченный почти на всех топографических картах, имеет направление осей и размеры внутреннего деления на отдельные поля, практически полностью совпадающие с прямыми признаками выявленных клеров (рис. 5). Мы считаем, что данная квадратная структура является остатками и продол-

³ Благодарим Б. Г. Петерса за любезное сообщение в мае 2004 г. подробностей наблюдения границ клеров по полосам быстрее вызревающих злаков на современных полях и по растительности более темного цвета.

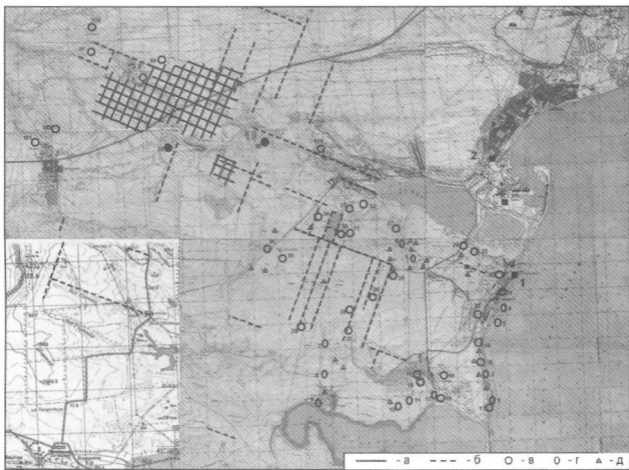

Fig. 5. Chora of Nymphaion. Reconstruction of the orthogonal system of land-division. 1 – Nymphaion, 2 – Tyrिताка, 38 – Ivanovka, 39 – Михайловка. Размер ячейки координатной сетки составляет 1 км.

Условные обозначения: а – структуры, видимые на аэрофотоснимках; б – структуры, видимые на карте масштабов 1:25000 и 1:10000; в – поселения IV–III вв. до н. э.; г – поселения, возникшие до IV в. и существовавшие в эллинистическое время; д – курганы (Зинько 2003: 160).

№ 1–39 рядом с обозначениями поселений соответствуют нумерации по: Зинько 2003: 160; № 97–176 – по: Кругликова 1975: 263.

Fig. 5. Chora of Nymphaion. Reconstruction of the orthogonal system of land-division. 1 – Nymphaion, 2 – Tyrिताка, 38 – Ivanovka, 39 – Михайловка. Step of the coordinate grid is 1 km.

Notations: а – the structures discernible on air photographs; б – the structures discernible on the maps at a scale of 1:25000 & 1:10000; в – settlements of the 4th–3rd century BC; г – settlements arisen before the 4th century BC and still occupied in the Hellenistic period; д – kurgans (Zinyko 2003: 160).

Nos. 1–39 near the marks of sites correspond to the numbers according to: Зинько 2003: 160; Nos. 97–176 – according to the numbers in: Кругликова 1975: 263.

жением системы клеров, той же самой, что была выявлена у пос. Михайловка.¹⁰ Таким образом, система клеров реконструируется на достаточно большой территории, начиная от прибрежной долины между двумя озерами Чурбаш и Тобечик, далее на запад и северо-запад по направлению к Михайловке и далее, вплоть до территорий несколько западнее Тасуново (рис. 5).

Расположение этой системы клеров не оставляет места сомнениям относительно ее принадлежности – это дальняя хора Нимфея. Территориально эта система землеустройства, очевидно, тяготеет к Нимфею, хотя до сих пор считается, что граница хоры этого

полиса, даже в период его расцвета, проходила все же несколько восточнее, а сама хора ограничивалась только пространством между Чурбашским и Тобечикским озерами (Зинько 2003: 14). Главный аргумент в пользу значительного расширения границ земельной округа Нимфея – сплошное распространение единой системы ортогонального межевания на всей обозначенной выше области.

Здесь, как, собственно, и на несомненной территории хоры Нимфея (пространства между Чурбашским и Тобечикским озерами), преимущественное направление размежевания определялось расположением естественных склонов обширного припод-

¹⁰ Более того, вероятно, клеры продолжают и к югу от большой квадратной структуры, хотя здесь, в силу особенностей рельефа, они принимают несколько искривленные очертания.

нятого плато, которое совпадало с длинными осями простирания этих озер и общим уклоном местности в сторону моря.

Границей ортогональной системы «клеров» вокруг Михайловки на западе служил Узунларский вал – одновременно искусственная и естественная (высоты холмов) преграда. Границей же собственно хоры Нимфея на западе, юго-западе, вероятно, являлась балка Глубокая, соединяющаяся с системой балок, объединенных названием «урочище Плавни» (Ичкил-Джилга), которые в свою очередь «впадали» в Тобечикское озеро. Почвы в данном районе различные, в том числе местами – и одни из самых плодородных черноземов на полуострове (Драган 2004: 55, 165).

На севере и северо-востоке границей хоры Нимфея, скорее всего, был берег Чурбашского озера. На северо-западе, судя по площади, занимаемой ортогональной системой «клеров», ею служила южная высокая кромка долины-впадины, в которой далее к северу находится пос. Андреевка Южная. Вдоль по этой границе в древности, вероятно, проходил участок дороги, который маркируется цепочкой не менее чем из 11 курганов. Данная дорога, прослеживаемая и далее к западу по непрерывному ряду курганов, пересекала весь Керченский полуостров от мыса Ак-Бурун до современного Старого Крыма, следуя, таким образом, вдоль Парпачского гребня (рис. 1).

Важные данные о системе «клеров» дают результаты археологических разведок и раскопок. Прежде всего, это работы Б. Г. Петерса к северу от Михайловки, которые, вероятно, позволяют констатировать, что нарезка земельных наделов была произведена одновременно, по единому плану, и почти синхронно с насыпкой курганов, которые датированы концом IV–III в. до н. э. (Петерс 1978: 122). В ряде монографий (Кругликова 1975; Scholl, Zin'ko 1999; Зинько 2003) имеется информация об открытых населенных пунктах на хоре Нимфея с указанием их точного расположения. Те из них, которые возникают или продолжают существовать в IV–III вв. до н. э., нанесены на карту с реконструкцией системы «клеров» (рис. 5). На ней отчетливо видно, что многие из поселений (№ 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 34, 35, 36, 97, 98, 99, 100, номера даны по – Зинько 2003: 160) примыкают к границам предполагаемых клеров и, вполне возможно, являлись построенными на них усадьбами или «конгломератами» усадеб. Особенно интересные данные приводятся Т. Шоллем и В. Н. Зинько относительно пос. Огоньки – 4 (пункт 27 на рис. 5), где направление стен усадьбы и ограды участка совпадает с направлением осей системы «клеров». Поселения IV–III вв. до н. э. тянутся непрерывно и к северо-западу от Михайловки (рис. 5). Не исключено, что их может быть больше, чем было указано в монографии И. Т. Кругликовой (Кругликова 1975: 263), эти территории, по нашему мнению, требуют дополнительного обследования.

Если пространственная связь между усадьбами и клерами будет доказана в ходе дальнейших исследований, то материал с усадеб можно будет исполь-

зовать для датировки данной системы землепользования. Но уже сейчас можно предположить датировку в пределах IV в. до н. э., так как именно к этому времени относится бурный рост числа поселений на рассматриваемой территории. Действительно, в V в. до н. э. поселения на хоре Нимфея располагались главным образом по берегам озер и моря (пункты 1–12 на рис. 5), а в III–I вв. до н. э. продолжают функционировать лишь единичные пункты 1, 6, 9 и 21.

Дальнейшая реконструкция клеров Нимфея будет направлена на выявление деталей этой планировки, поиск границ каждого из участков и, конечно, определение пределов, на которые она распространялась. Не исключено, что в ходе последующих исследований будут найдены новые усадьбы, расположенные на каждом отдельном клере, ограды клеров, дороги и другие объекты.

Третья ортогональная система размежевания земель была открыта при просмотре аэрофотоснимков района Темир-горы. Она представляет собой абсолютно прямые параллельные и перпендикулярные им линии, как будто бы парящие над весьма неровной поверхностью земли. Лучше всего эти линии видны на северном, поросшем кустарником склоне хребта, на котором расположена неизвестная Темир-гора (рис. 6). Тому, что именно здесь сохранились чрезвычайно четкие следы не только основных границ участков, но и их внутреннего деления, мы обязаны исключением этих земель из современного севооборота. Только в недавнее время в западной части этого урочища были устроены салово-дачные кооперативы, но на снимках 1972 г. они еще отсутствуют.

На севере границы «клеров» и линии их внутреннего деления четко видны на аэрофотоснимках до моря на территории к северо-западу от Темир-горы вплоть до мыса Тархан; на западе – до территорий к северо-западу от пос. Войково, то есть эта система пересекает Тиритакский вал, как бы «не замечая» его. Следовательно, система размежевания полей древнее вала.

По результатам аэрофотосъемки удается определить прямые признаки клеров в этом районе: направление осей 9–10° к западу от северного направления (об особенностях этого направления, совпадающего с направлением клеров под Феодосией, см. выше). Ориентировка межевой системы подчинялась необходимости наиболее легкой транспортировки урожая в Пантиканей, то есть преимущественно на юг.

Расстояние между границами клеров в меридиональном направлении – 370 м, в широтном – 355 м. Снова, как и в предшествовавших примерах, мы видим, что площадь одного участка равнялась примерно 100 плетрам.

По крупномасштабным картам и космическим снимкам были выделены все линейные элементы, удивляющие прямым признакам клеров, они наносились на сводную компьютерную карту (рис. 7). В результате было определено, что система размежевания простирается на территорию почти всей северо-западной оконечности Керченского полуострова. На севере и юге ее естественными границами

Рис. 6. Аэрофотоснимки на территорию к северу от дер. Глазовка.

Fig. 6. Aerial photographs of the territory north of v. Glazovka.

фактически являются берега моря, на западе – линия, идущая на север от восточной окраины пос. Войково, на востоке – склоны морского берега от мыса Фонарь до пос. Осовины. Площадь межевания, таким образом, составляет не менее 10 тыс. га, а количество клеров – около 800. Почвенный покров представлен здесь довольно плодородными черноземами и темно-каштановыми почвами (Драган 2004: 55, 165).

Разведками В. В. Веселова и И. Т. Кругликовой здесь было выявлено довольно большое количество поселений, датируемых IV–III вв. до н. э. Они нанесены на сводную карту, из которой можно заключить, что поселения, возможно, примыкали к границам клеров¹¹ (рис. 7). Не исключено, что часть этих пунктов являлась усадьбами на участках, и тогда, вероятно, можно считать, что последние также возникли в IV в. до н. э. Немногие из этих поселений продолжают существовать и в первых веках нашей эры. Здесь так же, как и на хоре Нимфея, налицо явное изменение в III в. до н. э. масштабов использования земель и характера сельскохозяйственного производства: от товарного к более узкому, направленному на удовлетворение потребностей внутреннего (локального) рынка. Одним из возможных объяснений произошедших резких перемен может быть нарушение природного равновесия в регионе. Действительно, в IV–III вв. до н. э. в результате размежевания огромные, прежде целинные территории Керченского полуост-

рова оказались распаханными, а деревья и кустарники вырубленными. Кроме того, если в VI–IV вв. до н. э. здесь господствовал достаточно влажный климат, то затем, в III в. до н. э., он сменился сухим и жарким. Вполне вероятно, что сочетание климатической перемены и фактора незадернованности больших площадей привело к возникновению экологических проблем или даже катастрофе, если иметь в виду очень высокую вероятность засух, пыльных бурь и нарушения плодородного почвенного покрова на пашне.

Центральная часть последней из рассматриваемых территорий представляет собой довольно плоскую равнину, но здесь же находятся знаменитый курган Темир-гора и гора Хрони, проходит глубокая и разветвленная Булганакская балка. Иными словами, встает вопрос, как и зачем проводилось межевание в условиях столь пересеченного рельефа, впрочем, равно как и на других, не менее сложных в этом отношении территориях? Теоретически, как известно, склоны холмов являются лучшими участками для устроения на них виноградников. Поэтому, возможно, данные территории входили в особо ценимый земельный фонд и, соответственно, подвергались тщательным землеустроительным работам (Винокуров 1999: 85). Только верхние, скалистые края были исключены из хозяйственного использования.

Интересно, что многие современные дороги и межи к северу от дер. Глазовки, то есть в непосред-

¹¹ Это предположение требует самых тщательных проверок разведками и раскопками.

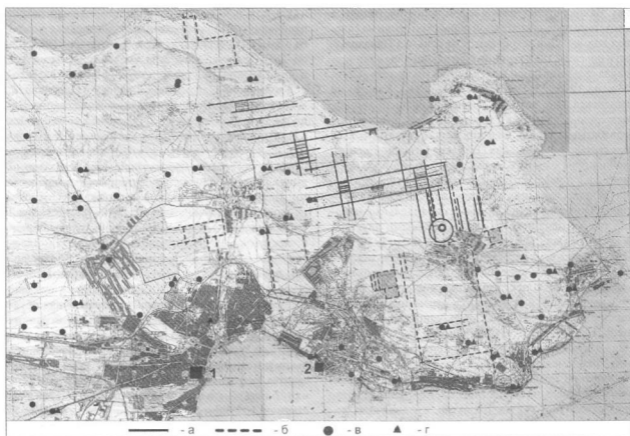

Рис. 7. Северо-восточная часть Керченского полуострова. Реконструкция ортогональной системы размежевания земель: 1 – Пантикапей, 2 – Мирмекий.

Условные обозначения: а – структуры, видимые на аэрофотоснимках; б – структуры, видимые на картах масштабов 1:25000 и 1:10000; в – поселения эллинистического времени; г – поселения I–III вв. н. э. (Кругликова 1975).

Fig. 7. North-eastern part of Kerch Peninsula. Reconstruction of the orthogonal system of land-division: 1 – Panticapaeum, 2 – Myrmecium. Notations: a – the structures discernible on air photographs; б – the structures discernible on the maps at a scale of 1:25000 & 1:10000; в – settlements of the Hellenistic period; г – settlements of the 1st–3rd century AD (Кругликова 1975).

ственной близости от южного склона Темир-горы, совпадают по направлению с направлением осей клеров, а расстояние между некоторыми современными границами полей кратны размерам клера. Обе эти величины точно соответствуют таковым, измеренным на северном склоне Темир-горы.

Учитывая пространственное расположение данной системы клеров, мы должны, вероятно, отнести их либо к самому Пантикапею, либо к Мирмекию. Однако достаточно грандиозная территория, занятая размежеванием, и такие черты, которые характеризуют ее как важнейшее государственное мероприятие, заставляют нас считать размежеванную территорию частью столичных владений, а не «малого» города Мирмекия, который, возможно, входил в пантикапейский полис.

Примечательно, что данная территория, занятая клерами, соприкасается с восточной границей выявленной нами так называемой «царской хоры», которая, вероятно, занимает обширную часть Азовского побережья от поселения в средней части бухты Ри-

фов и северной оконечностью так называемого «третьего Тиритакского вала» (Масленников 2003: 172–173) на востоке до села Золотое на западе, ограниченную с юга примерно по широте вышеуказанного села. Рассмотрению вопроса о «царской хоре» посвящено отдельное исследование,¹² здесь укажем лишь, что аграрным признаком этой особой территории является отсутствие на ней следов ортогонального размежевания на клеры, а вместо него – разделение плодородных пологих склонов и сухих ровных площадей полосами так называемых «длинных» полей. В целом указанный район представляет собой замкнутую геоморфологическую область. Он относится к антиклинальной системе Чегене–Еникале. Рельеф местности представлен здесь системой наклонных террас, приобретающих характер гряд или гребней. Один склон такого гребня является почти всегда более крутым, а именно тот, который совпадает с обрезом пласта или толщи, другой – более пологим (Андрусов 1893: 277). Очевидно, что древние пахотные поля располагались на более пологих скло-

¹² См. статью Т. Н. Смекаловой, А. А. Масленникова и С. Л. Смекалова в Сугдейском сборнике 2005 г. (Смекалова, Масленников, Смекалов: в печати).

вах. Валики представляют собой, вероятно, типичное следствие продолжительной обработки земли на склонах холмов. Они встречаются не только в Приазовье, но и повсюду, где в течение длительного времени земледелие развивалось в холмистой местности (Crew, Musson 1996: 23; Bradford 1956: pl. IX). Как это ни парадоксально, земляные вали на склонах холмов, безусловно, являются следствием того, что человек обрабатывал землю, но о них нельзя сказать, что это плоды рук человеческих. Непосредственной причиной их образования был смыл эродированного верхнего слоя почвы, который постепенно откладывался на границах соседних участков, а также участка и целины. Они обрамляли длинные параллельные полосы, где вспашка некогда велась тяжелыми плугами, в которые были впряжены быки (Дойель 1979: 33). Эти валики могут рассказать о степени развития земледелия и даже о способах вспашки. По-видимому, «длинные» поля, простирающиеся иногда на значительные расстояния, являются отражением не имущественных поземельных отношений, а специфики непосредственного хозяйственного использования данных участков. Можно предположить, что владелец этих земель был один, скорее всего, верховный боспорский правитель, а обрабатывали «длинные» поля земледельцы из местных племен, селища которых находились тут же. Вероятно, жители таких деревень составляли общины. Здесь же, поблизости, находились и могильники местного населения в виде каменных заглубленных ящиков, над которыми насыпались невысокие курганы.

И, наконец, четвертая ортогональная система, по нашему мнению, охватила земли непосредственно к западу от Пантикапей (см. рис. 1, IV). Вся долина между двумя холмистыми грядками, на одной из которых находится г. Митридат, а на другой – знаменитый курган Кара-Оба, носит следы размежевания в виде границ современных полей, имеющих наклон примерно 5° к востоку от современного направления на север и соответствующего перпендикулярного направления. Ориентировка участков была обусловлена, на наш взгляд, направлением основной дороги в Пантикапей, являющейся продолжением Парпачского тракта. Здесь и на современной карте масштаба 1:25000 прослеживаются две параллельные дороги, идущие по соседним склонам холмов, соответственно их протяженности и границам. Именно это направление и было, вероятно, выбрано в качестве основного направления размежевания.

Южным пограничьем данной, разделенной на участки территории являлась цепочка курганов, маркирующая дорогу, ведущую в Нимфей, которая, как писалось выше, является северным пределом дальней хоры Нимфея. Пограничным населенным пунктом было поселение Андреевка Южная, на котором

в IV в. до н. э. на месте более раннего поселения строится монументальная сельскохозяйственная усадьба с каменной оградой участка (Кругликова 1975: 48, 86–88). Ориентировка стен усадебного комплекса и ограды полностью соответствует направлению склонов холмов и предполагаемой дороги в Пантикапей, и, соответственно, ориентировке осей размежевания. Непосредственные следы древних межей сохранились в северной части территории, где к северу от г. Туркмен по аэрофотоснимкам можно различить прямые параллельные линии, простирающиеся под указанным углом, пересекающиеся перпендикулярными полосами. На севере размежевание продолжалось, вероятно, до Чокрак-Бабчинской котловины и Караларской антиклинали, то есть до территорий, которые предположительно являлись «царским домом». Здесь границы современных полей и проселочных дорог, прослеживаемых на картах масштаба 1:25000 (1954 г. съемки) и 1:42000 (конца XIX в), все еще подчиняются господствующему направлению, обусловленному древним размежеванием. На западе граница данной территории пока не ясна, она может доходить вплоть до Узунларского вала, по крайней мере ее следы имеются к югу от Чистополя. Тогда территория, занятая клерами, равна не менее чем 20 км × 8 км или 16 тыс. га, что соответствует примерно 1300 участкам по 100 плетров.

Если все вышеизложенное верно, то проведенные античными землемерами работы носили столь тщательный, выверенный и грандиозный характер, а направление осей участков было выбрано настолько точно, соответственно основным коммуникационным нуждам населения и рельефу местности, что превзойти их впоследствии не удалось. Да это, вероятно, и не требовалось, так как ничто не препятствовало обработке полей в их прежних границах сначала земледельцами средневековья¹³ (таковых, впрочем, было немного, а пастбища скотоводов не разрушали границ полей), а затем и новейшего времени. Основные античные дороги, идущие вдоль оград земельных участков, были проложены настолько продуманно, что до сих пор продолжают активно эксплуатироваться.¹⁴ Что же касается способов прокладки границ полей, которые одновременно являлись и сетью дорог, то следует отметить поразительную точность и параллельность проведенных прямых «широтных» линий и строгую ортогональность по отношению к «меридиональным» границам участков. Это свидетельствует о том, что вся кампания по разделу земель была серьезным государственным и чисто греческим (античным) мероприятием. Продуманная в деталях, она проводилась знающими и опытными специалистами своего дела, обладавшими высокой землемерной культурой, помощниками, сахарями и быками для пропашки межей, много-

¹³ Действительно, на большинстве из перечисленных усадеб на хоре Нимфея встречены фрагменты салтово-маяцкой керамики VIII–IX вв. н. э., кроме того, известны и другие средневековые поселения в непосредственной близости от клеров.

¹⁴ Начало одной из этих дорог, реконструируемой нами и предположительно идущей по северному берегу Чурбашского озера, затем через Южно-Чурбашское поселение и далее вдоль границ клеров, показано в монографии В. Н. Зинько (Зинько 2003: 43, рис. 19).

численными работниками и т. д.¹⁸ Без такого кардинального изменения хозяйствования невозможно было и говорить о производстве того огромного количества хлеба, которое вывозилось с Боспора в IV в. до н. э.

Необходимо отметить, что столь долгая «жизнь» античной системы размежевания земель — это не исключительный, а скорее нормальный факт. Нечто подобное наблюдается и в Греции, в Аттике, недалеко от Афин, и в Этрурии, где глобальные изменения ландшафта начались только после 20-х гг. прошедшего века. С несколько более позднего времени можно говорить и о крупномасштабном товарном производстве зерна на Керченском полуострове. Но новые поля нередко были разбиты в старых границах, опираясь на сеть старых дорог там, где те и другие сохранились.

При сравнении всех трех рассмотренных ортогональных систем первое, что бросается в глаза, — абсолютное равенство площадей отдельных участков в разных частях полуострова. Это говорит по крайней мере о том, что на Боспоре существовала единая система мер и обмера земельных участков. Возможно, в различных полисных центрах (а их, таким образом, выделяется всего четыре-пять: Пантикапей, Феодосия, Нимфей и, может быть, Тиритака и Китей) ко времени размежевания права граждан на землю были одинаковыми. По греческим понятиям это были средние по величине наделы. Примечательно, что на азиатском берегу Боспора, возле Патрея, зафиксирована обширная «внешняя» межевая система, расстояние между основными линиями которой составляет также примерно 340 м, что соответствует 1000 футам (Гарбузов, Лисецкий, Галеусов 2004: 114). Вместе с тем такое единообразие не может не настораживать, требуя объяснения.

Пока у нас нет твердых оснований для определения точного времени появления ортогональных систем землераспределения. Можно лишь очень осторожно предположить, что это — IV в. до н. э., о чем свидетельствуют практически весь археологический материал с возможных усадеб на клерах, а также результаты раскопок у Михайловки.

Если бы существовала уверенность в том, что в первом случае мы действительно имеем дело с дальнейшей хорой Феодосии, можно было бы допустить, что это размежевание случилось после присоединения

города к Боспорскому царству. Вместе с тем единообразие проведенного размежевания определенно свидетельствует о едином замысле, воле и общегосударственной организации. Думается, это произошло уже при Левконе I (или его ближайших преемниках), известном как своими территориальными приобретениями, так и широким масштабом заморской хлебной торговли. В таком случае становятся отчетливо объяснимы поля вдалеке от основных городских центров, их общая планировка и площадь. Но тут же неминуемо встают новые вопросы. И среди них — основные: характер отношений собственности и источники рабочей силы. Для их решения необходимо вернуться к более детальному изучению соотношения поселенческих (и соответствующих погребальных) и землеустроительных структур на данной территории. Примечательно, что множество варварских селищ-деревень с соседними (им принадлежащими?) курганными могилишками IV—III вв. до н. э. концентрируется вне основных районов «размежевания» (см. рис. 1 и карту, приведенную в монографии А. А. Масленикова — Маслеников 1998: 77 — распределения наиболее изученных селищ IV—III вв. до н. э. на Керченском полуострове).

Как известно, во время правления сына Сатира I, Левкона I (389/8–349/8 гг. до н. э.), Боспор превратился в могущественную державу, включающую в себя города, расположенные по обеим сторонам Боспора Киммерийского.¹⁹ Правители Боспора, Спартокиды, считались собственниками всей земли и сами были крупнейшими землевладельцами. Из свидетельства Демосфена следует, что весь хлеб, отвозившийся в Аттику с Боспора, шел от имени его правителей. При Левконе I ежегодный вывоз составлял 400 000 медимнов, или 16 800 тонн зерна (Demosth., adv. Lept. 31, 33). По расчетам В. Д. Блаватского, для производства такого количества зерна потребовалась бы территория около 5000 кв. км, что равно основной территории Боспорского государства после земельных приобретений при Левконе I (Блаватский 1953: 179–180). Далее, мы располагаем важным сообщением Страбона о случае единичного вывоза Левконом I из Феодосии 2 100 000 медимнов или 88 200 тонн хлеба (Strab., VII, 4, 6). Вполне возможно, что часть этого огромного количества зерна была закуплена

¹⁸ Не исключено, что землемеры могли использовать устройство наподобие современного компаса при прокладке границ участков. На эту мысль нас натолкнуло совпадение ориентировки размежевания в южной части полуострова и у Темир-горы с направлением на магнитный северный полюс для эллинистической эпохи (отклонение от современного магнитного сдвига: примерно 6–8° к западу — Загний, Рузавков 1982: 76).

¹⁹ Можно дополнить сведения, которые приводит В. Д. Блаватский о бюджете столь решительных действий, проводившихся Левконом I (Блаватский 1953: 201–204). Завоевательские войны и освоение новых земель (в том числе, вероятно, и их размежевание) требовали больших денежных затрат, которые, в основном, пополнились за счет международной торговли зерном, но в условиях исключительно импортных поставок драгоценных металлов на Боспор пришлось изыскивать и другие источники дополнительных средств. Так, известно образование сильного территориального государства в Боспоре в результате введения в денежное обращение Боспора первых монет условной стоимости: после полутора века чеканки одного лишь серебра появляются параллельные выпуски серебра и меди, а затем и золота. Этот характер чеканки сохранился на Боспоре вплоть до конца II в. до н. э. Примечательно, что имеется литературное свидетельство о выпуске первых монет условной стоимости. Так, по сообщению Полиена (Polyaen. Strat., VI, 9, 1), боспорский царь Левкон вынужден был издать старую монету, объявив ее недействительной, и пересчитать ее новыми штемпелями, удвоив номинальную стоимость новых монет. Половина денежных средств была возвращена их владельцам, а половину предприимчивый царь оставил у себя. Исследователи считают, что монеты Левкона I, фигурирующие в этом сообщении, — это последняя серия боспорского серебра до начала чеканки золота (Болларк, Завойкин 2000: 79), а именно: монеты с изображением головы сатира / льва и головы сатира / протомы льва (Лозгаф 1951: табл. XL, 1, 2). Подобную операцию царь Левкон I мог проводить с монетами, которые служили для расчетов только внутри государства. На международном рынке необходимо было расплачиваться полноценными монетами, а подчас чеканить для этого золотые слитки.

Рис. 8. Керченский полуостров. Карта распространения курганов, выявленных по карте масштаба 1:25000.

Fig. 8. Kerch Peninsula. Map of the distribution of kurgans revealed on the map at a scale of 1:25000.

боспорским царем у местных земледельческих племен, не входивших в Боспорское государство, обитавших к северо-западу от Феодосии. Поселения оседлых земледельцев эллинистического времени открыты здесь С. Г. Колтуховым и А. В. Гавриловым (Колтухов 2004; Гаврилов 2004б). Такие закупки могли стать возможными для Боспора, вероятно, только после захвата Феодосии.

В качестве верховного собственника правитель Боспорского государства мог распоряжаться землей по своему усмотрению, и одновременно крупномасштабное размежевание земель – пример такой операции.

Естественно, что клеры граждан нуждались в надежной защите не только от военной угрозы, но и от порчи, причиненной выпасом скота кочевников-соседей и пр. Поэтому они должны были быть защищены валами и рвами от остальной территории Таврики, на которой обитали местные племена. Как мы видим, клеры *Нимфея* и *Пантикаея* находились под защитой Узунарского вала (карта на рис. 1). Нельзя ли предположить, что клеры Феодосии были «прикрыты» со стороны степи поперечным, так называемым *Парпачским валом*, явные следы которого видны еще академик П. С. Паллас (см., например, подробный разбор его свидетельств в работе – Масленников 2003: 10–14) и зафиксировал А. В. Гаврилов около бывшего селения *Шибан* и у современного с. *Ячменное* (Гаврилов 2004а: 42–43)?

Существенно новые данные для прояснения этого вопроса были получены при изучении детальных карт: «верстовки» съемки 1896 г. и карты масштаба 1:25000 съемки 1955–1965 гг. На них были выделены все отмеченные курганы и нанесены на общую компьютерную карту (см. рис. 8).¹⁷ Было замечено, что на «верстовках» присутствует гораздо большее число курганов за счет того, что на эту карту наносились все, даже подчас очень маленькие возвышенности. Отметки высот на этих курганах в большинстве случаев отсутствуют. На карте масштаба 1:25000 нанесены только более или менее заметные курганы, высота которых превышает 1 м, и только в отдельных случаях 0,5 м. На этой карте помечены высоты курганов. На сводной карте курганы, выявленные по «верстовке» и по карте масштаба 1:25000, обозначены в виде черных кружков (рис. 8).

Выявленных таким способом курганов более 3000, но их более или менее равномерное расположение в западной, степной части Крыма, примыкающей к Сивашу, полностью нарушается, как только мы пересекаем границу, за которой находится Керченский полуостров, и эта резкая граница – первое, что бросается в глаза при изучении сводной карты.

На ней наиболее выделяется протяженная цепочка очень часто следующих курганов или локальных возвышенностей, которая тянется от северо-восточной окраины г. Старый Крым вдоль реки Чурук-Су, затем у с. Новопокровка резко поворачивает на восток и идет

идоль Парпачского гребня вплоть до Узунарского вала. Впоследствии эта линия раздваивается, и одна ее часть идет к Нимфею, другая – к мысу Ак-Бурун.

Начнем более детальное рассмотрение этой линии с западной ее части. Здесь цепочка курганов идет по восточному берегу р. Чурук-Су и в южной половине практически точно соответствует расположению «вала, сделанного скифскими рабами» К. Габзиша, отмеченного на «Карте Полуострова Таврического и Около лежащих мест Сочиненной по известиям Греческих писателей Древних и Средних времен», 1803 г. (рис. 9) (Габзиш 1803).

Далее, как уже указывалось, линия поворачивает на восток у с. Новопокровка. Здесь располагалось несколько селищ V–III вв. до н. э., местоположение которых на пути пересечения дорог из Пантикаея и Феодосии к Перекопу было, вероятно, весьма выгодным (Гаврилов 2004а: 164).

Затем цепочка курганов или возвышенностей идет по вершине Парпачского гребня, проходящего по середине полуострова в широтном направлении, деля его на две почти равные части. Парпачский гребень начинается у Владиславовки. Здесь небольшой уступ почвы, к востоку становящийся все более и более выветренным, постепенно превращается в гребень. Своим существованием он обязан присутствию пласта чокракского известняка, залегающего между более рыхлыми породами (Андрусов 1885: 70). Парпачский гребень от горы Угловой, которая находится на линии Узунарского вала, поворачивает сначала к востоку-юго-востоку, а затем к югу и доходит до Узунарского озера. По вершине хребта здесь проходит южная часть самого известного боспорского вала – Узунарского. Геологическое строение этой протяженной структуры (выход пласта чокракского известняка) исключает возможность существования естественных холмообразных поднятий, столь характерных для мшиловых известняков, которые можно было бы принять за курганы. Поэтому, вероятно, все холмообразные насыпи, зафиксированные на картах, идущие по Парпачскому гребню, скорее всего, искусственно-го происхождения.

В 1793–1794 гг. академик П. С. Паллас путешествовал в этих местах и оставил подробное и ценное описание «линии развалин, образующих ряд небольших возвышенностей». Вблизи дер. Шибан (совр. Фронтонье) груды камней, которые видел П. С. Паллас, по его утверждению, лежали в 180 шагах друг от друга. На аэрофотоснимках 1972 г. и на карте масштаба 1:25000 в северо-восточной части отчетливо виден гребень Парпачского хребта и к юго-западу от него – прямая, как стрела, узкая возвышенность (вал?), на которой виден целый ряд всхолмлений. Их на отрезке примерно в 2–2,5 км насчитывается не менее 11 (рис. 10, 11). Возможно, это те самые остатки стены и руины башен, которые видел П. С. Паллас, по крайней мере расстояние между предполагаемыми «башнями» близко к отмеченному путешественником.

¹⁷ Под термином «курганы» понимаются небольшие, круглые в плане возвышенности предположительно искусственного происхождения, отмеченные на картах специальными условными знаками.

Рис. 9. Участок «Карты Полуострова Таврического и Около лежащих мест Сочиненной по известиям Греческих писателей Древних и Средних вѣровъ». К. Габлица 1803 г.

Fig. 9. Detail from Hablitz's «Map of the Tauric Peninsula and Nearby Places Composed on the Basis of the Evidence of Greek Writers of the Ancient and Middle Periods», 1803.

После с. Фронтное цепочка курганов продолжается и далее к востоку. Особенно часты возвышенности на участке от совр. с. Батальное до с. Кирово (см. рис. 8). Здесь есть несколько действительно грандиозных курганов. В дальнейшем при приближении к Узунарскому валу цепочка раздваивается, и от северной части идет ответвления на Нимфею и Ак-Буруну. Большое скопление курганов имеется также к северу от Мирмекия и у Порфмия. Все эти три местонахождения, вероятно, свидетельствуют о местах переправы через пролив на азиатскую сторону. Разные переправы могли действовать при различных климатических или иных обстоятельствах.

Наиболее четко прослеживается цепочка курганов, идущих к мысу Ак-Бурун. Вероятно, именно здесь проходила наиболее интенсивная переправа через пролив. Цепь курганов продолжается и на азиатском берегу напротив Ак-Буруна. На лощи пролива, составленной капитан-лейтенантом Е. Манганари в 1836 г., очень хорошо видно, что кратчайший отрезок между мелководными частями, пересекающий более или менее значительные глубины в проливе, – это отрезок от мыса Ак-Бурун до Южной косы (совр. коса Тузла) (рис. 12). Эта часть пролива в течение времени изменяла свои очертания, и коса то становилась островом, то вновь соединялась с азиатским берегом (Федосеев 1999: 77). Во всяком случае, именно здесь глубинный фарватер настолько узок, что, вероятно, преодолеть его в зимнее время в этой точке не составляло труда. Другое «узкое» место находится напротив Порфмия. Как вид-

но из карт глубин, от суши к югу отходит какой-то подводный выступ навстречу другой мели, окружающей Северную Таманскую косу (совр. коса Чушка). Вероятно, малые глубины и слабая соленость воды, за счет стока р. Кубань в этой части пролива, способствовали его замерзанию, и здесь также была переправа на другой берег. И, наконец, район Нимфея, как показывает идущая в этом направлении цепочка курганов, возможно, также служил для переправ, хотя расстояние до мелководья и суши здесь больше, чем в двух предыдущих случаях, но и течение, имеющее направление с севера на юг, вероятно, слабее, что способствовало установлению здесь прочных льдов.

Что же представляла собой описанная линейная цепочка курганов, протянувшаяся от Старого Крыма до Узунарского вала и затем далее, до Керченского пролива и Тамани? Не может ли она маркировать древний оборонительный рубеж, вдоль которого следовала дорога, ведущая из центрального Крыма до переправ через пролив?

То, что здесь проходила дорога, бесспорно, так как в настоящее время считается уже установленным, что цепочки курганов располагались вдоль древних дорог. Именно для курганов на Юз-Обе, а также и для других курганных групп недалеко от Пантикапея, сделано интересное наблюдение, что они насыпались иногда в шахматном порядке, то есть таким образом, чтобы каждый был виден в промежутках между другими (Цветаева 1957: 229). Курганы могли служить отличными ориентирами для путников. Они, вероят-

Рис. 10. Аэрофотоснимок территории между развалинами дер. Шибан и оз. Ачи. Стрелками показаны всхолмления на валу.
Fig. 10. Aerial photograph of the territory between the ruins of v. Shibani and Lake Achi. The arrows designate elevations on the rampart.

но, также отмечали и пограничные рубежи. Возможно, что выявленная линия курганов соответствует южной границе путей миграции кочевых племен из центрального Крыма к переправам через Босфор Киммерийский. Действительно, на северной половине Акмонайского перешейка находится гораздо большее число курганов, чем в южной и юго-восточной частях полуострова. Северная часть перешейка представляет собой пологую равнину, удобную для перемещений больших масс населения с повозками и стадами, и, возможно, именно здесь проходили основные древние пути, ведущие со стороны Керченского пролива к Перекопу, в том числе происходило передвижение кочевых народов в разные периоды истории, полностью препятствовать которому, перегородив перешеек, вероятно, было невозможно. По крайней мере, именно с этой стороны ожидали нападения предполагаемого противника строители вала на Парпачском хребте (Гаврилов 2004а: 44–45).

Система валов на западных границах Боспора должна была ограждать его владения, а также обезопасить от нападений хору Феодосии (Гаврилов 2004а: 45). Как мы видели, обширная сельскохозяйственная территория города, в том числе и та, на которой имеются следы ортогонального размежевания, располагалась в южной части полуострова. Поэтому вполне вероятно, что для охраны территории необходим был именно «широтный» вал. Его длина, если считать от Узунларского вала до с. Новопокровка, составляет около 68 км, что довольно близко к указанной Страбонам длине стены Асандра (360 стадий, или 64 км), которую тот построил «на перешейке Херсонеса, поблизости от Меотиды» (Strab., VII, 4, 6).

Действительно, древний географ не указывает, что он перегородил перешеек поперек. Дальнейшие обследования, в том числе с помощью дистанционных и геофизических методов, на сохранившихся участках этой линии, безусловно, имеющие важное значение для истории Боспора, возможно, прояснят многие из поставленных вопросов.

Изучение расположения курганов на Керченском полуострове является очень перспективной исследовательской темой и станет предметом отдельной статьи, которую авторы готовят к печати. Сейчас сделаем лишь несколько небольших замечаний по поводу расположения курганов в других частях полуострова. Прежде всего, в его северо-восточной части цепочка курганов указывает, вероятно, на существование дороги от северного берега Керченского залива недалеко от Мирмекия на север, к мысу Тархан. Направление этой линии соответствует направлению системы размежевания на данной территории (см. рис. 7 и 8).

На территории так называемой «сарской хоры», находящейся на побережье Азовского моря от современного с. Золотое до мыса Тархан, фиксируются только самые мелкие курганы, которые, вероятно, соответствуют захоронениям местного населения, занимавшего и обрабатывавшего эти земли. Здесь практически нет крупных кочевнических курганов.

Прямолинейная цепочка курганов располагается, вероятно, вдоль северной границы дальней хоры Нимфея (см. рис. 5 и 7). Возможно, здесь проходила дорога к мысу Ак-Бурун.

Итак, можно предположить, что обнаруженные клеры Пантикапея, Нимфея и Феодосии относятся к эпохе расцвета Боспорского царства, к IV в. до н. э.

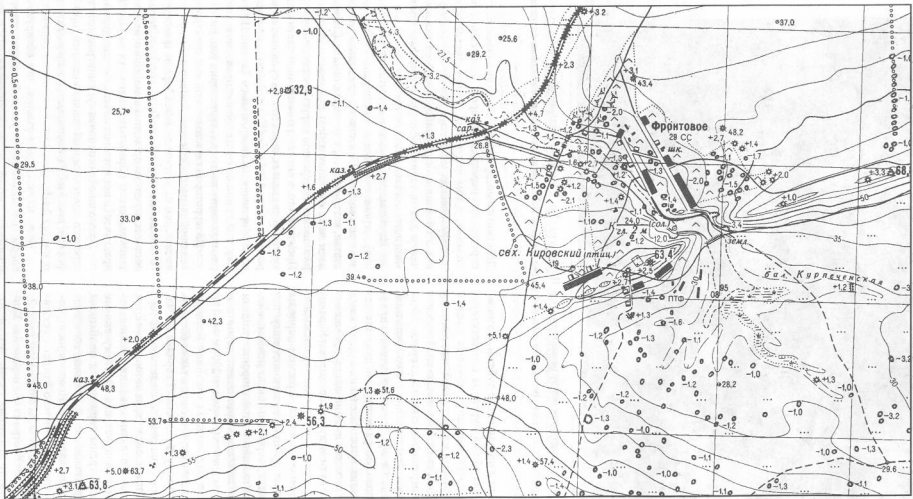

Рис. 11. Участок карты масштаба 1:25000 на территорию между развалинами дер. Шибан и оз. Ачи. Отчетливо видны обозначенные на карте курганы или возвышенности.

Fig. 11. Detail of the 1:25000 map of the territory between the ruins of v. Shiban and Lake Achi. The kurgans and elevations marked on the map are seen distinctly.

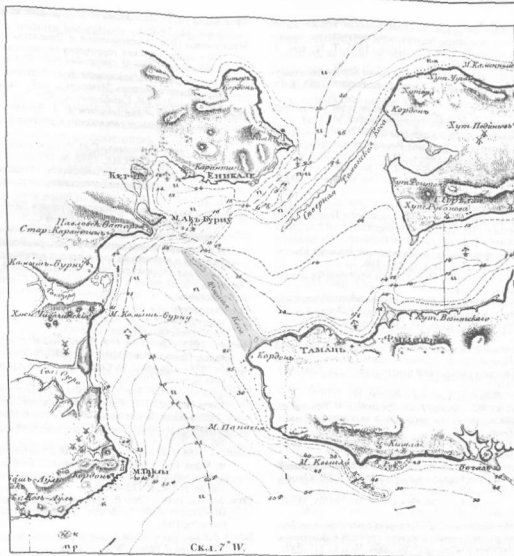

Рис. 12. Участок «Карты Северного берега Черного моря от мыса Херсонеса до Тамани», составленной капитан-лейтенантом Манганари. 1836 г.

Fig. 12. Detail of the «Map of the Northern Coast of the Black Sea from Cape Khersones up to the Taman Peninsula» drawn by captain-lieutenant Manganari, 1836.

Размежевание, вероятно, проводилось Левконом I, и было проведено более или менее одновременно по всем трем указанным территориям, а также и в других частях Боспора. Помимо земель, принадлежащих городам, была еще хора Боспорского государства в целом, собственниками которой были боспорские цари. К «царскому домену», вероятно, следует отнести значительную часть земель, примыкающую к побережью Азовского моря от с. Золотого до мыса Тархан. Здесь нет клеров, но есть следы так называемых «длинных» пахотных полей.

Процесс реконструкции систем клеров городов Боспора нельзя считать завершенным. К исследованию будут подключены новые данные космической и аэрофотосъемки из архивов научно-исследовательских отечественных и зарубежных институтов. Кроме этого, будут продолжаться наземные разведки, в том числе и с применением магнитной съемки для идентификации остатков клеров и принадлежащих им

усадеб. С помощью описанного комплексного метода исследования мы надеемся увидеть и реконструировать земельные кадастры, по возможности, для всей боспорской территории.

Список использованных карт.

- «Карта Полуострова Таврического и Около лежащих мест Социальная по известиям Греческих писателей Древних и Средних времен» К. Габлица, 1803 г.
- Карта Северного берега Черного моря от мыса Херсонеса до Тамани, составленная капитан-лейтенантом Манганари. 1836 г.
- Военно-топографическая карта 1862 г. масштаб в 1 дюйме 3 версты («трехверстка»).
- Карта масштаба 1:42000 («верстовка») съемки 1896 г.
- Карта масштаба 1:25000: составлена по материалу реконсировки 1955 г., ряд листов исправлен по аэрофотосъемке и обследованию на местности в 1982 г.
- Карта масштаба 1:100000 съемки 1955–1965 гг., исправлено по карте 1:50000, обновленной в 1988 г. Состояние местности на 1986 г.

- Андрусов 1885 – *Андрусов Н.* Геологические исследования в западной половине Керченского полуострова, произведенные летом 1884 г. // ЗНОЕ. 1885. Т. 11, вып. 2. С. 69–116.
- Андрусов 1893 – *Андрусов Н.* Геотектоника Керченского полуострова // *Материалы по географии России.* 1893. Т. 16. С. 63–335.
- Блаватский 1953 – *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.
- Болдырев, Завойкин 2000 – *Болдырев С. И., Завойкин А. А.* Реформа Левкона I // *Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция.* Апрель 2000 г. ТД. М., 2000. С. 7–9.
- Буйских, Золотарев 2001 – *Буйских А. В., Золотарев М. И.* Градостроительный план Херсонеса Таврического // ВДИ. 2001. № 1. С. 111–132.
- Веселов 2005 – *Веселов В. В.* Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. // ДБ. Supplementum 2. М., 2005.
- Виноградов 1995 – *Виноградов Ю. А.* Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Киммерийского // РА. 1995. № 3. С. 152–160.
- Гаврилов 2004а – *Гаврилов А. В.* Округа античной Феоидосии. Симферополь, 2004.
- Гаврилов 2004б – *Гаврилов А. В.* Античное селение Узун-Сырт (Подкозье) в юго-восточном Крыму // У Понта Евксинского (памяти П. Н. Шульца). Симферополь, 2004. С. 199–211.
- Гарбузов, Лисецкий, Галеусов 2004 – *Гарбузов Г. П., Лисецкий Ф. Н., Галеусов П. В.* Древняя система землеустройства у пос. Гаркуша (Таманский полуостров) // ДБ. 2004. № 7. С. 100–116.
- Дойель 1979 – *Дойель Л.* Полет в прошлое. М., 1979.
- Загний, Русаков 1982 – *Загний Г. Ф., Русаков О. М.* Арховековские вариации геоморфного поля в юго-западной части СССР. Киев, 1982.
- Зинько 2003 – *Зинько В. Н.* Хора боспорского города Нимфея // БИ. Симферополь; Керь, 2003. Вып. 4.
- Зинько 2004 – *Зинько В. Н.* Поселения VI в. до н. э. европейского побережья Боспора Киммерийского // БИ. Симферополь; Керь, 2004. Вып. 5. С. 19–26.
- Зограф 1951 – *Зограф А. Н.* Античные монеты // МИА. М.: Л., 1951. № 16.
- Колтухов 2004 – *Колтухов С. Г.* Варварские поселения классического и раннеантичного времени в Восточном и Юго-Восточном Крыму // ДБ. 2004. № 7. С. 217–237.
- Коселенко, Кузнецов 1992 – *Коселенко Г. А., Кузнецов В. Д.* Греческая колонизация Боспора // *Очерки археологии и истории Боспора.* М., 1992. С. 6–28.
- Кругликова 1975 – *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
- Масленников 1998 – *Масленников А. А.* Эллинская хора на краю Ойкумена: сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998.
- Масленников 2001 – *Масленников А. А.* Сельские поселения европейского Боспора (Некоторые проблемы и итоги исследований) // БИ. Симферополь, 2001. Т. 1. С. 75–100.
- Масленников 2003 – *Масленников А. А.* Древние погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М., 2003.
- Николаенко 1985 – *Николаенко Г. М.* Размежевание полей Херсонесской хору // КСИА. 1985. № 182. С. 11–15.
- Петере 1978 – *Петере Б. Г.* Михайловское городище античного времени // *Проблемы советской археологии.* М., 1978. С. 117–127.
- Смекалова, Масленников, Смекалов, Куликов 2004 – *Смекалова Т. Н., Масленников А. А., Смекалов С. Л., Куликов А. В.* Предварительные наблюдения о системах земледелия и землепользования античного Боспора. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керь, 2004.
- Смекалова, Масленников, Смекалов (в печати) – *Смекалова Т. Н., Масленников А. А., Смекалов С. Л.* Применение ГИСТехнологий для изучения «ближней» земельной округи античных поселений на южном берегу Чокракского озера. Сулейский сборник. В печати.
- Цветаева 1957 – *Цветаева Г. А.* Курганный некрополь Паитикалея. Паитикалея // МИА. М., 1957. № 56. С. 225–250.
- Щегол 1978 – *Щегол А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.
- Barrington Atlas 2004 – *Barrington Atlas of the Greek and Roman World / Richard J. A. Talbert (Ed.) Princeton, 2004.*
- Blanc 1953 – *Blanc S.* Les traces de centuriation romaine et les origines de la cité de Valence // *Rivista di Studi Liguri.* 1953. Vol. 19. S. 35–42.
- Bradford 1956 – *Bradford J.* Fieldwork on aerial discoveries in Attica and Rhodes. Part II. Ancient field systems on Mt. Hymettos, near Athens // *The Antiquaries Journal.* 1956. Vol. 36. N 3/4. P. 172–180.
- Crew, Musson 1996 – *Crew P., Musson Ch.* Snowdonia from the air. Patterns in the landscape. Snowdonia National Park Authority, 1996.
- Scholl, Zin'ko 1999 – *Scholl T., Zin'ko V.* Archaeological map of Nymphaion (Crimea). Warsaw, 1999.
- Trousset 1977 – *Trousset P.* Nouvelles observations sur la centuriation romaine à l'est d'el Jem // *Antiquités africaines.* 1977. T. 11. P. 175–207.

SYSTEMS OF ROADS AND LAND-PLOTS OF THE EUROPEAN BOSPORUS CITIES ON THE EVIDENCE OF AERIAL PHOTOS, MAPPING AND LAND SURVEYS

T. N. SMEKALOVA, S. L. SMEKALOV

During the peak of the international grain trade in the 4th century BC, almost the entire territory of the Bosphorus state was evidently under tillage. Although we have at our disposal very scanty data of the written tradition on the land-division in the European Bosphorus, fortunately certain physical traces of that division are still preserved.

The technique of revealing orthogonal systems of land division is based on the supposition that agrarian traits of various patterns of land use must have been reflected more or less distinctly in the now existing realities: on aerial

photographs, in the grid of ancient and modern roads, fields, forest belts and boundaries recorded on maps and space photographs of different years. The territory of the Kerch Peninsula as a whole and some its areas in particular, from the Greek and Roman times still retain or retained yet recently information about the ancient land-division. This information may be revealed with the use of a complex of special techniques. On the basis of our recent studies we venture upon the statement that within the European Bosphorus, only from a considerable height

and under certain natural conditions is it possible to observe immediate indications of the ancient land-division.

Accordingly, the land-plots located by means of air photography are the starting point for the entire logical chain of reconstruction or the key for all subsequent studies. After determination of the immediate signs of land-plot systems on aerial photographs and maps (both old and new large-scale ones), as well as space photographs of high resolution, we selected linear elements, the directions of which corresponded to those of the axes of land-division. The intervals between these *lineaments* were equal to or divisible by the size of one land-plot (approximately 350 × 385 sq. m). All of the elements found were recorded against a single computer topographic base. The composite map resulting served us as the basis for reconstruction of the system of *kleroi* (land-plots) of a polis under studies. At the next stage, the data obtained by the remote methods were supplemented by the archaeological evidence available and checked by surveying afoot on the surface. The precise geographical coordinates of distinctly detectable demarcation banks and walls, roads, buildings etc. were determined by means of GPS-receivers and drawn on the composite map of the investigated area. In some cases, magnetometer surveys were employed for revealing anomalies caused by silted-up demarcation ditches or remains of rural houses.

The technique described above has enabled us to reveal three areas of continuous orthogonal land-division on the territory of the European Bosphorus (fig. 1):

- 1) the south-western part of the Kerch Peninsula (fig. 2 à, á; 3);
- 2) the middle part of the peninsula near the Strait of Kerch (figs. 4, 5);
- 3) the region on the north-east of the city of Kerch extended towards the Temir-Gora Mountain (fig. 6 à, á; 7).

Essentially new information has been recovered on the distribution of kurgans in the Kerch Peninsula. This was produced by examination of several detailed maps: the so-called 'verstovka' or one-verst map based on surveys of 1896 and maps at a scale of 1:25,000 (surveys of 1955–65). All of the barrows marked on these maps have been located and recorded on the composite digitalized scheme (see fig. 8). The number of kurgans thus revealed is over 3,000. They are distributed rather monotonously throughout

the western steppe zone of the Crimea adjoining Sivash Sound. However, this monotonousness is completely disturbed as soon as we enter the limits of the Kerch Peninsula. That difference is the first that arrests our attention during examination of the composite map. The most remarkable on the latter is a lengthy chain of kurgans or some local elevations following closely each other. This chain extends from the north-eastern outskirts of the town of Stary Krym along the Churuk-Su River, then it turns abruptly to the east near v. Novopokrovka and runs along the Parpach Ridge up to the Uzunlar Wall. Here the chain splits, one branch of it running to Nymphaeum, the other to Cape Ak-Burun. In the western section, the chain of kurgans extends via the eastern bank of the Churuk-Su River complying almost exactly in its southern half with the «bank made by Scythian slaves» on K. Hablitz's map of 1803 (fig. 9). On aerial photographs of 1972 and the 1:25,000 map, the crest of the Parpach Ridge is clearly discernible in the north-eastern area and south-west of the ridge there is a straight narrow elevation (bank?) with a series of mounds covering it. The number of the mounds amounts to at least 11 throughout a section of about 2–2.5 km (figs. 10, 11).

The most distinct is the kurgan chain extended towards Cape Ak-Burun. Probably it is here that the most active crossing of the strait was functioning. The range of kurgans continues also on the Asiatic coast opposite Ak-Burun. In the sailing directions composed by E. Manganari in 1836 it is seen very distinctly that the shortest way crossing the deeper parts of the strait between its shallower areas is that from Cape Ak-Burun to the Southern Spit (or what is now the Tuzla Spit) (fig. 12).

We have grounds to suppose that the revealed *kleroi* of Panticapaeum, Nymphaeum and Theodosia belong to the period of the flowering of the Bosporan Kingdom i.e. the 4th century BC. The land division was probably carried out by Leukon I relatively synchronously throughout all the three territories specified above, as well as in some other parts of the Bosphorus. Along with the lands which belonged to the cities, there was yet a *chora* of the Bosporan state in general, the owners of which were Bosporan kings. That 'Royal Domain' probably included a considerable area adjoining the coasts of the Azov Sea from v. Zolotoye up to Cape Tarkhan. Here, no land-plots are found but there are traces of the so-called 'long' arable fields instead.

ХЕРСОНЕССКАЯ ДЕВА, АРТЕМИДА И ОЛЕНЬ

И. Ю. ШАУБ¹

Одним из наиболее спорных вопросов античной археологии Северного Причерноморья является происхождение культа Девы – верховного божества Херсонеса Таврического.² Поэтому любые новые данные, могущие пролить свет на эту проблему, заслуживают рассмотрения.

С конца IV в. до н. э. и с незначительными перерывами вплоть до середины III в. н. э. на монетах Херсонеса фигурирует один и тот же тип изображения Девы: богиня пронзает лань копьём, прижимая спину животного правым коленом. Аналогичный сюжет был представлен и на прекрасно исполненном позднеклассическом или эллинистическом рельефе, от которого сохранился лишь небольшой фрагмент (Гулдагер Билде 2005: 211; АСХ: № 94, ил. 55, где это изображение ошибочно интерпретировано как Митра, убивающий быка).

Отмечая редкость данного сюжета, равно как и необычность эпитета *Ἐλαφοκόθνος*, «убивающая оленей», которым Еврипид (*Iphig. Taur.* 1113) наделяет свою Артемиду, П. Гулдагер Билде (Гулдагер Билде 2005: 210–211) считает, что «Еврипид реинтерпретировал Партенос как Артемиду, так как иконография Девы, во всяком случае начиная с IV в. до н.э., полностью соответствует иконографии греческой богини». Далее датская исследовательница пишет: «Трудно себе представить, что греческие переселенцы в Херсонесе не интегрировали бы в свой государственный культ элементы, связанные с могучим исконным божеством только что освоенной местности, как это было, например, в Эфесе, Перге или Афродисии... То, что редкий эпитет *Ἐλαφοκόθνος*, упомянутый Еврипидом, так хорошо соответствует повторяющемуся воспроизведению разящей лань богини на херсонесских монетах, не может быть простым совпадением. Было ли убийство лани составной частью культа таврского божества, вдохновившей впоследствии Еврипидом, или, наоборот, херсонеситы переняли этот элемент именно по той причине, что он был представлен Еврипидом, как часть более древнего (местного) культа, остается неясным».

Если в данном случае П. Гулдагер Билде склоняется ко второму варианту своей интерпретации, то в более раннем варианте данной статьи (Guldager Bilde 2003: 170) она отмечает естественность оленя как атрибута местного верховного божества, учитывая выдающуюся роль, которую играло это животное в скифском зверином стиле.

Не касаясь религиозной практики скифского общества, поскольку речь в данном случае идет о таврах, есть все же твердые основания предполагать, что появление на херсонесских монетах как рассматриваемого сюжета, так и вообще наличие монетных типов, где представлена богиня с ланью, было обусловлено именно местной культовой традицией.

Прежде чем обратиться к немногочисленным, но красноречивым свидетельствам существования догреческого культа оленя в Крыму, рассмотрим вкратце данные о почитании этого благородного животного в доисторической Европе, Древней Греции и Сибири.

В Европе до прихода индоевропейцев олень рассматривался как одно из воплощений богини-матери (Gimbutas 1989: 113–115). Превращение богини-родительницы в оленя засвидетельствовано в европейском фольклоре. Образ богини-оленихи сохранился в шотландских и ирландских сказках (см.: Gimbutas 1989: 113). Еще сравнительно недавно для Германии, Англии и Румынии были характерны новогодние оленьи пляски, исполнявшиеся мужчинами, рожеными женщинами (эта трагедия – свидетельство связи с женским божеством: Gimbutas 1989: 115). Не исключено, что подобный танцор с ветвистыми рогами и огромными грудями представлен на минойской печати из Закро (Dussaud 1914: ф. 178). Во всяком случае, в Древней Греции аналогичные танцы существовали, что зафиксировано терракотами, лучшие образцы которых происходят с Кипра. Так, на одной из них запечатлен танцор, снимающий свою оленью маску, на другой персонаж, облаченный в оленью из оленьей шкуры, держит подобную маску в руке (Gimbutas 1989: 115). Несомненно, традиция подобных танцев восходит еще к палеолиту.³

Религиозно-мифологические представления, подобные тем, которые прослеживаются в доисторической Европе, бытовали и у охотничьих народов Сибири. Здесь в целом ряде космологических мифов главенствуют образы космической лосихи (как известно, лось и олень в фольклоре взаимозаменяемы: Рыбаков 1981: 57) Хэгелен с ее теленком (звенки), лосих Бугады-Энингин, матери зверей и владычицы вселенной, рогатой матери мира и ее дочери (гиляки), двух владычиц мира, полуженщины и полуолени, у которых в очаге горит солнце (нганасаны), и т. п. (Анисимов 1959: 12, 21, 49). Все эти персонажи связаны с мировым древом и разномыслием промысловых зверей, прежде всего оленей, которых

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел истории античной культуры.

² Из последней литературы по данной проблеме см.: Лапина 2002; Бондаренко 2003. Поверхностная и тенденциозная книга А. С. и М. В. Руксаях (Русева, Русева 1999), в которой полностью игнорируются аргументы тех исследователей, которые прослеживают таврские корни культа Девы, способная только дезориентировать читателя.

³ Об этом наиболее наглядно свидетельствует знаменитое живописное изображение человеческой фигуры со звериными ушами, хвостом и оленьими рогами (так называемый «Колдун») из пещеры Труа-Фер, относящегося к малленскому периоду.

на краю мира, близ очага-солнца, рожали две женщины-природительницы с оленьими рогами (Анисимов 1959: 50).

Несмотря на то что культ оленя (лося) со временем повсеместно был замещен культом медведя, на севере России вплоть до XIX в. сохранились легенды о двух священных оленях и рассказы о жертвоприношениях, в которых олень стал заменять быка (Рыбаков 1976: 58; Рыбаков 1981: 55–56).

Знаменательно, что наиболее архаичные русские предания об оленях, напоминающие сибирские мифы, были приурочены к празднику женского божества (8 сентября – Рождество Богородицы).

Изображения священных оленей достаточно широко известны в русском и украинском народном искусстве. Особенно интересен сюжет крестьянской вышивки (Новгородская область), где в центре композиции представлена женская фигура с оленьими рогами (в позе роженицы?), а по ее сторонам – олени и птицы (Рыбаков 1976: 59, рис. 3). На гуцульских пасхальных яйцах-писанках женскую фигуру заменяет знак пола – треугольник, по обе стороны которого стоят голова к голове два оленя (см.: Рыбаков 1976: рис. 4).

Возвращаясь к доисторической Греции, нужно отметить, что если следы культа оленя на мийно-крите не очень отчетливы, то в Микенах они уже гораздо более ярки (см.: Cook 1894: 133 сл.). Особо следует выделить серебряный сосуд из микенской могилы (см.: Marinatos 1973: Abb. 177), стоящий в одном ряду со схожими культовыми фигурными сосудами из малоазийского Хаджилара (I половина VII тыс. до н. э.), болгарского Караново-II (ок. 5800 г. до н. э.) и афинского Керамика (конец X в. до н. э.) (см.: Gimbutas 1989: 114, fig. 180–182).

Олень (лань) играл видную роль исключительно в культе Артемиды, которая имела эпитеты *Ελαφία* «Оленья» (в Олимпии), *Ελαφιαία* (в Элиде), *Ελαφιβόλος* «Оленебойца» (в Аггалии, Памфилии), в честь богини устраивались праздники *ελαφιβόλια* и *λάφρια*; лань была ее любимым жертвенным животным. Олень является постоянным атрибутом Артемиды в искусстве (особенно на монетах), а в поэзии (см.: Кагаров 1913: 267).⁴

Статуя Артемиды в святилище Деспойны (Аркадия) была покрыта оленьей шкурой (Paus. VII, 37, 4). Артемиды и ее спутница Тайгета полагались в виде оленей (ср. с удвоением оленей в Сибири и др.), а в Малой Азии существовало поверье, что к священной острову близ Колофона приплывали беременные лани, чтобы здесь произвести на свет потомство (Strab. XIV, 1, 29; ср. с явно сохранившимся свое название с незапамятных времен Оленьим островом на Онежском озере, где в мезолитическом могильнике было найдено знаменитое погребение шамана, головной убор которого был украшен изображением лосиной головы: Гурина 1953; 1956; Рыбаков 1981: 62 сл.).⁵

Что касается культа оленя в Крыму, то о древних местных традициях его почитания здесь наиболее ярко свидетельствуют ритуальные захоронения этих животных в Салгирском № 13 и Марьинском № 3 курганах древнеянного периода близ Симферополя. Под насыпью первого из них в пределах кромлеха была вырыта большая могила-кенотаф, в углу которой рогами вверх был положен череп оленя (Щепинский 1960: 259). Еще более интересное захоронение оленя было обнаружено в Марьинском кургане № 3. Здесь полный скелет животного (также в кромлехе) лежал рядом с человеческими погребениями (Щепинский 1960: рис. 7). Любопытно, что некоторые из этих погребений могли быть жертвоприношениями (Щепинский 1960: 257). «Находи у Марына, – пишет автор этих раскопок А. А. Щепинский (Щепинский 1960: 259), – позволю поставить вопрос, не имеем ли мы дело с очень сложным культом оленя, который возникает здесь на базе родового тотема. Не исключено также и то, что принесение в жертву покойнику оленя символизирует собой превращение последнего в родовую тотем».

Еще одним свидетельством древнего культа оленя в Крыму может служить легенда об олене, наиболее полно сохранившая византийским историком Германом Созоменом: «Однажды случилось, что преследуемый оводом бык перешел через озеро и за ним последовал пастух; увидав противолежащую землю, он сообщил о ней соплеменникам. Другие говорят, что перебежавшая лань показала охотившимся Уннам эту дорогу, елска прикрытую сверху водою» (Soz. VI, 37, text. no: Кузнецова 2003: 324–325).

Предание о переправе через Босфор оленя (лани), сохранившееся и у других византийских авторов (Приска, Прокопия и Агания), стабильно, несомненно, является более ранним, нежели версия мифа, где фигурирует бык, в котором легко узнается мифологическая Ио (Кузнецова 2003: 325). Считая, что легенда об олене восходит к мифу об Ио, М. И. Артамонов (Артамонов 1936: 11) справедливо предположил, что эта легенда «быть может, только греческое оформление старого туземного культо-тотемического образа».

На рассмотренном нами образе оленя видно, как могли отождествлять таврская богиня Дева (Hdt. IV, 103) и Артемиды. По каким еще признакам, кроме свойственного для обеих атрибута, греки идентифицировали Деву именно с этой богиней? Для этого был целый ряд убедительных причин. Прежде всего, Артемиды, одной из эпитетов которой была Дева, считалась, вероятно, самой кровавой из греческих богинь. Кроме того, что именно ей приносят человеческие жертвы: и в мифе (Ифигения), и в ритуале (в смягченной форме – бичевание эфэбов на алтаре Орфии в Спарте) она сама убивает не только зверей, но и людей, причем посылая не только гибнуть и легкую, но и жестокую смерть. Так она губит Ниобид (Ovid. Met. IV, 155 сл.), Каллисто, Актеона, Орнона (Ps.-Eratosth. 32), Буфала (Paus. VIII, 27, 17),

⁴ *Λυαλλομένη ελάφου* («радующаяся оленям») называется в одном из орфических гимнов (Orph. Hymn. I, 4) Геката, однако здесь эта богиня явно выступает как ипостась Артемиды, именуемая Тавронолой, «кормящей юношей» и т. п. (Orph. Hymn. I, 7 сл.).

⁵ Полностью оленьи уборы представляли также на персских «сулдах».

Алоадов, Тития (Call. Numn., III 110). Очень вероятно, что само имя «Артемиды» означало «убийца», «уби- тельница» (см.: Nilsson 1967: 481; другая этимология: «медвежья богиня», «владычица» — см.: Тахо-Годи 1980: 107). Именно Артемиды унаследовала от Великой эгейской богини наиболее кровавые и дикие ее черты. О том, что Артемиды является ипостасью Великой эгейской богини, свидетельствуют и ее несомненная идентичность с критской нимфой-охотницей Диктинной, и такие рудиментарные ее черты, как, например, связь со змеями. Артемиды наполняет брачные покои забывшего принести ей искупительную жертву Адмета этими пресмыкающимися (Apollo. I, 9, 14). Также она связана с такими столь разными животными, как лань и кабан, собака и медведь. Кроме того, Артемиды — не только владычица зверей, но и, как положено ипостаси древней эгейской богини, одновременно и дева и мать («многогрудая Эфеся» — покровительница амазонок (Call. Numn. III, 237), и родовспомогательница (Call. Numn. III, 20–25), и наставница презирающего любовь Ипполита. Она близка Великой матери богов Кибеле, откуда к ней перешли «оргиастические элементы культа, прославляющего плодородие божества» (Тахо-Годи 1980: 107). Артемиды жертуют начатки урожая. За то, что царь Каллидона Ойней забыл это сделать, она насыплет на его страну вепря (Ovid. Met. VIII, 270 сл.). Артемиды связана не только с растительностью и с водой (в ипостаси Ортин, то есть Болотной, а также в ее водной эпитифии в мифе об Актеоне), но и повелевает ветрами (насыплет безветрие на ахейцев в Авлиде). Артемиды, которую сопровождают собаки (Call. Numn. III, 237), является двойником Гекаты, а также Селены.

Несомненно, очень важным фактором идентификации таврской Девы с греческой богиней была связь

Артемиды с Севером, а также с Гераклом. Так, у Пиндара (III. IV, 25–27) Артемиды-наездница («клобощ») приняла (δέξαστο) Геракла в Истрийской земле, а Геракл помог богине во время гигантомахии.

По свидетельству Цицерона (De nat. deor. III, 58), отцом Дианы (Артемиды) одно из преданий называет некоего Униса; оратор добавляет, что эту богиню «греки часто называют отцовским именем». Однако Унис (Опис) — это еще и имя одной из двух прибывших на Делос и скончавшихся там гиперборейских дев (Hdt. IV, 35; Доватур и др. 1982, коммент. 285). Таким образом, благодаря отцу Унису связь Артемиды с гиперборейцами становится еще более прочной.

Древнейшим бесспорным изображением Артемиды с оленем является сцена на мелосской амфоре 660–650 гг. до н. э. (см. Cahil 1982: №1231). Считается, что здесь представлена встреча Артемидой Аполлона на острове Делос (Burkert 1985: 146–147). Однако, учитывая вышеупомянутое свидетельство Цицерона, а также стихи Пиндара об истрийской Артемиде, принимающей Геракла, не исключено, что на этой вазе представлена встреча Аполлона не на Делосе, а в стране гипербореев. Как бы то ни было, прослеженных свидетельств, кажется, достаточно для утверждения о твердой связи Артемиды с Севером.

Обобщая все вышесказанное, можно с уверенностью предполагать, что иконография Артемиды вместе с ее атрибутом ланью (оленом) была выбрана херсонеситами для своей богини Девы отнюдь не случайно, но не потому, что они считали ее Артемидой (Русяева, Русяева 1999), а вследствие сходства этой греческой богини с Великой богиней тавров (Шауб 1988; 1999: 216 сл.), которая, судя по всему, была связана с оленем, но не имела своей изобразительной традиции.

- Анисимов 1959 — Анисимов А. Ф. Космологические представления народов Севера. М.: Л., 1959.
- Артамонов 1936 — Артамонов М. И. Древние хазары. М.; Л., 1936.
- Бондаренко 2003 — Бондаренко М. Е. Пантеон Херсонеса Таврического. М., 2003.
- Гулдагер Билде 2005 — Гулдагер Билде П. Что скифского было в «Скифской Диане» из Немта? // АВ. СПб., 2005. № 12. С. 209–218.
- Гурина 1953 — Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник // МИА. 1953. № 39.
- Гурина 1956 — Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник // МИА. 1956. № 47.
- Доватур и др. 1982 — Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
- Кагаров 1913 — Кагаров Е. Г. Культ фетисей, растений и животных в древней Греции. СПб., 1913.
- Кузнецова 2003 — Кузнецова З. С. Легенда об олене: фольклорный характер источника // МНЕМОН. СПб., 2003. Вып. 2. С. 321–334.
- Лавина 2002 — Лавина О. В. Херсонесская Партенос (историографический аспект) // АКРА. Нижний Новгород, 2002. С. 70–85.
- Русяева, Русяева 1999 — Русяева А. С., Русяева М. В. Верховная богиня античной Таврии. Киев, 1999.
- Рыбаков 1976 — Рыбаков Б. А. Новые данные о культе небесного оленя // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976. С. 57–63.
- Рыбаков 1981 — Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981.
- Тахо-Годи 1980 — Тахо-Годи А. А. Артемиды // Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1. С. 107–108.
- Шауб 1988 — Шауб И. Ю. О происхождении культа богини Девы в Херсонесе // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса: ТД. Севастополь, 1988. С. 128–130.
- Шауб 1999 — Шауб И. Ю. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus. 1999. № 3. С. 207–223.
- Шепетинский 1960 — Шепетинский А. А. Марьиные курганы эпохи бронзы // ЗООИД. 1960. Т. 1 (34). С. 231–248.
- Burkert 1985 — Burkert W. Greek Religion. Cambridge (Mass.), 1985.
- Cahil 1982 — Cahil L. Artemis // LIMC. 1982. Bd. 2.
- Cook 1894 — Cook A. B. Animal worship in the Mycenaean Age // The Journal of Hellenic Studies. 1894. Vol. 14. P. 99–156.
- Dussaud 1914 — Dussaud R. Les civilisations préhelléniques dans le basin de la mer Egéenne. Paris, 1914.
- Gimbutas 1989 — Gimbutas M. The Language of the Goddess. New York, 1989.
- Guldager Bilde 2003 — Guldager Bilde P. Wandering Images: From Taurian (and Chersonesean) Parthenos to (Artemis) Tauro-poulos and (Artemis) Persike // The Cauldron of Ariantas. Aarhus, 2003. S. 165–184.
- Marinatos 1973 — Marinatos S. Kreta, Thera und das Mykenische Hellas. München, 1973.
- Nilsson 1967 — Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion. München, 1967. Bd 1.3.

THE CHERSONESEAN MAIDEN, ARTEMIS AND THE HIND

I. YU. SCHAUB

The present paper is an attempt to answer why the people of Chersonesus chose for their iconography Artemis as the supreme goddess, particularly her depictions with a hind. The author has compared the features of the image and cult of Artemis which had affinity with those of the Taurian goddess Maiden (the *epiklesis*, blood-thirstiness, human sacrifices, etc.). Also the evidence on the worship of hind by the local Crimea population (ritual burials of deer in the Maryino and Salgir kurgans of the 2nd millennium BC, as well as the legend stadially precedent to the myth about Io and

telling about a hind crossing the future Bosphorus) is here considered against a broad background of parallels from prehistoric Europe, ancient Greece and Siberia. The conclusion is that the iconography of Artemis together with her attribute – a hind – was chosen by the *Chersonesites* for their goddess Maiden not because they identified the latter as Artemis. That choice was due to the similarity of Artemis and the Great Goddess of the Taurians who, as it seems, was in some way linked with hind but had had as yet no figurative tradition of her own.

О РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ПРОДУКЦИИ БОСПОРСКИХ ЮВЕЛИРОВ (НА ПРИМЕРЕ ОРЛИНОГОЛОВЫХ ПРЯЖЕК)

Е. А. ШАБЛАВИНА¹

Поясные орлиноголовые пряжки, найденные в погребениях Боспорского некрополя, считают одним из четких хронологических индикаторов раннесредневекового Крыма. Материал хранится в ряде музеев Европейских стран, в Америке, часть вещей исчезла во время второй мировой войны, и их местонахождение неизвестно. Большая часть боспорских пряжек, найденных при раскопках керченских склепов, а также приобретенных графом А. А. Бобринским и поступивших из частных коллекций, хранится в Государственном Эрмитаже (коллекции № 1101, 1820, 1821, 1823, 1919), в ГИМе (1 экз.).²

Вопросы относительно места производства, этнической принадлежности и времени бытования орлиноголовых пряжек рассматривались в археологической литературе неоднократно. Одни исследователи полагают, что эти вещи изготавливались на Боспоре, откуда они распространились в юго-западный Крым и Подунавье (Мацулевич 1926: 41–53; Rusu 1959: 515; Vinski 1968: 314–317; Bona 1982–1983: 56–57). Другие считают, что пряжки имеют дунайское происхождение, и относят их к геттиским древностям (Csallany 1961: 309–310; Horedt 1977: 259; Амброс 1968: 10–23; Айбабин 1990: 32–35). Есть также мнение, что подобные пряжки, найденные на территории Болгарии, являются продукцией ранневизантийских мастеров, работавших в Подунавье (Vagaliniski et al. 2000: 84).

Рассмотрению и отчасти решению этих спорных вопросов посвящена специальная работа И. П. Засецкой, которая на основании морфологических, стилистических и конструктивно-технических признаков разработала типологическую классификацию южнокрымских и боспорских орлиноголовых пряжек. В результате корреляции признаков выделены две группы изделий: группа I – боспорские, группа II – южнокрымские. Это позволило И. П. Засецкой сделать вывод о существовании независимых самостоятельных центров производства орлиноголовых пряжек, соответствующих двум регионам. На основании датировок комплексов И. П. Засецкая отмечает, что боспорские находки являются более ранними, нежели южнокрымские. При этом еще раз подчеркивается, что последние не могут рассматриваться как дальнейшее развитие боспорских образцов. Это подтверждается и проведенным ею сравнительным анализом особенностей пряжек I и II групп (Засецкая 2005: 57–102). Различие этих двух групп автор объяс-

няет, возможно, разным происхождением, предполагая, что боспорские экземпляры возникли под влиянием итало-остготских изделий V–первой половины VI в. н. э., а южнокрымские, скорее всего, обязаны своим происхождением геттиским образцам. Что же касается непосредственно боспорских пряжек I группы, то И. П. Засецкая выделяет среди них две подгруппы IA и IB. К первой подгруппе (IA) отнесено восемь пряжек – семь бронзовых и одна серебряная (кат. № 1–8), ко второй (IB) – четыре серебряные пряжки (кат. № 10–13) и одна пряжка рассматривается автором как промежуточный экземпляр (кат. № 9) (Zasetskaya 2004; Засецкая 2005: 57–102).

Однако следует заметить, что для разработанной типологической классификации наряду с использованием морфологических, стилистических и конструктивных признаков существенную роль играет определение технологического процесса в изготовлении металлических изделий, в особенности, если это касается места их производства. Технические данные – фактические, и они могут расходиться с научными доводами, обосновываемыми без их учета, и даже опровергать их. Настоящая работа посвящена техническому обследованию способов изготовления боспорских пряжек, которое до сих пор не проводилось.

Остановимся сначала на серебряных пряжках, представленных двумя видами, – пряжки с орлиноголовым выступом и пряжки без выступов. Общим признаком для них является прямоугольный щиток и литые петли, на которых подвешена овальная рамка с подвижным язычком. На пряжках фиксируются различные следы от примененных производственных операций, оставленные инструментами, а также появившиеся вследствие эксплуатации и ремонта. Технические данные позволяют выделить несколько партий пряжек, сделанных разными людьми. Здесь мы имеем дело с двумя периодами их производства:

1. Оригинальное изготовление вещей.

2. Изготовление копий с оригиналов.

Оригинальное изготовление вещей. В процессе изучения было выявлено четыре разновидности пряжек, каждая из которых представлена серийно и является продукцией (изделиями) одного мастера. На это указывают как единый исполнительский почерк мастера, проявляющийся в нанесении близкого по схеме декора, так и единая конструкция изделий. Все конструктивные детали серебряных пряжек

¹ Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири.

² Выражаю признательность И. П. Засецкой, Д. В. Журавлеву и Н. В. Быковой за предоставленную возможность работать с вещами.

(щиток, рамки и язычки) отлиты по одной технологической схеме и обработаны единообразно: соскабливанием литевой поверхности, подработкой орнамента штихелем и канфарником. Механически зачищенные отливки покрывались позолотой способом горячего золочения. Каменные вставки крепились в литых расверленных кастах.

Процесс производства серебряных орлиноголовых пряжек выглядел следующим образом. Все изделия были отлиты в двусторчатых разъемных глиняных формах. Пряжки с лицевой и оборотной сторон одинаковы. Это объясняется тем, что литые глиняные двусторчатые формы для их отливки отскакивались одной моделью – металлическим шаблоном или готовой пряжкой. Данную ситуацию можно проследить на примере **первой партии** орлиноголовых пряжек, представленной только двумя серебряными экземплярами (ГЭ инв. № 1820/382, инв. № 1820/301; рис. 1; Засецкая 2005: кат. № 8–9).

Чтобы сделать **металлический шаблон**, необходимый для изготовления створок глиняных форм, нужно предварительно изготовить образец каждой детали пряжек; отскоком этих образцов формировалась литевая полость в формах. Наверняка такими образцами являлись деревянные модели, покрытые воском. На таком шаблоне-образце в процессе использования мог корректироваться, даже полностью меняться, рисунок. Таким образом получались различные разновидности пряжек. После каждого изменения на шаблоне отливался эталон – **металлическая модель** (пряжка) для тиражирования предметов. Лицевая створка глиняной литевой формы делалась отскоком такого **деревянно-воскового шаблона**. В ней способом литья навывалек мастер делал восковую модель, корректировал ее с оборотной стороны и делал оборотную створку (Минасян 1995: 119–127; Шаблавина 2001: 308–321). В данном случае восковая модель использовалась в качестве посредника для изготовления оборотной створки. После изготовления обеих створок они разнимаются, из них вынимается восковая модель, лотом створки опять совмещаются друг с другом для равномерной усадки и оставляются на просушку. После просушки и обжига в них производится литье. Полученный **металлический шаблон** и **деревянно-восковая модель-образец** оставались в распоряжении мастера, с их помощью осуществлялось изготовление серии вещей. При утрате эталона прекращалось тиражирование, при утрате образца терялась возможность модифицировать первый образец. Примером описанного технологического процесса служат пряжки второй и третьей серии, у которых при различии в орнаменте полностью совпадают все габариты щитка.

Вторую партию представляют два экземпляра пряжек без бокового выступа (ГЭ инв. № 1820/11 и № 1101/2) (рис. 2). Щитки этих пряжек по краю орнаментированы S-видными завитками. В центре щитка находится прямоугольное поле, декорированное орнаментальной композицией из четырех волот с литым кастом в центре. Орнамент щитков близок, но не идентичен орнаменту щитков у серебряных пря-

жек из первой партии. Схема композиции рисунка и тут и там одна и та же. Элементы рисунка и их местоположение, в особенности на центральном поле, совпадают, исполнительский почерк один и тот же, техника изготовления (литье, механическая обработка, позолота и закретка камней) идентична. Различия между первой и второй партиями пряжек проявляются лишь в незначительном уменьшении габарита щитка второй партии, изменении параметров орнаментальных полей и рисунка на них, нанесенного тем не менее по прежней композиционной схеме. Помимо этого, петли здесь находятся на том месте, где на пряжках первой вышерассмотренной партии располагается орлиноголовый выступ. Мастер, корректируя тот же шаблон прямоугольного щитка, который использовал для изготовления первой партии вещей, перевернул его и установил с другого торца восковые петли.

Пряжки второй партии – идентичны. Помимо двух эрмитажных вещей известна еще одна им подобная пряжка, найденная в Гурзуфе, в настоящее время хранящаяся в Берлине (рис. 3: 1). Они были отлиты так же, как и пряжки из первой партии. Схема изготовления, характер оформления щитка, исполнительский почерк – одинаковы. Все эти технические и стилистические признаки, несомненно, свидетельствуют о том, что эти две партии вещей сделал один мастер.

Третья партия также представлена серебряной позолоченной пряжкой без выступа из собрания А. А. Бобринского. Находится она в Эрмитаже (ГЭ инв. № 1101/3; рис. 3: 2). В центре ее щитка расположено прямоугольное поле, украшенное S-видными завитками и полосками в виде слочки, обрамленное бордюром из S-видных завитков. Несмотря на иной орнамент сравнительно с пряжками второй партии, у них один и тот же габарит щитка и позиция литых петель. Здесь мы имеем дело с третьей партией пряжек. Это, бесспорно, свидетельствует о том, что в обоих случаях мастер использовал один деревянный шаблон, только теперь прежний шаблон он покрыл новым слоем воска и нанес другой декор по привычной ему схеме, сохранив при этом однообразие орнаментальной композиции. Способ изготовления – прежний. Таким образом, и здесь можно утверждать, что эту вещь сделал тот же человек, который изготовил первую и вторую партии пряжек.

Среди опубликованных крымских материалов фигурируют еще три пряжки, найденные в Чуфут-Кале (подбойная могила № 21), в Суук-Су (склеп № 169), в могильнике Скалистое (склеп № 683) (рис. 4), которые имеют орнамент, идентичный вышерассмотренной вещи из третьей партии (инв. № 1101/3).

Четвертая партия представлена четырьмя серебряными орлиноголовыми пряжками с прямоугольным полем, выделенными И. П. Засецкой в подгруппу IB, однако автор отмечает различие в технике их изготовления, то есть наличие сквозного отверстия в щитке и монолитное изготовление щитка (Засецкая 2005: 60). Несмотря на их идентичность с лицевой

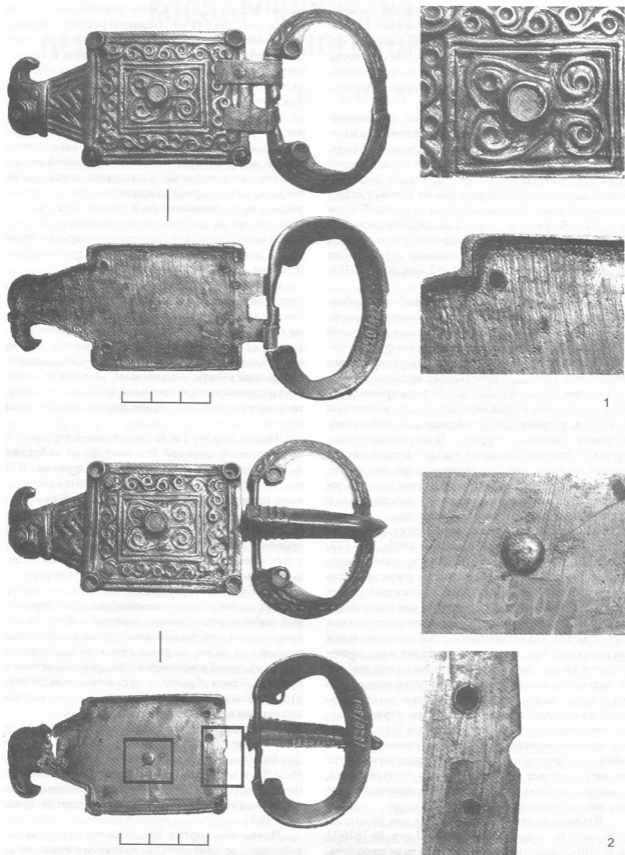

Рис. 1. Орлиноголовые пряжки с лицевой и оборотной сторон: 1 – Керчь, склеп 163 (инв. № 1820/382); 2 – Керчь, склеп 152 (инв. № 1820/301).

Fig. 1. Eagle-headed buckles on the front and back side: 1 – Kerch, tomb 163 (no. 1820/382); 2 – Kerch, tomb 152 (no. 1820/301).

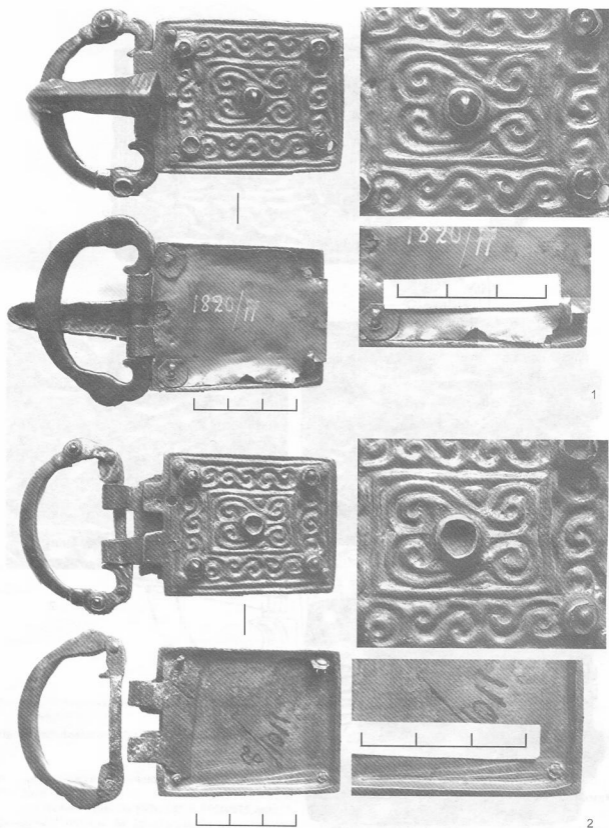

Рис. 2. Орлиноголовые пряжки с лицевой и оборотной сторон: 1 – Керчь, предместье, 1867 г. (инв. № 1820/11); 2 – Керчь, собрание А. А. Бобринского (инв. № 1101/2).

Fig. 2. Eagle-headed buckles on the front and back side: 1 – Kerch, suburbs, 1867 (inv. no. 1820/11); 2 – Kerch, collection of A. A. Bobrinsky (no. 1101/2).

Рис. 3. Орлиноголовые пряжки с лицевой и оборотной сторон: 1 – Гурзуф (инв. № IIIд 1067); 2 – Керчь, собрание А. А. Бобринского (инв. № 1101/3).

Fig. 3. Eagle-headed buckles on the front and back side: 1 – Gurzuf (no. IIIд 1067); 2 – Kerch, collection of A. A. Bobrinsky (no. 1101/3).

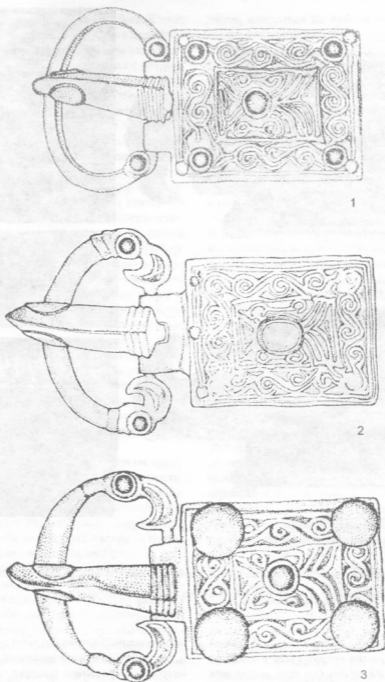

Рис. 4. Орлиноголовые пряжки с лицевой стороны: 1 – Чуфут-Кале (подбойная могила 21); 2 – Суук-Су (склеп 169); 3 – Скалистое (склеп 683).

Fig. 4. Eagle-headed buckles on the front side: 1 – Chufut-Kale (catacomb grave 21); 2 – Suuk-Su (tomb 169); 3 – Skalistoye (tomb 683).

стороны, пряжки различаются способами их изготовления.

Две из них (инв. № 1820/145 и 1820/875; рис. 5; Засецкая 2005: кат. № 10–11) имеют литые щитки с прямоугольным сквозным отверстием в центре, на которое с оборотной стороны напаяна бронзовая пластина с предварительно изготовленным глухим кастом (рис. 16). Лицевые и оборотные стороны пряжек совпадают. Это говорит о том, что вещи были отлиты с одного, скорее всего, металлического шаблона.

Другая пряжка (инв. № 1821/19; рис. 6: 1; Засецкая 2005: кат. № 12) из этой серии на первый взгляд внешне идентична первым: параметрами, орнаментальной композицией и конструкцией. Но здесь весь щиток вместе с центральным полем и кастом отлиты в монолите. С лицевой стороны пряжка имеет литые отличия от предыдущих по нескольким параметрам. В верхнем правом углу щитка два завитка на S-видных спиралях развернуты концами в другую сторону, хотя весь остальной рисунок точно совпадает. Помимо этого на щитке изменены углы цент-

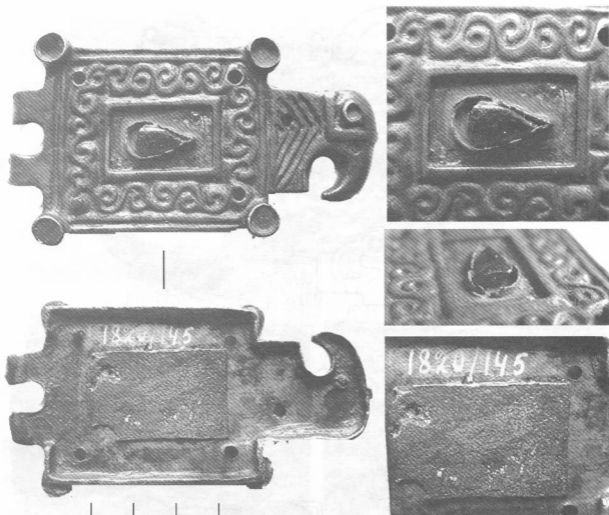

Рис. 5. Орлиноголовая пряжка с лицевой и оборотной сторон. Керчь, земляная гробница 88 (инв. № 1820/145).

Fig. 5. Eagle-headed buckle on the front and back side. Kerch, earthen tomb 88 (no. 1820/145).

рального прямоугольного отверстия, а на боковом выступе – очертания рамки вокруг глаза и удалены две маленькие черты на «шее» (на углу основания орлиноголового выступа). Эти детали указывают на то, что на первоначальном деревянном шаблоне (покрытом воском), при помощи которого была отлита металлическая модель-посредник для двух первых пряжек четвертой партии, производили коррективы в описанных местах. После корректировки шаблона был отлит еще один металлический шаблон со всеми локальными видоизменениями в орнаменте и с прямоугольным отверстием посередине щитка. С этого шаблона сделали новую вещь (новый вид пряжки) по прежней технологии, что и две предыдущие пряжки. Эти данные позволяют утверждать, что рассматриваемая пряжка является оттиском с этой готовой вещи, имеющей припаянную пластину с оборотной стороны. Исходя из этой схемы, следовало бы ожидать, что на оборотной стороне пряжки должен был бы обязательно появиться отпечаток от заплатаки

(от припаянной пластины), но его нет, поскольку именно это место на пряжке защищено, вокруг же осталась нетронутая литейная поверхность. Таким образом можно заключить, что данную вещь выполнил другой мастер, так как для ее изготовления, во-первых, использовалась готовая вещь, а во-вторых, она (отливка) иначе механически обработана.

В четвертой группе орлиноголовых пряжек несколько особняком стоит четвертая (инв. № 1823/30; рис. 6; Засека 2005: кат. № 13). Она также выполнена литьем в монолите. По внешнему виду пряжка имеет много общего с первыми двумя серебряными. У нее, как и у серебряных пряжек, совпадают размеры щитка (без бокового выступа), месторасположение S-видных спиралей, прямоугольное центральное поле, но здесь присутствует иная форма бокового выступа в виде головы хищной птицы. На оборотной стороне этой пряжки имеется прямоугольный отпечаток в виде заплатаки, напоминающий очертаниями припаянную бронзовую пластину,

какую имеют две вышерассмотренные пряжки. К тому же на лицевой стороне щитка поверхность в центральном прямоугольном поле – выпуклая. Это указывает на то, что эта пряжка также была сделана с готовой вещи, но ее ремонтировали (корректировали) перед тем, как снять копию. Об этом свидетельствует наличие отпечатка «заплатки» с неровными краями на оборотной стороне. По-видимому, мастер, имея готовую вещь, у которой *отверстия (отвалилась) пластина с кастом, сделал новую «заплатку» с помощью воска, а не бронзовой пластины. Он продавил (вдавил) в прямоугольное отверстие воск с оборотной стороны щитка пряжки. На лицевой стороне воск под давлением выступил наружу, образовав выпуклую поверхность, на которой мастер грубо наметил контур рамки и сформировал из этого же материала каст. Иная форма головы птицы при идентичности остальных параметров с двумя первыми пряжками вызвана тем, что здесь изменения были произведены раньше, во время изготовления еще одной модели-посредника для серебряных пряжек, у которой было сквозное прямоугольное отверстие на щитке, в центре. Тогда мастер, корректируя шаблон, приделал к торцу новую уменьшенную восковую голову орла или уменьшил прежнюю. При помощи этого измененного шаблона была отлита серебряная пряжка с прямоугольной прорезью в центре, которая позже послужила образцом-посредником для четвертой рассматриваемой пряжки из четвертой партии.*

В этой партии, представленной четырьмя пряжками, две являются оригинальными, а две – отрисками (работа других людей), сделанными с оригиналов. Предшественниками этих реплик были пряжки, сделанные первым мастером, поскольку коррективы, которые есть на дублях, могли быть нанесены только на основном деревянно-восковом шаблоне. То есть внешний вид «предшественников» и способ их изготовления был таким же, что и у двух пряжек с паяными пластинами. По-видимому, этот мастер является тем же человеком, который изготовил вышерассмотренные партии пряжек, судя по одному исполнительскому почерку в оформлении *прямоугольного щитка, по одной схеме механической обработки предметов и по использованию двух моделей рамок при монтаже вещей.*

Нужно отметить еще одну важную особенность этих пряжек. На всех изготовленных первым мастером партиях пряжек он допустил одну и ту же конструктивную ошибку. Петли на всех пряжках отвалились вместе со щитками. Потом их и переходящую от них пластину, крепящую пряжку к ремню, расковыряли. Вместо того чтобы усилить самое уязвимое место пряжек – петли и перемычки рамок, он, наоборот, расковал их, чрезмерно утончил. Это привело к быстрому износу петель и их поломке. Срок ношения таких пряжек был недолгим: все петли и перемычки должны были истощиться и прийти в негодность в течение небольшого промежутка времени.

Итак, рассмотренные здесь партии серебряных пряжек, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, а также часть аналогичных каждой партии экземп-

ляров, известных по публикациям, были изготовленные одним мастером, поскольку деревянно-восковой образец, посредством трансформирования которого отливались металлические шаблоны для каждой разновидности пряжек, мог находиться в руках только одного человека.

Ремонт серебряных пряжек. Оригинальные пряжки основательно изношены: позолота и серебро на выступающих частях рельефа сильно потеряны, петли на щитках и перемычки на рамках истончены, сломаны и вновь отремонтированы. На пряжке 1820/382 ремонт делал второй мастер. Соединение щитка с сильно истонченной перекладиной от рамки он осуществил с помощью двух латунных кованых пластин. В щитке он просверлил два отверстия и штифтами приклепал новые петли (Засецкая 2005: кат. № 9; рис. 1: 1). Здесь примечательно то, что из металла, из которого были сделаны новые петли, были отлиты пять пряжек, отнесенные И. П. Засецкой к одной группе IA, о которых речь пойдет ниже.

На второй серебряной пряжке (1820/301; Засецкая 2005: кат. № 8), как и на предыдущей, также были литые петли. Они тоже сломались, и их обломанные концы были запылены. О первоначальной наличии литых петель свидетельствуют следы зачистки на торце пряжки и полукруглая выемка на щитке, оставшаяся от отверстия между основаниями родных петель. Рядом с этой выемкой в щитке просверлили два отверстия, сквозь которые штифтами приклепал две латунные, согнутые пополам пластины – ремонт осуществили так же, как и на предыдущей серебряной пряжке (рис. 1: 2). Очевидно, это сделал именно второй мастер, осуществлявший ремонт предыдущей пряжки. Вероятно, ее следует отнести к промежуточной группе пряжек А – Б, по классификации И. П. Засецкой.

Литые серебряные петли на пряжках второй партии тоже изнашивались, сломались и в древности были отремонтированы. При ремонте остатки старых петель оставили на месте, новые петли вырезали из латунной пластины, подложили их под остатки серебряных и латунных штифтами приклепали на щитке. Помимо этого для пряжки 1101/2 отремонтировали рамку: литой поврежденный стержень сплели, новый сделали из латунного дрота с раскованными концами и штифтами приклепали с оборотной стороны.

Починку всех пряжек исполнял тоже один человек, тот (второй мастер), который сделал латунные реплики с серебряных пряжек. Об этом свидетельствуют одна схема изготовления петель и способ их крепления, а также единый материал для реставрации – латунь.

Изготовление копий с оригиналов (реплики). Остальные семь пряжек из группы IA, по И. П. Засецкой, сделаны позже и другим человеком. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа сплавов металла этих вещей, проведенного в лаборатории научно-технической экспертизы ГЭ аналитиком С. В. Хавриным, показали, что эти пряжки были отлиты из латуни, а не из бронзы, как считалось прежде:

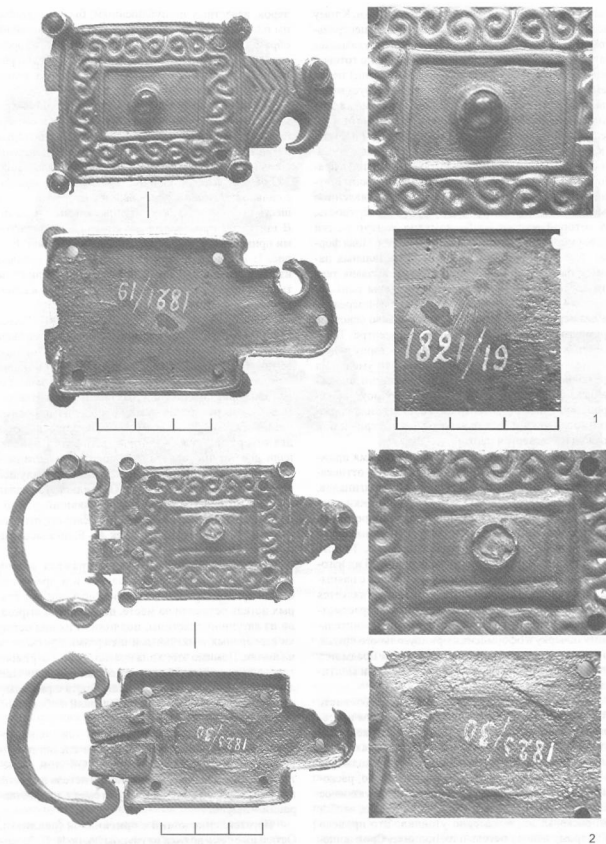

Рис. 6. Орлиноголовые пряжки с лицевой и оборотной сторон: 1 – Керчь, покупка у Е. Запорожского, 1891 г. (инв. № 1821/19); 2 – Керчь, точное место находки неизвестно (инв. № 1823/30).

Fig. 6. Eagle-headed buckles on the front and back side: 1 – Kerch, acquired by E. Zaporozhskiy, 1891 (no. 1821/19); 2 – Kerch, the exact findspot unknown (no. 1823/30).

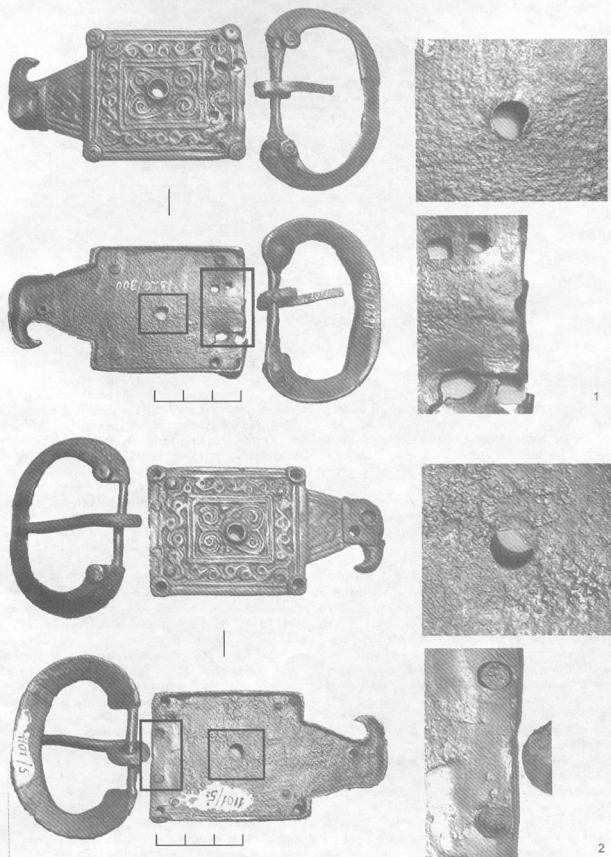

Рис. 7. Орлиноголовые пряжки с лицевой и оборотной сторон: 1 – Керчь, склеп 152 (инв. № 1820/300); 2 – Керчь, собрание А. А. Бобринского (инв. № 1101/5).

Fig. 7. Eagle-headed buckles on the front and back side: 1 – Kerch, tomb 152 (no. 1820/300); 2 – Kerch, A. A. Bobrinsky's collection (no. 1101/5).

Таблица 1. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа сплавов металла боспорских орлиноголовых пряжек.

Table 1. Results of x-ray fluorescence analysis of the alloy compositions of Bosphoran eagle-headed buckles.

№	Деталь	As	Sn	Pb	Sb	Ni	Ag	Zn
1820/9	Щиток	<0,5	5-9	2-4	Сл.	—	Сл.	18-22
	Дужка	~1	2-4	2-4	Сл.	—	Сл.	22-26
	Петли	Сл.	1-2	<1	Сл.	—	—	7-12
	Гвозди	Сл.	—	<0,5	—	—	—	8-10
1820/58	Щиток	<0,5	1-3	3-6	Сл.	Сл.	Сл.	18-20
	Гвозди	Сл.	<1	<1	—	Сл.	Сл.	15-18
1820/517	Щиток	<0,5	3-5	2-5	Сл.	—	Сл.	16-18
	Петли и гвозди	Сл.	<1	<1	—	—	—	18-21
1101/1	Щиток	<0,4	1-2	1-3	Сл.	—	<0,5	12-14
	Петли	<0,6	2-3	4-7	Сл.	—	<0,3	12-14
1101/6	Щиток	<0,5	10-14	5-8	—	—	1-2	1-2
	Язычок	<0,3	—	2-3	—	Сл.	Сл.	Сл.

Среди них имеются две пряжки (ГЭ инв. № 1820/300; инв. № 1101/5; рис. 7; Засецкая 2005: кат. № 3-4), которые идентичны с лицевой и оборотной сторон серебряной пряжке 1820/301 (рис. 1: 2). У них совпадают параметры оборотной стороны чащеобразной формы, позиции отверстий со штифтами (система крепления к ремню), а также все следы ремонта и дефекты, которые есть на серебряной пряжке. На оборотных сторонах этих латунных пряжек тоже есть полукруглые выемки около петель, но уже литые, и на месте просверленного центрального гнезда прослеживается часть выпуклости от высверленного прежде на серебряной пряжке каста (оттиск дефекта), но теперь выполненная в литые.

Монтировка литых деталей латунных пряжек и ремонт серебряных изделий произведены по одной схеме. Механическая обработка латунных предметов отличается от обработки серебряных пряжек. Здесь литая поверхность удалялась не скоблением, а напильником, о чем свидетельствуют четкие параллельные друг другу риски. К тому же оборотные стороны латунных пряжек вообще не зачищены. В фондах ГИМ хранится одна латунная орлиноголовая пряжка (инв. 78607) (рис. 8), которая с лицевой и оборотной сторон, а также способом изготовления аналогична двум предметам. Язычок для нее выпален из ковкого латунного дрота. Все трасологические показатели указывают на то, что рассматриваемые три латунные орлиноголовые пряжки (две из ГЭ, одна из ГИМ) этой группы были отлиты в двусторонних глиняных формах, сделанных с помощью готовой отремонтированной вещи, а именно — по серебряной пряжке 1820/301. Несмотря на сходство тех и других, можно также утверждать, что латунные пряжки не являются проделкой мастера, который сделал серебряные, поскольку здесь работа выполнена иначе. Если бы это был один человек, то латунные пряжки также имели бы литые петли, а не петли на штифтах, и были бы обработаны скоблением

со всех сторон, а не только с лицевой стороны и с торцов. Можно было бы предположить, что техника изготовления была разной из-за разных материалов. Но это не так. Технических различий и в том и в другом случае нет. Схема литых вещей и обработка отливки как для серебра, так и для латуни всегда будет одна и та же. Даже если бы мастер стал использовать для других заказчиков вместо серебра латунь, то он все равно бы применял те ювелирные приемы и инструменты, которыми владел изначально, тем более, если речь идет о серийном производстве. Боспорский мастер не обладал тем металлическим шаблоном, по которому отлили серебряные пряжки. Поэтому необходимо подчеркнуть, что в этом случае вопросы о месте производства и способе изготовления латунных боспорских пряжек и о времени их изготовления и бытования требуют иного подхода.

Следующие три латунные орлиноголовые пряжки (ГЭ инв. № 1820/9; инв. № 1101/4; инв. № 1101/1; рис. 9, 10; Засецкая 2005: кат. № 1, 6-7) показывают такую же картину. Они почти идентичны серебряной пряжке 1820/382 (рис. 1: 1). На первый взгляд можно подумать, что пряжки были сделаны именно с этой вещи. Но на серебряной пряжке имеются литые петли, укрепленные в процессе ремонта коваными, поэтому использовать эту вещь в качестве модели-посредника было бы уже невозможно. Что же касается второй серебряной пряжки 1820/301 (рис. 1: 2), то она также не могла быть использована в качестве образца в производстве этих трех латунных пряжек, так как на оборотных сторонах вещей нет такой литой выпуклости (отпечаток дефекта) и литой выемки, какие есть на серебряной. К тому же на торце щитков (около петель) прослеживается иное оформление бортов. Это позволяет предположить, что данные предметы были изготовлены с помощью иной аналогичной серебряной вещи, починенной, но до нас не дошедшей, у которой уже были спилены петли.

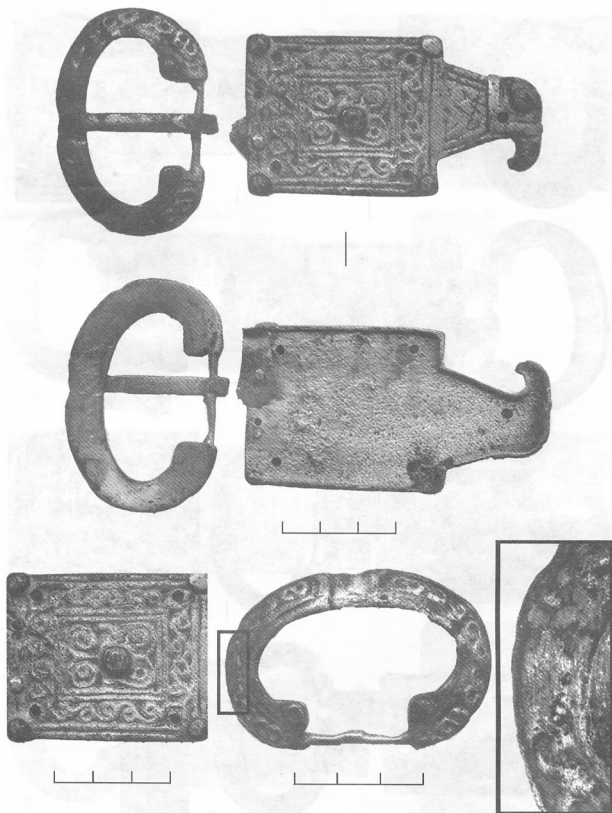

Рис. 8. Орлиноголовая пряжка из Керчи с лицевой и оборотной сторон (инв. № 78607).

Fig. 8. Eagle-headed buckle from Kerch on the front and back side (no. 78607).

Рис. 9. Орлиноголовые пряжки с лицевой и оборотной сторон: 1 – Керчь, земляная могила 52 (инв. № 1820/9); 2 – Керчь, собрание А. А. Бобринского (инв. № 1101/4).

Fig. 9. Eagle-headed buckles on the front and back side: 1 – Kerch, grave 52 (no. 1820/9); 2 – Kerch, A.A. Bobrinsky's collection (no. 1101/4).

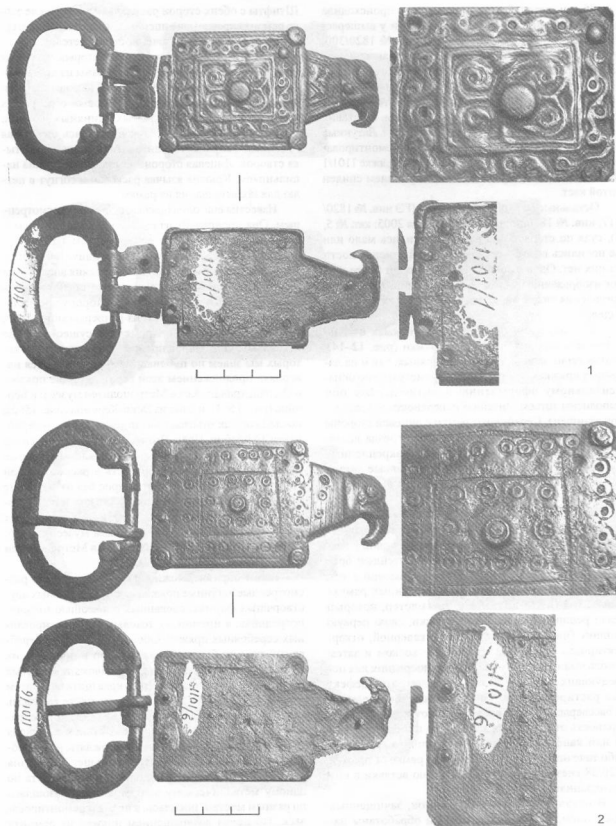

Рис. 10. Орлиноголовые пряжки с лицевой и оборотной сторон. Керчь, собрание А. А. Бобринского: 1 – инв. № 1101/2, 2 – инв. № 1101/6.

Fig. 10. Eagle-headed buckles on the front and back side. Kerch, A. A. Bobrinsky's collection: 1 – no. 1101/2, 2 – no. 1101/6.

Сборка деталей этих трех пряжек происходила по той же технологической схеме, что и у вышерассмотренных латунных пряжек (ГЭ инв. № 1820/300; инв. № 1101/5; рис. 7). На отдельные кованые петли, которые штифтами крепились к шитку, подвешивалась рамка с подвижным язычком. Несмотря на идентичность механической обработки, мастер на этих пряжках не стал оформлять литые касты, а оставил их ложными, имитируя тем самым вставки. Латунные пряжки, в отличие от серебряных, не ремонтировались, но имеют следы изношенности. На пряжке 1101/1 в нижнем левом углу по каким-то причинам спилена литая каста.

Остальные две латунные пряжки (ГЭ инв. № 1820/517; инв. № 1820/58; рис. 11; Засека 2005: кат. № 5, 2), судя по стержню на рамках, носились мало или не носились вовсе – следов заметной изношенности на них нет. Одна отливка (1820/58) имеет более четкое изображение по сравнению со второй. Способ изготовления такой же, как и у предыдущих латунных изделий.

При изучении орлиноголовых пряжек отдельного рассмотрения требуют их рамки (рис. 12–14). В этой серии вещей, как из серебряных, так и из латунных пряжках, все рамки по параметрам и по орнаментальному оформлению идентичны. Все они выполнены литьем. Литая поверхность со всех сторон зачищена. Серебряные рамки с лицевой стороны позолочены. В литые рассверленные гнезда вставлены гранаты в форме каболонов, закрепленные обжатием краев кастов. Эти конструктивные детали пряжек (рамки и язычки) имеют следы основательной изношенности.

Что касается латунных рамок, то они, как и латунные шитки, отливались отливкой с готовых вещей, то есть по серебряным рамкам. На одной из латунных рамок (инв. № 1101/4) есть литый брак (рис. 12: 4). Подобный же дефект, и именно в том же месте, имеется почти на всех латунных рамках (рис. 13, 14). По-видимому, тот мастер, который делал реплики с серебряной пряжки, свою первую реплику (инв. № 1101/4) отлил с каверной, откорректировал брак, залепив каверну воском и затем использовал эту рамку как модель-посредник для последующих отливок. Таким образом, этот дефект был растиражирован. Гнезда на латунных рамках не рассверлены, они лишь имитируют вставки. На поверхность этих ложных кастов при помощи пуансона или канфарника был нанесен либо кружковый, либо точечный орнамент. Только на рамке от пряжки 1820/58 гнезда были рассверлены, но вставки в них не сохранились.

В отличие от серебряных рамок, зачищенных скоблением, все латунные пряжки обработаны напильником. С оборотной стороны четко прослеживаются регулярные полосы (бороздки), параллельные друг другу. На рамке латунной пряжки 1820/300 имеются следы ремонта (рис. 7: 1). Остатки старого стержня были зашлифованы почти заплотило, около кастов были высверлены отверстия под штифты, с помощью которых крепился дрот с раскованными концами.

Штифты с обеих сторон расклепывались. После этого ремонта пряжку еще носили, так как на новом стержне имеются следы изношенности от петель.

Что касается язычков, то у некоторых латунных пряжек они литые, а у других откованы из дрота. Хоботовидные латунные язычки так же, как шитки и рамки, делались путем отливок с готовых серебряных и отливались в двусторчатых глиняных формах. На оборотной стороне язычков остались шершавая литая поверхность и литый шов на месте стыка створок. Лицевая сторона язычков обработана напильником. Крючок язычка раскован и согнут в петлю для подвешивания на рамку.

Известна еще одна пряжка, подобная рассмотренным. Она происходит из раскопок Шкорпила и выставлена на экспозиции в Керченском Государственном историко-культурном заповеднике (рис. 15: 1). Эта вещь внешне и техникой исполнения аналогична предыдущим, но из-за того, что не представилось возможности изучить оборотную сторону предмета, ее сложно отнести к одной из вышерассмотренных групп латунных пряжек. Кроме того, существует еще несколько экземпляров пряжек такого же типа, о которых мы знаем по публикациям, они являются наверняка продолжением этой серии. Это две пряжки из Керчи, хранящиеся в Метрополитен музее и в Берлине (рис. 15: 3), и одна из Эски-Кермена (рис. 15: 2), последняя, как отмечает автор публикации, – серебряная (Айбабин 1990; Brown 1996: 224–234; Götze 1907), с них также могли быть изготовлены латунные пряжки, возможно даже, они есть в рассмотренной группе. Но ответить на этот вопрос без их изучения невозможно. То же самое можно сказать и про опубликованные латунные пряжки: две из них происходят из Гурзуфа и хранятся в Берлинском музее (рис. 16; Götze 1907), а две других из Керчи – в Метрополитен музее (Brown 1996: 224–234).

Таким образом, можно заключить, что все рассмотренные латунные пряжки отлиты в глиняных двусторчатых формах, сделанных с помощью модели-посредника, а именно – с готовых отремонтированных серебряных пряжек. Обратные стороны серебряных пряжек были одинаковые, но в процессе их ремонта другой (второй) мастер обломанные литые концы петель спиливал почти до края шитка, при этом частично затрагивая и борт. В этом месте менялась конфигурация борта серебряных пряжек, что и отразилось на последующих латунных отливках. Исходя из полученных данных, можно утверждать, что серебряные пряжки были сделаны раньше. Эта серия серебряных пряжек (первая партия) была отлита по одному металлическому шаблону, затем разошлась по разным местам, носилась, а позже и ремонтировалась. Но перед возвращением пряжек из ремонта с них была сделана серия латунных вещей. Не исключено и то, что более ранние серебряные пряжки были изготовлены за пределами Боспора.

Заключение. Приведенные данные, полученные в результате трасологического анализа, позволяют проследить путь бытования одного вида вещей со всеми последующими их видоизменениями и реконст-

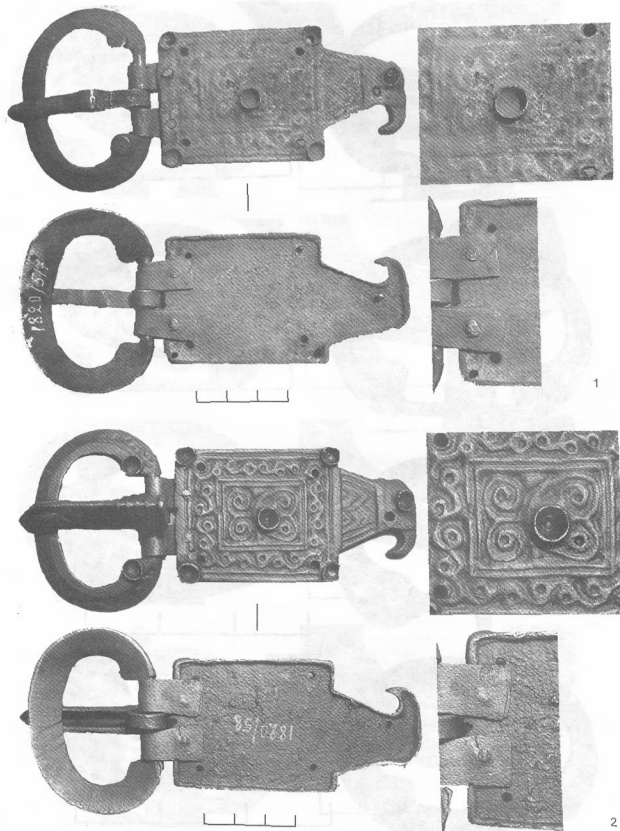

Рис. 11. Орлиноголовые пряжки с лицевой и оборотной сторон: 1 – Керчь, склеп 180 (инв. № 1820/517); 2 – Керчь, гора Митридата, 1875 г. (инв. № 1820/58).

Fig. 11. Eagle-headed buckles on the front and back side: 1 – Kerch, tomb 180 (no. 1820/517); 2 – Kerch, Mt. Mithridates, 1875 (no. 1820/58).

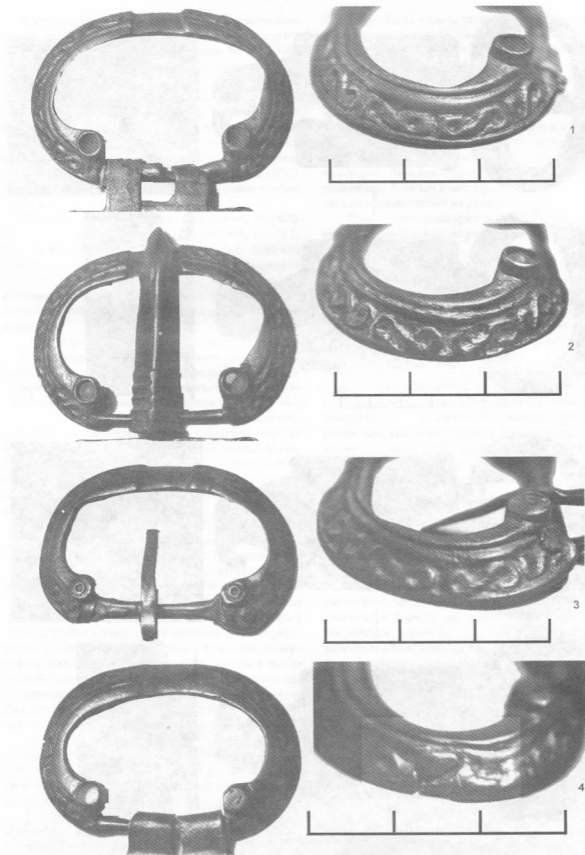

Рис. 12. Рамки ординаголовых пряжек с лицевой стороны, фрагменты с литейным браком: 1 – Керчь, склеп 163 (инв. № 1820/382); 2 – Керчь, склеп 152 (инв. № 1820/301); 3 – склеп 152 (инв. № 1820/300); 4 – Керчь, собрание А. А. Бобринского (инв. № 1101/4).

Fig. 12. Frames of eagle-headed buckles on the front side, miscast parts: 1 – Kerch, tomb 163 (no. 1820/382); 2 – Kerch, tomb 152 (no. 1820/301); 3 – tomb 152 (no. 1820/300); 4 – Kerch, A. A. Bobrinsky's collection (no. 1101/4).

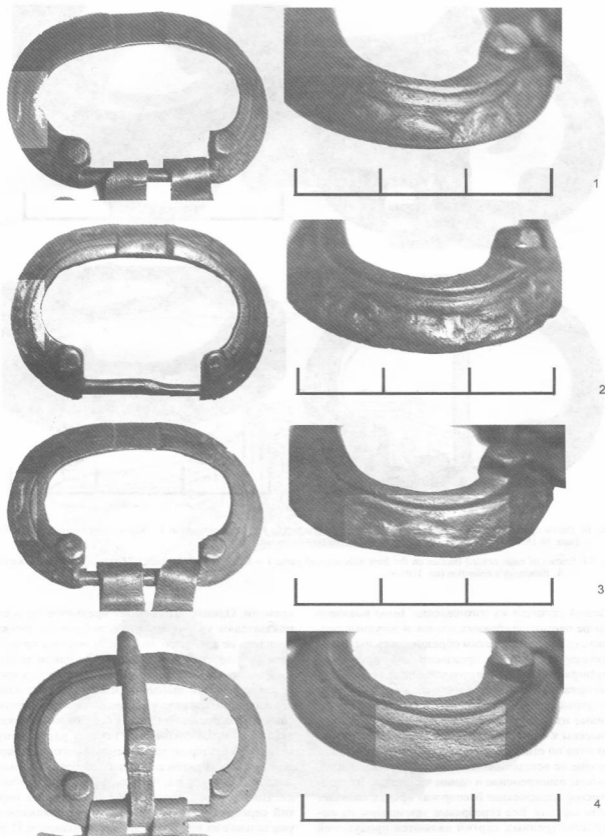

Рис. 13. Рамки орлиноголовых пряжек с лицевой стороны, фрагменты с литейным браком: 1 – Керчь, земляная могила 52 (инв. № 1820/9); 2 – Керчь, собрание А. А. Бобринского (инв. № 1101/5); 3 – Керчь, собрание А. А. Бобринского (инв. № 1101/1); 4 – Керчь, склеп 180 (инв. № 1820/517).

Fig. 13. Frames of eagle-headed buckles on the front side, miscast parts: 1 – Kerch, earthen grave 52 (no. 1820/9); 2 – Kerch, A. A. Bobrinsky's collection (no. 1101/5); 3 – Kerch, A. A. Bobrinsky's collection (no. 1101/1); 4 – Kerch, tomb 180 (no. 1820/517).

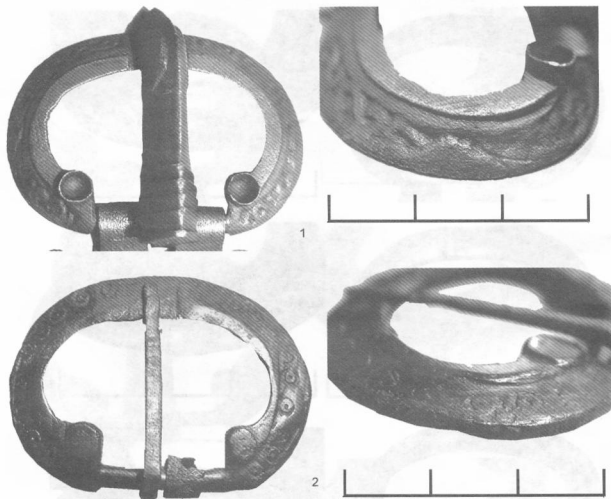

Рис. 14. Рамки ординоголовых пряжек с лицевой стороны, фрагменты с литейным браком: 1 – Керчь, гора Митридата, 1875 г. (инв. № 1820/58); 2 – Керчь, собрание А. А. Бобринского (инв. № 1101/6).

Fig. 14. Frames of eagle-headed buckles on the front side, miscast parts: 1 – Kerch, Mt. Mithridates, 1875 (no. 1820/58); 2 – Kerch, A. A. Bobrinsky's collection (no. 1101/6).

ручкой процесса их изготовления. Было выявлено четыре партии серебряных пряжек и латунные реплики с одной из них. Таким образом, здесь мы имеем дело с двумя периодами производства: 1 – оригинальное (первоначальное) изготовление вещей (серебряные пряжки) и 2 – изготовление копий с оригиналов (латунные пряжки). Отсюда следует, что вещи, сделанные из разных металлов, не всегда могут быть отнесены к одной группе, несмотря на их внешнее сходство по стилистическим особенностям, так как это еще не всегда означает, что такие изделия изготовлены одновременно и одним человеком. Трасологическое исследование боспорских пряжек выявляет иную картину. Все серебряные экземпляры из вышерассмотренных партий являются продукцией одного человека. Это он придумал шаблоны вещей, которые в процессе использования модернизировал и затем делал с них после каждой реконструкции жесткие (металлические) образцы. Именно с этих образцов делались партии предметов, одинаковых с лицевой и оборотной сторон, которые были изготовлены в сравнительно короткий промежуток

времени. Одинаковый ремонт предметов по всем показателям указывает, что серебряные пряжки носились не так долго. Все они сносились практически одновременно и сломались в одном месте. По изношенности можно говорить о том, что в процессе разработки шаблонов мастер не учел одно важное обстоятельство и допустил конструктивную ошибку. Слабым звеном во всех серебряных пряжках оказались литые откованные петли. Судя по тому, что другой мастер во время ремонта изготовил партию латунных пряжек с готовых серебряных вещей, можно предположить, что последние еще бытовали. По-видимому, после однажды сделанных партий серебряных пряжек позже мы сталкиваемся уже только с их копиями в другом исполнении. Первый мастер и автор всех партий по каким-то причинам быстро прекращает свою деятельность. Сложно дать ответ на вопросы о том, кто был первый автор, почему он работал такое короткое время и что с ним произошло. Наверняка он работал на Боспоре, поскольку именно здесь и в пределах Крыма (Гурзуф, Суук-Су, Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Скалистое)

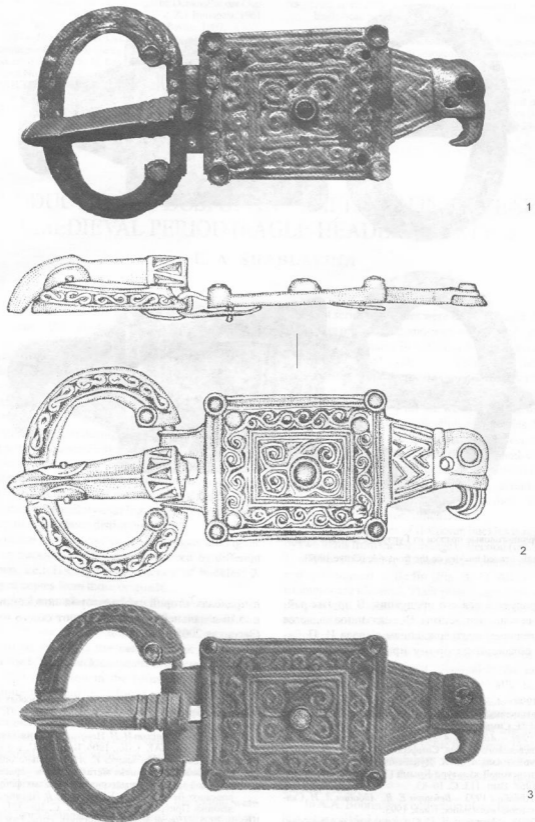

Рис. 15. Орлиноголовые пряжки с лицевой стороны: 1 – Керчь, Керченский историко-археологический заповедник; 2 – Эски-Кермен (Айбабин 1990); 3 – Керчь (Gutze 1907).

Fig. 15. Frames of eagle-headed buckles on the front side: 1 – Kerch, Kerch Historical and Archaeological Preserve; 2 – Eski-Kermen (Айбабин 1990); 3 – Kerch (Gutze 1907).

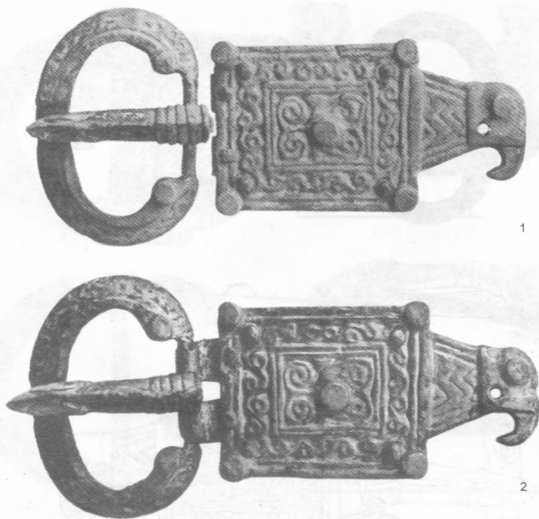

Рис. 16. Орлиноголовые пряжки из Гурзуфа с лицевой стороны (Gütze 1907).

Fig. 16. Eagle-headed buckles on the front side (Gütze 1907).

концентрируется вся его продукция. В других районах такие вещи неизвестны. Все сказанное является дополнительным подтверждением вывода И. П. Засецкой, согласно которому пряжки датируются

в пределах второй трети–второй половиной VI в. н. э. и в дальнейшем не получают своего развития (Засецкая 2005: 62–63).

Айбабин 1990 – Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Симферополь, 1990. Вып. 1. С. 4–87.

Айбабин 1999 – Айбабин А. И. Этническая история раннесредневекового Крыма. Симферополь, 1999.

Амброз 1968 – Амброз А. К. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI–VII вв.) // КСИИ. М., 1968. Вып. 113. С. 10–83.

Веймарн, Айбабин 1993 – Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.

Засецкая 2005 – Засецкая И. П. О хронологии и взаимосвязи орлиноголовых пряжек из Боспорского некрополя и южнокрымских могильников раннесредневекового периода // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2005. Вып. 7. С. 57–102.

Мацулевич 1926 – Мацулевич Л. А. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926.

Минасян 1995 – Минасян Р. С. Техника литья «чудских образов» // АСИЭ. СПб., 1995. Вып. 32. С. 119–127.

Минасян 1997 – Минасян Р. С. Данные о способах изготовления крымских пальчатых фибул // МАИЭТ. Симферополь, 1997. Вып. 6. С. 479–489.

Репников 1906 – Репников Н. И. Некоторые могильники крымских готов // ИАК. СПб., 1906. Вып. 19. С. 1–80.

Шаблавина 2001 – Шаблавина Е. А. Визуально определяемые особенности литья металлических украшений по восковой модели (на материале пальчатых фибул Днепровского Левобережья VII в. н. э.) // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001. С. 308–321.

Щукин 2005 – Щукин М. Б. Готский путь. Готы, Рим и Черняховская культура. СПб., 2005.

Bona 1983 – Bona I. Szabad Nagy Avar leletei // Szylnoe megyei múzeumok évkönyve. Szolnok, 1983. P. 81–160.

Brown 1996 – Brown K. R. If only the Dead Could Talk. An Update of the East German and Hunnish Jewelry Collections at The Metropolitan Museum of Art // Ancient Jewelry and Archaeology. Bloomington; Indianapolis, 1996. P. 224–234.

Csallany 1961 – *Csallany G.* Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454–568 u. Z.). Budapest, 1961.
 Götze 1907 – *Götze A.* Gotische Schnallen. Berlin, 1907.
 Horedt 1977 – *Horedt K.* Der Östliche Reihengräberkreis in Siebenbürgen // *Dacia*. București, 1977. Vol. 21. S. 251–268.
 Kazanski 1996 – *Kazanski M.* Les Germains orientaux au nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du Ve s. et au VIe s. // *МАИЭТ. Споменици*, 1996. Вып. 5. № 324–337.
 Rusu 1959 – *Rusu M.* Pontische Gürtelschnallen mit Adlerkopf VI–VII Jh. u. Z. // *Dacia*. București, 1959. Vol. 3. S. 485–523.

Vagalinski et al. 2000 – *Vagalinski L., Atanasov G., Dimitrov D.* Eagle-head buckles from Bulgaria (6–7 centuries) // *Archaeologia Bulgarica*. Sofia, 2000. Vol. 4.
 Vinski 1968 – *Vinski Z.* Adlerschnallenfunde in Jugoslawien // *Liber Yosepho Kostrzewski ostogeneratorio a veneratoribus dicatus*. Warszawa, 1968, S. 314–325.
 Zaslavskaya 2004 – *Zaslavskaya I. P.* On the chronology of eagle-head buckles from the necropolis of Bosporus and South-Crimean burial-grounds of the early medieval period (6th – early 7th centuries AD) // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Leiden, 2004. Vol. 10. No. 1–2. P. 77–138.

PRODUCTION OF BOSPORAN CRAFTSMEN IN THE EARLY MEDIEVAL PERIOD (EAGLE-HEADED BUCKLES)

E. A. SHABLAVINA

The so-called eagle-headed buckles are among the most reliable chronological indicators of the early medieval Crimea. They have been discovered both in burials of the Bosporan necropolis in Kerch and at burial-grounds situated in the southern Crimea. Some of these objects are housed now in the State Hermitage Museum (St.-Petersburg), the State Historical Museum (Moscow), in a number of European museums and in America. Some of the items were lost during the World War II and their present whereabouts are unknown. On the surface of the available examples, various traces of tools, working operations and repairs are discernible. By tracewear studies of the techniques of manufacture of the buckles, two centres of jewellery-making in the regions under consideration have been distinguished.

Technical features enable us to segregate among the Bosporan buckles several series, produced by different craftsmen, i.e.: 1. Original production of buckles; 2. Making of copies from those originals.

Original manufacture of buckles: On the basis of structural features and individual styles expressed in a common scheme of decoration, four series of buckles produced by one and the same artisan have been distinguished. These buckles consist of a rectangular plate with a side projection in the form of the head of a predatory bird and cast loops on which an oval frame with a movable tongue was suspended. All the constructional parts of the buckles (plates, frames and tongues) were uniformly cast and finished: the cast surface was smoothed off by grinding, the design finished with a burin, the article was hot-gilded, and stone inserts fixed in cast and then bored-out sockets. The parts were cast in two-piece clay moulds. Both pieces of the mould were imprinted from a single metallic stamp or an exemplary buckle so that the two sides of the cast item were identical (cf. the first series of two buckles, inv. nos. 1820/382 and 1820/301 from the State Hermitage; Fig. 1).

The mould for the metallic stamp was undoubtedly modelled by imprinting a wooden model covered with wax. The design on such a model could be easily corrected or even completely altered before its use. In that way

different series of buckles were manufactured. After each reshaping of the wood-and-wax model, the front piece of the mould was made in which then a wax model for the rear side was cast by splashing. By means of the latter the second piece of the mould was modelled. After the mould was completed, a metallic prototype of the buckles was cast which together with the wood-and-wax model was kept by the artisan for replication of the series. When the metallic model was lost, manufacture of the corresponding series ceased altogether; when the wood-and-wax model was lost it became impossible to modify the original example. Thus e.g. the buckles of the second and third series were manufactured differing in their designs but with plates of the same dimensions.

The second series of Bosporan buckles is represented by two items from the Hermitage collection (inv. no. 1820/11 and no. 1101/2; Fig. 2) and another one found in Garzuf and now housed in Berlin (Fig. 3: 1). All of the three examples are identical. Their plates are decorated on the periphery by S-shaped volutes. In the centre they have a rectangular field decorated by a design of four volutes encircling a cast socket with a stone insert. The pattern on the plates resembles that of the first series of silver buckles although it is not identical to the latter. The composition of the design is schematically the same in the two series differing in the second one only by a slightly smaller size of the plates, different dimensions of the decorated fields and their design which however is compositionally similar to the first group. Furthermore, the loops on the examples of the second series are located on the spot of the eagle-headed side projection of the first group.

In A.A. Bobrinsky's collection of the Hermitage there is a silver gilded buckle which represents a third series (inv. no. 1101/3; Fig. 3: 2). In the centre of its plate there is a rectangular field decorated with S-shaped volutes and a herringbone pattern, encircled by a border of S-shaped volutes. Although its design differs from that of the second group of buckles, this is a copy from the same counterpart. It has the plate of the same dimensions with the same position of the cast loops. Undoubtedly, the mould for the

buckle under consideration was modelled by means of the same wood-and-wax model although with a slightly differing design on its wax layer. The technique of its manufacture is also the same. Thus we have grounds to suppose that this object was manufactured by the same artisan who made buckles of the first and second groups. From publications we know yet about three other buckles from Chufut-Kale (catacomb grave 21), Suuk-Su (tomb 169), Skalistoye (tomb 683) (Fig. 4) which belong to the third series.

The fourth series is small and consists of four silver eagle-headed buckles with a rectangular field on their plate. Although identical on the front side, these buckles differ in the technique of their manufacture. Two of them (inv. nos. 1820/145 and 1820/875 from the Hermitage collection; Fig. 5) have cast plates with a rectangular perforation in the middle covered from the underside by a soldered thin bronze plate with a socket. The front and back sides of the buckles are identical.

Another buckle (no. 1821/19; Fig. 6) of this series might at first appear to be identical to the first two in its dimensions, design and construction (Fig. 6: 1). However, in this case the plate with a decorated field and a socket was cast as a single piece. On the front side the buckle shows in addition certain differences of design as compared with the former examples. In the upper left corner of the plate the two S-shaped volutes are arranged differently, although generally the pattern is similar. Furthermore, the corners of the central rectangular perforation on the plate have another form, as well as the outlines of the frame around the eye of the bird on the side projection, while the two small strips on the bird's 'neck' are lacking. These facts indicate that the initial wood-and-wax model from which the intermediate metal example was made had been altered in the mentioned parts. Afterwards, another, slightly modified metallic model was cast with a rectangular opening in the centre. After that latter model, the third object of the group under consideration was manufactured in the same technique as the two former buckles. It thus seems that the third item was copied from a completed example and therefore it must have had an imprint from the abovementioned soldered plate patching the central perforation. However such an imprint is lacking because exactly this spot was ground off although the surface around it has been left untouched. We have thus grounds to conclude that the item under consideration was manufactured by another artisan since it was copied from a completed example and the casting has been finished in another technique.

The fourth series includes yet another buckle (inv. no. 1823/30; Fig. 6: 2), which is slightly different from the three described above. This also was cast as one piece. Its appearance has much in common with the first two silver items of the series. However the fourth buckle has a different shape of the bird-headed side projection. This article evidently was also copied from a completed example since it has a rectangular imprint on the back side which resembles the soldered bronze patch on the two first buckles. Moreover, the central rectangular field on the front side is convex. Evidently the maker had at his disposal a completed example but the soldered platelet

with a socket had been broken off. He possibly replaced it with a patch made of wax instead of bronze having pressed the wax through the rectangular hole from the underside of the article. The wax formed a bulging surface on the front side. On that surface, the outlines of the frame with a socket were roughly modelled. As to the shape of the bird's head which differs from those on the first two buckles, here the alterations had taken place earlier, viz. during the manufacture of the intermediate model with a rectangular opening in the centre. The maker modified the model either having attached a new smaller head to it or diminished the previous one.

In the group of the four buckles described above, the two first items with soldered platelets are the original ones whereas the other two are imprints (evidently made by some other craftsmen) from these originals. The prototypes of all these replicas must have been created by the maker of the first two buckles since the alterations they show could have been produced only on the basic wood-and-wax model. Hence the appearance of the prototypes, as well as the technique of their manufacture, were evidently identical with the two items with soldered plates. The maker of the latter, judging by the common style of the rectangular plates, the similar technique of finishing of the articles and the use of two types of frames in the buckles, was the same artisan who made all the three series described above. Only that artisan had at his disposal the wood-and-wax model and after its modification he cast the metal counterparts for each new series.

Repairs of silver buckles. The buckles of the four series described above, particularly the gilding and silver on the protruding parts of the relief, are worn out. In addition, the loops on the plates and crossbars of the frames were ground off, broken and then repaired. In some cases, the loops cast as one piece with the plates were also broken. Their remains were either filed out or new loops cut from a brass plate were riveted to the plate below them. Where the crossbar of the frame was badly ground out, it was fixed on the plate by means of two forged brass platelets (Fig. 1: 1).

All of the repairs were accomplished by a single person and evidently the same who manufactured the brass replicas from silver buckles. This is suggested by the same technique of making the loops and their fixation, as well as the identical material – brass used for the restoration.

Replication of the originals. Among the Bosporan collection there are still other seven belt buckles which were cast from brass (not from bronze as supposed before) by some later artisan. Among these, we may select two (inv. nos. 1820/300 and 1101/5 from the State Hermitage; Fig. 7) which are identical to the silver buckle no. 1820/301 (Fig. 1: 2) on their front and back side. These show the same features of the bowl-shaped back side, the same arrangement of the holes with pins (fixation on the belt), as well as all the traces of repair and defects, which are found on the silver prototype. The cast parts of the brass buckles were joint together in the same way as in the process of repairing the silver ones although the mechanical finishing was different. The tracer analysis has shown that brass eagle-headed buckles of the group

under consideration were cast in two-piece clay moulds which had been modelled by means of a completed and repaired example. Despite the similarity between the silver and brass buckles as mentioned above, it is evident that they have been made by different artisans since the technique of their execution differs. Moreover, the second artisan had not at his disposal the metallic model after which the silver buckles had been cast.

The remaining brass buckles of the series show a similar technique of manufacture (Fig. 8–11).

The other brass and silver buckles known from publications undoubtedly belong to the series considered above. The three silver examples include one from Eski-Kermen and two from Kerch. These items had probably served as the originals for making the brass buckles: two from Gurzuf and two from Kerch which are now in New-York, Berlin and Simferopol (Fig. 15, 16).

Thus all brass buckles were cast in two-piece clay moulds. These moulds were modelled by means of silver examples manufactured some time before and repaired in the course of their use.

The facts described above allow us to reconstruct the production of several consignments of Bosporan buckles.

There were two periods of their manufacture: 1) the original production, and 2) making copies from the originals. The entire group of silver buckles described above was made by one and the same craftsman. He designed templates for these articles, modified them and cast hard metal examples with their use. After those examples, consignments of similar buckles were manufactured over a fairly short periods of time. The objects thus manufactured were rather quickly worn out during their use so that they were repaired possibly by the same artisan who had made them. These buckles undoubtedly were in use concurrently and were damaged in a similar way. It was probably another craftsman who afterwards was occupied with repairing the silver buckles which still remained in use and who made a new series of brass buckles copying them from the already existing objects. It is difficult to say who was the first artisan, why he had been working only over a short period of time and what was his fate. Undoubtedly is only that he lived in Bosphorus because all his products are concentrated within the territory of the Crimea (Gurzuf, Suuk-Su, Eski-Kermen, Chufut-Kale, Skalistoye) and have not been reported from elsewhere.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗООМОРФНЫХ ГРЕБНЕЙ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ В ЕВРОПЕ¹

М. В. ШАРЫГИНА²

В эпоху Великого переселения народов в Центральной и Западной Европе появляются трехчастные гребни, украшенные парными головками животных. Типологически они восходят к трехчастным гребням позднеримского времени, которые изготавливались из нескольких составных пластинок с зубцами, закрепленных цельными накладками с двух сторон, образующими ручку или спинку гребня (и поэтому в литературе получили название трехчастные, трехслойные, трехчастные или многочастные и т. д.). Вся конструкция скреплялась бронзовыми или железными штифтами-заклепками. Зооморфные гребешки, как правило, всегда снабжались футляром для зубьев, который также украшался резными конскими головками. Изготовление таких гребней было трудоемким процессом и требовало от мастеров не только навыков, высокого профессионализма, но и определенного набора инструментов для распиливания, выпиливания, сверления, зажима пластин. Кроме того, требовалось знание рецептов растворов для вымачивания кости, чтобы в дальнейшем ее можно было обрабатывать. Всеми этими приемами владели мастера позднего римского времени, в эпоху Великого переселения народов к этому набору необходимых навыков еще добавилась достаточно сложная резьба по кости.

В отличие от гребней римского времени, которые неоднократно привлекали внимание различных исследователей (Thomas 1960; Snotliwy 1963; Никитина 1969; Chmielowska 1971; Щукин 1977; Шишкин 1999), отдельных работ, посвященных гребням эпохи переселения народов, нет. В работе 1960 г. З. Томас, возможно, из-за незначительного на то время количества находок, они рассматривались вместе с римскими гребнями и вошли в тип III – с расширенной, сложной формой спинки, в основе которой лежит прямоугольник с полукруглой, сильно выдающейся средней частью (Thomas 1960). А. Рауз в своем исследовании наряду с другими изделиями из кости и рога собрала и описала фризские гребни, среди которых были и гребни с зооморфными украшениями (Roes 1963). Ее работа снабжена большим количеством фотографий находок, но вещи представлены вне комплексов, нет их типологии и хронологии.

На сегодняшний момент составить подробную типологию зооморфных гребней достаточно затруднительно, поскольку находки хранятся в различных

музеях Западной Европы, а основная литература мало доступна русскому читателю. Можно лишь условно подразделить все гребни, украшенные головками животных, на «смотрящие» в разные стороны (тип А) и обращенные друг к другу, то есть к центру спинки гребня (тип Б). Интересно отметить, что головки, обращенные в разные стороны, можно достаточно точно определить как конские, а повернутые друг к другу, как правило, настолько сильно стилизованы, что установить вид животного невозможно (рис. 1).

Изображением лошадиных головок украшались гребни с треугольной спинкой (тип II, вариант 1 – по З. Томас). Этот вариант имеет плавные расширения в разные стороны по боковым краям пластины с зубьями (рис. 1: f). Ближайшие аналогии ему находят на памятниках Германии второй половины IV–первой половины V в. в районе Везера и Эльбы (Thomas 1960: 96, Abb. 41, 49, Karte 7). Более дробная их классификация была сделана Х. Бёме (Böhme 1974: 122–126). Эта форма гребней не типична для черняховской культуры, в которой такой гребень встретился лишь однажды – в погребении 356 могильника Данчены (Рафалович 1986: табл. LI; Щукин, Щербакова 1986: 191). Находки гребней со спинкой подтреугольной формы известны на памятниках вельбаркской культуры, на позднем этапе ее развития (Козак 1985; 1989). Основная же концентрация треугольных гребней наблюдается во Фризии (Северная Голландия), где, возможно, и был центр их производства. Помимо циркульного орнамента треугольные гребни там часто украшались ажурной резьбой по верхнему краю пластины и снабжались футляром для зубьев (Roes 1963: Plate VI–X), что в целом не свойственно гребешкам позднеримского времени. Зооморфные гребни типа А в Европе не имели столь широкого распространения, и в данном случае можно говорить лишь об отдельных находках.

Наиболее ранними гребнями этого типа, по всей видимости, являются находки в погребениях Кортра (Франция), по Х. Бёме, эти погребения относятся к ступени А (380–430) раннего этапа провинциально-римской культуры (Böhme 1974: Tafel 117, 9; 130, 5). В богатом детском захоронении Балёр (Южная Бургундия) был обнаружен еще один гребень (длина гребня составляет 5,5 см; длина футляра 7,7 см), с обеих сторон украшенный циркульным орнаментом (Vallet 1990: 75). Гребень был встречен в погребении девочки,

¹ Пользуясь случаем, приношу благодарность моему научному руководителю М. Б. Щукину за помощь в работе, а также Д. Г. Савинову за консультации.

² Россия. 199050. Санкт-Петербург. Менделеевская линия, д. 5. Санкт-Петербургский государственный университет, исторический факультет, кафедра археологии.

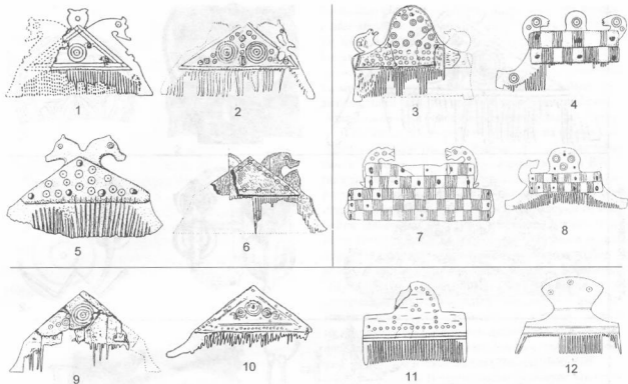

Рис. 1. Типология зооморфных гребней эпохи переселения. Тип А (левая колонка), тип В (правая колонка) и их позднеримские прототипы (внизу): 1, 9, 10, 11 – Германия; 2 – Австрия; 4, 8 – Йорк (Англия); 5 – Кортра (Франция); 6 – Баллеур (Южная Бургундия); 7 – Фризия (Северная Голландия); 12 – Черняхов (Украина).

Fig. 1. Types of zoomorphic combs of the epoch of the Great Migrations. Type A (left column), Type B (right column) and their late-Roman prototypes (below): 1, 9, 10, 11 – Germany; 2 – Austria; 4, 8 – York (England); 5 – Cortrai (France); 6 – Balleure (South Burgundy); 7 – Frisia (North Holland); 12 – Chernyakhov (Ukraine).

которое имело богатый и хорошо датированный инвентарь. В частности, в состав инвентаря входили две большие парные ромбовидные фибулы (формы Па, по А. К. Амброзу, первой половины V в. – Амброз 1982: 107–121), а также вещи, характерные для захоронений эпохи Великого переселения народов (Bierbrauer 1975: 131–142; Martin 1984), такие, как в могиле Унтерзибенбрунн. В Западной Европе подобные наборы вещей фиксируются в памятниках, относящихся к V в., в регионах, которые находились под западногерманским влиянием: Италия, Испания, Древняя Бургундия. Наряд девочки, погребенной в Байере в середине V в. или немного позднее, представляет собой образец парадного восточногерманского костюма. Вероятно, она имела бургундское происхождение и адаптировалась к дунайской моде (Vallet 1990: 76).

Следующая находка гребня, украшенного лошадиными головками, была сделана в могильнике Лебени (Чехия), в богатом погребении варварского вождя. Гребень зафиксирован под черепом погребенного (Bona 1991: 27, Abb. 21); он был декорирован циркулярным орнаментом, снабжен футляром для зубьев, который был украшен таким же орнаментом и парой конских резных головок по краям. В погребении были найдены пряжки фазы D₂, по Я. Тејралу, относящиеся к горизонту Унтерзибенбрунн (Tejral 1973: Abb. 3, 1–6).

В Австрии при раскопках могильника Раннерсдорф (Rannersdorf) близ железной дороги на Вену был

обнаружен гребень типа А, спинка гребня по центру имеет два больших вырезанных круга, в которые вписаны еще три круга с точкой в центре, свободное пространство спинки заполнено более мелким циркулярным орнаментом (Stadler 1981: 182, Abb. 21.4). Автор называет еще одну находку, аналогичную этому гребню, из Лаурикум (Lauricum) с сильно стилизованными головками лошадей (Deringer 1967: Textabb. 1).

Помимо зооморфного гребня на соседнем поселении Унтерланзендорф (Unterlanzenendorf) было обнаружено еще пять находок, относящихся к типу III вариант 1 (мотив С), по З. Томас. Они отличаются узором на круглом выступе спинки, выполненным в виде розетки в круге, и отсутствием зооморфных головок (рис. 2). От гребня из погребения 7 соседнего могильника сохранился только круглый выступ. Если бы не существовали аналоги этому изделию, то его было бы невозможно реконструировать. Подобный орнамент зафиксирован на гребнях из Карнунтума (Carnuntum) и Графенверта (Grafenwörth), а также на гребне с выделенными плечиками из Кельна (Stadler 1981: 155, Textabb 2–5). Следует отметить, что такой тип декора достаточно распространен не только на гребнях, но и на других предметах из кости и стекла (Veeck 1931: Taf. 9), а также при изготовлении полихромных изделий в стиле клуазонне (Roth 1979: 56). П. Стадлер отмечает, что датировка гребней, украшенных розетками, тесно связана со временем существо-

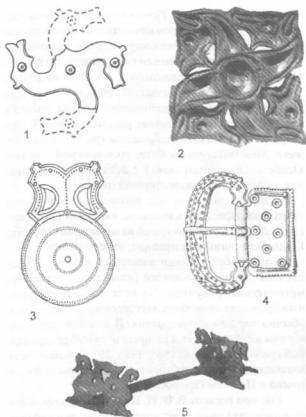

Рис. 3. Изображение лошадиных головок на различных предметах: 1 – фибула I–II вв. н. э.; 2 – фракийская нашивная фибула; 3, 4 – поясная гарнитура (провинциально-римская культура); 5 – деталь музыкального инструмента (раннеримское время).

Fig. 3. Representations of horse heads on various objects: 1 – fibula of the 1st–2nd century AD; 2 – Thracian sewn-on plate; 3, 4 – belt mounts (Roman provincial culture); 5 – part of a musical instrument (early Roman period).

Эльбского региона, дунайский же тип – это гребни с полукруглым выступом на спинке и выделенными заплечиками (Mitrea, Preda 1966: fig. 11, 36, 40, 47 etc.). Не являясь массовыми предметами, эти гребни чаще находились в богатых погребениях, что наводит на мысль, что они могли быть отличительным признаком знати или, по крайней мере, принадлежали людям, имеющим более высокий социальный статус.

Что же касается гребней типа Б, то их форма уходит к гребням типа III, вариант 1 – по классификации З. Томас, или типа III, варианты В1 и В1а – по классификации Г. Ф. Никитиной. Этот тип характерен для черняховской культуры. В целом они широко распространены по всей территории от бассейна Эльбы до бассейна Вислы, но почти полностью отсутствуют в Скандинавии. Можно отметить определенную их концентрацию в Среднем Подунавье, в частности, в пределах римских провинций (Шукин 2005: 175, рис. 59). По западноевропейским материалам это относительно поздний тип гребней, который появляется не ранее IV в., а самые поздние их находки сочетаются с находками ранних S-видных фибул с птичьими головками, вещами, характерными уже для мерovingской эпохи (Thomas 1960: 108, 111; Шукин 1979: 19). В черняховской культуре эти гребни начинают появляться со второй половины IV в. н. э. (Kazanski, Legoux 1988: 26–27) и прекращают свое существование вместе с ее окончанием. Однако одиночные находки встречаются и за пределами их прежнего ареала распространения: на юге Галлии (1 goti 1994: Fig. IV.4), в Испании (Perez Rodriguez-Aragon 1996: fig. 1) и в Македонии (Notliwiy 1996: Abb. 1; Шукин 2005: 392, рис. 136). Несколькo больше их на Среднем Рейне и в Среднем Подунавье, эти находки обычно связываются с проникновением сюда германцев в начале V в. (Шукин 2005: 175). На черняховских же памятниках нет ни одной находки гребней, которые были бы украшены резными фигурками или имели футляры для зубьев. Гребни типа Б есть на германских памятниках позднееримского времени (Thomas 1960: Abb. 54), но, по всей видимости, они немногочисленны (рис. 1: 3).

Следует упомянуть о так называемых фризских гребнях, распространенных на севере и северо-западе Фризии (Северная Голландия), где было обнаружено много изделий из рога и кости, в том числе гребней, среди которых встречались и зооморфные. Во время раскопок в городе Утрехте был найден гребень с колоколовидной спинкой. Вместо лошадиных головок на спинке этого гребня находятся два небольших выступа (возможно, головки были, но не сохранились). По вещевому набору из погребений аналогичных этому он был датирован временем короля Хильдерика, умершего в 481 г. (Roes 1963: 11–12, fig. 3). Несмотря на то что во Фризии продолжали изготавливать простые треугольные гребни, которые могли быть отделаны ажурным декором по краям накладной пластины, резными головками животных украшались гребни несколько иной конструкции. Пластина с зубьями этих гребней с обеих сторон скреплялась, как правило, двумя узкими продольными накладками

вания стила клузоне и погребением Унтерзибенбрун. Поселение и могильник датируются V–первой половиной VI в. (Stadler 1981: 159).

Таким образом, гребни с парными конскими головками (тип А) достаточно хорошо датируются горизонтом Унтерзибенбрун, то есть концом IV–серединой V в. н. э. Парой конских голов также украшались вещи, выполненные в стиле Сецдала, как пример можно привести части конской сбруи из Качинского кладна на Волины (Кухаренко 1982: 280, рис. 4.1; Шукин 2005: 280, 332, рис. 97).

И. Бона полагает, что напрасно некоторые исследователи относят гребни с изображением конских головок к римским вещам, они принадлежат варварскому миру, их находки имеются в германских погребениях в Паннонии, Галлии, на лimesх Рейна, вдоль Дуная и Фракки. По его мнению, они были распространены среди варварского населения в римских провинциях, являются характерным признаком материальной культуры германских племен. Автор выдвигает идею дунайского происхождения таких гребешков (Bona 1991: 271, Abb. 21, 38). Однако треугольные гребни составляют специфику Везерско-

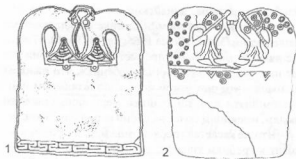

Рис. 4. Пластины из китовой кости: 1 – Англия; 2 – Норвегия IX в. (Британский музей).

Fig. 4. Plates from whalebone: 1 – England; 2 – Norway, 9th century (British Museum).

ми. В позднеиримское время на территории Империи преимущественно пользовались двусторонними гребнями, которые также скреплялись одной или двумя узкими продольными накладками. Достаточно много их и на территории самой Фризии (Roes 1963: fig. 5), имелись также расчески получают наибольшее распространение в эпоху Меровингов.

Много фризских гребней в Англии (особенно в Йорке), где они стали называться англосаксонскими (Roes 1963: fig. 5, Plate XIII. 4) и продолжали там существовать вплоть до VIII в. включительно (рис. 4: 1). Известна находка пластины IX в. из Норвегии (Британский музей), изготовленной из китовой кости (рис. 4: 2), украшенной парными лошадиными головками, стилистически очень похожими на изображение лошадиных голов на гребне из Йорка (рис. 1: 4).

Если с формой гребней все ясно, то с зооморфными мотивами дело обстоит несколько сложнее. Предметы, украшенные изображением парных конских головок, – мотив, широко распространенный в Европе эпохи Великого переселения народов. Это время больших перемен на всем Евразийском континенте. Многие археологические культуры, в том числе и черняховская, перестают существовать вовсе. Готы и другие племена, расселяющиеся под давлением гуннов, распространяют различные элементы своих культур на другие территории. Так и появляются в Центральной и Западной Европе новые зооморфные гребни, но во многом восходящие типологически к позднеиримским. Впрочем, в эпоху переселения парными головками лошадей украшаются не только гребни, но и поясная гарнитура (Vöhne 1974). Откуда же был принесен этот мотив в Западную Европу?

Возможно, какое-то население из Южной Сибири дало мощный импульс этой моде. Как известно, на территории таштыкской культуры, датирующейся III–V вв. н. э., были очень популярны бронзовые пластины – изображения двух конских головок, повернутых мордами в противоположные стороны. Почти в каждом таштыкском склепе встречено около полутора десятка подобных бляшек. Скорее всего, эти предметы использовались как подвески или нашивались на одежду. По способу изготовления бронзовые пластины с изображением лошадей немногим отли-

чаются друг от друга. Почти все изображения вырубались зубилом из бронзовых пластинок-заготовок по наброску, выполненному острым предметом. В редких случаях они могли быть отлиты по форме. Иногда встречаются пластины, сделанные из дерева, еще реже из кости (Кызласов 1960). На дощечках из Уйбате, Тешее и Ташебинского чаггаса имеются своеобразные стрихованные рисунки лошадей (Валецкая 1999). На них изображены три условных сюжета: животные, сцены битв, угон военной добычи. Особенно интересен сюжет с всадниками на лошадях, скачущих в разные стороны (рис. 7).

Следует отметить, что парными зооморфными головками украшали костяные навершия прохоровской культуры, ставшие одной из характерных ее черт. Концы наверший, как правило, отделялись схематичными изображениями животных, в большинстве случаев головами лошадей (уток, птиц), реже геометрическим рисунком. Во всех случаях рисунок и изображения на гребнях двусторонние, поверхность обычно хорошо заполирована. В нижней части навершия вырезался паз, в который вставлялся деревянный гребень (Мошкова 1963: Табл. 26). Большая часть костяных наверший прохоровской культуры сосредоточена в Нижнем Поволжье (рис. 6).

Так, при раскопках В. П. Шиловым Калиновского могильника дважды встречены костяные навершия гребней (курган № 8, погребение 40; курган № 12, погребение 22) (Шилов 1959: 439, рис. 44: 1, 2). На одном навершии боковые грани завершаются схематично выполненными изображениями голов конских лошадей, обращенными в противоположные стороны. Костяная обойма гребня (длина обоймы – 7 см, ширина – 1,7 см) располагалась под ребрами скелета и входила в состав инвентаря довольно богатого женского погребения (Шилов 1959: 439, рис. 44: 3). Вторая находка была зафиксирована в деревянном прямоугольном гробе в коллективном захоронении женщины и трех детей. Гребень был обнаружен около левого плеча женщины. На его навершии изображен необычный сюжет: концы боковых граней увенчаны изображениями не лошадиными, а птичьих головок с широким клювом (по-видимому, утиных), обращенных друг к другу, длина его – 5,7 см. Навершия гребней с подобными мотивами изображений в Нижнем Поволжье неизвестны. Датировку комплекса дают найденная в могильнике фибула среднепалеолитской схемы, датируемая А. К. Амброзом II–I вв. н. э. (Амброз 1966: 22, Табл. 2, 13), а также бусы, биконическое пряслице, обломки бронзового зеркала с невысоким узким ободком (Шилов 1959: 382–384).

Костяные навершия известны из сарматских погребений прохоровской культуры близ с. Усатого (курган № 7, погребения 18/2 и 3 – Синицын 1946: 18, 58, 59, рис. 32, 33), совхоза «Красный Октябрь» (Синицын 1946: 88, рис. 16), с. Бережновка (Динес 1946: 141, 154) и в других пунктах. Головки коньков, обращенные в противоположные стороны, были излюбленным мотивом изобразительного творчества многих народов в течение длительного времени. Следующий сарматский гребень тоже был обнаружен

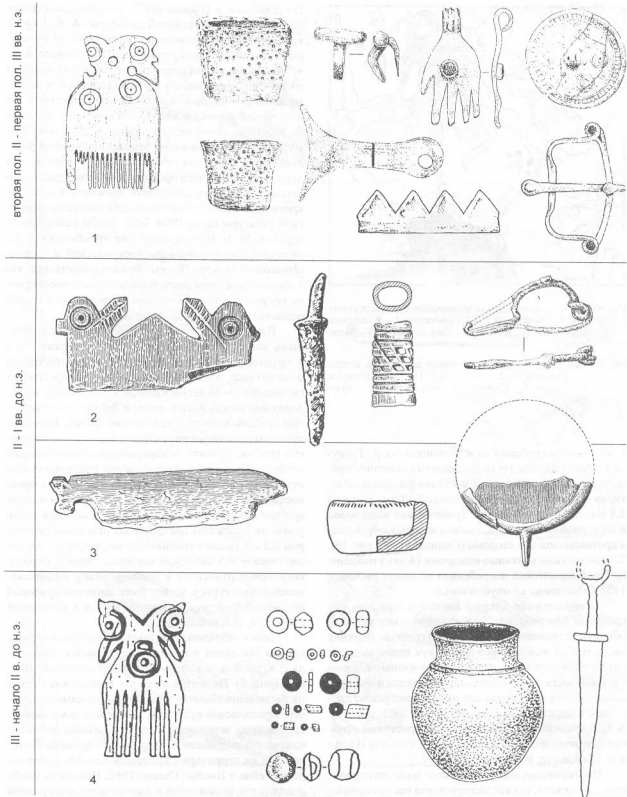

Рис. 5. Комплексы сарматских памятников с зооморфными гребнями: 1 – Высочино V, погребение 1; 2 – Калиновский могильник, курган 12, погребение 22; 3 – Калиновский могильник, курган 8, погребение 40; 4 – Старые Кишки, погребение 25.

Fig. 5. Complexes with zoomorphic combs from Sarmatian sites: 1 – Vysochino V, grave 1; 2 – Kalinovka cemetery, kurgan 12, grave 22; 3 – Kalinovka cemetery, kurgan 8, grave 40; 4 – Starye Kishki, grave 25.

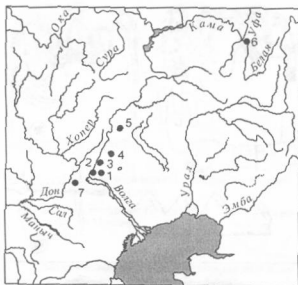

Рис. 6. Карта распространения зооморфных сарматских гребней: 1 – Заплавное; 2 – 15-й поселок; 3 – Калиновка; 4 – Шульц; 5 – Усадово; 6 – Старые Кишки; 7 – Высочино V.

Fig. 6. Map of distribution of Sarmatian zoomorphic combs: 1 – Zaplavnoye; 2 – «Settlement 15»; 3 – Kalinovka; 4 – Schults; 5 – Usatovo; 6 – Starye Kishki; 7 – Vysochino V.

в женском погребении при раскопках на р. Торгу-не у хутора Шульц. На груди костяка (женщины преклонного возраста) лежала костяная фигурная пластинка – навершие от гребня длиной 14 см, высотой 2,8 см. Костяное навершие гребня было выполнено в виде двойных коньков, головы которых обращены в противоположные стороны (Синицын 1946: рис. 16). Такого же типа костяные навершия (4 экз.) найдены П. Рау в сарматских погребениях во время раскопок 1928 г. (материал не опубликован).

В могильнике Старые Кишки в женском погребении (погребение 25) в изголовье костяка был обнаружен миниатюрный костяной гребень. Верхняя часть гребня выполнена в виде двух голов хищных птиц, направленных в разные стороны. Можно предположить, что гребень использовался и как подсвеска, так как в середине его имеется небрежно сделанное отверстие (Садьков, Васильев 2001: рис. 11). А. С. Скрипкин по основным характеристикам относит этот комплекс к III, а возможно, и к началу II в. до н. э. (Скрипкин, Клепиков 2004: 98).

Прохоровские навершия имеют мало датированных комплексов, так как значительная часть материалов не опубликована. Следует заметить, что до сих пор нет единого мнения по поводу общих хронологических рамок и самой прохоровской культуры. М. И. Ростовцев предвзято датировал прохоровскую культуру III–II вв. до н. э. (Ростовцев 1918). Б. Н. Граков в конце 20-х гг. выделил прохоровско-нежинскую культуру, датировав ее IV–I вв. до н. э. В более поздней обобщающей работе он отходит от первоначальной своей датировки и определяет ее рамками

IV–II вв. до н. э. (Граков 1947). Эта дата стала традиционной для прохоровской культуры. А. С. Скрипкин относит существование прохоровской культуры со всеми ее атрибутами вплоть до начала н. э.: «...раннесарматская культура сохраняет ряд ведущих своих признаков вплоть до начала нашей эры. Памятники II–I вв. до н. э. – раннесарматские по своей культурной принадлежности» (Скрипкин 1992: 10). В. Ю. Зуев ставит под сомнение ее датировку IV–III вв. до н. э. «...на каких основаниях вообще построена традиционная относительная и абсолютная датировка памятников прохоровской культуры?» – пишет он, предлагая датировать временем последней трети II–I вв. до н. э. памятники собственно прохоровской культуры (Зуев 1999: 306). Чтобы снять противоречия, М. Б. Шуккин применит «ромбоидальный» подход к соотношению раннесарматской и среднесарматской культур. Таким образом, получается, что в абсолютном счете времени они взаимопересекаются, сосуществуют параллельно на протяжении второй половины I в. до н. э. (Шуккин 2004: 236, рис. 2).

Важно подчеркнуть, что зооморфные гребни были найдены не только в раннесарматских, но и в позднесарматских погребениях. Пока это только одна находка, обнаруженная в богатом погребении I (женщины 25–30 лет) могильника Высочино V на водоразделе между Кагальником и Доном. Узкий костяной гребень-заколка имел мелкие зубцы. Короткие пропилы делались с двух сторон под углом к плоскости гребня. Рукоять декорирована стилизованным изображением двух симметрично расположенных петушиных головок (одна из них обломана в древности). На каждой стороне рукояти имеется четыре врезных концентрических кружка. В верхней части угла расположены три сквозных отверстия диаметром 0,3 см. Высота гребня – 5,5 см, ширина – 3,0 см, толщина – 0,5 см. Судя по инвентарю и обряду, погребение относится к раннему этапу позднесарматской культуры и может быть датировано второй половиной II–первой половиной III в. н. э. (Беспалый 2000: 157, 163, рис. 5, 6).

Таким образом, получается, что зооморфные гребни бытовали у сарматских племен с III–начала II в. до н. э. и вплоть до первой половины III в. н. э. (рис. 5). Несмотря на то что сарматские племена были ближайшими предшественниками носителей черняховской культуры, тем не менее все формы трехчастных черняховских гребней наиболее близки одночастным гребням раннеримского времени, бытовавшим на территории Северной Европы в междуречье Рейна и Вислы (Thomas 1960; Никитина 1969), и никакого отношения к сарматским навершиям не имеют. Пока не вполне ясно, откуда взялись гребни у сарматских племен, но изображения конских головок были известны у фракийцев на нашинных бляшках (рис. 3: 2) (Goldhelm... 1994: 147, 153, Abb. 44.4, 44.5, 47) и стилистически даже больше напоминают изображения лошадиных головок на гребнях эпохи переселения. Парными конскими головками украшались некоторые музыкальные инструменты (рис. 3: 5) (Goldhelm... 1994: 208, Abb. 80.32) и фибу-

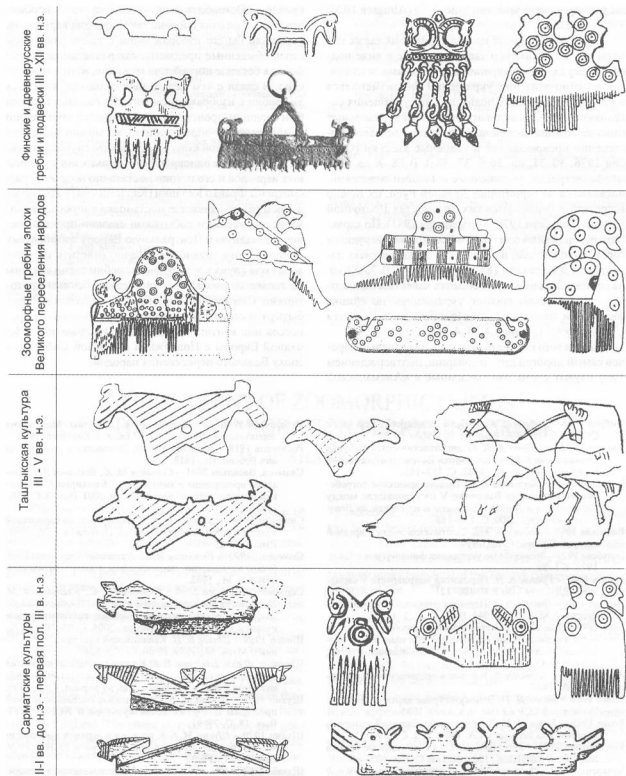

Рис. 7. Сводная таблица зооморфных гребней и подвесок Евразии с III в. до н.э. по XII в. н.э.

Fig. 7. Composite table of zoomorphic combs and pendants from Eurasia dated to the time span from the 3rd century BC to the 10th century AD.

лы раннеримского времени (рис. 3: 1) (Almgren 1926: Taf. X, 232).

В III–V вв. парные изображения коня также появляются в прикамском зверином стиле в виде подвесок, нередко они украшены солярными знаками. Постепенно этот вид украшений видоизменяется в коньковые шумящие подвески. Эти украшения сохраняются до XI в. включительно. В XI в. спаренные конские головы на основах шумящих подвесок постепенно превращаются в условные якорки (Оборин 1976: 30–31, ил. 36 б, 37, 38а). В IX–X вв. зооморфные гребни, украшенные конскими головками, появляются на территории Древней Руси, их можно встретить в финно-угорских древностях Восточной Европы (Голубева 1979; Кондратьева 1981). По характеру изображений они близки бронзовым нагрудным гребням-подвескам, известным в средневековых памятниках Финляндии (Kivikovski 1973). В X–XI вв. на востоке Эстонии в погребениях известны односторонние бронзовые гребни, украшенные по спинке фигурками животных, «смотрящих» друг на друга (Левада 1999: 117, рис. 4: 10, 4; 11).

Ни для кого не секрет, что конь для кочевых народов самый дорогой друг и товарищ, подтверждением тому служат слова, запечатленные в «Аламанинской

правде»: «Оскорбить коня – это то же, что оскорбить всадника»; не означай конь так много для варвара, не украшали бы его изображением с таким старанием столь обыденные предметы, как расчески, не клали бы их в богатые погребения мужские, женские и детские. В связи с чем нельзя не задуматься: являются ли гребни с изображением конских головок знаками *благородного происхождения* умершего, или же они демонстрируют определенную, возможно знаковую, роль всаднической культуры? В любом случае возможно и то и другое одновременно. Культ коня у различных варваров и его истоки достаточно подробно рассмотрены Франко Кардини (Кардини 1987). Целью же данной работы является постановка вопроса, с какими историческими событиями связано проникновение в Западную и Центральную Европу зооморфных гребней. Пока трудно однозначно ответить на него, во всяком случае, зооморфные гребни тесно связаны не только со своими *восточноевропейскими прототипами*. Сам мотив парности конских головок может быть отражением определенных миграционных процессов или контактов населения Центральной и Западной Европы с Поволжьем и Южной Сибирью в эпоху Великого переселения народов.

- Амброз 1966 – Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1-30. 1966.
- Амброз 1982 – Амброз А. К. О двухпластинчатых фибулах с накладками // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982. С. 117–165.
- Беспалый 2000 – Беспалый Е. И. Подземсарматское погребение из могильника Высочин В на водоразделе между Кагальником и Доном // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000. С. 156–168.
- Вадецкая 1999 – Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999.
- Голубева 1979 – Зооморфные украшения финно-угров // САИ. 1979. Е 1–59.
- Градов 1947 – Градов Б. Н. Перезачинка матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3. С. 100–121.
- Дитцес 1946 – Дитцес Л. А. Изучение русского народного искусства // КСИИМК. 1946. Вып. 12. С. 141–152.
- Зуев 1999 – Зуев В. Ю. О путях решения «проблемы III в. до н. э.» в периодизации археологических памятников сарматской эпохи // Stratum plus. СПб.; Киппинг; Одесса, 1999. № 3. С. 305–324.
- Кардини 1987 – Кардини Ф. У истоков средневекового рыцарства. М., 1987.
- Козак 1985 – Козак Д. Н. Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев, 1985.
- Козак 1989 – Козак Д. Н. Поселение вельбарской культуры Боратын I на Волыни // СА. 1989. № 2. С. 169–181.
- Кондратьева 1981 – Кондратьева О. А. Зооморфные гребни IX–X вв. // КСИИМК. 1981. № 166. С. 103–109.
- Кухаренко 1982 – Кухаренко Ю. В. О каменной находке V в. // Древности эпохи Великого переселения народов в V–VIII вв. М., 1982. С. 234–245.
- Кыласов 1960 – Кыласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., 1960.
- Левада 1999 – Левада М. Е. Металлические гребни позднего римского времени в Юго-Восточной Европе // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999. С. 112–125.
- Мошкова 1963 – Мошкова М. Г. Памятник прохоровской культуры // САИ. 1963. Д 1–10.
- Никитина 1969 – Никитина Г. Ф. Гребни черняховской культуры // СА. 1969. № 1. С. 147–159.
- Оборин 1976 – Оборин В. А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь, 1976.
- Рафалович 1986 – Рафалович И. А. Данчены. Могильник черняховской культуры III–IV вв. н. э. Кишинев, 1986.
- Ростовцев 1918 – Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918.
- Садьков, Васильев 2001 – Садьков М. Х., Васильев В. И. Погребение прохоровца в центральной Башкирии // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2001. Вып. 3. С. 156–168.
- Синицын 1946 – Синицын И. В. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья // СА. 1946. Вып. 8. С. 73–95.
- Скрипкин 1992 – Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории. М., 1992.
- Скрипкин, Клепиков 2004 – Скрипкин А. С., Клепиков В. М. Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004. С. 95–101.
- Шилов 1959 – Шилов В. П. Калиновские курганный могильник // ММА. М., 1959. № 60. С. 323–523.
- Шшикин 1999 – Шшикин Р. Г. Классификация и типология трехслойных гребней черняховской культуры // Сто rokov вичения культур поляв поховани на Україні. Київ, 1999.
- Щукин 1977 – Щукин М. Б. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура // АСГЭ. 1977. Вып. 18. С. 79–91.
- Щукин 1979 – Щукин М. Б. К вопросу о верхней хронологической границе черняховской культуры // КСИИМК. 1979. Вып. 158. С. 17–22.
- Щукин 2004 – Щукин М. Б. Некоторые замечания о методиках хронологических расчетов эпохи Латена, римского времени и сарматской археологии (пятнадцать апрельских тезисов) // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004. С. 228–239.
- Щукин 2005 – Щукин М. Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005.
- Щукин, Щербакова 1986 – Щукин М. Б., Щербакова Т. А. К хронологии могильника Данчены // Данчены. Могильник черняховской культуры III–IV вв. н. э. Кишинев, 1986. С. 177–212.
- Almgren 1926 – Almgren O. Studien über nordeuropäische Fibelformen. Leipzig, 1926.

- Bierbrauer 1975 – *Bierbrauer V.* Di Ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spölte, 1975.
- Bona 1991 – *Bona I.* Das Hunnenreich. Stuttgart, 1991.
- Böhme 1974 – *Böhme H.* W. Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts. München, 1974.
- Chmielowska 1971 – *Chmielowska A.* Grzbenie starożytne i średniowieczne z ziem polskich. Łódź, 1971.
- Cnotliwy 1963 – *Cnotliwy E.* Grzbenie rogowe i kosciane od I do V w. n. e. na Pomorzu Zachodnim // *Materiały Zachodnio-Pomorskie*. Szczecin, 1963. T. 9. S. 167–219.
- Cnotliwy 1996 – *Cnotliwy E.* Der Herkunftursprung der Kämme aus Bitofa (Heraclea Lyncestis) in der Republik Makedonija // *Studia Gothica*. Lublin, 1996. T. 1. S. 101–111.
- Deringer 1967 – *Deringer H.* Provinzialrömische und germanische Knochenkämme aus Lauricum // *Jahrbuch / Oberösterreichisches Musealverein*, 1967. Jg. 112. H. 1. S. 59–60.
- Goldhelm... 1994 – *Goldhelm, Schwert und Silbergeschätze*. Reichtümer aus 6000 Jahren römischer Vergangenheit. Schirn Kunststhalfe Frankfurt am Main. 29.1.1994–17.4.1994. Frankfurt am Main, 1994.
- I goti 1994 – *I goti*. Milano, 1994.
- Kazanski, Legoux 1988 – *Kazanski M., Legoux R.* Contribution à l'étude des témoignages archéologiques des Goths en Europe orientale à l'époque des Grandes Migrations: La chronologie de la culture de Cernjahov récente // *Archéologie médiévale*. Paris, 1988. Vol. 18. S. 19–27.
- Kivikovski 1973 – *Kivikovski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki, 1973.
- Martin 1984 – *Martin M.* Weinsiebchen und Toiletgerät: Der spätromische Silberschatz von Kaiseraugust. Derendingen, 1984.
- Mitrea, Preda 1966 – *Mitrea B., Preda K.* Nekropole din secolul al IV–Ier e. n. in Muntenia. Bucuresti, 1966.
- Perez Rodriguez-Aragon 1996 – *Perez Rodriguez-Aragon F.* La cultura de Tehernjahov, la diaspóra gotica y el peine de Cacabelos // *Boletín del seminario de estudios de arte y arqueología*. Valladolid, 1996. T. 62.
- Roes 1963 – *Roes A.* Bone and Antler Objects from Frisian Terpmounds. Haarlem, 1963.
- Roth 1979 – *Roth E.* Kunst der Völkerwanderungszeit // *Propyläen Kunstgeschichte*. Suppl. 1979. Bd 4.
- Stadler 1981 – *Stadler P.* Völkerwanderungszeitliche Funde: eine Siedlung bei Unterlangenendorf und ein Gräberfeld bei Rannersdorf, Niederösterreich // *AA*. Wien, 1981. Bd 65. S. 139–185.
- Tejral 1973 – *Tejral J.* Mähren in 5. Jahrhundert // *Studie Archeologického ústavu v Brně*. Praha, 1973. Vol. 1. № 3.
- Thomas 1960 – *Thomas S.* Studien zu den germanischen Kaminen der römischen Kaiserzeit // *Arbeits- und Forschungsberichte zur Sächsischen Bodendenkmalpflege*. Leipzig, 1960. Bd 8. S. 54–215.
- Vallet 1990 – *Vallet F.* Tombe de fillette de Bailleure, commune d'Etigny (Sône-et-Loire) // *Attila, les influences danubiennes dans l'ouest de l'Europe au Ve siècle*. Publication du Musée de Normandie. Ville de Caen, 1990. N 9. S. 73–76.
- Veeck 1931 – *Veeck W.* Die Alamannen in Württemberg // *Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit* 1. 1931.

THE ORIGINS OF ZOOMORPHIC COMBS OF THE GREAT MIGRATION PERIOD IN EUROPE

M. V. SHARYGINA

This paper deals with the problem of the origins of combs decorated with zoomorphic motifs from Western and Central Europe of the Great Migration period. Preliminary, all these combs have been divided into two groups (fig. 1): types A and B. 1) Type A is composed of combs with triangular backs and paired horse heads turned to opposite directions. These combs are dated by the horizon of Untersiebenbrunn (fig. 2), while the earlier triangular combs of the late Roman period (without zoomorphic decorations) were distributed in the Weser-Elba region. 2) Combs of type B are decorated with highly stylized heads of different animals «facing» one another. These are concentrated in Frisia, where the centre of their manufacture was located and from where they may have come to England. The shape of type B combs also goes back to prototypes of the late Roman period but from the area of the Chernyakhov culture. Along with the combs, also belt mounts were decorated with paired horse heads (fig. 3, 4).

Combs with bone mounts similarly decorated were used by the Sarmatians on the Lower Volga River (fig. 6,

7); moreover, they demonstrate the same motifs either of two horse heads turned to opposite directions or heads of some other creatures (mostly birds) «facing» one another. Furthermore, paired animal heads are known on sewn-on plates (amulets) of the Tashtyk culture in southern Siberia of the 3rd–5th centuries AD (fig. 8). This fact suggests either some common origin or, perhaps, that the motif was borrowed by the Tashtyk population from the Sarmatians. In the 3rd–5th centuries, representations of horse are found in the form of pendants of the Kama animal style. In this form, although already as rattling pendants, they survived until the late 10th century. In the 9th century, bone plates with representations of horse heads appear in Norway; at the same time, combs decorated with horse heads are introduced in the territory of Ancient Rus and found among Finno-Ugric antiquities from Eastern Europe (fig. 8). The motif itself of paired horse heads suggests certain migration processes or contacts of West and East Europe with the Sarmatians and with the Kama region and southern Siberia during the Great Migrations.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ В БЫТОВОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ КОЖАНЫХ НАХОДОК ИЗ РАСКОПОК В ТАЛЛИНЕ)

А. В. КУРБАТОВ¹

Вопрос о региональных особенностях обувных моделей на Руси в археологической литературе никогда ранее специально не рассматривался. Более того, в формах кроя древнерусских туфель и сапог специалисты отмечали полную унификацию для большинства русских городов и находили общие черты с западноевропейскими моделями (Изомова 1959: 210–211; Оятева 1962: 83; Бебре 1987: 28–30). В этой статье мы хотим обратить внимание именно на данный аспект. Без детального рассмотрения новых археологических источников высказанные ранее наблюдения не способствуют активизации интереса к анализу изделий средневековой бытовой материальной культуры. Тем не менее даже беглый взгляд на кожевную продукцию в разных регионах Европы позволяет отметить черты существенных отличий. В Западной Европе и странах Балтии повсеместно бытуют своеобразные формы низких и высоких мягких башмаков, находки которых единичны в городах Древней Руси, а различия в кожевном материале видны даже при органолептическом знакомстве с ним. Кроме того, различаются виды и способы декоративной отделки кожаных предметов. Эти различия, в комплексе, показывают существенное расхождение западной и древнерусской обувной моды. В представительных археологических коллекциях эти различия становятся выразительными.

Изучение региональных особенностей кожевничьего ремесла требует соблюдения некоторых методических приемов и принципов при работе с материалом. Накопленный опыт позволяет сформулировать некоторые из них:

1) Для выделения местных, региональных и инородных по происхождению вещей необходимо рассматривать каждый предмет на фоне всей совокупности находок на данном памятнике (городе, селе, могильнике);

2) Перспективными для рассмотрения надо считать прежде всего эталонные коллекции массового материала, основные признаки которых изложены на примере Твери (Курбатов 2004: 17). Повторим их: эталонная коллекция формируется в процессе широкомасштабных археологических раскопок какого-либо участка сплошной площадью; она включает абсолютно все кожаные предметы с участка раскопок, а также и другие категории предметов (войлочные, деревян-

ные, металлические), связанные с кожевным производством или относящиеся к кожаным изделиям; коллекция должна быть представительной, то есть содержать по меньшей мере несколько тысяч единиц находок; стратиграфически и пространственно выделяемые блоки находок должны иметь относительно узкие хронологические рамки накопления; на площади раскопок должны находиться один или несколько производственных участков, связанных с занятиями кожевным ремеслом;

3) Сравнительный анализ коллекций должен проводиться по достаточно «узким» хронологическим периодам, соответствующим тем изменениям, которые уже выявлены для этой группы изделий материальной культуры на памятниках разных регионов; изменения в кожевную-обувную продукцию во многих европейских городах отмечаются до полустолетия, а иногда – до четверти века (Swaan 2001; Курбатов 2005: 231–244; Baart et al. 1977; Grew, de Neergaard 1988).

Выделить местные и региональные особенности обувного ремесла можно и на основе небольших коллекций археологических предметов. Одна из таких коллекций получена при раскопках 1996 г. в Таллине на ул. Роозикрантси, 9/11. Весь комплекс находок из нижних слоев, судя по анализу древесины и углей, а также по особенностям исторической ситуации можно отнести к XIII–первой половине XIV в. В середине XIV в. здесь появляются погребения, относимые к кладбищу св. Барбары. В дальнейшем жилую городскую застройку на этом месте сменили производственные комплексы, в частности, железодельные. В раскопе найдены остатки кузнечных горнов и большое количество шлаков (Sokolovski 1997). Сравнительный материал из других раскопок в древней части Таллина подтверждает такое определение (Sokolovski, Jaanits 1997: 117–127). В нижних слоях хорошо сохранились органические материалы, в том числе 133 кожаных предмета. Большая часть последних – это детали различной обуви и их фрагменты, а также обрезки от раскройки. Другие категории кожаных изделий представлены отдельными фрагментами. Часть кожаных предметов встречена в обрезках, свидетельствуя о широком вторичном использовании изношенных изделий. Это затрудняет атрибуцию и реконструкцию изделий. Однако большинство таких

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

обрезков сохраняет характерные признаки формы, способов шивания и следы эксплуатационного износа (стертости, смятости, сгибы), помогающие определять полную форму и назначение этих деталей.

Сырье. Для кожаных изделий использовались преимущественно тонкие шкуры крупного рогатого скота и значительно реже – шкуры мелкого рогатого скота. Единичными находками являются фрагменты ремешков из сыромятной кожи свиньи (2 экз.), а также предположительно шкуры лошади и неопределенного (дикого?) животного. Определение породы возможно практически для всех групп кожаных предметов, кроме подошв и мелких обрезков. Основным требованием является сохранение наружной поверхности кожи – мери. В целом, определимость пород в данной коллекции менее 30%. Качество выделки кож невысокое, что видно из большого числа полностью или частично расслоившихся предметов (не менее 70%).

Шкуры крупного рогатого скота, имеющие более прочную структуру коллагенов, шли на изготовление кожи для верха и низа обуви, а также для изделий, где предполагалась большая физическая нагрузка на разрыв. Из шкур мелкого рогатого скота преимущественно кроили верх мягких низких туфель, а также небольшие сумки и кошельки, то есть вещи, не требующие особой прочности материала, а эстетические требования и вкусы потребителей склонялись в сторону удобства.

Обрезки. В коллекции присутствует 53 обрезка от раскроя. Среди них выделяются обрезки от первичного раскроя деталей, где кожа не имеет следов стертости и обрезки от вторичного раскроя деталей или изделий, бывших в употреблении (изношенных, порванных, порезанных). Кроме следов стертости на внешней стороне кожи, последние несут следы эксплуатационной смятости, сгибов и первичных швов. Учитывая незначительное количество обрезков от первичного раскроя, можно говорить только об условности выделения некоторых стандартных форм, таких как тонкие и нитевидные, в форме длинных узких лент, треугольные и прямоугольные, а также крупные обрезки неправильной формы. Некоторые обрезки несут на мерее отделку декоративным тиснением («в сеточку»). Выделены и обрезки с края кожного листа, отличающиеся утолщением края листа, неполной сгонкой волоса и наличием мелких отверстий вдоль него (через 1–3 см) от деревянных шпильков, использованных при натяжении выделываемых шкур.

Обувь. В коллекции имеются отдельные детали и фрагменты обуви разных видов и фасонов – высокие и низкие мягкие башмаки, поршни, а также башмаки и сапоги рантовой конструкции. К сожалению, полных комплектов деталей какой-либо модели обуви среди изученных материалов нет, что значительно затрудняет реконструкцию индивидуальных форм.

Поршни. Присутствует один крупный и три мелких фрагмента, принадлежавших, скорее всего, одно-

му изделию. Обувь сильно изношена и почти полностью протерта на подошвенной зоне. Материалом служила тонкая (1,0–1,2 мм) шкура крупного рогатого скота. На лицевой поверхности кожи сохранилось тиснение «сеточка». Раскройка, видимо, была прямоугольной, шириной около 15,5–16,0 см, с рядом частых прорезей для оборы по длинным сторонам (рис. 1: 13). Прорезы шириной 10–11 мм отстояли друг от друга на 2,5–3,0 мм. По следам на коже устанавливается, что ширина оборы не превышала 2–2,5 мм. Передний край поршня сшивался растительной нитью выворотным швом, с вынесением наружу краев. Параллельно прорезам, но ближе к середине раскройки, имеется дополнительный ряд отверстий в передней части заготовки. Эти отверстия остались от некогда подшитой подметки или от первоначального использования материала. Единообразие в размерах и расположении прорезов указывает на профессиональную подготовку мастера-изготовителя.

Аналогию поршню можно найти в первую очередь в материалах древнерусских городов, например в Новгороде, Пскове, Твери, Москве, где этот вид обуви был общераспространенным. Близкие новгородским изделия имеются и в городах Беларуси, например в Давид-городе (Earwood, Malachowska 1991: fig. 8.6). На Русь поршни сохраняются на протяжении всего средневековья в сфере профессионального ремесла. Напротив, в средневековых городах Балтии и Польши такая обувь достаточно редкая и, в большинстве, может быть отнесена к «домашнему» производству. Это подтверждают находки в Риге (Бебре 1987: 26–27), Кокнесе, Вроцлаве (Jaworski i in. 1991: Rys. 2f). Так, при раскопках Риги в 1970-х гг. найдены 4 поршни XIII–XIV вв., шитые из прямоугольных и неправильной формы заготовок, в том числе и вторичного использования, с неравномерно размещенными крупными прорезами для обор (Бебре 1983: 125–126, 1. att.). Аналогичные поршни найдены в Риге и в 1990-е гг. (Celmis 1998: 22, Cat. N. 90, 91). Простейшая однодетальная обувь известна и в слоях XII в. в городах Голландии, где находки поршней О. Губич называют «исключительными». А особенностями их раскроя явно указывают на непрофессиональное – «домашнее» изготовление (Goubitz 1997: 425, 432–435).

В Бебре в своих работах специально анализирует латвийские поршни, встреченные в Риге и Кокнесе (Бебре 1987: 26–27, рис. 1: 1; Бебре 1983: 125–126, 1. att.). Она насчитала 191 поршень, в том числе 23 «ажурных». Большинство последних (18 предметов) найдены в слоях XIII–XIV вв. замка Кокнесе (Бебре 1986: 41; Бебре 1997: 114). Наблюдения в Риге на ул. Даугава показывают, что простые поршни в отложениях XVII–XVIII вв. малочисленны по сравнению с другими видами обуви. В Бебре считает эти поршни обувью беднейших слоев населения, но не связывает находки с присутствием здесь русских жителей (Бебре 1990: 46). Тем не менее последнее подтверждается находками разных изделий, нехарактерными для стран

² Номера в подписях к рисункам являются номерами полей описи по отчету В. Соколовского, раскопки 1997 г.

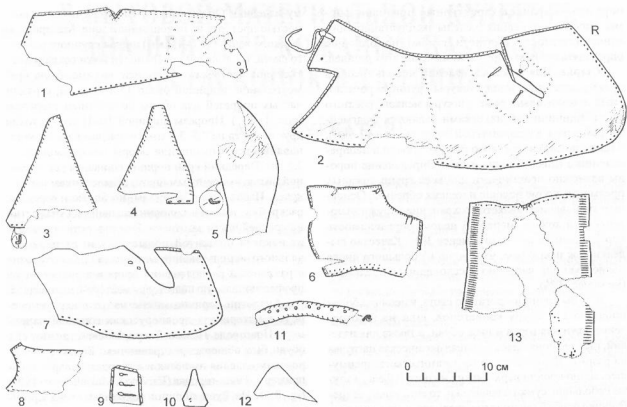

Рис. 1. Детали мягких башмаков, кожаный вкладыш в задник обуви жесткой конструкции (10), обрезок от раскроя (12), поршень (13): 1–5 – II/718 (2 – R – для правой стопы); 6 – I/350; 7–9 – II/665; 10 – I/323; 11 – II/548; 12–13 – I/350.

Fig. 1. Parts of soft shoes, leather insert into the back of footwear of rigid construction (10), scrap from a laying-out (12), porshen (13): 1–5 – II/718 (2 – R – for right foot); 6 – I/350; 7–9 – II/665; 10 – I/323; 11 – II/548; 12–13 – I/350.

Балтии. Например, при раскопках набережной в Риге были найдены берестяная лапоть и верх туфли с расшивкой, аналогичной новгородской (Вилсоне 1952: 127, рис. 43).

В русских городах поршни профессионального пошива легко можно отличить от грубо вырезанных «домашних» изделий, что отмечено, например, в Ивангороде и Твери (Курбатов 1991: 71, рис. 1: 2, 3; Курбатов 2004: 48–50). Использование в быту простейшей кожаной обуви собственного изготовления, экономичной и удобной в ношении, надо полагать, было повсеместным явлением. Латышские исследователи предлагают связывать такую обувь с социальной и имущественной дифференциацией жителей (Vebge, Saune 1990: 46).

Учитывая современные представления о данной группе обуви, настоящую находку в Таллине можно считать изделием профессионального пошива в одном из русских городов, скорее всего, XIV в.

Мягкие башмаки. К этой группе обуви можно отнести большую часть деталей данной коллекции. Обувь состоит из однослойной подошвы и одной или нескольких деталей верха. Обычным было выкраивание верха из одного куска кожи, но в ряде случаев, для экономии материала, верх кроили из двух деталей. Основная деталь закрывала носок, пятку, внешнюю часть стопы и голени, а дополнительная – стопу и голень с внутренней стороны (рис. 3: 9). Кро-

ме того, в конструкции использовались внутренние элементы – накладки для усиления краев в местах шнуровки (рис. 1: 11; 2: 4.2, 5, 12, 15) и треугольные усилители пятки (рис. 1: 3, 4; 2: 8). Для мягких башмаков характерно разнообразие форм раскроя и способов крепления обуви на стопе, что отвечает многообразию стилей и фасонов обуви. Можно выделить формы низких и высоких башмаков. В частности, тип высоких башмаков представлен целым верхом мужского башмака с завязками, предназначенного для правой стопы размером 26–26,5 см (или 42–43 по штихмассовой шкале), с протертым носком и пяткой (рис. 1: 2). Верх скроен из плотной кожи крупного рогатого скота толщиной около 2 мм, с тисненой поверхностью – «сеточка». Возможно, к этому башмаку относится одна из треугольных пяточных вставок и голенище (рис. 1: 3, 4; 2: 1–4). Верх другого башмака имеет отрезанный носок, изношенный задник и следы боковой шнуровки, доходящей до подошвы (рис. 1: 1). На внутренней стороне детали по верхнему обрезу виден след потайного шва, не выходящего на внешнюю сторону. Такой шов служил для крепления усилительной нити (корда) по краю или подшивании полосы кожи для отворота или берцев. Высокие башмаки имели в конструкции характерные раскройки голенищ из одного куска кожи, с кожаными завязками спереди (рис. 2: 1–4, 6, 13). Всего представлено шесть основных деталей и восемь дополни-

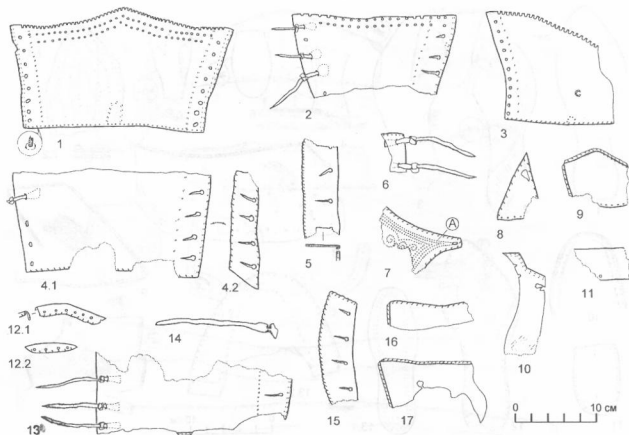

Рис. 2. Детали мягких башмаков и неопределенный фрагмент (11): 1 – II/718; 2 – II/473; 3 – II/433; 4.1–4.2 – II/448; 5 – II/718; 6 – II/441; 7 – II/700, А – металлические декоративные гвозди; 8–11 – II/718; 12.1–12.2 – II/448; 13 – II/700; 14–17 – II/718.

Fig. 2. Parts of soft shoes and an unidentified fragment (11): 1 – II/718; 2 – II/473; 3 – II/433; 4.1–4.2 – II/448; 5 – II/718; 6 – II/441; 7 – II/700, А – metal decorative nails; 8–11 – II/718; 12.1–12.2 – II/448; 13 – II/700; 14–17 – II/718.

тельных – семь усилительных накладок в местах шнуровки и одна завязка.

К низким башмакам относится фрагмент верха с вырезом на подъеме и двумя отверстиями для несохранившихся завязок (рис. 1: 7). Также можно выделить модели мягких низких башмаков с раздельным краем головки и задней половины, состоящей из двух, сходных по раскрою, берцов с выступом для пришивания завязки или железной пряжки, перехватывающих стопу на подъеме (рис. 1: 6, 8; 2: 7, 10; 3: 14).

Одним из основных признаков моделирования обуви считается способ ее крепления на ногу. Наряду с формами раскроя и декорирования он служит для надежного датирования археологических находок. Рассмотренные формы башмаков находят многочисленные аналоги в разных регионах Западной Европы. Например, башмаки с боковой шнуровкой, опускающейся до подошвы, по материалам разных памятников Норвегии относятся к широкому интервалу 1180–1450 гг. (Marstein 1988: Fig. 54.10). Для отдельных памятников период их бытования можно определить более точно. Так, в Эребро они были в моде только в XIV в. По материалам Стокгольма низкие башмаки (тип 1а), аналогичные одной из таллинских находок (рис. 1: 1), датируются первой половиной XIV в. Высокие башмаки с боковой шнуровкой (тип 3) бы-

товали с конца XIII по XIV в. и, возможно, еще существовали в начале XV в. Высокие башмаки (рис. 2: 1–3) с рядом круглых отверстий по верху голенища – тип 10 по материалам Стокгольма – датируются XIV в., но доживают до XV в. (Dahlback 1983: 221–227). По материалам Шлезвига низкие башмаки с боковой шнуровкой относятся к XIII–XIV вв. (von Schnack 1992: 79, 122, taf. 24–32; 94:1). В Амстердаме башмаки с боковой шнуровкой встречаются в слоях XIV–XV вв. (Groenman-van Waateringe 1969: fig. 12). В городах Польши, например в Гданьске, обувь с боковой шнуровкой также относится к XIV в. (Wlklak 1967: fig. 3).

Интересно сравнить таллинские модели с боковой шнуровкой и близкие формы обуви из Лондона. Особенности формирования культурных отложений вдоль набережных Темзы и в других районах города, а также тщательность археологических исследований позволили создать очень подробную хронологическую шкалу изменения форм обуви, технических приемов пошива и декорирования, способов ее крепления на ногу, с рубежа XI–XII вв. до середины XV в. (Курбатов 1992: 220–224). Разные формы башмаков с боковой шнуровкой бытовали в Лондоне длительное время – с первой половины XIII в. до середины XV в. (Grew, de Neergaard 1988: 15–21 and

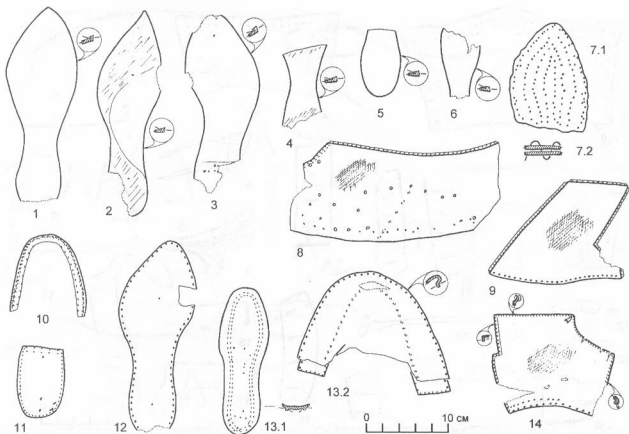

Рис. 3. Детали мягкой обуви, подошва с подметкой (7), детали обуви рантовой конструкции (10, 11, 13): 1-4 – II/965; 5 – II/922; 6 – I/350; 7.1-7.2 – II/466; 8-9 – I/384; 10-14 – I/350.

Fig. 3. Parts of soft shoes, sole (7), parts of footwear of a welt construction (10, 11, 13): 1-4 – II/965; 5 – II/922; 6 – I/350; 7.1-7.2 – II/466; 8-9 – I/384; 10-14 – I/350.

others, fig. 1, 17, 25-28, tabl. 1). Еще более показательна фронтальная шнуровка, встречаемая в Лондоне только со второй половины XIV в. (Grew, de Neergaard 1988: 28-43, fig. 53-59). Надо обратить внимание и на то, что башмаки из Таллина шнуровались не длинными ремнями, а короткими, видимо, завязанными попарно.

Некоторые детали представляют собой верхнюю, отдельно кроеную часть голенища у моделей с фронтальной шнуровкой короткими завязками, имеющими узлы. Такие модели башмаков широко распространяются в XIV в. в разных регионах Европы. Среди голландских городов в этом отношении показательна коллекция из Монникендама (Walle-van der Woude 1983: 70-75, fig. 3.5, 3.7, 3.8).

С конструкциями мягких башмаков связаны имеющиеся в коллекции подошвы. Лучшими сохранившимися экземплярами являются образцы из относительно тонкой для подошв (1,5-2,5 мм) жесткой кожи, с выраженной асимметрией стопы, со скругленной пяткой и приостренным носком, с умеренным сужением в области свода стопы и с тачным основным швом (рис. 4: 1-3). Развитая, стандартизованная форма раскроя подошв, наличие среди них образцов с более вытянутым заостренным носком и отчетливой асимметрией позволяет относить их к XIV-XV вв.

В целом же, в разных регионах Западной Европы обувь с фронтальной и боковой шнуровкой сосуществовала длительный период, по крайней мере с XIII по XV в. Башмаки с высокими голенищами стали широко популярными в XIV-XV вв., когда в них использовались короткие завязки. Длинные завязки во все века были менее употребимы. Однако надо учитывать тенденции изменения моды в широком хронологическом диапазоне в каждом из регионов, что на сегодняшний день не представляется возможным, так же как и археологические критерии датировки каждой из опубликованных коллекций. Например, материалы из Лейдена показывают развитые формы высоких башмаков с фронтальной шнуровкой в XIV в. (Driel-Murtagy 1982). В целом, сопоставление археологических и изобразительных источников говорит о широком употреблении обуви с завязками и с боковой шнуровкой в XIV-XV вв. (Groenman-van Waateringe, Velt 1975).

В таллинской коллекции имеются очень специфичные примеры оформления верхнего края голенища высоких башмаков – в виде регулярных зубчатых вырезов, производимых, вероятно, металлическим пуансоном (рис. 2: 1-3). Известные аналогии позволяют датировать такую отделку обуви XIV-XV вв. В Шлезвиге высокие башмаки с зубчатыми выреза-

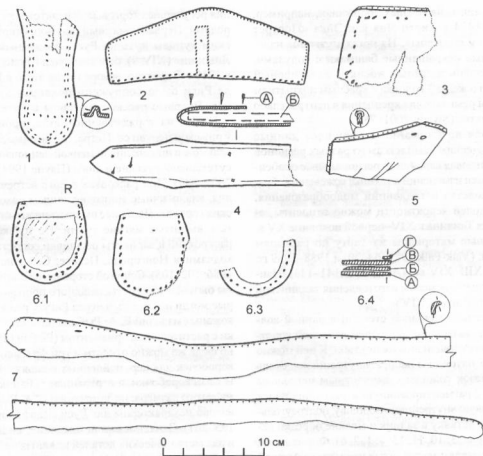

Рис. 4. Детали мягкой (3, 5) и рантовой (1, 2, 6) обуви и неопределенные изделия (4, 7): 1 – I/350; 2 – I/384; 3–5 – II/718; 6.1–6.4 – II/965 (6.1 – R – для правой стопы; 6.4 – А – внешняя подошва, Б – прокладка, В – внутренняя подошва, Г – рант); 7 – II/473.

Fig. 4. Parts of soft shoes (3, 5) and welt footwear (1, 2, 6), and unidentified objects (4, 7): 1 – I/350; 2 – I/384; 3–5 – II/718; 6.1–6.4 – II/965 (6.1 – R – for right foot; 6.4 – А – outer sole, Б – lining, В – inner sole, Г – welt); 7 – II/473.

ми по верху голенища датируются XIV в. (Schnack 1992: 79, 122, taf. 24–32; 94: 1). Части голенища высоких башмаков с зубчатыми вырезами найдены в Лейдене на территории монастырей св. Агнеты и св. Михаила, где относятся к периоду 1375–1450 гг., но бытовали и позже – в 1450–1572 гг. (Driel-Murray 1984: 143–165,afb. 4; 4, 10; 30, 14; 52). Высокие башмаки с отдельной верхней частью голенища, имевшей вырезы, найдены в Стокгольме и также датируются XIV–XV вв. (Dahlback 1983: 226–227, fig. 186). Подобного типа башмаки реконструированы в Констанце (Schnack 1994, taf. 28, 29, 34). Низкие башмаки с обшивкой верха, оформленной вырезными зубцами, встречены и в городах Белоруссии. В Витебске, например, они датируются XV в. (Левко 1984: 50, рис. 32: 1–4).

Другой пример специфичной обувной конструкции дает обрывок детали подтреугольной формы, с обметочным швом «через край» на первоначальных краях детали и с декоративной набойкой мелких бронзовых гвоздиков по всему полю (рис. 2; 7). Эта деталь представляет собой часть кожаного ремня, крепившегося на деревянную колодку – патину, надеваемую на мягкую обувь. В Европе различные формы «внеш-

ней обуви» (overshoes) широко распространились начиная с XIV в. и были особенно популярны в XV в. Известные находки в Скандинавии относятся ко времени не ранее второй половины–конца XIV в. (Swann 2001: 77–78). К XIV в. относятся деревянные «кодулы» с кожаными ремнями треугольной формы в Турку (Middle Ages 2004: 55). В Лейдене на территории монастырей св. Агнеты и св. Михаила такие детали отнесены к 1375–1450 гг. (Driel-Murray 1984: 143–165,afb. 4; 6). В Амстердаме такая находка датирована последней четвертью XIV – первой четвертью XV в. (Baart et al. 1977: 89,afb. 20). В Эрфурте колюдка с длинным носком (roulaine) датирована 1420–1440 гг. (Barthel 1968: 275–278). Патины с двумя кожаными треугольными ремнями найдены в Колобжеге, где по контексту находок отнесены ко второй половине XIV в. (Wywrot-Wyszowska 2002: 103–110). Такие же предметы зафиксированы в Стокгольме в слоях XIII–XV вв. (Dahlback 1983: 228, fig. 189), а в Щецине они найдены в слоях первой половины XV в. (Gutkowska-Rychlewska 1967: 33–41; Cnotliwy 1994: 205–206).

В живописи двухходульные деревянные «overshoes» появляются со второй половины XIV в. Во второй половине XV в. их стали широко изображать как

на богатых, так и на бедных горожанах, например, на картине 1434 г. кисти Яна ван Эйка «Портрет Арнольфини и его жених». На ногах мужчин надели деревянные некрашенные башмаки с ходулями, имеющими очень длинный носок и один черный ремешок, а у его жены — володка с красным покрытием и с красными ремнями для крепления в центре, слабо поднятая к пятке (Swanц 2001: 78).

Принимая во внимание имеющиеся данные по археологическим комплексам из разных регионов Европы и учитывая вероятные региональные особенности динамики изменений в технике кожевенно-обувного производства и тенденции модообразования, с большой долей вероятности можно относить детали обуви из Таллина к XIV—первой половине XV в. Сравнительные материалы из Тарту по раскопкам 1981—1982 гг. (Valk-Falk 1985: 64—70) и 1988—1989 гг. датируются XIII—XIV вв. (Aun 1998: 141—143). Наиболее вероятным временем изготовления таллинской обуви следует считать XIV в.

В значительно меньшей степени в данной коллекции представлены детали обуви рантовой конструкции, использующей шов «в подтай». К ней можно отнести часть пяточного набора, внутреннюю деталь задника, обрзок головки с двухчастным неполным поднарядом, фрагментированную и расщепленную подошву, полную внутреннюю подошву, подтреугольную кожаную вставку в задник и мелкие обрезки деталей верха (рис. 3: 10, 11, 13; 4: 1, 2, 6). Формальные признаки указывают на развитые варианты рантовой конструкции, датируемые по многочисленным коллекциям из разных регионов Европы второй половиной XVI—XVII в. (Goubitz 1984: tabl.).

Бытовые кожаные предметы. Кроме обуви в коллекции представлены два предмета неясного назначения. Это узкий обрзок с края детали со швом, длиной 66 см и шириной 3—4 см, из тонкой (1,2—1,5 мм) плотной кожи крупного рогатого скота, а также фрагмент кожаной волось шириной 4,2—4,5 см, первоначально прибитой железными гвоздями к деревянной рейке шириной около 2,7—3,0 см (рис. 4: 4, 7).

Выводы. Небольшая по объему коллекция кожаных изделий из раскопок на ул. Роозикрантсе, 9/11 может служить прекрасной иллюстрацией особенностей культурно-исторического развития позднесредневекового Таллина. Практически все предметы отражают традиции кожевенно-обувного ремесла, которые сложились и развивались на протяжении всего средневековья в странах Западной и Северной Европы. К изделиям древнерусского ремесла относятся только фрагменты поршней. По-видимому, они отражают торговые связи Таллина с русскими городами, предполагающие временное проживание в Таллине купцов из Пскова, Новгорода и других городов, возможно, имевших и свои дворы.

В связи с этим уместно вспомнить и складывание торговых отношений между русскими городами и Ригой. Говоря о соответствии рижской средневековой обуви находкам в русских городах, В. Бебр имеет в виду прежде всего материалы из Новгорода и Пскова, что знаменательно на фоне раннего сложения

регулярных торговых контактов между этими городами. Первый торговый договор, открывший рижским купцам путь на Русь, по данным «Хроники Ливонии» (XIV, 9), был заключен с полоцким князем в 1210 г. Вероятно, вскоре после этого в Новом городе Риги было сооружено подворье русских купцов. Впервые русские торговцы в Риге упоминаются в 1209 г. на торжественном акте, происходившем у рижской церкви св. Петра, где помимо духовенства, вельмож и прочих лиц немецкой национальности присутствовали русские и ливы (Цауне 1994: 204; Цауне 2004: 347). При раскопках в Риге встречаются изделия, аналогичные многочисленным находкам в русских городах. Наиболее выразительными можно считать вышитые мягкие туфли. Не только форма их раскроя, но и варианты расшивки сопоставимы с находками в Новгороде, Пскове, Смоленске (Svarane 1986: 102—105). С другой стороны, в Новгороде найдены бытовые предметы западного производства, которые могли поступать и через Ригу. Среди импортных кожаных изделий Е. А. Рыбина называет только сумки с растительным орнаментом (Рыбина 1994: 87—89), но сюда же можно отнести и три фрагмента кожаных коробочек для пер, найденных в слоях 1328—1382 гг. И сами коробочки, и деревянные таблички для письма такого размера, по замечанию Е. А. Рыбиной, однако нехарактерны для Руси (Варфоломеева 1995: 195—201). Западное происхождение, видимо, имели и ряд металлических деталей кожаных чехлов для ножей, встреченных преимущественно в слоях XIV в. (Варфоломеева 1994: 169, 175), и некоторые виды самих чехлов (Варфоломеева 1993: 164, 166). В Новгороде встречена и обувь, пошитая в западноевропейских городах. Особенно много ее, видимо, найдено на Готском раскопе, материалы которого полностью до сих пор не опубликованы. На этом месте, по письменным источникам, стоял Готский торговый двор, и в раскопе не случайно найдено много различных изделий западного происхождения, в том числе кожаный чехол для ножа (Рыбина 1978: 211—224, рис. 22: 3). На Кировском раскопе встречены детали низкой мягкой обуви с вырезным декором по носку, которая широко известна в западноевропейских городах, а также кошелек (?) с тисненым декором, включавшим растительные мотивы (Колчин, Рыбина 1982: рис. 30: 3; рис. 31: 4, 5). Однако в литературе подобная обувь почему-то рассматривается не как импортная, а как образец прикладного искусства Древнего Новгорода (Древний Новгород 1985: ст. 292, 293).

Сопоставление комплексов кожаных предметов из русских и западных городов позволяет выделить в Тверском кремле изделия западного происхождения в слоях XIV—первой половины XV в. (Курбатов 1997: 75—78). В противоположность русским городам, в Выборге большинство изделий из кожи конца XV—XVII вв. изготовлено в западных традициях, на их фоне выделяется небольшая группа изделий из русских городов (Курбатов 2003: 135). С учетом сказанного кожаные предметы из Таллина можно достаточно точно датировать и соотносить с региональными производственными традициями.

- Бёбре 1987 – Бёбре В. В. Титы кожаној обувј Риги XII–XIV вв. и их ареалы // КСИА. 1987. Вып. 190. С. 25–31.
- Варфоломеева 1993 – Варфоломеева Т. С. Кожаные ножны XI–XV вв. из раскопок Новгород // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1993. Вып. 7. С. 162–167.
- Варфоломеева 1994 – Варфоломеева Т. С. Металлические детали кожаных футляров XI–XV вв. из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1994. Вып. 8. С. 166–182.
- Варфоломеева 1995 – Варфоломеева Т. С. Кожаные футляры в виде коробочек // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1995. Вып. 9. С. 192–202.
- Вилсоне 1952 – Вилсоне М. Р. Археологические раскопки в городе Риге // КСНИМК. 1952. Вып. 42. С. 123–134.
- Древний Новгород 1985 – Древний Новгород: прикладное искусство и археология / Сост. Б. Колячин, В. Янин, С. Ямщиков, М., 1985.
- Изюмова 1959 – Изюмова С. А. К истории кожаного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. М., 1959. Вып. 65. С. 192–222.
- Колчин, Рыбина 1982 – Колчин Б. А., Рыбина Е. А. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 178–238.
- Курбатов 1991 – Курбатов А. В. Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по раскопкам 1980–1986 гг.) // КСИА. 1991. Вып. 205. С. 71–77.
- Курбатов 1992 – Курбатов А. В. *Pett: F. Grew & de Neergaard, 1988 Shoes and patterns // Medieval finds from excavations in London: 2. London // PA. 1992. № 4. С. 220–224.*
- Курбатов 1997 – Курбатов А. В. Отражение межрегиональных контактов по материалам кожаного производства Твери XIII–XIV вв. // Культурные взаимодействия в условиях контактных зон. СПб., 1997. С. 75–78.
- Курбатов 2003 – Курбатов А. В. Кожаные изделия средневекового Выборга по раскопкам 2000–2001 гг. // Староладовский сборник. СПб.; Старая Ладога, 2003. Вып. 6. С. 122–158.
- Курбатов 2004 – Курбатов А. В. Кожаное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб., 2004.
- Курбатов 2005 – Курбатов А. В. История обувной моды в Скандинавии и восточноевропейских параллели. *Pett: June Swann. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Prehistory to 1950. Stockholm. 2001 // АВ. СПб., 2005. № 12. С. 231–244.*
- Левко 1984 – Левко О. Н. Витебск XIV–XVIII вв. Минск, 1984.
- Овтева 1962 – Овтева Е. И. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // АСГЭ. Л., 1962. Вып. 4. С. 77–94.
- Рыбина 1978 – Рыбина Е. А. Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 197–226.
- Рыбина 1994 – Рыбина Е. А. Западноевропейские находки XIII–XIV вв. из раскопок в Новгороде // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 87–89.
- Цауне 1994 – Цауне А. Русский двор в Риге XIII–XVI вв. // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 204–205.
- Цауне 2004 – Цауне А. Археологические свидетельства в реконструкциях планировок города Риги XII–XIII веков // Восточная Европа в Средневековье. М., 2004. С. 342–349.
- Aun 1998 – Aun M. Tartu vanalinna arheoloogilise (VII kvartali kaevandri keskidaosa pohjal) // Eesti Arheoloogia. Tartu, 1998. Vol. 2. S. 94–144.
- Baart et al. 1977 – Baart J. et al. Opravingen in Amsterdam. 20 Jaar stadskernonderzoek. Amsterdam, 1977.
- Barthel 1968 – von Barthel H. J. Das «Stiefelgefäss» von Erfurt // Ausgrabungen und Funde. Berlin, 1968. Bd 13. H. 2. S. 275–278.
- Bebre 1983 – Bebre V. Ādas apavi Rīga 13–14 gs. // Arheoloģija un etnogrāfija. Rīga, 1983. Vol. 14. S. 125–140.
- Bebre 1986 – Bebre V. 11–14 gs. Ādas apavi atradumi Kokneses pils 1961–1963.g. izrakumos // Zinātniskās atskaites senijas materiāli par arheologu un etnogrāfiju 1984. un 1985. gada pētījumu rezultātiem. Rīga, 1986. S. 39–42.
- Bebre 1990 – Bebre V. 17–18 gs. ādas izstrādājumu atradumi Rīga // Zinātniskās atskaites senijas materiāli par arheologu un etnogrāfiju 1988. un 1989. gada pētījumu rezultātiem. Rīga, 1990. S. 43–47.
- Bebre 1997 – Bebre V. Pastalas – vienkarsakie senie apavi Latvija // Arheoloģija un etnogrāfija. Rīga, 1997. Vol. 19. S. 114–118.
- Bebre, Caune 1990 – Bebre V., Caune A. Arheoloģiskie pētījumi aizbertajā Rīdzinas gultne. Daugavas iela 33 // Zinātniskās atskaites senijas materiāli par arheologu un etnogrāfiju 1988. un 1989. gada pētījumu rezultātiem. Rīga, 1990. S. 77–81.
- Celmins 1998 – Celmins A. Zeme apsepta pilsēta. Rīga, 1998.
- Cnotliwy 1994 – Cnotliwy L. Pożnosredniowieczne obuwie ochronne z badań na Podzamczu w Szczecinie // Materiały Zachodniopomorskie. Szczecin, 1994. T. 40. S. 201–209.
- Dahlback 1983 – Dahlback G. Helgeansholmen: 1000 år i Stockholms ström. Stockholm, 1983.
- Driel-Murray 1982 – van Driel-Murray C. Versleten op de Breestraat: twaalfde-eeuws leer uit Leiden // I. P. P. Publ. Leiden, 1982. N 310. S. 57–67.
- Driel-Murray 1984 – van Driel-Murray C. Schoeisel van de opraving van het St. Agnietenkloster en het St. Michielskloster in Leiden // I. P. P. Publ. Leiden, 1984. N 395. S. 143–165.
- Earwood, Malachowska 1991 – Earwood C., Malachowska S. The medieval town of David-gorod, Belarus // Antiquity. 1991. Vol. 67. N 256. Sept. P. 534–547.
- Goubitz 1984 – Goubitz O. The drawing and registration of archaeological footwear // Studies in Conservation. 1984. Vol. 29. N 4. P. 187–196.
- Goubitz 1997 – Goubitz O. Eight Exceptional Medieval Shoes from the Netherlands // BROB. Amersfoort, 1997. Vol. 42. P. 425–455.
- Grew, de Neergaard 1988 – Grew F., de Neergaard M. Shoes and patterns // Medieval finds from excavations in London: 2. London, 1988.
- Groenman-van Waateringe 1969 – Groenman-van Waateringe W. Leatherwork // H. H. van Regjevem Altena, H. J. Zantkuyl. A medieval house site in Amsterdam // BROB. Amersfoort, 1969. Vol. 19. P. 233–266.
- Groenman-van Waateringe, Velt 1975 – Groenman-van Waateringe W., Velt M. Schuhmode im späten Mittelalter. Funde und Abbildungen // I. P. P. Publ. Amsterdam, 1975. N. 178. P. 95–119.
- Groenman-van Waateringe, van den Berg 1992 – Groenman-van Waateringe W., van den Berg T. Das Leder aus dem Umfeld des Lübecker Hafens // Lübecker Schriften zur Archäologie und Kulturgeschichte. Bonn, 1992. Bd 18. S. 345–364.
- Gutkowska-Rychlewska 1967 – Gutkowska-Rychlewska M. Patynki z Pyrzyce na tle mody obuwia średniowiecznego // Rozprawy i Sprawozdania i Muzeum Narodowego w Krakowie. Kraków, 1967. T. 19. S. 33–41.
- Jaworski et al. in 1991 – Jaworski Kr., Kazmierczyk J., Rzeźnik P. Przegląd badań wykopaliskowych na Ostrowie Tumskim we Wrocławiu w 1989 r. // Śląskie Sprawozdania Archeologiczne. Wrocław, 1991. Vol. 30. S. 157–173.
- Marstein 1988 – Marstein O. Skomaterialiet // Utgravningskronologi, bebyggelsesutvikling. Meddelelser / Fortiden i Trondheim bygrunn. Trondheim, 1988. N. 13. Del. 1. S. 168–177.
- Middle Ages 2004 – Middle Ages in the Middle of Turku // Turku Provincial Museum. 2004. Publications 5.
- Schnack, von 1992 – von Schnack Chr. Die mittelalterlichen Schuhe aus Schleswig. Ausgrabung Schild 1971–75 // Ausgrabungen in Schleswig. Berichte und Studien 10. Neumünster, 1992.
- Schnack, von 1994 – von Schnack Chr. Mittelalterliche Lederfunde aus Konstanz (Grabung Fischmarkt). Stuttgart, 1994.
- Sokolovski 1997 – Sokolovski V. Aruanne arheoloogilistest uuringutest Tallinnas kinnistule Roosikrantsi 1. 9 ja 11. Uuringute tulemused (Manuscript in the archives of A.I. Tallinn, 1997).
- Sokolovski, Jaanits 1997 – Sokolovski V., Jaanits K. Archaeological excavations in Tallinn and Vaida // Archaeological field works in Estonia. Tallinn, 1997. P. 117–129.

- Svarane 1986 – Svarane D. 1985. gada arheologiskas uzraudzības darbi Vecrīga // Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu un etnogrāfu 1984. un 1985. gada pētījumu rezultātiem. Rīga, 1986. S. 102–105.
- Swann 2001 – Swann J. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm, 2001.
- Valk-Falk 1985 – Valk-Falk E. Arheoloģitised nahaleidud Tartu vanalinnast // Tartu: minevik, tanapaev. Tallinn, 1985. S. 64–70.

- Walle-van der Woude 1983 – Walle-van der Woude T.-Y., van de Een 14e-eeuws industriecomplex te Monnickendam – het leer // I. P. P. Publ. 325. Amsterdam, 1983. S. 69–103.
- Wiklak 1967 – Wiklak H. Obuwie gdańskie z XIII–XIV wieku // Gdańsk wczesnonieodniowiec czny. Gdańsk, 1967. T. 6. S. 137–179.
- Wywrot-Wyszowska 2002 – Wywrot-Wyszowska B. Poznoscniowieczne patyki z lokacyjnego Kolobrzegu // Przegląd Archeologiczny. 2002. Vol. 50. S. 103–110.

REGIONAL TRAITS IN MATERIAL CULTURE OF EVERYDAY LIFE (LEATHER FINDS FROM THE EXCAVATION IN TALLINN)

A. V. KURBATOV

The collection of leather goods from the excavation in Roosenkrantsi Str. 9/11, although not very numerous, may serve as an excellent «illustration» for peculiarities of the cultural and historical development of the late-medieval Tallinn. Most of the footwear models are dated probably to the 14th century. Practically each of the objects documents the traditions of the footwear crafts which arose and had been developing throughout the entire Middle Ages in countries of Western and Northern Europe. Objects manufactured by ancient Russian craftsmen are limited to fragmentary *porshens* (leather sandals). These finds evidently reflect trading contacts of Tallinn with various Russian towns suggesting that merchants from Pskov, Novgorod etc. may have been temporarily living in Tallinn and possibly had their yards there.

In this connection it is appropriate to remember here the formation of trading links between Russian cities and Riga. According to the evidence of the «Chronicles of Livonia» (XIV, 9), the first trade treaty opening for Riga merchants the route to Rus was concluded with Prince of Polotsk in 1210. Perhaps soon afterwards, in the New Town of Riga, a trading yard of Russian merchants was built. However, the first Russian traders in Riga are mentioned in 1209 during a ceremonious action which took place near the Church of St Peter in Riga. In addition to the clergy, noblemen and other Germans, also some Russians and Livs were present at the ceremony (Цайне 1994: 204; Цайне 2004: 347). During excavations in Riga, objects similar to numerous finds from Russian towns are occasionally uncovered. The most remarkable are perhaps embroidered soft shoes. Not only their laying-out but also the variants of embroidering resemble those of the finds from Novgorod, Pskov and Smolensk (Svarane 1986: 102–105). On the other hand, objects of everyday use from Western countries have been found in Novgorod. Some of them may have come here via Riga. Among leather articles, only bags with floral designs are mentioned by E. A. Rybina (Рыбина 1994: 87–89). But we may add

to these also three fragments of leather cases for wax-covered wooden tablets for writings found in the layers of 1328–1382. As noted by Rybina, neither the cases themselves nor wooden writing tablets of the same size are characteristic of Rus (Варфоломеева 1995: 195–201). Of western provenance possibly was a series of metal parts of leather soft cases for knives recovered mostly from layers of the 14th century (Варфоломеева 1994: 169, 175) and certain types of the cases themselves (Варфоломеева 1993: 164, 166). In Novgorod, also footwear made in western towns has been occasionally found. The most numerous finds come perhaps from the Gothic Excavation, the materials from which have not been published completely even now. In that area, according to written sources, a Gothic trading yard was once situated. Therefore it was not accidental that exactly at this excavation, numerous objects of Western manufacture, including a leather knife-case, have been uncovered (Рыбина 1978: 211–224, fig. 22: 3). In the Kirovsk Excavation were found parts of low soft footwear with a carved decoration at the toe well known in West-European towns and a purse? with stamped design which included floral motifs (Колчин, Рыбина 1982: fig. 30: 3; fig. 31: 4, 5). Similar footwear is presented in an album dealing with applied arts of ancient Novgorod (Древний Новгород 1985: figs. 292, 293).

Comparison of assemblages of leather objects from Russian and Western cities enables us to discriminate finds of Western provenance among those from the Kremlin of Tver. These objects come from the layers of the 14th and first half of the 15th century (Курбатов 1997: 75–78). In Vyborg, on the contrary, most of the leather objects of the 15th–17th centuries were manufactured in Western traditions. Against that background, only a small group of ware from Russian towns is distinguishable (Курбатов 2003: 135). On the basis of all that is discussed above, the finds from Tallinn may be dated fairly precisely and compared with the regional manufacturing traditions.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

О ЦИТИРОВАНИИ КИТАЙСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ

П. М. ЛЕУС¹

Семантика приписываемых древним тюркам поминательных сооружений до сих пор остается во многом дискуссионной. Актуальное состояние этой проблемы наиболее полно освещено в работе В. Д. Кубарева (Кубарев 2001: 24–54), появление которой инициировало острую полемику между ним и Ю. С. Худяковым (Худяков 2002: 137–153; Кубарев 2002: 153–157).

Не углубляясь в суть полемики, идущей между двумя известными исследователями культуры древних тюрков, хотелось бы остановиться на одном, на наш взгляд, важном моменте. Речь пойдет о специфике цитирования и использования китайских письменных источников для подтверждения археологических реконструкций.

Китайские династийные хроники являются одним из важнейших источников по истории кочевых народов Центральной Азии, в том числе древних тюрков. К наиболее полным собраниям сведений о них относится работа китайского исследователя Лю Мауцзя (Liu 1958), которая позволила существенно дополнить и уточнить материалы, изданные в середине XIX в. выдающимся русским ученым-китаистом Н. Я. Бичуринным (Бичурин 1950). Целью более чем пятилетней работы китайского востоковеда было собрать воедино разрозненные сведения о восточных тюрках, содержащиеся в китайских исторических трудах VI–XI вв., и как можно более полно и филологически точно опубликовать их на немецком языке. Инициатива создания этого труда принадлежала таким известным специалистам по истории и культуре Центральной Азии, как Петер Ольбрихт (Peter Olbricht) и Омельян Прицак (Omeljan Pritsak), которые оказывали помощь автору на протяжении всего периода его работы над переводом. Кроме того, многие замечания и комментарии были получены Лю Мауцзяем от Аннемари фон Габэн (Annemarie von Gabain) и Вальтера Хай-

сига (Walther Heissig). В дальнейшем все это нашло отражение в его монографии об отношениях государства Куча в Восточном Туркестане и Китая² (Liu 1969).

Первый том работы объединяет сообщения о тюрках времен Северной (386–534 гг.) и Западной Вэй (535–556 гг.), Северной Чжоу (556–581 гг.), Суй (581–617 гг.), Тан (618–906 гг.) и Ву Тай (907–959 гг.). В него же вошли сведения из императорских анналов и переписки императоров, биографий китайских чиновников и военачальников, выдержки из некоторых буддийских текстов. Второй том содержит примечания и дополнения к переводу. После публикации труд Лю Мауцзя был высоко оценен как тюркологами, так и синологами, что, как справедливо отметил С. Г. Кляшторный, «делает излишним дальнейшее обсуждение полноты и качества переводов» (Кляшторный 2003: 7).

Для специалистов, занимающихся проблемами средневековой археологии Сибири и Центральной Азии, работа Лю Мауцзя важна прежде всего описанием древнетюркского погребального обряда, которое относится ко второму году правления императора Фей-ти (553 г.) и приведено в трех династийных хрониках: «Чжоу-шу» (окончена около 629 г.), «Суй-шу» (окончена в 629–636 гг., одна часть в 641–656 гг.) и «Бэй-ши» (окончена в 659 г.). Автор отмечает, что в «Суй-шу» сведения о происхождении тюрков, их нравах и обычаях до мельчайших подробностей соответствуют такому же в «Чжоу-шу». Это свидетельствует или о заимствовании сведений из более ранней «Чжоу-шу», или о составлении обеих хроник на основе одних и тех же источников. При этом известно, что некоторые части «Чжоу-шу» были со временем утеряны и заменены соответствующими частями из «Бэй-ши»,³ что делает данную

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

² Вспомогательный д-р Лю Мауцзя вел синологический семинар при Боннском университете. Кроме того, он является автором ряда лингвистических работ, например: «Немецко-китайский синтаксис. Практическое руководство современного разговорного китайского языка» (Liu 1964), «Китайско-немецкий стилистический словарь для разговорной практики» (Liu 1980) и др.

³ Приводя свой перевод отрывка о погребальном обряде тюрков-туто с китайского языка, Р. Ф. Итс писал, что, наоборот, материалы из «Чжоу-шу» и «Суй-шу» были использованы при создании «Бэй-ши» (Итс 1958: 103).

хронику особенно ценной. При дальнейшем сравнении источников Лю Мауцзаем было установлено, что дословный текст известий о Тю-кю и в главе о них, и в биографиях «Бэй-ши» как по содержанию, так и в лингвистическом отношении практически полностью идентичен текстам «Чжоу-шу» и «Суй-шу» (Liu 1958: 473–474). Часть текста «Суй-шу» о погребальном обряде тюрков *дословно взята из «Бэй-ши»* (Liu 1958: 500). Таким образом, говоря об обычаях древних тюрков, описанных в этих трех династийных хрониках, *нужно иметь в виду, что речь идет, в общем-то, об одном и том же источнике, а не о трех разных.*

Важность данного источника для реконструкций культурно-исторических процессов той эпохи на территории Сибири, Центральной и Средней Азии вообще, а также погребально-поминальной обрядности древнетюркских племен в частности, заставляет регулярно обращаться к нему многих российских исследователей. О том, как это выглядит в работах некоторых из них, и пойдет речь ниже.

Реконструируя древнетюркский погребально-поминальный ритуал, Ю. С. Худяков пишет: «Ограды служили главным образом для ограждения места поминального подношения умершему: здесь сжигалась мясная пища, а пепел и обгорелые кости помещались в ямку в центре ограды или рассыпались по поверхности, череда животных развешивались на балбалах. Следующей необходимой частью поминального ритуала была установка памятного столба, который в большинстве случаев был деревянным» (Худяков 1985: 180). Несмотря на последовавшую критику пассажа «о развешиваемых на балбалах головах жертвенных животных» (Leus 2000: 208; Кубарев 2001: 40), в своей очередной работе автор воспринял эту же реконструкцию без изменения, в очередной раз подкрепляя ее свидетельствами из «Чжоу-шу» («в переводах специалистов» (Худяков 2002: 144). При этом в качестве источника Ю. С. Худяков ссылается на страницу 10 из труда Мауцзая: «после похорон... накладывали камни и устанавливали при этом памятный столб; число камней (поставленных прямо) определялось каждый раз по количеству людей, которых умерший убил при жизни. Затем они вешали на столбы целые головы принесенных в жертву овец и лошадей» (Худяков 1985: 177, 179; 2002: 144). Таким образом, у читателя может создаться впечатление, что *когда скоро речь шла сначала о поставленных прямо камнях, а затем о развешиваемых на столбах головах жертвенных животных, то понятия «стоящие вертикально камни» и «столбы» являются здесь синонимами.* Отсюда действительно можно сделать вывод о том, что *головы жертвенных животных развешивались на балбалах.* Это же в какой-то мере подтверждает и русский перевод Н. Я. Бичурина, опустившего фразу о памятном столбе и упоминавшего только об установке камня или многих камней и о вывешиваемых на «вехах» головах животных (Бичурин 1950: 230). В. Д. Кубарев, обративший на это внимание,

предположил, что речь идет о «некритичном следовании» китайским источникам (Кубарев 2001: 40; Кубарев, Цзвэндорж 2002: 88). Но если обратиться к цитируемому источнику, то все становится на свои места: «Nach dem Begräbnis schichteten sie Steine auf und stellten einen (Gedenk-) Mast darauf; die Zahl der Steine richtete sich jeweils nach der Zahl der Menschen, die der Verstorbene im Leben getötet hatte. Dann hängten sie die ganzen Köpfe der geopferten Schafe und Pferde auf den Mast» (Liu 1958: 10) – «После похорон они укладывали камни один на другой и ставили на них (памятный) столб; число камней следовало каждый раз числу людей, которых покойный убил при жизни. Затем они вешали целые головы принесенных в жертву овец и лошадей на столб» (перевод мой. – П. Л.).⁴ Не совсем удачным кажется вариант перевода Л. Н. Ермоленко: «они насливали рядами камни и... вывешивали все головы... на столб» (Ермоленко 2004: 49). При внимательном чтении работы Лю Мауцзая становится ясно, что речь идет не о «некритичном следовании», а о неверном понимании немецкого текста. Совершенно очевидно, что фраза «auf den Mast» может быть переведена только как «на столб», а не «на столбы», и уж тем более никак не «на балбалы». О том, что камни «поставлены прямо», здесь также ничего не говорится (об этом см. ниже). Таким образом, согласно Лю Мауцзаю, головы жертвенных животных *вывешивали* не на каменные балбалы, а на деревянный столб или шест («der Holzmast»), упомянутый в «Суй-шу» (Liu 1958: 42), с существованием которого согласны оба участника дискуссии, хотя и интерпретируют его по-разному (Худяков 1985: 180; Кубарев 2001: 37–38). Остается неясным замечание Ю. С. Худякова о том, что памятный столб «в большинстве случаев был деревянным» (Худяков 1985: 180). Отсюда можно заключить, что в ряде других случаев столб был, видимо, не деревянным, что пока никак не подтверждается ни письменными источниками, ни археологическими находками.

По данным этнографии, в культуре саяно-алтайских народов неизвестна традиция вывешивания голов жертвенных животных на невысокие каменные стелы-балбалы. В качестве отдаленной параллели можно привести лишь написанную в 1909 г. картину «Жертвенник», кисти знаменитого алтайского художника Г. И. Чорос-Гуркина (Чорос-Гуркин 1995). На ней художник изобразил увиденное им древнетюркское каменное изваяние, перед которым на земле были сложены лошадиные черепа и кости конечностей.

Впрочем, некоторые параллели теории Ю. С. Худякова обнаруживаются в статье профессора Стамбульского университета Октя Бели (Okta Belli) (Belli 2003). В его работе о статуях и балбалах в культуре тюркского мира мы находим еще один любопытный вариант прочтения «Чжоу-шу». Турецкий исследователь приводит свой перевод немецкого текста на английский язык, в результате чего мы

⁴ Приняшу благодарность за консультацию археологу, д-ру Х. Шварцбергу (Галле), а также преподавателю немецкого языка и переводчице Г. Гольдхаммер (Берлин).

получаем: «They hang the heads of the strangled sheep and horses on gravestones», со ссылкой на странице 9–10 труда Лю Мауцзая (Belli 2003: 89). Соответствующий перевод на русский язык: «они вешают головы задушенных овец и лошадей на надгробные/могильные камни» (перевод мой. – П. Л.), что достаточно сильно отличается от оригинального текста, приведенного выше.

В. Е. Войтов, продолжительное время изучавший древнетюркские поминальные комплексы на территории Монголии (Войтов 1996), реконструирует в одной из своих работ обряд «вывешивания на специальных столбах конских шкур с черепами, передними и задними ногами» (Войтов 1986: 85). Автор в качестве источника указывает работу Лю Мауцзая и отсылает к странице 460 этого труда, на которой якобы идет речь об этом обряде. При обращении к упомянутой странице находим там сведения о почитании духов и богов и о легендарном происхождении предков тюрков от волчицы (Liu 1958: 460), но ничего похожего на описание обряда вывешивания на столбах конских чучел, приводимое В. Е. Войтовым, не имеется. Можно предположить здесь опечатку или неточное указание автором страницы, но во всей книге нет никаких упоминаний ни о таком обряде, ни о чем-то, на него похожем. То же самое можно сказать и о переводе известной о тюрках из китайских династийных хроник, выполненном Н. Я. Бичуриным и позднее дополненным Н. В. Кюнером (Кюнер 1961: 327–330), в которых, как и у Лю Мауцзая, описание подобного обряда также отсутствует.

То, что в переводе Н. Я. Бичурина говорится о «вехах», вовсе не значит, что возле одной могилы их устанавливалось несколько. Как известно, все три фрагмента из династийных хроник были объединены им в один текст. Речь же здесь идет скорее о том, что у тюрков вообще существует традиция устанавливать «веху» на могильном сооружении и вывешивать на нее головы жертвенных животных. Вообще слово «веха», то есть шест, было взято Н. Я. Бичуриным очень удачно, в отличие от употребляемого во всех русских переводах немецкого текста Лю Мауцзая слова «столб», каковое, в общем-то, является не совсем верным эквивалентом существительного «der Mast», которым пользовался китайский переводчик. Слово «столб» предполагает нечто массивное, например бревно или толстый брус, тогда как под словом «der Mast» в данном случае правильнее подразумевать жердь, шест или нечто подобное.

Следует отметить, что традиция вывешивать головы или черепа животных на столбы, шесты или деревья существует у некоторых народов Саяно-Алтая до сих пор. Подобный обычай не раз наблюдался мной у тувинцев, в том числе в 1994–1995 гг. на одном из «оваа»³ («обо») в соседнем с Горным Алтаем районе Тувы Монгун-Тайга (Леус 2004: 150). Черепа лошадей, закрепленные по одному или по

два на столбах и шестах, были отмечены в 1995 г. в Барун-Хемчикском районе возле горы Сарыг-Даш и в 2002 г. в д. Чаа-Суур Овюрского района. В Кызылском районе (в 1991 и 1996 гг.) наблюдалось, как головы только что убитых коз вешали на деревья. По сведениям Л. Л. Викторовой, головы копей и овец приносились в жертву и на больших монгольских «обо», связанных с погребениями владельцев хошунов. Здесь, так же как и в описанном обряде древних тюрков, проводились состязания, заканчивавшиеся пиром и заключением браков (Викторова 1980: 64). Профессор И. Р. Аспелин, путешествуя по Горному Алтаю в 1888 г., в одном из писем описал «следы шаманизма калмыков», с которыми постоянно сталкивался в тех местах: «В кустарнике на берегу Ульгумена были подвешены на ветви две коровьи головы и копыта, а также узкие кожаные подоско» (перевод мой. – П. Л.) (Appelgren-Kivalo 1931: 29). По одному из тувинских поверий, нельзя оставлять на земле череп погибшего или умершего коня, даже если он найден случайно. Как говорят тувинцы, его нужно куда-нибудь повесить, например на дерево, и тогда не останешься пешим. Конечно, было бы неправильно напрямую связывать обычай саяно-алтайских народов с поминальным обрядом древних тюрков, но все же подобные параллели подчеркивают некоторую преемственность в традиционной культуре тюркских народов Саяно-Алтая.

Интересно, что монгольские «обо» и тувинские «оваа», в виде сложного каменного сооружения правильной формы (Evans, Humphrey 2003: fig. 4–6; Heissig 1989: 224–225) или груды камней (Дьяконова 1975б: 157; Викторова 1980: 62, рис. 15) с установленным сверху шестом, соответствуют, в целом, описанию поминального сооружения древних тюрков у Лю Мауцзая: то есть уложенным друг на друга камням с установленной сверху жердью («der Mast»), служащей памятным знаком. Этому же описанию, в определенной степени, соответствуют некоторые типы небольших поминальных сооружений курькан Байкальской Сибири (курумчинская культура), относимые ко второй половине I тыс. н. э. В нескольких таких сооружениях были обнаружены остатки стоявших вертикально деревянных кольшков (Дашибалов 1995: 77–81, рис. 23). Некоторые тувинские могилы также до сих пор представляют собой небольшую каменную наброску с воткнутой сверху жердью (Дьяконова 1975а: 146, фото на с. 146, 153).

Ни в одном из текстов, приведенных китайским ученым, не говорится о том, что камни – это каменные стелы-балбалы и что они устанавливались вертикально – такое утверждение принимается многими исследователями а priori, на основании перевода Н. Я. Бичурина: «Обыкновенно если он убил одного человека, то ставит один камень» (Бичурин 1950: 230). Это приводит даже к некоторым «дополнениям» текста «Чжоу-шу», приведенного Лю Мауцзая: «число

³ «Оваа» («обо») – особый вид традиционного культового сооружения у многих народов Центральной Азии. В настоящее время культ «Обо» представляет собой синкретическое явление, обусловленное стремлением дамагма преобразовать древние шаманистские традиции (Heissig 1989: 225).

каменной (поставленных прямо) определялось» (Худяков 1985: 179), вместо: «die Zahl der Steine richtete sich» (Liu 1958: 10), то есть «число камней следовало». Как видно, нигде здесь не говорится, что камни поставлены прямо.⁶ То же и в «Суй-шу»: «die Zahl der Steine belaufen sich», то есть «число камней составляет» (Liu 1958: 42). Если для разобраных выше переводов фрагмента текста, повествующего о головах жертвенных животных, можно говорить о слабом знании немецкого языка, то приведенные только что дополнения письменных источников являются уже недопустимой в научной среде фальсификацией.⁷

Д. Г. Савинов, ссылаясь на переводы Н. Я. Бичурина, Лю Мауцзя и Р. Ф. Итса, так же, как и Ю. С. Худяков, приводит «дополненную» цитату: «число камней (поставленных прямо) определялось...». Далее Д. Г. Савинов пишет о том, что сравнительный анализ текстов показывает наличие в них такой общей детали, как стоящие около культовой постройки «вертикальные камни» (Кляшторный, Савинов 1994: 123; 2005: 239). В другой работе Д. Г. Савинова приводится явно цитата из труда Н. Я. Бичурина (при этом с ошибкой), но в ссылке автор указывает на то, что это цитата из «Чжоу-шу» и «Суй-шу» в переводе Лю Мауцзя (Савинов 1973: 341). Но в любом случае, как уже отмечалось, ни в одном из трех вариантов перевода нет приводимых упомянутыми авторами скобок с уточнением о том, что камни поставлены прямо. Остается неясным, кто из исследователей первым дополнил текст источника этим пояснением.⁸ Если у Н. Я. Бичурина и Р. Ф. Итса говорится: «ставят один камень» (Бичурин 1950: 230; Итс 1958: 102), то у Лю Мауцзя «камни укладывались» (Liu 1958: 10, 42, 500). В одной из прошлых работ Д. Г. Савинов, опираясь только на перевод Н. Я. Бичурина: «ставят один камень», выводит заключение о наличии такого элемента погребального обряда древних тюрков, как «вертикально вкопанные камни» (Савинов 1984: 35).

В том «Степи Евразии в эпоху средневековья» серии «Археология СССР» В. А. Могильников приводит сообщения китайских авторов о погребальном обряде тюрков и отмечает, что если умерший в битвах «убил одного человека, то обычно ставили один камень». Здесь автор ссылается не только на перевод

Н. Я. Бичурина, но и на тексты «Чжоу-шу» и «Суй-шу» в переводе Лю Мауцзя (Могильников 1981: 31), у которого, как уже указывалось выше, не говорится о том, что камень ставился.

Варианты перевода этих отрывков из китайских хроник на русский язык, выполненные Н. Я. Бичуриным (см. выше) и Р. Ф. Итсом (где также говорится о том, что камни именно ставились — Итс 1958: 102), не раз приводились в работах Л. Р. Кызласова. Кроме того, автор приводит собственный вариант перевода уже немецкого текста Лю Мауцзя: «Суй-шу» — «один камень ставят (перед могилой)», «Бей-ши» — «ставили один камень» (Кызласов 1964: 27–28; 1966: 208; 1969: 37), хотя в оригинале, в обоих случаях, использован немецкий глагол «legen», то есть «класть». Подобный перевод мы встречаем и у С. Г. Кляшторного: «ставят один камень» (Кляшторный 1978: 252; 2003: 266). Однако в тексте «Бей-ши» четко сказано, что сотни и даже «тысячи камней были сложены» — «Tausende von Steinen aufgestapelt wurden» (Liu 1958: 500). Здесь использован глагол «aufstapeln», то есть «складывать друг на друга», «накладывать», но никак не «ставить» или «устанавливать». Для описания же установки могильных камней с надписями или статуей Лю Мауцзя использует обычно глагол «errichten», который переводится как «сооружать», «воздвигать» (Liu 1958: 145, 179, 265, 376, 464).

Л. П. Попов в своем переводе немецкого текста Лю Мауцзя пишет, что тюрки, по «Чжоу-шу», именно «накладывали камни и ставили на них памятные столбы, но далее приводит цитату из «Суй-шу» о том, что «в жертву покойному убивали лошадей и быков» (История Тувы 1964: 107). В оригинале же мы имеем слово «die Rinder», то есть «крупный рогатый скот» вообще. Следовательно, утверждение, что в жертву приносились именно быки, представляется не совсем верным. Та же фраза переходит и в новое издание этой работы (История Тувы 2001: 106).⁹

Спорно выглядит и высказывание Э. Б. Вадецкой о погребальном обряде тюрков: «Китайские историки сообщают, что древние тюрки сжигали покойника прямо на лошади» (Вадецкая 1999: 198).¹⁰ Однако почти во всех известных переводах этого отрывка речь идет о том, что покойного сжигали вместе с его ло-

⁶ В известной работе венгерской исследовательницы И. Эчеди о погребальном обряде древних тюрков, где подробно разбираются китайские тексты, также не говорится о ставящихся возле могилы каменных стелах (Ecsedy 1984: 280).

⁷ В немецкоязычной литературе также известны случаи некоторых собственных дополнений к китайским источникам, что уже было рассмотрено и подвержено справедливой критике (Ohrig 1988: 49).

⁸ Приводя еще один фрагмент перевода Лю Мауцзя, Ю. С. Худяков цитирует, со ссылкой на с. 47: «Цигу, которые властвуют к северу от Тулю, со скрежетом зубным ожидают своей возможности (отомстить)» (Худяков 2004: 92). В оригинале же стоит: «...laeren mit knirschenden Zähnen auf ihre Chancen» (Liu 1958: 47), то есть «...ожидают своего шанса». Как видно, здесь также нет скобок с пояснением, чего именно они ожидают. Совершенно очевидно, что и в этом случае Ю. С. Худяков, в очередной раз, «дополнил» текст источника собственным пояснением.

⁹ У Л. Р. Кызласова «тысячи камней были установлены» (Кызласов 1969: 37).

¹⁰ Отдельным недостатком первого тома последнего издания «История Тувы» является то, что в некоторых главах система сносок сбита на один номер вперед, то есть вместо 67 идет 68 и т. д., что вносит некоторую путаницу (История Тувы 2001: 106–107, 345). Ошибки в ссылках встречаются и у С. И. Вайнштейна, указывающего на ряд страниц первой книги Лю Мауцзя применительно ко второй (Вайнштейн 1991: 206).

¹¹ К сожалению, исследовательница ссылается не на источники, а только на работу В. Н. Добжанского. В его переводе с немецкого языка рассматриваемый текст «Суй-шу» звучит так: «они выбрали день, клали тело на лошадь и потом поджигали». Далее он цитирует отрывки из «Бей-ши»: «они устанавливали (памятную) стелу на могиле». «Если умерший убивал одного человека, то ставился один камень» (Добжанский 1989: 174). Но, как уже указывалось, в «Бей-ши» шла речь о том, что ставился памятный столб или стела, а не стела, и камень «клали, а не ставили» (Liu 1958: 500). Неверно переведено им слово «verbenen» имеет совершенно определенное значение — «сжигать», а не «поджигать». Существуют и другие неточности в переводе.

шадью, а не на ней (Бичурин 1950: 230; Liu 1958: 9). Только в переводе Лю Мауцзаем этого фрагмента «Суй-шу» говорится о том, что тюрки «кладут труп на лошадь и сжигают его» («legen die Leiche auf ein Pferd und verbrennen sie») (Liu 1958: 42). Но и в этом случае прямо не говорится о том, что труп сжигали непосредственно на лошади или вместе с ней. Следовательно, утверждение Э. Б. Вадецкой, якобы основанное на сообщениях китайских историков о том, что тюрки «сжигали покойника прямо на лошади» (Вадецкая 1999: 198), является бесосновательным.

Таким образом, получается парадоксальная ситуация: замечательная работа китайского исследователя является наиболее часто цитируемым письменным источником для подтверждения тезиса о том, что древние тюрки устанавливали перед могилой своего сородича каменные стелы-балбалы по числу убитых врагов. При этом, по мнению отдельных исследователей, на них развешивались головы жертвенных животных – овец и лошадей. Но при прочтении текстов, переведенных Лю Мауцзаем, становится ясно, что об этом там вовсе не говорится. Как уже показал выше разбор немецкого текста, в нем ни разу не использован глагол «ставить» или его синонимы. Наоборот, использованы глаголы «класть», «укладывать друг на друга», позволяющие предположить, что речь идет скорее о сооружении какой-то каменной насыпи, чем об установлении ряда каменных стел.

И в завершение хотелось бы рассмотреть появившуюся недавно любительскую Б. Б. Овчинниковой и Р. Т. Ганиева «Лю Мау-Цай о тюрках-туго (ту-кюе)» (Овчинникова, Ганиев 2004: 25–54). Авторы предложили перевод¹² на русский язык первой части работы Лю Мауцзя. Необходимость в грамматически корректном переводе этого труда уже давно очевидна, и можно было бы только приветствовать его появление. Однако, к сожалению, приходится констатировать, что предложенная работа на это претендовать не может.

При чтении текста создается впечатление, что некоторые его части переведены в стрыве от контекста, а редактор, полностью полагаясь на переводчика, оставляла такие моменты без внимания. Большинство комментариев переведено не полностью и нередко с грубыми ошибками. Достаточно остановиться на нескольких характерных примерах.

Один из фрагментов разбиравшегося выше текста о погребальном обряде тюрков переводится авторами: «они складывали камни и ставили при этом (памятный) столб» (Овчинникова, Ганиев 2004: 32). Тогда как оригинал «stellten einen (Gedenk-) Mast darauf» нужно читать «ставили на них памятный столб», что следует из значения немецкого слова «darauf» (на это, на этом). Такое различие существенно при реконструкции погребального обряда. *Примечание 56* к этому абзацу Р. Т. Ганиев переводит следующим образом: «Они ставят памятную доску на могиле. В могиле сооружают помещение, в котором помещают картину умершего и его сражения» (Овчинникова,

Ганиев 2004: 49), тогда как слово «der Mast» (то есть «столб», «шест») никак не может быть переведено в значении «доска», и сам переводчик уже переведил его именно в значении «столб». Не следует из оригинального текста и тот факт, что тюрки имели колчуги и учитывали путем насечек на дереве число убитых солдат, лошадей и животных (Овчинникова, Ганиев 2004: 32). Судя по немецкому оригиналу, здесь речь идет скорее о пластинчатых досках («Panzerjacket») и о том, что с помощью насечек на дереве учитывалось количество набранных солдат и лошадей, а также количество скота.

Вызывает недоумение регулярное отсутствие указаний на то, откуда происходит приведенное в примечании дополнение к основному тексту. Хотя это указывается Лю Мауцзаем практически в каждом из них. В большинстве случаев сами примечания переведены не полностью, оторваны от контекста, к которому относятся, что, видимо, и объясняет неправильный перевод некоторых слов. Отсутствуют также приводимые цитаты из переводов других востоковедов. В качестве примера рассмотрим одну страницу из разбираемой публикации (Овчинникова, Ганиев 2004: 49) с переводами примечаний со с. 499–500 труда Лю Мауцзя. Так, в примечании 50 полностью отсутствует цитата Жюльена. Примечание 51 переведено Р. Т. Ганиевым кратко: «они не обладали письмом», тогда как в оригинале мы видим более развернутый текст: «Бей-ши 99, 2а продолжает: они были опыты в езде верхом и стрельбе из лука; они были грубы/безжалостны и не обладали письменностью (см. примечание 215). Добавление заимствовано из «Суй-шу». Далее, в примечании 52 отсутствует указание на то, что дополнение дословно взято из «Суй-шу». Сам перевод несколько неточен, так как вместо «занимались грабежами, дожидаясь полнолуния», в оригинале стоит, что они дожидались времени незадолго до полнолуния. Примечание 53 переведено: «Ма-пан – юнкая сбура», тогда как в оригинале идет подробное дополнение из биографии китайского военачальника. Примечание 54 переведено: «Скольких кастрировали, а потом расчленили на 2 куска». У Лю Мауцзя же речь идет не о «скольких», а о «непринятых/непристойных» (die Schlußfrigen), что видно и при обращении к тексту «Чжоу-шу», к которому относится примечание. Речь здесь идет об уголовном праве у тюрков, которое Р. Т. Ганиев своеобразно переводит как «те, кто соблазнял замужних женщин... приговаривались к смерти... кто соблазнял чужих дочерей подвергался... штрафу» (Овчинникова, Ганиев 2004: 32). В немецком же тексте используется глагол «vergewaltigen» (Liu 1958: 9), то есть «(из)насиловать», значение которого существенно отличается от глагола «соблазнять». Глагол «расчленить» также совершенно неуместен здесь. В оригинале стоит глагол «zertissen», то есть «разрывать» (видимо, лошадей). Отсутствует указание на то, что источник взят из «Суй-шу». *Примечание 55*: «Кто другому глаз повредит, должен свою дочь отдать; если нет, то жену и деньги.

¹² Перевод был выполнен Р. Т. Ганиевым под редакцией Б. Б. Овчинниковой.

Если член, то лошадей». При обращении к оригиналу видно, что перевод последнего предложения должен выглядеть так: «Кто другому сломал конечности, должен в качестве возмещения ущерба отдать лошадей». Само повествование идет в прошедшем времени, чем регулярно пренебрегает Р. Т. Ганиев, а слово «член» (das Glied) приведено здесь во множественном числе (die Glieder) и должно переводиться в данном случае более конкретно — «конечности». Примечание 56 уже рассматривалось выше. При переводе сюжета о том, как после похорон у могилы совершалось сватовство, также допущены существенные ошибки. Читаем: «Если мужчине понравилась девочка, то... отправлял кого-нибудь к родителям девочки с предложением о женитьбе» (Овчинникова, Ганиев 2004: 32). Немецкий оригинал: «Wenn ein Mann einem Mädchen gefiel, dann... schickte sofort jemand mit einem Heiratsantrag zu den Eltern des Mädchens» (Liu 1958: 10), то есть «если мужчина понравился девушке, то... сразу отправлял кого-нибудь с брачным предложением к родителям девушки...». Здесь неправильный перевод изменил всю структуру процедуры сватовства, так как, следуя оригиналу, сваты посылались в случае, если девушке понравился мужчина, то есть имелось ее принципиальное согласие на брак. Из перевода Р. Т. Ганиева этого не следует. Существительное «das Mädchen» в контексте женитьбы следует переводить как «девушка».

Можно констатировать, что Р. Т. Ганиевым пропущено большое количество существенной информации, приводятся неверные переводы ряда слов и допущены грубые грамматические ошибки, что иногда влечет за собой и изменение смысла всего текста. Эти примеры показывают, что ошибки в переводе постоянно встречаются в тексте и идут подряд практически во всех примечаниях к нему. Таким образом, при работе с рассматриваемым изданием приходится постоянно сверяться с оригинальным немецким текстом, что означает непригодность такого русского перевода для научного использования. Этот пример показателен в том отношении, что проведение важной и необходимой работы по переводу китайских известий о тюрках-тугок с немецкого языка, оказывается, в общем, неудачным из-за непрофессионального подхода к ее осуществлению. Перевод такого источника должен быть выполнен либо профессиональным филологом, с последующей редакцией текста совместно со специалистом по истории средневековых кочевников Центральной Азии, либо же самостоятельно таким специалистом, обладающим при этом достаточно высоким уровнем знания немецкого языка.¹¹ Но в любом случае было бы необходимо обсудить все спорные моменты с немецкоязычными коллегами — специалистами в данной области науки.

Из публикации Б. Б. Овчинниковой и Р. Т. Ганиева следует, что авторы планируют продолжить работу над переводом остальных частей работы Лю Мауцзя. Но если и следующие, более объемные части книги будут переведены на том же уровне, что и первая, то такая работа будет только вводить в заблуждение пользующихся ею исследователей.

Прошло почти полвека со времени издания книг Лю Мауцзя, но все еще не сложился единый и филологически верный вариант перевода приведенных им текстов о погребальном обряде восточных тюрков на русский язык. А ведь речь при этом идет не о древнекитайском языке, а о современном немецком, что, казалось бы, не должно вызывать таких трудностей. Исследователи предлагают собственные, нередко грамматически неточные и значительно отличающиеся друг от друга переводы, иногда снабженные рядом «дополнений», которые усиливают доказательную базу и отвечают научным взглядам самого переводчика. Подобные «дополнения» перевода являются, вероятно, следствием стремления некоторых авторов получить от цитируемого письменного источника больше, чем он может дать на самом деле. Эта распространенная в отечественной археологии тенденция была рассмотрена в одной из работ А. А. Формозова, охарактеризовавшего ее как желание «получить от материала неизмеримо больше, чем в нем на деле содержится» (Формозов 1977: 9).

Необходимо отметить и то, что рассматриваемые выше неточные переводы приобрели в последние десятилетия форму постулата. И это неудивительно, так как они регулярно цитируются в работах крупнейших российских специалистов по археологии средневековых кочевников, специалистов, авторитет которых и формирует в конечном счете общее мнение по большинству вопросов в этой области науки. Совершенно очевидно, что многие из них не владеют немецким языком и приводимые ими варианты переводов из стигудии Лю Мауцзя являются не следствием самостоятельного прочтения цитируемого ими источника, а зачастую компиляцией из работ других исследователей. При этом манера изложения такова, что читатель не всегда может проверить степень обоснованности выводов автора.¹² Применительно к теме настоящей статьи это ярко выражено на примере некоторых разбиравшихся выше описаний погребального обряда тюрков (Могильников 1981: 31; Кляшторный, Савинов 1994: 123; 2005: 239; Вадецкая 1999: 198; и др.). Основанные на двух или даже на трех вариантах перевода одного и того же китайского текста, они не позволяют понять, из какого конкретно варианта взята та или иная цитата. Складывается впечатление, что если отдельная фраза из цитируемого варианта перевода чем-то не устраивала автора, то он заменял ее на более «удобный» ему вариант. Такая

¹¹ Еще один перевод избранных глав из работы Лю Мауцзя был издан Институтом востоковедения РАН (Москва). При этом публикация была осуществлена в настолько малодоступном издании, что у большинства исследователей просто нет возможности найти его (Лю 2002). Таким образом, невозможно ничего сказать о качестве выполненного В. И. Добжанским и Л. Н. Ермоленко перевода. Но, как уже отмечалось выше, в других работах этих специалистов перевод цитат из Лю Мауцзя был не всегда правильным.

¹² Об этом также см.: Формозов 1977.

ситуация, на мой взгляд, является совершенно неприемлемой при использовании в качестве доказательной базы письменных источников.

В завершение хотелось бы призвать к осторожному и внимательному использованию источников на иностранных языках, а также к более грамотному их

переводу. Возможно, было бы правильным приводить в подобных случаях не только собственный перевод выбранного фрагмента, но и его оригинальный текст, тем более, что такая практика известна как в российской, так и в европейской научной традиции при цитировании работ на иностранных языках.

- Бичурин 1950 – *Бичурин Н. Я. (Иакинф)* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., Л., 1950.
- Вадеева 1999 – *Вадеева Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири.* СПб., 1999.
- Вайнштейн 1991 – *Вайнштейн С. И.* Мир ковчегов Центра Азии. М., 1991.
- Викторова 1980 – *Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.
- Войтов 1986 – *Войтов В. Е.* Древетюрские памятники на Хануе // *СА.* 1986. № 4. С. 74–89.
- Войтов 1996 – *Войтов В. Е.* Древетюрский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М., 1996.
- Давидзалов 1995 – *Давидзалов Б. Б.* Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ, 1995.
- Добжанский 1989 – *Добжанский В. И.* К вопросу о погребальном обряде восточных тюрков // *Маргулановские чтения.* Ады-Ата, 1989. С. 173–177.
- Дьяконова 1975а – *Дьяконова В. П.* Погребальный обряд тувицев как историко-этнографический источник. Л., 1975.
- Дьяконова 1975б – *Дьяконова В. П.* Культовые сооружения тувицев // *Подвесье исследования Института этнографии.* 1974. М., 1975. С. 157–164.
- Ермоленко 2004 – *Ермоленко Л. Н.* Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск, 2004.
- История Тувы 1964 – *История Тувы.* М., 1964. Т. 1.
- История Тувы 2001 – *История Тувы.* Новосибирск, 2001. Т. 1.
- Итс 1958 – *Итс Р. Ф.* О каменных изваяниях в Синьцзяне // *СЭ.* 1958. № 2. С. 100–103.
- Кляшторный 1978 – *Кляшторный С. Г.* Храм, изваяние и стела в древетюрских текстах (к интерпретации Ихе-Ханьиньской надписи) // *Тюркологический сборник 1974.* М., 1978. С. 238–255.
- Кляшторный 2003 – *Кляшторный С. Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.
- Кляшторный, Савинов 1994 – *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи Евразии. СПб., 1994.
- Кляшторный, Савинов 2005 – *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
- Кубарев 2001 – *Кубарев В. Д.* Изваяние, ограда, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древетюрских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // *Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья.* Барнаул, 2001. С. 24–54.
- Кубарев 2002 – *Кубарев В. Д.* Ответ на статью профессора Ю. С. Худякова // *Древности Алтая.* Горно-Алтайск, 2002. № 9. С. 153–157.
- Кубарев, Цвиондорж 2002 – *Кубарев В. Д., Цвиондорж Д.* Древетюрские мемориалы Алтая // *Археология, Этнография и Антропология Евразии.* Новосибирск, 2002. № 1. С. 76–95.
- Кызласов 1964 – *Кызласов Л. Р.* О назначении древетюрских каменных изваяний, изображающих людей // *СА.* 1964. № 2. С. 27–39.
- Кызласов 1966 – *Кызласов Л. Р.* О значении термина *балбал* древетюрских надписей // *Тюркологический сборник к 60-летию А. П. Копылова.* М., 1966. С. 206–208.
- Кызласов 1969 – *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.
- Коулер 1961 – *Коулер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
- Леус 2000 – *Леус П. М.* К вопросу о «княжеских» могилах древетюрского времени // *Сокращение и изучение културного наследия Алтая.* Горно-Алтайск, 2000. Вып. 11. С. 206–209.
- Леус 2004 – *Леус П. М.* Культ «оваа» у современных тувицев // *Културное наследие народов Сибири и Севера (материалы 5-х сибирских чтений, СПб., 17–19 октября 2001 г.).* СПб., 2004. Ч. 2. С. 146–152.
- Лю 2002 – *Лю Маоцзи.* Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках // *Биюлетень Общества востоковедов. Приложение.* Т. 1. М., 2002 (перевод с нем. В. Н. Добжанский и Л. Н. Ермоленко).
- Могилянов 1981 – *Могилянов В. А.* Тюрки // *Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР.* М., 1981. С. 29–43.
- Овчинникова, Ганиев 2004 – *Овчинникова Б. Б., Ганиев Р. Т.* Лю Мау-Цай о тюрках-туто (ту-кюс) // *Културные традиции Евразии.* Казань, 2004. С. 25–54.
- Савинов 1973 – *Савинов Д. Г.* Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древетюрское время // *Тюркологический сборник 1972.* М., 1973. С. 339–350.
- Савинов 1984 – *Савинов Д. Г.* Народы Южной Сибири в древетюрскую эпоху. Л., 1984.
- Формозов 1977 – *Формозов А. А.* О критике источников в археологии // *СА.* 1977. № 1. С. 5–14.
- Худяков 1985 – *Худяков Ю. С.* Древетюрские поминальные памятники на территории Монголии (по материалам СМЖСЭ в 1979–1982 гг.) // *Древние культуры Монголии.* Новосибирск, 1985. С. 168–184.
- Худяков 2002 – *Худяков Ю. С.* Дискуссионные вопросы изучения поминальных памятников древних тюрков в Горном Алтае // *Древности Алтая.* Горно-Алтайск, 2002. № 9. С. 137–153.
- Худяков 2004 – *Худяков Ю. С.* Древние тюрки на Енисее. Новосибирск, 2004.
- Чорос-Гуркин 1995 – *Чорос-Гуркин Григорий Иванович.* Каталог выставки. Горно-Алтайск, 1995.
- Appelgren-Kivalo 1931 – *Appelgren-Kivalo H.* Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931.
- Belli 2003 – *Belli O.* Stone Statues and Balbals in Turkic World // *TÜBA-AR.* Ankara, 2003. N 6. P. 85–116.
- Ecsedy 1984 – *Ecsedy I.* Ancient Turc (T'u-chihel) Burial Customs // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* Budapest, 1984. T. 38, Fasc. 3. P. 263–287.
- Evans, Humphrey 2003 – *Evans C., Humphrey C.* History, Timelessness and the Monumental: the Obsoos of the Mergen Environs, Inner Mongolia // *CAJ.* Cambridge, 2003. Vol. 13, № 2. P. 195–211.
- Heissig 1989 – *Heissig W.* Die alten Götter der Mongolen // *Die Mongolen.* Innsbruck, 1989. S. 223–226.
- Liu 1958 – *Liu Mau-Tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). I. Buch (Texte), II. Buch (Anmerkungen, Anhänge, Index) // *Göttinger Asiatische Forschungen.* Wiesbaden, 1958. Bd 10.
- Liu 1964 – *Liu Mau-Tsai.* Deutsch-Chinesische Syntax. Ein praktisches Handbuch der modernen chinesischen Umgangssprache. Berlin, 1964.
- Liu 1969 – *Liu Mau-Tsai.* Kutscha und seine Beziehungen zu China vom 2. Jh. v. bis zum 6. Jh. n. Chr. // *Göttinger Asiatische Forschungen.* Wiesbaden, 1969. Bd 27.
- Liu 1980 – *Liu Mau-Tsai.* Chinesisch-Deutsches Stilwörterbuch für Konversation. Berlin, 1980.
- Öhrig 1988 – *Öhrig B.* Bestattungsriten alttürkischer Aristokratie im Lichte der Inschriften // *Münchner Ethnologische Abhandlungen.* München, 1988. Bd 8.

QUOTATIONS FROM CHINESE WRITTEN SOURCES ON THE HISTORY OF ANCIENT TURKS

P. M. LEUS

Funeral rites of ancient Turks are until now an object of continuous debates. Extremely important written sources with descriptions of funerary rites of Eastern Turks are medieval Chinese dynastic chronicles. The most comprehensive translation of their evidence is presented in the book of the Chinese orientalist Liu Mau-Tsai published in German. This work is widely cited by Russian researchers.

Often descriptions of the funerary ritual are adduced as confirmation that stone stelae-*balbals* (in some cases fairly numerous) were installed near a grave symbolizing the enemies killed. However, careful examination of the German text shows that in none of the cases the author

uses the verb «install» or its synonyms. On the contrary, such verbs as «lay» or «lay down» are employed suggesting that we are dealing not with installation of some upright stelae but rather with laying some stone embankments. Thus the translations from German adduced by some researchers can in no way serve as corroboration of the fact of installation of stone *balbals* beside ancient Turkic graves. In situations where some foreign work is cited it would be therefore more correct to present not only the author's translation of the chosen fragment but also the original text. Moreover, such a practice is not entirely new both in Russian nor West-European scientific tradition.

«ЖЕНСКОЕ БОЖЕСТВО И ХРАМ» В ИСКУССТВЕ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ СКУЛЬПТУРЫ И АРХИТЕКТУРЫ ЕВРОПЫ В IV–III тыс. до н. э.¹

А. М. СМИРНОВ²

Моей маме

В изобразительном искусстве мегалитического мира Европы, взятом территориально широко — от Атлантического побережья до Кавказа, в IV–III тыс. до н. э. одним из основных мотивов становится изображение женских персонажей: антропоморфных фигур либо только их анатомических признаков (грудь), атрибутов внешнего облика (ожерелье и проч.).

При всем том, что подобные образы достаточно уверенно идентифицируются исследователями как женские, смысл их воспроизведения на каменных монументах, их назначение реконструируются далеко не равным образом, и предлагаемые интерпретации могут существенно различаться для памятников разных территорий. Настоящая статья представляет собой попытку выявления все же единого смыслового содержания ряда женских образов и атрибутов, назначения их воспроизведения в гравировках и рельефах каменных гробниц, а также на антропоморфных изваяниях, несмотря на часто разделяющие их достаточно внушительные пространства. Рассмотрим это на примерах наиболее известных памятников с подобными изображениями.

В исследовании В. И. Марковина по дольменам Западного Кавказа в частности учтены и подробно описаны две такие гробницы с рельефами: одна — с Анастасиевка (рис. 1: 1), вторая — у аула Большое Псеушко (рис. 1: 2) в районе Туапсе (Марковин 1978: рис. 114: 1, 5). Передняя плита первой из них «украшена (двумя) небольшими округлыми выпуклостями, напоминающими женские груди. Расположены они выше дольменного отверстия». На втором дольмене «по краям передней плиты можно видеть две пары подобных выпуклостей («двойные груди»)» (Марковин 1978: 213).

В интерпретации, предложенной исследователем, эти рельефы связываются с культом плодородия. Действительно, как указывает автор, «в подобной трактовке часть (в данном случае грудь) заменяла изображение целой фигуры». Расположение ее (видимо, анатомически определенное) относительно входного отверстия на передней плите делало «в достаточной степени ясной ритуальную символику ... отверстия, хорошо известную среди культов плодородия». Отсюда — логический вывод о «ритуальной идее» всей дольменной постройки, в которой, таким образом, «заключалась сакральная сила всеобъемлющего и обильного воспроизводства» (Марковин 1978: 213).

В качестве аналогий этим изображениям «так реалистически воспроизведенной женской груди» исследователь указывает на подобные же рельефы, высеченные на стенах гробниц во Франции (Марна), Италии (Генуя) и других странах (Марковин 1978: 213).

Рассмотрим в этой связи более подробно предложенные автором аналогии, прежде всего из вышеуказанных французских памятников. Речь, несомненно, идет об изображениях на стенах подземных гробниц — галерейных гробниц и гипогеев — культуры СУМ (S. O. M.) Северо-Восточной Франции: в Парижском бассейне, включающем бассейны р. Сены и ее притоков Уазы, Марны и др. Здесь одним из основных мотивов декора ряда этих погребальных сооружений являются рельефы высеченные на них женские фигуры и атрибуты. Это уже знакомые по дольменам Западного Кавказа парные или расположенные попарно изображения груди (рис. 2: 1, 2, 8), ожерелья (рис. 2: 1, 2) и собственно антропоморфные женские персонажи с воспроизведенными на них лицами, грудью и ожерельями (рис. 2: 6, 7, 10, 12). Все эти рельефы расположены в помещениях, непосредственно предшествующих погребальным камерам, у входов в них (Bailloud 1974: 181).

То, что парные налеты на стенах гробниц этого региона сопровождаются совершенно определенными составляющими женского образа — антропоморфными женскими фигурами, ожерельями, что, видимо, свидетельствует об их взаимозаменяемости, делает вполне оправданной интерпретацию их в качестве соответствующего полового атрибута для рельефов погребальных монументов Парижского бассейна и, как следствие, также и Западного Кавказа.

Однако реконструкция назначения, смысла присутствия подобных изображений в данных гробницах Северо-Восточной Франции предлагается исследователями этих памятников тем не менее совершенно иная, чем для кавказских дольменов. Женские фигуры здесь характеризуются всецело как «божества погребений» (*divinité funéraire*) (Bailloud 1974: 179), либо их назначение представлено более конкретизированным: это «божества — охранительницы мертвых», эти «всемые богини ... охраняли мертвых» (Atal 1976: 220). Таким образом, ни о какой связи этих образов с культом плодородия здесь речи не идет.

Видимо, это обусловлено тем обстоятельством, что антропоморфные женские фигуры либо их атри-

¹ В статье максимально сохранен авторский стиль. Отдельные изменения, внесенные редколлегией, полностью согласованы с автором.
² Россия. 117449. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Институт археологии РАН. Отдел бронзового века.

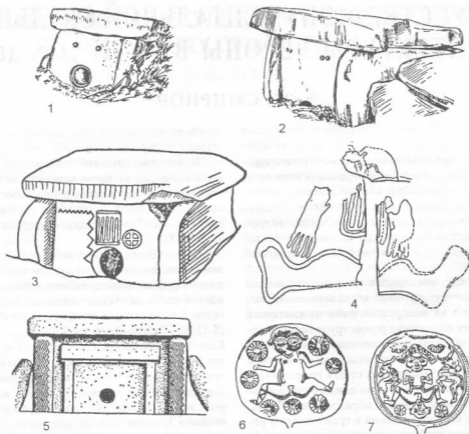

Рис. 1. Изображение женских фигур, атрибутов и храмовых (?) структур в искусстве Западного Кавказа и Ирана: 1 – дольмен № 9 у с. Анастасиевка; 2 – дольмен у аула Большое Псеушхо; 3 – дольмен у пос. Лазаревский; 4 – антропоморфная фигура из росписи в гробнице кургана № 28 могильника «Клады» у ст. Новосвободная; 5 – дольмен на р. Жанг; 6, 7 – навершия булавок из Луристана.

По: 1–3 – Марковин 1978; 4 – Резепкин 1987; 5 – Воронов 1979; 6, 7 – Антонова 1984.

Fig. 1. Female figures/attributes and temple (?) structures in the art of the West Caucasus and Iran: 1 – dolmen no. 9 near v. Anastasievka; 2 – dolmen near v. Bolshoye Pseushkho; 3 – dolmen near the Lazarevsky settlement; 4 – anthropomorphic figure on the tomb painting of kurgan no. 28 at the necropolis of «Klady» near v. Novosvobodnaya; 5 – dolmen on the Zhane River; 6, 7 – pin heads from Luristan.

According to: 1–3 – Марковин 1978; 4 – Резепкин 1987; 5 – Воронов 1979; 6, 7 – Антонова 1984.

буты расположены всегда сбоку от дверных проемов, ведущих в погребальные камеры, рядом с ними. И, таким образом, эти входы не идентичны в смысловом значении входным отверстиям дольменов Кавказа, поскольку – структурно – здесь они уже не учтены в качестве анатомического признака антропоморфного персонажа. То есть в этих подземных гробницах женские фигуры и атрибуты выглядят вполне самостоятельными изображениями, а дверные проемы (входные отверстия), ведущие в камеры, представляются функционально уже не в качестве составной части этого антропоморфного образа, а лишь в роли конструктивно необходимого элемента передней плиты камеры, то есть явно лишены подобной подразумеваемой семантической нагрузки (vagina). Поэтому женские фигуры/атрибуты, расположенные сбоку от этих проемов, логически выглядят по отношению к ним как выполняющие лишь дополнительные функции, например охраны.

Несомненно, в пользу этой версии свидетельствовало и то, что в ряде этих гробниц – перед входом

и в самой погребальной камере – высечены изображения топоров, в том числе и на корпусе одной из антропоморфных фигур (рис. 2: 10). Последнее обстоятельство, кстати, послужило поводом считать этот рельеф изображением мужского персонажа: воина (Amal 1976: 220) либо бога (Guilaine 1990: 169) – поскольку при этом на нем не были воспроизведены диагностические для женского образа признаки (грудь, ожерелье). Однако подобная трактовка этой фигуры представляется все же спорной, если принять во внимание, что, например, на ряде известных антропоморфных изваяний этого же времени, происходящих из Причерноморья, изображение женских признаков (грудь и др.) сочетается с изображениями топоров (даже нескольких!) (Керносовка, Хаманджия).

Здесь же уместно кратко упомянуть об использовании феномена женского начала в качестве методологического средства при реконструкции изначальной, в данном случае – антропологической – концепции, лежавшей, видимо, в основе возникновения целого класса конструктивно сложных погре-

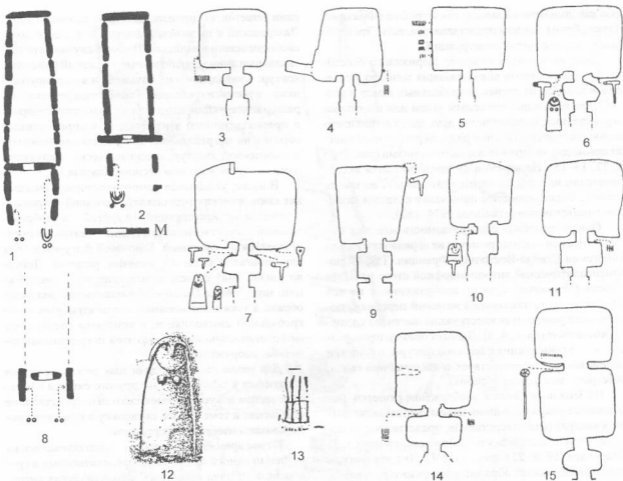

Рис. 2. Изображения женских фигур, атрибутов и решетчатых конструкций в гробницах Парижского бассейна (Франция): 1, 2, 8 – галерейные гробницы; 3–7, 9–15 – гипogeи.
По: 1–11, 14, 15 – Bailloud 1974; 12, 13 – Müller-Karpe 1974.

Fig. 2. Female figures/attributes and grill-like structures in tombs of the Paris basin (France): 1, 2, 8 – gallery graves; 3–7, 9–15 – hypogea.
According to: 1–11, 14, 15 – Bailloud 1974; 12, 13 – Müller-Karpe 1974.

бальных монументов – мегалитических коридорных гробниц в Бретани (Франция), пришедших здесь на смену захоронениям в каменных ящиках в конце V тыс. до н. э.

Эта идея разработана в ряде работ К. Бужо, С. Кассена и др. Авторы исходят из положения, что матрицей, исходным источником всех аналогий в познании является тело человека. «Пространство организовано вокруг тела человека» (Cassen 1999: 204). «Большинство обществ использует пол и род (gender) в качестве главной познавательной схемы в понимании окружающей среды. Люди, предметы и идеи – все классифицируется по признаку: мужское или женское. Неоспоримый и несократимый характер различия между полами лежит в основе разнообразных образов мысли и действия в различных обществах». Исследователи признают, что «значительное число символических объектов (предметов) являются уже мужскими или женскими» (Cassen 2000: 239).

Поэтому данные авторы считают возможным применить этот антропологический принцип – символику тела – в качестве основы для понимания конструк-

тивной идеи рассматриваемых погребальных сооружений. В результате они объясняют появление первых коридорных гробниц в Бретани как свидетельство воплощения идеи «феминизации» в погребальных конструкциях, о чем они считают возможным сделать вывод, исходя из архитектуры этих монументов, состоящих из низкого, узкого прохода, ведущего в круглую, высокую камеру, и перекрытых сверху насыпью. То есть внутренняя структура этого каменного сооружения символизирует определенно uterus внутри насыпи, при этом сама насыпь представляется изображающей беременность. Такая структура, как указывается, связана с необходимостью обеспечения потомства (Boujot, Cassen 1993: 485; Boujot, Cassen, Vaquero Lastres 1998: 203).

Чтобы решить, какой из вышеуказанных интерпретаций назначения женских образов и атрибутов отдают предпочтение, видимо, следует включить в рассмотрение изобразительный контекст этих фигур, то есть попытаться выяснить, изображения каких предметов стабильно сопровождают их и представлены – что нас важно – в репертуаре релье-

фов как дольменов Кавказа, так и гробниц Франции. Такие образы, как нам представляется, есть. Это изображение решетчатых конструкций.³

Действительно, в гипогеях Парижского бассейна во Франции помимо впечатляющих женских рельефов и топорков на стенах погребальных камер и вестибюлей нанесены древесным углем или насечками вертикальные, параллельные друг другу штрихи, образующие горизонтальные ряды, прерываемые иногда одной-двумя горизонтальными линиями (рис. 2: 3–5, 11, 13–15). Назначение их представляется исследователям неопределенным: «они наводят на мысль о счете, однако подобное понимание остается слишком гипотетичным» (Bailloud 1974: 182).

Однако подобная встречаемость женских фигур и этих непонятных решеток не ограничена только гипогеями Северо-Восточной Франции. Так, на позднеолитической антропоморфной стене из Шаффштадта (Германия), судя по изображенному на ней ожерелью, представляющей женский персонаж, подобная же решетчатая конструкция высечена на торсе, выше пояса (рис. 4: 5). Данный пример непосредственного совмещения и женской фигуры, и решетки определенно свидетельствует о неслучайной связи, встречаемости этих образов.

На Западном Кавказе изображение решетки, выполненное «параллельными насечками, заключенными в квадрат (над отверстием)», представлено на передней плите дольмена у пос. Лазаревский (рис. 1: 3) (Марковин 1978: 217, рис. 114: 4). Что эта фигура представляет собой образец именно *интересующих нас конструкций* из рассматриваемого комплекса «женский персонаж-и-решетчатый предмет», свидетельствует один из сюжетов росписи в передней камере гробницы новосвободненской группы памятников в кургане № 28 могильника «Кладь» у ст. Новосвободной (Резепкин 1987). Здесь центральное место занимала «сидящая анфас человеческая фигура с раскинутыми в обе стороны ... ногами. ... На том месте, где должна быть голова и верхняя часть груди, черной краской нанесена прямоугольная решетка». В описании этой решетки интерес представляет специфика ее структуры: контуром является «прямоугольник, в который вписан второй, разделенный посередине продольной линией» (Резепкин 1987: 27, рис. 1: 1).

В другой работе (Смирнов 2001: 78) мы приводили для позы этой *сидящей фигуры* ряд иконографических параллелей в древнем искусстве Передней Азии, показывающих, что этот персонаж точно соответствует канону известного там образа «рожающей богини», и, таким образом, эта фигура является женской. Так, на одной из булавок из Луристана «богиня», изображенная именно в такой позе, показана в процессе рождения (появления) ребенка (рис. 1: 7).

Таким образом, совмещение и женского образа, и решетки, демонстрируемое в росписи этой гробницы, вновь указывает на *необходимую связь* этих фигур. Любопытно конструктивное единство в стро-

ении решеток, воспроизведенных на дольмене у пос. Лазаревский и на женской фигуре из данного новосвободненского комплекса. В обоих случаях это вертикальные линии, заключенные в сходный рамочный контур: в «квадрат» – на дольмене и в «прямоугольник» – в росписи гробницы. Такой специфический характер конструкции данных фигур позволяет говорить о преемственности в изображении определенных образов на погребальных памятниках майкопской и дольменной культур, хронологически следующих одна за другой в данном регионе Кавказа.

В итоге, устойчивая композиционная и смысловая связь женских персонажей – с одной стороны – и решетчатых конструкций – с другой – в изобразительном искусстве мегалитических памятников представляется *несомненной*. Ключевой фигурой в этой паре объектов является, конечно, решетка. Действительно, зная смысл, назначение этой конструкции, можно было бы понять и назначение женского образа, а также соотносимых с ним атрибутов в погребальной символике и, в конечном счете, саму мифологическую концепцию этих погребальных каменных сооружений.

Для решения этой задачи нам теперь придется обратиться к характеристике другого сюжета в мегалитическом искусстве, имеющего непосредственное отношение к теме статьи, поскольку в нем также используются изображения решеток.

В свое время мы специально останавливались на изучении одного из сюжетов, представленных в гравировках на двух известных неолитических антропоморфных стелах из Северного Причерноморья (Смирнов 2000): из Керносовки (Днепропетровская обл.) и Верхоречья (Крым). Структурно данные композиции идентичны: на Керновском идоле выгравирован квадрат, перед которым стоят два копытных животных (лошади/эквиды) в линейной последовательности – самка, а за ней – самец, обращенные головами к квадрату (рис. 3: 1). На стеле из Верхоречья, в верхней ее части, также изображен квадрат (с вертикальным штоком наверху), ниже – вновь пара животных (олени) в той же последовательности: впереди – самка, за ней – самец, обращенные головами к квадрату (рис. 3: 2).

Этот сюжет, оказывается, был достаточно известен в мегалитическом мире, поскольку ему нашлись структурные аналогии далеко от степей Причерноморья – на памятниках в Южной и Центральной Европе. Так, на сосуде из мегалитического некрополя в Лос-Мильярес (Испания) сходная композиция представлена в виде пары животных (олени), стоящих перед прямоугольной конструкцией с решетчатым заполнением внутри, пересеченной двумя незаполненными полосами. Олени стоят в последовательности: впереди – самка, за ней – самец, оба обращены головами к решетке. Выше них, у самой конструкции – еще одна фигура животного, но заметно меньших размеров (оленица) (рис. 3: 4) (Leisner, Leisner 1943: Taf. 20, 6b).

³ См. об этом также: Смирнов 2001: 77.

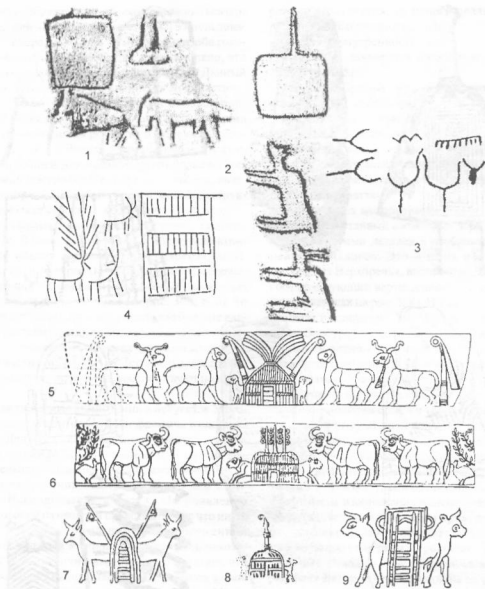

Рис. 3. Изображения сюжета «овчарня (решетчатая конструкция, тростниковая хижина-храм) и животные» в европейском мегалитическом искусстве (1-4) и искусстве Месопотамии (5-9): 1 – изображение на антропоморфной стеле из Керносовки (Сев. Причерноморье); 2 – изображение на антропоморфной стеле из Верхоречья (Сев. Причерноморье, Крым); 3 – изображение на плите гробницы Варбург I (Германия); 4 – изображение на сосуде из Лос-Мильярес (Испания); 5 – изображение на каменном желобе из Урука (?); 6 – изображение на вазе из Хафадже; 7 – оттиск печати из Ура (фрагмент); 8 – оттиск печати (фрагмент).
По: 1 – Крылова 1976; 2 – Telegin, Mallory 1994; 3 – Günther 1996; 4 – Leisner, Leisner 1943; 5-9 – Delougaz 1968.

Fig. 3. Scenes of «a sheepfold (grille-like structure, reed hut-temple) and animals» in European megalithic (1-4) and Mesopotamian (5-9) arts: 1 – representation on an anthropomorphic stele from Kernosovka (northern Black Sea littoral); 2 – representation (vertically positioned) on an anthropomorphic stele from Verkhorechye (Crimea); 3 – representation on a slab of the Warburg I tomb (Germany); 4 – representation on a vessel from Los Millares (Spain); 5 – representation on a stone trough from Uruk (?); 6 – representation on a vase from Khafaje; 7 – a seal impression from Ur (fragment); 8 – a seal impression (fragment); 9 – a seal impression (fragment).
According to: 1 – Крылова 1976; 2 – Telegin, Mallory 1994; 3 – Günther 1996; 4 – Leisner, Leisner 1943; 5-9 – Delougaz 1968.

В Вестфалии (Германия) на одной из плит галерейной гробницы Варбург I выгравированы следующие схематические изображения: пары особей крупного рогатого скота (букрании), помещенные ниже и сбоку от прямоугольной (гребнеобразной) решетчатой конструкции и обращенные рогами к ней. К нижней паре букраний примыкает сбоку изображение подобной же фигуры, но значительно мень-

шей по размерам – определенно детеныша (теленка) (рис. 3: 3).

Таким образом, композиция во всех четырех представленных выше группах фигур структурно идентична. Вариации очевидны в видовой принадлежности животных и характере конструкции, к которой обращены пары разнополюх (в трех случаях) копытных: в двух случаях – это решетчатые фигуры. Отметим,

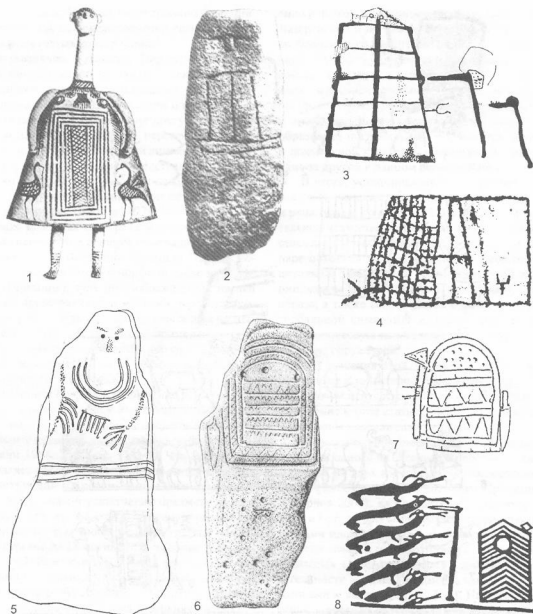

Рис. 4. Изображения геометрических (подпрямоугольных) фигур на глиняных (1), каменных (2, 5–7) изваяниях и в наскальном искусстве (3, 4) Европы: 1 – статуэтка из Греции; 2 – статуя-менhir из Монферрана (Франция); 3, 4 – гравированные изображения из Мон-Бего (Франция); 5 – антропоморфная стела из Шафштадта (Германия); 6 – стела из Сехос (Испания); 7 – изображение на стеле из Табуйо-дель-Монте (Испания); 8 – изображение на оленьем камне из Кош-Пей (Тува). По: 1 – Kuhn 1966; 2 – Colomer et al. 1975; 3 – Anati 1968; 4 – Lumley et al. 1976; 5 – Myller 1995; 6 – Bueno Ramirez 1995; 7 – Saro, Teira 1992; 8 – Килуновская, Семенов 1998.

Fig. 4. Geometric (nearly rectangular) figures on clay (1) and stone (2, 5–7) sculptures and in rock art (3, 4) of Europe: 1 – figurine from Greece; 2 – statue-menhir from Montferrand (France); 3, 4 – engraved figures from Mont Biço (France); 5 – anthropomorphic stele from Schafstätt (Germany); 6 – stele from Sejos (Spain); 7 – representation on a stele from Tabuyo del Monte (Spain); 8 – representation on a deer stone from Kosh-Pey (Tuva, Siberia). According to: 1 – Kuhn 1966; 2 – Colomer et al. 1975; 3 – Anati 1968; 4 – Lumley et al. 1976; 5 – Myller 1995; 6 – Bueno Ramirez 1995; 7 – Saro, Teira 1992; 8 – Килуновская, Семенов 1998.

что специфическая гребнеобразная форма решетки из гробницы Варбург I аналогична по этому признаку форме решетки на уже упоминавшейся выше антропоморфной стеле из Шафштадта, что, видимо, свидетельствует об идентичности изображенных символов.

Ближние аналогии этому сюжету, как мы полагаем, представлены в сходных изображениях в искусстве Месопотамии, прежде всего, относящихся преиму-

шественно к позднеурукскому времени, обычно они описываются как «хозяйственные сцены около храма» («temple and flock» motif) (Кононенко 1999: 15). Некоторые из них мы приводим ниже (рис. 3: 5, 6) (Delougaz 1968: Fig. 5, 6).

Сюжетно точную аналогию вышеупомянутым мегалитическим гравировкам представляет композиция на каменном желобе из Урука (рис. 3: 5). Здесь,

в центре ее, изображена тростниковая хижина (овчарня) и перед ней – пара животных (овцы) в последовательности: впереди – самка, за ней – самец, оба головы обращены к хижине. Кроме того, показано, что из постройки появляется детеныш (ягненок). Данный сюжет считается распространенным в Ддинастическое время, он известен в вариациях видовой принадлежности животных, особенностей конструкции хижины, сравнительной редкости изображения признаков пола у скота. Вместе с тем стабильной характеристикой, общей для подавляющего большинства изображений постройки в центре композиции, является акцентирование именно тростниковой ее структуры, то есть как строения, сооруженного из непрочного растительного материала: тростника, циновки или плетня. Демонстрация столь необходимой атрибутики достигалась вертикальной штриховкой, заполнявшей контур постройки, дополненной изображением круговой обвязки всей конструкции с помощью 2–3 горизонтальных узких полос (рис. 3: 5, 6, 8). То есть – иконографически – это достаточно близкие аналогии охарактеризованным выше решетчатым конструкциям в европейских сюжетах с парами животных (в особенности – на сосуде из Лос-Мильярес, где незаполненные полосы, видимо, соответствуют полосам обвязки).

Рассматриваемые композиции в искусстве Месопотамии были убедительно дешифрованы в одной из работ П. Делугаса. Ключом к пониманию смысла сюжета послужили обязательные в этих сценах фигуры детенышей, неизменно изображенные появляющимися из тростниковой (решетчатой) хижины – овчарни. Исследователь доказал, что появление молодых особей из овчарни представляет не что иное, как показ процесса рождения этим сооружением животного, что «эта хижина заменяет здесь некоторым образом мать (или матку)». Автор полагает, что неодушевленная хижина здесь может заменять живое животное, и это вполне в характере искусства Месопотамии (Delougaz 1968: 195, 197).

В самом деле, такое возможно, поскольку данная сцена носит исключительно сакральный характер: определено доказано, что тростниковые постройки являются здесь в то же время храмовыми сооружениями. Подобная их функция неизменно подчеркивается воздвуженными на хижинах и рядом с ними соответствующими божественными символами: штоками с кольцами и др. (рис. 3: 5–8) (Delougaz, 1968: 185).

Вопрос, с каким божеством следует ассоциировать тростниковые храмы, подробно рассмотрен, например, в одном из исследований Т. Якобсена (Якобсен 1995). Автор полагает, что это Нинтур, ипостась богини Нинхурсаг, входившей в триаду наиболее могущественных божеств Ддинастической Месопотамии, матери богов и людей. Имя Нинтур, ипостаси функций Нинхурсаг как «матери и родительницы ... условно переводится как “Владычица хижинны для роженей”... Ее называют также “Владычица матки” ... “Госпожа зародыша”. ... По достижении зародышем стадии полной зрелости она освобождает его». Отмечается, что образ «овчарни ... с отгледением, где

рожают телят и ягнят ... использовался для метафорического обозначения женских детородных органов: «*šag-tûg*) («внутренность загона» или «хижина для рождений») – шумерское название матки» (Якобсен 1995: 124, 125).

Таким образом, месопотамские композиции с животными, стоящими у конструкции, контур которой заполнен внутри вертикальной штриховкой, – это сцены у тростникового по своей структуре храма, назначением которого является рождение, воспроизведение потомства, причем указанная функция отражена и в синонимах его названий: «хижина для рождений», «матка».

Исходя из месопотамских прототипов сюжета обретает отчетливый смысл ряд до сих пор оставшихся неясными деталей в изображениях его европейских аналогов. Это – шток наверху квадрата на стеле из Верхоречья, воспроизводивший, видимо, соответствующие вертикальные храмовые эмблемы (например, как на рис. 3: 8). Изображения детенышей в сценах на сосуде из Лос-Мильярес и на плите гробницы Варбург I становятся уместными как обусловленные сюжетно. Специфика решетчатого заполнения прямоугольной конструкции на сосуде из Лос-Мильярес, видимо, объясняется тем, что незаполненные (то есть пустые) горизонтальные полосы соответствуют круговым полосам обвязки тростниковой постройки.

Соответствуют ли по смыслу решетчатые (тростниковые) конструкции в данных композициях с животными собственно решеткам, представленным без подобного контекста и в ином комплексе, где в сочетании с этими фигурами представлены теперь уже не животные, а изображения женских персонажей? Нам представляется, как хорошим примером реальности, оправданности такой идентификации являются уже упоминавшиеся образы из росписи в гробнице в могильнике «Клады». Как отмечалось выше, антропоморфная фигура с помещенной на ее торсе решеткой представлена здесь в канонической позе «рожающей богини», что подтверждается другими, более полными версиями этого образа, то есть где процесс рождения (появления ребенка) непосредственно показан. В таком случае, изображение решетки на торсе персонажа носит знаковый характер, точно определяя функцию (функциональную ипостась) божества, – это символ, связанный с рождением.

Далее, уже отмеченная иконографическая идентичность специфических («гребнеобразных») решеток в композиции с парами животных в гробнице Варбург I и на торе женского изваяния из Шафштадта, видимо, также свидетельствует в пользу того, что в обоих случаях воспроизведена одна и та же конструкция. Наконец, о сходстве структур решеток в росписи гробницы в «Кладах» и на фасаде дольмена у пос. Лазаревского уже говорилось выше.

Таким образом, можно заключить, что смыслом изображений диагностических признаков женских персонажей (грудь) и решетки, воспроизведенных на некоторых из дольменов Западного Кавказа (как и соответствующих фигур в гробнице в «Кладах») является демонстрация концентриальной характерис-

тики этого сооружения: обеспечения рождения, воспроизводства потомства, то есть функции, идентичной «*uterus*».

Далее нам бы хотелось включить в рассмотрение и ряд иных фигур в изобразительном искусстве каменных монументов – погребальных и статуарных, изображения на которых, как нам представляется, имеют непосредственное отношение к исследуемой теме.

Что касается кавказских дольменов, то мы полагаем, что и ряд иных, иконографически отличающихся от решеток образов, высеченных на передних плитах их фасадов, предназначен также для демонстрации этого качества – воспроизводительной функции сооружения – не соответствующего, конечно, обычным представлениям об этом типе памятников лишь как о склепах, вмещающих погребенных и сопроводительного инвентаря.

Так, исходя из вышесказанного, мы считаем возможным рассматривать в качестве на передней плите дольмена на р. Жане у Геленджика, состоящий из двух плит, на которые опирается двухчастное перекрытие (рис. 1: 5) (Воронов 1979: рис. 25), как воспроизведение конструкции храмовой постройки, заимствованное из архитектуры городской цивилизации (подробнее об этом: Смирнов 2001: 85, 86). В самом деле, дольмен – это сооружение исключительно сакрального назначения, и на его фасаде определено будет – логически рассуждая – воспроизведет рельеф здания такого же характера, предназначенный для демонстрации той же функции, что и фигура решетки.

Далее, передние плиты некоторых дольменов, декорированные по всей поверхности плотно сдвинутыми горизонтальными рядами глубоко врезанных канеллуров, в предлагаемой нами схеме могут соответствовать воспроизведению (имитации) реально сооружения с плетневой структурой.⁴ В качестве аналогий такой специфической рельефной ornamentации дольменов мы считаем возможным вновь привлечь изображения тростниковых хижин-храмов в вышерассмотренных месопотамских сюжетах с животными. Такая структура – заполнение из горизонтальных рядов – в конструкциях этих построек характерна прежде всего для изображений дверей/ворот, причем последние могут выступать в качестве субститута всего храма, заменяя его. Так, в ряде подобных композиций вместо полного изображения храма представлены лишь двери (ворота) (с горизонтальным заполнением), из которых появляются неперемняемые для этого сюжета детеныши животных (рис. 3: 7, 9).

Переходя к рассмотрению некоторых статуарных изображений, мы полагаем уместным сделать еще одно замечание по сюжету о женских образах и решетках. То, что решетка, помещенная на торсе женского персонажа не является частью костюма, убранства или его декора, как это можно было бы

предполагать, видимо, лишний раз доказывают примеры похожих изображений, где они сопровождаются – что важно – контекстом, позволяющим получить более точную характеристику их назначения. Так, например, на женской статуетке из Греции, датированной рубежом II–I тыс. до н. э. (Kühn 1966: Tav. CLXXXV, 2), на корпусе, выше пояса, представлена фигура в виде вписанных друг в друга прямоугольников, центральная часть которой разделена двумя вертикальными линиями и заполнена сеткой и зигзагами (рис. 4: 1). О том, что данная конструкция – не атрибут костюма, убранства антропоморфа, можно сделать вывод, учитывая, что фигура дополнена изображениями птиц, расположенных по бокам ее, то есть это сюжетно отдельная композиция, вписанная в женский персонаж, совмещенная с ним.

Практика использования в рассматриваемую эпоху подобной устойчивой иконографической схемы – изображения некой, не идентифицируемой функционально, геометрической конструкции на торсе антропоморфной (женской) фигуры – позволяет поместить в этот же ряд и идентичным образом трактовать некоторые изображения, смысл которых пока еще не всегда может быть точно определен. Любопытно отметить, что для описания подобных фигур различные исследователи при изучении монументального искусства на разных территориях часто с удивительным постоянством применяют название «шпиль» (иногда – «идолы» и т. п.).

Так, на неолитической статуэтке-менгире, происходящей из Монферрана (департамент Эро, Южная Франция), выше пояса высечена, занимая бульбушую часть торса, прямоугольная конструкция, по центру которой вертикально врезана еще одна линия (рис. 4: 2). Авторы публикации определенно оказались в затруднительном положении, стремясь идентифицировать этот предмет, найти ему аналогии. Этот прямоугольник они считают «несомненно, элементом, наиболее своеобразным. ... Ни одна из известных стел не несет подобного мотива» (Colomer et al. 1975: 119). Так же неопределенно высказывается об этом изображении и, например, А. Д'Анна, автор каталога и исследования каменных изваяний юга Франции: «его значение остается для нас под вопросом... смысл его ускользает от нас» (D'Анна 1977: 90, 96). Мы же в свою очередь не видим существенных отличий ни в расположении этой фигуры на торсе антропоморфа (без показанных половых признаков), ни в структуре, типе изображенной конструкции от конструкций, уже рассмотренных выше – подобных же схематических (решетчатых) фигур со сходной топографией на корпусе антропоморфа обычно с обозначенными женскими атрибутами (например, прямоугольная рамка также с вертикальными линиями внутри ее в росписи гробницы в «Кладах»), как и на дольмене у Лазаревского – рис. 1: 3, 4. Вариантом этой схемы является решетка на торсе стелы из Шафигадта – рис. 4, 5). Если это так, то прямоугольник на статуэтке-менгире из

⁴ Например, дольмен 18 в группе «Ыганков аул» на р. Пшад (по паспортизации В. А. Трифонова, неопубликованные данные 2001 г.); один из дольменов в группе «Деревья дольменов» у пос. Пшад Геленджикского р-на; и др.

Монферрана следует атрибутировать как соответствующую храмовую конструкцию, а само изваяние – как женское, несмотря на отсутствие на нем изображений признаков пола.

Несомненный интерес для темы – функционально неясных геометрических фигурах на торсах стел – представляет небольшая (всего ок. 10 экз.) серия однотипных изображений из местонахождений в северных атлантических областях Испании (Кантабрия, Астурия, Галисия), некоторые из которых приведены в настоящей работе (рис. 4: 6, 7) (Bueno Ramirez 1995: Fig. 17: 1; Saro, Teira, 1992: Fig. 3: 5). Датированы они началом бронзового века (началом II тыс. до н. э., см., например: Bueno Ramirez 1995: 87, 92).

Рассмотрим одно из них (рис. 4: 6). Данная стела из Сехос (Кантабрия) представляет собой крупный каменный блок высотой около 3 м. Изображение выгравировано в верхней его половине и представляет собой подпрямоугольную фигуру с овально закругленной верхней частью. Поверхность внутри нее разделена несколькими горизонтальными линиями, пространство между которыми заполнено треугольниками. В верхнем полуовальном секторе – несколько круглых выемок (*cazoletas*). Сбоку от этой фигуры помещен кинжал. Точно такая же схема в устройстве характеризует и изображение из Табуйо-дель-Монте, где помимо кинжала добавлена еще алебарда (рис. 4: 7).

Авторы публикаций этих гравировок описывают их как антропоморфные персонажи, «идолы», видя в них структуру человеческой фигуры. Действительно, верхняя полуовальная часть напоминает лицо, а помещенные здесь круглые ямки соответствуют глазам, носу и т. п. (Bueno Ramirez 1995: 84). Оружие, изображенное рядом с «идолами», видимо, усиливает сходство этих фигур с антропоморфными образами.

Итак, насколько антропоморфны эти антропоморфные образы? Здесь следует сразу отметить, что при изображении верхней, «лицевой» части фигур древний гравер проявлял удивительную небрежность в количестве помещенных сюда ямок. В самом деле, их может быть от 2–3, достаточных для воспроизведения частей лица (как на рис. 4: 6), до ощутимо большего числа (рис. 4: 7), что уже позволяет усомниться в правильности интерпретации. Других признаков антропоморфности у фигур вовсе нет: ничего, напоминающего конечности либо обычные для изваяний атрибуты убранства, например, ожерелье, пояс. К изображению оружия мы вернемся позднее, в связи с анализом другой группы памятников.

Зато определенно впечатляющим является сходство в конфигурации этих севериспанских «идолов» с изображениями уже цитированных «кинжинов» в месопотамских композициях с храмами и животными и, прежде всего, в сценах, где вместо всей постройки – храма – демонстрируются только дверные (воротные) конструкции (рис. 3: 7, 9). Последние представляют собой подобные же арочные сооружения с обычными для них и – добавим – конструктивно уместными здесь горизонтальными линиями перекладинами внутри контура. Недостаёт только изображений появляющихся из них детенышей животных!

Определенную поддержку предположению, что эти испанские фигуры изображают вовсе не антропоморфов, а представляют собой именно сооружения, аналогичные месопотамским «кинжинам для рождений», мы находим, как нам кажется оправданным, в некоторых гравировках из Мон-Бего.

Как известно, Мон-Бего – это самое крупное местонахождение наскальных гравировок во Франции, расположенное во Французских Альпах и насчитывающее около 100 000 изображений. Датированы они широко, в пределах бронзового века. Основными мотивами, как указывают исследователи, являются антропоморфные фигуры, оружие (кинжалы и алебарды), схематические фигуры рогатых животных (*cornifigures*, то есть *букрании*) и различные геометрические конструкции (Lumley et al. 1976: 222), из которых две мы считаем уместным здесь рассмотреть подробнее (рис. 4: 3, 4).

Одна из них (рис. 4: 3) представляет собой высокую подпрямоугольную фигуру, внутренняя часть которой заполнена четырьмя горизонтальными линиями, пересеченными по центру изображения вертикальной чертой. На верхнем, коротком торце конструкции добавлено подтреугольное возвышение с двумя круглыми ямками, расположенными симметрично относительно центральной оси сооружения.

Внешне эта фигура представляет собой весьма близкую аналогу «идолов» Испании, представленным выше. В самом деле, подобно последним, она изображена в виде высокого подпрямоугольника, горизонтально рассеченного линиями, так же увенчана возвышением с помещенными здесь ямками, наводящими на мысль, что это личина антропоморфа (автор публикации описывает его как «изображение лица, неопределенно антропоморфного» – Anati 1968: 145). Сходство дополняет помещенное здесь же, рядом с фигурой, оружие – алебарды (как и на испанской стеле из Табуйо-дель-Монте – рис. 4: 7).

Казалось бы, что эту фигуру, типологически сходную с серией вышеуказанных изображений из Испании, также следует считать антропоморфной. Однако такой трактовке явно противоречит показанная здесь небольшая букрания, зачем-то «появляющаяся» из правого бока данной подпрямоугольной конструкции (рис. 4: 3). Причем эту фигуру не следует считать просто штрихом, случайно напоминающим по форме частую букранию. Именно как «маленькую стилизованную букранию» характеризует ее автор публикации Э. Анати (Anati 1968: 145). Еще раз напомним, что букрании являются одним из четырех основных изобразительных мотивов в этом крупном местонахождении гравировок.

Данный сюжет – то есть схематически показанное животное, появляющееся из геометрической конструкции – не является здесь случайностью или исключением. Например, отсюда же, из Мон-Бего, происходит еще одно, подобное же изображение (рис. 4: 4). Оно представляет собой низкий подпрямоугольник, левая половина которого заполнена штриховкой, образующей частую сетку, правая – несколькими вертикальными линиями. В нижней части

его левой половины вновь представлена появляющаяся из конструкции букрагия. Еще одна особь изображена в правой, свободной от заполнения части конструкции.

Мы полагаем, что на обеих гравировках из Мон-Бего воспроизведена одна и та же ситуация – появление (именно так – по П. Делугасу – изображался процесс рождения) животного из некоторого сооружения, как и в аналогичных сценах в глиптике и т. п. Месапотамии (рис. 3: 5–9). Отсюда следует, что обе подпрямоугольные конструкции из Мон-Бего, несмотря на их внешнее несходство, здесь идентичны по назначению: то есть это «хижина для рождений», «отделение» загона, «где рождаются телята и ягнята». Рассмотренные выше фигуры «идолов» из приатлантической зоны Испании, видимо, следует трактовать таким же образом. Отсюда можно сделать два вывода: первый – если говорить об антропологическом качестве, которое заключалось в себе эти изображения, то оно в таком случае – женское (рождение!), но отнюдь не мужское, несмотря на сопровождающее их оружие; и второй – эти книжки и алебарды – как и алебарды, стоящие у подобной фигуры из Мон-Бего, – видимо, были предназначены демонстрировать не экипировку гипотетического антропоморфа, а служить иным целям.

В результате, возвращаясь к поставленному выше вопросу о том, насколько антропоморфны рассматриваемые «идолы» из Испании, следует заключить, что они не несут никаких признаков антропоморфизма ни во внешнем облике изваяния (поскольку нет никаких следов обработки в целях придания блоку сходства с фигурой человека), ни в изображениях, выгравированных на них (не представлены никакие анатомические признаки или атрибуты костюма). Мы полагаем, что данные стелы следует считать неантропоморфными изваяниями и относить их к тому же классу, что и более ранние, неолитические стелы атлантического побережья Западной Европы, например, Бретани (см. о них: Cassen 2000), учитывая, что и репертуар изображений на них часто идентичен вышерассмотренным испанским. Это топоры и – главное – фигуры, которые здесь так же называют «идолами», или «щитами» (*bouclier*), либо сочетают оба названия (*divinité en écusson*). В свое время мы выдвигали основания для их интерпретации в качестве храмовых сооружений, функционально идентичных рассматриваемым в настоящей статье (Смирнов 2001). Как следствие, изваяние из Монферрана, сочетающее признаки антропоморфного (личина, пояс) и неантропоморфного (прямоугольная фигура на торсе) характера, занимает по своей своеобразной иконографии промежуточное положение между испанскими стелами и статуями-менгирами Юга Франции, то есть граница между классами изваяний, столь различными по сущности изображаемого, не была жестко фиксированной.

Конечный вывод о том, что решетчатые фигуры, помещенные на торсах женских персонажей в при-

веденных выше примерах: в росписи каменной гробницы в «Кладах», на изваянии из Шафигтада (Германия), прямоугольная фигура на статуе-менгире из Монферрана (Франция) (сюда можно добавить и известную стелу из Натальевки)⁵ – представляют собой храмовые сооружения, отличается, казалось бы, некоторой парадоксальностью. В самом деле, эти конструкции характеризуются несоизмеримостью в масштабе по сравнению с антропоморфными фигурами, на которых они изображены. Конечно, более естественно было бы видеть женское божество, помещенное у храма или в храме, но не наоборот. Однако подобная внемасштабность, видимо, вполне соответствовала определенным стандартам в изображениях, например, на некоторых антропоморфных стелах. Здесь можно сослаться на известное изваяние из Керноскови с выгравированными на нем сценами охоты, брачной церемонии и композиции с животными, рассмотренной выше (рис. 3: 1).

В связи с темой исследования в данной статье определенный интерес представляют некоторые изображения на каменных изваяниях, формально аналогичные рассмотренным выше фигурам из Испании и Мон-Бего, однако отделившиеся от них во времени несколькими тысячелетиями и происходящие совершенно из другой географической зоны. Речь идет об оленьих камнях Саяно-Алтая и Монголии. На ряде из них изображена конструкция, обычно описываемая как «пятиугольная фигура-щит», часто с решетчатым заполнением, дополненным одним или несколькими округлыми углублениями сверху.

Назначение их все еще остается не вполне ясным. Как указывает Д. Г. Савинов, «эти загадочные пятиугольные решетчатые фигуры ... исследователи трактовали по-разному: как рисунки домов типа изображенных на Бовской писанице (Манай-оол 1970: 27); изображения щитов (Новгородова 1975; Дэвлет 1976) или грудной клетки с ребрами наподобие изображений на некоторых шаманских костюмах (Вайнштейн 1974: 30)» (Савинов 1994: 149). Признавая преимущественно интерпретации фигур как щитов, исследователь не исключает их трактовку в качестве изображений «временных хранилищ душ умерших (людей или животных) на период их реинкарнации» и указывает на существование этнографических примеров таких «хранилищ» у народов Сибири (Савинов 1994: 149–150).

Здесь следует отметить, что одна из утвердившихся в литературе по оленьим камням трактовок пятиугольных фигур – в качестве щитов – не представляется убедительно аргументированной. Так, в работе М. А. Дэвлет в качестве аналогий им приводятся похожие образы из наскальных гравировок в Валкамонике (Северная Италия) (Дэвлет 1976: рис. 1: 2; 3), «которые трактуются исследователями как рисунки щитов» (Дэвлет 1976: 233). Однако Э. Анати, на исследования которого сделана ссылка, в обоих изданиях цитируемой публикации (Anati 1975; 1976)

⁵ О соответствующей интерпретации фигуры, выгравированной на торсе этой стелы, выше изображения пояса, см.: Смирнов 2001: 83, рис. 8.

применительно к данным фигурам используется лишь один термин – *shield-like figures*, то есть щитовидные фигуры, но отнюдь не щиты (в таком случае это были бы *shields*) и отличает их от оружия (*weapons*): «*numerous figures of weapons, shield-like figures and other apparently religious symbols*» (Анати 1976: 102). То, что в этом перечне щитовидные фигуры более близки к религиозным символам, чем к оружию, видно, исходя из того, что в дальнейшем Э. Анати эти изображения интерпретирует уже определено в качестве символов (см., например, рубрику «*Symbols*» в: Анати 1985: 34). Видимо, сам Э. Анати никогда не считал эти фигуры изображениями щитов.

Очевидно, что проблематичность надежной интерпретации этих фигур обусловлена сложностью соотношения с какими-либо уже известными, хорошо понимаемыми предметами или объектами в соответствующей материальной культуре. В настоящей работе мы в свою очередь предлагаем опыт сопоставления их с теми изображениями, которые учены нами выше общо как функционально неидентифицируемые геометрические фигуры и затем проанализированы.

Что касается пятиугольных решетчатых изображений на оленных камнях, то среди них наибольший интерес вызывает фигура на камне с горы Кош-Пей у пос. Аржан в Туве, представляющая, как будет показано ниже, возможности более детального сопоставления, благодаря своему изобразительному контексту. Данное изображение – это «пятиугольный предмет – щит с «умбоном» в центре», слева от него «выбито ... изображение втуличатого клевца с длинной рукояткой ...» (Килуновская, Семенов 1998: 148, рис. 2) (рис. 4; 8).

Следует констатировать, что структура данной пятиугольной конструкции раннескифского времени по основным составляющим признакам подобна структурам вышеприведенных в настоящей статье фигур из Мон-Бего (рис. 4: 3) и на стелах из Сехос и Табуйо-дель-Монте (рис. 4: 6, 7) эпохи бронзы. Основания для этого вывода следующие:

Самое общее: и «щит» из Кош-Пей, и эти южно-европейские изображения не поддаются точной предметной идентификации, то есть им трудно найти соответствующий аналог в репертуаре материальной культуры. Далее, все сопоставляемые фигуры – это геометрические конструкты в виде вертикально стоящей подпрямоугольной основы и со специфически (!) оформленным верхом. Обратим внимание на эту деталь. На конструкции из Мон-Бего – это треугольное возвышение вершиной вверх, придающее всей фигуре пятиугольную форму, подобную конфигу-

рации «щитов» оленных камней. На стелах из Сехос и Табуйо-дель-Монте – это овальное закругление верха. То есть в принципе древние граверы осознавали необходимость передачи особого характера и, соответственно, формы верха конструкции.

Далее, на данных французских и испанских фигурах в их верхних частях выбиты круглые углубления, как правило, их несколько. Но и на кош-пейском «щите» также изображен «кружок»; как отмечает Д. Г. Савинов, на щитах их может быть несколько: от одного до трех (Савинов 1994: 150). Внутреннее заполнение фигур из Мон-Бего и Испании с преобладанием горизонтальных параллельных линий, в принципе, подобно решетчатому заполнению «щита» на камне из Кош-Пей и на других оленных камнях.

И, наконец, что нам представляется существенным – и у фигуры из Мон-Бего, и у «аидола» из Табуйо-дель-Монте, как и у «щита» из Кош-Пей, идентичны контекстуальные характеристики. Это оружие, причем – как ни удивительно – сходное по типу изображенного предмета и его местоположению. Это *альбарды*, «стоящие» у французской и испанской фигур (рис. 4: 3, 7), и клевец – у кош-пейского изображения.

Несомненно, при достаточно полном формальном сходстве сравниваемых конструкций совпадения в типе и месте этих дополнительных, контекстуальных признаков делают выводы об идентичности изображенных фигур более надежными. Однако сделать отсюда заключение об идентичности смысла пятиугольных конструкций на оленных камнях реконструируемому нами значению изображений из Мон-Бего и приатлантической Испании довольно сложно, поскольку в течение длительного времени их использования в религиозной практике/искусстве в различных культурах (если это было так!) предполагаемый смысл – хижина-храм либо его знак – мог видоизменяться. В этой связи отметим, что трактовка пятиугольных решетчатых фигур, предложенная Д. Г. Савиновым (см. выше) с опорой на этнографический материал, предполагает решение для их интерпретации в сущности достаточно общее с предлагаемыми здесь выводами и, возможно, отражает вариативность, некоторого общего смысла во времени и географии использования. В настоящей статье, напомним, мы представляли аргументацию в пользу понимания подобных изображений как конструкций храмового назначения – действенного, реально функционирующего (то есть само изображение в принципе могло обладать этим важным качеством) механизма воспроизводства потомства, например, востребуемых обществом животных (олений, др.), их изобилия.

1

2

3

Рис. 5. Изображения сцен Рождества в раннехристианском искусстве IV–VI вв.: 1 – изображение на саркофаге в Мантуе; 2 – «часть оклада из слоновой кости в ризнице Миланского собора»; 3 – «пиксида в Публичном музее Руана». По: Кондаков 1998.

Fig. 5. Scenes of Holy Childbirth in the early Christian art of the 4th–6th century: 1 – representation on a sarcophagus in Mantua; 2 – «part of ivory insetting in the sacristy of the Milan temple»; 3 – «pyxis from the Public Museum of Rouen». According to: Кондаков 1998.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Хлев» в некоторых сюжетах христианских писаний, связанных с рождением ребенка

Одним из основных положений предшествующей части данной статьи является тезис о том, что один из сюжетов, достаточно известный в искусстве Месопотамии IV тыс. до н. э. и адекватно дешифрованный в свое время П. Делугасом, получил распространение затем в изобразительном искусстве Европы – в сохранившихся до нынешнего времени гравировках и рельефах каменных изваяний и погребальных монументов. При этом здесь чаще всего воспроизводился главный объект этой сюжетной композиции – тростниковая хижина, овчарня, где происходил окот/отёл животных (овец и др.) и которая – вместе с тем – была храмом богини, дававшей рождение, «толчок родам», причем эта хижина-храм сама обладала в полной мере этой же функцией богини, давая рождение потомству.

Однако временные пределы и география использования данного сюжета в искусстве и соответствующего ему мифологического содержания, видимо, не ограничивались только рамками искусства мегалитов Европы: его мифологическая – если не изобразительная – основа предположительно сохранялась

и в гораздо более поздние, близкие к нашему времени эпохи, проявляясь в идентичных, как и в древности, очень определенных обстоятельствах – ситуации, связанной с рождением.

В связи с этим мы хотели бы в этом разделе предложить – может быть, несколько рискованно – в рамках вышеуказанной концепции наше понимание некоторых, возможно, не всегда ясных для читающего мест в текстах христианских писаний, связанных именно с данным обстоятельством – рождением ребенка. Сделать это нам представляется уместным, поскольку во всех них местом рождения является хлев – место, которое само по себе могло обладать качествами, специально связанными с помощью при родах; как следствие, такие сюжеты могут иметь прямое отношение к общей идее статьи.

Рассмотрим вначале, как это представлено в Евангелиях.

Описание рождения младенца Иисуса дано, как известно, в двух из них: от Матфея и от Луки. В первом обстоятельстве появления его на свет даны крат-

ко и достаточно общо: «Иисус родился в Вифлееме», и когда волхвы пришли поклониться ему, то «вошедши в дом, увидели Младенца с Марией, Матерью Его, и падши поклонились Ему» (Мф. 2: 1; 2: 11), то есть новорожденный предстает перед пришедшими к нему уже в доме.

Евангелие от Луки является для нас источником более обстоятельных сведений о рождении младенца Иисуса. Евангелист, по-видимому, полагал необходимым привести более подробное их описание. Здесь говорится, что «Мария родила Сына Своего первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли»; о рождении младенца ангел возвестил пастухам, «которые содержали ночную стражу у стада своего» и которые «поспешивши, пришли и нашли Марию и Иосифа, и Младенца, лежащего в яслях» (Лк. 2: 7; 2: 8; 2: 16) (рис. 5).

Чем объяснить столь различающиеся описания рождения младенца, представленные в этих двух Евангелиях? В одной из работ И. С. Свенцицкой, в частности, этому дается следующее объяснение, несомненно вполне убедительное: «У Луки ясно выражено сочувствие низам...: именно в его Евангелии Иисус рождается не в доме, как у Матфея, а в яслях для скота. Его рождение приветствуют не маги с дорогими дарами, а простые пастухи ...» (Свенцицкая 2003: 135).

Однако эти доводы, видимо, не все здесь объясняют. Рассмотрим это более подробно.

В самом деле, в тексте Евангелия от Луки то, что Мария родила младенца в хлеву, видимо, всё же уже тогда в силу своей необычности нуждалось в объяснении, и оно приводится: «потому что не было им места в гостинице» (Лк. 2: 7), что вполне соответствует существу вышеприведенной цитаты из работы И. С. Свенцицкой. Однако это объяснение, как нам представляется, выглядит чрезвычайно кратким и причина для выбора (?) яслей – отсутствие места в гостинице – слишком прозаическим, слишком случайной. Ведь чтобы исключить гостиницу и указать в тексте на ясли, должны быть более веские причины: слишком необычен был родившийся младенец, чтобы на место появления его на свет могли повлиять столь незначительные обстоятельства! А с другой стороны, Евангелист не считает необходимым включать этот сюжет о рождении в хлеву, в яслях, в, казалось бы, уместный здесь тематически единый ряд с образами Иисуса как Агнца или Доброго Пастыря, то есть в соответствующую мистическую образность, этого здесь нет. Причина и в действительности, видно, была проста, либо она ко времени составления канона была уже не вполне ясной.

Мы считаем всё же, что эта ситуация с рождением младенца именно в хлеву включена в текст на вполне определенных основаниях, вовсе не являясь случайной и представляет собой часть единого сюжета.

В самом деле, далее по тексту Евангелия следует, что ангел предстал перед пастухами, возвестил им «великую радость» и призвал их: «вы найдете Младенца в пеленах, лежащего в яслях» (Лк. 2: 10; 2: 12). При этом воззвешение показано вполне целенаправ-

ленным, совсем не случайным по выбору адресата. Действительно, оно не было обращено, например, к кому-либо из живущих или находившихся здесь же в городе, – нет – для благоговения у ангела был вполне определенный адресат за пределами Вифлеема: именно пастухи, пасшие скот где-то в поле. И тогда пастухи поспешили в город и потом вновь, «славя и хваля Бога за все то, что слышали и видели», возвратились к своему стаду.

Но почему же пастухи? Почему они призваны первыми, если эта «радость... будет всем людям» (Лк. 2: 10)? На это вновь объяснений в тексте не дано. Хотя выбор их – пастухов – среди прочих для воззвешения благой вести не кажется случайным: ведь они затем проделывают некоторый путь, следуя в город, к месту рождения, то есть в сюжете заложено и развитие его во времени. В результате, в конце действия, вместе с уже представленными ранее по тексту обстоятельствами рождения младенца – хлевом, яслями – пастухи образуют тематически единый, очень связанный контекст появления ребенка на свет, локализованный, собранный в одном и том же месте и по одному и тому же поводу. То есть пастухи в ситуации, где уже есть хлев, ясли, очень уместны. Но и ясли, в таком случае, перестают выглядеть случайным обстоятельством.

По-видимому, здесь в повествовании о рождении Иисуса представлен единый по заложенному в нем смыслу сюжет, где и ясли в хлеву как место рождения, и пастухи, избранные для благоговения, являются, видимо, необходимыми участниками. Однако сведений, которые были бы ключевыми для понимания смысла этого сюжета, в тексте Евангелия, по-видимому, не дано. И все же объяснение предположительно есть, но оно изложено уже в другом месте – в христианской агиографии – и для идентичной ситуации:

Вновь с рождением ребенка в хлеву, но теперь уже с объясненной необходимостью избрать именно такое место, мы встречаемся в XIII в. в жизнеописании одного из наиболее почитаемых святых католической церкви св. Франциска Ассизского. В предании о рождении святого, изложенном писателем Б. К. Зайцевым в очерке «Ассизи», об этом говорится следующее: «Мать его, Дамма Пика, никак не могла разрешиться от бремени; вдруг странник постучался в дверь дома и сказал открывшей ему служанке, что родильница тогда родит, когда из роскошной комнаты ее перенесут в конюшню; там, на соломе, все произойдет благополучно. Так будто бы и случилось» (Зайцев 1999: 537).

Таким образом, мы здесь вновь сталкиваемся с представлением, что хлев или, в данном случае, конюшня обладает особым качеством, которого нет у жилого дома, местообитания людей – помогают, при родах, уходящим своим происхождением в глубокую древность к храмам-овчарям с их единственным назначением – рождением потомства, божество которых, «будучи великой матерью, дает толчок родам».

Возможно, эта древняя мифология сохранилась в приведенных выше сюжетах о рождении ребенка, взятых из христианских писаний.

- Антонова 1984 – Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984.
- Вайнштейн 1974 – Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М., 1974.
- Воронов 1979 – Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.
- Дэвлет 1976 – Дэвлет М. А. О загалочных изображениях на оленьих камнях // СА. 1976. № 2. С. 232–235.
- Зайцев 1999 – Зайцев Б. К. Ассизи // Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. Звезда над Булоном. М., 1999.
- Кондаков 1998 – Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. М., 1998. Т. 1.
- Кипуновская, Семенов 1998 – Кипуновская М. Е., Семенов В. А. Оленьи камни Тувы. Ч. 1: Новые находки, типология и вопросы культурной принадлежности // АВ. СПб., 1998. № 5. С. 143–154.
- Конonenko 1999 – Конonenko Е. И. Сюжетно-композиционные схемы в плитке Двуречья III тыс. до н. э. // Древние гемы и камни Востока: ТД конференции. М., 1999. С. 14–16.
- Крылова 1976 – Крылова Л. П. Керосовский идол (стела) // Эпоэлит и бронзовый век Украины. Киев, 1976. С. 36–46.
- Манай-оол 1970 – Манай-оол М. Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М., 1970.
- Марковин 1978 – Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
- Новгородова 1975 – Новгородова Э. А. К вопросу о древнем центральноазиатском зашпигном вооружении (середина I тыс. до н.э.) // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975. С. 223–228.
- Резепкин 1987 – Резепкин А. Д. К интерпретации рисовки из гробницы майкопской культуры близ станицы Новосвободная // КСИА. 1987. Вып. 192. С. 26–33.
- Савиннов 1994 – Савиннов Д. Г. Оленьи камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994.
- Свентницкая 2003 – Свентницкая И. С. Первые христиане и Римская империя. М., 2003.
- Смирнов 2000 – Смирнов А. М. Сюжет «загон для скота и животные» на эолитических стелах Причерноморья: вариант аналогий и интерпретации // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2000. № 2. С. 571–583.
- Смирнов 2001 – Смирнов А. М. Изображения храмовых структур и сюжетов в европейском мегалитическом искусстве в IV–III тыс. до н. э.: опыт идентификации // Мирозрение древнего населения Евразии. М., 2001. С. 60–89.
- Якобсен 1995 – Якобсен Т. Сокровища тьмы. История месопотамской религии. М., 1995.
- Anati 1968 – Anati E. Arte preistorica in Valtellina // Archivi di Arte Preistorica. Capo di Ponte. 1968. N 1.
- Anati 1975 – Anati E. Evoluzione e stile nell'arte rupestre. Capo di Ponte, Brescia, 1975.
- Anati 1976 – Anati E. Evolution and Style in Camunian Rock Art // Archivi 6. Capo di Ponte, 1976.
- Anati 1985 – Anati E. Alle origini della civiltà europea. L'arte rupestre in Valcamonica // Archeo dossier. Novara. 1985.
- Arnal 1976 – Arnal J. L'art protohistorique: les statue-menhirs de France // La préhistoire française. Paris, 1976. T. 2. P. 211–221.
- Bueno Ramirez 1995 – Bueno Ramirez P. Megalitismo, estatuas y estelas en España // Statue-stele e massi incisi nell'Europa dell'età del rame. Notizie archeologiche bergomensi. Bergamo, 1995. N 3. P. 77–129.
- Bailloud 1974 – Bailloud G. Le Néolithique dans le Bassin parisien. Paris, 1974.
- Boujot, Cassen 1993 – Boujot C., Cassen C. A pattern of evolution for the Neolithic funerary structures of the west of France // Antiquity. 1993. Vol. 67. P. 477–491.
- Boujot, Cassen, Vaquero Lastres 1998 – Boujot C., Cassen C., Vaquero Lastres J. Some Abstraction for a Practical Subject: the Neolithization of Western France Seen Through Funerary Architecture // Cambridge Archaeological Journal. 1998. Vol. 8. N 2. P. 193–206.
- Cassen 1999 – Cassen C. Questions of epistemology and a working hypothesis about engravings of the 5th millennium in western France // Antiquity. 1999. Vol. 73. P. 198–205.
- Cassen 2000 – Cassen C. Stelae Reused in the Passage Graves of Western France: History of Research and Sexualization of the Carvings // Ritchie A. (Ed.). Neolithic Orkney in its European context. Cambridge, 2000. P. 233–246.
- Colomer et al. 1975 – Colomer A., Roudil J.-L., Guthrie X. La Statue-menhir de Moferrand (St.-Mathieu de Tréviers, Hérault) // Bolletino del Centro Camuno di Studi Preistorici. 1975. Vol. 12. P. 117–121.
- D'Anna 1977 – D'Anna A. Les Statues-menhirs et stèles anthropomorphes du Midi Méditerranéen. Paris, 1977.
- Delougaz 1968 – Delougaz P. P. Animals Emerging from a Hut // Journal of Near Eastern Studies. 1968. Vol. 27. N 3. P. 184–197.
- Guilaine 1990 – Guilaine J. La France d'avant la France. Paris, 1990.
- Günther 1996 – Günther K. Galeriegräber, Stein- und Holzkammern // Archäologie in Deutschland. 1996. H. 3. S. 34–37.
- Küha 1966 – Küha H. Das Symbol in der Vorzeit Europas // Atti del VI Congresso internazionale delle scienze preistoriche e protoistoriche. Roma, 1966. T. 3. S. 414–417.
- Leisner, Leisner 1943 – Leisner G., Leisner V. Die Megalithgräber der friberschen Halbinsel. Erster Teil: der Süden. Berlin, 1943.
- Lumley et al. 1976 – Lumley H. de., Fonvielle M.-E., Abelanet J. Les gravures rupestres de l'Age du Bronze dans la région du Mont Bégo (Tende, Alpes-Maritimes) // La préhistoire française. Paris, 1976. T. 2. P. 222–236.
- Müller 1995 – Müller D. W. Die verzierten Menhirstelen und ein Plattenmenhir aus Mitteldeutschland // Statue-stele e massi incisi nell'Europa dell'età del rame. Notizie archeologiche bergomensi. Bergamo, 1995. N 3. S. 295–304.
- Müller-Karpe 1974 – Müller-Karpe H. Handbuch der Vorgeschichte. Kupferzeit. München, 1974. Bd 3.
- Saro, Teira 1992 – Saro J. A., Teira L. C. El ídolo del Hoyo la Gándara (Rionansa) y la cronología de los ídolos antropomorfos en la Cornisa Cantábrica // Trabajos de Prehistoria. 1992. Vol. 49. P. 347–355.
- Telegin, Mallory 1994 – Telegin D. Ya., Mallory J. P. The Anthropomorphic Stelae of the Ukraine: The Early Iconography of the Indo-Europeans // Journal of Indo-European Studies. 1994. Monograph. N 11.

«FEMALE DEITY AND TEMPLE» IN THE ART OF MONUMENTAL SCULPTURE AND ARCHITECTURE OF EUROPE IN 4TH-3RD MILLENNIA BC

A. M. SMIRNOV

In the visual art of the megalithic world in Europe of the 4th-3rd millennia BC female images were among the basic motifs. These can be either anthropomorphic personages or their separate anatomic indications (breasts) or attributes of the outer appearance (necklaces and other objects).

The images in question are quite reliably identified as female, nevertheless, as to their function and the reason of their portraying on the monuments, one can meet very different opinions in some publications. The present paper should be regarded as an attempt to reveal some uniform meaning the series of female images and their attributes enclose, in other words, what were the functions of such images engraved or shown in relief on the walls of tombs or represented on anthropomorphic statues, despite geographically they are often separated by considerable distances.

I will consider these problems with the examples of well-known monuments of this kind.

V.I. Markovin in his works devoted to the art of the Caucasian dolmens interpreted the pairs of rounded embossments shown on the front slabs of some dolmens as representations of women's breasts (Fig. 1: 1, 2). Proceeding from anthropological interpretation of the series of similar features (pairs of embossments with entrance portholes in addition), the author came logically to the conclusion that the discussed burial constructions as such were regarded by their builders as a source of sacred reproductive force, that is, fertility. Thus dolmen was comprehended as functionally identical to uterus.

Similar pairs of embossments are also known in the same epoch on the megaliths in France (Paris Basin); there they are «doubled» by female images or accompanied by the attributes of woman's costume – necklaces (Fig. 2: 1, 2, 6-8, 10, 12). Such variability seems to confirm the interpretation of paired embossments as representations of breasts. Nevertheless, here their function on the burial monuments in question is interpreted by their researchers in a different way: the figures and their attributes are regarded not as symbols of fertility, but instead as images of funerary goddesses, protectors of the dead («divinité funéraire», «protectrice des morts») (e. g. Arnal 1976; Bailou 1974; et al.).

The problem of anthropologic interpretation of the megalithic tombs is regarded as an urgent one in the works of a number of researchers: they hold it possible that the architecture of the mentioned constructions superimposed with earthen mounds was associated with such concepts as pregnancy (barrow) and uterus (chamber) (Boujot, Cassen et al. 1998).

In order to chose certain interpretation as most preferable, I suggest to pay attention to another group of images that constantly accompany the female figures or

their attributes and taken together form a coherent setting. Concerned are grille-like patterns drawn with charcoal or incised on the walls of the Paris Basin tombs (Fig. 2: 3-5, 11, 13-15). Similar patterns are also known in Germany (the grille engraved on the torso of the stele from Schafstätt showing a female personage (Fig. 4: 5) and the West Caucasus: I mean the grille represented on the front slab of the dolmen at Lazarevsky (Fig. 1: 3) and that on the torso of a female figure in the painting of a tomb at the kurgan necropolis of Klady (Fig. 1: 4).

Thus, there seems to have been a stable relation between female images and grille-like structures in the visual art of stone monuments. Obviously, in this pair the grilles became the key figures. What did they mean?

It is important to note here that when considering the megalithic art of Europe, it must be taken into account that the images in question were included also in different compositions, those without female personages, where they were now accompanied by pairs of ungulates of the two sexes disposed in front of the grille-like constructions (North Pontic zone, Spain, Germany) (Fig. 3: 1-4). As to the subject depicted, I have discovered the direct analogies for them in pieces of the Mesopotamian art of the Late Uruk period (Смирнов, 2000, 2001); there the mythological function of similar grille-like structures has been established by Pinhus Delougaz (Fig. 3: 5, 6, 8). Primarily these were reed (and hence grille-looking) stalls for domestic animals or, more exactly, huts inside enclosures specially designed for sheep/cows to give birth to their sucklings. In the sacred aspect, these huts were the temples of the goddess Nintur – the deity of childbirth, «the mother giving birth», «she who gives impetus to childbirth». Among her attributes the word «uterus» is necessarily present, since she is «the lady of the womb». The same concerns her temple – a stall for animals: the Sumerian word for uterus literally means «the inside of a sheepfold». Taken metaphorically it is «a shed with a compartment where calves and lambs are born». Such a reed hut is always depicted in the process of giving birth to a newborn animal, which is represented as emerging from it, the scene where «the hut substitutes in some way for the mother (or the womb)» (Delougaz, 1968: 195). Here I have to remind the abovementioned monuments in Spain and Germany where in the compositions containing grille-like patterns and pairs of adult animals, the figures of calves also are shown (Fig. 3: 3, 4).

Evidently, the grille-like structures in the scenes with pairs of animals correspond by their meaning («a hut where young animals are given birth to», uterus) to the grilles combined with female personages; this fact becomes clear from structuring of the painting inside the Klady tomb in the West Caucasus, where the grille-like construction is

disposed on the torso of an anthropomorphic figure (Fig. 1: 4). The latter is shown in the canonical position of the «goddess giving births», its analogues (including the newborn child emerging from the womb) are well known in the Near Eastern art (see, for instance, Fig. 1: 6, 7).

Thus we come to the conclusion that destination of representation of the symbols under discussion (*female attributes and grille-like patterns*) on stone monuments, both in Caucasus and other regions, was to demonstrate their conceptual characteristics, that is, the process of birth, reproduction, *i.e.* the functional identity to that of uterus.

Such a stable iconographic scheme, *i.e.* demonstration of some functionally unidentified geometric construction on the torso of an anthropomorphic (female) figure permits to attribute to the same chain and understand in the same way some images with still unclear contents.

Thus, it is possible to suggest the same reconstruction (*i.e.* as a temple structure) for the rectangular figure engraved on the statue-menhir from Montferand (Hérault, France) (Fig. 4: 2) and the series of identical representations of the «idols» from the Atlantic coast of Spain (two of them – those from Sejos and Tabuyo del Monte are discussed in detail in the present paper) (Fig. 4: 6, 7). The pieces of weapons (halberds) placed beside them cannot be regarded – I believe – as convincing additional evidences of their anthropomorphic character; indeed, *e.g.* the rock engraving from Mont Bégo in the French Alps (Fig. 4: 3)

shows a structurally identical construction with halberds nearby too. *Nevertheless, in this scene at Mont Bégo, a bucranium (corniform) is shown emerging from the side of the construction.* As mentioned above representations of emerging animals are intrinsically typical for the scenes showing temples-huts (see above). Similar subjects *evidently constitute a stable motif in the art of Mont Bégo, which can be illustrated, for instance, with another similar structure with a bucranium emerging from there* (Fig. 4: 4).

I am inclined to see iconographic analogies for these geometric figures also in the images with unidentified meaning engraved on deer stones of the Early Scythian period in South Siberia and Mongolia. These are pentagonal grille-like patterns (Fig. 4: 8). Indeed, this similarity can be revealed when considering for instance one of such sculptures. Thus the identical setting may be apparently reconstructed for the figure from Kosh-Pey (Tuva, Siberia): in addition to similarity in details (the shape of the upper part, ornamental motifs formed by horizontal lines and round pits – cf. Fig. 4: 8 and Fig. 4: 3, 7), the figure is provided with a vertically disposed battleaxe, absolutely identical in its shape to the halberds mentioned above. These images thus may also have represented the temples endowed with the function of providing abundant procreation of deer (numerous depictions of these animals, indeed, are shown on these sculptures).

APPENDIX

Byre in Some Subjects of Christian Scriptures Dealing with Childbirth

In the Appendix analysed are some subjects closely related to the main subject of this paper. These are the narrations of childbirth one can find in the Holy Scripture and Christian hagiography where, what is important for us, it is a byre that is presented as the place of childbirth. First I dare to remind here the narrative of the Child Jesus birth described in the Gospel according to St. Luke. In the text the reason why the Holy Child was born in a byre and laid into a manger is given so: «because there was no room for them in the inn». In my opinion, given explanation cannot be considered as entirely satisfactory because of its perceptibly too chance character the reason sounds. On the contrary, the whereabouts certainly seem to have been selected deliberately, since they include such objects as a manger and a byre, together with the shepherds who came to see the Holy Child being chosen to preach the gospel. These details clearly set in certain place and for certain reason form a thematically coherent whole around the event. Indeed, all this context is clearly connected with the world of animals, their breeding, the case being more appropriate for situation of animal breeding and is rather strange, if relevant at all, for the circumstances of childbirth. Consequently, there must have been another and a certain specific reason why the Holy Child was born in a manger. What was that reason?

Here I would like to suggest a hypothetical solution of this question; I believe to find it in highly similar circumstances of the birth of one of the most revered saints of the Catholic Church – St. Francis of Assisi, known from his hagiography. In the legend paraphrased by the prominent Russian writer B. K. Zaitsev in his essay «Assisi», the episode is described when the future saint's mother being in labour was not capable to be delivered of a child; once a stranger knocked on the door of her house and said that the woman would be delivered of a child in case if she was carried to the stable and there on the straw everything would end happily. Apparently, it was done so and so it happened.

In the passage cited above we meet again with the concept endowing a byre/stable with a specific quality which human dwelling houses are devoid of – giving help in childbirth. This distinctly specific capacity had originated in the remote past from the described above temples-byres destined exclusively for procreation of posterity, the deity of which «being the great goddess gives an impetus to childbirth».

Probably, the essence of the ancient myth had survived in the above narrations depicting childbirth in a byre and preserved until the Medieval Christian times.

БОСПОР, ТЕТРАКСИТЫ И СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ V–VI вв.

И. О. ГАВРИТУХИН, М. М. КАЗАНСКИЙ¹

В данной работе рассматривается влияние культурных центров Северо-Восточного Причерноморья на народы Северного Кавказа. Хронологические рамки исследования ограничены временем между падением гуниской державы и включением Северного Кавказа в состав Первого Тюркского каганата.

Двуластинчатые фибулы. Находка из размыва берегов Краснодарского водохранилища (рис. 1: 18) принадлежит местным кубано-черноморским фибулам, восходящим к дунайским прототипам.² Они характеризуются кнопками «грибовидной» формы и накладками с «лепестками», украшенными вдавлениями или их имитацией (см. в приложении список 1а, г). Наиболее ранние фибулы этой серии (рис. 3: 1–4; рис. 2б) связаны с культурой восточногерманского круга в Подунавье. По находке в Секей мы ее именуем «серия Секей». Эпонимная находка (рис. 3: 4–6) позволяет датировать такие изделия периодом D2/D3 (ок. 430/440–470/480 гг.; здесь и далее дунайская хронология дана по: Tejral 1988 и 1997).

Кубано-черноморские находки лучше всего представлены экземплярами из могилника Дюрсо (рис. 1: 1; 2: 16), которые являются местными, боспорскими или тетракситскими, переработками дунайских образцов (Дмитриев 1982; Амброз 1989: 47–48; Гавритухин, Пьянков 2002). Погребение № 300 в Дюрсо (рис. 2) содержит вещи, позволяющие, во всяком случае, частичную синхронизацию этой могилы с периодом D2/D3, то есть с «арханчскими» фибулами данной серии. Но атрибуция Дюрсо как памятника, отражающего культуру тетракситов, пришедших

на Кавказ вместе с отступающими из Европы гунами, заставляет датировать это погребение временем не ранее 455/460 г. (Дмитриев 1979а; Амброз 1989: 45–46; Казанский 2001). Погребение № 510 в Дюрсо (рис. 1: 1–4) может датироваться так же или чуть более поздним временем, в пределах периодов D2/3 и D3, то есть 430/440–470/480 и 450–480/490 гг. (Казанский 2001: 46). Все это свидетельствует о датировке кубано-черноморских фибул серии Секей в рамках середины–второй половины V в. Появление больших двуластинчатых фибул периода D2/D3 на Боспоре Киммерийском и впоследствии на Северном Кавказе несомненно связано с влиянием моды дунайских германцев, у которых такие фибулы хорошо представлены в смольнинском горизонте престижных погребений. Как известно, восточногерманские (гепидские, готские, скирские) княжеские фамилии находились в ближайшем окружении Аттилы, а после падения гунинской «империи» некоторые германские племена, в частности ангискиры, отступили с гунами в Восточную Европу. Впрочем возможно, что представителем германских кланов прибыли «в гуниском обле» и на Боспор, где их мода была воспринята местными готами–тетракситами (Kazanski 1992; 1993b; 1996).

Та же серия представлена на Кавказе и находкой из Сацби (рис. 1: 6). В типологическом отношении этот экземпляр занимает как бы промежуточное положение между дунайскими и кубано-черноморскими фибулами. По мнению А. К. Амброза, эта вещь «обточена», в результате чего она приобрела

¹ Гавритухин И. О. – Россия. 117036. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19. Институт археологии РАН.

Казанский М. М. – CNRS-UMR 8167. Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance. Collège de France. 52, rue du cardinal Lemoine. 75005. Paris. France.

² Типология и хронология больших двуластинчатых фибул V–VII вв. были неслабо разработаны И. О. Гавритухиным в рамках плановой темы «Двуластинчатые фибулы эпохи великого переселения народов (погруппа П по Б. Салину–А. К. Амброзу)» (рукопись хранится в архиве Группы археологии эпохи великого переселения народов ИА РАН), поскольку работа остается пока не опубликованной, ниже мы излагаем некоторые ее выводы, касающиеся фибул с накладками, необходимые для наших дальнейших рассуждений.

Взаимотношение различных серий двуластинчатых фибул с грибовидными кнопками и полукруглыми накладками представляется в данной рукописи следующим образом. В гунискую эпоху в восточногерманской среде Среднего Подунавья формируется ряд серий двуластинчатых фибул (рис. 2б). Выделяются серии Левце (с накладками, как бы составленными из широких лепестков – рис. 3: 10, 14–15), Секей (с накладками из лепестков с языками у основания – рис. 3: 1–4), Гроцка (с накладками из заостренных лепестков – как на тетракситской имитации – рис. 4: 23) и Хоффельн (с накладками из лепестков различной ширины – рис. 4: 51). При различии некоторых деталей все эти фибулы объединяет то, что они имеют довольно массивные пластины, их накладки изготовлены литьем и зачастую доработаны напильником. На основе этих образцов в различных регионах Европы складываются локальные имитации. Иногда накладки упрощенных вариантов изготавливаются ковкию, после чего лепестки расширяются новыми сериями двуластинчатых фибул (с зооморфными кнопками и треугольными пресованными накладками) и пальчатые, покрытые трапецино-выемчатим орнаментом. Под влиянием дунайских образцов двуластинчатых фибул с зооморфными кнопками и полукруглыми накладками складывается локальная серия фибул в Северной Франции (Kazanski, Périn 1997). На основе фибул серии Гроцка, вероятно, принесенных на Запад остготами Видноира (Périn 1993 – ср. рис. 26: 7), формируется представительная серия двуластинчатых фибул в Испании (см.: Ebel-Zepezauer 1994). Еще одним очагом развития двуластинчатых фибул с накладками в постаттиловскую эпоху было Северо-Восточное Причерноморье. Здесь в боспорско-тетракситской среде получают развитие двуластинчатые фибулы с пресованными накладками двух серий. Первую отличают накладки треугольной формы (Гавритухин, в печати), а вторую серию – накладки полукруглой формы. Аналогии из Центральной и Западной Европы позволяют датировать большинство комплексов с двуластинчатыми фибулами боспорско-тетракситских серий (рис. 5: 7, 8, 1–26; приложение, список 3) в рамках второй половины V–первых десятилетий VI в. (Казанский 2001), а некоторые образцы таких фибул (рис. 11) продолжали существовать до середины VI в. (Казанский 1999: 286).

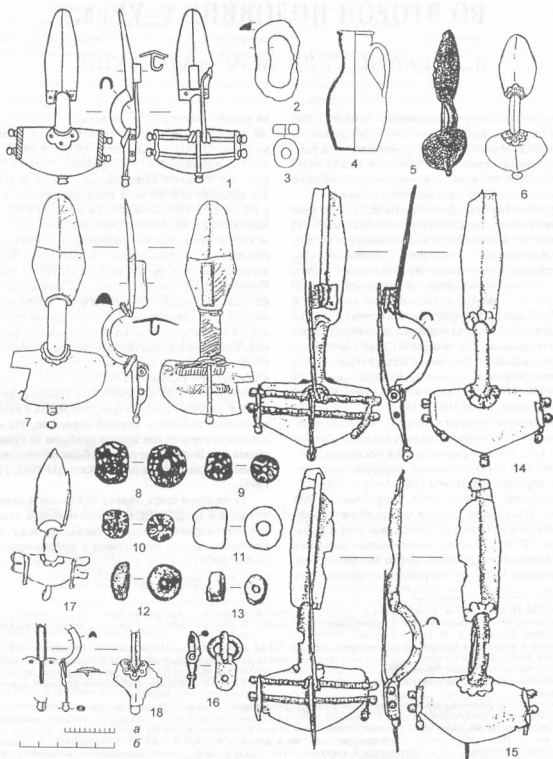

Рис. 1. 1–4 – Дюрсос, погребение № 510; 5 – «Северный Кавказ»; 6 – Саниба; 7 – Камунта; 8–16 – Хабль; 17 – Керчь; 18 – размыв берегов Краснодарского моря (см. в приложении список 1).
Масштабы: а – для № 1, 2, 5, 16, 18; б – для № 3, 4; № 17 – без масштаба.

Fig. 1. 1–4 – Dyrurso, burial 510; 5 – «Northern Caucasus»; 6 – Saniba; 7 – Kamunta; 8–16 – Khabl; 17 – Kerch; 18 – crosion of the banks of the Krasnodarskoye Sea (Reservoir). Cf. Appendix, List 1.
Scales: a – for nos. 1, 2, 5, 16, 18; b – for no. 3, 4; № 17 – without scale.

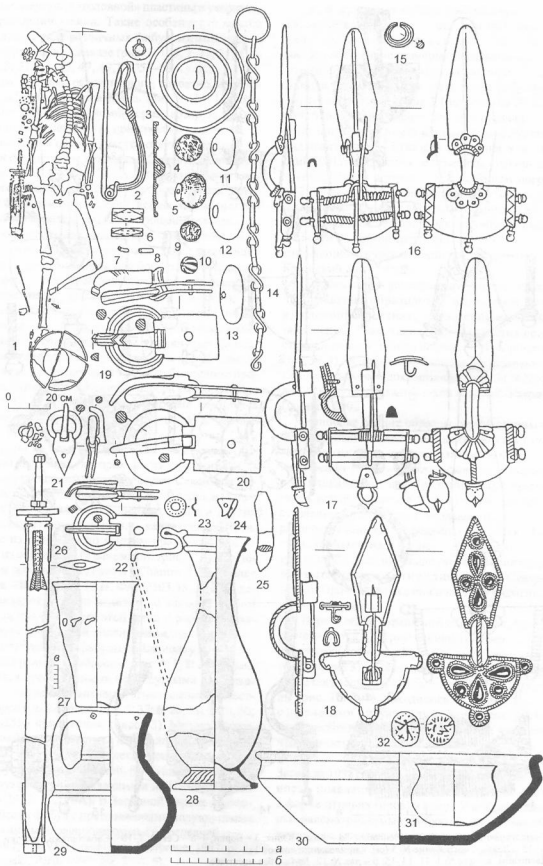

Рис. 2. Дюurso, погребение № 300 (см. в приложении список 1).

Масштабы: а – для № 5–25; б – для № 27–31; в – для № 26. № 32 – монета римского времени (подражание).

Fig. 2. Dyurso, burial 300. Cf. Appendix, List 1.

Scales: a – for nos. 5–25; б – for nos. 27–31; в – for no. 26. No. 32 – coin of the Roman period (imitation).

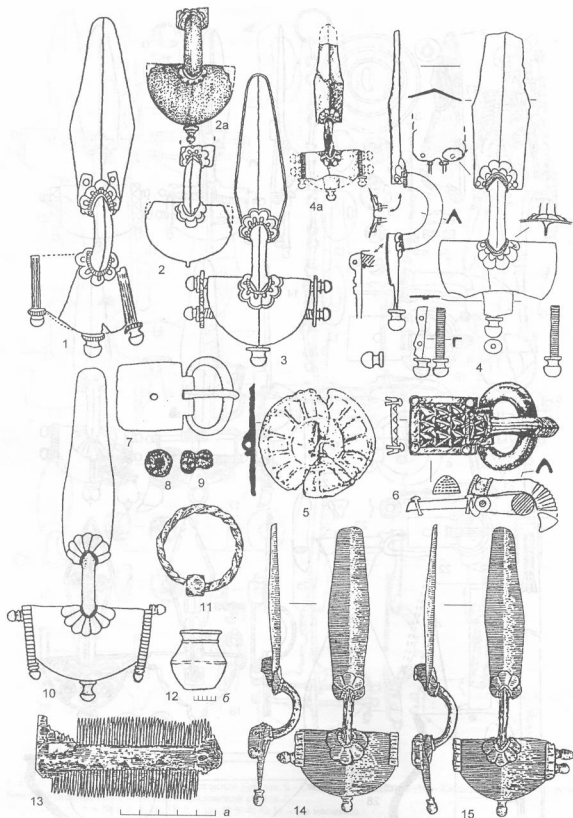

Рис. 3. 1 – местонахождение – ?; 2 – «Венгрия»; 2а – Альба Юлия; 3 – Борки; 4–6 – Секей; 7–10 – Сабатбьян, находки 1909 г.; 11–15 – Левиче, погребение № 5 (см. в приложении список 1).
Масштабы: а – для № 1–11, 13–15; б – для № 12; № 4а – без масштаба.

Fig. 3. 1 – site – ?; 2 – «Hungary»; 2a – Alba Julia; 3 – Borki; 4–6 – Székely; 7–10 – Sabatbatyan, finds of 1909; 11–15 – Levice, burial 5. Cf. Appendix, List 1.
Scales: a – for nos. 1–11, 13–15; b – for no. 12; no. 4a – without scale.

округлые очертания «головной» пластины и укороченные пропорции ножки. Такие особенности можно встретить на ряде различных фибул, изготовленных на Боспоре или на Кавказе (рис. 1: 1, 5, 7, 17; 2: 32; 4: 24; 8: 28; 21: 44–45, 47, 49, 54, 57–58 и т. д.).

Пара фибул из разрушенного, вероятно, женского, погребения у хутора Хабль (рис. 1: 14–15) принадлежит другой дунайской серии, которую мы называем «серия Левница» (в приложении список 16, г). От серии Секей она отличается отсутствием вдавлений или отверстий на накладках. Дунайские прототипы (рис. 3: 10, 14–15; 26), судя по материалам компактного могильника Левница *Адюретек* и стилистической близости серии Секей, всеми специалистами датируются периодом D2/D3. Упрощенные очертания накладки, небольшие размеры кнопок, наличие подкладки под тонкую пластину ножки, характеризующие фибулы из Хабля, обычны для боспорско-тетрааксидских переработок дунайских образцов. Пятиугольное очертание головной пластины свидетельствует, что образцы из Хабля принадлежат не самым ранним вариантам (ср. рис. 6: 26; 7: 20, 30; 9: 1). В то же время сравнительно крупные размеры и вытнутые пропорции ножки свидетельствуют, что дата вещей едва ли существенно отличается от времени бытования прототипов. «Крапчатая» бузина из набора у хутора Хабль (рис. 1: 8) не противоречит датировке комплекса в рамках середины–второй половины V в. (Казанский, Мастыкова 2001: 139–145).

Находка из Камунты (рис. 1: 7) имеет совсем небольшую накладку, которая могла сформироваться в ходе упрощения образов серии Секей или Левница. Остальные особенности этой вещи находят соответствие среди рассмотренных выше и других боспорско-тетрааксидских или кавказских фибул. Находка из Камунты по многим признакам близка фибула из коллекции Ольшевского (рис. 1: 5). По доступным нам изображениям (Chantré 1886; более хорошее – НА ИИМК РАН, ФА: Q503.38, № 326) детали накладки у этого изделия не ясны. В любом случае, принадлежность этой вещи к рассматриваемому кругу древностей вполне очевидна.

Двупластинчатые фибулы, найденные у хутора им. Ленина и в районе «Майкопа»³ (рис. 5: 1; 8: 26), характеризуются прессованными полукруглыми накладками. Многочисленные аналоги этим изделиям известны в Дюро и на Боспоре (рис. 5: 37; 6: 26, 51; 7: 20, 30; 8: 8, 24–25; в приложении список 3). Можно указать и их дунайские прототипы и параллели, например, фибула из известного комплекса вещей, найденных в Бакодлуште (Kiss 1983: Abb. 8). Существуют фибулы с полукруглыми накладками и на Нижнем Дунае (Welkow 1942: Taf. 10A). В Западной Европе дериваты дунайских фибул с прессованными полукруглыми накладками были распространены в последней трети V–первой трети VI в. (например, Bierbrauer 1997: pl. 1, 1, 2; Kazanski, Périn 1997: fig. 5: 4, 5).

А. В. Дмитриев и А. К. Амброз указали признаки, свидетельствующие о местном производстве кубано-черноморских фибул с полукруглыми накладками. Это небольшие размеры, подкладки под хрупкие пластины, небольшие округлые кнопки и т. д. В некрополе Дюро большая часть таких фибул происходит из погребений фазы 3 (погребения № 259, 408, 410, 516, 517, последняя треть V и начало VI в.), и лишь погребение № 291 с подобными фибулами принадлежит фазе 1–2 (вторая половина V в.) (Казанский 2001). Следует также отметить, что большинство таких фибул в Дюро (за исключением погребения № 291) имеет ножку, расширенную у дужки, с узким окончанием (вариант 16, по А. В. Дмитриеву), как на некоторых западноевропейских фибулах последней четверти V–первой трети VI в., что также может служить хронологическим индикатором (Дмитриев 1982; Казанский 2001: 48–50).

Особая линия развития двупластинчатых фибул представлена образцами с выступами на ножке и головной пластине, украшенными кнопками-заклепками. Пара таких фибул известна среди погребений из «Майкопа» (рис. 9: 4; в приложении список 3). А ножка от фибулы из размыта берега Краснодарского воздухоулицы (рис. 21: 42) принадлежит к кругу имитаций таких изделий (Гавритухин, Пьянков 2002).

Наиболее ранние образцы двупластинчатых фибул с кнопками-заклепками появляются в гуннскую эпоху (возможно, судя по находке в черняховском погребении № 28 на молдавском могильнике Лазо и в шотландском кладе Трапрайн, они существовали уже в конце IV–начале V в.). Ранние фибулы представлены рядом серий и вариаций (рис. 10: 11–17), распространенных от Среднего Подунавья и Прибалтики до Молдавии и Боспора (подробнее см.: Гавритухин 2000). Если на Западе такие изделия к середине V в. вытесняются другими типами, то в Северо-Восточном Причерноморье они получают развитие в рамках двух серий.

Первая серия украшений (как на рис. 10: 7–8) характеризуется подтреугольной головной пластиной и пятиугольной ножкой (список см.: Гавритухин 2000: приложение 3). В керченской катакомбе 11Б/1905 рядом с погребением, где были встречены такие фибулы (рис. 10: 7–8), находилось еще одно погребение с пальчатыми фибулами типа Керчь (рис. 10: 9). При ряде раскождений все исследователи единодушны, что пальчатые фибулы этого типа появляются в VI в. Впрочем, И. П. Засецкая (обзор литературы см.: Засецкая 1998) настаивает на гипотетической возможности появления их ранних форм (без выступов в форме птичьих голов) в конце V в. С другой стороны, рассматриваемые фибулы с кнопками-заклепками явно типологически связаны с образцами гуннского времени. Все это позволяет считать, что время бытования двупластинчатых фибул с кнопками

³ Город нефтяных приисков Майкоп в дореволюционное время был местом сосредоточения иностранных специалистов, которые зачастую скупили вещи из грабительских раскопок со всего Прикубанья и Тамани у торговцев древностями. Попадая в коллекции западных, в первую очередь немецких, музеев, такие вещи каталогизировались как «происходящие из Майкопа».

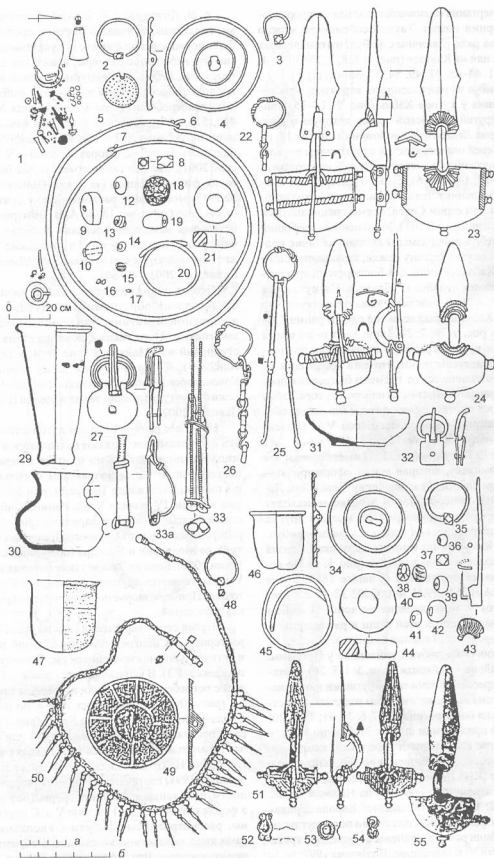

Рис. 4. 1–45 – Дюрсо: 1–32 – погребение № 483; 33–45 – погребение № 298; 46–54 – Хохфельден; 55 – «Суук-Су» (см. в приложении список 1).
Масштабы: а – для № 29–31, 46–47; б – для № 2–28, 32–45, 48–55.

Fig. 4. 1–45 – Dyurso: 1–32 – burial 483; 33–45 – burial 298; 46–54 – Hochfelden; 55 – «Suuk-Su» (Appendix, List 1).
Scales: a – for nos. 29–31, 46–47; б – for nos. 2–28, 32–45, 48–55.

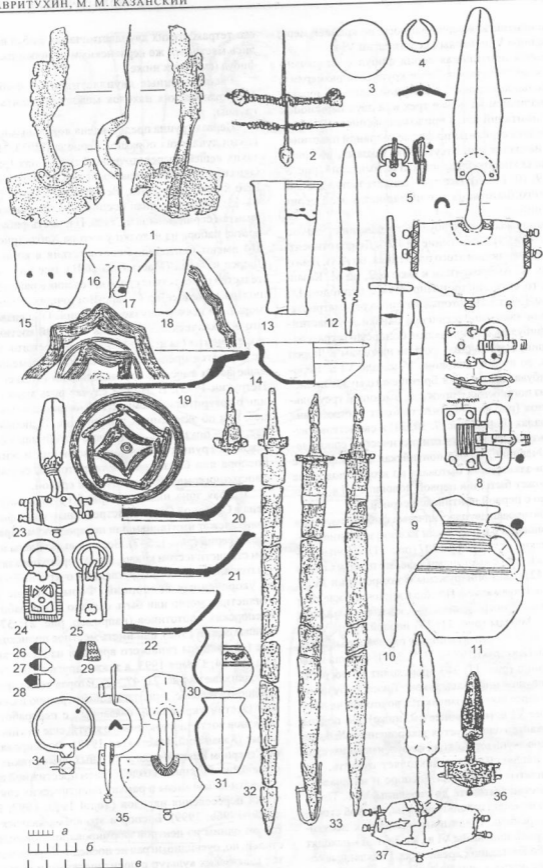

Рис. 5. 1 – хутор им. Ленина; 2 – Кумбулта; 3–14 – Дюрсо, погребение № 291; 15–34 – Фанагория, могила № 50; 35 – Мысхако; 36 – Керчь; 37 – «Тамань» (1–14, 37 – см. в приложении список 3).
Масштабы: а – для № 9–12, 30–33; б – для № 13–22, 26–29; в – для № 1–8, 21–25, 34–37.

Fig. 5. 1 – Khutor im. Lenina; 2 – Kumbulta; 3–14 – Dyurso, burial 291; 15–34 – Phanagoria, grave 50; 35 – Myskhako; 36 – Kerch; 37 – «Taman». To 1–14, 37 – see Appendix, List 3.
Scales: a – for nos. 9–12, 30–33; б – for nos. 13–22, 26–29; в – for nos. 1–8, 21–25, 34–37.

первой понтийской серии длилось, по крайней мере, от середины V до первых десятилетий VI в.

Вторая понтийская серия фибул с кнопками-заклепками отличается более крупными размерами, пятиугольной головной пластиной, двойной пружиной и наличием на ножке трех или двух пар кнопок или их имитаций (см. в приложении список 3). Можно выделить варианты по форме головной пластины, типам накладок или отсутствию таковых, наличию настоящих кнопок-заклепок или их имитаций (рис. 8: 28–29; 9: 10; 1–4, 6). Все это – свидетельства довольно долгого бытования и популярности этой серии украшений.

В комплексе такая фибула встречена лишь однажды (рис. 9: 6–29). Погребение № 420 в Дюрсо относится к фазе 2 эволюции этого памятника, по А. В. Дмитриеву – А. К. Амброзу (или к фазе 1–2, по М. Казанскому), то есть синхронизируется с периодом D3 (450–480/490 гг.). Некоторые из фибул рассматриваемой серии явно типологически близки двупластинчатым фибулам с накладками боспорско-тетраакитских серий, бытовавших, судя по находкам в Дюрсо и Хабль, во второй половине V–начале VI в. Вероятно, фибула из собрания Британского музея происходила из погребения с пряжкой, имеющей треугольный шток (рис. 9: 1–2), что находит соответствия в материалах Дюрсо (рис. 7: 30, 34) и свидетельствует в пользу правильности стилистических сопоставлений. Очевидно, вторая понтийская серия фибул с кнопками-заклепками бытовала во второй половине V в. (а может быть, и в первой половине VI в.?), параллельно с первой понтийской серией.

Для датировки двупластинчатых фибул и изучения их соотношения с пальчатыми важное значение имеет керченский склеп № 78/1907 (рис. 11). Парные фибулы типа Керчь с выступами в форме птичьих голов (рис. 11: 42) были обнаружены в захоронении № 12 на восточной «лежанке». Подход к восточной «лежанке» блокирован погребением № 1, в котором найдены дунайские фибулы (рис. 11: 17) первой трети VI в., что является аргументом в пользу ранней даты фибул типа Керчь (Kazanski 1996a: 329, 331). Фибула типа Удине-Планис (рис. 11: 30) происходит из погребения № 7 на западной «лежанке». Такие фибулы на Боспоре, скорее всего, появляются во второй четверти–середине VI в. (подробнее см. ниже). Но подход к этой «лежанке» блокируется захоронением № 4, где найдена пара двупластинчатых фибул, имевших, судя по всему, накладки, это и позволяет считать, что двупластинчатые фибулы на Боспоре и их аналоги единично могли бытовать до середины VI в. Представленные в склепе находки связаны, с одной стороны, с боспорскими традициями последних десятилетий V–первой половины VI в., а с другой – находят аналоги в более поздних древностях. Стеклопосуды, мелкие пряжки, другие вещи из погребений на лежанках и на полу этого склепа очень близки. Все это свидетельствует о сравнительно быстром заполнении склепа, происходившем, очевидно, около первой половины или середины VI в. Этим временем и датируется период, когда поздние варианты боспор-

ско-тетраакитских двупластинчатых фибул вытеснялись местными же керченскими сериями пальчатых фибул (см. о них ниже).

Рассмотренные двупластинчатые фибулы из северокавказских находок можно разделить на две группы.

Первая группа представлена локальными имитациями дунайских образцов периода D2/D3. Находки таких вещей сосредоточены в двух зонах (рис. 30). Одна из них расположена в районе Краснодара и ближнего к нему Закубанья. Вещи из этой зоны (рис. 1: 14–15, 18) принадлежат боспорско-тетраакитским вариантам серий Левице и Секей. Парность фибул и сам состав набора из находки у хутора Хабль (рис. 1: 8–16) имеют ближайшие соответствия в комплексах Дюрсо и Керчи (Мастыкова 2001). Все это – свидетельства присутствия среди населения в районе Краснодара выходцев из Северо-Восточного Причерноморья, во всяком случае – женщин. Общеизвестно, что в архаических обществах женский костюм или его элементы (за исключением «княжеского» убора) не являются предметом торговли и перемещаются чаще всего вместе с их владельцами (Wernet 1970; Петрухин 1983). В данном случае речь может идти или о сравнительно компактной «колонии» поселенцев, или об экзогамных отношениях. В любом случае, это – показатель достаточно устойчивых связей какой-то группы кубанского населения и жителей Боспора или близлежащих территорий, связанных с восточнотетраакитской культурной средой.

Вторая зона находок первой группы расположена в Северной Осетии. Встреченные здесь фибулы принадлежат имитациям или переработкам образцов тех же серий (рис. 1: 5–7). Все они выполнены в едином стилистическом ключе, для которого показательна головная пластина скрученных очертаний и ножка укороченных пропорций. Формирование этой стилистики могло или быть связано с переработкой боспорских прототипов (например, рис. 21: 57–58; Хришановский 1988), или иметь местное происхождение (ср. фибулы гунинского времени из Дагестана – рис. 21: 54; Гмыря 1993, а также другие кавказские находки, как на рис. 21: 47, 49). Вторая точка зрения предпочтительнее, учитывая концентрацию в Северной Осетии украшений, связанных с переработкой образцов восточнотетраакитского круга, еще в гунинское время (Казанский, Мастыкова 1998). Формирование на Северном Кавказе ряда локальных очагов таких переработок объяснимо воздействием престижной аристократической моды в рамках политических связей эпохи переселения народов (Tejral 1973; 1997; Kazanski 1996b; 1999). Боспор в это время являлся не только одним из центров формирования локальных стилей, но, очевидно, играл не последнюю роль в связях кавказских культур с политическими и культурными центрами Подунавья.

Находки второй группы представлены своеобразными восточноевропейскими сериями фибул второй половины (последней трети?) V–первой трети VI в., которые в конечном счете также восходят к дунайским восточнотетраакитским прототипам, но, видимо,

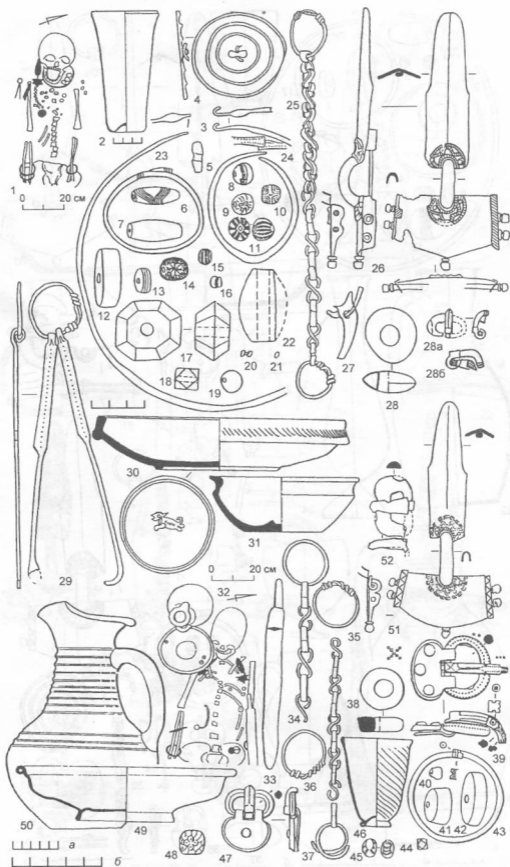

Рис. 6. Дюрос: 1–31 – погребение № 516; 32–52 – погребение № 408 (см. в приложении список 3).
Масштабы: а – для № 2, 30–31, 33, 46, 49–50; б – № 3–29, 32–45, 47, 48.

Fig. 6. Dyurso: 1–31 – burial 516; 32–52 – burial 408. See Appendix, List 3.
Scales: a – for nos. 2, 30–31, 33, 46, 49–50; б – for nos. 3–29, 32–45, 47, 48.

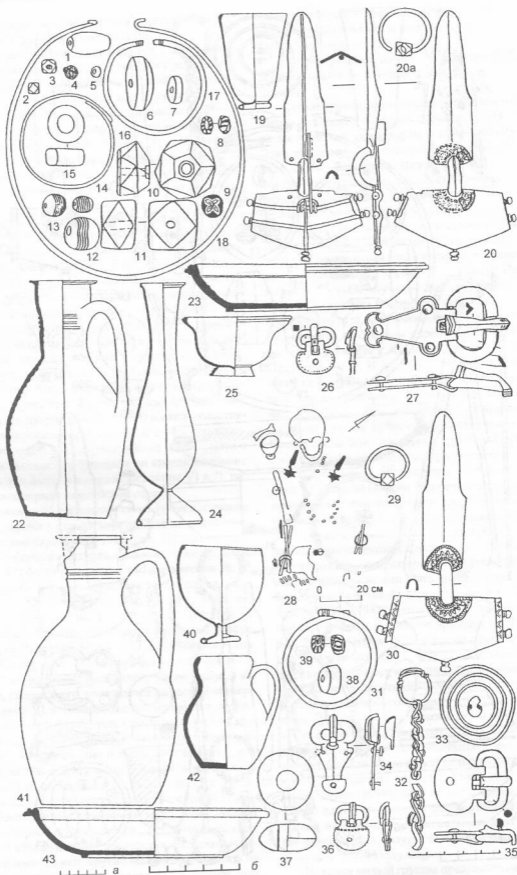

Рис. 7. Дюрос: 1–27 – погребение № 259; 28–43 – погребение № 410 (см. в приложении список 3).
Масштабы: а – для № 23–25, 40–43; б – для № 1–22, 26, 27, 29–49.

Fig. 7. Dyurso: 1–27 – burial 259; 28–43 – burial 410. See Appendix, List 3.
Scales: а – for nos. 23–25, 40–43; б – for nos. 1–22, 26, 27, 29–49.

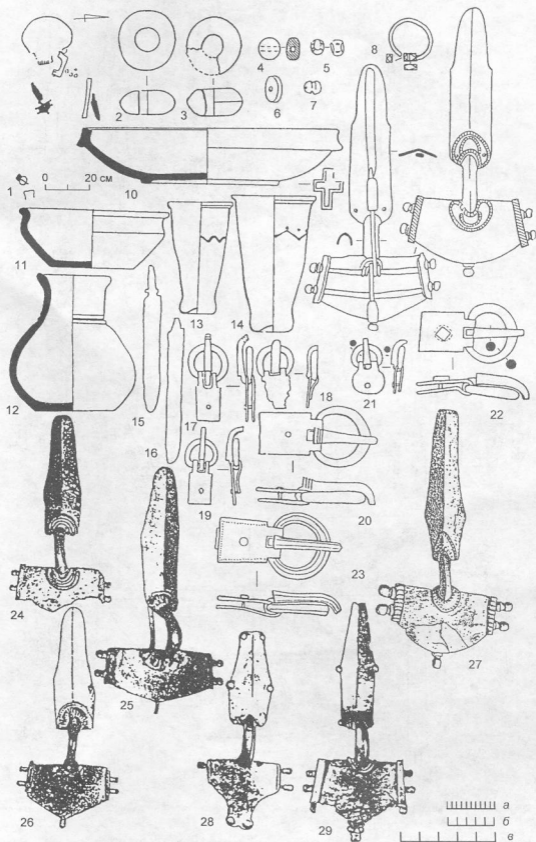

Рис. 8. 1–23 – Дюрсо, погребение № 517; 24, 29 – «Юг России»; 25 – Керчь; 26 – «Майкоп»; 27 – Страсбург; 28 – «Суук-Су» (1–26 – см. в приложении список 3; 28–29 – список 2).
Масштабы: а – для № 15–16; б – для № 10–14, в – для № 2–9, 17–29.

Fig. 8. 1–23 – Dyrso, burial 517; 24, 29 – «South of Russia»; 25 – Kerch; 26 – «Maikop»; 27 – Strasburg; 28 – «Suuk-Su». See Appendix, List 3 to 1–26; List 2 to 28–29.

Scales: а – for nos. 15–16; б – for nos. 10–14, в – for nos. 2–9, 17–29.

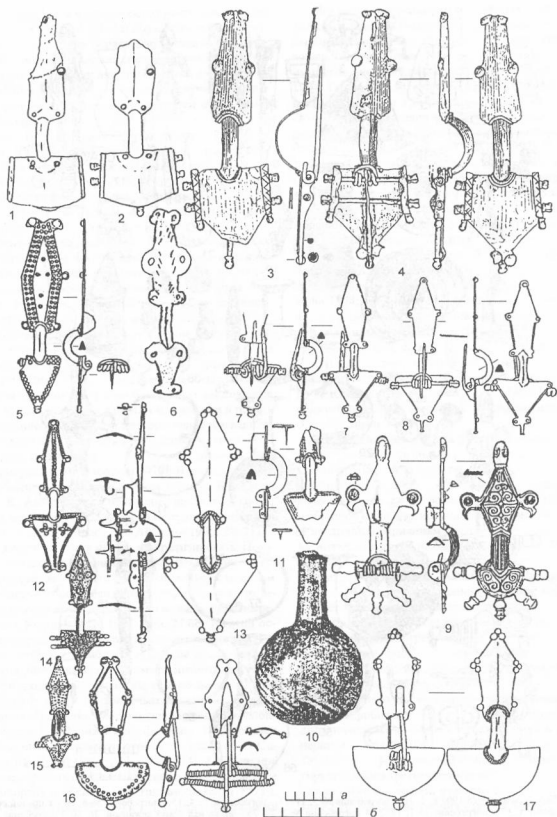

Рис. 10. 1–2, 5–10, 14, 17 – Керчь (5, 14 – колл. И. А. Хойновского; 6 – колл. Е. Запорожского); 7–10 – катакомба № 11Б/1905 г.; 17 – колл. И. Диргардта); 3–4 – «Юг России»; 11 – Херсонес; 12 – Ваяуга; 13 – Унтерзибенбруни; 15 – Tape-Lebe; 16 – Лазо, погребение № 28 (1–4, 6 – см. в приложении список 2).
Масштабы: а – № 10; б – для № 1–5, 7–9, 11–17, № 6 – без масштаба.

Fig. 10. 1–2, 5–10, 14, 17 – Kerch (5, 14 – I. Khoynovskiy's collection; 6 – E. Zaporozhskiy's collection); 7–10 – catacomb 11B/1905; 17 – I. Dirgardt's collection); 3–4 – «South of Russia»; 11 – Chersonesos; 12 – Vayuga; 13 – Untersiebenbrunn; 15 – Tape-Lebe; 16 – Lazo, burial 28. To 1–4 – see Appendix, List 2.
Scales: а – for no. 10; б – for nos. 1–5, 7–9, 11–17, № 6 – without scale.

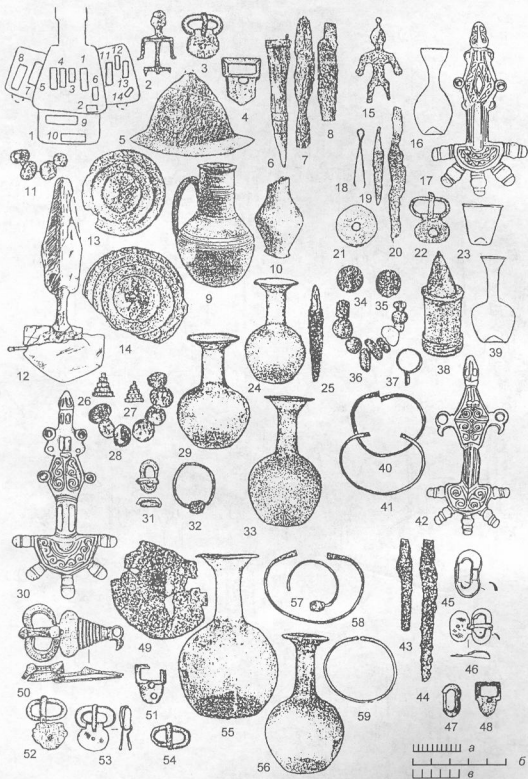

Рис. 11. Керчь, склеп № 78/1907 г.: 1–10 – погребение № 5; 11–14 – погребение № 4; 15 – погребение № 6; 16 – в правой стенке дромоса; 17 – погребение № 1; 18–23 – погребение № 2; 24–25 – ниша над левой лежанкой; 26–30 – погребение № 8; 31–32 – погребение № 7; 33 – ниша над правой лежанкой; 34–42 – погребение № 12; 43–48 – погребение № 13; 49–56 – погребение № 9; 57–59 – погребение № 10.

Масштабы: а – для № 9–10, 16, 23, 39; б – для № 2–4, 15–17, 22–26, 28, 30–32, 34–38, 40–42, 45–54, 57, 59; в – для № 5–8, 18–21, 24–25, 29, 33, 43–44 (Засецкая 1998; с добавлениями: Айбабин 1999).

Fig. 11. Kerch, vault 78/1907: 1–10 – burial 5; 11–14 – burial 4; 15 – burial 6; 16 – in the right wall of the dromos; 17 – burial 1; 18–23 – burial 2; 24–25 – niche over the left bench; 26–30 – burial 8; 31–32 – burial 7; 33 – niche over the right bench; 34–42 – burial 12; 43–48 – burial 13; 49–56 – burial 9; 57–59 – burial 10.

Scales: a – for nos. 9–10, 16, 23, 39; b – for nos. 2–4, 15–17, 22–26, 28, 30–32, 34–38, 40–42, 45–54, 57, 59; v – for nos. 5–8, 18–21, 24–25, 29, 33, 43–44 (Zasetskaya 1998, with supplements: Aibabin 1999).

опосредованно. Ученные образцы второй группы (рис. 5: 1; 8: 26; 9: 4; 21: 42; 30) на Кавказе концентрируются на Кубани (Краснодар – «Майкоп»). Причем все они принадлежат специфическим боспорко-тетрактским сериям двуластинчатых фибул или их имитациям. Судя по всему, в данном случае фиксируется продолжение традиционных связей, отмеченных на примере «краснодарской» зоны находок первой группы. На материале Дюрсо видно, что вторая группа изделий по времени несколько позднее первой, хотя какое-то время обе они существовали параллельно. Ведь фибулы обеих групп представлены в комплексах фазы 1–2 могильника, однако для фазы 3 этого памятника известны только фибулы 2-й группы (погребения № 259, 408, 410, 516, 517).

Рельефо украшенные пальчатые фибулы.

Пальчатые фибулы на Кавказе немногочисленны. Образцы, головная пластина которых украшена волютами, а ножка – вписанными друг в друга ромбами, очевидно, связаны с понтийским влиянием. По терминологии западноевропейских археологов, восходящей к работам Х. Кюна, такие фибулы относятся к типу Гурзуф (Kazanski 1996a). Две фибулы происходят «из Майкопа» (рис. 12: 1, 18; см. примечание 3). По особенностям стилистики изделий и основной зоне концентрации ближайших им аналогов эти находки связаны с Крымом (см. ниже и в приложении список 4). Причем интересующие нас варианты можно считать продукцией местного, а иногда достаточно определено – боспорского производства (Гавритухин 1997; Засецкая 1998). В настоящее время общепризнанными являются взгляды Б. Салина и А. К. Амброза, что появление пальчатых фибул в Крыму связано с влиянием из Подунавья (литература по данному вопросу см.: Айбакин 1990: 20–21).

Эти наблюдения можно конкретизировать. Появление рельефо украшенных пальчатых фибул у дунайских варваров гуннской эпохи связано с мощным воздействием позднеантичных ремесленных традиций. В качестве примера укажем на находку из погребения в Ухерце (Tejral 1997: Abb. 27). На этой основе к середине V в. и формируются дунайские трехпальце фибулы. Наиболее архаичны среди них варианты, ножка которых не имеет боковых выступов (Гавритухин 1997). Отметим тщательно сделанные образцы с литым центральным «пальцем» и парой боковых «пальцев», фактически являющихся кнопками, завершающими ось пружины. К подобным украшениям, например, относятся изделия из Сокольника (Tejral 1997: Abb. 28: 13–14), фибулы типа Захонь, представленные находками на Верхней Тисе и импортным образцом из Тамани, находка 1973 г. из Херсонеса (рис. 12: 39) и т. д. Параллельно с ними началось изготовление и более простых фибул, все «пальцы» которых отлиты вместе с головной пластиной и лишь имитируют кнопки, как у изделий из Бакодушты, Цифер-Пац и др. (Tejral 1997: Abb. 28, 12, 15–16).

Вся эволюция рельефных пальчатых фибул отражена находками из Подунавья, где, судя по всему, был «эпицентр» процесса. При этом его «отклики», первоначально представленные, в основном, единичным импортном, можно проследить в Прибалтике (Kühn 1974: Taf. 261.64, 5), в лесной зоне Восточной Европы (рис. 12: 24) и в Крыму (см. выше – Херсонес). С этой средой и связано формирование типа Гурзуф, ранние варианты которого представлены образцами из Велки Песек – Сикеница (Tejral 1997: Abb. 28: 8–9), находками из Херсонеса, Грюнейкен, Курска (рис. 12: 24, 29, 30). Такие же вещи или их упрощенные имитации известны у гепидов и других варварских групп Карпатской котловины, у германских федератов Империи в Италии и на Балканах, на Рейне и на «Юге России», в том числе в Керчи (Csallany 1961: Taf. 134, 2; Bierbrauer 1975: Tav. XXXIX, 8; Ковачева, Хараламбана 1992: табл. 1, 3; Manucu Adamesteanu, 1980: fig. 4; Машов 1976: обр. 1а, б; Kühn 1974: Taf. 261.64.3, 6, 10–13, 26; 262.64.36, 37, 48). Большинство этих находок датируется около второй половины V–первых десятилетий VI в. (Glodariu 1974: Abb. 2, 4, 5; Kiss 1982: Taf. 1.7). Одна из них (рис. 12: 27), явно упрощенный, типологически поздний вариант, происходит из гепидского погребения № 88 в Кишзомбор (Csallany 1961: Taf. 134), где ей сопоставлял нож характерной формы, известной с первой трети VI в.⁴

Эволюция фибул типа Гурзуф связана с формированием его локальных разновидностей, их взаимовлиянием, воздействием стилей, характерных для других типов, и т. д. Одна из таких новаций – появление отростков по бокам ножки, известных уже у образцов второй половины V в. (см. рис. 10: 12–17). К архаичным вариациям типа Гурзуф с выступами на ножке относятся находки из Артанда в Потисье (материал не опубликован, мы благодарны за информацию Э. Игитванович). Головная пластина этих фибул имеет как бы пятиугольную форму, что напоминает некоторые двуластинчатые фибулы, в том числе типа Братей. Такая же головная пластина известна у фибулы из погребения в Аргануме, где она найдена вместе с фибулой подгруппы Братей-Вышков (Manucu Adamesteanu, 1980: fig. 3). Фибулы Братей-Вышков сначала были датированы первой половиной V в., однако они несомненно существовали и позднее (подробнее см.: Гавритухин 2000), что подтвердила находка из Бушберга, датируемая в рамках периода D2/D3 (430/440–470/480 гг.; Szameit 1997: Taf. 5: 1–3). Судя по всему, комплекс в Аргануме датируется около третьей четверти V в., что свидетельствует о формировании усложненных модификаций типа Гурзуф уже на ранних стадиях существования застегке этого типа.

Другой инновацией является появление фибул типа Гурзуф с пятью пальцами. Пяти- и даже семипальчатые фибулы других типов хорошо представлены в дунайских комплексах периода D3, то есть уже

⁴ Аналогичный нож встречен в погребении № 146 того же некрополя вместе с пряжкой, имеющей язычок «в форме палца», если следовать «мерovingийской» терминологии. Эти пряжки в Западной и Центральной Европе исчезают к 530–540 гг.

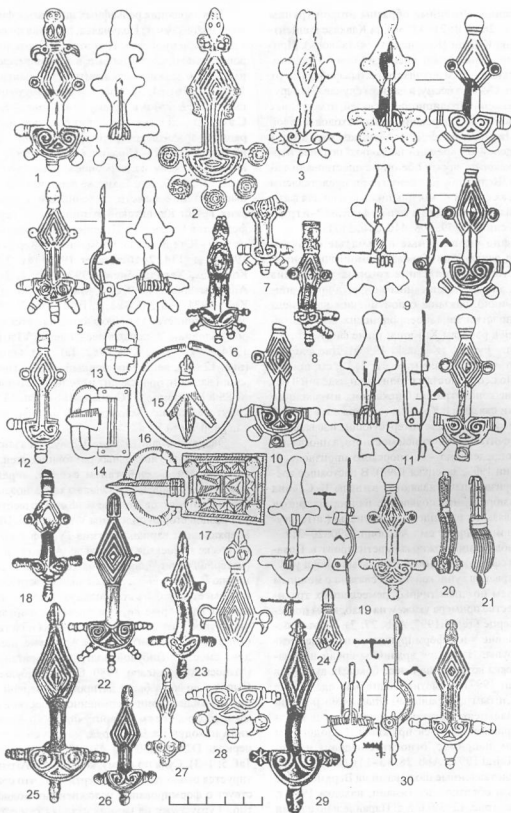

Рис. 12. 1, 18 – «Майкоп»; 2–5, 8, 16, 19, 22–23, 25, 28 – Керчь; 6 – Прага-Подбаба; 7 – Сентеш-Берекхат, погребение № 27; 9 – Суук-Су; 10–11, 20–21 – Суук-Су, могила № 155; 12–17, 19, 30 – Херсонес: 12–17 – склеп № 14/1914 г.; 19 – склеп № 3/1975 г.; 30 – находка 1973 г.; 24 – Курск; 26 – Велики Песек-Сикеница; 27 – Кишзомбор, погребение № 88; 29 – Грунейкен (3–5, 9–25, 28, 30 – см. в приложении список 4).

Fig. 12. 1, 18 – «Maikop»; 2–5, 8, 16, 19, 22–23, 25, 28 – Kerch; 6 – Praga-Podbaba; 7 – Szentesh-Berekhat, burial 27; 9 – Suuk-Su; 10–11, 20–21 – Suuk-Su, grave 155; 12–17, 19, 30 – Chersonesos: 12–17 – vault 14/1914; 19 – vault 3/1975; 30 – find of 1973; 24 – Kursk; 26 – Veliki Pesek – Sikenica; 27 – Kiszombor, burial 88; 29 – Grüneiken. To 3–5, 9–25, 28, 30 – see Appendix, List 4.

во второй половине V в. (например, рис. 14: 11). Не позднее начала VI в. в Подунавье появляются и пятипальные фибулы типа Гурзуф, как свидетельствует находка в погребении № 1 некрополя Дравле (Slabe 1975: t. 1: 1, 2), вместе с остроугольной пряжкой начала VI в. типа Люблина-Дравле (об их датировке см.: Bierbrauer 1975: 131).

В ряде случаев по сочетанию характерных признаков можно выделять локальные серии и вариации фибул типа Гурзуф. Скрученная головная пластина, зачастую уменьшенных размеров в сочетании с удлиненными пальцами, а также тенденция превращения пары волют в полуовал с загнутыми внутрь концами, отличающую «гепидскую» серию пятипальных фибул типа Гурзуф (например, рис. 12: 7–8; Csallany 1961: Taf. LXXIX: 17; CLIX, 5; Mrkobrad 1980: pl. XXXVI: 1, 4; Kühn 1974: Taf. 261.64: 19, 21, 23, 25). Схожие черты можно указать у «гепидских» трехпальных фибул, часто имеющихся, наряду с длинными, более короткими, но массивными пальцы (например, рис. 12: 27; Csallany 1961: Taf. CCXXVI: 5, 7; CLIX, 5; Kühn 1974: Taf. 261.64: 14, 27). Фибулы, напоминающие тип Гурзуф, но выполненные в местных традициях, известны на Эльбе (например, рис. 12: 6; Kühn 1974: Taf. 261.64: 30; Schmidt 1961: Taf. 31: h, l). Образцы из Италии имеют общие элементы с остготскими фибулами других типов (Bierbrauer 1975: Tav. II: 4; LI, 1; LXXIII: 3). На Нижнем Дунае встречены пятипальные фибулы с ножкой без боковых выступов (Fiedler 1992: Abb. 17: 11–13). Отметим и фибулу типа Гурзуф из Спае-Перекиши, «перекрученные» волюты которой находят параллели на верхнеднепровских пряжках дунайской традиции периода D3, а также на моравских пряжках из Блуцины и на бутероли дунайского меча из Таурапила (Амброз 1970; Гавритухин 1997; Kazanski 2000: 419).

Сложная мозаика взаимоотношения импортных образцов и местных серий представлена находками в Крыму и Восточной Европе. Имеются импортные образцы, принадлежность к числу самых ранних, «стильных» вариаций типа Гурзуф (Херсонес). Более простые трехпальные фибулы без выступов на ножке представлены несколькими экземплярами, распространенными на широкой территории юга Восточной Европы (рис. 12: 25; см. в приложении список 4а). Большая часть из них по сумме признаков практически не отличается от образцов, известных в Подунавье и на Балканах, лишь у находок из Курска и с «Юга России» своеобразно заострено окончание ножки (как рис. 12: 24; ср. рис. 22: 35). Однако единичность образцов не дает возможности настаивать на выделении локальной формы.

То же можно сказать и о более «развитых» вариациях. Трехпальная фибула с выступами по бокам ножки и стилизованной звериной мордой из коллекции Керченского музея (Айбабин 1990: рис. 14: 10; в приложении список 4б) имеет ближайшие аналоги в Нижнем Подунавье. Им близки и крупные керченские пятипальные фибулы (в приложении список 4б). У экземпляра из Британского музея окончание ножки характерное для многих дунайских украшений,

а у фибулы из коллекции В. Гремплера (рис. 12: 22) – окончание ножки, похоже, является дериватом дунайских образцов, отчасти напоминающим отмеченные восточноевропейские находки с заостренным выступом на конце ножки (как рис. 12: 24).

Рассмотренные восточноевропейские экземпляры найдены вне хорошо датированных комплексов. Однако их близость дунайским находкам позволяет с достаточной степенью уверенности относить их к вариантам, бытовавшим во второй половине V–первых десятилетиях VI в. (см. выше). Как было отмечено, изделия из Восточной Европы являются либо импортом, либо единичными местными модификациями. К последним, свидетельствующим о влиянии дунайских образцов на боспорские пальчатые фибулы, относится фибула из Керчи, хранящаяся в Стокгольмском музее. Ее ножка декорирована ромбами, а на головной пластине виден типичный дунайский орнамент в виде «цепи» (рис. 12: 23; Kühn 1974: Taf. 261.64.4).

Следующая группа восточноевропейских находок типа Гурзуф принадлежит уже местным сериям. Одна из них представлена своеобразными очень стандартными экземплярами, известными лишь в Керчи и являющимися гибридом типа Гурзуф и типа Керчь (как рис. 12: 18; образец 8 по: Засецкая 1998: 404; см. в приложении список 4в). В комплексах такие фибулы неизвестны, но, судя по датировке прототипов, они могли появиться в начале VI в. (см. выше, о керченском склепе № 78/1907).

Другая, также сравнительно немногочисленная серия представлена трехпальчатыми фибулами с ножкой, завершающейся длинным отростком (как рис. 12: 12, 18; образец 20 по: Засецкая 1998: 405; в приложении список 4г). Такое окончание ножки можно указать на образце типа Левиде–Токари из Болгарии (Гавритухин 1994: рис. 2, 19), но у фибул типа Гурзуф эта деталь отмечена только на находках из Южного Крыма, «Юга России» и «Майкопа». Датировка этой вариации фибул типа Гурзуф основывается на находках в склепе № 14/1914 из Херсонеса (рис. 12: 12–17) (Айбабин 1990: 29–30). В данном комплексе найдены пряжки, сочетание которых характерно для второй половины (последних десятилетий?) V–первой половины VI в. (Kazanski 1994), а также брешь-цикала в форме «трилистника», аналоги (причем полуфабрикаты) которой известны в находке из Бушберга, относящейся к горизонту D2/D3 (430/440–470/480 гг.; Szameit, 1997: Taf. 5. 4). Очевидно, склеп № 14/1914 из Херсонеса датируется второй половиной, возможно, последними десятилетиями V в., что и является репером для хронологии трехпальных фибул типа Гурзуф с ножкой, завершающейся длинным отростком.

Еще три серии понтийских фибул типа Гурзуф (как на рис. 12: 3–5; 9–11, 19; см. в приложении список 4д, е, ж) представлены довольно обширным списком находок, причем прототипы и параллели всем элементам этих находок можно указать среди местных древностей. Очевидно, именно появление этих серий знаменует этап, когда на базе импортных

образцов и их единичных местных реплик в Крыму складывается налаженное местное производство.

Итак, начало производства массовых понтийских серий, вероятно, приходится на последние десятилетия V или первую половину VI в. Подобные фибулы, судя по находкам в Юго-Западном Крыму, могли существовать и позднее, по крайней мере до рубежа VI–VII вв. Находки из склена № 77 в Лучистом (рис. 15–16) датируются около последних десятилетий VI–первых десятилетий VII в., предлагается и более широкая дата, в рамках второй половины VI – первой половины VII в. (Айбабин, Хайрединова 1996; Гавритухин, Обломский 1996: рис. 67–72, 90 – образцы фазы 2 культуры Суук-Су). Близкую хронологию имеют и вещи из могилы № 155 в Суук-Су (рис. 12: 10–11); пражка со львом, пражка «геральдического» круга, византийские подвижные фибулы (Репников 1907: 117–118).

Подведем итог. Одна из фибул, найденная «в Майкопе» (рис. 12: 18), принадлежит серии, отражающей первые формы переработки балкано-дунайских образцов типа Гурузф на юге Восточной Европы во второй половине или последних десятилетиях V в. Хотя точные параллели на Боспоре не зафиксированы, аналогии всем элементам, характеризующим эту серию, можно указать в первую очередь среди фибул из Керчи. С другой стороны, никаких следов непосредственного (минуя Боспор) южнокрымского влияния на Кубани в V–VI вв. не прослеживается. Отметим и немногочисленность доступной нам выборки фибул этой серии, а также неясность точного места ряда находок (в приложении список 4г). Судя по всему, фибула «из Майкопа» могла попасть на Северный Кавказ через Боспор.

Вторая пальчатая фибула типа Гурузф «из Майкопа» (рис. 12: 1) по размеру, пропорциям, особенностям головной пластины и ряду других признаков наиболее близка понтийской серии (по: Гавритухин 1997) *активных фибул с ножкой*, завершающейся округлым выступом (рис. 12: 3, 4, 9–11; в приложении список 4ж; полувид IVБ керченских фибул, по И. П. Засецкой – Засеcka 1998). Отличие фибулы из «Майкопа» от образцов этой серии заключается лишь в наличии «звериной морды» и крючковидных выступов, завершающих ножку. Схожие элементы на керченских или южнокрымских изделиях (рис. 12: 5, 22, 25, 28; др. образцы см.: Засеcka 1998) по стилистике исполнения явно отличаются от завершения ножки «майкопского» экземпляра. Ближайшие аналоги (и прототипы) этим элементам можно указать на фибулах гепидского круга или находках из Северной Болгарии (например, рис. 14: 13–14). Очевидно, появление «майкопского» экземпляра является результатом единичных модификаций стандартных керченских фибул под дополнительным воздействием дунайских образцов. Данный пример не является единственным. Схожий синтез боспорских традиций и дополнительных дунайских импульсов виден и на фибуле из коллекции И. Диргардта, которая, по словам продавцов древностей, была приобретена в Керчи (рис. 12: 2). Укажем и на типичную пятипалую

фибулу локальной «гепидской» серии, происходящую из Керчи (рис. 12: 8; Kühn 1974: Taf. 261.64, 55).

Дополнительный культурный импульс из Подунавья на Боспор и в Крым, судя по наиболее вероятному историческому контексту, может быть связан с появлением военного византийского контингента, сформированного в Подунавье в начальные годы правления Юстиниана Великого (Kazanski 1996a: 328; Kazanski 1999: 286). Соответственно, наиболее реальной датой бытования интересующих нас боспорских фибул (как рис. 12: 1–2), в том числе и находки из «Майкопа», является вторая треть–вторая половина VI в.

Рельефо украшенная пальчатая фибула известна и среди случайных находок из могильника Пашковское I. Она принадлежит кругу боспорских переработок фибул типа Удине–Планиц (рис. 13: 1, 18, 47, 48; 14: 1, 8–10; в приложении список 5), выделенных И. П. Засецкой в вид III (Засеcka 1998). Прототипами этих изделий явились богатые индивидуальные образцы второй половины V в. из Подунавья (как на рис. 14: 11–12 и т. п.). На их основе сформировался ряд массовых локальных типов (Гавритухин 1997: 28–29, 32). Появление типа Удине–Планиц связано с остготской средой эпохи Теодориха (471 или 473–526 гг.). В рамках этого типа выделяется ряд серий, отличающихся по структуре оформления центральной части головной пластины (Гавритухин 1997).

Пальчатые фибулы типа Удине–Планиц с головной пластиной, в центре которой находится полукруг, заполненный «кербшитной звездочкой» или вертикальными полосами (как рис. 14: 7; Гавритухин 1997: рис. 51–53), массово представлены на памятниках остготов Италии и Западных Балкан (Bierbrauer 1975), а также севернее Альп, в зоне влияния остготской культуры. В рамках этого контекста объяснима их особая линия развития (Bierbrauer 1971). Понтийская серия отличается украшением центра головной пластины полукругом, не заполненным изображениями, но окаймленным рельефными валиками. Такой элемент появляется на фибулах Среднего Подунавья уже во второй половине V в. (например, рис. 14: 11). Модификации этого элемента также связаны с культурами Среднего Подунавья и Потисья или их влиянием (Гавритухин 1997: рис. 18, 20–23, 43, 49, 50; 1991: 135, табл. I: 1–3; II: 1–8, 10–12, комментарии к карте в приложении I). Таким образом, принимая точку зрения об остготском происхождении типа Удине–Планиц, в вопросе о формировании понтийской серии следует учитывать возможность их появления в Крыму через Подунавье (например, рис. 14: 6) или Балканы.

Датировка фибул понтийской серии типа Удине–Планиц определяется рядом керченских комплексов, где такие вещи устойчиво сочетаются с орлиноголовыми пряжками керченской серии, поздними вариантами боспорских бубелье, геральдической ремешковой гарнитуры (рис. 13: 1–2, 6–10, 15, 18–22; 14: 1–2). И. П. Засецкой этот горизонт датируется в рамках середины VI–начала VII в. Не противоречит такой дате и комплексы за пределами Боспора, датируемые

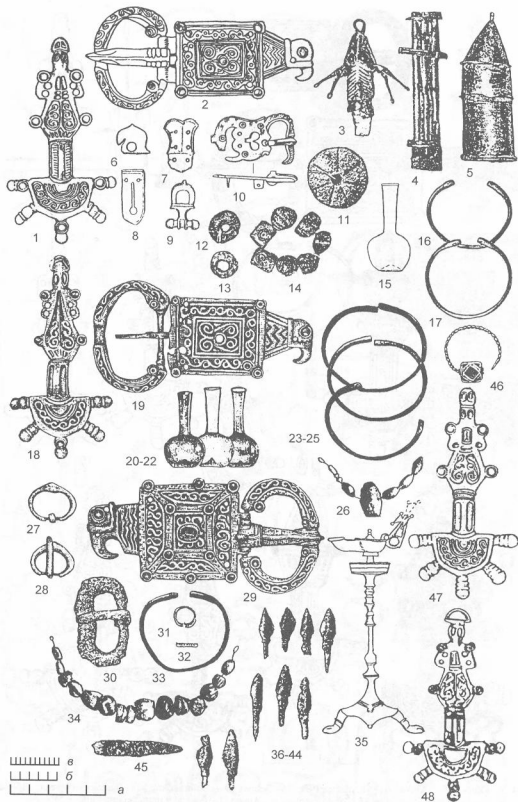

Рис. 13. 1–47 – Керчь: 1–17 – склеп № 180/1904 г., погребение № 7; 18–45 – склеп № 152/1904 г., 18–26 – верхнее погребение, 27–45 – из нижних погребений; 46–47 – из могилы № 1/1977 г.; 48 – «юг России» (см. в приложении список 5). Масштабы: а – для № 1–14, 18, 19, 23–34, 47, 48; б – для № 16–17, 36–45; в – для № 15, 20–22, 35.

Fig. 13. 1–47 – Kerch: 1–17 – vault 180/1904, burial 7; 18–45 – vault 152/1904, 18–26 – upper burial, 27–45 – from lower burials; 46–47 – grave 1/1977; 48 – «South of Russia». See Appendix, List 5. Scales: a – for nos. 1–14, 18, 19, 23–34, 47, 48; б – for nos. 16–17, 36–45; в – for nos. 15, 20–22, 35.

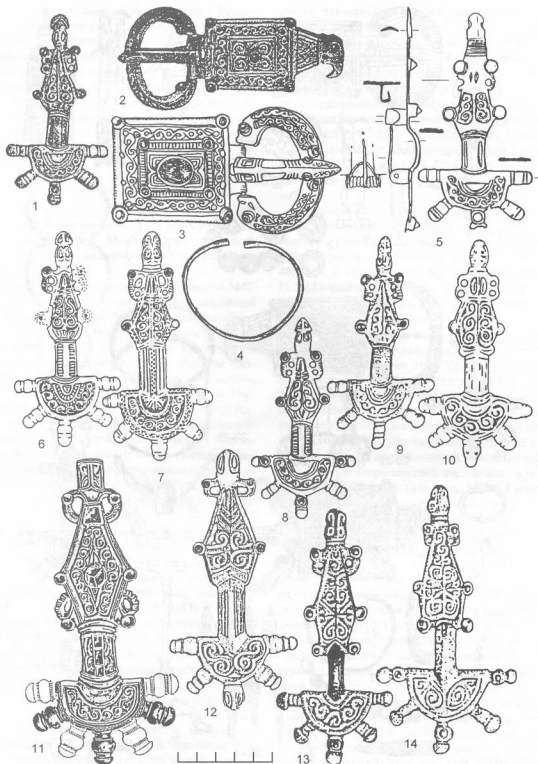

Рис. 14. 1–4, 8 – Керчь, 5 – Артек; 6 – Печинска Рик; 7 – Леррах; 9 – Войниково; 10 – Черкасский уезд; 11 – «Венгрия»; 12 – Белград, могила в Цукарнице; 13 – «Болгария»; 14 – Архар (1–10 – см. в приложении список 5).

Fig. 14. 1–4, 8 – Kerch, 5 – Artek; 6 – Peinska Rik; 7 – Lerrakh; 9 – Voynikovo; 10 – Cherkassky Uyezd; 11 – «Hungary»; 12 – Belgrad, grave in Cukarice; 13 – «Bulgaria»; 14 – Arhar. To 1–10 see Appendix, List 5.

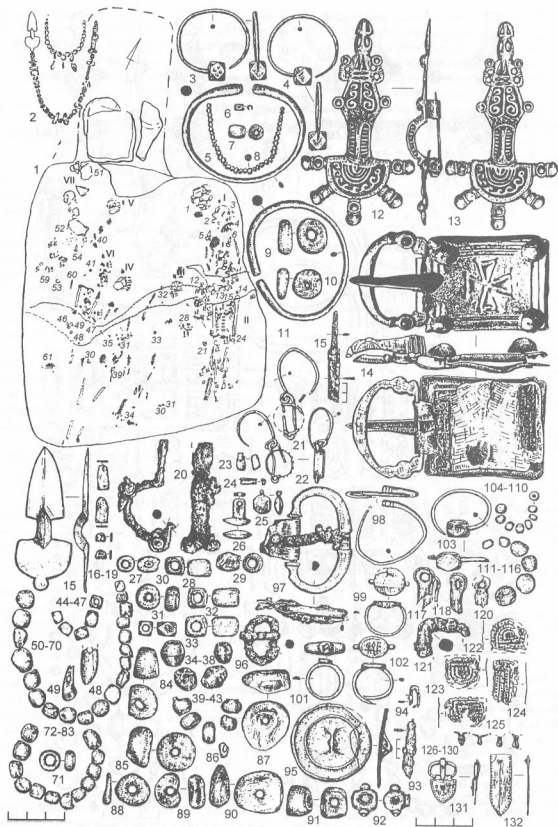

Рис. 15. Лучистое, склеп № 77: 3–14 – погребение № 1; 15–120 – погребение № 2; 121–132 – погребение № 2 или 3; 2 – реконструкция нагрудных украшений из женского погребения № 2 (по Э. А. Хайрединовой) (см. в приложении список 5).

Fig. 15. Luchistoye, vault 77: 3–14 – burial 1; 15–120 – burial 2; 121–132 – burial 2 or 3; 2 – reconstruction of breast ornaments, burial 2 (according to E. A. Khayredinova). See Appendix, List 5.

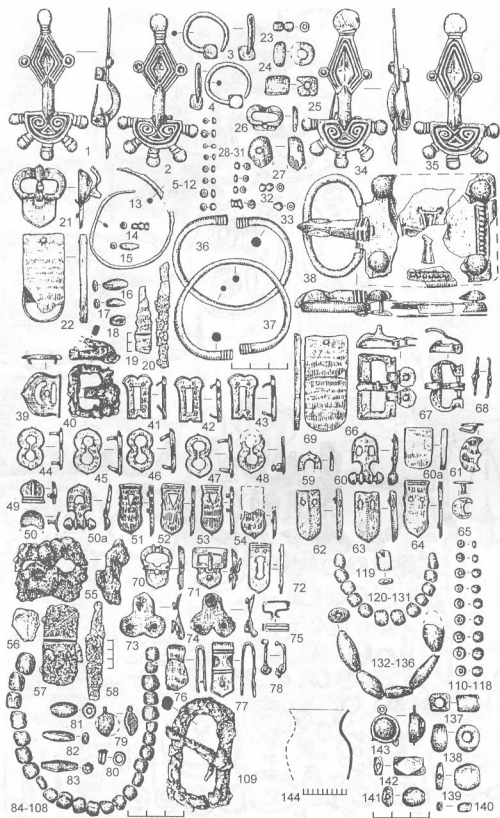

Рис. 16. Лучистое, склеп № 77: 1–18, 21–22 – погребение № 6; 19–20, 23–38 – погребение № 7; 39–58 – погребение № 4; 59–69 – погребение № 5; 70–109 – погребение № 3; 144 – погребение № 1; 110–143 – около северо-западной стенки камеры (см. в приложении список 4).

Fig. 16. Luchistoye, vault 77: 1–18, 21–22 – burial 6; 19–20, 23–38 – burial 7; 39–58 – burial 4; 59–69 – burial 5; 70–109 – burial 3; 144 – burial 1; 110–143 – near the north-western wall of the burial chamber. See Appendix, List 4.

примерно последними десятилетиями VI—первыми десятилетиями VII в. (рис. 15–16; а также погребение № 144 в Бжиде, известное нам благодаря любви А. В. Пьянкова, см. в приложении список 5). Аргументы А. К. Амброза и А. И. Айбабина свидетельствуют о возможности бытования отдельных компонентов, характерных для этого периода, и в более позднее время (Айбабин 1999: 271).

Наиболее ранним комплексом с рассматриваемыми фибулами, как справедливо отмечено И. П. Засецкой (Засецкая 1998), является керченский сеп. № 78/1907 (рис. 11), заполнение которого происходит, видимо, в течение первой половины или середины VI в. (см. выше). С учетом балкано-дунайских прототипов кажется вполне оправданным связывать формирование понтийских фибул Удине—Плаинс с отмеченными выше событиями раннеэллинистического времени, а именно с прибытием готских полков с Балкан.

Пряжки с ромбическим шитком и рельефным декором. Кавказские находки рассматриваемого круга представлены и пряжкой из коллекции И. Диргардта, происходящей, по данным продавцов, «из Майкопа» (рис. 17: 1). Похоже изделия изучались рядом специалистов, и к настоящему времени их эволюция в значительной степени понята (Annibaldi, Wegter 1963; Werner 1977; Амброз 1968; Веймарн, Амброз 1980; Bierbrauer 1975: 134–142; Kiss 1984).

Самые ранние образцы пряжек с рельефной пятиугольной обоймой относятся к гуннскому времени. Их появление в германской среде связано с воздействием позднеантичного ремесла (например, рис. 17: 11). Расцвет стилей и наибольшее разнообразие форм таких пряжек приходится на середину—вторую половину V в. и связано с рядом центров в Подунавье. Там эти вещи входили в устойчивый женский убор, включавший пару фибул, серьги, ожерелье, браслеты, зеркала, различные подвески. Особенно показательны двупластинчатые фибулы периода D3 с зооморфными кнопками и рельефными треугольными накладками (Косино, Тисалек, Кишкунфелдхаза; см. в приложении список 6) или крупные пластинчатые с рельефной орнаментацией (Каравуково, Домолошпуста, Гава; см. в приложении список 6), явно стилистически связанные с рассматриваемыми пряжками. Среди пряжек с рельефной пятиугольной обоймой выделяются несколько типов.

Простейшие образцы типа Тисалек—Кошине, относящиеся к периоду D2/D3 и D3 (см. в приложении список 6а), отличаются сравнительно небольшими размерами, округлым колцом и геометрической «кержинитной» орнаментацией (как рис. 17: 12–13). К этому типу принадлежат и более крупные и сложнее украшенные изделия (как рис. 17: 14–15). Причем, если первые известны как в Подунавье, так и в Восточной Европе, в том числе в Керчи (Айбабин 1990: рис. 23: 11) и на Днепре (Гавритухин 1994: рис. 1; Kazanski 1996a: fig. 2, 9), то ареал вторых ограничен Средним Подунавьем, откуда два экземпляра попали в Литву (рис. 28: 5–6). Там эти детали женского костюма были использованы в качестве портупейных пряжек дунайского меча. Такую особен-

ность распространения вещей можно отметить и для ряда типов фибул. Разновидности двупластинчатых фибул или фибул типа Левнице—Токари, сложившихся в гуннскую эпоху, объединяют Подунавье с Восточной Европой, а переработки, сформировавшиеся на их основе во второй половине V в., принадлежат особым локальным формам (см. выше о двупластинчатых фибулах, а также: Гавритухин 1994; 2000).

Специфичная группа представлена пряжками, выделенными Ф. Бирбрауером в типы Гава—Аквасанта и Домолошпуста—Каравуково (Bierbrauer 1975: 134–142), у которых пятиугольная обойма завершается «звериной мордой» в окаймлении «птичьих голов» или дериватами этого мотива, а иногда «птичьих голов» или «сидящие птички» окаймляют и обойму (как рис. 17: 6–10; см. в приложении список 6в). Эта группа представлена на памятниках восточнотюркских культур Подунавья и Италии (рис. 28: 3), что вполне соответствует историческим реалиям эпохи Одоакра и Теодориха (вторая половина V—начало VI в.). Видимо, самая ранняя из них, из погребения в Домбовар (Kiss 1984: Abb. 4.4), датируется около 3-й четверти V в. (рис. 17: 7). Она сопровождалась серьгами V в. с ажурной полицифровой бусиной и фибулой, объединяющей черты типов Прша—Левнице и Братей—Вышков (о верхней дате последних см. выше).

Пряжки с парой «звериных голов» в передней части обоймы типа Форли—Дьюла и их дериваты (рис. 18: 1–6; см. в приложении список 6г; 28: 4, 8) явно воспроизводят структуру скандинавских фибул V—начала VI в. (Амброз 1968). Наиболее ранние образцы таких пряжек (рис. 18: 6) относятся к кругу дунайских изделий второй половины V в. К эпохе остготского королевства в Италии (конец V—первая половина VI в.) принадлежит переработка этих образцов (рис. 18: 5). Именно на их основе складывается специфичная южнокрымская серия, просуществовавшая до VII в. (рис. 18: 1–3 и т. п.).

К кругу дунайских изделий относится и пряжка с пятиугольной обоймой, завершающаяся «звериной мордой» с как бы заостренным носом (рис. 17: 1–5; 28: 1–2; см. в приложении список 6б), выделенные А. Кишем в тип Мачванска Митровница—Пошлак (Kiss 1984: 58–60). Распространяются они почти исключительно в Подунавье. Одна пряжка попадает в Западную Литву, в район Клайпеды (Wegter 1977: Abb. 4, 4). Этому типу принадлежит и интересующая нас находка «из Майкопа».

В хорошо датированных опубликованных комплексах такие вещи неизвестны (Kiss 1984: 62), но они явно стилистически связаны с пряжками и фибулами второй половины V в. Впрочем, бытование стилей, сформировавшихся в период D3, продолжалось и позднее, а в разных культурах их судьба складывалась не одинаково. В качестве примера укажем на длительность существования пряжек типа Форли—Дьюла, южнокрымская серия которых встречена в комплексах VII в. (см. выше). Пряжка из византийской крепости Садовско-кале (рис. 18: 8), построенной при Юстиниане, по ряду признаков схожа с об-

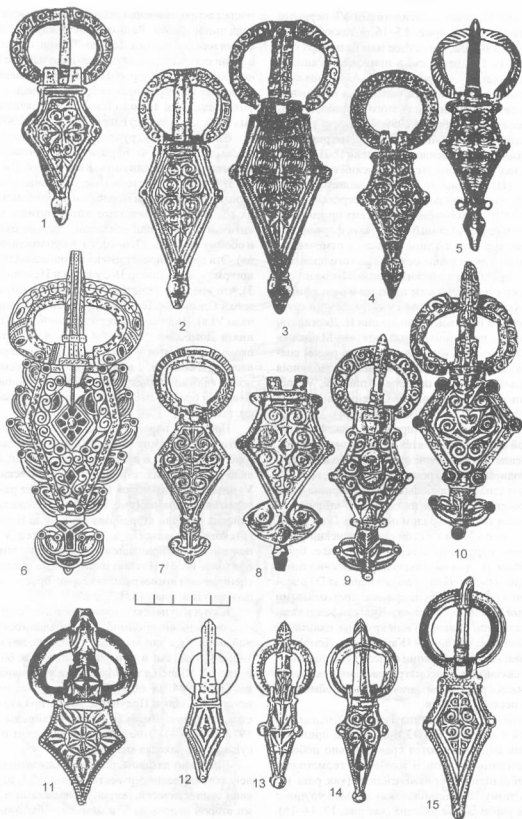

Рис. 17. 1 – «Майкоп»; 2 – местонахождение – ?; 3 – Мачванска Митровица, погребение № 149; 4, 6 – «Венгрия»; 5 – Ношлак, погребение № 121; 7 – Домбовар; 8 – окрестности Майнца; 9 – Кишкунфельдхаза; 10 – Гава; 11 – Загоржани; 12 – Пекари; 13 – Косино; 14 – Тисалеж; 15 – Кошице (см. в приложении список 6).

Fig. 17. 1 – «Maikop»; 2 – site – ?; 3 – Mavvanska Mitrovia, burial 149; 4, 6 – «Hungary»; 5 – Nošlak, burial 121; 7 – Dombovar; 8 – surroundings of Mainz; 9 – Kiskunfilyegyháza; 10 – Gava; 11 – Zagoržani; 12 – Pekari; 13 – Kosino; 14 – Tisalek; 15 – Košice. See Appendix, List 6.

Рис. 18. Чуфут-кале: 1 – склеп № 98, 3 – склеп № 7; 2 – Скалистое, склеп № 288; 4 – Форли; 5 – Дыюла; 6 – Конаржев; 7 – Сечень; 8 – Садовско-кале.

Fig. 18. Chufut-Kale: 1 – vault 98, 3 – vault 7; 2 – Skalistoye, vault 288; 4 – Forli; 5 – Gyula; 6 – Konarzhev; 7 – Seien; 8 – Sadovsko-Kale.

рзацами типа Каравуково или с близкими им фибулами (Zenze 1992: 183, 159–160). Причем пряжка из Садовско-кале, судя по всему, входила в комплект с парой фибул, стилистически близких пряжке, и, вероятно, с парой серег и браслетов, найденных в той же крепости (Zenze 1992: 161, 183). Практически наверняка, чтобы такой набор был потерян. Скорее его «выпадение» в слои памятника связано с разгромом крепости в 580-х гг. Даже если рассматривать этот набор в качестве «семейного сокровища», как предлагает С. Уенце, показателен сам факт его длительного хранения, а следовательно, и возможности использования в качестве образцов для новых изделий.

Возвращаясь к пряжке из «Майкопа», отметим, что структура завитков на обиме этой вещи отличается от орнаментации украшений, получивших распространение в Карпатской котловине, Семиградье и Италии, на что обратил внимание А. Киши (Kiss 1984: 60). Зато такая структура орнамента хорошо представлена на фибулах типа Арчар (рис. 14: 13–14 и т. п.), находки которых концентрируются в Нижнем Подунавье (рис. 28: 9).⁵ Одна такая фибула известна и среди случайных находок в Керчи (Амброз 1994: рис. 5, 7). Среди керченских находок есть и фибула, ножка которой заканчивается так же, как пряжки типа Мачванска Митровица–Нюшлак (рис. 12: 2). Эта фибула, как было показано выше, принадлежит к кругу единичных боспорских изделий, отражающих «юстиниановский» культурный импульс из Подунавья. Сказанное позволяет считать пряжку из «Майкопа» изделием южнелукавских мастеров конца V–первой половины VI в., попавшим на Кавказ, судя по всему, через Боспор во второй трети VI в.

Рассмотренные кавказские находки рельефно украшенных пальчатых фибул и пряжек концентрируются в компактной зоне, в районе Краснодара и «Майкопа». Это явно соответствует картине, полученной при анализе двуластинчатых фибул. Однако если на примере двуластинчатых фибул прослеживалось боспоро-тетрактисское влияние, то рельефно украшенные фибулы и пряжки связаны с культурой именно Боспора. Показательно, что в Дюрсо ничего подобного нет. В то же время связь населения Северо-Западного Кавказа и людзей, оставивших памятники типа Дюрсо, вполне отчетливы и на протяжении VI–VII вв., причем фиксируются они вещами, не известными или редкими на Боспоре, такими как фибулы с трубчатым или «отогнутым» приемником, клинки с вырезами у черенка и т. д. (Гавритухин, Пьянков 2003). Очевидно, эта картина отражает довольно интенсивные связи Боспора и готов-тетрактисов из района Новороссийска во второй половине V–начале VI в. и их взаимную изоляцию ко второй четверти-середине VI в.

Это вполне уязвимо с политической историей региона. Действительно, как недавно показал

Ю. Г. Виноградов (Виноградов 1998), в последние десятилетия V в. (скорее всего, после ухода гунов и тетрактисов в 450-е гг. – Казанский 1999) на Боспоре восстанавливается проконстантинопольская династия Тибериев-Юлиев, а к 520-м гг. Боспор оказывается в сфере деятельности гуннского князя Грода, правившего где-то к востоку от Боспора и также настроенного провизантийски (Артамонов 1962: 89–92). Естественно, православные готы-тетрактисы, о провизантийских симпатиях которых прямо пишет Прокопий (Прокопий Кессарийский 1950: IV. 4. 12, 13), прекрасно находили общий язык и с боспорскими Тибериями-Юлиями и с Гродом. Все изменилось, когда новокрещеный Грод с рвением неохристиан принял уничтожать гуннских языческих идолов. Последовало восстание, гунны убили Грода, ворвались в столицу Боспора (называвшуюся тогда Боспорос), перебили находящийся там византийский отряд трибуна Далматия, сформированный из испанцев,⁶ и разгромили города на Тамани. В 534–535 гг. юстиниановский десант выбил варваров с Боспора, но отношения Империи с местными гуннами были надолго испорчены. Тетрактисы, являвшиеся подчиненными союзниками гуннов, вынуждены были до 548 г. (дата посольства тетрактисов в Византию) прервать контакты как с византийским Боспором, так и с Константинополем. Интересно, что такая ситуация не привела к перерыву контактов ни Боспора, ни тетрактисов с оседлыми жителями Северо-Западного Кавказа, да и других территорий.

Итак, прототипы известных на Кавказе рельефно украшенных пряжек и пальчатых фибул связаны с традициями Нижнего Подунавья и Северных Балкан. На Боспоре эти традиции отразились в виде импортных образцов, единичных реплик, сделанных в местной традиции, или сложившихся на Боспоре локальных серий изделий «западных» типов. Этот культурный импульс, судя по всему, связан с подчинением Боспора Византии и появлением византийских контингентов, сформированных Юстинианом Великим в Подунавье и на Балканах (см. выше).

Трехпалые двуластинчатые фибулы. Свообразие трехпалых фибул Северного Кавказа впервые подчеркнул А. К. Амброз, поставив их в ряд с кавказскими и поволжскими двуластинчатыми фибулами, сформировавшимися под боспорским влиянием (Амброз 1966: 88–91; 1980: 8–10). Их появление стало результатом слияния стилей двуластинчатых и пальчатых фибул (Амброз 1982: 120; Гавритухин 2004; 2000: рис. 6, 19–29), разные формы которого можно наблюдать в ряде культур (например, рис. 22: 32–37, 43). Фибулы из Пашковского могильника, наиболее архаичные среди учтенных (см. в приложении список 7), по стилистике решения ряда деталей наиболее близки гладким пятипалым фибулам (рис. 22: 32–34), известным по находкам в Керчи и в Подне-

⁵ Одна фибула найдена также в некрополе Сигидзума (совр. Белград) в погребении позднего V в.: Ivanišević, Kazanski 2002: fig. 9.

⁶ Об их присутствии на Боспоре, возможно, свидетельствует таманский меч с декором гарды, характерным для Западного Средневековья 450–550 гг. (Kazanski 1996a: 329; 2001: 408).

провье (Гавритухин 2004). Есть в Керчи и образцы гладких трехпалых фибул (например, рис. 22: 35, возможно, и 42). А прототипом упомянутых керченских застезек может быть двупластинчатые фибулы типа Виллафонтана (например, рис. 22: 38–41, возможно, и 42), хорошо представленные на Боспоре (Казанский 1999: 279).

Наиболее архаичными среди находок на Северном Кавказе являются трехпалые фибулы из Кабардино-Балкарии и Пашковского 1-го могильника на Кубани (рис. 22: 1–3, 18). В общей типологии северокавказских фибул, разработанной И. О. Гавритухиным, они выделяются, в соответствии с размерами и пропорциями ножки, в варианты 5 и 6. Только одна из них встречена в закрытом комплексе (Пашковский 1-й могильник, погребение № 15/1948) (рис. 22: 4–31). Она относится к варианту 6 (рис. 22: 3, 18), известному пока лишь в районе Краснодара. Этот вариант, видимо, формируется либо непосредственно на Боспоре, либо под влиянием боспорских образцов.

На участке этого памятника, раскопанного К. Ф. Смирновым в 1948–1949 гг. (рис. 25), по составу находок выделяется две зоны (Гавритухин и др. 1996: рис. 2). Для датировки зоны I показательны «крапчатые» и крупные граненые хрустальные бусы. В Дюро такое сочетание характерно для погребений с двупластинчатыми фибулами второй половины V–начала VI в. (Дмитриев 1982: рис. 11; Казанский 2001). Интересующее нас погребение № 15/1948 с трехпалой фибулой было расположено как раз в зоне I; оно содержало «крапчатую» бусину (рис. 22: 6) и, соответственно, должно датироваться второй половиной V–первыми десятилетиями VI в. Тем же временем или чуть позднее, судя по типологической позиции между вариантами 6 и 1, датируется вариант 5, представленный в Кабардино-Балкарии (рис. 22: 1–2) и отражающий «кубанское» или непосредственно боспорское влияние.

Более поздние трехпалые фибулы северокавказской серии (см. в приложении список 7) особенно многочисленны на могильнике Чир-юрт в Дагестане (рис. 19–20). Вариант 1 этих изделий, отличающийся небольшими размерами и сравнительно длинной дужкой, представлен образцом из погребения № 17а (рис. 20: 64). Вариант 2, близкий предыдущему по решению ряда деталей, представлен более крупными изделиями с укороченной дужкой (рис. 20: 4–6, 60–62). За пределами могильника Чир-юрт необходимо назвать находку из Нижней Рутхи в Северной Осетии (рис. 21: 27), которая, при явном своеобразии, стилистически близка вариантам 1 и 2. Вариант 3 объединяет разнородные образцы с очень короткой дужкой, почти не возвышающейся над поверхностью фибулы, и «детрадируванными» другими элементами (рис. 19: 2; 20: 3, 38–39). Вариант 4, напротив, очень стандартен и весьма многочислен. Это наиболее крупные изделия, часто украшенные валиком по оси симметрии пластины и кружочками (рис. 19: 1, 30, 54–55, 60).

Рассмотрим хронологическую позицию поздних вариантов северокавказских трехпалых фибул. Фибула 1-го варианта встречена в погребении 1-го периода

некрополя Чир-юрт (по периодизации И. О. Гавритухина, см. далее), где известны также «геральдические» накладки, близкие образцам следующего по времени периода 2а. Период 2а этого памятника, в котором известны фибулы 2-го варианта, отличается наибольшим многообразием накладок «геральдического» стиля ряда локальных серий, а также вытянутыми наконечниками с прогнутыми боками, распространяющимися на Кавказе в середине VII в. (Гавритухин, Обломский 1996: рис. 80, № 5–7, 9–10, 14–15, 18–19, 20, 22, 28 и т. д.; Гавритухин, Малащев 1998). Варианты 3 и 4 показательны для периода 2б, датированного шарнирными пряжками кавказской серии, воспроизводящей византийские образцы второй трети VII в., вытянутыми лровидными и трапециевидными пряжками (рис. 19: 26, 27, 32, 46), единичными дериватами пряжек и накладок «геральдического» стиля, персидскими монетами поздних эмиров Хосрова II или подражаниями им (621 и 613–625 гг.), использованными в качестве подвесок, и другими вещами (Гавритухин, Обломский 1996: рис. 80, P2–3, 11, № 11; 81, п. 40, 72, 79). В итоге период 1 Чир-юрта может быть датирован временем около первой половины VII в., период 2а – серединой VII в., а 2б, с монетами Хосрова II и «византийскими» пряжками VII в., – в рамках второй половины VII в. (Гавритухин, Обломский 1996: рис. 90), что и определяет датировку поздних вариантов трехпалых фибул.

Датировка фибул 1-го варианта требует некоторых уточнений. Для выяснения времени их появления важна фибула из могильника Кисловодское озеро 2 (рис. 21: 28), сопоставимая с застезжками варианта 1. Вырезы в верхней части ножки сближают эту находку с полхромными фибулами, украшенными заклепками, из Былым-Куденетово (рис. 21: 29–30, см. ниже), а также с уже упоминавшейся имитацией фибулы с кнопками-заклепками, найденной в размытых берегах Краснодарского водохранилища (рис. 21: 42), датируемой в рамках второй половины V–начала (первой половины?) VI в. Даже если не рассматривать эти вещи в качестве прямых прототипов трехпалых фибул варианта 1, они показывают стилистику того времени, когда эти прототипы могли формироваться. Следовательно, нижняя хронологическая граница 1-го варианта трехпалых фибул северокавказской серии должна относиться ко времени не позднее первой половины–середины VI в.

Итак, эволюцию северокавказских трехпалых фибул можно представить следующим образом. Наиболее ранним является вариант 6 (рис. 22: 3, 18), известный пока лишь в районе Краснодара. Он датируется временем не позднее первых десятилетий VI в. и непосредственно отражает боспорское влияние или даже появляется на Боспоре. Вариант 5, встречающийся в Кабардино-Балкарии (рис. 22: 1–2), может быть датирован по типологическим особенностям примерно тем же временем, он возникает под влиянием кубанских или непосредственно боспорских украшений. В первой половине или середине VI в. на основе образцов, близких вариантам 5 и 6, формируется вариант 1 (рис. 20: 64; 21: 28), представ-

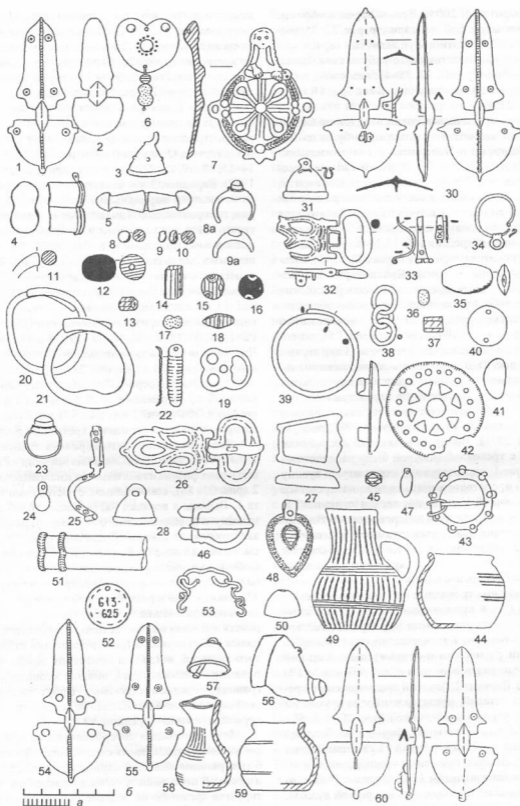

Рис. 19. Чир-юрт: 1–19, 22 – погребение № 56а; 20–21 – погребение № 56б; 23–29 – погребение № 56в; 30–41 – погребение № 53; 42–50 – погребение № 144а; 51–55 – погребение № 72; 56 – погребение № 58; 57–60 – погребение № 15 (по Н. Д. Путинцевой) (см. в приложении список 7). Масштабы: а – для № 44, 49, 54–55; б – для № 1–43, 45–48, 50, 51, 53, 56–60; № 52 – подражание монеты 613–625 гг. с отверстием для подвешивания.

Fig. 19. Chir-Yurt: 1–19, 22 – burials 56a; 20–21 – burials 56b; 23–29 – burials 56v; 30–41 – burials 53; 42–50 – burials 144a; 51–55 – burials 72; 56 – burials 58; 57–60 – burials 15 (according to N. D. Putintseva). See Appendix, List 7. Scales: a – for nos. 44, 49, 54–55; б – for nos. 1–43, 45–48, 50, 51, 53, 56–60; no. 52 – imitation of a coin of 613–625 AD with a suspension hole.

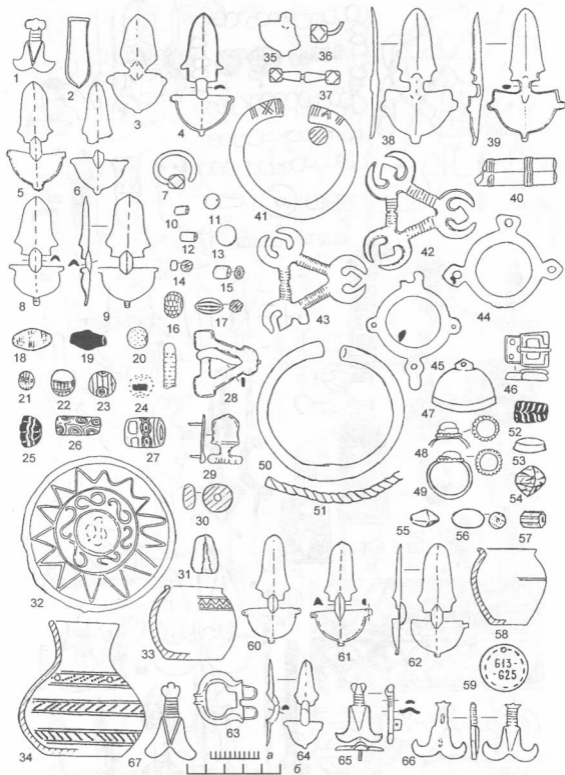

Рис. 20. Чир-юрт: 1–3 – погребение № 114; 4 – погребение № 24; 5–6 – погребение № 28а; 7–34 – погребение № 13; 35–59 – погребение № 40; 60–61 – погребение № 21а; 62 – погребение № 28б; 63–66 – погребение № 17а; 67 – погребение № 140 (см. в приложении списки 7 и 8). Масштабы: а – для № 33–34, 58; б – № 1–32, 35–57, 60–67; № 59 – подражание монете 613–625 гг. с отверстием для подвешивания.

Fig. 20. Chir-Yurt: 1–3 – burial 114; 4 – burial 24; 5–6 – burial 28a; 7–34 – burial 13; 35–59 – burial 40; 60–61 – burial 21a; 62 – burial 28b; 63–66 – burial 17a; 67 – burial 140. See Appendix, List 7 and 8. Scales: a – for nos. 33–34, 58; б – for nos. 1–32, 35–57, 60–67; no. 59 – imitation of a coin of 613–625 rr. with a suspension hole. 68 – to 33–34, 58; 69 – to all other except for 59.

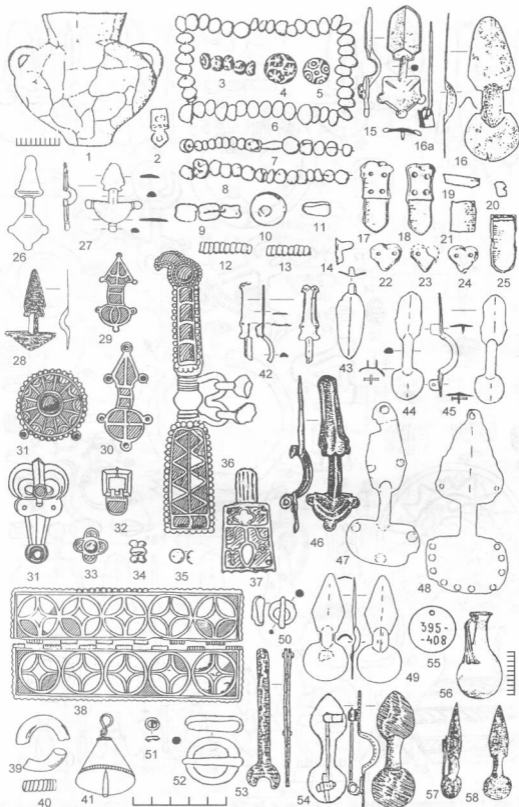

Рис. 21. 1–25 – Кушнаренково, погребение № 21; 26 – Камунта; 27 – Нижняя Рутха; 28 – Кисловодское озеро; 29–41 – Куденетово; 42 – размыв берегов Краснодарского водохранилища; 44, 45 – Борисово, погребение № 173; 46 – Сопоруд де Кампие; 47 – Донифарс; 48 – «Камунта или Кумбулта» (колл. К. И. Ольшевского); 49 – Кумбулта; 50–54 – Паласа-сырт, курган № 20; 55–58 – Илурат, могила № № 67/1987 г. (№ 27, 47, 49 – приобретение П. С. Уваровой; № 27, 28 – см. в приложении список 7). № 55 – монета 395–408 гг. с отверстием для подвешивания.

Fig. 21. 1–25 – Kushnarenkovo, burial 21; 26 – Kamunta; 27 – Lower Rutkha; 28 – Lake Kislovodskoye; 29–41 – Kudenetovo; 42 – erosion of the banks of the Краснодарskoye Reservoir; 44–45 – Borisovo, burial 173; 46 – Soporud de Campie; 47 – Donifars; 48 – «Kamunta or Kumbulta» (K. I. Ol'shevskiy's collection); 49 – Kumbulta; 50–54 – Palasa-Syrt, from kurghan 20; 55–58 – Ilurat, grave 67/1987 (nos. 27, 47, 49 – acquired by P. S. Uvarova. 27, 28 – see Appendix, List 7). no. 55 – coin of 395–408 AD with a suspension hole.

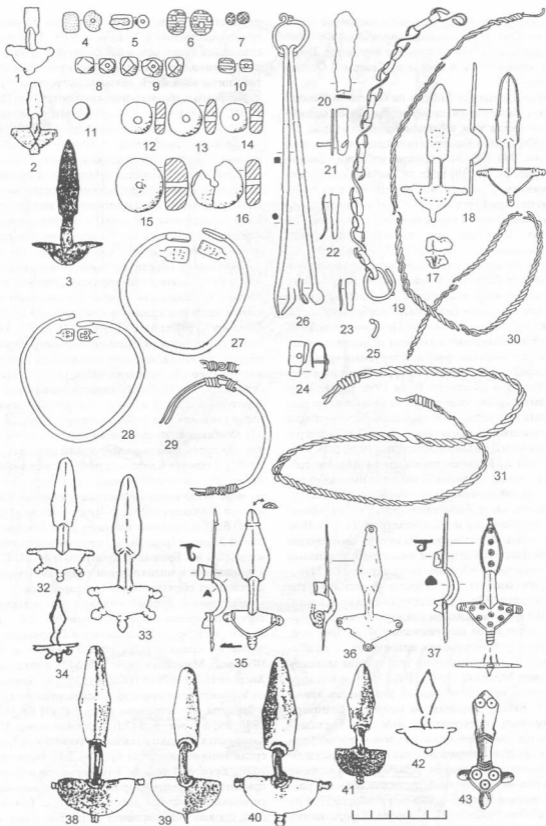

Рис. 22. 1 – «Боксай или Чегем»; 2 – Бачил-аул; 3–31 – Пашковский 1-й могильник; 3 – с территории могильника; 4–31 – погребение № 15/1948 г.; 32 – Мوشенка; 33–35, 39–42 – Керчь (34, 42 – из колл. Д. И. Ермакова, по рисунку А. А. Спицына; 33, 35, 39–41 – см. Кьһн 1974); 38 – «Майкоп»; 43 – «район Киева» из собрания Британского музея (1–31 – см. в приложении список 7). 17, 34, 42 – без масштаба.

Fig. 22. 1 – «Boksai or Chegem»; 2 – Bachil-Aul; 3–31 – 1st Pashkovsky; 3 – from the burial ground; 4–31 – burial 15/1948; 32 – Moshchenka; 33–35, 39–42 – Kerch (34, 42 – from D. I. Ermakov's collection, drawing by A. A. Spitsyn, for the rest see: Кьһн 1974); 38 – «Maikop»; 43 – «region of Kiev» from the collection of the British Museum. For 1–31 see Appendix, List 7. 17, 34, 42 – without scale.

ленные находками в центральной и восточной части Северного Кавказа. Дальнейшая эволюция фибул этой серии прослеживается на примере вариантов 2, 3, 4 на протяжении VII в. в ареале от Северной Осетии до Дагестана.

Ранние трехпалые фибулы на Северном Кавказе встречаются также в княжеском кургане второй половины V или начала VI в. в Быльем-Кудинетово (рис. 20: 29–41) в Кабардино-Балкарии (о его дате см.: Kazanski, Mastukova 1999: 539–540). Кнопки-заклепки в данном случае (рис. 21: 29, 30) вряд ли связаны с боспорским влиянием, этот элемент существовал и на фибулах других серий (см. выше). Особая линия развития имитаций фибул с кнопками-заклепками, едва ли связанная с Боспором, представлена рядом других находок на Кавказе (как рис. 21: 47–48). Ближайшей аналогией головным пластинам куденетовских фибул являются округлые и «почечные» инкрустированные обоймы пряжек, широко распространенные с гуниского времени (например: Амбро 1970: 73; Kazanski 1994: fig. 1, 1; 14, 10). По форме они напоминают также головные пластины некоторых западносредиземноморских фибул, датировемых временем около второй трети V в., например, из Пистойи и Барбинга-Ирламута (Kazanski, Périn 1996: fig. 5, 3, 4). По нашему мнению, кудинетовские вещи следует рассматривать в качестве особого феномена, связанного с прямым влиянием средиземноморской «аристократической» моды (Kazanski, Mastukova 1999: 593–594).

Фибулы из Кудинетово имели на Кавказе собственную линию развития. В качестве имитации фибул с округлой головной пластиной и тремя выступами на ней, как в Кудинетово (рис. 21: 30), можно указать на экземпляр из *Комуты* (рис. 21: 26). Возможно, схожие образцы повлияли и на своеобразные головные пластины деривата кавказских трехпалых фибул, найденного в Кушнареново (рис. 21: 15).

Броши-цикады. В контексте памятников, где известны трехпалые фибулы северокавказской серии, встречаются и броши-цикады (по терминологии впервые обратившего на них внимание Ж. Де Бая, принятой ныне у французских археологов, — «фибулы-мухи»). История изучения этой группы застежек насчитывает более ста лет (De Bay 1894), а в основе современных представлений об этих вещах лежит работа Х. Кюна, сохранившая ценность благодаря базовому своду таких изделий, хотя часть высказанных там положений и была позднее пересмотрена (Kühn 1935). В последующие годы появился ряд публикаций локальных сводов, содержащих и важные наблюдения над датировкой, происхождением и пространством брошей-«цикад» (Vinski 1957; Fitz 1986; Айбабин 1990: 26–27; Ковачева, Хараламбиева 1992; Kazanski, Périn 2000).

Х. Кюн, хоть и различал некоторые особенности уценных им «цикад», рассматривал эти изделия в качестве единой группы древностей, появившейся в римское время, но типичных для эпохи переселения народов. Ближайший подход характерен и для работ З. Вински, утверждавшего, что «цикады» не образуют эволюционно-типологических рядов, и различные

типы этих застежек использовались параллельно, преимущественно в V–начале VI в. Нам же представляется более правильным подход Б. Брентйеса, предложившего пока единственную общую схему типологии «цикад» и связывавшего типы с разным культурным и хронологическим контекстом (Brentjes 1954). Важны в этом направлении и наблюдения Г. Фитца, хотя не все они бесспорны (Fitz 1986).

Большинство брошей-«цикад», известных на Северном Кавказе, при различии деталей, имеют ряд объединяющих их общих признаков (в приложении список 8а): крылья в виде массивных пластин, с уступами у основания и стилизовано загнутыми концами, стандартные размеры, сходным образом стилизованные головы и т. д. По особенностям решения деталей в рамках серии выделяются варианты.

Вариант 1 объединяет броши-«цикады» длиной около 4 см, с вытянутым корпусом, ромбовидной головой с выделенными глазами и небольшим «мыслком» в месте разъединения крыльев (рис. 24: 45–46). Обломок украшения из Бердугы (рис. 24: 43) принадлежит этому или близкому варианту. **Вариант 2** объединяет «цикады» длиной около 3 см, со стилизованной головой, передняя часть которой вытянута (рис. 23: 1; 24: 48). Разновидности **варианта 3** характеризуются длиной в 3–4 см и головой с «выпученными глазами» или в виде «коронь» (рис. 20: 1, 65–67). Особенностью **варианта 4** является длина «шеи», которая превышает половину длины изделия (рис. 24: 50–52). Различия в деталях предполагают либо выделение разновидностей в рамках этого варианта, либо, по мере уведения количества предметов, разделение его. Находки из Мартан-Чу и с «Чегема» (рис. 24: 3, 49) близки образцам **варианта 2** и 4. Брошь-«цикада» из Харача (рис. 24: 44) производна от образцов **варианта 1** и 3. Брошка из Кумбулты (рис. 24: 47), хоть и выполнена в полихромном стиле, по очертаниям напоминает образцы 1-го и 4-го вариантов.

Вариант 5 брошей-«цикад» северокавказской серии датируется второй половиной V–VI в. по находкам из разрушенных могил в Озорокуво, в том числе по средиземноморским пряжкам и броши (Kazanski, Mastukova 1999: 540, 542), а также монете Хосрова I (531–579 гг.) (Kühn 1935: 94). Близкая этому варианту вещь происходит из разрушенных могил в Бердуге, где встречены вещи VI–VII вв. (Мамаев 1986: 59, 61; рис. 5: 5–70). В рамках южной V–VI в. датируются находки из склепа в Тырны-аузе (рис. 23), среди которых известна брошка 2-го варианта. Находки брошей-«цикад» 3-го варианта в Чир-юрте принадлежат раннему горизонту этого памятника, датированному первой половиной VII в. (см. выше). Дата брошки 4-го варианта из разрушенных погребений Пащковского могильника 1 не выходит за хронологические рамки памятника — от второй половины или последних десятилетий V в. до последних десятилетий VI или первых десятилетий VII вв. Схожие изделия из Дюрсо, если верить составленной А. В. Дмитриевым таблице серии (Дмитриев 1982: рис. 11), относятся к концу фазы 3 данного некрополя и в этом случае датируются последней третью

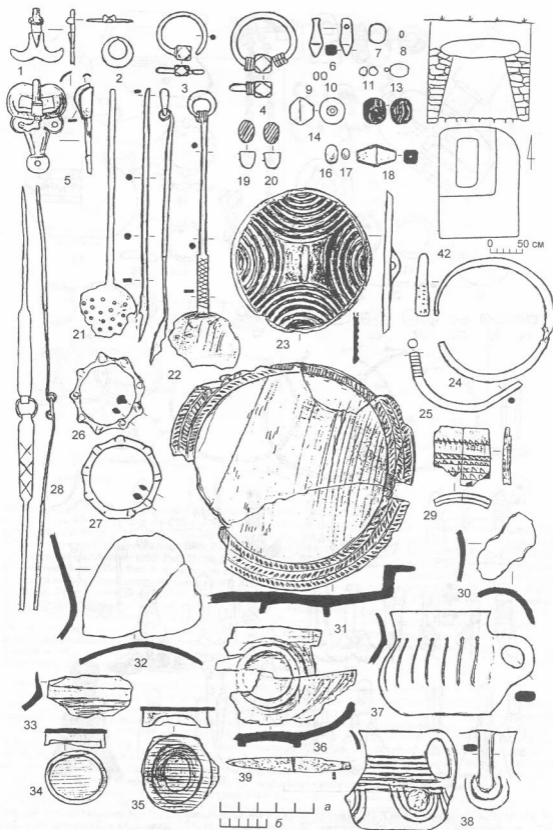

Рис. 23. Тырны-ауз (см. в приложении список 8).
Масштабы: а – № 1–36; б – № 37–39.

Fig. 23. Tyumy-Auz. See Appendix, List 8.
Scales: а – for nos. 1–36; б – for nos. 37–39.

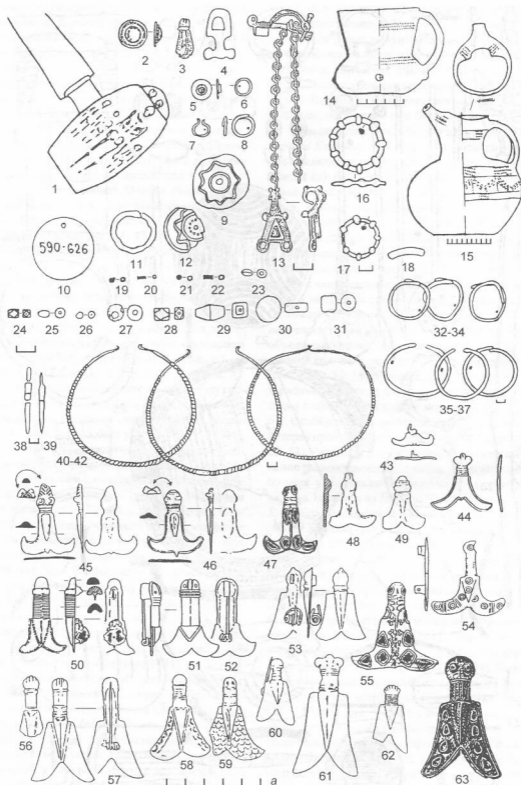

Рис. 24. 1–42 – Мартан-Чу, погребение № 7; 43 – Бердуть; 44 – Харачой, погребение № 47; 45 – «Северная Осетия»; 46 – «Нальчик»; 47 – Кумбулта; 48 – Мукулан; 49 – «Чегем»; 50 – Пашковский; 51–52 – Дюрсо; 53 – Херсонес; 54 – Ла Ильер; 55 – Бьерпайр; 56–57, 60 – «Южная Россия»; 58 – «Венгрия»; 59 – Биволары; 61 – «Тамань»; 62 – Маладьер; 63 – Дьеркен (см. в приложении список 8).
Масштаб – для всех, кроме № 14–18, 32–42. № 10 – монета 590–626 гт. с отверстием для подвешивания.

Fig. 24. 1–42 – Martan-Chu, burial 7; 43 – Berduty; 44 – Kharachoy, burial 47; 45 – «Northern Osetia»; 46 – «Nalchik»; 47 – Kumbulta; 48 – Mukulan; 49 – «Chegem»; 50 – Pashkovsky; 51–52 – Dyurso; 53 – Chersonesos; 54 – La Jilliere; 55 – Bierpair; 56–57, 60 – «Southern Russia»; 58 – «Hungary»; 59 – Bivolary; 61 – «Taman»; 62 – Maladyer; 63 – Dyerken. See Appendix, List 8.
Scale – for all except for nos. 14–18, 32–42. № 10 – coin of 590–626 AD with a suspension hole.
63 – to all other except for 14–18, 32–42.

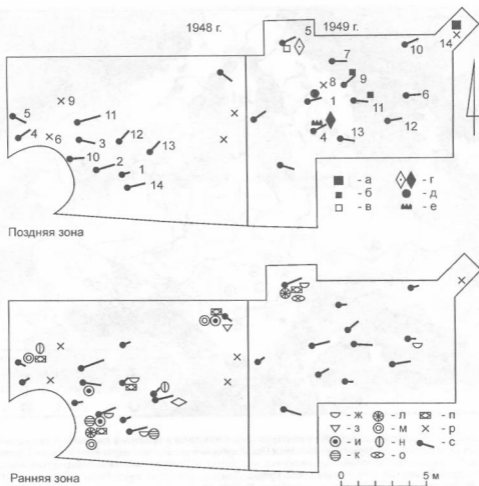

Рис. 25. Зоны Пашковского 1-го могильника по раскопкам К. Ф. Смирнова в 1948–1949 гг.

а – гарнитура с Ж-образными накладками (Гавритухин, Иванов 1999: Рис. 10, 18); б – пряжки с «геральдическим» шитком (Амброз 1989: Рис. 21: 37); в – высокие полые пряжки (Амброз 1989: Рис. 21: 3, 11); г – двухпластинчатые фибулы поздних вариаций (Гавритухин и др. 1996: Рис. 1: в; Амброз 1989: Рис. 21); д – фибулы с круглым «струбчатый» приемником (аналогии см.: Амброз 1989: Рис. 21: 18; Дмитриев 1982: Рис. 3: 7–10); е – фибулы с продольными ребрами на спинке (Гавритухин и др. 1996: Рис. 1: в; аналогии см.: Дмитриев 1982: Рис. 3: 17); ж – фибулы с полукруглым приемником и гладкой или рифленой спинкой (Амброз 1982: Рис. 21, 10, 30, 34); з – трехпалая фибула (Рис. 21: 18); и – «крапчатые» бусы (Рис. 21: 6; Гавритухин и др. 1996: Рис. 1: а; аналогии см.: Дмитриев 1982: Рис. 11: 8); к – бусы с нестрими продольными полосами (Гавритухин и др. 1996: Рис. 1: б); л – хрустальные граненые бусы (Амброз 1989: Рис. 21: 9, 33 – в последнем случае неверно указан номер погребения; Гавритухин и др. 1996: Рис. 1: а; аналогии см.: Дмитриев 1982: Рис. 11, 16); м – круглые сердоликовые бусы (Рис. 21: 11; Гавритухин и др. 1996: Рис. 1: а); н – хрустальные бусы в виде буллы с поперечным ребром; о – «веретенообразные» бусы, украшенные перекрещивающимися полосами (аналогии см.: Дмитриев 1982: Рис. 11: 7); п – синие стеклянные или хрустальные 14-гранные бусы (Рис. 21: 8–10; Гавритухин и др. 1996: Рис. 1: а, г); р – перемешанные кости; с – труположение.

Fig. 25. Zones of the 1st Pashkovsky cemetery on the basis of excavations of K. F. Smirnov in 1948–1949.

а – decoration with J-shaped mounts (Гавритухин, Иванов 1999: fig. 10, 18); б – buckles with a 'heraldic' platelet (Амброз 1989: fig. 21: 37); в – high hollow buckles (Амброз 1989: fig. 21: 3, 11); г – two-plate fibulae of late varieties (Гавритухин *et al.* 1996: fig. 1, в; Амброз 1989: fig. 21); д – fibulae with circular 'stubbled' catchplate (similar to the one in – Амброз 1989: fig. 21: 18; Дмитриев 1982: fig. 3: 7–10); е – fibulae with longitudinal ribs on the bow (Гавритухин *et al.* 1996: fig. 1, в; similar to the one in [Дмитриев 1982]: fig. 3: 17); ж – fibulae with semicircular catchplate and smooth or grooved bow (Амброз 1982: fig. 21, 10, 30, 34); з – three-fingered fibula (fig. 21: 18); и – «speckled» beads (fig. 21, 6; Гавритухин *et al.* 1996: fig. 1, а; similar to the one in – Дмитриев 1982: fig. 11: 8); к – beads with multicolored longitudinal strips (Гавритухин *et al.* 1996: fig. 1, б); л – crystal faceted beads (Амброз 1989: fig. 21: 9, 33 – in the latter instance the number of the burial is erroneous; Гавритухин *et al.* 1996: fig. 1, а; similar to the one in – Дмитриев 1982: fig. 11, 16); м – globular cornelian beads (fig. 21: 11; Гавритухин *et al.* 1996: fig. 1, а); н – crystal beads shaped like a bulla with a transverse rib; о – «spindle-shaped» beads decorated with intersecting strips (similar to the one in – Дмитриев 1982: fig. 11, 7); п – 14-faceted blue glass or crystal beads (fig. 21: 8–10; Гавритухин *et al.* 1996: fig. 1, а, г); р – mixed bones; с – inhumation.

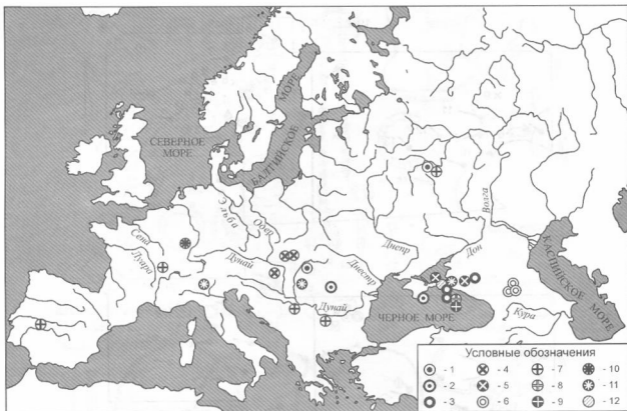

Рис. 26. Распространение двуластинчатых фибул с полукруглыми накладками и простыми кнопками, а так же их имитаций: 1, 2 – серии Сзйкей дунайских вариантов; 3 – серии Сзйкей кубано-черноморских вариантов; 4 – серии Левиче дунайских вариантов; 5 – серии Левиче кубано-черноморских вариантов; 6 – северокавказские переработки серии Левиче или Сзйкей; 7 – серии Гроцка (Бадахос, долина Соны, Гроцка, Лом); 8 – имитации серии Гроцка (Дюрсо, погребение № 483); 9 – переработки серии Гроцка (?) (Дюрсо, погребение № 289); 10 – серии Хохфельден (Хохфельден); 11 – с накладками, украшенными гравировкой («Брешия»; Мако; Мысхако); 12 – не ясной серии (Фанагория, могильник № 50). 1–6 – см. в приложении список 1; 7–11 – см. Амброз 1982; Bierbrauer 1995; Kazanski, Périn 1997.

Fig. 26. Distribution of two-plate fibulae with semi-circular mounts and plain knobs and of imitations of this type fibulae: 1, 2 – Székely series of Danubian variants; 3 – Székely series of Kuban/Black Sea variants; 4 – Levice series of Danubian variants; 5 – Levice series of Kuban/Black Sea variants; 6 – North-Caucasian remakes of the Levice or Székely series; 7 – Grocka series (Badajos, Sona Valley, Grocka, Lom); 8 – imitations of the Grocka series (Dyurso, burial 483); 9 – modifications of the Grocka series (?) (Dyurso, burial 289); 10 – Hochfelden series (Hochfelden); 11 – with mounts with engraved design («Brescia»; Mako; Myshhako); 12 – of indefinite series (Phanagoria, cemetery 50). 1–6 – see Appendix, List 1; 7–11 – according to: Амброз 1982; Bierbrauer 1995; Kazanski, Périn 1997.

V–началом VI в. (Казанский 2001: 56). Впрочем, при внимательном рассмотрении корреляционной таблицы выясняется, что не исключена и возможность их атрибуции как принадлежащих фазе 1–2 (Казанский 2001: 45). Датировку погребения № 7 из 2-го могильника в Мартан-Чу, где найден обломок броши, близкой вариантам 2 и 4, около первой половины–середины VII в. подтверждают находки там монет Хосрова II (590–626 гг.), использованные в качестве подвесок (Мамаев 1986: 61, 63; Гавриутхин, Обломский 1996: рис. 90).

Б. Брентйес отнес ряд таких находок к типу III, охарактеризованному им как «северокавказский» (Brentjes 1954). Современное состояние материала позволяет сделать вывод, что эти изделия являются скорее локальными формами типа II по Б. Брентйесу (или, по терминологии того же автора, типа Дьеркен). Различные серии брошей этого типа (рис. 24: 53–63;

в приложении список 8б) встречаются в Подунавье, на Балканах, в ряде районов Западной Европы и в Причерноморье (рис. 29). Находка из Левиче, по составу вещей из ряда могил этого компактного некрополя, датируется временем около середины V в., а брошь из могилы № 3/1891 в Херсонесе – скорее второй половиной этого столетия (Kazanski, Périn 2000: 20). Прочие образцы найдены вне комплексов. Возможные прототипы типа Дьеркен принадлежат кругу вещей, показательных для периода D2 (см. рис. 29: 3–6). Сказанное позволяет предположить, что формирование типа Дьеркен приходится на первую половину–середины V в., а бытование некоторых серий продолжалось в VI и даже первой половине VII в.

Среди брошей-«цикад» типа Дьеркен наиболее близки образцам северокавказской серии находки с Боспора или с «Юга России». Отметим «пучеглазую» брошьку «с Тамани», напоминающую находки

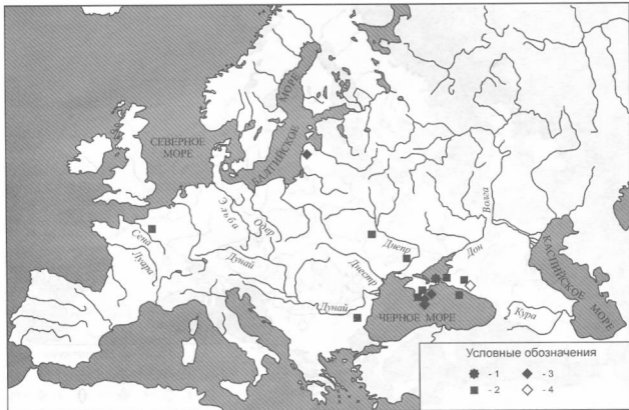

Рис. 27. Распространение пальчатых фибул керченских типов, встреченных на Кавказе:

- 1 – Керчь; 2 – понтийской серии типа Удине-Планис; 3 – понтийской серии с ножкой, украшенной вписанными друг в друга ромбами; 4 – находка из «Майкопа» (Рис. 12: 1).
1–3 – см. в приложении к списку 4 и 5.

Fig. 27. Distribution of finger fibulae of the Kerch types in the Caucasus:

- 1 – Kerch; 2 – Pontus series of the Udine-Planis type; 3 – Pontus series with a stilt, decorated with rhombuses incorporated inside each other; 4 – find from «Maikop» (fig. 12: 1).
1–3 – See Appendix, List 4 and 5.

из Чир-юрта 3-го варианта (рис. 24: 61), вытянутую «шею» у брошей из «Керчи», как у фибул 4-го варианта (рис. 24: 56–57), «рифленую шею» брошки из «Южной России» (рис. 24: 60), как у изделий варианта 3 и из Пашковского могильника. Все это позволяет предполагать, что истоки северокавказской серии брошей-«щикад» следует искать среди образцов боспорских и тетракситских вариаций типа Дьеркенъ. Ряд черт, схожих с северокавказскими брошками, можно указать и на примере находок из Франции (рис. 24: 54, 55, 62).⁷

Варианты брошей северокавказской серии отражают не только хронологическое, но и локальное своеобразие. Вариант 1 и близкие ему образцы распространены ближе к центральной части Северного Кавказа: от Кабардино-Балкарии до Чечни. Вариант

2 известен лишь в районе Боксана и Чегема. Вариант 3 встречен в восточной, а вариант 4 – в западной части Северного Кавказа. Эти ареалы во многом сопоставимы с ареалами вариантов трехпалых фибул (см. выше). Различаются северокавказские броши и хронологически. Причем наиболее поздние находки (Чир-юрт, Мартан-Чу) приходится на восточные районы, что также находит параллели в наблюдениях над трехпальными фибулами.

Попробуем подвести некоторые итоги. Рассмотренные вещи свидетельствуют, что влияние культур Боспора и готов-тетракситов на восток в рассматриваемый промежуток времени имело избирательный характер и принимало разные формы.

⁷ Мы не располагаем достаточными данными для того, чтобы аргументированно объяснить такие параллели. Впрочем, нами уже было замечено, что определенная группа вещей эпохи переселения народов, такие как броши-«щикады», в частности полихромного стиля или наборные пояса капуловского типа (точнее, их римские прототипы), распространяются в первую очередь в зоне римского пограничья, от Шотландии до Боспора или же в местах расквартирования варваризованной римской армии (в частности, юг Галлии). Это нам позволило высказать предположение, что речь идет о формировании новой римско-варварской материальной культуры (Kazanski 1993a: 120, 124, 125; Kazanski, Périn 2000: 26). В данном случае мы следуем идеем Я. Тейрала, изложенным им в многочисленных работах, о роли пограничных федератов Рима в формировании культуры варварских романо-германских королевств.

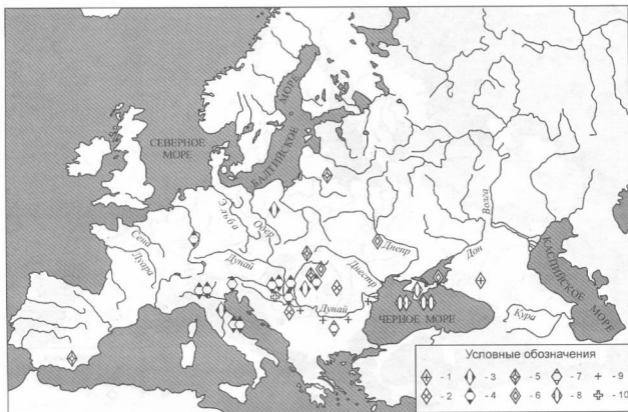

Рис. 28. Распространение прототипов и аналогов пряжки из «Майкопа»:

1 – пряжка из «Майкопа» типа Мачванска Митровица – Ношлак; 2 – другие варианты типа Мачванска Митровица – Ношлак; 3 – типов Гава-Акваванта и Домолошпуста-Каравуково; 4 – типа Форли-Дьюла; 5 – типа Тисзалек-Кошице с орнаментом из завитков; 6 – типа Тисзалек-Кошице с геометрическим орнаментом; 7 – пряжка из Садовско-кале (Рис. 18: 8); 8 – южнокрымской серии типа Форли-Дьюла; 9 – пальчатые фибулы серии Арчар (Арчар, Красен, Истрия, «Болгария») 10 – их прототип из Домолошпуста.

1–6, 8 – см. приложение, список 6; 10 – Fiedler 1992: Abb. 15–17.

Fig. 28. Distribution of prototypes and analogues of the buckle from «Maikop»:

1 – buckle from «Maikop» of the Mavvanska Mitrovica – Noshlak type; 2 – other variants of the Mavvanska Mitrovica – Noshlak type; 3 – of the Gava-Aquasanta and Domoloshpusta-Karavukovo types; 4 – of the Forli-Dyula type; 5 – of the Tiszaluk – Kocsice type with design of volutes; 6 – of the Tiszaluk-Kocsice type with geometric design; 7 – buckle from Sadvosko-Kale (fig. 18: 8); 8 – South-Crimean series of the Forli-Dyula type; 9 – finger fibulae of the Archar series (Archar, Krasen, Istria, «Bulgaria»); 10 – their prototype from Domoloshpusta.

a-c, 3 – see Appendix, List 6; и – Fiedler 1992: Abb. 15–17.

Первая зона концентрации предметов, характеризующих боспорско-тетрактитское культурное влияние, охватывает район Краснодара и близкое к нему Закубанье (рис. 30). Часть известных здесь находок представлена украшениями, сделанными, скорее всего, «на месте», но под воздействием боспорских или тетрактитских традиций (трехпалые фибулы, брошечки-кады). Другие вещи, явно являющиеся импортом (например, рельефно украшенные пальчатые фибулы). Воздействие боспорской и тетрактитской культуры на население «краснодарской» зоны можно расценивать как довольно интенсивное и стабильное. Эта связь фиксируется и находками гунинского времени (Гавригухин, Пьянков 2002). Есть основания предполагать и присутствие в «краснодарской» зоне представителей тетрактитов или других восточногерманских групп. Даже взаимная изоляция тетрактитов и населения Боспора, наступившая примерно в пер-

вой половине VI в., а также другие изменения политической обстановки, в частности потрясения, происходившие в Северо-Восточном Причерноморье на протяжении V–VI вв., тем не менее не прервали этой связи.

Находки «из Майкопа», к сожалению, представлены лишь вещами, приобретенными у коллекционеров или перекупщиков. Их локализация условна, а контекст памятников, с которыми они связаны, не ясен. По составу эта группа вещей находит соответствие в наборе инвентаря из «краснодарской» зоны. Более конкретно судить об этих предметах можно будет лишь на основе новых материалов.

Памятники эпохи переселения народов и раннего средневековья из Кисловодской котловины изучены, на фоне других регионов Северного Кавказа, пожалуй, лучше всего. Тем более показательны наличие в нескольких сотнях известных здесь комплексов

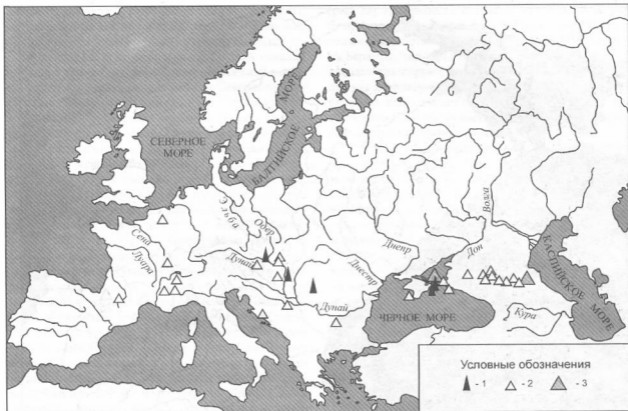

Рис. 29. I – Распространение брошей-«цикады» типа Дьеркен и их прототипов: 1 – типы гуниского времени; 2 – тип Дьеркен и его дериваты (см. в приложении список 8); 3 – три и более находок; II – типичные броши-«цикады» гуниского времени: 1 – Думбравьоара (Шаромберке); 2 – Чомор; 3 – Керчь, из склепов открытых 24.06.1904 г.; 4 – Унтерзиебнрун.

Fig. 29. I – Distribution of brooches-«цикады» of the Dyerken type and their prototypes: 1 – indicative types of the Hunnic period; 2 – Dyerken type and its derivatives (cf. Appendix, List 8); 3 – larger signs indicate 3 or more finds; II – typical brooches-«цикады» of the Hunnic period: 1 – Dumbravioara (Шаромберке); 2 – Иомор; 3 – Kerch, from the vaults uncovered on 24.06.1904; 4 – Untersiebenbrunn.

лишь одной находки рассматриваемого круга. Очевидно, прямое или опосредованное влияние Боспора или тетракситов на население этого региона было минимальным. Довольно большое число вещей понтийского и средиземноморского круга, известное из окрестностей Кисловодска, попало сюда, минуя Боспор или близкие ему земли (Мастыкова 1997; Kazanski, Mastykova 1999; Казанский, Мастыкова 2001). В Кисловодской котловине, судя по всему, существовало некое государственное объединение, возможно, «варварское королевство», контролировавшее транскавказские пути через перевалы и жестко ориентированное на контакты с Византией через Абхазию (Казанский, Мастыкова 2001: 139–146). Здесь известны

погребения с парадными византийскими мечами V в. (Kazanski 2001), местный женский костюм содержит элементы престижной средиземноморской моды (Мастыкова 2000; 2005).

Сказанное относится и к зоне в верховьях Кубани, где интересующие нас вещи пока не найдены (рис. 30), зато на этой территории хорошо известны средиземноморские импорты, поступающие через Абхазию (Казанский, Мастыкова 2001: 151–152). Интересно, что типичные для кисловодских и верхнекубанских алан женские украшения средиземноморской традиции, такие как птицевидные, солярные и многолепестковые фибулы (Kazanski, Mastykova 1999; Мастыкова 2000), также, за редкими исключе-

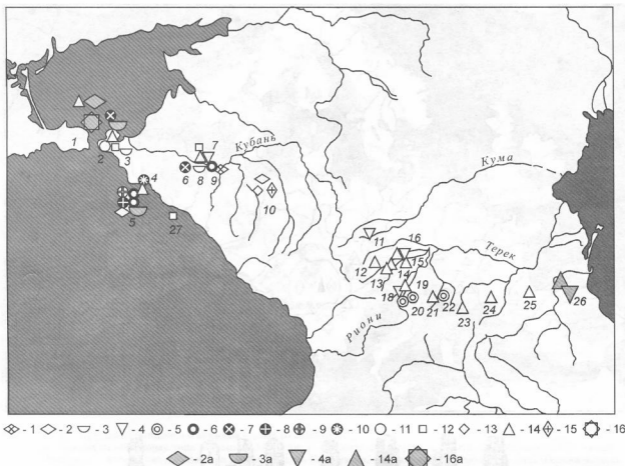

Рис. 30. Пункты находок боспорско-тетракситских серий фибул и пряжек, а также их дериватов, распространенных на Северном Кавказе:

1–2 – фибулы с кнопками-заклепками 2-й понтийской серии и их имитации; 3 – двухпластинчатые фибулы с накладками серии Дюрсо-Керчь 2; 4 – трехпалые фибулы северокавказской серии; 5 – северокавказские переработки двухпластинчатых фибул серии Левице или Секей; 6 – кубано-черноморские варианты двухпластинчатых фибул серии Секей; 7 – кубано-черноморские варианты двухпластинчатых фибул серии Левицы; 8 – переработка двухпластинчатый фибулы серии Гроцка; 9 – имитация двухпластинчатой фибулы серии Гроцка; 10 – двухпластинчатые фибулы с накладками, украшенные гравировкой; 11 – двухпластинчатая фибула неясной серии; 12 – пальчатые фибулы понтийской серии типа Улине-Планиц; 13 – пальчатая фибула керченского типа из «Майкопа»; 14 – броши-шканды типа Дьеркен и его дериваты; 15 – пряжка типа Мавчанска Митровица-Ношлак; 16 – пальчатые фибулы из Керчи.

2a, 3a, 4a, 14a, 16a – массовые находки.

1 – Керчь; 2 – Фанагория; 3 – «Тамань»; 4 – Мысхако; 5 – Дюрсо; 6 – Хабль; 7 – Пашковская; 8 – хутор им. Ленина; 9 – берег Краснодарского моря; 10 – «Майкоп»; 11 – Кисловодское озеро; 12 – Тырныауз; 13 – Озорукowo и Куденетовo (Былым); 14 – «Чегем или Бокан»; 15 – «Чегем»; 16 – Бачил-аул; 17 – Мукулан; 18 – Н. Рутка; 19 – Кумбулта; 20 – Камунта; 21 – «Северная Осетия»; 22 – Саниба; 23 – Харачой; 24 – Мартан-чу; 25 – Бердуть; 26 – Чир-юрт; 27 – Бжид; 28 – Камунта или Кумбулта

Fig. 30. Findspots of Bosporan-Tetraxite series of fibulae and buckles, as well as their derivatives distributed in the northern Caucasus:

1–2 – fibulae with knobs-rivets of the 2nd Pontic series and their imitations; 3 – two-plate fibulae with mounts of the Dyurso – Kerch-2 series; 4 – three-finger fibulae of the North-Caucasian series; 5 – North-Caucasian imitations of two-plate fibulae of the Levice or Szikely series; 6 – Kuban-Black Sea variants of two-plate fibulae of the Szikely series; 7 – Kuban-Black Sea variants of two-plate fibulae of the Levice series; 8 – remake of two-plate fibulae of the Grocka series; 9 – imitation of two-plate fibulae of the Grocka series; 10 – two-plate fibulae with mounts decorated by engraving; 11 – two-plate fibula of unidentified series; 12 – finger fibulae of the Pontic series of the Udine-Planis type; 13 – finger fibula of the Kerch type from «Maikop»; 14 – brooches-«cicadas» of the Dyerken type and its derivatives; 15 – buckle of the Mavvanska Mitrovica– Noshlak type; 16 – finger fibulae from Kerch.

2a, 3a, 4a, 14a, 16a – common finds.

1 – Kerch; 2 – Phanagoria; 3 – «Taman»; 4 – Myskhako; 5 – Dyurso; 6 – Khabl; 7 – Pashkovskaya; 8 – Khutor im. Lenina; 9 – banks of the Krasnodarskoye Sea (Reservoir); 10 – «Maikop»; 11 – Lake Kislovodskoye; 12 – Tyrnyauz; 13 – Ozorukovo and Kudenetovo (Bylym); 14 – «Chegem or Bokan»; 15 – «Chegem»; 16 – Bachel-Aul; 17 – Mukulan; 18 – Lower Rutkha River; 19 – Kumbulta; 20 – Kamunta; 21 – «Northern Osetia»; 22 – Saniba; 23 – Kharachoy; 24 – Martan-Chu; 25 – Berduty; 26 – Chir-Yurt; 27 – Bzhid; 28 – Kamunta or Kumbulta.

ниями (Пашковский, Прочноокопский могильники), не попадают на Нижнюю или Среднюю Кубань или на Черноморское побережье Северного Кавказа.

Две зоны концентрации находок брошей-«цикады» и гладких трехпалых фибул северокавказских серий приходится на центральные районы Северного Кавказа (рис. 30). Одна из них расположена в Кабардино-Балкарии – в бассейне Боксана и Чегема. Другая зона находится в Северной Осетии и характеризуется концентрацией находок в Дигории. Импортных вещей, сделанных несомненно на Боспоре, здесь не известно. Более того, для этих зон отмечены собственные центры, усваивавшие влияния «аристократической моды» Подунавья и Средиземноморья. В долине Баксана, например, такой центр был, видимо, связан с местным политическим образованием, представленным «княжескими» находками из курганов в Былым-Кудинетово и Былым-Озороково. Многочисленные престижные вещи средиземноморского происхождения, скорее всего, поступали сюда из Византии через Абхазию и перевалы вокруг Эльбруса (Казанский, Мاستыкова 2001: 148–151). Несмотря на то что прототипы брошей-«цикады» и трехпалых фибул из этих двух зон являются украшениями из боспорско-тетраакситского ареала, связаны эти категории древностей между собой опосредованно. Данные вещи отражают скорее общие северокавказские вкусы и стили, на формирование которых в том числе оказала влияние культура Боспора. Вероятно, в распространении этого влияния некоторую роль сыграло и население Нижней и Средней Кубани.

Наконец, еще один район распространения рассматриваемых находок фиксируется пунктами, которые цепочкой протянулись от Чечни до Дагестана

(рис. 30). Наверное, не случайно, что трехпалые фибулы и «цикады» в восточных районах Кавказа встречаются на памятниках, где известны катакомбы (Мартанчу, Бердуги, Чир-юрт). По-видимому, рассмотренные находки транслируют культурный импульс с более западных территорий, который распространился избирательно, лишь в среде родственного населения. Это обстоятельство могло быть причиной длительного сохранения здесь «знаковых» типов украшений.

Мы обратили внимание на те типы украшений (фибулы и пряжки), которые являются весьма выразительными элементами костюма и позволяют проследить культурные традиции с большей степенью вероятности, а также сравнительно узко датировать даже случайные находки, а не только из закрытых комплексов. Конечно, боспорское или тетраакситское влияние на Северном Кавказе не исчерпывалось этим кругом вещей. В качестве примера можно указать на крепящиеся к проволочным кольцам цепочки из пластинчатых звеньев в виде цифры 8. Такие изделия, в большом числе известные по комплексам из Дюрсо (рис. 2: 14; 4: 22, 26; 6: 25, 34–37; 7: 32), нередко встречаются в погребениях Пашковского могильника (например, рис. 22: 19). С влиянием культуры Северо-Восточного Причерноморья в определенной степени связано и появление на Северном Кавказе некоторых типов браслетов, гривен, зеркал, подвесок или нашивок. Рассмотрение происхождения и форм распространения таких, не всегда выразительных и часто широко датируемых вещей требует детального анализа многих комплексов и памятников. А такая работа станет возможной лишь после полной публикации материалов, отвечающей современным требованиям.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК 1

Двуластинчатые фибулы с накладками

- а) *Двуластинчатые фибулы с накладками серии Секей*
 Альба Юлиа (рис. 3: 2а); или Клуж (Карлсбург) по публикации К. Хоредта; вероятно, имеется в виду фибула из коллекции И. Диргардта, происходящая из «Вентрии» (рис. 3: 2), она же подписана в своде Х. Кюна как происходящая с «Юга России» (Harhoiu 1998: Taf. XCII: 5, Кат. № 1. 2; Амброз 1982: 118, № 21; Kühn 1974: 51, 71).
- Борки (рис. 3, 3) (Амброз 1982: 118, № 23).
- Дюрсо:
 – погребение № 300 (рис. 2) (Дмитриев 19796: 222–223, рис. 6; 7; 1982: рис. 1: 1–2, 4).
 – погребение № 510 (рис. 1: 1–4) (Дмитриев 1982: 93, рис. 1: 6; 9: 29–31).

Краснодарское водохранилище, сборы из размыта берега (рис. 1: 18) (Гавритухин, Пьянков 2002).

Саниба (рис. 1: 6) (Амброз 1982: 118, № 25).

Секей (рис. 3: 4–6), кроме приведенных вещей это, вероятно, разрушенное женское погребение содержало обломки еще одной такой же фибулы (Амброз 1982: 118, № 20; Das Gold 1997: 74).

- «Суж-Су» (рис. 4: 55) (Kühn 1974: 51, 92).
- Местонахождение – ? (рис. 3: 1) (Амброз 1982: 118, № 26).
- б) *Двуластинчатые фибулы с накладками серии Левице*
 Левице, «Алшоретек», погребение № 5 (рис. 3: 11–15) (Амброз 1982: 118–119, № 31).
- Левице, «Кула хора» (Tejral 1997a: Abb. 47, 1–2).
- Сабатальны, находка 1909 г. (рис. 3: 7–10), кроме приведенных вещей включала обломок еще одной двуластинчатой фибулы, аналогичной целой (Амброз 1982: 119, № 33; Vierbauer 1995: 560, Abb. 13: 1–2).
- Хабль, разрушенное погребение (рис. 1: 8–15) (Пьянков 1998).
- в) *Дериваты фибул серии Левице или Секей*
 Камунта, из собрания ГИМ (рис. 1: 7). Возможно, эта фибула привезена Х. Кюном с подписью «Кумбулта», хотя в публикации он воспроизвел рисунок А. П. Калитинского, аннотированный как «Комунта – Камбулта, ГИМ» (приведена по рисунку А. К. Амброза, Kühn 1974: 51, 14; Калитинский 1928: Т. XXX, 16).
- г) *Фибулы серии Секей или Левице неясной атрибуции*
 Керчь, из коллекции Е. Запорожского (рис. 1: 17). Известна по схематичному рисунку А. А. Спицына.
 «Юг России», из коллекции И. А. Хойновского (Амброз 1982: 118, № 24).

СПИСОК 2

Вторая понтийская серия двуластинчатых фибул с кнопками-заклетками

- «Гурзуф» (рис. 9: 5) (Kühn 1974: 51, 5).
 Дюрсо, погребение № 420 (рис. 9, 6–29) (Дмитриев 1982: 90, рис. 1, 12; 8, 15–36).
 Керчь (рис. 10: 1–2) (Kühn 1974: 51, 39–40).
 Керчь, собрание Британского музея (рис. 9: 1–2) (Guide 1923: Fig. 224).
 Керчь, коллекция Е. Залорского (рис. 10: 6). Известна по схематичному рисунку А. А. Спинына.
 «Майкоп», коллекция И. Диргардта (рис. 9: 4) (Kühn 1974: 51, 54).
 «Суук-Су» (рис. 8: 28) (Kühn 1974: 51, 91).
 «Чокрак», около Керчи (рис. 9: 3) (Kühn 1974: 51, 102).
 «Юе Россия» (рис. 8: 29) (Kühn 1974: 51, 63).
 «Юе Россия», собрание Бременского музея (рис. 10: 3–4). Благодарим А. Лагутина за информацию и предоставленные рисунки.

СПИСОК 3

Двуластинчатые фибулы серии Дюрсо – Керчь (с полукруглыми накладками)

Дюрсо:

- погребение № 259 (рис. 7: 1–27) (Дмитриев 1982: 81–82, рис. 1: 14, 5: 12–37).
 – погребение № 291 (рис. 5: 3–14) (Дмитриев 1982: 82, рис. 1: 8, 5: 38–47).
 – погребение № 408 (рис. 6: 32–51) (Дмитриев 1982: 86–88, рис. 1: 15, 6: 54–69).
 – погребение № 410 (рис. 7: 28–45) (Дмитриев 1982: 88–90, рис. 1: 16, 7: 1–14).
 – погребение № 516 (рис. 6: 1–31) (Дмитриев 1982: 93–94, рис. 1: 18, 9: 32–59, 10: 1–5).
 – погребение № 517 (рис. 8: 1–23) (Дмитриев 1982: 94–98, рис. 1: 19, 10: 6–26).

- Керчь (Kühn 1974: 51, 30).
 Керчь (рис. 8, 25) (Kühn 1974: 51, 35).
 Хутор им. Ленина (рис. 5, 1) (Каминская 1984).
 «Майкоп» (рис. 8, 26) (Kühn 1974: 51, 52).
 «Тамань» (рис. 5: 37) (Kühn 1974: 51, 93).
 «Юе Россия» (рис. 8: 24) (Kühn 1974: 51, 66).

СПИСОК 4

Восточноевропейские фибулы типа Гурзуф

а) Трехластные фибулы с ноской без выступов

- Керчь, из коллекции А. А. Бобринского, собрание ГЭ (рис. 12: 25) (Засецкая 1998: № 102–103).
 «Курск», случайная находка на р. Тускарь (рис. 12: 24 – сведения и рисунок взяты из архива А. К. Амброза, хранящегося в ИА РАН, и архива Э. А. Сымонищенко, за доступ к которому мы благодарны И. А. Бажану и О. А. Гей).
 «Никополь», из коллекции И. Диргардта (Засецкая 1998: № 104–105).
 Херсонес, находка 1973 г. (рис. 12: 30 – рисунок выполнен И. О. Гавритухиным с оригинала, хранящегося в Музее-заповеднике «Херсонес-Таврический», Севастополь). (Айбабин 1990: рис. 14, 8).
 «Юе Россия» (Kühn 1974: Taf. 262. 64, 36).
 «Юе Россия» (Kühn 1974: Taf. 262. 64, 48).

- б) Крупные трех- и пятиластные фибулы с выступами на боках и изображением звериной морды на конце носки
 Керчь, собрание Керченского историко-археологического музея (Айбабин 1990: рис. 14, 10; Засецкая 1998: № 106).
 Керчь, собрание Британского музея (Kühn 1974: Taf. 261. 64, 32).
 «Керчь», коллекция Гремлера (рис. 12: 22) (Kühn 1974: Taf. 262. 64, 34–35; Засецкая 1998: № 74).
 Керчь, Апимолетан Музеум, Оксфорд, коллекция А. Эванса (Mac Gregor 1997: 117. 2, 3).

в) Синтез типов Керчь и Гурзуф

- Керчь, могила № 3/1869 г. (рис. 12: 28) (Засецкая 1998: № 69–70).
 Керчь, приобретение 1886 г., собрание ГЭ (Засецкая 1998: № 71–72).
 Керчь, собрание Британского музея (Засецкая 1998: № 73).
 «Тамань» (Kühn 1974: Taf. 151, 2).
 з) Трехластные фибулы с длинным выступом на конце носки
 Гурзуф (Kühn 1974: Taf. 262. 64, 44).
 «Майкоп», собрание музея Ван Дределден в Лейдене (рис. 12: 18) (Kühn 1974: Taf. 262. 64, 53).
 «Юе Россия», коллекция И. Диргардта (Засецкая 1998: № 101).
 «Юе Россия» (Kühn 1974: Taf. 262. 64, 50).
 Херсонес, склеп 14/1914 г. (рис. 12: 12–17) (Айбабин 1990: рис. 14, 11; Kazanski 1998: fig. 3, 1; 4; Засецкая 1998: № 98–99).
 Херсонес, собрание Музея-заповедника «Херсонес-Таврический», Севастополь (Kazanski 1998: fig. 3, 6).

д) Пятиластные фибулы понтийской серии с заостренным выступом на конце носки

- «Истремь» (Корзухина 1996: табл. 108, 2). В Днепротетровском музее значится как «Звонецкие пороги» (Kazanski 1996a: fig. 2, 21).
 Керчь, могила № 13/1904 г. (Засецкая 1998: № 92).
 Керчь, работы на Госпитальной ул., собрание ГИМ (рис. 12: 5 – изображение приведено по рисунку А. К. Амброза) (Корзухина 1996: табл. 110, 6).
 «Керчь», собрание ГИМ (Засецкая 1998: № 93).
 Херсонес, собрание ГИМ (Kazanski 1998, fig. 3, 7).

е) Трехластные фибулы понтийской серии с округлым выступом на конце носки

- Канев или Каневский уезд Киевской губернии (Kazanski 1996a: fig. 2, 22; Засецкая 1998: № 95).
 Керчь (Kühn 1974: Taf. 262. 64, 42).
 Керчь, коллекция И. А. Хойновского (Kühn 1974: Taf. 262. 64, 42).
 Суук-Су (Засецкая 1998: № 94).
 Херсонес, погребение № 3/1975 г. (рис. 12: 19 – рисунок выполнен И. О. Гавритухиным, с оригинала, хранящегося в Музее-заповеднике «Херсонес-Таврический», Севастополь) (Kazanski 1998: fig. 3, 4–5; Засецкая 1998: № 96–97).
 «Юе Россия», коллекция И. Диргардта (Засецкая 1998: № 100).
 ж) Пятиластные фибулы понтийской серии с округлым выступом на конце носки
 «Гурзуф», из коллекции И. Диргардта (Засецкая 1998: № 84–85).
 «Западная Латвия» (Kühn 1974: Taf. 261. 64, 31).
 Лучастое, склеп № 77, погребение № 6 (рис. 16: 1–18, 21–22) и 7 (рис. 16: 23–38, 19–20) (Засецкая 1998: № 86–89; Айбабин, Хайрединова 1996: 88–89; рис. 10–11).
 Керчь, покупка 1878 г., собрание ГЭ (Засецкая 1998: № 75–76).
 Керчь, коллекция Е. Залорского (рис. 12: 3). Известна по схематичному рисунку А. А. Спинына.

- Керчь, собрание Стокгольмского музея (рис. 12: 4) (Salin 1935: 21, Abb. 38; Kühn 1974: Taf. 262. 64, 33, 40).
 Керчь, коллекция И. А. Хойновского, Государственный археологический музей в Варшаве, № 33122/1 (Kühn 1974: Taf. 262. 64, 41).
 Керчь, из коллекции Бертге Деллагарда (Засецкая 1998: № 83).
 Керчь, Апимолетан Музеум, Оксфорд, коллекция А. Эванса (Mac Gregor 1997: 117. 2, 3).
 Керчь, из коллекции И. Диргардта, в собраниях Кельнского и Берлинского музеев (Kühn 1974: Taf. 261. 64, 39, 46; Засецкая 1998: № 77–80).
 Керчь или Тамань, из коллекции Д. Я. Самоковасова. Известна по рисунку из архива А. К. Амброза.
 Суук-Су, могила № 155, погребение № I (рис. 12: 10–11, 20–21 – пальчатые фибулы даны по рисунку А. К. Амброза). Кроме приведенных вещей содержало многочисленные бусы, пару серебряных браслетов, перстень с вставкой из сердолика и пряжку крымского производства со львом на щитке (Засецкая 1998: № 81–82; Репинко 1907: 117–118).
 Суук-Су, собрание Одесского государственного археологического музея (рис. 12: 9), кроме приведенного образца есть обломок еще одного. Известны по рисункам А. К. Амброза.
 Местонахождение – ?, коллекция Н. И. Репинкова. Известна по рисунку Р. Л. Розенфельда.

СПИСОК 5

Понтийская серия фибул типа Удине–Планис

- Артек* (рис. 14: 5 – выполнен И. О. Гавритухиным с оригинала, ГЭ № 2834/23) (Засецкая 1998: № 114).
- Бжго*, погребение № 144, кроме фибулы, близкой образцу на рис. 13: 48, содержало пояс и обувь с пряжками и накладками геральдического стиля, пару фибул с отогнутым набок приемником, бусы, пинет, «абхазские» браслеты, зеркало, два ножа, керамический сосуд. Комплекс известен нам благодаря подробной информации автора раскопок А. В. Пьянкова, за что приносим ему благодарность (см. ряд статей: Гавритухин, Пьянков 2003).
- Войново* (рис. 14: 9) (Засецкая 1998: № 53).
- Керчь*, Долгая скала, могила 1875 г. (рис. 14: 1–4) (Засецкая 1998: № 49).
- Керчь*, могила № 38/1876 г. (Засецкая 1998: № 56).
- Керчь*, скелет № 152/1904 г., верхнее погребение (рис. 13: 18–26) (Засецкая 1998: № 65–66).
- Керчь*, скелет № 180/1904 г., погребение № 7 (рис. 13: 1–17) (Засецкая 1998: № 57–58).
- Керчь*, скелет № 78/1907 г., погребение № 8 (рис. 11: 26–30) (Засецкая 1998: № 59–60).
- Керчь*, погребение № 1/1977 г. (рис. 13: 46–47), включало также оранжеловую пряжку керченской серии, остальные вещи не опубликованы (Засецкая 1998: № 50).
- Керчь*, собрание ГЭ (Засецкая 1998: № 67–68).
- Керчь*, собрание Британского Музея (рис. 13: 48) (Germanen 1987: 110, I. 16.1.).
- Лучистое*, скелет № 77, погребение № 1 (рис. 15: 3–14; 16: 144) (Засецкая 1998: № 51–52; Айбабин, Хайрединова 1996: 85–86, рис. 4–5).
- «Николай»*, коллекция И. Диргардта (Засецкая 1998: № 62–63).
- Пашковский 1-й могильник, случайная находка* (Засецкая 1998: № 64).
- «Северная Франция»*, собрание Метрополитен музеум (Kühn 1940: 4, 25).
- «Тамань»*, коллекция И. Диргардта (Kühn 1974: Taf. 63. 4. 44; Засецкая 1998: № 54–55).
- Червоцкий уезд Киевской губ.* (рис. 14: 10) (Пуловни 1962: рис. 2, 7).
- «Юг России»*, собрание Британского музея (рис. 13: 48) (Kühn 1974: 4, 42).

СПИСОК 6

- а) Рельефно украшенные пряжки с простой пятиугольной обвойной типа Тисалек–Кочише*
- Керчь* (Айбабин 1990: рис. 23, 11).
- Косино* (рис. 17: 13) (Kiss 1984: Abb. 3, 1; Bierbrauer 1995: 556, Abb. 10, 3–4).
- Кочише* (рис. 17: 15) (Kiss 1984: 58; Abb. 3, 3; Bierbrauer 1995: Abb. 21, 6).
- Тауринск*, курган № 5 (Tautavičius 1979: 15 pav.).
- Тисалек*, ул. Арпад (рис. 17: 14) (Kiss 1984: Abb. 3, 2; Bierbrauer 1995: 556, Abb. 11, 1–2).
- Пекари* (рис. 17: 12) (Ханенко, Ханенко 1901: № 380).
- Гренада*, Археологический музей (Koenig 1980: Taf. 66a).
- б) Рельефно украшенные пряжки с пятиугольной обвойной типа Мачанска Митровица – Ношлак*
- «Венерия»*, собрание Венгерского национального музея, по ступеню 1982 г. (рис. 17: 4) (Kiss 1984: 57; Abb. 1).
- «Майколя»*, коллекция И. Диргардта (рис. 17: 1) (Kiss 1984: 58; Abb. 2, 2).
- Мачанска Митровица, Зидина*, погребение № 149, кроме пряжки содержало пластичную и позвяную фибулы, бусы, нож (рис. 17: 3) (Kiss 1984: 58; Abb. 2, 1).
- Ношлак*, погребение № 121. Кроме пряжки содержало серебряные кольца, браслет и бусы (рис. 17: 5) (Kiss 1984: 58; Harhoiu 1998: № 61).
- Местонахождение – ?*, собрание Метрополитен музеум (рис. 17: 2) (Brown 1995: 8).
- Вилкатиен* (Werner 1977: Abb. 4. 4).

- в) Рельефно украшенные пряжки с пятиугольной обвойной типов Гава–Акассита и Домолохустуса–Карауково*
- Акассита*, 2 экз. из погребения № 1–3/1952 г. (Annibaldi, Werner 1963; Bierbrauer 1975: № 3, Tav. IV, V. 1).
- «Аквие»* (Annibaldi, Werner 1963: Taf. 42: 1; Bierbrauer 1975: 335–336, Tav. XL: 2).
- «Венерия»* (рис. 17: 6) (Bierbrauer 1975: Tav. LXXIX: 1).
- «Венерия»* (Annibaldi, Werner 1963: Taf. 47: 4; Bierbrauer 1975: Tav. LXXIX: 2).
- Гава*, погребение 1910 г. (рис. 17: 10) (Annibaldi, Werner 1963: Taf. 42: 4, 47: 3; Kiss 1984: 58, Abb. 9; Das Gold 1997: 60–73).
- Домбровар*, погребение 1900 г. (рис. 17: 7) (Annibaldi, Werner 1963: Taf. 42: 3; Kiss 1984: 58, Abb. 4–5).
- Домолохустуса* (Bierbrauer 1975: Tav. LXXXIII–LXXXIV; Kiss 1984: 58, Abb. 6).
- «Итали»* (Bierbrauer 1975: Tav. LXXIX: 3).
- Карауково* (Kiss 1984: 58, Abb. 8; Bierbrauer 1995: 556, Abb. 21: 5).
- Кишкунфельдхаза* (рис. 17: 9) (Annibaldi, Werner 1963: Taf. 42: 2; Kiss 1984: 58, Abb. 7; Bierbrauer 1995: 556, Abb. 10: 1–3).
- округа Майна* (рис. 17: 8) (Annibaldi, Werner 1963: Taf. 47: 2).
- Павия* (Annibaldi, Werner 1963: Taf. 47: 1).
- Торре Овья Маноло* (Bierbrauer 1975: № 33; Tav. XXI; XLIII: 3).
- Местонахождение – ?* (Bierbrauer 1975: Tav. LXXIX: 4).
- г) Рельефно украшенные пряжки с пятиугольной обвойной типа Форти-Дюльз*
- Аромат*, скелет № 1 (Лободы 1976: рис. 1; Айбабин 1990: рис. 36: 2).
- Артек*, 2 экземпляра (Репников 1906: 50; табл. VIII: 2, 6).
- Вексидано* (Форла) (рис. 18: 4) (Bierbrauer 1975: № 38, Tav. XLVII).
- Дюльз* (рис. 18: 5) (Bierbrauer 1975: Tav. LXXX: 2).
- Конаржев* (рис. 18: 6) (Bierbrauer 1975: Tav. LXXX: 1).
- Суук-Су*, находка при земляных работах (Репников 1907: табл. II: 4).
- Чуфур-Казе* – скелет № 7 (рис. 18: 3) (Кропоткин 1958: 207, рис. 3: 1).
- скелет № 98 (рис. 18: 1) (Кропоткин 1965: 112, рис. 45: 5).
- Скалистое*, скелет № 288 (рис. 18: 2) (Веймар, Амброс 1980).

СПИСОК 7

Северокавказская подгруппа трехпалых фибул

- Бачел-аул*, работы И. А. Владимирова в 1896 г. (рис. 22: 2) (Pösta 1905: Abb. 319: 12; НА ИИМК РАН, РА: ф. 1, 1896, л. № 215).
- «Боксан или Чегелем»* (рис. 22: 1) (Zich 1897: XX: 12).
- Касловодское озеро* (рис. 21: 28 – приведена в прорисовке А. П. Рунича, за предоставление которой мы благодарим В. А. Фоменко) (Абрамова 1997: рис. 27: 5).
- Нижняя Рунча*, приобретение П. С. Уваровой (рис. 21: 27 – рисунок выполнен И. О. Гавритухиным с оригинала, ГИМ, № 54733) (Уварова 1900. Т. CIV). Очевидно, она опубликована А. П. Калитинским с неправильным указанием – «Суук-Су» (Калитинский 1928: табл. XXXIV. 31).
- Пашковский 1-й могильник* – погребение № 15/1948 (рис. 22: 4–31) (Амброс 1989: рис. 21, 27–29, в дополнении по архиву А. К. Амброза и К. Ф. Смирнова).
- Сборы с территории могильника в 1927–1933 гг. (рис. 22: 3) (Покровский 1936: рис. 6).
- Чар-керт* – погребение № 13 (рис. 20: 7–34) (Гавритухин и др. 1996: рис. 4a).
- погребение № 17a (рис. 20: 63–66). Кроме опубликованных вещей содержало гривну, браслеты, колокольчики, рифленые напники, бусы, керамические сосуды (Гавритухин, Обломский 1996: рис. 80, 51–57).
- погребение № 21a (рис. 20: 60–61). Кроме опубликованных вещей содержало браслет-шквал, височную полусферу с многогранником, колокольчик, костыльковую подвеску, бусы (Гавритухин и др. 1996: рис. 5).

- погребение № 24 (рис. 20: 4). Кроме опубликованной вещи содержало височную подвеску с многогранником, гривну, браслеты, колокольчик, сдвоенную трубочку, бусы, керамический сосуд (Гавритухин и др. 1996: рис. 5).
- погребение № 28а (рис. 20: 5–6). Кроме опубликованных вещей содержало рифленые нашивки и бусы (Гавритухин и др. 1996: рис. 5).
- погребение № 28б (рис. 20: 62). Кроме опубликованной вещи содержало височную подвеску или серьгу с многогранником, наконечник «геральдического» стиля, рифленые нашивки, костыльковую подвеску, бусы (Гавритухин и др. 1996: рис. 5).
- погребение № 40 (рис. 20: 35–59). Кроме опубликованных вещей содержало еще многочисленные бусы (Путинцева 1961: рис. 9–10; Гавритухин, Обломский 1996: рис. 81).
- погребение № 50а. Кроме фибулы, сложной с описанными выше, содержало подвеску или серьгу с многогранником, браслеты, колокольчик, костыльковую подвеску, бусы.
- погребение № 53 (рис. 19: 30–41) (Гавритухин и др. 1996: рис. 46).
- погребение № 55, содержало трехпалую фибулу, как другие на рис. 19, браслет, бусы.
- погребение № 56а (рис. 19: 1–19, 22) (Гавритухин и др. 1996: рис. 4а).
- погребение № 56в (рис. 19: 23–28). Кроме опубликованных вещей содержало трехпалую фибулу, височную подвеску с многогранником, литьевую пряжку, маленькую прямоугольную пряжку, браслеты, костыльковую подвеску, бусы (Ковалевская 2005: рис. 55).
- погребение № 58 (рис. 19: 56), также содержало трехпалую фибулу, близкую тем, что приведены на рис. 19, фрагмент шарнирной фибулы, подвески, геммы, бусы, керамический сосуд (Ковалевская 2005: рис. 57).
- погребение № 72 (рис. 19: 51–55), кроме опубликованных вещей содержало бусы (Гавритухин, Обломский 1996: рис. 81).
- погребение № 114 (рис. 20: 1–3), также содержало проволочное кольцо, «геральдическую» обойму пряжки, рифленую нашивку, браслет, подвеску, бусы (Ковалевская 2005: рис. 65; Гавритухин и др. 1996: рис. 5).
- погребение № 144а (рис. 19: 42–50), содержало трехпалую фибулу, как другие на рис. 19, браслет, костыльковую подвеску, бусы (Ковалевская 1996: рис. 69).
- погребение № 15 из раскопок Н. Д. Путинцевой (рис. 19: 56–60 – фибула приведена по рисунку А. К. Амброза, остальные вещи – по полевому отчету Н. Д. Путинцевой за 1957 г.). Кроме приведенных вещей содержало два ножа.

СПИСОК 8

- а) Северокавказская серия брошей-щикады**
- Бердуги*, из разрушенных могил (рис. 24: 43) (Мамаев 1986: рис. 5: 25).
- Кумбулта* (рис. 24: 47) (Kühn 1935: T. 21: 9; № 58).
- Мартан-Чу*, 2-й могильник, погребение (катакомба) № 7 (рис. 24: 1–42) (Мамаев 1986: рис. 6).
- Мукулан*, покупка Рейгарта (рис. 24: 48 – рисунок из архива А. К. Амброза, ГЭ, № 1320/19).
- «Нальчик»* (рис. 24: 46). Известна по рисунку А. К. Амброза; похоже, эта брошка происходит из Озюрово или же там найдена очень близкая вещь (см.: Kühn 1935: Abb. 16: 9; № 56).
- Пашковский 1-й могильник*, из погребения, разрушенного в 1936 г. (рис. 24: 50 – выпоинен И. А. Гавритухиным с оригинала, Краснодарский краеведческий музей, № 1652/90).
- «Северная Осетия»* (рис. 24: 45 – дана по рисунку А. К. Амброза, Краеведческий музей Северной Осетии, оп. 34, планшет 34, № 308).

- Тыры-ауз*. Склеп, доследованный в 1953 или 1955 гг. (рис. 23). Кроме вещей, приведенных по рисунку А. К. Амброза, содержат 16 «сосудов из слезини», наконечники стрел, «различные железные предметы», «фрагменты пояса» (Кузнецов 1962: 78–79, рис. 25; Чеченов 1969: № 143; Абрамова 1997: № 66).
- Харочий*, погребение № 47 (рис. 24: 44). Раскопки М. Х. Багаева, которого мы благодарим за информацию и возможность опубликовать находку.
- «Чегем»*, сборы Уруебиева (рис. 24: 49) (МАК I, Т. XXIV: 34).
- Чир-орт*:
- погребение № 17а (рис. 20: 63–66), кроме опубликованных вещей содержало гривну, браслеты, колокольчики, рифленые нашивки, бусы, керамические сосуды (Гавритухин, Обломский 1996: рис. 80, 51–57).
 - погребение № 21а (рис. 20: 60–61), кроме опубликованных вещей содержало брошь-щикаду, подвеску с многогранником, колокольчик, костыльковую подвеску, бусы (Гавритухин и др. 1996: рис. 5).
 - погребение № 114 (рис. 20: 1–3), также содержало проволочное кольцо, «геральдическую» обойму пряжки, рифленую нашивку, браслет, подвеску, бусы (Ковалевская 2005: рис. 65; Гавритухин и др. 1996: рис. 5).
 - погребение № 140 (рис. 20: 67), также содержало еще одну брошь-щикаду, близкую найденной в погребении № 114, височную подвеску с многогранником и еще одну – с напушенной бусиной, гривну, нашивки, бусы, керамические сосуды (Ковалевская 2005: рис. 68).
- б) Брошь-щикады типа Дьеркен других серий**
- Биволаре*, пара (рис. 24: 59) (Ковачева, Хараламбиева 1992: 45; т. 1, 1–2).
- Бьерпайр* (рис. 24: 55) (Kühn 1935: T. 21, 13; № 7; Kazanski, Périn 2000: 17, fig. 1.1).
- «Венгрия»*, собрание Венгерского национального музея в Будапеште (рис. 24: 58) (Kühn 1935: T. 22, 31; № 22).
- Дросие* (Fitz 1986: № В.3.3).
- Дьеркен* (рис. 24: 63) (Kühn 1935: T. 21, 15; № 16).
- Иза* (Archeologische vyskumy a nalazy na Slovensku v roku 1980. Nitra. 1981. Sl. 88, 10).
- «Италия»* (Kazanski, Périn 2000: 17, fig. 2.4).
- Дюрсо*:
- погребение № 373 (рис. 24: 51) (Дмитриев 1982: рис. 3: 5).
 - погребение № 390 (рис. 24: 52) (Дмитриев 1982: рис. 3: 6).
 - *«Керчь»*, коллекция И. Диргардта, пара (рис. 24: 57) (Kühn 1935: T. 22, 35; № 41).
 - *«Керчь»*, собрание Римско-германского центрального музея в Майнце (рис. 24: 25) (Kühn 1935: T. 22, 34; № 43).
 - *«Керчь»*, собрание Римско-германского центрального музея в Майнце, пара (Kühn 1935: T. 24, 57; № 42).
 - Ла Ильвер* (рис. 24: 54) (Kazanski, Périn 2000: 17, fig. 1.6).
 - Ла Рош-сюр-Форо* (Kazanski, Périn 2000: 18, fig. 2.2).
 - Летиче* (Vinski 1957: № 38; Kazanski, Périn 2000: 20, fig. 2.12–19).
 - Маладьер* (рис. 24: 62) (Kazanski, Périn 2000: 18, fig. 2.1).
 - Салона* (Vinski 1957: № 13).
 - «Савои»* («Французские Альпы») (Kazanski, Périn 2000: 18, fig. 2.3).
 - Сремска Митровица*, покупка, Музей града Белграда, № S2497.
 - «Судрок»*, коллекция А. Эванса (Kühn 1935: Abb. 1, 8; № 130).
 - «Тамань»*, коллекция И. Диргардта, пара (рис. 24: 61) (Kühn 1935: T. 23, 45; № 44).
 - Херсонес*, из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича (рис. 24: 53). Музей-заповедник Херсонес-Таврический № KB-6442, возможно, именно эта брошка происходит из могилы № 3/1891 г. (см. ниже).
 - Херсонес*, могила № 3/1891 г. (Kühn 1935: Abb. 1, 5; № 52; Kazanski, Périn 2000: 20, fig. 2.10–11) (см. выше).
 - «Южная Россия»*, коллекция И. Диргардта (рис. 24: 60) (Kühn 1935: T. 21, 14; № 50).
 - «Южная Россия»*, коллекция И. Диргардта (Kühn 1935: T. 21, 19; № 07).

- Абрамова 1997 – *Абрамова М. П.* Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н. э. М., 1997.
- Айбабин 1990 – *Айбабин А. И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // *Материалы по археологии истории и этнографии Таврии.* Симферополь, 1990. Вып. 1. С. 4–84.
- Айбабин 1999 – *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Айбабин, Хайрединова 1996 – *Айбабин А. И., Хайрединова Э. А.* Новый комплекс с пальчатыми фибулами с некрополя у с. Лучистое // *Материалы по археологии истории и этнографии Таврии.* Симферополь, 1996. Вып. 5. С. 85–93.
- Амброз 1966 – *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР // САИ. Д1–30. М., 1966.
- Амброз 1968 – *Амброз А. К.* Дунаевские элементы в раннесредневековой культуре Крыма // КСИА. 1968. Вып. 113. С. 10–23.
- Амброз 1970 – *Амброз А. К.* Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. // Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 70–74.
- Амброз 1980 – *Амброз А. К.* Вирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 1–56.
- Амброз 1982 – *Амброз А. К.* О двуластинчатых фибулах с накладками. Аналогии к статье А. В. Дмитриева // Древности эпохи великого переселения народов. М., 1982. С. 107–121.
- Амброз 1989 – *Амброз А. К.* Хронология древностей Северного Кавказа. М., 1989.
- Амброз 1994 – *Амброз А. К.* Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. Симферополь, 1994. Вып. 4. С. 31–88.
- Артамонов 1962 – *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
- Афанасьев, Рунич 2001 – *Афанасьев Г. Е., Рунич А. П.* Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М., 2001.
- Веймарн, Амброз 1980 – *Веймарн Е. В., Амброз А. К.* Большая пряжка из Скалтинского могильника // СА. 1980. № 3. С. 247–262.
- Виноградов 1998 – *Виноградов Ю. Г.* Подвизантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. 1998. № 1. С. 233–247.
- Гавритухин 1991 – *Гавритухин И. О.* Пальчатые фибулы пражских памятников Подкарпатия // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С. 127–142.
- Гавритухин 1994 – *Гавритухин И. О.* Пряжки с корчобатой петлей на Юго-Востоке Европы // МАИЭТ. Симферополь, 1994. Вып. 4. С. 201–214.
- Гавритухин 1997 – *Гавритухин И. О.* Боспор и Поднепровье в VI–VII вв. (К изучению североподнепровских ювелирных школ) // Международная конференция «Византия и Крым». Севастополь, 6–11 июня 1997 г.: ТД. Симферополь, 1997. С. 27–32.
- Гавритухин 2000 – *Гавритухин И. О.* Финал традиций культур римского времени в Восточном Прикарпатье // Die spätromische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź, 2000. S. 261–324.
- Гавритухин 2004 – *Гавритухин И. О.* Среднеднепровские ингушские второй половины V–VI вв. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2002. С. 208–220.
- Гавритухин, Иванов 1999 – *Гавритухин И. О., Иванов А. Г.* Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в Средневековье (Archaeologia Petrica 1). Ижевск, 1999. С. 99–60.
- Гавритухин и др. 1996 – *Гавритухин И. О., Ковалевская В. Б., Коробов Д. С., Малашев Ю. В., Мошкова М. Г.* Аланы Северного Кавказа и степи Евразии // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. М., 1996. С. 219–231.
- Гавритухин, Малышев 1998 – *Гавритухин И. О., Малышев В. Ю.* Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия и. э. Самара, 1998.
- Гавритухин, Обломский 1996 – *Гавритухин И. О., Обломский А. М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.
- Гавритухин, Пьянков 2002 – *Гавритухин И. О., Пьянков А. В.* Двуластинчатые фибулы из новых поступлений Краснодарского музея // Древности Боспора. 4. М., 2002. С. 86–94.
- Гавритухин, Пьянков 2003 – *Гавритухин И. О., Пьянков А. В.* Раннесредневековые древности побережья // Крым и Кавказ в эпоху средневековья. М., 2004. С. 186–195.
- Гмыря 1993 – *Гмыря Л. Б.* Прикаспийский Дагестан в эпоху великого переселения народов. Махачкала, 1993.
- Дмитриев 1979а – *Дмитриев А. В.* Могильник эпохи переселения народов на р. Дюрсо // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 52–57.
- Дмитриев 1979б – *Дмитриев А. В.* Погребения всадников и боевых коней из могильника эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новоросейска // СА. 1979. № 4. С. 212–247.
- Дмитриев 1982 – *Дмитриев А. В.* Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов. М., 1982. С. 69–106.
- Засецкая 1982 – *Засецкая И. П.* Классификация полихромных изделий туниской эпохи по статистическим данным // Древности эпохи великого переселения народов. М., 1982. С. 14–30.
- Засецкая 1998 – *Засецкая И. П.* Датировка и происхождение пальчатых фибул боспорского некрополя раннесредневекового периода // Материалы по археологии истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1998. Вып. 6. С. 394–478.
- Казанский 1999 – *Казанский М. М.* Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуры. Киев, 1999. С. 277–297.
- Казанский 2001 – *Казанский М. М.* Хронология начальной фазы могильника Дюрсо // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 2001. Вып. 7. С. 41–58.
- Казанский, Мاستыкова 1998 – *Казанский М. М., Мاستыкова А. В.* Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху великого переселения народов // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 1998. Вып. 4. С. 102–135.
- Казанский, Мاستыкова 2001 – *Казанский М. М., Мاستыкова А. В.* Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V–VI вв. // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки: Материалы и исследования по археологии России. М., 2001. Вып. 3. С. 138–161.
- Калитинский 1928 – *Калитинский А. П.* К вопросу о некоторых формах двуластинчатых фибул из России // *Seminarium Kondakovianum.* Praha, 1928. T. 2. С. 277–308.
- Каминская 1984 – *Каминская И. В.* Фибула эпохи переселения народов // СА. 1984. № 1. С. 259–260.
- Ковалевская 2005 – *Ковалевская В. Б.* Кавказ – скифы, сарматы, аланы. М., 2005.
- Ковачева, Хараламбиева 1992 – *Ковачева Т., Хараламбиева А.* Фибулы от эпоха на великого преселение на народите в Плевенския музей // *Известия на музеите в Северо-западна България.* 1992. Т. 18. С. 45–55.
- Корзухина 1996 – *Корзухина Г. Ф.* Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье: Каталог памятников // Материалы по археологии истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1996. Вып. 5. С. 352–435.
- Кропоткин 1958 – *Кропоткин В. В.* Из истории средневекового Крыма // СА. 1958. № 28. С. 198–218.
- Кропоткин 1965 – *Кропоткин В. В.* Могильник Чуфут-кале в Крыму // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 108–115.
- Кузнецов 1962 – *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа // МИА. М., 1962. № 103.
- Лобода 1976 – *Лобода И. И.* Новые раннесредневековые могильники в Юго-Западном Крыму // СА. 1976. № 2. С. 236–252.
- МАК I – Материалы по археологии Кавказа. М., 1888. Вып. 1.
- Мамасв 1986 – *Мамасв Х. М.* Хронология катакомбных могильников Чечено-Ингушетии конца IV–первой половины VIII в. // *Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии.* Грозный, 1986.
- Мастыкова 1997 – *Мастыкова А. В.* К изучению роли Кавказа в системе восточноевропейских торговых связей второй половины I тысячелетия н. э. // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 1997. Вып. 3. С. 80–88.

- Мастыкова 2000 – *Мастыкова А. В.* Средиземноморские элементы в женском костюме у населения Северного Кавказа (V–VI вв.) // *Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Археология восточноевропейской лесостепи*, Воронеж, 2000. Вып. 14. С. 31–47.
- Мастыкова 2001 – *Мастыкова А. В.* Социальная иерархия женских могил северокавказского некрополя Дюрсо (по материалу костюма) // *Историко-археологический альманах*. Армавир; М., 2001. Вып. 7. С. 58–69.
- Мастыкова 2005 – *Мастыкова А. В.* Средиземноморский женский костюм с фибулами-брошями на Северном Кавказе в V–VI вв. // *РА*. 2005. № 1. С. 22–36.
- Машов 1976 – *Машов С.* Раннесредневековые фибулы от Августа при с. Хърлец, Врачански окръг // *Археология*. 1976. № 1. С. 35–39.
- Петрухин 1983 – *Петрухин В. Я.* Об особенностях славяно-скандинавских этнических отношений в раннефеодальный период (IX–XI вв.) // *Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования*. 1981 год. М., 1983. С. 174–181.
- Покровский 1936 – *Покровский М. В.* Пашковский могильник № 1 // *СА*. 1936. № 1. С. 159–169.
- Проклий Кесарийский 1950 – *Проклий Кесарийский*. Война с готами. М., 1950.
- Пудовин 1962 – *Пудовин В. К.* Три боспорские лучевые фибулы (К вопросу о дате боспорских фибул) // *СА*. 1962. № 2. С. 142–148.
- Путинцева 1961 – *Путинцева Н. Д.* Верхнехрипуртовский могильник // *Материалы по археологии Дагестана*. Махачкала, 1961. Т. 2.
- Пьянков 1998 – *Пьянков А. В.* Раннесредневековые находки из разрушенного могильника у хутора Хабль Абинского района Краснодарского края // *Древности Кубани*. Краснодар, 1998. Вып. 10. С. 20–28.
- Репников 1906 – *Репников Н. И.* Некоторые могильники области крымских готов // *ИАК*. 1906. Вып. 19. ч. 1. С. 1–80.
- Репников 1907 – *Репников Н. И.* Некоторые могильники области крымских готов // *ЗООИД*. 1907. Т. 27. ч. 2. С. 101–148.
- Уварова 1900 – *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа // *Материалы по археологии Кавказа*, М., 1900. Вып. 8.
- Ханенко, Ханенко 1901 – *Ханенко Б. И., Ханенко В. И.* Эпоха Великого переселения народов // *Древности Поднепровья*. Киев, 1901. Вып. 4.
- Хрипановский 1988 – *Хрипановский В. А.* Поздвизантичные погребения на некрополе Иурага // *Научно-атеистические исследования в музее*. Л., 1988. С. 16–27.
- Чеченов 1969 – *Чеченов И. М.* Древности Кабардино-Балкар. Нальчик, 1969.
- Annibaldi, Werner 1963 – *Annibaldi G., Werner J.* Ostgotische Grabfunde aus Aquasanta, Prov. Ascoli Piceno (Marche) // *Germania*. 1963. Vol. 41. S. 356–373.
- Bierbrauer 1971 – *Bierbrauer V.* Zu den ostgotische Bügelfibeln in Raetia II // *Bayerische Vorgeschichtsblätter*. 1971. Vol. 36. N 1. S. 131–165.
- Bierbrauer 1975 – *Bierbrauer V.* Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975.
- Bierbrauer 1995 – *Bierbrauer V.* Das Frauengrab von Castellognese in der Romagna (Italien) // *Zur chronologischen, ethnischen und historischen Auswertbarkeit des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa und Italien* // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. 1991. Vol. 38. S. 541–592.
- Bierbrauer 1997 – *Bierbrauer V.* Les Wisigoths dans le royaume franc // *Antiquités Nationales*. 1997. Vol. 29. P. 167–200.
- Brentjes 1954 – *Brentjes B.* Zur Typologie, Datierung und Ableitung der Zikadenfibeln // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg*. 1954. Vol. 3. N 5. S. 901–914.
- Brown 1995 – *Brown K. R.* Migration art A. D. 300–800. New York, 1995.
- Chantre 1886 – *Chantre E.* Recherches anthropologiques dans le Caucase. Paris; Lyon, 1886. T. 3.
- Csallany 1961 – *Csallany G.* Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken. 454–568 u.Z. Budapest, 1961.
- Das Gold 1997 – *Das Gold von Nyiregyháza*. Nyiregyháza, 1997.
- De Baye 1894 – *De Baye J.* Note sur des bijoux barbares en forme de mouches // *Mémoires de la Société Nationale des Antiquaires de France*. 1894. Vol. 4. P. 1–22.
- Ebel-Zeppezauer 1994 – *Ebel-Zeppezauer W.* Frühe gotische Blechfibeln in Spanien // *Madriider Mitteilungen*. 1994. Vol. 35. S. 380–397.
- Fiedler 1992 – *Fiedler U.* Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau. Bonn, 1992.
- Fitz 1986 – *Fitz G.* Römisch-kaiserzeitliche und völkerwanderungszeitliche Zikadenfibeln aus österreichischen Privatsammlungen // *Römische Österreich*. 1986. Vol. 13. N 14. S. 169–268.
- Germanen 1987 – *Germanen, Hunnen und Awaren*. Schätze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg, 1987.
- Glodariu 1974 – *Glodariu I.* Ein Grab aus dem 5. Jahrhundert in Siniuc (Rumänien) // *Germania*. 1974. Vol. 52. N 2. S. 483–489.
- Guide 1923 – *A Guide to the Anglo-Saxon and foreign Teutonic antiquities*. British Museum. Oxford, 1923.
- Harhoiu 1998 – *Harhoiu R.* Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest, 1998.
- Ivanišević, Kazanski 2002 – *Ivanišević V., Kazanski M.* La nécropole de l'époque des Grandes Migrations à Singidunum // *Singidunum*. 2002. N 3. P. 101–157.
- Kazanski 1992 – *Kazanski M.* L'influence danubienne dans la steppe pontique pendant la seconde moitié du Ve s.: le rôle des Angiskires // *Medieval Europe. Death and Burial*. York, 1992. Vol. 4. P. 139–144.
- Kazanski 1993a – *Kazanski M.* Les objets orientaux de l'époque des Grandes Migrations découverts dans le couloir rhodanien // *Antiquités Nationales*. 1993. Vol. 25. P. 119–127.
- Kazanski 1993b – *Kazanski M.* The Sedentary Elite in the «Empire» of the Huns and its Impact on Material Civilisation in Southern Russia during the Early Middle Ages (5th–7th Centuries AD) // *Cultural Transformations and Interactions in Eastern Europe*. Aldershot etc., 1993. P. 211–235.
- Kazanski 1994 – *Kazanski M.* Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve-VIe siècles // *Archéologie Médiévale*. 1994. Vol. 24. P. 137–198.
- Kazanski 1996a – *Kazanski M.* Les Germains orientaux au nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du Ve et au VIe s. // *Материалы по археологии истории и этнографии Таврии. Самферополь*, 1996. Вып. 5. С. 324–337.
- Kazanski 1996b – *Kazanski M.* Les tombes «princières» de l'horizon Untersiebenbrunn. le problème de l'identification ethnique // *L'identité des populations archéologiques*. Sophia Antipolis, 1996. P. 109–126.
- Kazanski 1998 – *Kazanski M.* Les Barbares à Chersonèse (V^e–VIe s.) // *EUYUCTA. Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler*. Paris, 1998. T. 2. P. 329–344.
- Kazanski 1999 – *Kazanski M.* Les tombes des chefs militaires de l'époque hunnique // *Germanen beiderseits des spätantiken Limes*. Köln; Brno, 1999. S. 293–316.
- Kazanski 2000 – *Kazanski M.* La zone forestière de la Russie et l'Europe centrale à la fin de l'époque des Grandes Migrations // *Die spätromische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Lódz, 2000. S. 406–459.
- Kazanski 2001 – *Kazanski M.* Les épées «orientales» à garde cloisonnée du Ve-VIe siècle // *International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st–5th Centuries A. D.* Aszod-Nyiregyháza. 2001. P. 389–418.
- Kazanski, Mastykova 1999 – *Kazanski M., Mastykova A.* Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e – 6e siècles // *Eurasia Antiqua*. 1999. Vol. 5. S. 523–573.
- Kazanski, Périn 1996 – *Kazanski M., Périn P.* La tombe de Childéric et la question de l'origine des parures du style cloisonné // *Antiquités Nationales*. 1996. Vol. 28. P. 203–209.
- Kazanski, Périn 1997 – *Kazanski M., Périn P.* Les Barbares «orientaux» dans l'armée romaine en Gaule // *Antiquités Nationales*. 1997. Vol. 29. P. 201–217.
- Kazanski, Périn 2000 – *Kazanski M., Périn P.* Les «fibules-mouches» de l'époque des Grandes Migrations découvertes en Gaule // *Les sites archéologiques découvertes en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-âge*. Colloquia Pontica 5. Leiden etc., 2000. P. 15–28.
- Kiss 1982 – *Kiss A.* Germanischer Grabfund der Völkerwanderungszeit in Jobbagyi // *Alba Regia*. 1982. Vol. 19. S. 167–185.

- Kiss 1983 – Kiss A. Die Skiren im Karpatenbecken, ihre Wohnsitze und ihre materielle Hinterlassenschaft // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1983, Vol. 35 (1–2), S. 95–131.
- Kiss 1984 – Kiss A. Über eine silbervergoldete gepidische Schnalle aus dem 5. Jahrhundert von Ungarn // *Folia Archaeologica*, 1984, Vol. 35, S. 57–76.
- Koenig 1980 – Koenig G. G. Archäologische Zeugnisse westgotische Präsenz im 5. Jahrhundert // *Madrider Mitteilungen*, 1980, Vol. 21, S. 299–360.
- Kühn 1935 – Kühn H. Die Zikadenfibeln der Völkerwanderungszeit // *Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst*, 1935, S. 85–106.
- Kühn 1940 – Kühn H. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in der Rheinprovinz, Bonn, 1940.
- Kühn 1974 – Kühn H. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland, Graz, 1974.
- Mac Gregor 1997 – Mac Gregor A. Ashmolean Museum Oxford, A Summary Catalogue of the Continental Archaeological Collections // *BAR*, Oxford, 1997, Int. Ser. 674.
- Manucu Adamesteanu 1980 – Manucu Adamesteanu M. Un mormint germani din necropola Cetabii Araganu // *Stidii și cercetări de Istorie Veche*, 1980, Vol. 31, N 2, P. 311–320.
- Mrkobrad 1980 – Mrkobrad D. Arheološki nalazi seobe naroda u Jugoslaviji, Beograd, 1980.
- Périn 1993 – Périn P. L'armée de Vidimer et la question des dépôts funéraires des Wisigoths en Gaule et en Espagne (Ve-VIe siècles) // *L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIe siècle*, Paris, 1993, P. 411–423.
- Pósta Béla 1905 – Pósta Béla. Archäologische Studien auf russischen Boden, Budapest; Leipzig, 1905, T. 1–2.
- Salin 1935 – Salin B. Die altgermanische Tierornamentik, Stockholm, 1904.
- Schmidt 1961 – Schmidt B. Die späte Völkerwanderungszeit in Mitteleuropa // *Veröffentlichungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle*, Halle; Saale, 1961, H. 18.
- Slabe 1975 – Slabe M. Dravice. Grobnice iz casov pereseljavanja ljudstev // *Situla*, Ljubljana, 1975, Vol. 16.
- Szameit 1997 – Szameit E. Ein Völkerwanderungszeitliches Werkzeugdepot mit Kleinfunden aus Niederösterreich // *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum*, Brno, 1997, S. 233–257.
- Tautavičius 1979 – Tautavičius A. Taurapilio «kunigaikscio» kapas // *Lietuvos archeologija*, 1979, Vol. 2.
- Tejral 1973 – Tejral J. *Mähren im 5. Jahrhundert*, Praha, 1973.
- Tejral 1988 – Tejral J. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // *Archaeologia Austriaca*, 1988, Vol. 72, S. 223–304.
- Tejral 1997 – Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaum // *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum*, Brno, 1997, S. 321–392.
- Tejral 1997a – Tejral J. Les fédérés de l'Empire et la formation des royaumes barbares dans la région du Danube moyen à la lumière des données archéologiques // *Antiquités Nationales*, 1997, Vol. 29, S. 321–392.
- Uenze 1992 – Uenze S. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien), München, 1992.
- Vinski 1957 – Vinski Z. Zikadenschmuck aus Jugoslawien // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*, 1957, Vol. 4, S. 136–160.
- Weikow 1942 – Weikow L. Völkerwanderungszeitliche Grabfunde aus Bulgarien // *Germania*, 1942, Vol. 26, S. 48–50.
- Werner 1961 – Werner J. Ostgotische Bügelfibeln aus bawarischen Reihengräbern // *Bayerische Vorgeschichtsblätter*, 1961, Vol. 29, N 1, S. 68–75.
- Werner 1970 – Werner J. Zur Vorbereitung frühgeschichtlicher Metallarbeiten (Werkstatt, Wanderhandwerk-Familienverbindung) // *Early Medieval Studies (Antikvariskt Arkiv 38)*, 1970, Vol. 1, S. 65–81.
- Werner 1977 – Werner J. Der Grabfund von Taurapilis, Rayon Utina (Litauen) und die Verbindung des Baltens zum Reich Theodorichs: Archäologische Beiträge zur Chronologie der Völkerwanderungszeit // *Antiquitas*, Bonn, 1977, Vol. 20, S. 87–92.
- Zichi 1897 – Zichi E. Voyages au Caucase et en Asie Centrale, Budapest, 1897.

LE BOSPHORE CIMMÉRIEN, LES TÉTRAXITES ET LE CAUCASE DU NORD DURANT LA DEUXIÈME MOITIÉ DU VE-VIE S.

I. O. GAVRITUKHINE, M. M. KAZANSKI

L'étude est consacrée aux influences culturelles du Bosphore Cimmérien (Crimée orientale et presque île de Taman) et des Goths-Tétraxites, dont la civilisation est connue d'après le matériel de la nécropole de Djurso (près de la ville de Novorossiïsk d'aujourd'hui) sur les peuples barbares du Caucase du Nord à l'époque post-hunnique, durant la période entre la chute de «l'empire» d'Attila (454/455) et la naissance de «l'empire» turc (années 560).

Les grandes fibules en tôle d'argent et celles à boutons à tête triangulaire sont toutes les deux de la tradition germanique orientale. Elles sont fréquentes dans des tombes féminines du Danube moyen de la première moitié-deuxième tiers du Ve s., notamment dans les sépultures privilégiées. Leur apparition dans le Nord-Est de la mer Noire est liée à l'influence de la civilisation «princière» des Germains orientaux de l'époque hunnique et post-hunnique. Dans la plupart des cas il s'agit des dérivées locales des prototypes danubiens, ces derniers étant

modifiés dans les ateliers du Bosphore Cimmérien. Bien connues sur le territoire du Bosphore Cimmérien et chez les Goths-Tétraxites, elles témoignent de l'influence bosphorite/tétraxite sur le costume de la population sédentaire du Kouban inférieur durant la deuxième moitié du Ve-début du VIe s.

Les fibules digitées des types Goruzouf et Udine-Planis et leur dérivées, ainsi que les plaques-boucles à plaque losangique, proviennent du bassin du Kouban Inférieur et Moyen. Elles témoignent de l'influence de la civilisation matérielle du Bosphore Cimmérien à la fin du Ve-VIe s. Les ateliers du Bosphore Cimmérien fabriquent des séries locales des fibules digitées à partir de la fin du Ve s. Ces parures ont des prototypes germaniques orientaux (gothiques, gépides etc.) du Ve-début du VIe s., dans la région balkano-danubienne et en Italie ostrogothique. Une large diffusion des fibules digitées et des plaques-boucles danubiennes au Nord-Est de la mer Noire s'explique

notamment par la présence des soldats d'origine germanique et de leurs familles dans la garnison byzantine du Bosphoros, dans le cadre de la politique militaire byzantine durant le deuxième tiers du VIe s., quand, sous Justinien, l'Empire s'empare de ce lieu stratégique.

Enfin les petites fibules à tête triangulaire ou semi-circulaire et trois doigts ainsi que les fibules-mouches montrent l'adaptation et l'évolution ultérieure des modes bosporites dans la partie centrale et orientale du Caucase du Nord (Kabarda-Balkarie, Ossétie du Nord, Tchétchénie, Daghestan) durant le VIe-VIIe s. Apparemment leur diffusion s'est passé par la région du Kouban inférieur, où sont connus les exemplaires les plus anciens (Ve s. tardif - VIe s. ancien).

Les influences bosporites et tétraxites dans le costume sont bien attestées dans le bassin du Kouban Inférieur (la région de la ville actuelle de Krasnodar), dans les nécropoles comme Pachkovsky, Hable, Houtor Lenina. Une partie des objets de tradition bosporite/tétraxite est sûrement fabriquée sur place d'après les prototypes importés (par ex. fibules en tôle métallique, fibules à tête triangulaire et à trois doigts, fibules-mouches), d'autres sortent directement d'ateliers bosporites (par ex. fibules digitées du type Udine-Planis). Les contacts entre le Kouban Inférieur, le Bosphore Cimmérien et les Goths-Tétraxites étaient très denses, on peut supposer la présence physique des Germains orientaux parmi la population de la région du Kouban.

L'autre zone de concentration d'objets originaires du milieu bosporite-tétraxite se situe dans le Kouban Moyen, près de la ville de Majkop d'aujourd'hui. Malheureusement, il s'agit d'objets isolés, hors contexte, provenant des marchands d'antiquités. On peut cependant remarquer que ces objets rappellent bien ceux découvertes dans le bassin du Kouban Inférieur.

Il faut noter que les modes vestimentaires tétraxites et bosporites n'englobent pas la partie occidentale du Caucase du Nord (la région de Piatigorie et le Haut-Kouban) où à partir du Ve s. existent des centres du pouvoir alains, typologiquement proches des royaumes

«barbares» de l'Occident, qui entretiennent les contacts avec l'Empire byzantin par l'Abkhazie et où la forte influence méditerranéenne/byzantine est dominante dans la formation de la civilisation locale. On connaît ici les tombes privilégiées, accompagnées d'épées byzantines d'apparat, le costume féminin local contient des éléments de la mode prestigieuse méditerranéenne. Il faut noter que les objets vestimentaires, typiques des Alains du Caucase du Nord-Ouest, sont extrêmement rares dans les régions du Kouban Inférieur et Moyen (nécropoles Pachkovsky et Protchnookopskaya). On peut conclure donc que ces deux régions, le Kouban Inférieur et Moyen d'une part, le Haut-Kouban et le Pyatigorie d'autre part, n'entretenaient pas des relations étroites entre elles et avaient des orientations culturelles, économiques ou politiques différentes.

Les fibules à trois doigts et les fibules-mouches de fabrication locale, qui imitent les prototypes bosporites, en nombre considérable, ont été mis au jour en Kabarda-Balkarie et en Ossétie du Nord. Mais les objets de fabrication bosporite y sont totalement absents. La civilisation aristocratique de la Kabarda-Balkarie se formait, à en juger d'après les découvertes «princières» (Kudineto, Ozorukovo), sous l'influence directe byzantine, via Abkhazie. Ainsi, les fibules d'inspiration bosporite dans ces régions ne sont pas directement liées à l'influence bosporite/tétraxite mais témoignent plutôt d'une mode pan-caucasienne.

Enfin, plusieurs fibules de la mode bosporite/tétraxite (à trois doigts, mouches) ont été mis au jour dans le Caucase du Nord-Est, en Tchétchénie et au Daghestan, avant tout dans les nécropoles où sont attestées les tombes du type alain (chambres funéraires à dromos: Berduty, Martan-Tchou, Tchir-Yourt). Probablement ces parures se diffusaient parmi les populations apparentées à celles du Caucase du Nord-Ouest. Souvent ces fibules représentent des dérivées tardives (d'après les découvertes monétaires, jusqu'au VIIe s.) des prototypes attestés dans le Bosphore Cimmérien ou sur le Kouban Inférieur au Ve-VIe s.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗНАКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Шер Я. А., Вишняцкий Л. Б., Бледнова Н. С.

Происхождение знакового поведения.

279 с.: цв. ил. 2004. Москва: Научный мир.

Первые шесть глав книги (с. 5–97) написаны Л. Б. Вишняцким. Четыре главы – это достаточно свежее изложение сведений по палеолиту Старого Света, с прибавлением данных по физической антропологии – от олдувая до мустье. По-моему, это основная часть книги, из-за этого ее будут читать. И не только студенты. Пятая глава посвящена происхождению языка. Шестая глава особо трактует эпоху верхнего палеолита (с. 87–97). Главы 10–11 написаны Н. С. Бледновой (при участии Я. А. Шера). Это – про творчество детей и музыку и танцы. Музыка и танцы собственно привлечены потому, что Я. А. Шеру пришла в голову мысль: в информационное поле культуры входит музыка, пение и танцы (с. 9). Но культура, кажется, не то же самое – что знаковое поведение? По-моему, это случай перегрузки терминологией сочинения, в котором недостает содержания. Хотя книга называется «Происхождение знакового поведения», в книге нет устойчивого, общего для разных разделов и разных авторов определения, что такое – знаковое поведение. Редактор/автор книги Я. А. Шер ставит это себе в заслугу (с. 5).

Конечно, можно сказать, что все содержание книги рассказывает нам про знаковое поведение. Но, посмотрев на оглавление книги, видишь, что это не так. Конечно, очень даже можно узнать и в другой книге, что такое – знаковое поведение, но хотелось бы узнать это от одного из авторов этой книги.

Близко к определению, но не определение, замечание Л. Б. Вишняцкого, что знаковое поведение – важнейшая составляющая культуры, но этого недостаточно. У Я. А. Шера речь – знаковое поведение, и искусство – знаковое поведение. Но это разные вещи, и возникли они в разное время и по-разному.

А еще есть «взрыв символизма в начале верхнего палеолита». Это – возникновение искусства в начале верхнего палеолита, или второй скачок, по Я. Я. Рогинскому. И это же самое – начало знакового поведения. Зачатки знакового поведения есть и у животных. А вот у человека оно появляется спустя два миллиона лет после того, как он изменил коренным образом свое поведение по сравнению с высшими обезьянами. Целая группа авторов, в том числе и авторы этой книги, твердит нам, что познавательные способности первобытного человека, человека палеолита – не таковы, как у современного человека – исследователи палеолита или палеолитического искусства. А по-

тому нельзя с нашими средствами узнать содержание палеолитического искусства. С чем я могу согласиться – что в силу этой разницы человек палеолита не смог бы понять наше поведение, нашу культуру. А не наоборот, как думают Я. А. Шер и другие (американские) исследователи. Но ведь палеолитическое искусство исследуют только наши современники. Это они-то, наши современники – этнографы и этнологи – и узнали, что мышление австралийца или бушмена – не такое, как у современного человека. Ведь узнали же, хотя и не имели такого склада мыслей, как у бушмена или австралийца! И в этом мы доверимся нашему современнику-исследователю!

Когда же мы получаем от своего современника истолкование искусства эпохи палеолита, мы, оказывается, должны себе не доверять, если мы – не бушмены!.. И только потому, что наш современник испорчен вконец современным искусством и все норовит протолкнуть «идейное содержание», «отражение жизни» искусством и реализм. Если оставить в стороне знаковое поведение, не поддающееся определению в пределах рассматриваемой эпохи и рассматриваемого материала, то в книге еще речь идет об искусстве, о времени появления его и о его влиянии на прочие стороны нашего представления о культуре человека эпохи палеолита.

В этой части (главы 7–9) проводится аксиоматически точка зрения, что искусство возникло одновременно и везде. Мол, искусства нет там, где его не ищут, а где его нет – оно просто разрушено. Такова точка зрения М. Лорбланше. Уж где оно могло разрушаться – то это в индустриальных странах Европы, но именно там-то оно лучше всего и представлено.

Хотя ответственность за тезис всеобщности искусства несет не столько Я. А. Шер, сколько американские, например, авторы с их боязнью европоцентризма в вопросах истории культуры. Но, по-моему, нельзя ссылаться на будущее состояние дел – вот придет еще немного материала, и все материки уравниваются по количеству произведений искусства. Ведь ожидание длится уже век, а все прибавления, в палеолитическом искусстве случающиеся – в Европе, а на других материках ничего, кроме безыскусных поделок, не видно. И нельзя приводить пример итальянской пещеры, доказывая, что искусство скоро будет найдено везде, где оно пока не найдено: оно в Италии уже давно известно. В Африке есть всего

две плитки с примитивными изображениями, Если *две вве Европы* изобразительная деятельность и возникла – то результаты были примитивны. И надо еще *подумать, и крепко подумать, искусство ли это*. В Австралии при всем австралийском патриотизме *искусство, то есть наскальные росписи, – все позитиве*. Приведенный в книге овал на скале, как известно, и не датируется, и не искусство, и прав Я. А. Шер, призывая к осторожности. В итоге единственным образом искусства палеолита на других материках является гравированное изображение животного в Африке из пещеры Аполлон II. Но важнее то, что в Африке нет такой длительной последовательности образцов изобразительного искусства, этапов его развития, как в Европе. Искусство нельзя сводить к изобразительной деятельности в одной отдельной взятой пещере. *Необходимо некое пространство, где бы существовали изобразительные нормы, где были бы границы этого направления в искусстве – ничего такого нет нигде за пределами Европы*. И Брейль был прав, настаивая на исключительности Европейского материка как очага искусства. А вполне современный Ф. Бан пока, увы, не указал причины для отказа от точки зрения А. Брейля (Bahn, Vertut 1997). Нет нигде чего-то хоть приблизительно похожего на франко-кантабрийско-итальянский регион. Наше знание палеолитического искусства предполагает профессиональную критику изделий, относимых к искусству, отсев предметов, которые без оснований *были зачислены в разряд произведений искусства*. Вот много лет мы говорим о сибирском очаге, о Мальте и Бурети как показателе существования искусства за Уральскими горами. *Однако никто не говорит, каковы художественные достоинства этих статуэток*. Вот этого нам недостает, а *вовсе не новых определений радиоуглеродного возраста (хотя и этого – всегда недостаточно)*.

Знаковое поведение – это поведение человека (что тоже не слишком поддающееся определению понятие) (см. замечание Л. Б. Вишняцкого, с. 14). Это пример излишне широкого определения – *ведь поведение человека не только знаковое поведение*. И есть еще высшая форма, *разновидность знакового поведения – символизм*. Направление рассуждений по этому же вопросу *иное у другого автора – Я. А. Шера (если полагать, что введение написано им, что специально не оговорено)*. По его мнению, знаковое поведение обеспечивает взаимодействие между материальной и духовной культурами (с. 11). Президент Академии истории материальной культуры сомневался в таком делении. Этот тезис не обновляется и Я. А. Шером. А его бы желательно объяснить читателю. Деление культуры человека на материальную и духовную – из сферы обыденного мышления. При попытке провести это деление останавливаясь перед рядом трудностей. Потир, колес и лица – вещи вполне материальные. Но они же относятся к духовной культуре христианского населения Европы. Наверно, рубило относится к материальной культуре. А как много было рассуждений, что это – *наиболее ранний символ человеческой куль-*

туры, пока не выяснилось, что до рубила были и другие орудия. Пока что далека не ясно, нужно ли связывать материальную и духовную культуру – их бы различить понадежнее! Поэтому и Я. А. Шер знаковое поведение трактует как поведение человека, у которого уже есть искусство, или человека, у которого есть речь (с. 8–9). Вот это понятнее, поскольку хотя бы о появлении искусства есть основания говорить исходя из проверяемых наблюдений. Если это так, то можно понять его же утверждение, что «для этих эпох, отделенных от сапиенса миллионами лет, мы пока не располагаем никакими – ни прямыми, ни косвенными – следами осознанного знакового поведения» (с. 12). В главе, где трактуется искусство (гл. 6), наиболее свежим, если можно так выразить, является обсуждение гальки из Берехат Рам, которую некоторые исследователи определяют как изделие человека и как произведение искусства. Конечно, это изделие вызывает много вопросов. Есть исследователь, который просмотрел под микроскопом, и его никто не проверял. В этих случаях я бы избегал суждения об этом предмете. Пока же пересказ Я. А. Шером соображений трасологов производит странное впечатление. У этой отдельности видна одна канавка, а не несколько бороздок.

Глава 7 посвящена искусству палеолита и написана Я. А. Шером. Автор не рекомендует специалистам читать ее, но я все-таки ее прочел. Она производит впечатление работы, написанной по обязанности, автору неинтересно то, что занимает умы европейских исследователей палеолитического искусства, а о *стилистике он* отзываяется с пренебрежением. Вот совсем другое дело – метод ¹⁴C. Надо только подождать, пока будут получены даты для половинных палеолитических изображений (с. 120), и все будет ясно. Будет ясно, кто прав – Леруа-Гуран или Брейль. Ведь оба чулка основывались (по Я. А. Шеру) на интуиции!.. Есть мнение, что оба основывались не на интуиции, а на стилистике, на стратиграфии, на данных археологии,

Стилистика – материя тонкая и трудноуловимая (с. 111). И в самом деле, Я. А. Шер не уловил, что описание произведений искусства возможно только на основании стилистики, сколь бы она ни была трудна для неспециалиста. Без стилистики, без стилистической оценки не почувствуешь разницу между фигурками Бурети или рисунком из Аполлон II – и искусством палеолита Франции. Сложнейший вопрос о синхронности изображений внутри одной пещеры, в пределах одного павно (как говорят французы) для него остается не иначе как радиоуглеродным анализом.

Оказывается, между схемами Брейля и Леруа-Гурана нет существенной разницы. А я-то думал, что есть, и еще какая. Но если считать стилистику трудноуловимой материей и, стало быть, несостоящим занятием для серьезного ученого, то, наверно, Я. А. Шер прав. Ему кажется важнейшим методом определения возраста росписей палеолита метод ¹⁴C, а особенно его последняя разновидность: с использованием AMS. Он так и пишет: в пещере Куньяк стены использовались в течение 10 тысячелетий, а в Альтамире 2000 лет.

Явное непонимание метода ¹⁴C: 10 000 лет – это разница между крайними датами, точнее – между определениями возраста для одной пещеры. А это не одно и то же. Об этом можно справиться у Ж. Клотта (Clottes 1997: 46). Между определениями для двух бизонов в Альтамире оказалась разница в 400 лет, что критики и истолкователи росписей на плафоне и пытались использовать. Но Ж. Клотт объяснил критикам, что обе даты указывают на один возраст, при двойной сигме. Полезно также созерцать две даты, полученные для одного и того же изображения, см. там же, с. 48. Разница между определениями около 5 тысяч лет. Увы, физические методы соблазнительны, но они не дают автоматически единственно верные даты... И данные, полученные естественными методами, требуют анализа. Я не нашел его (анализа) у Я. А. Шера.

Глава 8 посвящена не просто искусству, а искусству как знаковому поведению. Искусство – это особый феномен, предполагающий создание художником, артистом – второго мира, помимо того мира, что окружает нас. В утверждениях, что искусство – это способ передачи информации, момент творчества уходит. Есть много способов передачи информации, и искусство – один из них. Искусство не ограничивается передачей информации. И прав Я. А. Шер, понятие «искусство», как оно дано здесь, весьма расплывчато. Ибо перед нами типично излишне широкое определение.

Особенно его беспокоит, что первобытное (палеолитическое) искусство «как бы уравнивается с искусством более поздних эпох». Ут, кто это делает (но кто?), по-моему, прав. В самом деле, какая же разница между живописью в пещере и фресками Матисса или Пикассо? Художники творят мир и в том, и в другом случае, и делают это по своим законам. Я не нашел в книге указания на разницу между искусством палеолита и искусством более поздних эпох. Но есть книга, которая так и называется – «За пределами искусства» (Beyond the Art 1997). В этой книге также отвергается предположение, что фрески в Альтамире или в Ляско – это искусство, что фрески Джотто и фрески Ляско – одно и то же. В этой книге есть соображения в пользу такой точки зрения. Авторы-редакторы убеждены, что в палеолите все было так, как у австралийцев и американских индейцев. А у австралийцев не было художников, у индейцев не было восприимчивости искусства как художественной ценности. Они воспринимали только информацию, закодирован-

ную в нем. Но и искусство, изобразительная деятельность у австралийцев не такие, как в палеолите.

Просто говоря, они не сравнимы по своим художественным достоинствам с искусством палеолита. Жаль, что эта книга – «За пределами искусства» – не попала в глаза нашим авторам и редактору Я. А. Шеру. Ему было бы легче обосновывать свою точку зрения на искусство. Я. А. Шер же ссылается не на австралийцев или бушменов, а на греков, у которых чего-то не хватало в терминологии. Вот у нас, людей XX в., – богатый набор терминов!

Очень может быть, но греки чтли своих творцов прекрасного даже в условиях терминологического дефицита. Подобным образом другие авторы ссылаются на отсутствие до VI в. термина, общего для афинян и спартанцев. Правда, существование эллинов, слава Богу, никто по этой причине не отрицает...

К глубокому сожалению многих авторов, не только Я. А. Шера, термины и понятия, разработанные современным искусствознанием, идут в ход при анализе палеолитического искусства. А иначе зачем они создавались? Илейное содержание, отражение жизни – термины не для палеолита. Может быть... Но как бы это можно было доказать? Одним без первобытного реализма не представить себе палеолитического искусства, другие подчеркивают близость палеолитического искусства к современному, но границы между искусством палеолита и искусством современности на понятийном уровне пока никто не указал. Лишь косвенно к этому относится отсутствие профессионального художника в палеолитическое время, засвидетельствованное некоторыми этнографами. Но свидетельство тому – в данных по австралийцам, а не из палеолита.

Моя рецензия, может быть, излишне сурова. Ибо она основана на ином понимании палеолита и искусства палеолита. И на незнании того, что такое знаковое поведение. Книга не слишком логична. Как правило, авторы дают определение через указание на более общее понятие (искусство относится к сфере информатики). Но как же быть с более частным понятием – с определением искусства? Авторы не упрекаешь в незнании новых фактов, новых веяний. Но они, на мой взгляд, далеки от нынешней проблематики. Пример тому – росписи в Шове. Они упоминаются, но проблематика, порожденная Шове, для них чужда. Книга интересна для читателя. И для меня тоже. Похожих книг нет.

Bahn, Vertut 1997 – Bahn Ph., Vertut G.-J. Images of Ice Age. London, 1997.

Beyond the Art 1997 – Beyond the Art: Pleistocene Image and Symbol / Conkey M. W., Soffer O., Stratman D., Jablonski N. (Eds.). San Francisco, 1997.

Clottes 1997 – Clottes J. Niaux: Die ältesten zeitlichen Bilderhöhlen in der Ariege / Gerhard Bosinski (Ed.) // Thorbecke Spleiß 4. Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag, 1997.

Г. П. Григорьев
Россия, Санкт-Петербург.
Институт истории материальной культуры РАН.
Отдел археологии палеолита.

С ЧЕМ ПРОХОДИЛИ СВОЙ ПУТЬ ВИКИНГИ

Prise Neil S. The Viking way: religion and war in late Iron Age Scandinavia.
435 pages, 159 figures, 3 tables. 2002. Uppsala.

Исследование Нила Прайса представляет собой существенный вклад в изучение эпохи викингов за последние годы. Автор делает попытку реконструировать восприятие реальности человеком эпохи викингов, различные аспекты его сознания и мироощущения. Эта попытка во многом представляется удачной. Мэтью Тауненд в своей электронной рецензии пишет, что «метод Прайса логичен, убедителен и теоретически проработан» (Тауненд 2003). Автор оперирует огромным количеством примеров из письменных источников, иллюстрирующих и подтверждающих его теоретические построения.

Книга состоит из семи глав, последняя из которых – «Путь викингов» («The Viking Way», одноименная самой монографией) может быть названа заключением. Основной текст предваряется введением. Оно включает в себя краткие справки по всем основным вопросам, ставшим объектами исследования в этом труде.

Структура текста своеобразна: сначала Н. Прайс движется от целого к частностям, от общей проблематики изучения эпохи викингов, которой посвящена первая глава, к вопросам исследования сакральной сферы (во второй главе), затем переходит к одному из аспектов древнескандинавской религии – магической системе сейд – *seipr* (этой теме посвящена третья глава, центральная в монографии). В четвертой главе автор переходит к описанию и разбору самского шаманизма – *noaidevuohta* (как религии и как магической системы). В следующей главе он еще более расширяет круг своих аналогий, включая в него религиозные представления многих северных народов. Наконец, возвращаясь в шестой главе к скандинавскому материалу, Нил Прайс переходит к агрессии, вернее, к теме войны, проходящей через сферу сейда и других сакральных представлений древних скандинавов. Глава седьмая подводит итоги исследования. В ней автор предлагает несколько схематических вариантов (более простых и более сложных) модели мировоззрения эпохи викингов, а также реконструирует основные тезисы своей работы.

Эти модели, внешне похожие на карты девяти миров *ясеня Итдрасиль* из эзотерических книг, призваны наглядно передать переход (как эволюционный, так и произошедший под чужим влиянием) от шаманского мира к обществу эпохи викингов. Значимыми координатами при этом оказываются *сейд* и оборотничество (как род боевой магии) со стороны духовной культуры, а со стороны материальной – сферы войны и культа.

Центральное место занимает Один – и как верховный бог скандинавского политеизма (интерпретация роли которого важна для исследования социаль-

ной структуры древнескандинавского общества), и как бог войны (предводитель Дикого Гола), и как колдун (*seiprmar*), и как бог мудрости. В образе этого одноглазого бога пересекаются все аспекты скандинавской мифологии и культуры, как относящейся к мидгардским (то есть земным, человеческим) делам, так и к *асгардским*.

Автор досконально разбирает скандинавскую мифологию. Анализирует степень достоверности саг и эддических песен, историю изучения, возможности применения этой информации для самых разных научных целей (от сравнительной теологии до реконструкции экономического устройства общества). Н. Прайс обрисовывает перспективы изучения скандинавского язычества – например, реконструкцию восприятия богов и прочих мифологических существ самими адептами этой религии. Он выделяет две категории археологических источников, способных пролить свет на духовную культуру, – это различные амулеты и прочие предметы, связанные с культом, с одной стороны, и данные погребального обряда – с другой.

Пытаясь упорядочить, но не упростить представления древних скандинавов, Нил Прайс выделяет шесть категорий невидимого народа (кроме богов в узком смысле этого слова):

1. Слуги богов (вороны и волки Одина и тому подобные спутники).
2. Великаны (едва ли не равнозначные богам существа, часто находящиеся с ними в конфронтации).
3. Духи (дисы как духи земли или дома, ночные *мары*).
4. Космогонические существа (Норны, дисы как пророчицы, валькирии (частично)).
5. Сверхъестественные природные существа (*дварфы*, *огры*, *тролли* и *альвы*, в том числе и *Ньерд* с *Фрейром* и *Фрейей*).
6. Проекции человеческой души (призраки).

Возникает закономерный вопрос: а что же есть боги в узком смысле? Подразумевается, что Асы. Но с точки зрения логики можно предположить, что Асы – это все население Асгарда, включая заложников-ванов (то есть *Ньерда* и его детей), *Локи* и даже постоянно живущих там великанов, например, *Скади* или *Герд*. Другого общего отличительного признака проследить не удается, хотя и это весьма спорно. Все Асы, и даже сам *Один*, – дети великанов. Родителями *Одина* были *Бер* и *Бестла*, дочь *етуна Бельторна*.

Но, отметив нестатичность языческой веры во времени и пространстве, а также вспомнив, что мы знаем мифологию от средневековых ученых, бывших знакомыми и с Библией, и с древнегреческими мифами, проследим мысль Н. Прайса дальше.

Ведь вышперечисленные сверхъестественные существа жили, с точки зрения человека изучаемой эпохи, в непосредственной близости от него. Вступление в контакт было возможно по инициативе любой из сторон. Ритуальная сторона древнескандинавской религии была достаточно далека от известных нам литературных мифов, и не они лежали в ее основе (если не считать руническую магию, которой Н. Прайс касается лишь косвенно). Даже в известных нам по сагам случаях обращения к магии в них, как и в *Эдах*, заметны архаичные черты, но не будем вдаваться в рассуждения о первичности мифа или ритуала.

Археологические источники, имеющие отношение к сейду, делятся на две категории. Во-первых, к ним относятся индивидуальные находки, интерпретируемые как инструменты колдунов или как-то иначе связанные с магической практикой. В эту категорию попадают широко известные амулеты в форме Мьельнира – молота Тора.

Вторая категория – это погребения колдунов и колдуний. Они выделяются по особому погребальному обряду. Во многих захоронениях такого рода находятся особые жезлы. Обычно он лежит вдоль или поверх ног погребенного, в сидячих погребениях (например, в Бирке) может быть приклонен к стене камеры за спиной умершего.

Этот жезл представляет собою железный стержень длиной до метра, с выделенным фигурным навершием (иногда в форме миниатюрного здания), разделенный колесами наподобие бамбука. Н. Прайс приводит их подробную классификацию и карту распространения.

Большая часть погребений, инвентарь которых включает в себя такой жезл, – женские. Само древнескандинавское слово «ведьма» – *«vǫlva»* происходит, вероятно, от одного из названий этой «волшебной палочки» – *«vǫl»*. Необходимо отметить, что к концу эпохи викингов сейд стал считаться исключительно женской магией, характерный пример чему – оскорбительное именование *Одина «женевидным мужем»* в эдической песне «Перебранка Локи».

Вторым признаком причастности погребенной (-ого) к сейду считается подвеска в форме миниатюрного кресла. В числе многих других амулетов и мелких предметов они привешивались к поясу или низывались с бусинами в ожерелье. Также не было редкостью среди чародей и ношение вещей финского происхождения – утиных лапок и т. д. В одном из подобных захоронений Бирки был найден железный коготь.

Также находят остатки личин и войлочных масок, изображающих звериные морды. Подобные находки были сделаны, например, в Хелебо.

Нил Прайс собрал огромное количество данных о сейде. Для понимания их и для расширения возможностей интерпретации ему потребовались транскультурные аналогии. Обходя, что удивительно, любые кельтские параллели (даже в вопросе о Диком Гоне), он обратился к этнографическим и археологическим данным северных народов, и прежде всего – саамов.

Этот народ сосуществовал со скандинавами на севере полуострова. Н. Прайс подробно разбирает его духовную культуру, так как в сейде прослеживаются черты северного шаманизма, характерного для саамов.

Впрочем, эта часть работы кажется вполне самостоятельной. Автор подробно разбирает мифологию и иерархическую структуру пантеона. Подчеркивается дуальность саамской веры – различные религии для мужчин и для женщин. Эта двойственность, типичная и для скандинавского сейда, отражалась на социальном статусе ноаиды (шамана), у которого чаще всего был помощник противоположного пола. Женщина-шаманка была важна для охотников, так как, по поверьям, имела прямую связь со всеми животными своей округи. В этом контексте вспоминается яга – «хозяйка леса», по В. Я. Проппу. «Яга представляет стадию, когда плодородие мыслилось через женщину без участия мужчин» (Пропп 1986: 75).

Но функции ноаиды не сводились к помощи на охоте. Также в них входили предсказание будущего, целительство, управление погодой, вредительство врагам и др.

В связи с вопросом о степени влияния саамского шаманизма на сейд рассматривается характер саамско-скандинавских связей (чересполосное проживание, ассимиляция). Для этой цели привлекается археологический материал. Например, во многих погребениях эпохи викингов встречаются саамские вещи. Вендальские труположения в ладьях неоднократно сопровождают кости оленя (в саамских погребениях они подчеркивают высокое положение умершего). С антропологической точки зрения некоторые из погребенных в ладьях имеют сходство с саамами.

Погребальный обряд саамов отличается от скандинавского. Это кремации, расположенные чаще всего вокруг лесных озер. По крайней мере, многие такие памятники интерпретируются как саамские.

Шестая глава, где автор возвращается к скандинавским материалам, является, видимо, итоговой. Н. Прайс разбирает в ней связь сакральной и военной сфер в жизни древнескандинавского общества. Он подробно останавливается на боевых сверхъестественных существах – валькириях, а также троллях и прочих агрессивных существах. Немалое внимание уделено и различным оборотам, сочетавшим антропоморфные и зооморфные черты, в первую очередь – волколакам (*ulfhjennar*) и берсеркам (*berserkr*). Автор считает их равноправными сущностями и приводит распространенную этимологию слова *berserkr* – от *ber* – медведь и *serk(j)r* – рубашка, тогда как М. И. Стеблин-Каменский считал слово «берсерк» общим обозначением для всех воинов, впадавших в боевое безумие (в том числе вывжих по-волчьи или рычащих по-медвежьи), и возводил этимологию этого понятия к *ber* – голый и *serkr* – рубашка, что объясняется обычаем берсерков идти в бой по пояс голыми (упоминаний о межвежеских шкурах мы нигде не встречаем) (Стеблин-Каменский 2002: 224).

Н. Прайс размышляет над вопросом о природе берсерьерского боевого безумия, приводит широчайшие аналогии по этому вопросу.

По тематике и методам работы (анализ письменных источников, в том числе и статистический) эта глава кажется продолжением третьей.

Итак, перед нами уникальной опыт реконструкции цельной системы мировоззрения архаичного общества. Автор воссоздает *путь* этого общества. Путь общества как одного человека. Дао.

Пропт 1986 – *Пропт В. Я. Исторические юрты волгабной сказки*. Л., 1986.

Стеблин-Каменский 2002 – *Стеблин-Каменский М. И. Учебник древнеисландского языка*. СПб., 2002.

В начале книги автор рассуждает об аналитической археологии. «Археология направляет поток информации от прошлого к настоящему, от создания чего-либо к осмыслению его существования, форм и назначения». По мнению автора, археология должна вырваться из границ практики и методики на уровень анализа и интерпретаций. В последующих главах этой *принципи с успехом претворяется в жизнь*.

Таунед 2003 – Интернет-публикация:

<http://static.highbam.com/a/antiquity/june12003/neilsprietchevikingwayreligionandwarinlateironageskandinavia>

Е. В. Лурье

Россия, Санкт-Петербург.

СПбГУ, исторический факультет, кафедра археологии.

ВСЕ О КРЕСТАХ-ЭНКОЛПИОНАХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Г. Ф. Корзухина, А. А. Пескова. Древнерусские энколпионы.

Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. 432 с. 159 табл. Труды ИИМК РАН.

Т. 14. 2003. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение.

Вышедшее из печати издание является давно ожидаемым и весьма необходимым, впервые в монографической форме освещающим наиболее существенную часть русской металлопластики XI–XIII вв. Ценность таких трудов обычно становится очевидной не столько при их прочтении, как при практическом использовании. Рассматриваемый материал при своей многочисленности отличается чрезвычайной типологической вариативностью, а также топографической разбросанностью. В одних случаях это служит свидетельством ареала распространения изделий, в других – миграции коллекций, продолжающейся и в наши дни. Изучая произведения художественного литья, приходится датировать как *его модель, так и каждый конкретный экземпляр, который может оказаться более поздним и при этом заметно адаптированным вследствие дополнительной обработки рельефа. Восприятие таких имитационных образцов является неоднозначным, и вопрос о правомерности их рассматривания наряду с сохранившимися оригиналами остается открытым. Однако игнорировать данный материал в любом случае невозможно, поскольку он остается частью общего целого, хотя и далеко не равноценной с авторскими экземплярами. Книга на сегодняшний день представляет самый полный свод материалов и исследований, охватывающих огромный фонд изделий, доступ к изучению которых часто очень серьезно затруднен.*

Важным обстоятельством являлось то, что Г. Ф. Корзухина в 1935–1938 гг. была хранителем фонда прикладного искусства Государственного Русского музея, а в 1938–1941 гг., будучи научным сотрудником Института археологии АН УССР в Киеве, хорошо изучила коллекции местных музеев, что позволило ей написать труд «Памятники домонгольского медного литья», законченный в 1949 г. В следующие десятилетия он был дополнен новыми материалами, а ныне составил первую часть рассматриваемого издания. Здесь впервые в отечественной историографии представлена самая полная и единственная система классификации этой категории изделий художественного ремесла и дана цельная картина ее развития на основе изучения 400 предметов. Материал был разделен на семь групп, внутри которых выделены отдельные типы. Главы работы соответственно посвящены библиографическому обзору, описанию памятников и их датировке. В последней заключительной главе речь идет о распространении «сирийских» крестов на Руси и русских на территории самой Киевской Руси, а также за пределами Поднепровья, в том числе в славянских странах; приведены также данные о владельцах энколпионов и о нахождении крестов в комплексах, до некоторой степени характеризующих их владельцев. В вводной главе исследовательница справедливо подвергает сомнению роль Херсонеса в появлении и развитии русских крестов-энколпионов. «В большой мере приходит-

ся еще и теперь при датировке литья пользоваться таким испытанным и заслуженным оружием, как "интуиция", — пишет Г. Ф. Корзухина и далее продолжает: «Археологи в большой степени именно по интуиции научились отличать памятники медного литья домонгольского времени от более позднего московского литья, а в пределах позднего литья XIV–XV вв. от XVII–XVIII вв. и т. д., и в настоящее время не требуется дополнительных изысканий для подтверждения правильности сложившихся представлений, а только дальнейшее углубление и развитие их. Гораздо сложнее детализация датировки домонгольского литья» (с. 11).

При определении произведений медного художественного литья действительно очень долго использовали знаточеские принципы, как и при изучении пластического искусства малых форм в целом. По-видимому, трудно было осознать, что это органическая часть пластики византийского круга, вполне сопоставимая по иконографии и стилю с иконописью, миниатюрой и особенно с резными каменными и с чеканными металлическими сюжетными рельефами. Можно сказать, что в систематизации материала Г. Ф. Корзухина оказалась первопреходом, и ее осторожность в некоторых определениях оправдана. Вместе с тем аналитический ум автора работы позволяет заметить массу существенных подробностей и дать им правомерное объяснение. Для этого надо было исключительно тонко чувствовать материал, воспринимая его в определенном контексте и на широком историческом фоне. Но фонд изделий постоянно растет за счет археологических исследований, случайных находок, «рассекрививших» музейных и частных коллекций. С учетом этого, несомненно, очень тактично был найден выход, позволивший, не вторгаясь в «морально устаревший» текст Г. Ф. Корзухиной, дать максимум того, что может современный исследователь. К авторскому тексту сделаны лишь самые необходимые максимально краткие примечания. Основной объем работы проделан А. А. Песковой, которой принадлежит вторая часть книги — «Каталог энколпионов Древней Руси», охватывающий свыше 1600 предметов из многочисленных музеев и частных коллекций.

Свои представления о материале и задачи исследования А. А. Пескова излагает в предисловии. Нельзя не признать справедливым следующее утверждение: «Серийность этих памятников художественного ремесла, их многочисленность и рассредоточенность по музейным и частным коллекциям всегда были серьезным препятствием для обобщения результатов в этой области. Необходимость создания полноценного свода источников для изучения древнерусских энколпионов как существенной составляющей не только культового литья, но и духовной жизни древнерусского общества, давно назрела и осознается многими исследователями» (с. 6).

А. А. Песковой на основе материалов из архива Г. Ф. Корзухиной был составлен каталог крестов-энколпионов, многократно превосходящий по объему и информативности первоначальный вариант.

На это потребовалось несколько лет напряженного труда, соединенного с хлопотной поисками ранее неизвестных изделий, многократной проверкой имеющихся данных. В результате структура каталога была неизбежно усложнена, но это придало ей большую четкость и определенность, при желательной унификации описаний. Надо отметить и следующую оговорку: «Датировка конкретных экземпляров очень субъективна, так как зависит от позиций отдельных авторов, их взглядов на развитие культового литья в целом и крестов-энколпионов в частности. Да и объективно она чрезвычайно затруднена самой возможностью бесконечных повторных воспроизведенных оригинала» (с. 7). Действительно, порой привязка определенного изделия к той или иной группе аналогий носит условный характер, а увидеть оригинальные черты памятника, отличающие его от подобных, способен далеко не каждый исследователь. Кресты-энколпионы византийского или средиземноморского происхождения в основном уже по своей типологии отличаются от киевских. Вместе с тем нам до конца неизвестна ситуация в Киеве в части художественного ремесла как во второй половине XI в., так и в первые десятилетия XIII в. Приходится полагаться на свидетельства самих изделий, в облике которых наличие архаизирующих черт не всегда служит несомненным признаком большой древности. Приходится считаться и с тем, что на территории самой Византийской империи находки образцов средневековой металлопластики не столь многочисленны.

Жаль научного каталога не позволяет пространно и всесторонне аргументировать определенные выводы. Это неудобство здесь, однако, успешно преодолено за счет включения весьма сжатых по форме экскурсов, позволяющих многое прояснить относительно конкретного типа изделия. По крайней мере, автор имеет реальную возможность обозначить свою исследовательскую позицию, как, например, это сделано по отношению к византийским энколпионам на территории Древней Руси. Мы не будем здесь обсуждать правомерность тех или иных датировок, которые, на наш взгляд, в ряде случаев недостаточно обоснованы. Это можно сделать в специальных работах. Однако надо решительно исключить иконографическое отождествление Христа Пантократора и св. Николая применительно к энколпиону из с. Хмельная, теперь находящемуся в Праге (с. 85, табл. 35): так св. Николай не изображали (в хитоне и гиматии, с босыми ногами), а надписи является votивной. Недавно стал известен еще один экземпляр такого энколпиона, поллиный, но позолоченный на рубеже XV–XVI вв. либо уже в XIX в. Похоже, что он находился в храме и был на виду до того, как оказался в музейном хранилище. Характерно, что находимые при археологических раскопках экземпляры XII в. уже представляют адаптированный вариант модели. Равным образом как и хранящийся в Сплите экземпляр, происходящий из окрестности Кинна в Далмации (с. 68, табл. 32), резко отличается от изделий, представленных на таблицах и датируемых XII в. Пока художественное литье в основном рассматривается на типологическом

уровне. Однако это не мешает видеть высокие художественные качества одних экземпляров и копииную оплывность – других. Книга Г. Ф. Корзухиной и А. А. Песковой теперь позволяет более пристально рассматривать изделия в рамках определенных серий.

Недооценка древнерусского художественного литья объяснима его мнимой массивностью. Если исключить более поздние воспроизведения (некачественные по рельефу либо заметно адаптированные), то выясняется, что оригинальных произведений гораздо меньше, чем общих учетных единиц данного каталога. При всей тщательности поисков он, к сожалению, не мог охватить весь существующий материал, в частности – осевший в Прибалтике. Могут быть в будущем, разумеется, сделаны заслуживающие внимания находки и в столичных частных коллекциях. Главное же в том, что с появлением данного издания появилась основа для последующих научных изысканий, для уточнения классификации, решения спорных ее вопросов. Это полностью искупает все пропуски и иные мелкие недочеты.

Древнерусские бронзовые кресты-энколпионы как произведения сакрального пластического искусства заслуживают более пристального внимания, чем им уделяют в специальной литературе, в лучшем случае приводя в качестве показательных примеров отдельные образцы. Если каждый складной крест потенциально мыслим как реликварий, то далеко не все изделия заключали в себе мощи или какие-либо евангелии. Лишь немногие створки энколпионов имеют внутри обозначенный рельефным бортиком крестчатый ковчег для реликвий (табл. 18, 107, 109). Реликвии же встречаются разнообразные, вплоть до обломка метеорита. В киевской продукции представлены несколько распространенных иконографи-

ческих схем, но есть и менее известные, скорее всего, тематически обусловленные локальным почитанием икон и святых (Пуцко 1987). С этой стороны художественное литье изучено явно недостаточно. Подобные аспекты изучения, конечно, находятся за пределами свода изделий. Особенно важным представляется учет энколпионов, инкрустированных чернью, а также экземпляров с пергородчато-выемчатой эмалью, поскольку практически каждый из них имеет индивидуальные черты, не свойственные другим.

Находки, к сожалению, вводят в научный оборот не всегда своевременно, часто без особой огласки. Тем более стоит отметить результаты раскопок на «Файке» близ Санока в Польше, где обнаружены энколпионы различных типов, включая варианты, скорее всего, вышедшие на рубеже XII–XIII вв. из рук местных ремесленников (Ginalski 1999–2000). С этой стороны еще ждет изучения и каталогизации серия находок на Северном Кавказе, где киевский художественный импорт также вызывал местные подражания, порой с весьма шаржированными изображениями.

Выход обсуждаемой книги дает повод для постановки различных вопросов, связанных с изучением энколпионов. Но это – никак не упрек авторам. Надо сказать, что издание в целом является образцовым. Оно снабжено картой распространения изделий некоторых типов, сводной таблицей композиционно-графических схем, 159 таблицами иллюстраций, обширной библиографией, перечнем архивных материалов, списком сокращений и аннотацией на английском языке. Труд заслуживает большой благодарности и похвалы. Единственный упрек, уже в адрес издателя: тираж 500 экземпляров, достаточный лишь для того, чтобы книга стала библиографической редкостью со дня своего появления.

Пуцко 1987 – Пуцко В. Г. Произведения искусства – реликвии древнего Киева // *Russia Mediaevalis*. München, 1987. Т. 6. P. 135–156.

Ginalski 1999–2000 – *Ginalski J. Enkolpiony z grodziska «Hordyszczce» w Trepczy koło Sanoka // Acta Archaeologica Carpatica. Kraków, 2000. T. 35. S. 211–262.*

В. Г. Пуцко
Россия, Калуга,
Калужский областной художественный музей.

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК–ЗАПАД

SYMBOLS, ICONOGRAPHY & MATERIAL CULTURE ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР СЕВЕРНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ДЛЯ АСПИРАНТОВ ИЗ СЕРИИ «ДИАЛОГИ С ПРОШЛЫМ» (Швеция, Гетеборг, 21–22 сентября 2005 г.)

Практический семинар «Символы, иконография и материальная культура», состоявшийся в сентябре 2005 г. в г. Гетеборге (Göteborg, Швеция), стал логическим продолжением семинара «Визуальные, текстуальные и материальные выражения. Взаимоотношения между изображениями, текстом и материальной культурой», прошедшего около года назад в Афинах (Греция) (Смирнов 2005: 262–266). В его двухдневной работе принимали участие аспиранты из Дании, Швеции, Финляндии и России. Организовали и возглавили семинар два молодых исследователя – представители поколения, приходящего на смену нынешней элите скандинавского научного мира, – Иоаким Голдхан (Joakim Goldhahn, департамент археологии университета г. Гетеборга, Швеция) и Кэтти Вальгрэн (Katty Wahlgren, Сёдертернс-колледж, отделение археологии, г. Худдинге, Швеция (Södertörns College, Huddinge)). Отдельно следует отметить специфический формат этого семинара: после двух или трех докладов участники (за исключением непосредственных докладчиков) организовывали две группы (их состав и руководители менялись), в которых параллельно обсуждались представленные исследования, формулировались общие вопросы и пожелания докладчику (от каждой группы), после чего обычно разворачивалась живая и острая дискуссия уже с участием автора исследования.

Первый день начался с лекции Иоакима Голдхана на тему «Символы, иконография и материальная культура. Дихроническая перспектива» («Symbols, iconography & material culture. A diachronic perspective»). Затем прозвучал доклад Александра Андреефа (Alexander Andreeff, университет г. Гетеборга, Швеция) «Готландские камни с изображениями. Новые подходы и интерпретации» («Gotlandic picture stones: new approaches and interpretations»). Андреефф, рассмотрев существующие подходы к изучению этих ярких памятников, уделил особое внимание разработке новых методов анализа их символики и места в культуре. Логическим продолжением предыдущего сюжета явился доклад Нанушки Мирберг (Nanouchka

Myrberg, университет г. Стокгольма, Швеция): «The Interplay of Split Expressions». Исследовательница изучала традицию культурной трансляции определенной мифологемы, сравнивая особенности ее воплощения в текстах, изобразительном искусстве и материальной культуре. После первых двух докладов состоялись их обсуждение в группах и общая дискуссия.

Во второй части выступили еще два участника семинара. Серена Сабатини (Serena Sabatini, университет г. Гетеборга, Швеция) в докладе «Символические обычаи или “утилитарные” символы? Традиция погребальных урн в виде домов эпохи поздней бронзы Северной Европы» («Symbolic practices or “practical” symbols? The Nordic Late Bronze Age House urns») исследовала изменения символического статуса этих изделий, основываясь на анализе традиций их изготовления, использования и включения в локальные погребальные обряды. Доклад Николая Смирнова (СПбГУ, ИИМК РАН) «Плеть как символ... Иконография, использование и значение в культуре» («The whip as a symbol of... Iconography, use and meaning in the Culture») был посвящен исследованию практического и символического значения плети в культурах эпохи бронзы и раннего железного века евразийских степей. Докладчиком прослеживалась преемственность традиций изготовления (технологические и морфологические характеристики) подобных изделий с эпохи бронзы и до раннего средневековья. На основании исследования морфологических трансформаций плетей, принципов включения в сопроводительный инвентарь погребений, анализа сцен с их изображениями, контекста их упоминаний в письменных источниках и этнографических параллелей последовательно реконструировалась символика плети в рамках определенных культурно-хронологических континуумов, соответствующих этапам трансформации культуры и социальной структуры древнего общества.

Второй день семинара начался с лекции Кэтти Вальгрэн на тему «Символы, иконография и материальная культура. Синхроническая перспектива»

(«Symbols, iconography & material culture. A synchronic perspective»). Утренний блок докладов открыла Анита Синнестведт (Anita Synnestevedt, университет г. Гетеборга, Швеция). Она представила результаты сравнительного исследования «жизни» археологического ландшафта как «сцены» исторических и современных событий («The landscape as a scene for a visual event-images in the present and in the past»). Доклад вызвал чрезвычайно оживленную дискуссию, лейтмотивом которой оказалась проблема определения границ собственно археологического исследования и адекватности применения методов исторической реконструкции в стиле «performance». С теоретических позиций постпроцессуализма Тимо Иллимауну (Timo Ilkamaun, отделение искусствознания и антропологии университета г. Оулу, Финляндия) подвергнул анализу эволюцию изображений города Торнио на картах и рисунках XVII–XVIII вв. до н.э. («Tomio – the iconography of the early modern town»). Исследователь пришел к выводу о том, что изменения стилистики в передаче города на картах и отдельных зарисовках являются отражением процесса трансформации сознания современников, в том числе в результате развития индивидуалистического восприятия. После этого доклада последовали обсуждение в группах и совместная дискуссия.

Дневной блок докладов был посвящен вопросам изучения древнего искусства. Маржут Ялканен-Мякеля (Marjut Jalakanen-Mäkelä, университет г. Хельсин-

ки, Финляндия) в докладе «Мотив зигзага в искусстве инкской империи» («Zig-zag motif in the Inka empire») представила результаты семантического анализа предметов и объектов, декорированных определенным орнаментальным мотивом. Исследовательнице удалось реконструировать семантику подобных изображений, убедительно связав их с мифологической традицией инка. Петер Андреас Тофт апробировал несколько методов исследования «геометрического» искусства культуры маглемозе в Северной Европе («Points of the past – a study of Maglemosian art»), основываясь на результатах которых, предложил выделение общих и региональных мотивов, отмечая определенную сложность их семантической интерпретации.

Второй день семинара завершился общей дискуссией по всем прозвучавшим докладам, отмечалась определенная общность проблем, затронутых в представленных исследованиях. Также всеми участниками подчеркивалась плодотворность и необходимость проведения семинаров в подобном формате и в дальнейшем.

Все участники семинара имели возможность ознакомиться с библиотекой департамента археологии университета г. Гетеборга, а также библиотекой гуманитарных наук и поработать с интересующими их изданиями. Кроме того, под руководством Иоакима Голдхана состоялась экскурсия к местонахождению наскальных росписей и осмотр одного из могильников бронзового века недалеко от Гетеборга.

Смирнов 2005 – Смирнов Н. Ю. Своевременная археология (опыт европейского строительства науки) // АВ. СПб., 2005. № 12. С. 262–266.

Н. Ю. Смирнов
Россия, Санкт-Петербург.
Институт истории материальной культуры РАН.
Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

КОНФЕРЕНЦИЯ «СТАРАЯ РУССА И ПРИИЛЬМЕНЬЕ В КОНТЕКСТЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ – ОТ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ К ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ. ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И КОМПЛЕКСНОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ» (Россия, г. Старая Русса, 21–24 сентября 2004 г.)

Конференция «Старая Русса и Приильменье в контексте древнерусской культуры – от тысячелетия к тысячелетию. Проблемы археологии и комплексного источниковедения», получившая статус межрегиональной с международным участием, была проведена в г. Старая Русса (Новгородская область) с 21 по 24 сентября 2004 г. Новгородским межре-

гиональным институтом общественных наук Новгород им. Ярослава Мудрого в рамках долгосрочного стратегического проекта «Археология ценностей и ценность археологии в контексте трансевропейских связей. Археологическое наследие Новгородской земли в изучении системы ценностей человека Древней Руси и формировании ценностных ориентаций современ-

ного российского общества» (руководитель в. и. с. ИИМК РАН, д. и. н. А. Е. Мусин). Мероприятие было организовано совместно с учебно-научной лабораторией «Старорусская археологическая экспедиция» при Центре изучения культуры НовГУ (заведующая Е. В. Торонова) и Администрацией г. Старая Русса и Старорусского района, при участии Новгородского государственного объединенного музея-заповедника и его старорусских филиалов – Краеведческого музея и дома-музея Ф. М. Достоевского, а также курорта «Старая Русса».

Научными целями конференции являлись обобщение результатов археологических исследований Приильменья и Старой Руссы, введение в научный оборот новооткрытого археологического материала и его сравнительный анализ в контексте древнерусской материальной культуры, дальнейшая интеграция письменных и археологических источников в исследовании русской средневековой истории, придание нового импульса изучению малых городов и сельских территорий Древней Руси, выявление системы ценностей человека русского средневековья в области повседневной культуры, а также объединение усилий представителей ведущих научных школ в активизации данных направлений.

Практическими целями конференции были осуществление взаимодействия научно-исследовательских учреждений, высшей и общеобразовательной школ, разработка вопросов организации экспонирования археологических коллекций в рамках музейного пространства с целью наиболее эффективной общественной коммуникации, развитие интереса к археологическому наследию в современном российском обществе, взаимодействие научного сообщества и СМИ в медиа-пространстве.

Основные темы конференции были сосредоточены вокруг следующей тематики: Великий Новгород, Старая Русса и Рюриково Городище: проблемы взаимодействия политической и материальной культуры; вещь в средневековой культуре: особенности изготовления, эксплуатации и депозиции; материальная и духовная культура городов средневековой Европы и Древней Руси на различных этапах взаимодействия; археологический контекст и письменные памятники в реконструкции повседневной культуры средневекового общества; письменные источники позднего средневековья: возможности комплексного источниковедения и архивной эвристики.

На конференцию было заявлено 49 докладов. В результате целенаправленного отбора докладов в программу было включено 40 выступлений, из которых состоялось 35. На научных сессиях конференции присутствовали: 21 сентября (утро – 63 участника, вечер – 45), 22 сентября (утро – 51), 23 сентября (утро – 45, круглый стол – 25), 24 сентября (36). В научных сессиях и прочих мероприятиях конференции приняли участие более 100 человек. Среди них 36 участников были моложе 40 лет, 22 имели ученые степени и звания (1 член-корреспондент РАН, 5 докторов наук, 16 кандидатов наук). Участники конференции представляли Москву (12), Санкт-Петербург

(13), Псков (1), Тверь (2), Торжок (2), Новгород (19), Любытино (1) и такие организации как: РГАДА, ИА РАН; ИИМК РАН; Институт славяноведения РАН; Институт всеобщей истории РАН; МГУ; Государственный исторический музей; Гильдия экспертов-лингвистов по информационным спорам; фонд «Город Достоевского»; Государственный Эрмитаж; СПбГУ; Институт культурного и природного наследия Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ; Псковский музей-заповедник; Тверской государственной университет; Всероссийский историко-этнографический музей г. Торжка; местные религиозные организации – приходы Московского Патриархата; НовГУ; НГОМЗ и его старорусские филиалы; Любятинский краеведческий музей; Музей 123-го авиаремонтного завода г. Старая Русса; Старолужский музей-заповедник; Санкт-Петербургскую редакцию «Радио Россия»; газету «Гаудеамус» (СПбГУ); журнал «Город» (СПб.); альманах «Челю» (Новгород). Конференция вызвала живой интерес у жителей г. Старая Русса, который был представлен членами своей Администрации, почетными гражданами, краеведами, а также сотрудниками филиалов НГОМЗ, местных школ и гимназий, старорусского землячества, краеведческого клуба «Отчина» и др. В работе конференции приняли участие четыре представителя дальнего зарубежья (Швеция, Стокгольмский университет; Голландия, Лейденский университет, Германия, Бамбергский университет).

Открытие конференции, ее рабочие сессии и другие значимые мероприятия проходили в помещении Научно-культурного центра дома-музея Ф. М. Достоевского. На открытии конференции с приветствием от имени Рушан и руководства города выступил заместитель главы Администрации г. Старая Русса, А. Л. Васильев, который, поздравив участников научного симпозиума с началом его работы, подчеркнул значимость для города археологических исследований, уже 6 лет проводимых здесь научно-учебной лабораторией НовГУ «Старорусская археологическая экспедиция» (1999–2004 гг.). С этими работами связывается возросший интерес местной молодежи к прошлому своего города, сама экспедиция является своеобразным «культурообразующим» предприятием Руссы. Город, который много сделал для того, чтобы экспедиция встала на ноги (предоставление базы, текущая помощь в организационных мероприятиях, выделение ограниченного финансирования работ школьников на раскопе), и впрямь заинтересован в развитии сотрудничества с НовГУ и МИОном, от имени которого выступил ректор Гуманитарного института председатель Ученого совета НовМИОна А. П. Донченко. Он подчеркнул важность археологической проблематики проекта как для развития научной и общественной деятельности МИОна в частности, так и для судеб НовГУ в целом. От имени НГОМЗ выступил его Генеральный директор член Консультативного совета проекта НовМИОна Н. Н. Грицев. Отметив непосредственное участие НГОМЗ в организации и финансировании работы Старорусской археологической экспедиции, он выступил с инициативой

издания материалов проходящей конференции непосредственно на средства музея.

Содержательная часть конференции началась с доклада руководителя Старорусской археологической экспедиции Е. В. Тороповой (Великий Новгород) «Старорусская археологическая экспедиция в 1999–2004 гг.: итоги и перспективы». Доклад сопровождался демонстрацией электронной презентации планов, схем, общих видов раскопок и наиболее эффективных находок. Несмотря на достаточно длительное время изучения города (более 10 000 индивидуальных находок при вскрытой площади до 1900 кв. м культурного слоя), одной из стоящих перед исследователями задач является обобщение и осмысление накопленного материала. К числу наиболее острых задач изучения Руссы могут быть отнесены вопросы восполнения лакун письменных источников за счет данных археологии, уточнение времени и характера возникновения городского поселения, прояснение первоначальной топографии и гидрографии. Был поднят и вопрос о времени основания города и возможном праздновании его 1000-летия, который был решен в духе научного объективизма и гражданской ответственности: была предложена формула о «процессе вступления города во второе тысячелетие своей истории».

Непосредственно со старорусской тематикой были связаны доклады:

в. н. с., д. и. н. ИИМК РАН А. Е. Мусина (Санкт-Петербург) «Старая Русса в средние века: между Городищем и Новгородом», где речь шла о социальном позиционировании средневековых рушан и проблеме общественной организации раннего города. Синхронный анализ данных письменных источников и археологических материалов XI в. позволил установить, что городское население, по крайней мере до XIV в., входило в связанную с князем сотенную организацию, а утверждение здесь власти боярской аристократии из Неревского конца относится к более позднему времени;

с. н. с. Института славяноведения РАН, к. ф. н. А. А. Гиппиуса (Москва) «Из наблюдений над берестяными грамотами», в котором на основе содержания и лингвистики берестяных грамот, в том числе и найденных в Руссе, говорилось о специфических особенностях обращения к адресату и переадресации текста в рамках единого документа, что свидетельствовало о свойственной эпистолярному жанру этике взаимоотношений; при этом термин «город», упоминаемый в грамоте № 40, мог, вопреки распространенному мнению, обозначать и Руссу, поскольку сами грамоты должны были подтверждать полномочия лица, которое получило послание, в силу чего берестяные тексты перемещались с адресатами в третье место;

с. н. с. ИГОМЗ О. А. Тарабардиной (Великий Новгород) «Дендрохронология Старой Руссы: некоторые итоги и перспективы исследований», о вопросах датировки ранних слоев городского поселения, а также проблемах вторичного использования древесины в постройках последующих ярусов. Доклад выз-

вал оживленную дискуссию, посвященную проблеме несоответствия дендрохкал, построенных на основе изучения прироста годичных колец сосны и ели;

студентки НовГУ О. П. Добровой (Великий Новгород) «Стеклённые изделия Георгиевского раскопа Старой Руссы», предложившей типологию браслетов и фрагментов стеклянных сосудов XII–XIV вв.;

ассистента кафедры искусствоведения СПбГУ И. В. Антипова (Санкт-Петербург) «Церковь св. Минны в г. Старая Русса: историко-архитектурное и археологическое изучение памятника», в котором указывалось на характерные конструктивные и стилистические особенности храма, позволяющие датировать его создание первой четвертью XV в.;

и. с. ИИМК РАН М. В. Медведевой (Санкт-Петербург) «Архитектурные памятники Старой Руссы в фотодокументах начала XX в. из собрания научного архива ИИМК РАН», обобщившей фотоматериалы, касающиеся как церковных, так и гражданских построек Руссы XIX в., и оценившей значение этих документов в деле восстановления и сохранения культурного наследия;

заведующего секцией научно-учебной лаборатории «Старорусская археологическая экспедиция» К. Г. Самойлова (Великий Новгород), который в своем сообщении «Археология новейшего времени? Некоторые результаты анализаклада военного времени из Старой Руссы» продолжил изучение уникальногоклада августа 1941 г., обнаруженного при изучении верхних культурных напластований на Пятницком раскопе.

Важным в плане изучения предыстории Руссы явился доклад доцента НовГУ, к. и. н. В. Я. Конечко (Великий Новгород) «Население долины р. Ловать в конце I–начале II тысячелетия н. э.: Расселение, экономика, социальные структуры». В нем подчеркивалась специфика культуры сопок в Ловатском регионе, которая представляет собой гораздо более позднее явление, чем в других сопочных ареалах, вторичный импульс X в., причем заселение шло непосредственно с севера, из Новгорода, что и объясняет слабые позиции боярства в регионе.

Доклад с. н. с. ИВИ РАН И. Г. Коноваловой (Москва) «"Остров руссов" арабских источников» продемонстрировал наличие архаичных пластов в представлении о загадочном острове руссов у арабских авторов, информация о котором разнится в зависимости от традиций эпохи, к которой принадлежал географ. Настоящий доклад представляется важным в противостоянии науки разного рода фальсификациям, имеющим форму общественной инициативы по увековечиванию историографических и идеологических фантомов.

Особый интерес вызвал доклад члена-корреспондента РАН директора ИИМК РАН Е. Н. Носова (Санкт-Петербург) «Некоторые современные аспекты проблемы происхождения Новгорода». В нем он подверг критике архаичную социально-политическую теорию Древней Руси в работах И. Я. Фроянова и А. В. Петрова и обосновал невозможность существования «племенных городов». При этом были отмечены заслуги

российской либеральной историографии, в частности А. Е. Преснякова, в изучении процесса градообразования на Руси. Важным моментом доклада было мотивированное утверждение, что *Старая Ладога*, 1250-летний юбилей которой как первой столицы русского государства был торжественно отмечен в 2003 г., столицей никогда не являлась в силу специфики тогдашнего государственного устройства и уровня развития общества.

С. н. с. кафедры археологии МГУ, к. и. н. А. Н. Соколин (Москва) в докладе «Голодный мор 1127–1128 гг. в Новгороде» сопоставил демографическую ситуацию в историческом городе с данными летописей о походах новгородцев на чужд, когда мужское население покоренных поселков уничтожалось, а женщины и дети насильственно ссылались в город для улучшения демографии. События этого времени имеют отражение и в целом ряде берестяных грамот.

Серия докладов была посвящена памятникам материальной и духовной культуры Руси. Заведующий Отделом славяно-русской археологии ИА РАН, д. и. н. А. В. Чернецов (Москва) прочел доклад «К изучению золоченых дверей Новгородского Софийского собора (1336 г.)», посвященный стилистике и иконографии этого памятника, а также указал на их связь с искусством Владимиро-Суздальской Руси и с литературной традицией. С. н. с. ИИМК РАН, к. и. н. Н. В. Хвошинская (Санкт-Петербург) в своем докладе «О бронзолитейном производстве на Рюриковом Городище в начале его истории» обратила внимание на наличие литейного брака ювелирных изделий, что свидетельствует об изготовлении специфических украшений скандинавского круга, отсутствующих в других северных регионах. Н. с. ИИМК РАН А. В. Плехов (Санкт-Петербург) в докладе «Крестообразные знаки на сосудах с поселений Поволховья» обобщил сведения о находках керамической посуды с изображением крестов на внутренней части донца и предложил этим изображениям убедительную интерпретацию как оберегов. Существование креста как антропа в дохристианской традиции облегчило адаптацию этого знака в христианизруемом обществе.

Н. с. кафедры археологии МГУ, к. и. н. Л. В. Покровская (Москва) в докладе «Цепедержатели из раскопок в Великом Новгороде» проанализировала типы, формы, хронологию и способы ношения этих украшений в связи с ростом населения средневекового города.

Доклад н. с. Псковского музея-заповедника Е. С. Зубковой и н. с. Института природного и культурного наследия О. В. Орфинской (Москва) «О некоторых результатах исследования тканей из скандинавского погребения в Пскове» вызвал живой интерес введением в научный оборот нового источника информации археологического характера. Применение *особой методики изучения органических пятен* – остатков тканей в погребальном памятнике способен выявить торговые и культурные связи погребенных, в данном случае с Европой, Византией и странами Халифата.

Доклад главного хранителя Отдела археологических памятников ГИМ Н. И. Астаховой (Москва) «Обоймица ножа из раскопок Смоленска» превратился в увлекательный рассказ, в котором сюжет охоты, изображенный на накладке XII в., был соотнесен с византийской воинской культурой, окружением владимирских князей и стилистикой искусства этих земель, а также бытом младших дружинников. С воинской культурой, представленной деревянной посудой с изображением дружинников и детскими копиями оружия, были связаны доклады А. Н. Сорокина и лаборанта кафедры археологии МГУ Е. А. Тяниной (Москва) «Из истории древнерусской воинской культуры» и заместителя заведующего отдела НГОМЗ А. М. Степанова (Великий Новгород) «Детский лук из раскопок 2004 г. в Великом Новгороде».

Ряд докладов был посвящен истории и комплексному изучению сопредельных территорий. Так, в. н. с. ИВИ РАН, д. и. н. Т. Н. Джаксон (Москва) сделала сообщение на тему «Россия – Норвегия. Сквозь века и границы», посвященное подготовке и проведению одноименной международной выставки. В заключение автор преподнес коллективу Старорусской экспедиции том каталога выставки «Россия и Норвегия. Сквозь века и границы. Норвежский народный музей, Осло июнь–октябрь 2004, РЭМ, Санкт-Петербург, февраль–июнь 2005. Издательство «Художник и книга». М., 2004. 504 стр. (редакторы Д. Бюхтен, Т. Джаксон, Й. П. Нильсен)».

Доклад с. н. с. ИИМК РАН, к. и. н. Н. И. Платоновой (Санкт-Петербург) «Передельский погост: проблемы междисциплинарного исследования памятников» был посвящен научным проблемам комплексной экспедиции по изучению этой территории и ее археологических памятников. Ряд докладов концентрировался на тематике новгородско-тверского порубежья. Так, доцент ТвГУ С. В. Богданов (Тверь) в своем докладе «Юго-Восточное новгородское пограничье в XII–XIII веках: Проблемы реконструкции и комплексного источниковедения» предложил реконструкцию истории этого региона, в частности, роль волоков и южнорусского влияния в его развитии. Доклад доцента ТвГУ Е. В. Лагуткиной (Тверь) «Удомельское Поозерье в контексте истории Новгородской земли», касавшийся новгородского влияния в регионе, вызвал дискуссию о проблемах преемственности в культуре населения данной территории на рубеже тысячелетий. Доклад с. н. с. ВИЭМ Н. А. Сарафановой (Торжок) был посвящен новым археологическим данным о каменных постройках средневекового Торжка, прежде всего башенным конструкциям, а также перспективам изучения археологии этого города. Делегация ВИЭМ преподнесла в дар Старорусской экспедиции CD-диск «Археологическое исследование древнего Торжка» и издание ВИЭМ – буклет Отдела археологии (авторы – П. Д. Малыгин, Н. А. Сарафанова, С. В. Богданов).

Вопросам изучения письменных памятников по истории Руссы XVII в. и проблемам возможного восполнения лакуны письменных источников была посвящена серия докладов. Профессор Стокгольмского

университета Э. Лёфstrand (Швеция) в докладе «Люди в Старой Руссе во время шведской оккупации» комментировала документы из Шведского оккупационного архива, касающиеся поборов с населения и общественной реакции на это. Темы «Организация описаний Старой Руссы и уезда в 1611–1616 гг.» и возникших здесь эксцессов коснулись и заместитель директора Староладожского музея-заповедника, к. и. н. А. А. Селин (Санкт-Петербург). Главный специалист РГАДА Т. Б. Соловьева (Москва) в своем докладе «Старорушане в XVII в. (по писцовым книгам 1624/25 гг. и переписным книгам 1648, 1678/79 гг.)» рассматривала преимущественно ономастику рушан и влияние их профессиональных занятий и их происхождения на его образования.

Заключительная серия докладов была посвящена вопросам сохранения и популяризации культурного наследия. Так, профессор, д. фил. н. М. В. Горбаневский (Москва) в своем докладе «Городская топонимия Старой Руссы: конфликт историко-культурных традиций и аксиологических систем» обосновал общественную значимость и этическую необходимость возвращения старорусским улицам прежних названий. Генеральный директор некоммерческой организации Фонд «Город Достоевского» В. В. Крайлиников (Москва) представил свой проект «О восстановлении историко-культурных и ландшафтных памятников Старой Руссы». Заведующий краеведческим музеем А. Ю. Иванов (Любятино) в своем выступлении «Археологические аспекты переломного развития Любятинского краеведческого музея» развил и популяризовал концепцию археологического туризма в моделированную славянскую деревню X в.

Одним из значимых элементов проекта в целом явился проведенный 23 сентября на базе Старорусской археологической экспедиции круглый стол «Археология и СМИ в поисках взаимного интереса», в котором приняли участие представители как региональных, так и общероссийских средств массовой информации, профессиональные журналисты и организаторы обучения медиа-профессиям. Так, с вводными в проблематику докладами выступили модератор круглого стола, участник проекта заведующий отделом журнала «Город» (СПб.), старший преподаватель факультета журналистики СПбГУ А. А. Пронин («Познавательные функции журналистики и проблемы популяризации научного знания») и заведующий кафедрой радио и телевидения факультета журналистики СПбГУ С. Н. Ильченко («Локальная проблематика в зеркале СМИ (История Старой Руссы как информационный повод»). Во встрече также приняли участие представители «Радио Россия», газеты «Гудеамус» (СПб.) и газеты «Новгородские ведомости». В целом, несмотря на неоднократно возникавшие ситуации взаимной критики и недопонимания, мероприятие прошло весьма результативно. Изначально прозвучало предложение избежать, в рамках круглого стола ситуации взаимных претензий, а существующие проблемы решать за счет развития личного общения и совершенствования уровня

специализации в системе отношений двух профессиональных сообществ. Представители журналистского корпуса обозначили ряд важных направлений своей деятельности с целью сделать их более понятными археологам. Одной из главных задач является поиск совпадения взаимных интересов. Обсуждался вопрос борьбы с механизмом «нездоровых сенсаций», что требует заполнения информационного вакуума интересным материалом, подаваемым как сенсация. Для этого представляется важным преодоление минимума разрыва между академичностью и публицистичностью в работе научного сообщества, которое, как и медиа-сообщество, повествует об истории людей, истории вещей и истории событий.

В ходе дискуссии выяснилось, что часть археологов представляет СМИ как «коллективного пропагандиста и агитатора», который должен являться рупором нравственных и правовых идей. С этой точки зрения речь могла идти лишь об использовании исследователем журналиста для достижения собственных целей. В частности, в адрес журналистского корпуса прозвучал упрек в романтизации «черной археологии», которая на самом деле должна быть названа «археологическим терроризмом».

Отмечалось, что у академической науки нет целевой программы популяризации своих достижений, что и создает почву для черной археологии и лженауки. Одной из тем дискуссии были способы воздействия на непрофессиональных и недобросовестных представителей журналистского корпуса. Звучало требование активнее применять положения закона о СМИ и такие способы воздействия, как ограничение доступа к информации. Судебные разбирательства не всегда оказываются эффективными и зачастую приводят лишь к новым обидам. Однако одним из существенных моментов в популяризации научных достижений были признаны вопросы интерпретации собственного материала самими археологами и талантности в его общественной подаче.

В целом было предложено обем сторонами выработать методические рекомендации, способствующие взаимному общению, археологам – активнее формировать свою информационную политику (создание пресс-служб и изготовление пресс-релизов) и брать инициативу в руки в вопросе общения с прессой, а также вырабатывать особый язык, необходимый для передачи через прессу популяризованной научной информации, рассчитанной на уровень массового восприятия. В конечном счете речь шла именно о новых средствах в сфере общественной коммуникации, способствующей гражданскому миру и стабильности. В качестве ближайших мероприятий была предложена организация летней школы для молодых журналистов факультетом журналистики СПбГУ, которая должна пройти параллельно с семинаром МИОН, посвященным взаимодействию археологии и СМИ в сфере общественной коммуникации и научно-познавательной журналистики. И школа, и семинар предусматривают непосредственное проведение своих мероприятий на базе работающих в Новгороде и Новгородской области археологиче-

ских экспедиций, что обеспечит нормальный личностный контакт между представителями двух профессиональных сообществ.

К конференции было приурочено проведение временной археологической выставки, основанной на материалах фондов НГОМЗ, краеведческого музея г. Старая Русса (заведующая Л. А. Сизева) и находках археологов последних полевых сезонов, которая открылась в помещении краеведского музея г. Старая Русса (Спасо-Преображенский монастырь). Экспозиция организована по итогам исследований в Старой Руссе и подготавливалась на основе концепции, созданной непосредственными руководителями и участниками археологических исследований при активной помощи сотрудников и хранителей краеведческого музея. Базовые моменты тематико-экспозиционного плана отражают представления специалистов об исторической реконструкции исследованного археологического комплекса. Выставка имеет название «Люди вещи эпоха. Мир вещей древних рушан. От тысячелетия к тысячелетию», экспозиция состоит из восьми витрин, часть экспонатов находится в открытом доступе. Шесть витрин последовательно представляют собой синхронный срез повседневной культуры жителей Руссы XI–XIV вв. К тому же стоит отметить, что экспозиционным пространством выставки явился литургический объем храма Преображения Господня (1198 г., перестроен 1441 г.), который в настоящий момент является частью краеведческого музея. Организаторы выставки отказались от традиционного представления артефактов в экспозиции по их функциональной принадлежности и ремесленно-бытовой ориентации, которые традиционно характеризовали различные профессиональные группы и занятия исторического населения: политика, религия, культура, быт, различные формы профессиональной деятельности: ювелирное и кузнечное ремесло, военное дело и т. д. Вместо этого зрителю предлагается увидеть набор артефактов, характеризующих средневекового человека и его жизнь в неразделенном единстве ее многообразия, где культурное переплеталось с бытовым, а сакральное с профанным. Витрины выставки представляют одновременно как предметы вооружения, так и орудия ремесла, которые фланкированы элементами народного женского убора, а верхний ряд экспонатов в витрине занят предметами личного благочестия христианской культуры. В ряде случаев центральное место в витрине занимал древний текст – происходящая из комплекса берестяная грамота. Именно в таком неразделенном многообразии совершалась как историческая жизнь, так и ее открытие в непосредственной работе археологической экспедиции. Таким образом, в основу выставки был положен принцип неразрывности археологического комплекса, на котором базируется фундаментальная историко-археологическая наука. В этом смысле формирование музейной экспозиции должно развиваться параллельно тем подходам, которые набирают силу в исследовании археологического материала. Выставка представлена следующими витринами:

1. Быт горожан второй половины XIV в. Усадьба рушан из конца Середка, район Пятницкой улицы и улицы Губка.

Пятницкий раскоп, 2004 г. Исследования Старорусской археологической экспедиции Новгородского государственного университета;

2. «Понеже бо есть питье нам веселие, не можем без того быти».

Берестяная грамота из Старой Руссы (последняя четверть XIV в.), упоминающая о 6 бочках вина, и фрагменты современного события бочонка.

Пятницкий раскоп, 2004 г. Исследования Старорусской археологической экспедиции Новгородского государственного университета;

3. Повседневная культура усадьбы Георгиевской части Мининского конца. XII в.

Георгиевский раскоп, 2002 г. Исследования Старорусской археологической экспедиции Новгородского государственного университета. Из фондов Новгородского государственного музея-заповедника;

4. Культура первопоселенцев Руссы XI в. Район Борисоглебской улицы, конец Середка.

Борисоглебский раскоп, 2001 г. Исследования Старорусской археологической экспедиции Новгородского государственного университета. Из фондов Новгородского государственного музея-заповедника;

5, 6. «Структуры повседневности» горожан XIII в. Усадьба «ювелира», район улицы Губка, конец Середка.

Раскопы XI, XIII, XIV; 1971, 1972, 1976–1977 гг. Исследования А. Ф. Медведева. Из фондов Краеведческого музея г. Старая Русса.

Собственно археологическая часть экспозиции была дополнена двумя витринами: «Общество потребления. От кваса и “Сельтерской” к Коле и “Тысячкой”. Предметы быта рушан XIX–XXI вв. вещи из поздних культурных напластований. Материалы Старорусской археологической экспедиции и Краеведческого музея Старой Руссы» и «Археология на рубеже тысячелетий. “Субкультура” археологической экспедиции конца XX–начала XXI в. Материалы Старорусской археологической экспедиции». Первая из них содержит предметы быта и посуды из-под наитков XIX–XXI вв., наглядно демонстрируя изменения форм материальной культуры последних столетий, а также свойственное эпохам отношение к предметам и способы их культурной депонизации. Другая витрина, деперсонифицированно демонстрируя повседневный быт и научную культуру археологической экспедиции, наглядно свидетельствует о невозможности осуществления археологии без археологов.

В рамках конференции состоялась посещение ее участниками базы Старорусской археологической экспедиции Новгородского государственного университета, где все могли ознакомиться с лабораторной работой и бытом археологов.

В число научных мероприятий конференции входили тематические экскурсии, связанные с посещением раскопов в г. Старая Русса и археологиче-

ских памятников региона. Историко-археологическая прогулка, проведенная заместителем начальника Старорусской археологической экспедиции С. Е. Тороповым, основывалась на научной реконструкции топографии средневековой Руссы – от исторической водонапорной башни участники прошли вдоль берега современной р. Малашки – древней Порусьи к месту Борисоглебского раскопа, открытые на котором усадьбы в XI в. находились на мысовом городище, бывшем древнейшим поселением Руссы. Далее маршрут пролегал к Пятницкому раскопу, храму свт. Николая с Городца, церкви св. Мины, Георгиевскому и Воскресенскому соборам. Участники конференции посетили также дом-музей Ф. М. Достоевского.

Состоялась экскурсия по достопримечательным археологическим и историческим окрестностям г. Старая Русса, которую провела старейший краевед, почетный гражданин г. Старая Русса М. И. Емельянова. Участники конференции посетили Никольский монастырь в Косино (основан в XIII в.), монастырь прп. Антония Леоновского (XVII в.) и храм в с. Коростынь (XVIII в.), где они были приняты местным духовенством, которое предоставило необходимые исторические сведения. Также в процессе экскурсии участники посетили с. Бурег и с. Устьере, связанные с уникальным комплексом сопок и открытого

торгово-ремесленного селища, имеющих отношение к функционированию участка пути «Из варяг в греки» в районе устья р. Псижи. Археологические комментарии к памятникам дал С. Е. Торопов.

Ко времени проведения конференции было приурочено подведение итогов детского и молодежного конкурса «По мостовым подземного города» среди учащихся 1–11-го классов средних образовательных учреждений г. Старая Русса и Старорусского района. Целью конкурса являлось вовлечение юношества в процесс исследования и сбережения памятников археологии и воспитания у молодежи чувства ответственности за сохранение культурного наследия. Конкурс проводился по нескольким номинациям: школьная исследовательская работа, фотография, рисунок, макет и скульптура, художественный рассказ, археологический фольклор, видео- и мультимедийный продукт. Выставка детских и юношеских работ всех номинаций как раз и проходила в дни работы форума. По итогам конкурса в номинации «Рисунок» 1-е место заняла Наталья Нахимова, а все участники конкурса получили памятные подарки.

Оргкомитет конференции может констатировать успешное проведение данного мероприятия, которое вызвало как научный интерес, так и общественный резонанс.

А. Е. Мусин

Россия, Санкт-Петербург.

*Институт истории материальной культуры РАН,
Отдел славяно-финской археологии.*

Е. В. Торопова

Россия, Великий Новгород.

Учебно-научная лаборатория

*«Старорусская археологическая экспедиция»
при Центре изучения культуры НовГУ.*

КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛАВЯНИЗАЦИЯ РУССКОГО СЕВЕРА. МЕХАНИЗМЫ И ХРОНОЛОГИЯ» (Финляндия, Биостанция Хельсинкского университета в Ламми, 22–25 сентября 2005 г.).

В рамках исследовательского проекта «Этническое, языковое и культурное формирование Русского Севера»,¹ финансируемого Академией Финляндии в 2004–2007 гг., с 22 по 25 сентября 2005 г. была организована международная междисциплинарная конференция, посвященная механизмам и хронологии славянизации Русского Севера. В конференции приняли участие около 30 ученых из Австрии, Дании, Германии, Латвии, Норвегии, Польши, России, Финляндии

и Эстонии, которые в целом представляли единство национальностей много большее, чем число стран-участников.

На конференции были представлены доклады по исторической науке (в частности по археологии), славяноведению, балтистике, финно-угроведению, германистике (особенно скандинавистике) и общему языковедению. Благодаря характеру конференции, многие доклады были много- или междисциплинарными,

¹ См. www.helsinki.fi/hum/slav/nwruusia.

затрагивая темы сразу нескольких гуманитарных дисциплин.²

Серия докладов была представлена историками из Финляндии, Дании, России. Кристиан Карпелан (Christian Carpelan, Хельсинкский университет) описал *достоинственную ситуацию* на территории Русского Севера в докладе «До 800 г. н. э.: замечания об археологии прибалтийско-финских и финно-угорских обществ в северо-западной России». Джон Линд (John Lind, Университет г. Оденсе) представил доклад «Проблемы этничности в интерпретации древнерусских письменных памятников». Николай Макаров (РАН, Москва) на пленарном заседании рассказал о «Культурной идентичности населения Русского Севера в XI–XIII вв. по археологическим материалам и письменным источникам». Этническая ситуация на Русском Севере до начала славянизации в свете данных археологии была освещена в сообщении Марии Юшковой (РАН, Санкт-Петербург). Пирё Уйно (Pirjo Uino, Музейное ведомство, Хельсинки) рассмотрела средневековое прибалтийско-финское население в районе р. Волхов, а Андреас Койвисто (Andreas Koivisto, Хельсинкский университет) обратил внимание на значение торговых путей в период христианизации Карельского перешейка. Темой доклада Алексея Гишпиуса (РАН, Москва) стал «Скандинавский след в генеалогии новгородского боярства», а Вадим Крысько (РАН, Москва) представил свою версию рассуждений «Об имоволожи» в берестяных грамотах.

Взгляды на языковую типологию, прежде всего по материалам Балтийского региона, осветил Бернхард Вэльбли (Bernhard Wälchli, Институт им. Макса Планка, Лейпциг) в своем докладе «Языковое изменение, вызванное контактами населения в северо-восточной Европе». Сообщение Ральфа Петера Риттера (Ralf Peter Ritter, Краковский университет) было посвящено инфинитиву как ареально-лингвистическому явлению. В свою очередь Михаил Коптев (Хельсинкский университет) рассмотрел параллели в области синтаксической фразеологии в славянских, балтийских и финском языках.

Ряд докладов был посвящен русской диалектологии как в свете собственно диалектологии, так и с точки зрения контактной лингвистики. Леонид Касаткин (РАН, Москва) остановился на фонетических особенностях севернорусских говоров, в частности в области консонантизма. Две исследовательницы в своих выступлениях Роза Касаткина (РАН, Москва) и Елена Стадник-Гольцер (Elena Stadnik-Holzer, Университет им. Гумбольдта, Берлин) коснулись вопроса о пост-позитивном артикле в севернорусских говорах. Йоуни Ваахтера (Jouini Vaahtera, Хельсинкский университет и Университет г. Турку) прочитал доклад о происхождении севернорусского чередования гласных, а Маржье Пост (Margje Post, Университет г. Тромсё) акцентировала внимание на отличиях говора с. Варзуги Кольского полуострова от других говоров.

Многие выступления были посвящены языковым контактам, прежде всего между балтскими, прибалтийско-финскими и славянскими языками. В частности, Ян Ивар Бьёрнфлатен (Jan Ivar Björnflaten, Университет г. Осло) в пленарном докладе представил свою точку зрения на хронологию славянизации Русского Севера в свете славянских слов в прибалтийско-финских и балтийских языках. В сообщении Георга Гольцера (Georg Holzer, Венский университет) рассматривалось значение прибалтийско-финских и балтийских контактов со славянами в связи со звуковой историей славянских языков. На древние славянские заимствования в прибалтийско-финских языках обратила внимание в своем сообщении Петри Каллио (Petri Kallio, Хельсинкский университет). Несомненный интерес вызвал пленарный доклад Евгения Хелимского (Гамбургский университет) о западной ветви финно-угорских языков в свете языковых реликтов. Марья Лейнонен (Marja Leinonen, Хельсинкский университет) рассказала о происходящей в настоящее время славянизации коми. В свою очередь в докладе Янне Саарикиви (Janne Saarikivi, Хельсинкский и Тартуский университеты) рассматривались вопросы этнической идентификации финно-угорского населения района Пинегы. Проблемы условий так называемого изменения *e > o* в русском языке как явления, вызванном языковыми контактами, коснулись в своем выступлении Юхани Нуорлуото (Juhani Nuorluoto, Хельсинкский университет). Игорь Кошкин (Латвийский университет, г. Рига) прочитал доклад об относительной хронологии германизмов в языке древнерусских договорных грамот северо-западного ареала, а Александр Зитцманн (Alexander Sitzmann, Венский университет) обратил внимание на контакты северногерманских и восточнославянских языков в свете топонимики.

Наряду с запланированными выступлениями участники конференции имели возможность познакомиться с результатами археологических раскопок текущего года в Новгороде, о которых сообщил Алексей Гишпиус.

В ходе заключительной беседы о возможных мероприятиях, связанных с тематикой конференции, было высказано немало предложений. Ее участники были единогласны в мнении, что необходимо продолжить междисциплинарное сотрудничество по проблемам Русского Севера. Существенным вопросом становится тогда финансирование проектов. В качестве возможных финансистов были упомянуты Европейский Союз, такие скандинавские исследовательские организации, как Академия Финляндии, а также частные предприятия и в России, и за рубежом. Николай Макаров предложил организовать следующую конференцию в России, где финансовую поддержку мог бы оказать Российский гуманитарно-научный фонд. Участники конференции высказали пожелание расширить круг междисциплинарных проектов, включающих

² Языками конференции были русский, английский и немецкий. В нашей информации названия всех докладов приведены на русском языке.

историю, социолингвистику, палеоэкологию, а, возможно, также и генетику.

Марья Лейнонен отметила, что из двух установочных вопросов конференции – механизмов и хронологии – рассматривалась почти исключительно хронология. В этой связи она предлагала привлечь к изучению славянизации Русского Севера ученых, занимающихся языками, находящимися в настоящее время под угрозой исчезновения, чтобы мы смогли лучше объяснить механизмы исчезновения языков.

Леонид Касаткин сообщил, что Институтом русского языка РАН недавно опубликована вторая часть третьего (последнего) выпуска «Диалектологического атласа русского языка». Кристиан Карпелан пред-

ложил проанализировать часть берестяных грамот с помощью современных методов радиоуглеродной датировки, которые могли бы провести, например, в Хельсинки.

В первой половине 2006 г. доклады конференции были опубликованы в сборнике, который вышел в свет в серии *Slavica Helsingiensia*. Кроме прочитанных на конференции докладов в него были включены несколько статей, авторы которых не смогли принять непосредственное участие в конференции.

Дополнительную информацию о проекте и конференции можно получить от Юхани Нуорлуото (juhani.nuorluoto@helsinki.fi) и Йюни Ваахтеры (jouni.vaahtera@helsinki.fi).

The Slavization of the Russian North mechanisms and chronology.
Ed. Juhani Nuorluoto / *Slavica Helsingiensia*. Helsinki, 2006.
Vol. 27.

*Ю. Нуорлуото (Juhani Nuorluoto)
Й. Ваахтера (Jouni Vaahtera)
Department of Slavonic and
Baltic Languages and Literatures
P.O. Box 24 (Unioninkatu 40 B)
FI-00014 University of Helsinki*

С. А. СЕМЕНОВ КАК ТЕОРЕТИК АРХЕОЛОГИИ¹

С. А. ВАСИЛЬЕВ²

Имя С. А. Семенова, одного из крупнейших археологов XX в., создателя трасологического метода, в представлении не нуждается. К сожалению, далеко не все богатство творческого наследия этого выдающегося ученого известно современным специалистам. Дело в том, что одна из существенных сторон многогранной деятельности С. А. Семенова, а именно его теоретические разработки, в силу ряда причин, на которых я остановлюсь ниже, остаются практически недоступными. Между тем труды С. А. Семенова по общим вопросам археологии имеют непосредственное отношение к вопросам реконструкции древних технологий.

Для понимания характера теоретических воззрений исследователя нам не обойтись без краткого экскурса в историю формирования и развития основного детища С. А. Семенова – трасологического метода. Возникновение принципиального новшества в науке, как правило, подготовлено трудами предшественников и стимулируется общей обстановкой, сложившейся в той или иной области знания. В этом плане время и место открытия С. А. Семенова далеко не случайны.

Прежде всего, в российской археологии достаточно рано, еще до революции, проявился интерес к реконструкции производств эпохи каменного века. Пионером в данном деле был В. А. Городцов. В 1913 г. в Истре под Москвой он, не имея предварительного опыта в расщеплении камня (сам исследователь признавался, что шел практически на ощупь), тем не менее провел серию экспериментов по раскалыванию кремня, стараясь вычленить критерии деления артефактов от продуктов естественного дробления камня (Городцов 1914).

Несколько позднее, в 20-е гг., интерес к технологиям древнейших производств получает организационное оформление. Как известно, система ГАИМКа включала Институт археологической технологии – одну из первых в мире специализированных лабораторий по применению естественнонаучных методов в археологии. Правда, изучение каменных орудий

в рамках Института сводилось к петрографическому определению сырья артефактов (Фармаковский 1922). Интересно, что название института было восстановлено и дано лаборатории, организованной в ЛОИА после войны С. И. Руленко. В составе этой лаборатории долго трудился С. А. Семенов.

Говоря о технологическом подходе к изучению древнейших производств, нельзя обойти вниманием такого яркого ученого, как Г. А. Бонч-Осмоловский, которого сам С. А. Семенов неизменно считал одним из своих предшественников. Г. А. Бонч-Осмоловский (1940) работал над созданием динамичной реконструкции процессов производства орудий, использования и переформирования изделий вместо статичного типологического описания комплексов каменного инвентаря. При анализе мустерских слесей грота Киик-Коба исследователь применил оригинальную методику комплексного анализа индустрии, при этом особое внимание он обращал на вариации формы рабочего края изделий из кремня.

Вторая линия научного поиска, стимулировавшая появление на свет метода С. А. Семенова, связана с так называемой «марксистской археологией», активно пропагандируемой теоретиками ГАИМКа в начале 30-х гг. (Равдоникс 1930). Сторонники этого подхода предлагали заменить устаревшую, по их мнению, археологию новой наукой, названной историей материальной культуры. Такая наука должна была охватить все эпохи развития человечества от древнейших времен до наших дней. В соответствии с марксистскими представлениями, стержнем этой новой дисциплины могла быть только история технологии. Отсюда вытекает тот особый интерес к изучению древнейших производств, понимание которых должно было явиться ключом к реконструкции форм общественной жизни далекого прошлого.

Одна из острейших проблем, стоявших перед создателями «истории материальной культуры», заключалась в явном противоречии между заявленными целями исследования и отсутствием адекватных методов реконструкции общества прошлого. Без этого

¹ Работа была предпринята по инициативе Н. Н. Скакуна для состоявшегося в Италии в 2005 г. Международного Конгресса, посвященного памяти С. А. Семенова. Я благодарен сотрудникам рижского архива ИИМК, где хранится обширный (144 дела) и до сих пор не полностью разобранный личный архив С. А. Семенова. Исследование велось при поддержке Программы «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» Президиума РАН.

² Россия. 191186. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии палеолита.

смелые гипотезы оставались лишь общими рассуждениями, лишенными подкрепления фактами и наблюдениями. Так, отечественные археологические работы первой половины 30-х гг. пестрят обвинениями в адрес «формальной» типологии. Однако в реальности советские ученые использовали ту же самую типологическую классификационную сетку, что и западные археологи, лишь механически приписывая к ней технические и социологические ярлыки (см., например: Богачевский 1936). В этом плане можно сказать, что открытие С. А. Семенова было открытием должным и необходимым для советской археологии того времени.

Напомним первые шаги научной деятельности С. А. Семенова (биографические данные см.: Рогачев 1983; Коробкова 1999а; 1999б). Еще до начала своей академической карьеры исследователь живо интересовался вопросами воссоздания древнейших технологий, основываясь в ту пору на изучении этнологической и археологической литературы. Его дипломная работа, защищенная в 1927 г. в Педагогическом институте им. А. И. Герцена, носила название «Происхождение орудий труда». В последующие годы он продолжил эту линию исследований и в 1928 г. отправился на север, чтобы изучить традиционные технологии у племен Канинского п-ова. В 1931 г. С. А. Семенов поступает в аспирантуру сектора доклассового общества ГАИМК (первоначально тема диссертации была обозначена не больше ни меньше как «Происхождение человеческого общества») и интенсивно работает над широким спектром проблем изучения первобытности. Круг его интересов охватывает вопросы антропогенеза, возникновение огня, характер раннепалеолитической культуры, проблему «эолитов» и др. Под руководством признанных мэтров тогдашнего палеолитоведения, П. П. Ефименко и С. Н. Замятнина, он приступает к изучению коллекций кремневого инвентаря, хранящихся в МАЭ. В 1934 и 1935 гг. исследование артефактов дополняется экспериментами, проводимыми С. А. Семеновым на выходах кремня в Ленинградской области. Одновременно на свет появляется первый вариант диссертации, озаглавленной (согласно различным источникам) «Древнейшие орудия труда и их назначение» или «Происхождение орудий труда». В этой работе был задействован пока только традиционный арсенал исследовательских методов — описание археологических образцов, их сопоставление с этнографией. Так что решающими для формирования трасологии стали годы с 1934 по 1937. В 1937 г. С. А. Семенов защищает кандидатскую диссертацию, на этот раз под гораздо более конкретным названием: «Изучение функций верхнепалеолитических орудий труда по следам от употребления на материалах Костенок I, Тимоновки и Пещеры Вирхова», в которой впервые были изложены основы трасологического метода (Семенов А-1937). В том же году итоги новаторских разработок были представлены коллегам во время Пленума Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, проведенной в Ленинграде (Семенов 1940а; 1940б). В довоенные годы

идет трасологическое изучение коллекций Костенок I, Тельманской стоянки, Мальты.

Уже в этих ранних работах мы найдем основные методические приемы определения функций орудий и связанные с ними идеи относительно необходимости кардинальной перестройки традиционной археологии, правда, в еще не развернутом виде. По мнению С. А. Семенова, типологическое, формальное изучение каменных орудий зашло в тупик. Используя биноклярную лупу, исследователь сумел идентифицировать основные виды следов сработанности — выщербины, заполировку и зашлифовку. Для документации своих наблюдений им была применена техника микрофотографирования с использованием магниевого напыления на изучаемую поверхность. В итоге было установлено двойное использование костенковских наконечников с боковой выемкой в качестве оснащения метательного вооружения и ножей; различные функции, выполнявшиеся скребками, проколами, строгальными ножами, растирателями краски и т. д., равно как и факт широчайшего употребления нерегулируемых отщепов в хозяйственных целях. Описание функций дополнялось в диссертационной работе этнографическими примерами, при этом эксперимент лишь указывался в качестве потенциального источника информации, ориентира будущих исследований.

Нужно сказать, что С. А. Семенов не был одинок в 30-е гг. в технологической направленности исследований. Одновременно с ним М. М. Герасимов (1941) усиленно занимался реконструкцией техники обработки кости, рога и бивня на материалах стоянки Мальта, привлекая, наряду с наблюдениями и этнографическими сопоставлениями, данные собственных экспериментов.

После вынужденного перерыва в исследованиях, вызванного войной, С. А. Семенов возобновляет свои опыты. Начиная с 1946 г. круг его интересов расширяется — он начинает микроскопическое изучение поверхностей костяных палеолитических орудий, ретушеров, ступок и т. д. Позднее эти штудии были дополнены экспериментальной работой, и начиная с 1956 г. С. А. Семенов проводит ежегодные экспериментальные экспедиции, где велась серия опытов по раскалыванию камня, обработке дерева, кости и рога. Некоторые следы этой деятельности (долка-долбленка, фигура идола) до сих пор хранятся в темных закоулках нашего института, вероятно, ожидая времени открытия мемориального уголка С. А. Семенова.

Но время уже изменилось. Если в 30-е гг. развитие новых подходов к изучению археологического материала, ориентированных на реконструкцию древних обществ, всячески приветствовалось, то в 50-е гг. ситуация в советской археологии становится качественно иной. В этот период в центре внимания исследователей каменного века находились вопросы стадийного и локального разнообразия индустрий, при этом как сторонники стадийного развития культуры, так и противостоявший им А. Н. Рогачев с его идеей локального разнообразия опирались на типологические критерии. В данных условиях иные

подходы к анализу кремневых индустрий оказывались просто ненужными. К тому же доминировавшая в отечественном палеолитоведении в 60–80-е гг. точка зрения, согласно которой основной целью археологического исследования должно было быть выделение местных, локальных особенностей культуры, привела к утрате представления об общих закономерностях развития первобытной техники. Неудивительно, что С. А. Семенов стал мишенью постоянных и порой весьма острых нападок со стороны коллег по сектору палеолита, в составе которого он работал начиная с 1951 г.

Трудно оценить на основании опубликованных источников всю разногласию мнений относительно ценности метода С. А. Семенова и его пригодности для изучения конкретных материалов. Отголоски многих споров так и не просочились на печатные страницы. Некоторые археологи, судя по всему, просто игнорировали работы С. А. Семенова. Другие уделяли внимание, пусть и не столь большое по сравнению с типологией, изучению следов заповиrowки и повреждений краев кремневых орудий как показателя использования. Так, П. И. Борисковский (1953) и А. Н. Рогачев (1955) использовали трасологические наблюдения (заповиrowку) при описании коллекций каменного инвентаря из Мезина и Костенок IV. В то же время они критиковали С. А. Семенова за неоднократно повторяемый им тезис об отсутствии прямой связи формы и функции у палеолитических орудий в силу их вариабельности, частой переделки и т. д. А. Н. Рогачев (1973) упрекал С. А. Семенова в недооценке роли формы орудий, расценивавшейся тогда в качестве этнического признака.

Крайние взгляды на значение трасологического метода были позднее высказаны учеником А. Н. Рогачева, Г. П. Григорьевым (см.: Аникевич 1978). По мнению Г. П. Григорьева, изучение следов работанности указывает только на вероятную кинематику движения орудия при употреблении. При этом нельзя исключить, что реальное использование конкретного изделия могло и не соответствовать его прямому предназначению. Еще резче Г. П. Григорьев относился к экспериментам, считая, что они отражают не более чем индивидуальный опыт современного исследователя и ничем не могут помочь в деле реконструкции прошлого.

Возвращаясь в 50-е гг., отметим, что споры вокруг С. А. Семенова порой приобретали крайне жесткий характер. В 1954 г. после очередной порции критики со стороны А. П. Окладникова, С. Н. Библикова и П. И. Борисковского, С. А. Семенов решает исключить из окончательного текста книги «Первобытная техника» вторую главу, посвященную разбору типологического метода и обоснованию трасологии как самостоятельного способа исследования. Эта операция, призванная облегчить «Первобытную технику» путь к печати, в будущем существенно затруднила восприятие работы. Правда, позднее пропущенная глава была переделана автором и включена им в собрание статей теоретического плана под общим названием «Некоторые методологические проблемы

археологии» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 90, д. 56). Увы, и эта обьемистая рукопись (более 400 машинописных страниц), подготовленная к публикации уже в начале 70-х гг., не увидела свет. Отсюда понятно недоумение западных читателей книги С. А. Семенова, указывавших на отсутствие в работе четко сформулированной методологии (Anderson et al. 2005: 12).

Радикальные теоретические воззрения С. А. Семенова, безусловно, подливали масла в огонь критики коллег: Исследователь резко и последовательно отвергал ценность традиционной культурно-исторической археологии. Он считал, что основной задачей археологической науки должна стать история материальной культуры, технологии и хозяйства древних обществ, причем ориентированная на выявление генеральных тенденций развития, а не конкретных особенностей тех или иных культурных общностей (НА ИИМК РАН, РА: ф. 90, д. 44).

С. А. Семенов критиковал коллег за отсутствие интереса к теоретическим и методологическим аспектам археологии. На его взгляд, следовало бы кардинальным образом переориентировать сложившуюся систему исследований, сократив размах полевых работ и соответствующее переполнение институтов и музеев грудами неопубликованного материала. Вместо этого С. А. Семенов предлагал сосредоточиться на развитии новых методов лабораторного анализа уже добытых коллекций. В соответствии со своими теоретическими взглядами исследователь предложил структурную перестройку самой археологической науки. По его мнению, место специализации археологов по памятникам той или иной эпохи или территории должна занять специализация по предмету изучения (каменные орудия, керамика, хозяйство, жилища и т. д.; НА ИИМК РАН, РА: ф. 90, д. 2).

С. А. Семенов постоянно подчеркивал, что археологические данные представляют собой лишь ничтожную и в значительной мере искаженную часть материальной культуры прошлого. Поэтому все попытки реконструировать реальные исторические события первобытности, например миграции, или выделить на основании археологических источников конкретные этнические общности древности (племена, народы) заранее обречены на провал. Реконструкция культурной истории рассматривалась С. А. Семеновым как самообман и трата времени. В его работах мы найдем немало ярких примеров, демонстрирующих спекулятивный и конъюнктурный характер подобной псевдоистории. Он указывал на зависимость наблюдаемой вариации в составе комплексов каменного инвентаря от случайных факторов, обстоятельств оставления человеком памятника, характера выброса остатков в пределах и вне жилого пространства и т. д. (НА ИИМК РАН, РА: ф. 90, д. 24). С. А. Семенов рассматривал археологические культуры не как отражение этнических общностей (взгляд, доминировавший в советской археологии того времени), а как результат конвергентного технического развития или следствие долговременных обменных связей групп населения,

приводивших к унификации облика культуры на значительной территории. С. А. Семенов полагал, что подобные культурно-исторические общности чаще всего пересекают этнические границы. Он считал, что этнические особенности той или иной группы населения чаще всего проявляются в вещах, не связанных с материальной культурой (НА ИИМК РАН, РА: ф. 90, д. 22).

С. А. Семенов весьма критически относился не только к традиционным формам культурно-исторической археологии, распространенным в советской науке, но и к попыткам усовершенствования типологического метода, формализации процедуры выделения археологических культур. Он дал развернутую характеристику работ такого рода, модных во второй половине 60-х—начале 70-х гг. на западе (И. Рауз, Д. Кларк, К.-А. Моберг, Д. Дитц и др.). Несколько более благосклонно С. А. Семенов относился к попыткам американских «новых археологов» (Д. Сэджт) подойти к изучению палеолита с позиций, ориентированных на реконструкцию прошлого (НА ИИМК РАН, РА: ф. 90, д. 19).

Как для «новых археологов», так и для С. А. Семенова основной мишенью критики была типология. Правда, порой он признавал относительную ценность типологии как вспомогательного способа первичного описания и классификации археологических находок (НА ИИМК РАН, РА: ф. 90, д. 56; Semenov 1970). В других случаях его оценка становилась более резкой: «... усовершенствовать типологию невозможно, как нельзя улучшить алхимию» (НА ИИМК РАН, РА: ф. 90, д. 12, л. 2).

С. А. Семенов неоднократно указывал на крайнюю степень варибельности изделий из камня, их полифункциональность и неустойчивость формы. Это делает статичное описание морфологии предметов недостаточным и неизбежно поверхностным. Именно поэтому он столь критично относился к масштабным типологическим систематизациям типа бордовской схемы. С. А. Семенов предложил термин «конструктивный трансформизм» для обозначения изменения формы предмета в процессе срабатывания и пероформления (НА ИИМК РАН, РА: ф. 90, д. 22).

По мнению С. А. Семенова, палеолитическая «функционалогия» (он изобрел этот странный термин для обозначения комплексного изучения предметов расщепленного камня при помощи трасологии и эксперимента) должна была то ли дополнить, то ли даже занять место типологии камня (Семенов 1972). Такая замена могла знаменовать переход от формально-опиcательного уровня изучения, *свойственного начальной* фазе развития научного знания, к подлинно научному уровню, нацеленному на объяснение культурного процесса. Показательно, что первоначальный вариант коллективной монографии с разделами, принадлежавшими перу самого С. А. Семенова, Г. Ф. Коробковой, А. Е. Матюхина, В. Е. Щелинского и А. К. Филиппова, носил название не «Технология производств в эпоху палеолита», а «Функциология палеолита». Этот труд, по мысли С. А. Семенова, должен был стать альтернативой выпускаемому Сектором палеолита

«Палеолиту мира», написанному с традиционных культурно-исторических позиций.

В общем виде система взглядов С. А. Семенова парадоксальным образом была близка А. Леруа-Гурану (Leroi-Gourhan 1971). Работая с бумагами С. А. Семенова в России и А. Леруа-Гурана во Франции, мне не удалось обнаружить свидетельств взаимного интереса этих двух выдающихся исследователей к публикациям друг друга. Замечу, что С. А. Семенов предпочитал в своих печатных трудах опираться на англоязычные и немецкие, а не французские источники. Тем не менее бросается в глаза общность принципов исследования, а именно стремление связать воедино археологические, этнографические и исторические данные с целью реконструкции истории технологии в глобальном плане и выделения закономерностей эволюции орудий труда, предметов вооружения и приспособлений. Согласно выражению С. А. Семенова, речь идет о построении в итоге своего рода «культурной стратиграфии», то есть последовательности стадий технического прогресса.

Говоря об истории признания трудов С. А. Семенова в нашей стране, нельзя не отметить столь ярко проявившегося в данном случае феномена типично советского «двоемыслия». С одной стороны, в официальной пропаганде постоянно подчеркивался прогрессивный характер советской науки (особенно это касалось общественных наук, построенных на основе «единственно верного» марксистского учения) по сравнению с «отсталой» и «загнивающей» наукой запада. С другой стороны, те же самые руководители советской науки самым тщательным образом отслеживали малейшую реакцию Запада на события в СССР, молчаливо полагая, что на самом деле только международное признание является подлинной гарантией ценности отечественных достижений.

Трудная судьба С. А. Семенова — лучшая иллюстрация этого странного феномена. С одной стороны, опубликованная в 1957 г. «Первобытная техника» была в том же году удостоена престижной премии Президиума АН СССР и защищена в качестве докторской диссертации на следующий год. С самого начала метод С. А. Семенова упоминался во всех официальных обзорах достижений советской археологии как яркий показатель ее передового характера. В реальности же исследователя окружали осторожность и непонимание со стороны коллег. С. А. Семенов в течение длительного времени работал в одиночестве (лишь в 1957 г. появилась у него первая ученица — Г. Ф. Коробкова).

Характерно, что перелом в отношении к исследователю наступил лишь после издания перевода книги на английский язык в 1964 г. и последовавших за тем многочисленных откликов иностранных коллег (кстати, первое предложение издания книги на Западе относится уже к 1957 г.). Тогда С. А. Семенов становится руководителем небольшой исследовательской группы, у него появляются аспиранты, лабораторию начинают посещать иностранные гости. Наконец в 1970 г. организационно оформляется самостоятельная лаборатория экспериментально-трасо-

логических исследований. В начале 70-х гг. С. А. Семенов получил возможность изложить свои открытия перед зарубежной аудиторией (правда, только в странах соаггравии – Югославии и Восточной Германии). Кстати, недавно высказанное мнение о том, что С. А. Семенов никогда не выезжал за пределы СССР (Anderson et al. 2005: 11), неверно. Вершиной признания ценности трудов ученого стало присуждение ему, одному из немногих советских археологов, в 1974 г. Государственной премии за две монографии (Семенов 1957; 1968).

Дальнейшее развитие разработок С. А. Семенова хорошо известно. Функционально-трасологический метод, дополненный экспериментами, послужил базой для создания очерков историко-культурного плана, посвященных совершенствованию различных сторон техники в первобытности (Семенов 1968; Семенов, Коробкова 1983). В дальнейшем эта область исследования претерпела диверсификацию, дав начало ряду новых направлений. К ним относятся помимо собственно трасологии совершенствование методов которой позволило охватить ранее недоступные нижнепалеолитические материалы, морфолого-технологическое исследование нижнепалеолитических изделий (галечные орудия, бифасы), дополненное экспериментальным моделированием, опытное изучение формообразования позднепалеолитических орудий для обработки дерева и рога. Новой и относительно самостоятельной областью изучения стал технологический анализ каменных индустрий. Кроме ведущей лаборатории в составе ИИМК РАН, руководимой Г. Ф. Коробковой, возник ряд центров трасологических исследований как в России, так и в бывших республиках СССР, ныне независимых государствах.

В наше время трудно назвать кого-либо из ответственных археологов, сомневающегося в ценности трасологического метода. В области изучения камен-

ных индустрий статичное типологическое описание постепенно сменяется более динамичными моделями, ориентированными на изучение способов доставки каменного сырья, выявления технологических ступеней раскалывания и изготовления орудий, их срабатывания и переоформления и, наконец, конечного выброса. Тем не менее длительная изоляция немногочисленных «трасологов» и «экспериментаторов» от основной массы «нормальных» археологов, дополнявшаяся спорами о верховенстве типологии или трасологии (как будто той или иной научный метод может быть всеобъемлющим, единственно верным и вытеснить все остальные!), продолжает сказываться и в наши дни. Во многих случаях трасологические исследования охватывают лишь небольшие выборки материала или отдельные вещи, что существенно затрудняет выполнение задачи комплексной реконструкции хозяйства древних обитателей того или иного памятника. С другой стороны, некоторые исследователи палеолита по-прежнему продолжают придерживаться культурно-исторической трактовки вариации каменных индустрий, и понадобится еще немало времени и усилий для преодоления сложившейся ситуации.

Как мне кажется, мы явно недоценили богатство идей ушедшего от нас коллеги. Было бы желательно издание избранных сочинений С. А. Семенова по теоретическим вопросам. Безусловно, многое из написанного им, в частности детальный разбор популярных в 60–70-е гг. теоретических сочинений или очерки по антропогенезу с использованием фактических данных и концепций антропологии того времени, устарело. Однако оригинальность иных идей С. А. Семенова может заинтересовать современного археолога. Нет сомнения в том, что появление на свет такого издания вызвало бы живой интерес среди специалистов не только в нашей стране.

- Аниквич 1978 – Аниквич М. В. 1978. Сопоставление по вопросам классификации и номенклатуры зубчато-выемчатых орудий нижнего палеолита // СА. 1978. № 3. С. 303–307.
- Богавский 1936 – Богавский Б. Л. Техника первобытнокоммунистического общества. История техники. М.; Л., 1936. Т. 1.
- Бонч-Осмоловский 1940 – Бонч-Осмоловский Г. А. Палеолит Крыма. Вып. 1. Грот Кинк-Коба. М.; Л., 1940.
- Борисковский 1953 – Борисковский П. И. Палеолит Украины // МИА. 1953. № 40.
- Герасимов 1941 – Герасимов М. М. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта // МИА. 1941. № 2. С. 65–85.
- Городцов 1914 – Городцов В. А. Техника каменных орудий // Ежегодник по геологии и минералогии России. 1914. Т. 16, вып. 1. С. 18–21.
- Коробкова 1999а – Коробкова Г. Ф. 100-летие со дня рождения С. А. Семенова // АВ. СПб., 1999. № 6. С. 503–511.
- Коробкова 1999б – Коробкова Г. Ф. Вклад С. А. Семенова в создание и развитие экспериментально-трасологического метода // Современные экспериментально-трасологические и технико-типологические разработки в археологии. СПб., 1999. С. 3–6.
- Равдоникас 1930 – Равдоникас В. И. За марксистскую историю материальной культуры // ИГАНМК. 1930. Т. 7. № 3–4.
- Рогачев 1955 – Рогачев А. Н. Александровское поселение древнекаменного века у с. Костенки на Дону // МИА. 1955. № 45.
- Рогачев 1973 – Рогачев А. Н. Каменные орудия как исторический источник // КСИА. 1973. № 137. С. 14–21.
- Рогачев 1983 – Рогачев А. Н. Вместо послесловия // Технологическое производство в эпоху палеолита. Л., 1983. С. 191–195.
- Семенов 1940а – Семенов С. А. Изучение следов работы на каменных орудиях // КСИИМК. 1940. № 4. С. 21–26.
- Семенов 1940б – Семенов С. А. Результаты исследования поверхности каменных орудий // БКИЧП. 1940. № 6–7. С. 110–113.
- Семенов 1957 – Семенов С. А. Первобытная техника // МИА. 1957. № 54.
- Семенов 1968 – Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
- Семенов 1972 – Семенов С. А. Функциология палеолита // Краткие тезисы докладов к пленуму, посвященному итогам археологических исследований 1971 г. Л., 1972. С. 3–4.
- Семенов, Коробкова 1983 – Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. Технологическая древнейших производств. Л., 1983.
- Фармаковский 1922 – Фармаковский М. В. Институт археологической технологии // Известия Института археологической технологии. 1922. № 1. С. 1–8.

Anderson et al. 2005 – Anderson P., Korobkova G. F., Longo L. et al. Various viewpoints on the work of S. A. Semenov // *The roots of use-wear analysis: selected papers of S. A. Semenov*. Verona, 2005. P. 11–19.

**Архивные материалы
НА ИИМК РАН, РА:**

Семенов А.-1937 – Семенов С. А. Изучение функций верхне-палеолитических орудий труда по следам от употребления на материалах Костенок I, Тимоновки и Пещеры Вирхова // Рукопись дис. ... канд. ист. наук / Ф. 2, оп. 1, д. 170.

Ф. 90, д. 2 – Семенов С. А. О задачах и методах археологической науки. Рукопись.

Ф. 90, д. 12 – Семенов С. А. Типологический метод. Рукопись.

Leroi-Gourhan A. 1971 – Leroi-Gourhan A. *L'homme et la matière*. Paris, 1971.

Semenov 1970 – Semenov S. A. The forms and functions of the oldest tools // *Quartär*. 1970. Bd 21. P. 1–20.

Ф. 90, д. 19 – Семенов С. А. Количественные методы в типологии палеолита. Рукопись.

Ф. 90, д. 22 – Семенов С. А. Исторические науки и политическая борьба. Рукопись.

Ф. 90, д. 24 – Семенов С. А. Прогресс и вариативность изменения каменных орудий. Рукопись.

Ф. 90, д. 44 – Семенов С. А. Основное направление археологической науки – история материальной культуры. Рукопись.

Ф. 90, д. 56 – Семенов С. А. Некоторые методологические проблемы археологии. Рукопись.

ПОРТРЕТ ОДИНОКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Г. П. ГРИГОРЬЕВ¹

Мы все привыкли к тому, что научная жизнь наших коллег возможна только в коллективе. Это справедливо, по крайней мере для специалистов по палеолиту. И тем более для исследователей славяно-русской археологии.

Особенностью научной жизни выдающегося исследователя палеолита Европы М. Д. Гвоздовер (1917–2004) было то, что она жила в Москве и была вне коллектива ленинградских специалистов. Конечно, она регулярно ездила в Ленинград и регулярно выступала с докладами, но каждый из нас знает, что этого недостаточно.

Собственно, таким коллективом для нее мог быть ее научный руководитель, М. В. Воеводский, и его окружение, но он слишком рано умер – в 1948 г. Умер тогда, когда ученик в наибольшей степени нуждается в учителе, хотя этого и не осознает. Так в Институте археологии бывает специалист по ископаемой пшенице, и он входит в коллектив, живет его жизнью, его проблемами, но не так, как живет археолог в коллективе археологов.

М. Д. прожила долгую и непростую жизнь. По этим строчкам покажется, что ее жизнь может быть описана стандартными словами, особенно если добавить, что пользовалась уважением в коллективе. Нет, М. Д. – оригинальная личность, несравнимая с нынешними людьми и со своими одногодками, людьми ее поколения. В жизни именно так и бывает – стандартные признаки в нашей жизни идут бок о бок с оригинальными чертами сильной личности. А она была очень сильной личностью! Отслужив свое во время войны в госпиталях, она возвращается в Институт и Музей антропологии Московского университета под крыло М. В. Воеводского. В начале пути – наш советский стандарт: м. н. с. на ставке 120 руб.,

ребенок и отсутствие мужа. И жизнь в угловой комнате при кухне, в собственном (прежде) доме – доме, где она родилась в 1917 г. Да, она была комсомолкой и членом КПСС, но ведь еще и еврейкой! Отец прожил свою жизнь, не попав под колесо истории, а ее брата посадили и расстреляли, видимо в 1938 г. Другого брата, физика, преподавателя Московского университета, долго мытарил, увольняли с работы в Московском университете и потом восстанавливали.

А вот другая сторона ее жизни – она участвует в исследовании Авдеева, сначала – со своим учителем М. В. Воеводским (Гвоздовер 1950), потом с А. Н. Рогачевым (Рогачев 1953). Она получает в руки (за счет исключительной силы воли) драгоценный материал Авдеева, защищает диссертацию в 1958 г. (Гвоздовер 1958) и становится признанным специалистом по палеолиту.

Вот карьера, которой многие могут только завидовать. И карьера, проделанная в одиночестве, в Институте антропологии МГУ!

Работа над кандидатской диссертацией заняла десяток лет, с 1949 по 1958 г. Когда она начинала свою работу с Авдеевым, она действовала еще такими понятиями, как среднее солёютре. Кончила же она сторонником новой классификации палеолита Русской равнины и отстаивала восточный гравейтес. Правда, она говорила в 1958 г. только о костенковской культуре, которая теперь общепризнанна, и избежала выделения культур по одному памятнику. А уж как было соблазнительно выделить каменнобалковскую культуру! Это был период ее становления как ученого.

Далее она открывает другой памятник, который делает ее имя известным всем и каждому. Это – Ка-

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии палеолита.

менная Балка возле Таганрога, вместе с которой явилась совершенно новая проблематика – она доказала, что это памятник бесспорно кавказский по своему облику и, видимо, по происхождению (Гвоздовер 1967). Собственно, ее работа имела прямое отношение к вопросу вопросов 50–60-х гг. – были в эпоху верхнего палеолита археологические культуры или их не было. Показав далеко идущее сходство между памятниками так называемой имеретинской культуры в Грузии и несколькими памятниками в Каменной Балке возле Таганрога, она ответила положительно на вопрос, существовали ли археологические культуры в верхнем палеолите. Из ее построения вытекало, что имеретинская культура не только существовала, но носители её еще и передвинулись с кавказского побережья Черного моря в низовья Дона. Но этого в 60-е гг. никто не заметил. Проблематика верхнего палеолита решалась только на материалах Русской равнины. К тому времени (да и позже) даже самые смелые знатоки палеолита морщились при допущении любой миграции в эпоху

верхнего палеолита, да еще из пещер Кавказа – на Русскую равнину.

Кстати, ведь и для культуры Костенок–Авдеева она предположила переселение с Дуная в бассейн Дона и Десны, утверждая однокультурность Виллендорфа и Костенок. Читая теперь работы М. Д. Гвоздовер 60-х гг., видишь нечто очень похожее на костенковско-виллендорфское единство, которое у нее носило название общности (Гвоздовер 1958: 12, 13). М. Д. Гвоздовер со своими оригинальными взглядами с начала 60-х гг. оказывается в центре всей проблематики палеолита. И ни на одну ее работу не было рецензии или отклика. С ней спорили сторонники степной зоны, мертворожденной гипотезы. Она же почти не заметила этой выдумки, – почти, оспорив ее одной – двумя строчками. Авторы и сторонники этой гипотезы выделили среди памятников верхнего палеолита на Юге такие, где не было выраженного культурного слоя, а среди каменных орудий выделили категорию пластинок с притупленным краем.

Некоторые к этому добавляли еще юсти бизонов, на которых преимущественно охотились обладатели пластинок с притупленным краем. Поскольку эта территория – область степей, то предполагалась кочевой образ жизни верхнепалеолитических охотников. Это предположение уже тогда выглядело построенным на несоотнесимых основаниях – отчасти на категории (одной) каменных орудий, отчасти на характере культурного слоя, отчасти на объекте охоты.

В Москве долгое время не было коллектива исследователей палеолита, А. А. Формозов с 60-х гг. перестал заниматься палеолитом, и М. Д. Гвоздовер по-прежнему была одинока.

Зато к ней внимательнейшим образом прислушивались в ленинградском секторе палеолита. И не только в Петербурге – она была авторитетом и для гордых и заносчивых археологов Тбилиси, и для независимых киевских археологов. Понимая, как немногие, значение типологии, она создает работу по типологии большой категории орудий – пластинок с притупленным краем, предложив оригинальное решение многих общих вопросов классификации (Гвоздовер и др. 1974). Эта работа последовательно возникла в двух вариантах. Поверив в возможности второго варианта, она оставила первый вариант классификации и больше к нему не возвращалась – смелость, которую еще надо поискать у других исследователей. И опять никакого отзова – ни критики, ни прития новаторского построения. Если не считать «черного» (и отрицательного) отзыва одного из наших теоретиков длиной к саму работу. Метод классификации пластинок с притупленным краем был одним из количественных методов, входивших тогда в моду. Но методика М. Д. Гвоздовер шла вразрез с американским подходом в классификации (установленные степени сходства между разными памятниками по разноуровневным, разнокачественным признакам) и с отечественными работами, пошедшими далее в том же русле, что и американские.

Основное отличие этого американского направления в том, что количественному учету на равных правах подвергаются и категории, и типы, то есть единицы классификации разного уровня.

Работа, прделанная М. Д. Гвоздовер, основана на том, что сначала выделяются единицы классификации одного уровня, и они только могут служить основанием для сравнения памятников и культур. М. Д. Гвоздовер продолжила еще одно направление полевого методике – планиграфию. Здесь она шла за М. В. Воеводским. Ее наблюдения были позднее опубликованы Н. Б. Леоновой (Леонова 1977), а применительно к Каменной Балке вышла лишь одна работа планиграфического характера (Гвоздовер, Григорьев 1975), далеко не отражающая богатство мыслей М. Д. в этом направлении.

Оставив полевые работы на Дону, она внезапно, в 1972 г., никому ничего не объясняя, возвращается в Авдеево, оставив круг друзей с Дона. Работы на Каменной Балке продолжили Н. Б. Леонова и Н. А. Хайкунова, ее ученицы. М. Д. Гвоздовер начинает исследовать хорошо ей известный памятник, не повторяя

прежнего, но создавая новую методику, которой многие теперь пользуются и долго будут пользоваться. К сожалению, новая методика не получила должного отражения в печати, за исключением краткой заметки (Гвоздовер, Григорьев 1990). Она создает новую (микро-) стратиграфию Авдеева – хорошо и давно изученного памятника, и сам этот термин предложен ею. Новая методика означала критическое отношение к методике Ефименко–Рогачева (и тем более к методике своего учителя – М. В. Воеводского), признанной за образец методике исследования памятников открытого типа.

До нее никто не пытался критиковать методические основы, предложенные П. П. Ефименко и А. Н. Рогачевым.

Здесь, в Авдеево, она предается своему любимому занятию – занимается искусством палеолита, создает это искусство, извлекая его из земли, реставрируя с поразительным профессиональным умением, усвоенным от сотрудников Института антропологии МГУ (именно – от Н. И. Ильенко), и глубоко изучает его.

Большая серия женских статуэток Авдеева (одну из них, правда, она посчитала мужской) позволяла ей создать классификацию – первую в нашей стране и за рубежом строго научную классификацию для женских статуэток эпохи палеолита. Ее исследование палеолитического искусства сочеталось с работой над археологическими культурами палеолита Европы. После этой строгой классификации уже никто не будет повторять прежнего – сначала определять смысл статуэток верхнего палеолита (предки родового объединения, руководительницы общины), а потом заниматься классификацией статуэток. В этом – главное значение работ М. Д. Гвоздовер – установление методических основ в исследовании такой сложной материи, как искусство палеолита. Она порвала с традицией, укоренившейся среди исследователей искусства палеолита – прежде говорить о матриархате, об идеологии материнского рода и т. д., а уж потом вспоминать, что статуэтки делятся на класс полных и класс тощих. У нее, и только у нее, интерес к методике сочетался с такими заземленными интересами, как процесс изготовления статуэток. Ей первой удалось опознать следы работы по бивню на незаконченной статуэтке из Авдеева, найденной в 1975 г.

Незаконченная статуэтка – это прямой материал для определения, как работали с бивнем, какие инструменты использовали при этом, как держали кусок бивня, а как – инструмент. И раньше некоторые исследователи говорили о незаконченных статуэтках, но оказалось, это не такое простое дело – определить, какая статуэтка незакончена. Незаконченная статуэтка из Гагарина оказалась куском бивня с косым срезом (Замятин 1935: 68, рис. 25–6). Другая, якобы незаконченная статуэтка, – 5 на той же иллюстрации – вполне законченная статуэтка, но поврежденная.

Сверх того М. Д., отталкиваясь от авдеевских статуэток, где контекст статуэтки каждый раз был прослежен ею собственноручно, мобилизовала данные о положении других статуэток костенковской

культуры, прежде всего – статуэток Костенок I верхнего слоя в тех двух объектах, которые исследовались П. П. Ефименко и А. Н. Рогачевым, а в последние годы – экспедицией под руководством Н. Д. Праслова.

М. Д. побывала на раскопках Костенок I А. Н. Рогачевым в 1953 г., где они вместе с А. А. Формозовым знакомы на месте с методикой раскопок, какой она стала в послевоенные годы, то есть проще сказать, разбирали одну из костянокских землянок. Помнит, претензии у А. Н. Рогачева были только к А. А. Формозову: «Ведь он землянку-то не кончил разбирать!». Правда, разборка землянки в Костенках длилась до пяти лет, а то и больше....

В итоге анализа М. Д. Гвоздовер всех сведений о положении статуэток получились очень интересные результаты. Оказалось, что почти во всех случаях статуэтка лежала на дне ямы лицом вниз. Стало быть, их туда не бросали, как думал П. П. Ефименко (Ефименко 1958), а помещали. Это было, скорее всего, нечто вроде обряда, конечную ступень которого и отражает положение статуэтки всегда лицом вниз и на дне ямы. Но действия со статуэткой в Костенках и в Авдееве разнились. В Костенках в яме могла находиться и мергелевая статуэтка, и статуэтка из бивня мамонта. В Авдееве все мергелевые статуэтки находились в горизонтально лежащем культурном слое. Напротив, статуэтки из бивня были находимы всегда в ямах.

Понимание костянокской (или костянокско-авдеевской, или костянокско-виллендорфской) культуры, изложенное М. Д. Гвоздовер (Gvozdover 1995), и сейчас предпочтительнее прочих. Единство, сходство памятников Восточной и Средней Европы стало основанием для возрождения в конце XX в. старого понятия «восточный гравьейен», в чем немалая заслуга и М. Д. Гвоздовер. Одна из ее работ – о ведущих формах костянокской культуры наконечниках и ножах – до сих пор вызывает восхищение у специалистов по типологии палеолита (Гвоздовер 1961).

Речь в ней идет о ведущих (или специфических, или этнографических) формах орудий костянокской культуры. Многие до сих пор не верят в существование ведущих форм как способа определения культурной принадлежности памятника. Удивительна смелость, с которой М. Д. взялась за этот вопрос. Она опустила общие моменты, как-то: есть археологические культуры или их нет, она сразу берет быка за рога и трактует наконечники с боковой выемкой и ножи костянокского типа как культуроразличающие формы. Естественно, из этого утверждения вытекает

несколько важных положений, до сих пор не принятых многими.

Из этого следует, что не все формы годятся для культуроразличения, и использование многих форм, целого ряда их, чаще всего не усиливает аргументацию.

Увы, время было такое, что сама М. Д. Гвоздовер за границей, в странах, где есть памятники восточного гравьейена, не смогла побывать ни разу.

Зато к ней в Музей антропологии МГУ приезжали чуть ли не все специалисты по европейской палеолиту – кто ненадолго, а кто и по месяцу – по два сидел над коллекциями всего Советского Союза.

Появись на английском языке две ее монографии: одна по искусству палеолита Европы (Gvozdover 1989), другая по Авдееву (Gvozdover 1995) – широко используются специалистами к западу от Дюны. Одни черпают отсюда материал, другие на ее выводах основывают свои собственные гипотезы – она внезапно становится самым цитируемым палеолитиком нашей страны за рубежом. В этом – главное значение работ М. Д. Гвоздовер – установление методических основ в исследовании такой сложной материи, как искусство палеолита, не усиливает аргументации, а скорее ее ослабляет. Ее позиция в науке определялась еще и тем, что она была хранителем важнейшего собрания палеолитических древностей в нашей стране.

Понятно, что молодые археологи-специалисты по палеолиту воспринимали палеолит Восточной Европы если не глазами Гвоздовер, то под ее воздействием. Да и зарубежные гости – польские, чешские – узнали взгляды отечественной школы изучения палеолита из уст М. Д. Гвоздовер. Поразительно, но один из основных типов восточного гравьейена – нож костянокского типа – за 150 лет так и не был опознан зарубежными исследователями палеолита. А его существование там, в Виллендорфе, было предсказано М. Д. Гвоздовер. Отсюда – международный авторитет М. Д. Гвоздовер в изучении верхнего палеолита Европы и искусства палеолита.

Но высокие заслуги в науке – это еще не все, как мы все хорошо знаем.

М. Д. Гвоздовер обладала умением почти магически воздействовать на своих слушателей.

И тут, собственно, не было магии – она обладала высочайшим моральным авторитетом, пожалуй, как никто в нашем узком кругу специалистов по палеолиту. К нашему глубочайшему сожалению, равной фигуры в этой отрасли науки нет, и долго ее не будет...

Гвоздовер 1948 – Гвоздовер М. Д. О раскопках Авдеевской палеолитической стоянки в 1947 году // КСИИМК. 1948. Вып. 31. С. 16–27.

Гвоздовер 1958 – Гвоздовер М. Д. Авдеевская стоянка и ее место среди других памятников позднего палеолита. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1958.

Гвоздовер 1961а – Гвоздовер М. Д. Специфические особенности кремневого инвентаря Авдеевской палеолитической стоянки // КСИИМК. 1961. Вып. 82. С. 112–119.

Гвоздовер 1961б – Гвоздовер М. Д. Специфические черты кремневого инвентаря Авдеевской палеолитической стоянки // КСИИМК. 1961. Вып. 82. С. 112–118.

Гвоздовер 1967 – Гвоздовер М. Д. О культурной принадлежности позднелесолитических памятников Нижнего Дона // Вопросы антропологии. 1967. Вып. 27. С. 82–100.

Гвоздовер, Григорьев 1975 – Гвоздовер М. Д., Григорьев Г. П. О фактичности в верхнем палеолите (по материалам Каменистой Балки II) // КСИИМК. 1975. Вып. 141. С. 12–17.

- Гвоздовер, Григорьев 1990 – *Гвоздовер М. Д., Григорьев Г. П.* Новое в методике раскопок открытых стоянок верхнего палеолита // КСИА. 1990. Вып. 202. С. 21–23.
- Гвоздовер, Деопик, Леонова 1974 – *Гвоздовер М. Д., Деопик Д. В., Леонова Н. Б.* Морфологическое описание пластинок с притупленным краем и статистический анализ их совокупности на этой основе // Древняя история народов Юга Восточной Сибири. Иркутск, 1974. С. 7–59.
- Ефименко 1958 – *Ефименко П. П.* Костенки 1. М.; Л., 1958.
- Замятин 1935 – *Замятин С. Н.* Раскопки у с. Гагарина (верховья Дона, ЦЧО) // Известия ГАИМК. 1935. Вып. 118. С. 26–77.
- Леонова 1977 – *Леонова Н. Б.* Некоторые аспекты исследования кремневого материала на стоянках верхнего палеолита // Вопросы антропологии. 1977. Вып. 54. С. 167–179.
- Рогачев 1953 – *Рогачев А. Н.* Исследование остатков первобытнообщинного поселения верхнепалеолитического времени у с. Авдеево на р. Сейм в 1949 году // МИА. Л.; М., 1953. № 39. С. 137–191.
- Gvozdover 1989 – *Gvozdover M. D.* Ornamentation on Artifacts of the Kostenki Culture // Soviet Anthropology & Archeology. spring 1989. Vol. 27, N 4. P. 8–31.
- Gvozdover 1989 – *Gvozdover M. D.* The Typology of Female Figurines of the Kostenki Paleolithic Culture. Problem, methodology, materials // Soviet Anthropology & Archeology. spring 1989. Vol. 27, N 4. P. 32–94.
- Gvozdover 1995 – *Gvozdover M. D.* Art of Mammoth Hunters: The Finds from Avdeevo. Oxford, Oxbow Monograph 49.

ПАМЯТИ РАХИЛИ ШНЕЕРОВНЫ ЛЕВИНОЙ

В «лицейский день» 19 октября 1926 г. в Ленинграде, в семье известного советского историка Шнеера Менделевича Левина и его жены Розы Григорьевны родилась дочь Рахиль, Хиля, как любовно и ласково звали ее не только родители и друзья, но и старшие и младшие по возрасту коллеги.

С юных лет она хотела стать археологом, поступить на исторический факультет Ленинградского университета. Однако вихрь начавшейся войны нарушил мирное течение ее жизни и занес сначала в Ярославль, затем в Саратовскую область и, наконец, в Ташкент, где в 1943 г. она поступила на истфак Среднеазиатского университета. В 1945 г. семья вернулась из эвакуации в Ленинград, на Пушкинскую улицу («Лицейский день», название улицы и неизбывная тяга и любовь к поэзии – не есть ли это какая-то мистическая линия в ее судьбе).

Рахиль продолжила свое образование уже в Ленинградском университете, который и окончила в 1949 г., получив диплом с отличием – «красный диплом». Казалось, все складывалось наилучшим обра-

зом – участие в Киевской и Волго-Донской экспедициях под руководством выдающихся ученых М. К. Каргера и М. И. Артамонова, это прекрасная научная школа, которую не всем довелось пройти. Недаром в характеристике – рекомендации для поступления в ИИМК М. И. Артамонов, строгий и требовательный учитель, написал: «Левина способный, добросовестный, инициативный работник, вполне подготовленный для ведения самостоятельной научной работы». Нет никаких сомнений, что Рахиль Шнееровна при своих недюжинных способностях, знании языков, удивительном трудолюбии со временем стала бы хорошим ученым.

Однако судьба по-своему ведет своих избранников. Ведь недаром, еще будучи в Ташкенте, Рахиль Шнееровна совместила учебу в университете с работой библиотекаря в Библиотечной группе ФБОН АН СССР при Уполномоченном Президиума АН СССР, за что была награждена медалью «За добросовестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». И судьба распорядилась, в 1952 г. человеку

ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ГАЛИБИНА

4 апреля 2005 г., не дожив две недели до своего 72-летия, после тяжелой непродолжительной болезни скончался бывший старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН кандидат химических наук Валентин Александрович Галибин.

На работу в ЛОИА АН СССР В. А. Галибин пришел в 1978 г., будучи уже сложившимся исследователем, имеющим большой опыт спектрального анализа геологических образцов. Неудивительно поэтому, что, быстро освоив анализ археологического материала, Валентин Александрович значительно усовершенствовал процедуру анализа, особенно в том, что касалось древнего стекла. Следствием этого стало не только то, что к В. А. Галибину потекли образцы на анализ со всей страны, но и то, что Валентин Александрович выдвинул собственную оригинальную теорию древнего стеклоделия, которая по мере ее развития приобретала все большее число сторонников. В нашей стране, да и за рубежом, В. А. Галибин получил признание как мастер спектрального анализа, заказы к нему стали поступать даже от его научных оппонентов. В полной мере свои взгляды В. А. Галибин изложил в давно ожидавшейся исследователями монографии «Состав стекла как археологический источник», вышедшей в 2001 г. Эта книга

на долгие годы останется настольной для исследователей древнего стеклоделия. Она написана на материале 2774 анализов, выполненных автором, однако для того, чтобы отобрать представительные анализы, В. А. Галибину пришлось за несколько лет выполнить свыше 10 тыс. определений, причем без отрыва от текущей работы по анализу других археологических материалов. Если при этом учесть то, что Валентин Александрович, как следствие перенесенного в молодости недуга, имел проблемы с опорно-двигательным аппаратом, а путь к работе от дома отнюдь не был прямым и близким, то его труд по созданию полной картины древнего стеклоделия без натяжки можно назвать подвижничеством.

Несмотря на то что Валентин Александрович уже более 10 лет не работал в институте и был на пенсии, его утраটা болью отзывалась в сердцах многих людей, хорошо знавших его. Многие исследователи древнего стекла считали его своим учителем. И даже выйдя на пенсию, он охотно и всегда доброжелательно принимал у себя дома коллег, нуждавшихся в его помощи и консультациях. Научить других было его осознанным стремлением, причем такое отношение к младшим по возрасту не было следствием одной лишь доброты души: спокойный и уравновешенный Валентин Александрович с коллегами в отстаивании

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ЧУКОВОЙ

20 апреля 2005 г. ушла от условностей и ограничений этой жизни Татьяна Александровна Чукова. Туда, где все вопросы отпадают сами собой. На прощании не говорили речей. Так хотела она сама, будучи очень чутким человеком, то же чувствовали и люди. Молчали.

Татьяна родилась 8 февраля 1954 г. в городе Коканд, что в Ферганской области в Узбекистане. «Служащие» — так описала она в анкетах и биографиях свой род. Соль слова зримо проступила сквозь всю ее жизнь, понятию как служение. Людям, друзьям, семье, науке, Богу... Это последование — не перечень и не иерархия ценностей, здесь все связано и взаимозависимо.

Ее дед, донской казак Петр Чуков, в начале XX в. был служащим Средне-Азиатской железной дороги. Ее отец, Александр Петрович, получив после второй мировой войны высшее техническое образование в Ташкенте, становится со временем директором местного оборонного завода. А мама, Анна Алексеевна Журлова, оказалась здесь вынужденной переселенкой из Саратовского Поволжья. Большая крестьянская семья, где переплелись русские и немецкие корни, осиротела еще до «великого перелома», когда и была послана. Матери Татьяны по документам все же удалось стать дочерью «крестьянина-бедняка». Это открыло перед ней возможность учебы в Москве, а впоследствии — должность директора швейной фабрики и члена горкома. О своих немецких предках Татьяна узнала лишь в 1989 г.

Дочери «красных директоров» двух градообразующих предприятий были открыты все республиканские высшие заведения. Но после окончания средней школы в 1970 г. Татьяна, окончившая еще и музыкальную, выбрала исторический факультет Ленинградского университета. Обаяние Петербурга и тайный зов «европейских корней». И удивительная предначертанность. Татьяну потом часто будут спрашивать, в том числе и в связи с ее занятиями христианской культурой, не родственница ли она митрополиту Ленинградскому Григорию (Чукову, 1870–1955), видному деятелю русской церковной истории XX в.

Не поступив на истфак с первого раза, она становится заведующей школьной библиотекой в Коканде. В библиотеке ИИМК она тоже жила чаще между стеллажами, чем за столом читального зала. В 1972 г. Татьяна поступила на «мавродинскую» кафедру истории СССР. Уже во втором семестре, начав с посещения дополнительных лекций по археологии, она перешла на саму кафедру. Археология России ей виделась той же русской историей, но другим ее краем, самым интересным на сегодняшний день, когда страна так остро нуждалась не просто в истории, но в культуре. То было время, когда археология была самой свободной из идеологических наук, что сказывалось на жизни и духе самой кафедры, а в археологическом источнике видела безусловную альтернативу исчерпавшему себя источнику письменному.

На кафедре ее первым научным руководителем стал И. В. Дубов (1947–2002). Первая курсовая Татьяна была посвящена керамике Тимерева. По мере развития у Татьяны вкуса к архитектурной археологии ее вторым учителем стал П. А. Раппопорт (1913–1988), специализироваться у которого она начала уже на III курсе. С ним же она впоследствии ездила в архитектурно-археологические экспедиции в Смоленск и Владимир-Волынский.

Свой первый полевой сезон в июле 1973 г. Татьяна провела на селище в Тимерево под Ярославлем в экспедиции И. В. Дубова, а август – в Гордце под Лугой Ленинградской области, где раскопками руководил Г. С. Лебедев (1945–2003). Между одним и другим «полем» была свадьба. Татьяна вышла замуж за своего однокурсника Владимира Лапшина, роман с которым начался и никогда не кончался на студенческой «картошке» осенью I курса. Этот жизненный союз стал и научным сотрудничеством: в 1986–1988 гг. Татьяна – лаборант Ленинградской областной и Владимирско-Суздальской экспедиций ИА РАН, где уже трудился Владимир. С 1992 г. они вместе работают в Отделе славяно-финской археологии ИИМК РАН.

В 1977 г. Татьяна заканчивает кафедру археологии ЛГУ. Темой ее диплома стало изучение древнерусских поливных полов как части храмового убранства – один из составных блоков ее будущей диссертации. Оппонентом ее диплома была сотрудница ЛОИА М. В. Малевская. Итоговые выводы этой дипломной работы были опубликованы в 1987 г. в КСИА (№ 190). За год до окончания университета, в 1976 г., в семье Лапшиных-Чуковых родилась дочь Юлия.

Как жена «молодого специалиста», распределенного в инспекцию охраны памятников Ленобласти, Татьяна получает свободный диплом. В 1978–1979 гг. она работает внештатным экскурсоводом в Государственном Эрмитаже, а в 1979–1986 гг. она остается здесь младшим научным сотрудником в научно-просветительском отделе, в методической группе под руководством Д. А. Мачинского, который еще в университете преподавал ей скифо-сарматскую археологию. Наверное, здесь окончательно оформился интерес Татьяны к «малым формам русской культуры» – основному объекту ее научных влечений. Ею были подготовлены экскурсии по древнерусской части экспозиции, по Московской Руси, по Золотой кладовой, а также потребовавшая немалых знаний и серьезных усилий «обзорная» по Эрмитажу. Вела она и занятия в Школьном центре музея.

Связь с Эрмитажем никогда не прерывалась впоследствии: посещение библиотек этого музея и консультации коллег были неотъемлемой частью ее рабочего дня. В начале 2000-х гг. Татьяна совместно с Р. М. Коган подготовила один из наиболее популярных сегодня путеводителей по Эрмитажу, переведенный на многие языки (Эрмитаж. СПб.: Альфа-Колор», 2002).

Именно на окончании этого периода и начало следующего этапа ее жизни (1984–1988 гг.) приходится

самостоятельные полевые исследования на городище Кидекша под Суздалем, связанные, в том числе, и с шурфовкой вокруг храма свв. мчч. Бориса и Глеба. Практически сенсационные результаты этих раскопок в некотором смысле оказались незабываемыми архитектурно-археологическим сообществом (Раскопки на городище с. Кидекша // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 140–147: ил.). Именно тогда был открыт факт существования на этом месте раннего храма эпохи Владимира Мономаха, предшествовавшего постройке князя Юрия Долгорукого 1150-х гг.

В 1988–1991 гг. наконец состоялась ее первая аспирантура в ЛОИА. Для Татьяны как ученицы П. А. Раппопорта это стало возможно только с введением новых ветров времени и сменой руководства головного института, когда после Б. А. Рыбакова директором стал В. П. Алексеев. Почти вслед за этим событием в мир иной ушел сам Павел Александрович, в дальнейшем научное руководство диссертационной работой осуществлял А. Н. Кирпичников.

Подготовленная и защищенная Татьяной в марте 1992 г. диссертация «Интерьер в древнерусском храмовом зодчестве конца X–первой трети XIII вв. (основные архитектурные элементы по археологическим данным)» была посвящена исследованию таких архитектурных элементов, известных по археологическим данным и натурным исследованиям, как основания престолов, ситроны, тетраподы придельных апсид, конструкции иконостасов и фрагменты их убранства, керамические полы древнерусских храмов – всему тому, что в европейской науке получило название «литургические устройства». Проведенное Татьяной исследование сделало ей имя не только в отечественной, но и в мировой науке о функциональном развитии христианской культовой архитектуры. Спусти 12 лет работа вышла отдельным изданием под названием «Алтарь древнерусского храма конца X–первой трети XIII вв.: Основные архитектурные элементы по археологическим данным» (СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 178 с., 22 л. ил., карт.).

Это был прорыв в российской науке о христианском храме. В Европе еще в XIX в. сложилось направление, занимающееся изучением функциональных соответствий между памятниками архитектурной археологии и литургии. В отличие от общесимволических, теоретизирующих подходов, эта совокупность исследований базируется на детальной проработке именно археологического материала IV–VIII вв. различных христианских провинций Средиземноморского культурного ареала в связи с эволюцией храмовой планировки.

Однако рецепция этой методологии в отечественной науке всегда была затруднена не только возможной гипотетичностью самих выводов, различной степенью обеспеченности источниками и культурно-хронологической дистанцией. На средиземноморских материалах такие исследования стали возможны, прежде всего, благодаря потрясающей динамике развития литургии в I тыс. христианской эры, этапы

эволюции которой со множественностью ее локальных вариантов хорошо фиксировались в частой смене архитектурных форм и планов зданий. Древнерусское храмовое зодчество было привнесено на Русь «в готовом» виде в эпоху, когда литургические реформы, связанные с изменением собственно драматургии службы и влиявшие на топографию литургических устройств, практически закончились. Древнерусские архитектурные формы, в силу их неархеологизированности, включенности в современную литургическую культуру, достаточно редко рассматривались в XIX–начале XX в. в контексте истории богослужения. Это было весьма сложно и в практическом отношении, поскольку архаичные элементы в течение столетий постоянно модернизировались, не оставляя исследователям надежды найти здесь свидетельства тому, как молились Богу в Древней Руси.

До этих пор внимание архитектурно-археологических исследований было преимущественно обращено на событие строительства – проблему датировки «больших» архитектурных форм, определенные культурных влияний, выделение строительных школ и артелей, эволюцию размеров плинфы и ее хронологии и т. д. Храмовый интерьер рассматривался скорее как источник знаний для решения этой серии вопросов технического характера. В конечном счете в российской археологии интересные элементы оказались в исследованиях раздроблены, что мешало им стать комплексным источником, в том числе и для реконструкции литургического обряда Древней Руси.

Татьяна впервые в истории изучения древнерусской архитектуры в полной мере собрала вместе доступные сведения о литургических устройствах, по сути дела, применив основы функционального подхода, выработанного европейской наукой, и сделал из элементов интерьера надежный источник по истории богослужения. Вместе с тем прирожденная тактичность не позволила ей выйти на собственно литургические и культурно-исторические обобщения. Иногда молчаливо, иногда гласно Татьяна признает, что история древнерусской литургии еще ждет своих исследователей. Она сознательно не использует свою европейскую библиографию, посвященную взаимосвязи богослужения и архитектуры, не предлагает аналитических решений там, где интерпретация «превосходит возможности материала».

Вместе с тем этот источник не просто собран, классифицирован и датирован. Он осмыслен в той мере, в которой позволяет это сделать историко-художественный контекст. Засвидетельствованный Татьяной факт появления высокой алтарной преграды уже в середине-второй половине XII в. как нельзя лучше подтверждает гениальную гипотезу Н. В. Покровского о сложении уже на раннем этапе развития русского зодчества высокого иконостаса, который мог бы нести на себе развитую иконографическую программу, дублирующую фресковую роспись. Необходимо отметить доказанный плюрализм престольных конструкций, подтверждающий, на наш взгляд,

факт многообразия литургического обряда, практиковавшегося в Древней Руси.

Одним из важнейших моментов работы является серьезная теоретическая и эмпирическая база для решения вопроса о времени и обстоятельствах появления приделных алтарей в древнерусских храмах, о процессе отчуждения общины от ритуала протесиса-проскомидии. Появление алтарной преграды перед северной апсидой не позднее первой половины XII в., отмеченное Татьяной, как раз и должно служить свидетельством эволюции чина проскомидии, связанной с закрытием доступа в протесис для мирян.

Защита диссертации вызвала 4 марта 1992 г. оживленную дискуссию (НА ИИМК РАН, РА: ф. 312, оп. 1, д. 1762, л. 6–14), многие положения которой были учтены при издании монографии. Официальными оппонентами на защите выступали Л. Г. Хрушкова, одна из первых в стране установившая контакты с представителями функционально-архитектурной школы и ставшая своеобразным «монополистом» в этой области знаний, и О. М. Иоаннисян, внешний отзыв был написан истфаком ЛГУ. О. В. Овсянников тогда отметил, что это вторая, после П. А. Раппопорта, защита сотрудника Института именно по теме культовой архитектуры, но это работа принципиально нового типа, связанная не просто с абстрактными архитектурными формами, а конкретными архитектурными деталями очень «очеловеченными» в своем создании и использовании, поскольку к ним непосредственно прикасались людские руки. Он искренне признался: многие опасались, что собрать воедино все археологизированные детали интерьера, которые плохо сохранялись и не всегда фиксировались, – не что иное, как научная авантюра, но Татьяна вышла из этого испытания с честью.

Одним из серьезных вопросов дискуссии был вопрос употребляемой терминологии, не решенный до сих пор: можно ли обойтись простым калькированием западных терминов или необходимо более применяться к русским языковым нормам и особенностям православной литургии? Это было особо подчеркнуто Татьяной, которая справедливо полагала, что для создания действенного терминологического словаря следует обращаться прежде всего к древнейшим образцам этих терминов и к богослужебным текстам.

На время аспирантуры пришлось еще одна тема ее творчества: «Крест в культуре Русского Севера XVIII–начала XX вв.». Это направление возникло как неожиданно, так и вполне ожидаемо. Тогда О. В. Овсянников, ее коллега по ЛОИА, попросил Татьяну помочь осмыслить и описать большую коллекцию резных поморских крестов с их сакральными аббревиатурами, которую он собрал, изучая Архангельский север и Беломорье.

С 20 января 1992 г. Татьяна становится младшим научным сотрудником Отдела славяно-финской археологии ЛОИА. В том же году начинается и ее «Тверская эпопея». Она стала участницей полевых исследований Кремлевской экспедиции в Твери 1993–

1997 г. под руководством Владимира Лапшина. Это был первый большой раскоп на территории Кремля, который не только помог выжить в те сложные для гуманитарной науки в России годы, но и, без сомнения, наметить новое направление научного поиска. Здесь помимо камеральной обработки материала и непосредственного руководства полевыми работами Татьяна обратилась к предметам церковного прикладного искусства, происходящим из раскопок. Небольшой по объему, но зачастую уникальный материал (*эконколионы, в том числе и золотой, иконки, созданные по образцам вислых печатей*) не только позволил сделать выводы о сугубом преемстве христианской культуры Твери конца XIII–XIV вв. с культурой домонгольской Руси в целом, но и наметить определенное своеобразие этого культурного мира. Все это нашло свое место в итоговом сборнике, посвященном материалам исследования (Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб., 2001). Привязанность к Твери нашла еще один творческий выход: в 2003 г. Татьяна становится участницей коллективного проекта РГНФ «Тверь и Тверская губерния в старых фотографиях».

В 1999 г., перейдя на должность научного сотрудника ИИМК, Татьяна начинает новую для нее исследовательскую тему, которая, казалось бы, имела мало общего с предшествующей научной проблематикой: «Сравнительная иконография сфрагистики, каменной пластики и металлического литья малых форм XII–XV вв. в средневековой Руси». Здесь оказалась не только любовь к «малым формам русской культуры», подготовленная и изучением храмового интерьера, и занятиями прикладным искусством эрмитажных коллекций, и христианскими древностями Твери. Естественным развитием исследования литургических устройств древнерусского храма стало для Татьяны желание понять истоки и развитие древнерусского иконостаза с его богатым иконным убранством. Архитектурно-археологический источник оказался к тому времени в значительной степени исчерпан, а изучение древнерусской иконы несло с собой сложные проблемы датировки.

Татьяна решила вернуться к сочетанию строгого иконографического метода и археологического способа датировок. Такое сочетание наиболее полно реализовывало себя в предметах христианского культа и вещей, несущих на себе иконографические сюжеты, происходящих из археологических слоев. Лишь после этого, установив время появления того или иного иконоческого сюжета, можно было ставить вопрос о дате памятников иконописи. Так, вернув в науку иконографический метод, Татьяна стала продолжательницей великого Н. П. Кондакова, активно использовавшего в своих исследованиях памятники прикладного искусства и данные сфрагистики.

Начав с древнерусских моливдовулов, Татьяна последовательно переходила от одних композиций к другим: иконография Божией Матери (2000–2001 гг.), многофигурные композиции Евангельских притчей и сюжетов (2001–2002 гг.), иконография христианских святых, где она начинает исследование

с изображений святых воинов (с 2003 г.). В этом же году она становится старшим научным сотрудником Отдела. Поражает интенсивность ее трудов, почти исчерпывающее знакомство с каждой новой выбранной темой.

Как и в истории с архитектурными деталями интерьера, некоторым казалось, что выбранное направление мало перспективно, что увидеть какие бы то ни было закономерности на плохо читаемом и подчас фрагментарном миниатюрном изображении невозможно. Скептики были посправлены. У Татьяны был настоящий вкус к жизни и к красоте, спрятанной в глубине этой жизни и подчас невидимой посторонними. У нее было особое ощущение этой красоты, которое могло преобразовать и делать красивым все и всех вокруг. Ее талантом незвучный камешек, не оцененный коллегами памятником превращались в сверкающий изумруд удивительных доводов и гипотез. «Когда б вы знали, из какого сора...».

Особая заслуга Татьяны – сам факт вовлечения материалов сфрагистики в изучение христианской художественной культуры, благодаря чему этот историко-религиозный феномен перестает распадаться на различные области знаний и категории памятников. До сих пор в древнерусских моливдовулах видели преимущественно источник по политической истории средневековья. Ее труды позволили пролить свет на многие сферы духовной жизни в Древней Руси: княжеский христианский ономастикон, который в письменных источниках известен преимущественно в славянском варианте, существовавшие в этой области агиологические предпочтения, отражающие менталитет эпохи, и др.

Она впервые говорит о необходимости работы с цифровыми изображениями печатей при изучении их иконографии, которые не могут заменить ни качественная фотография, ни субъективная прорисовка. Это справедливое стремление использовать достижения культуры материальной для изучения духовной христианской культуры воплотилось и в объединившей нас всех идее – бороться и подписаться на электронную версию Индекса христианского искусства, издаваемого университетом Принстона (<http://ica.princeton.edu/>), дабы увидеть древнерусскую иконографию в общеевропейском контексте.

Татьяна придерживалась строго научного выделения иконографических типов изображений на печатях взамен простой констатации изображаемого сюжета. Это позволило не только выявить многообразие сфрагистических типов в рамках внешне схожего извода, но и попытаться обосновать изначальное восхождение изводов в конкретным иконописным образцам XII в., которые не сохранились до нашего времени. Одновременно Татьяне удалось показать влияние западноевропейской иконографии и апокрифической письменности на древнерусскую икону. Ее работа – настоящая триумф иконографического подхода после почти столетнего забвения.

В 2006 г. ИИМК должен выпустить сборник статей ее коллег – «Христианская иконография Востока

и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии». Это наш венок на ее могилу. Здесь мы хотели не столько собрать всех, кто ее любил, — это невозможно, ее любили все. Хотелось просто сплести статьи в развитие тех тем, которые были для нее важны: иконография от сфрагистики до архитектуры, от востока до запада. Самый яркий цветок — работа самой Тани, фрагменты так и не написанной, но вынашиваемой книги. Не более десятой части того, что она хотела нам рассказать.

У Татьяны на столе лежала выписанная из наследия Ю. М. Лотмана максима: «Как всегда в подлинной науке, по этой дороге можно только идти. Дойти до конца по ней нельзя. Но это недостаток только

в глазах тех, кто не понимает, что такое знание». Это было словно девиз ее научного движения и ее исхода. Этот исход уже был описан любимым ею поэтом Иосифом Бродским в его «Сретении». Здесь все переплелось: встреча, путь, свет.

*Он шел по пространству, лишённому тверди,
он слышал, как время утратило звук.
И образ Младенца с сияньем вокруг
пушистого теменн смертной тропею
душа Симеона несла пред собою,
как некий светильник, в ту черную тьму
в которой дотопле еще никому
дорого себе озарять не случалось.
Светильник светил, и тропя расширялась.*

А. Е. Мусин

ХРОНИКА

СОВЕЩАНИЕ «ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИИ В ИЗУЧЕНИИ И СОХРАНЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ» (Россия, Москва, 24 ноября 2005 г.)

24 ноября 2005 г. в Москве на базе Института археологии РАН состоялось совещание «Взаимодействие археологических учреждений России в изучении и сохранении археологических памятников», созванное по инициативе Отделения историко-филологических наук РАН и Института археологии РАН. Его задачей являлось обсуждение современного состояния изучения и сохранения археологических памятников, вопросы нормативно-правового обеспечения археологической деятельности и взаимоотношений археологических учреждений и органов культурного наследия.

Открыл совещание академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН академик

А. П. Деревянко. Основной доклад по обсуждаемой теме сделал директор Института археологии РАН чл.-корр. РАН Н. А. Макаров. Полный отчет о совещании намечен в выпуске очередного номера журнала «Российская археология». Учитывая значимость поднятых при обсуждении вопросов и необходимость ознакомления с ними как можно более широкого круга научной общественности, редакция сборника «Археологические Вести» решила опубликовать полный текст выступления директора ИА РАН чл.-корр. РАН Н. А. Макарова, текст выступления директора ИИМК РАН чл.-корр. РАН Е. Н. Носова и общее Решение совещания.

Основные проблемы изучения и сохранения археологических памятников в современной России

Н. А. МАКАРОВ (ИА РАН)

Наше совещание организовано как встреча руководителей и представителей наиболее крупных археологических учреждений России для обсуждения состояния археологических исследований и охраны археологических памятников и нашего взаимодействия в этой сфере. В этом зале собрались ученые, работа которых определяет современное состояние археологической науки, и представители государственных органов власти, ответственные за многие практические решения в сфере охраны памятников.

Разговор о состоянии археологии можно вести с разных позиций. Можно говорить о последних достижениях нашей науки, о книгах и раскопках последних лет, вспомнить недавние открытия в Новгороде, в Фанагории, на Зарайской стоянке. Выдающиеся исследования новосибирских археологов на плоскогорье Укок отмечены государственной премией 2005 г. Свидетельство интенсивной научной работы Института археологии – 36 книг, изданных в 2004 г. Но, выбрав этот путь, мы ушли бы от главной темы.

Можно говорить о незащищенности археологического наследия, о его бесхозности, о несовершенстве законодательства и слабости органов охраны памятников, о том, насколько далеко сегодняшнее отношение к археологическим памятникам от нормы. Беда только в том, что и у общества и у власти выработался определенный иммунитет к алармистским выступлениям ученых, если они не подкреплены какими-то конкретными реалистичными предположениями.

Наиболее продуктивный подход – обсуждение тех изменений в состоянии археологического наследия, в организации его изучения и охраны, в правовых документах, регулирующих эту сферу, которые сейчас происходят в нашей стране. Влияние общих изменений, происходящих в нашем обществе, в экономике и правовой практике, на состояние археологического наследия оказалось гораздо более сильным и неожиданным, чем это можно было предполагать.

Прежде всего, я хочу познакомить с некоторыми цифрами, характеризующими сегодняшние объемы археологической деятельности. В 2004 г. в России было выдано 1209 «Открытых листов на право производства полевых работ», в 2005 г. их было выдано 1235. Ежегодно открытые листы запрашиваются по заявкам 240–250 учреждений и организаций. В *Российские научные фонды в последние годы поступает по 330–360 заявок на гранты по специальности археология, поддерживается 100–120 проектов. Три ведущих академических института – Московский, Санкт-Петербургский и Новосибирский – ежегодно издают более 100 книг по археологии. Оценить общий объем – научной продукции, публикаций по археологии – затруднительно, поскольку издания финансируются из разных источников и издаются разными ведомствами. Разумеется, эти цифры не дают представления обо всех направленных работы археологов – в моем распоряжении нет данных о количестве археологических экспозиций, о количестве выпускников, защищающих дипломы по археологической тематике, о многих важных аспектах работы археологов.*

Данные о ведомственной принадлежности организаций, запрашивающих для своих сотрудников открытые листы, существенны для понимания особого места археологии как области взаимодействия и сотрудничества разных ведомств и организаций разного типа. Примерно четверть заявок на открытые листы поступает в последние годы из академических институтов, учреждений РАН. Около 20% заявок запрашивают музеи и столько же – вузы. Чуть более 16% заявок запрашивают органы охраны памятников и работающие при них производственные центры. Это соотношение в последние годы достаточно стабильно. Участие специализированных институтов, вузов, музеев и органов охраны памятников в археологической деятельности характерно для большинства европейских стран, так что с точки зрения мировой практики это нормальная система. Поэтому диаграмма должна быть интерпретирована не как показатель ведомственной разобщенности, а как свидетельство гибкости и многообразия форм организации археологии в нашей стране.

Объем полевых археологических исследований в России в последние годы увеличился. За 10 лет с 1994 г. количество выданных открытых листов увеличилось почти в два раза, в последние годы прирост составляет 10–15%. Рост обусловлен сочетанием ряда факторов: это и общее улучшение экономического положения в России, увеличение, хотя и небольшое, финансирования науки. В значительной степени этот рост связан с развитием охранной археологии. По оценкам сотрудников ОПИ, примерно 65% полевых работ по открытым листам так или иначе связаны с обеспечением сохранности разрабатываемых памятников. 35% открытых листов, выданных в 2004 г., – это листы на производство аварийно-спасательных работ, но в действительности доля охранных раскопок в общем объеме полевых работ значительно выше, так как охранные раскопки не всегда проводятся по листу формы 4.

Надо прямо сказать, что приток новых материалов пока не вызвал заметного увеличения «интеллектуального продукта», вырабатываемого нашей наукой, если измерять количество этого продукта в научных публикациях. Количество издательских заявок по археологии, подаваемых в РГНФ, в последнее пятилетие не только не увеличилось, но даже несколько снизилось, с 40–52 в 1996–2000 гг., до 29–38 в 2001–2005 гг. Понятно, что многое сегодня издается и без грантов РГНФ, и у нас нет полных данных обо всех археологических изданиях, выходящих в России. Тем не менее, с моей точки зрения, эти цифры показывают, что между полевыми работами и аналитической наметился серьезный разрыв и процесс научного освоения новых материалов, подготовки крупных синтетических исследований нового поколения идет медленно.

Интересны данные об интенсивности полевых исследований в различных регионах, основанные на статистике выдачи открытых листов. В числе лидеров в 2004 г. были Тверская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Ростовская область, Краснодарский край и Московская область, Тюменская область, Нижегородская область, Приморский край, Красноярский край, Ярославская область. Состав субъектов федерации, лидирующих по числу выданных открытых листов, в последние годы очень стабилен. Состав этой группы обусловлен не столько особыми археологическими богатствами перечисленных регионов (выделяется только Краснодарский край) и не особым статусом исследовательских центров, а, прежде всего, дееспособностью органов охраны памятников, организующих охранные раскопки.

Всем понятно, что в последние годы проблемы сохранения археологического наследия предельно обострились. Суть происходящего в том, что масштабы и характер вторжения современной цивилизации в историческую среду радикально изменились, интенсивность разрушения археологического наследия многократно возросла. Реконструкция исторических городов сопровождается колоссальными земляными работами, полностью уничтожающими культурный слой на огромных площадях. Интенсивно осваиваются сельские территории, насыщенные археологическими памятниками. Фактически в Европейской России идет небывалое преобразование городского и сельского ландшафта, именно той его части, которая хранит в себе археологические древности.

Рост охранных раскопок – закономерная реакция на современный строительный бум. Целый ряд археологических открытий последних лет сделан в раскопах на местах строительных котлованов, благодаря профессионализму археологов и четкой работе органов охраны памятников. Достаточно вспомнить женское захоронение X в. в погребальной камере, сопровождавшееся скандинавскими украшениями, открытое в 2003 г. в Пскове, или берестяные грамоты и печати из Никитинского раскопа в Новгороде. Отрадно, что на местах некоторых охранных раско-

поп организуются музейные экспозиции – тут наиболее интересный опыт накоплен Центром археологических исследований в Москве. Однако по мере расширения строительства и реконструкции исторических городов в этой сфере остро обозначился ряд серьезных проблем. Главная из них – *непримлемые* сроки работ, которые навязывают археологам строители, инвесторы и городская администрация. Зачастую эти сроки лишают археологов реальной возможности вести раскопки на приемлемом методическом уровне, превращают их в пустую формальность. Мы столкнулись и с серьезными кадровыми проблемами. Спрос на производство охранных раскопок в средневековых городах в последние годы превысил количество молодых специалистов, располагающих необходимым опытом и квалификацией, а пополнение их отряда потребует определенного времени.

Хорошо известно, что охранные раскопки не могут быть универсальным методом сохранения древностей в зонах строительства и реконструкции. Они рассматриваются действующим законодательством как *исключительная* мера сохранения объекта археологического наследия, осуществляемая в тех случаях, когда физическое сохранение памятника не может быть обеспечено. Между тем в последнее время сложилась устойчивая тенденция рассматривать охранные раскопки как оптимальный способ обращения с археологическим памятником, при наличии у заказчика строительства необходимых средств. Появился странный термин «очистка котлованов», «очистка трасс трубопроводов» от археологических объектов. Многие строительные проекты могли бы быть скорректированы таким образом, чтобы древние сооружения или участки культурного слоя в зоне строительства были сохранены. Это в особенности касается исторических городов, культурный слой которых тает на наших глазах. Думаю, что проекты реконструкции важнейших исторических городов *должны разрабатываться* с участием археологов таким образом, чтобы обеспечить сохранение на их территории резервных участков культурного слоя, предназначенных для следующих поколений исследователей.

Мы все понимаем, что охранный археология стала частью современной рыночной экономики, но избегаем обсуждения этой щекотливой темы. Я думаю, что чрезмерная коммерциализация этой области, *превращение ее в сферу* экономической конкуренции, определение исполнителя работ путем тендера не способствуют решению тех задач, на которые направлены охранные раскопки. Проекты организации охранных раскопок должны быть более открытыми. Археологические учреждения должны нести ответственность за научные результаты охранных раскопок, за обоснованность их проведения. При реализации крупных охранных проектов нормой должно стать сотрудничество различных археологических учреждений, при условии наличия у них необходимого опыта и кадров. Все крупные охранные работы, в которые был вовлечен Институт археологии в последние два года, выполнялись вместе с другими организаци-

ями – академическими институтами, вузами, НПС. Это и обследование новой трассы автодороги Москва–Петербург; и раскопки в зоне строительства подземного хранилища газа в Зеленоградском районе Калининградской области, и раскопки, связанные с реконструкцией дворца и парка в Царичино.

Особой проблемой стало приобретение в частную собственность земельных участков, на которых расположены памятники археологии. Известно, что законом «Об объектах культурного наследия народов РФ» и Земельным кодексом РФ предусмотрены ограничения оборота и использования земель, занятых объектами археологического наследия. Однако механизмы внесения в земельный кадастр информации о наличии объектов археологического наследия не разработаны. К сожалению, во многих регионах России органы охраны памятников вовсе не участвуют в согласовании земельных отводов, в других регионах согласование проводится по формальному признаку при наличии или отсутствии учетной документации на памятники и органов охраны. Отсутствие необходимых сведений о наличии ограничений по использованию земельных участков *делает объекты* археологического наследия недоступными как для ученых, так и для государственных органов охраны памятников.

Создание эффективной системы охраны археологических памятников в России невозможно без современных археологических карт, без полноценной учетной документации, без более подробного и систематического обследования территории России. Об этом неоднократно говорил в последние годы жизни В. В. Седов, отмечая, что масштабы работы по выявлению и фиксации памятников археологии в нашей стране недопустимо снизились по сравнению с 1970–1980-ми гг. Восстановление этого направления работы, которое пока плохо финансируется и потеряло многих специалистов, – одна из наших первоочередных задач.

Острейшей проблемой остаются *нелегальные* раскопки. Я уже много выступал на эту тему и не хочу повторяться. Я не согласен с теми, кто считает, что наши усилия приостановить развитие грабительства не дали никаких результатов. Кажется, нам удалось выйти из того позорного состояния конца 1990-х гг., когда деятельность нелегалов рекламировалась государственными телеканалами. Благодаря общим усилиям археологов, в России не произошло сращения *нелегальной добычи древних вещей* с органами государственной власти, характерного для некоторых стран Восточной Европы и СНГ, в том числе Украины. Эффективным барьером на пути грабительства на российских просторах сможет стать лишь запрет на торговлю археологическими древностями. Кажется, эту идею, разделяемую большинством археологов, поддерживает Росохранкультура, пообещавшая обратиться с соответствующим предложением в Правительство Российской Федерации.

Главной темой, обсуждавшейся в последние годы в связи с проблемами охраны археологического наследия, было совершенствование нормативно-право-

вой базы, подготовка подзаконных актов к закону об объектах культурного наследия. РАН была привлечена к разработке двух документов, исключительно важных для археологии, – поправок к Кодексу об административных правонарушениях РФ, предусматривающих усиление ответственности за расхищения археологических ценностей, и Положения о порядке выдачи открытых листов на право производства работ на объектах археологического наследия. Хотя оба эти документа, казалось бы, просты по своему содержанию, их подготовка заняла два с половиной года и оказалась очень тяжелой, особенно в части согласования с Министерством культуры и массовых коммуникаций, Министерством юстиции и Министерством экономического развития. В результате этих согласований в поправках к КОАП у мы потеряли очень важные формулировки о конфискации поискового спецоборудования и об ответственности за изъятие движимых объектов археологического наследия из культурного слоя.

Еще более тяжелая ситуация сложилась с «Положением о порядке выдачи открытых листов». По мнению Института археологии, этот документ должен, с одной стороны, предусматривать сохранение единой централизованной системы выдачи открытых листов и комплектование единого архива отчетной документации о раскопках, открытого для всех археологов, с другой стороны, обеспечить быстрое оперативное получение открытого листа для соискателя. Надо сказать, что в процессе согласования этого документа и Росохранкультура, и Министерство культуры и массовых коммуникаций проявили понимание того, что мы должны в максимальной степени сохранить сложившиеся структуры, опираться на тот опыт регламентации полевых исследований, который уже накоплен в нашей стране. Была достигнута договоренность о том, что выдача «Открытых листов» производится на основании экспертизы РАН. Но, как стало известно, в Правовом департаменте Правительства в этот документ могут быть внесены изменения,

значительно усложняющие выдачу открытых листов. Я считаю, что принятие окончательного варианта Положения невозможно без учета мнения археологов. Недостаточное понимание специфики полевой археологии в этом документе, регулирующем важнейшую область нашей работы, будет иметь разрушительные последствия.

Ведущие археологические учреждения России несут общую ответственность за состояние археологической науки и за выработку стратегии охраны наследия. Мы знаем, сколько усилий было затрачено на создание каждого археологического учреждения, каждого археологического коллектива, в том числе и археологических структур в органах охраны памятников. Иногда приходится слышать, что археология у нас в стране плохо организована. Мне кажется, что археология обладает большой силой самоорганизации, и именно поэтому организована она – по российским меркам – хорошо. При этом опыт показывает, что проблемы изучения и охраны археологических памятников трудно разделить, границы между практикой и чистой наукой в археологии очень условны. Поэтому наши усилия должны быть направлены не на создание каких-либо новых структур, в ведение которых должна быть передана археология, а на развитие сложившейся сети археологических учреждений разной ведомственной принадлежности, на поиск оптимальных форм сотрудничества, на уточнение функций отдельных учреждений и укрепление археологических ячеек в тех регионах, где они слабы или не сложились.

Конечно, мы должны и дальше заниматься совершенствованием правовой базы, и многое зависит от ее состояния, но было бы утопично полагать, что таким путем мы сможем решить все проблемы. Много решается налаживанием практической работы, организацией нормального сотрудничества между археологическими учреждениями, более конструктивным взаимодействием между научно-исследовательскими структурами и органами охраны памятников.

Выступление Е. Н. Носова (ИИМК РАН)

Уважаемые коллеги!

Я хочу остановиться на некоторых вопросах, затронутых сегодня во вступительном слове академика А. П. Деревянко, в докладе члена-корреспондента РАН Н. А. Макарова и в последующих выступлениях, прежде всего с позиций руководителя одного из институтов РАН. Я вполне согласен с прозвучавшей мыслью, что основные археологические силы у нас в стране в настоящее время сосредоточены в крупных научных центрах – в нескольких академических институтах Европейской части России и Сибири, в ряде вузов и музеев. Реально – это 75–80% всех квалифицированных кадров России. Такая ситуация сложилась со времен существования СССР. В соот-

ветствии с ней была построена организационная структура отчетственной науки, охраны памятников, лицензирования проводимых археологических работ, контроля над качеством их выполнения и т. д. Вполне естественно, что Полевой комитет находился в Институте археологии РАН в Москве, он контролировал выдачу «Открытых листов на право археологических работ», которые заверялись в Министерстве культуры, в архив института поступали все отчеты о полевых работах в России, издавался информационный сборник «Археологические открытия» и т. д. Вся эта система работала и была вполне логична. В настоящее время, когда делается упор на тот факт, что Российская Академия наук – это не государственная,

а общественная организация с «государственным статусом», а институты РАН, соответственно, обладают «статусом государственных учреждений», но не являются «государственными учреждениями», — реально перечеркивается с формально-юридической точки зрения сама возможность существования годами сложившейся системы. На мой взгляд, благое стремление укрепить вертикаль власти в области охраны древностей, охрану археологических памятников, контроль над соблюдением законности в данной области, если следовать тому, как на практике осуществляются конкретные действия административных властей, может привести к обратному результату.

Открытый лист — это реальная и единственная государственная лицензия на право проведения археологических работ, подтверждающая квалификацию исследователя и статус учреждения, от которого этот лист запрашивается. Я считаю, что существует только одна организация, которая правомочна давать экспертные оценки проводимых археологических работ на основании «Открытых листов», — Российская Академия наук, а единственным в стране учреждением, конкретно выполняющим эту задачу, — Институт археологии РАН. Только в таком случае удастся сохранить независимость экспертных оценок от органов охраны памятников на местах, непосредственно подчиненных административным властям городов, областей и регионов, и от давления лоббистов из строительных организаций. К тому же центральные органы, отвечающие за охрану памятников, не имеют соответствующих кадров для оперативного проведения экспертной оценки соген археологических отчетов в год и научной квалификации их авторов. Подчеркну, что *ошибочно* расценивать научную экспертизу в Полевом комитете ИА РАН лишь как рекомендацию на выдачу Открытого листа. Формально листы может выдавать (заверять, регистрировать) и другой орган власти, а не ИА РАН, но экспертные решения Полевого комитета центрального археологического учреждения страны должны быть окончательными.

На ИА РАН ложится колоссальная нагрузка по рассмотрению более чем 1000 отчетов в год. В ИИМК РАН традиционно существует свой Полевой комитет. Мы можем взять на себя ответственность за экспертную оценку части отчетов по Северо-Западу России. Уверен, что провести ее для части отчетов по восточным регионам страны могут и сибирские научные учреждения РАН. Все сделанные оценки будут переданы в Москву в ИА РАН для окончательного утверждения. Таким образом, можно попытаться несколько разгрузить экспертную нагрузку ИА РАН, привлечь более широкий круг специалистов, но сохраняя необходимую централизацию.

Расширение объема археологических работ на стройках газо- и нефтепроводов, дорог, подключение для этого региональных археологических центров

и организаций различного статуса резко расширило и хронологические границы археологии, приблизив их к современности. Уже никто не сомневается, что к компетенции археологии относятся раскопки, например, на стрелке Васильевского острова, в Летнем саду или во дворе Эрмитажа в Санкт-Петербурге, хотя, когда подобные работы начинались А. Д. Грачом в 1952 г., это вызывало различные мнения. Однако сейчас явно прослеживается стремление некоторых исполнителей «увеличить» число «археологических» объектов на трассах строительства, чтобы получить большее финансирование. Появились такие нелепые формулировки, как «археологическая зачистка трассы», или такие странные определения, как «местонахождение», куда включают поля с 2–3 встреченными черепками. На любой пашне всегда можно найти несколько обломков посуды, потому что сотни лет крестьяне вывозили от своих домов и примыкавших к ним хлевов навоз для удобрения полей, естественно «прихватывая» и культурный слой, имеющийся на месте каждой деревни. Такие «местонахождения» к археологии отношения не имеют, поскольку в своем большинстве не являются остатками поселений, стоянок и т. д., и никаких «археологических паспортов» на них составлять не нужно.

Негативной тенденцией является и то, что между заказчиками охранных работ и государственными учреждениями появляются все больше посреднических коммерческих организаций, обозначающих в своих названиях ту или иную причастность к «археологии». Не обладая достаточными собственными археологическими кадрами, но имея финансовые возможности, они в качестве наемных исполнителей привлекают археологов-профессионалов бюджетных организаций, получающих мизерные зарплаты, к раскопкам памятников и к «изучению» всяческих «местонахождений», что реально при продолжении такой практики приведет к развалу науки в стране.

В докладе были приведены цифры, свидетельствующие, что заявок в научные фонды на издание книг стало поступать меньше. Я думаю, в определенной степени это связано с тем, что в последнее время публиковалось немало работ, написанных в прежние годы, но так и не увидевших свет из-за скудости издательских возможностей. Только ИИМК РАН удалось подготовить и опубликовать долгие годы ждавшие своего часа фундаментальные исследования Г. Ф. Корзухиной, М. В. Малевской, Г. А. Максименкова, И. Н. Хлопина.

В целом сегодняшнее совещание я рассматриваю как чрезвычайно полезное и актуальное. Надеюсь, оно будет способствовать выработке общей позиции археологического сообщества в отношении изучения и охраны древностей, в отношении новостроечных работ.

Спасибо за внимание.

**Решение Всероссийского совещания
«Взаимодействие археологических учреждений и органов охраны
объектов культурного наследия России в изучении
и сохранении археологических памятников»
Москва, 24 ноября 2005 г.**

Участники совещания, организованного Отделением историко-филологических наук РАН и Институтом археологии РАН, представители Сибирского Отделения РАН, Института истории материальной культуры РАН, Института археологии и этнографии СО РАН, Института истории и археологии УрО РАН, Омского филиала Объединенного Института истории, филологии и философии СО РАН, Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия МК РФ, Московского государственного университета, Воронежского государственного университета, Тюменского государственного университета, Красноярского государственного университета, Алтайского государственного университета, Государственного Исторического музея, Государственного Эрмитажа, Новгородского государственного музея-заповедника, Псковского государственного музея-заповедника, государственного музея-заповедника «Куликово поле», департамента охраны культурного наследия г. Москвы, государственного центра по охране и использованию историко-культурного наследия Владимирской обл., государственного унитарного предприятия «Наследие» (г. Ставрополь), журнала «Российская археология», а также Совета Федерации РФ, Департамента массовых коммуникаций, культуры и образования Правительства РФ, Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ, Федерального агентства по культуре и кинематографии РФ, Федеральной службы по соблюдению законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия, обсудив современное состояние изучения и сохранения археологических памятников, вопросы нормативно-правового обеспечения археологической деятельности и проблемы взаимодействия археологических учреждений и органов охраны культурного наследия, пришли к следующему решению:

Организовать более тесную координацию деятельности научно-исследовательских учреждений РАН, вузов, музеев, государственных органов охраны памятников, научно-производственных центров в области охраны и изучения археологического наследия. Регулярно проводить совещания представителей крупнейших археологических учреждений России для выработки совместных позиций по проблемам организации археологической науки и охраны наследия.

Считать одним из наиболее актуальных направлений археологической деятельности в РФ обследо-

вание территории России, возможно более полный учет объектов археологического наследия, составление учетной документации, соответствующей современным научным стандартам, подготовку археологических карт субъектов федерации РФ, создание электронной археологической карты России. Обратиться в Агентство по культуре и кинематографии РФ с предложением увеличить финансирование этих работ.

Обратить внимание руководства субъектов Федерации РФ на обязательность организации историко-культурной экспертизы территорий с проведением полевых археологических обследований при передаче земельных участков в частную собственность.

Считать целесообразным более тесное сотрудничество археологических учреждений РАН, органов охраны культурного наследия в субъектах Федерации РФ и научно-производственных центров при организации охранных раскопок в зонах строительства крупных хозяйственных объектов. Усилить ответственность археологических учреждений за научные результаты охранных археологических исследований и сохранность коллекций. Считать целесообразным организацию контроля над проведением спасательных работ на объектах археологического наследия силами научных учреждений РАН и профильных подразделений вузов.

Активизировать разработку методологии спасательной археологии, подготовку нормативов проведения спасательных работ на объектах археологического наследия.

Считать одним из приоритетных направлений развития органов охраны объектов культурного наследия в субъектах федерации РФ укрепление их кадрами профессиональных археологов.

Учитывая продолжающийся рост гробительских раскопок в России, совместно с правоохранительными органами, Минкультом РФ и Росохранкультуры проработать возможные пути совершенствования нормативно-правовой базы с целью предотвращения расхищения археологического наследия.

Обратиться в Правительство РФ с просьбой в полной мере учесть предложения РАН при принятии «Положения о порядке выдачи Открытых листов на производство работ на объектах археологического наследия».

Обратиться в Федеральное собрание РФ с просьбой ускорить ратификацию «Европейской конвенции об охране археологического наследия». Изучить возможности подготовки «Закона об археологическом наследии РФ» как отдельного нормативно-правового акта, регламентирующего охрану археологического наследия и археологическую деятельность.

Создать координационную группу по охране археологического наследия в составе:

Деревянко А. П. (ОИФН РАН),
Янин В. Л. (МГУ),
Пиотровский М. Б. (ГЭ),
Шкурко А. И. (ГИМ),
Макаров Н. А. (ИА РАН),
Молодин В. И. (ИАЭТ РАН),

Носов Е. Н. (ИИМК РАН),
Веденин Ю. А. (РНИИКПН),
Векслер А. Г. (Департамент охраны культурного наследия г. Москвы),
Кибовский А. В. (Департамент массовых коммуникаций, культуры и образования Правительства РФ),
Зайцев К. Е. (Федеральная служба по соблюдению законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия),
Никифоров А. А. (Федеральная служба по соблюдению законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия),
Шевченко Э. А. (Министерство культуры и массовых коммуникаций РФ),
Белинский А. Б. (государственное унитарное предприятие «Наследие», г. Ставрополь).

ИИМК РАН В 2004 г.

В 2004 г. численность сотрудников ИИМК РАН составляла 124 человека (научных сотрудников – 110; из них: членов-корреспондентов РАН – 1; докторов наук – 25; кандидатов наук – 55). Научная деятельность велась в рамках восемнадцати научных направлений, которые были утверждены Постановлением Президиума РАН в 2003 г. сроком на три года (2004 – 2006 гг.):

- «Вариабельность среднего и верхнего палеолита в Восточной Европе на Северном Кавказе»;
- «Развитие верхнепалеолитической культуры на территории России: общие черты эволюции»;
- «Каменный век лесной зоны севера Евразии: расселение и адаптация древнего человека»;
- «Древнеземеделельские культуры эпохи энеолита и бронзы на юге Средней Азии (происхождение, развитие, контакты)»;
- «Военная археология Средней Азии (от эпохи раннего железа до монгольского нашествия)»;
- «Исследование процессов культурурогенеза эпохи палеометалла юга Восточной Европы и Кавказа»;
- «Проблемы формирования и развития культур эпохи бронзы и скифского времени Южной Сибири и Тувы (происхождение, трансформация, взаимодействие)»;
- «Культурные процессы в Центральной Азии в гуннскую и постгуннскую эпоху»;
- «Происхождение и развитие северорусского города»;
- «Славяне и финно-угры: археология, история, этнокультурное взаимодействие»;
- «Комплексное изучение памятников христианской культуры Северной Руси (по данным археологии)»;
- «История и культура античных городов Северного Причерноморья и взаимосвязь античной культуры и культуры местного населения»;
- «Боспор Киммерийский. Греческие города и сельские поселения»;
- «Разработка и создание научно-исследовательской информационной системы по регистрации, учету и анализу памятников археологии регионов России с использованием цифровых карт и ГИС»;
- «Взаимодействие культуры и хозяйства в эпохи палеолита – бронзы по данным трасологии, технологии, типологии и эксперимента»;
- «Радиоуглеродная хронология археологических культур Евразии»;
- «Реконструкция древних технологий по данным инструментального и химического анализов археологических материалов»;
- «Создание каталога "Памятники археологии эпох древности и средневековья в исследованиях Императорской Археологической комиссии (по материалам научного архива ИИМК РАН)».

Наряду с этими темами также проводились научно-исследовательские работы по программам, финан-

сированным различными фондами, в том числе РГНФ, РФФИ, INTAS, Санкт-Петербургским научным центром РАН. Кроме этого, в 2004 г. в ИИМК РАН продолжали успешно выполняться шесть проектов сотрудников Института по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» и три проекта по Программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «История, языки и литература славянских народов в мировом социокультурном контексте».

Основные итоги проделанной исследовательской работы нашли отражение в серии статей и монографий, опубликованных сотрудниками ИИМК РАН в 2004 г. В общей сложности вышло из печати более 300 научных работ, в том числе 14 монографических исследований и коллективных монографий; пять крупных сборников статей, два сборника материалов научных конференций и ежегодник ИИМК РАН «Археологические Вести» № 11. Среди них особо следует отметить следующие публикации:

А. К. Филиппов. Хаос и гармония в искусстве палеолита (СПб., 2004). В этой работе на основании анализа остатков технической и символической деятельности ашель-мустьерского и, особенно, верхнепалеолитического человека рассматриваются истоки и мотивы ранних форм изобразительной деятельности. Поднимается вопрос возникновения эстетического отношения, и показывается на археологическом материале начальные формы технологического совершенствования. В результате анализа уникальных изобразительных комплексов всемирно известных фресок, гравюр, скульптурных ансамблей пещер Франции и Испании представлена целостная концепция существования в верхнем палеолите изобразительных структур, связанных с мифологией «инобытия» и культом хозяев пещер и первопредков.

В. П. Любин, Е. В. Белыева. Стоянка Homo Erectus в пещере Кударо I: Центральный Кавказ (Труды ИИМК РАН. Т. 13. СПб., 2004). Данная книга является монографическим изданием археологических материалов, полученных при исследовании высокогорной пещеры Кударо I (Центральный Кавказ), которая в раннем палеолите служила долговременной стоянкой древнейших обитателей региона — Homo erectus. Основу книги составляет подробный технико-морфологический и типологический анализ свыше 5,5 тыс. каменных изделий, принадлежащих к единой ашельской индустрии. Этому разделу предшествуют главы, посвященные географическому положению пещеры, истории и методике полевых исследований, методическим подходам и анализу ашельского каменного инвентаря. Приведены данные и о других наиболее значимых ашельских памятниках Кавказа (Азыхская и Цонская пещерные стоянки, Яштухское местонахождение), с материалами которых сопоставляется кударская индустрия. Рассмотрена как

специфика данной индустрии, так и общие черты ашефла Кавказа, связанные с его африканско-левантийскими истоками и последующей внутререгиональной трансформацией.

С. А. Васильев. Древнейшие культуры Северной Америки (Труды ИИМК РАН, Т. 12, СПб., 2004). Монография содержит обзор новейших данных по ранним палеоиндейским культурам Североамериканского континента на фоне развития природной среды в финале плейстоцена (10–12 тыс. лет назад). Обсуждаются проблемы первоначального заселения человеком Нового Света и соотношение древних культур Сибири и Северной Америки.

А. В. Курбатов. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам археологических исследований 1993–1997 гг.) (Труды ИИМК РАН, Т. 10, СПб., 2004). Работа посвящена изучению предметов из кожи с территории Тверского кремля. Впервые рассматривается исключительное по объему собрание кожаных предметов – более 82 тыс. единиц, включая все отходы кожевенного ремесла. Материалы охватывают период с 80-х гг. XIII в. по середине XV в. и отражают особенности средневекового городского кожевенного производства Великого Тверского княжества (1247–1485 гг.). Это позволило изучить особенности организации и техники кожевенного дела, формы и стилистику продукции тверских кожевников, специализацию мастеров, особенности ремесленного ученичества. В работе раскрывается многообразие использования кожи в древнерусском городе, а также обозначаются связи Твери с другими городами Руси и Западной Европы.

Т. А. Чуква. Алтарь древнерусского храма конца X–первой трети XIII в. Основные архитектурные элементы по археологическим данным (СПб., 2004). Монография посвящена основным литургическим конструкциям алтаря древнерусских храмов домонгольского времени (конец X–первая треть XIII в.) – алтарным преградам, престолом, кивориям, запрестольным крестам, угольникам. Автором собраны, систематизированы и интерпретированы данные, полученные при археологических и реставрационных исследованиях более чем пятидесяти архитектурных памятников. В книге выявлены основные типы литургических устройств и прослежена их эволюция на различных этапах развития домонгольского зодчества, обозначены их конструктивно-художественные особенности, характерные для древнерусских строительных центров XI–первой трети XIII вв.

Ю. В. Андреев. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XII–XI вв. до н. э. (СПб., 2004). В монографии исследуются основные направления социально-экономического и политического развития греческого общества в рамках так называемой «эпослемикенской эпохи» (XI–VIII вв. до н. э.). Особое внимание уделено двум последним столетиям этого хронологического отрезка – IX–VIII вв., составляющим особый – «гомеровский период». Используя, с одной стороны, данные гомеровского эпоса, а с другой – имеющийся археологический материал, автор

вместоронне рассматривает те сложные процессы, которые привели к появлению в Греции новой формы государства – раннего полиса. Работа Ю. В. Андреева представляет собой первый в отечественной науке опыт систематического исследования этой важной исторической проблемы (издание подготовили В. П. Никоноров и Л. В. Шадричева).

Ю. А. Виноградов «Там заколосел Митридат...»: Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху (VI–I вв. до н. э.) (СПб., 2004). В этой монографии изложена история одного из важнейших из 49 центров греческой колонизации Северного Причерноморья – Боспора Киммерийского (древнее название Керченского пролива и прилегающей к нему территории) в период от возникновения Боспорского государства до установления римской гегемонии как результата победы Рима над Понтийским царством. Проанализирована вся совокупность древних письменных источников (труды Страбона, Полиэна, Аппиана и др.), содержащих информацию по военному делу на Боспоре в рассматриваемую эпоху. Особое внимание уделено данным археологии – находкам оружия, воинских захоронениям, надгробиям, фортификационным сооружениям и т. д. Издание снабжено большим количеством иллюстративных материалов, включая графические реконструкции вооружения и доспехов боспорских воинов.

Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 1 и 2 (СПб., 2004). В сборнике изданы материалы тематической конференции, посвященной истории и культуре Боспорского царства – крупнейшего политического образования Северного Причерноморья в античную эпоху, проведенной ИИМК совместно с Государственным музеем истории религии и Государственным Эрмитажем.

Другая сторона деятельности ИИМК РАН связана с проведением полевых археологических исследований. В 2004 г. в Институте были организованы полевые исследования 26 экспедиций и отдельных отрядов в различных регионах России и на Украине. Кроме того, сотрудники Института принимали участие в работах совместных и международных экспедиций в Сибири, на Украине и Средней Азии.

Значительное открытие сделано Новгородской областной археологической экспедицией (начальник экспедиции чл.-корр. РАН Е. Н. Носов) при раскопках Рюрикова городища под Новгородом. На склоне холма, где располагалась резиденция новгородских князей, обнаружены деревянные оборонительные конструкции IX в., близкие конструкциям во вры древнейшего Киевского детинца. Уникальность найденных деревянных сооружений, при возведении которых были привлечены значительные силы и средства, требует серьезного переосмысления наших представлений о начальных веках русской истории.

К успехам этого года можно отнести и результаты первых плановых раскопок на раннепалеолитической стоянке Богатыри (Краснодарский край). Они полностью подтвердили совместное залегание орудий труда древнейшего человека и остатков

таманского фаунистического комплекса 1 200 000–800 000 лет тому назад. С полным основанием можно говорить, что Кубанский палеолитической экспедицией ИИМК РАН (руководители д. и. н. В. Е. Щелинский, к. и. н. С. А. Кулаков) открыт древнейший памятник палеолита не только Русской равнины, но и всей Восточной и Центральной Европы.

Кольская экспедиция ИИМК РАН (нач. экспедиции к. и. н. В. Я. Шумкин) в 2004 г. продолжила исследования уникального Оленеостровского могильника неолитического времени на Баренцевом море (Кольский п-ов), где были выявлены новые погребения с прекрасной сохранностью остатков скелетов, дерева и кожи. Эти материалы открывают самые благоприятные перспективы для дальнейшего изучения могильника, включая его радиоуглеродное датирование и палеоантропологические изыскания.

В 2004 г. продолжались большие, комплексные работы Жоховской экспедиции ИИМК РАН (нач. экспедиции к. и. н. В. В. Питулько) в рамках международного проекта «Жохов-2000» на крайнем северо-востоке Евразии (о. Жохова, Новосибирские о-ва, архипелаг Де Лонга). В работах вместе с археологами и специалистами естественниками из Санкт-Петербурга, Москвы, Якутска принимали непосредственное участие коллеги из США, Канады, Мексики. В культурном слое, наряду с уникальными изделиями из бивня мамонта, были впервые обнаружены антропологические остатки. Работа Жоховской экспедиции на материке – раскопки Янской стоянки (низовья р. Яна, Якутия) – дала уникальный археологический материал, который имеет четкую датировку в 27 000–25 000 лет тому назад, и ему нет пока аналогий на близлежащей территории Сибири.

Забайкальская экспедиция ИИМК РАН (нач. экспедиции к. и. н. С. С. Миняев) продолжила раскопки уникального царского кургана гунской эпохи в пади Царам (Бурятия), где была сделана уникальная находка – погребальная колесница.

Староладожская экспедиция ИИМК РАН (нач. экспедиции проф. А. Н. Кирилчиков) продолжала изучение Земляного городища Старой Ладоги. В слое 3-й четверти IX в. обнаружено свыше 850 индивидуальных находок и части четырех жилищ, в которых встречены предметы ремесленного производства. Сделанные находки свидетельствуют, что владельцы этих жилищ были ремесленниками и одновременно торговцами.

ИИМК РАН продолжает поддерживать и развивать интенсивные научные контакты с отечественными и зарубежными коллегами. В настоящий момент у Института заключено 15 договоров о сотрудничестве, которые являются основой для более конкретных договоренностей о совместных мероприятиях, экспедициях и т. д. Особо следует отметить возобновление, развитие и упреждение контактов ученых ИИМК РАН и украинских коллег-археологов из Института археологии НАНУ. В 2004 г. был переподписан договор о научном сотрудничестве, на базе которого сотрудники ИИМК РАН работали в длительных команди-

ровках с археологическими коллекциями в Киеве, Долине и Луганске, а на западе Украины, при участии украинских коллег, работала Энеолитическая экспедиция ИИМК РАН (нач. экспедиции к. и. н. Н. Н. Скакуи). Важным показателем плодотворности контактов стала совместная коллективная монография «Грот Буран-Кая-III, слой В – эталонный памятник кинькубинского типа индустрии крымской микокской традиции. Комплексный анализ древневка артефактов», изданная на Украине под двумя грифами (Крымский филиал ИА НАНУ и ИИМК РАН). В Институте проходили стажировку и работали с археологическими материалами исследователи из Англии, Дании, Финляндии, Швеции, Польши и стран СНГ. Сотрудники Института выступили более чем с 70 докладами на международных симпозиумах, конференциях и совещаниях как в России, так и в странах СНГ и дальнего зарубежья. В аспирантуре ИИМК РАН проходили подготовку 23 соискателя ученых степеней, 11 стажеров и один аспирант на контрактной основе. В целях углубления научных контактов ИИМК РАН в 2004 г. организовал и провел пять международных конференций:

На базе Отдела истории античной культуры РАН совместно с Государственным Эрмитажем и Музеем истории религии была проведена международная конференция «Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников», которая собрала более 50 участников из России и стран СНГ. В августе на базе двух экспедиций ИИМК РАН, действующих в Костенках, а также Государственного археологического музея-заповедника «Костенки» подготовлена и проведена международная конференция «Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное». На всемирно известных Костенковских палеолитических стоянках впервые после 1989 г. проведена международная полевая конференция с демонстрацией памятников и обсуждением уникальных результатов последних лет работ на стоянках. В сентябре Отдел славяно-финской археологии ИИМК РАН был одним из основных организаторов крупной международной конференции «Старая Русса и Приильмень в контексте древнерусской культуры – от тысячелетия к тысячелетию. Проблемы археологии и комплексного источниковедения». В октябре на базе Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН состоялся очередной, пятый, российско-финский симпозиум по вопросам археологии Северо-Запада Европы, собравший более 30 участников из России, СНГ и Северной Европы. В ноябре Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН совместно с Государственным Эрмитажем организовал и провел крупную международную конференцию «Средняя Азия от Ахеменидов до Тимуридов», посвященную 100-летию со дня рождения проф. А. М. Беленицкого. Форум собрал более 60 участников из России, стран СНГ и зарубежья.

Ученый совет ИИМК РАН в 2004 г. провел шесть заседаний, на которых наряду с организационными вопросами были заслушаны два научных доклада сотрудников ИИМК РАН: к. и. н. Л. Б. Кирчо «Фор-

мирование древнейшей протогородской цивилизации бронзового века Средней Азии (по материалам Алтын-депе)» и к. и. н. А. А. Песковой «Древнерусские зиколпионы XI–XIII вв. в русле византийской традиции». 8 декабря 2004 г. на Общем собрании научных сотрудников ИИМК РАН тайным голосованием Ученый совет ИИМК РАН был переизбран в связи с истечением срока полномочий.

В 2004 г. Диссертационный совет ИИМК РАН провел защиты двух докторских и четырех кандидатских диссертаций. Среди успешно защищенных квалификационных работ диссертация на звание кандидата исторических наук Р. В. Стоянова «Некрополь Херсонеса Таврического в V–I вв. до н. э.».

Научно-исследовательская деятельность ИИМК РАН в 2004 г. получила высокую оценку. Это было

отмечено в Акте Комиссии по проведению комплексной проверки научной, научно-организационной и финансово-хозяйственной деятельности ИИМК РАН, которая работала в Институте в апреле 2004 г. (председатель комиссии чл.-корр. РАН Н. А. Макаров). Результаты работы Комиссии нашли свое отражение в Постановлении Бюро Отделения историко-филологических наук РАН № 55 от 26 мая 2004 г., в котором отмечено: «Одобрить деятельность ИИМК РАН, отметив высокий уровень выполняемых исследований, значительный вклад коллектива в формирование современных научных знаний о древних и средневековых культурах, высокий авторитет коллектива в отечественной и мировой науке».

С. А. Кулаков

Ученый секретарь ИИМК РАН, к. и. н.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические Вести. СПб.
 АГСП – Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984.
 АИБ – Археологические исследования Боспора. Симферополь.
 АО – Археологические открытия. М.
 Аполония – Аполония. Разкопките в некропола на Аполония през 1947–1949 г. София, 1963.
 АРК 1985 – Античная расписная керамика из собрания Гос. Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М., 1985.
 Арх. НЗХТ – Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Севастополь.
 АСТЭ – Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л.; СПб.
 АСХ – Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976.
 АХБ – Античная художественная бронза. Л.
 БИ – Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
 БКИЧП – Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. М.
 БМОИП – Бюллетень Московского общества испытателей природы.
 БФ – Боспорский феномен. Материалы междунар. науч. конф. СПб.
 ВАА – Вопросы археологии Адыг. Майкоп.
 ВГПИ – Вологодский государственный педагогический институт. Вологда.
 ВДИ – Вестник древней истории. М.
 ВОНАН АрмССР – Вестник общественных наук АН АрмССР. Ереван.
 ВПСТБИ – Вестник Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. М.
 ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры. Л.
 ГАХ – Граффити античного Херсонеса (на чернолаковых сосудах). Киев, 1978.
 ГИМ – Гос. Исторический музей. М.
 ГМИИ – Государственный музей истории искусств им. А. С. Пушкина. М.
 ГЭ – Гос. Эрмитаж. СПб.
 ДБ – Древности Боспора. М.
 ДБК 1854 – Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854.
 ДВК – Древности Восточного Крыма (предскифский период и скифы). Киев, 1970.
 ДВО – Дальневосточное Отделение РАН.
 ДГН – Древний город Нимф // Гос. Эрмитаж: Каталог выставки СПб., 1999.
 ДЭВПН – Древности эпохи великого переселения народов. М., 1982.
 ЗИН – Зоологический институт АН СССР. М.; Л.
 ЗНОЕ – Записки Новороссийского общества естествоиспытателей. Новоросийск.
 ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
 ИАА – Историко-археологический альманах. Армавир; М.
 ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии. СПб.
 ИА РАН – Институт археологии РАН. М.
 ИАЭТ РАН – Институт антропологии и этнографии СО РАН. Новосибирск.
 ИГАИМК – Известия Гос. академии истории материальной культуры. Л.
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН. СПб.
 ИЛАИ – Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово.
 ИС – Итальянский сборник. СПб.
 ИФЖ – Историко-филологический журнал. Ереван.
 КБН 1965 – Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.; Л.
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
 МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
 МАК – Материалы по археологии Кавказа. М.
 МАР – Материалы по археологии России. СПб. (Пг.).
 МГУ – Московский государственный университет.
 МЗХТ – Музей-заповедник Херсонес-Таврический. Севастополь.
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
 МЭ – Материалы по этнографии России. СПб. (Пг.).
 НА ИИМК РАН – Научный архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук. СПб.
 НАН Украины – Национальная Академия наук Украины. Киев.
 НАНУ – Национальная Академия наук Украины. Киев.
 НГОМЗ – Новгородский государственный областной музей-заповедник. Новгород.
 НО 1968 – Надписи Ольвии (1917–1965). Л., 1968.
 НовГУ – Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого. Новгород.
 НЭ – Нумизматика и эпиграфика. М.
 ОАК – Отчет Императорской Археологической комиссии. СПб.
 ОИФН РАН – Отделение историко-филологических наук РАН.
 ПАВ – Петербургский археологический вестник. СПб.
 ПАИ – Полевые археологические исследования. Тбилиси.
 ПИАСХ – Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса: ТД науч. конф. Севастополь, 1998.
 РА – Российская археология. М.
 РАН – Российская Академия наук.
 РАЗСК – Российская Археолого-этнографическая студенческая конференция.
 РГАДА – Российский государственный архив древних актов. М.
 РНИИКПН – Российский НИИ культурного и природного наследия. СПб.
 РЭМ – Российский этнографический музей. СПб.
 СА – Советская археология. М.
 САИ – Свод археологических источников. М.
 СГЭ – Сообщения Гос. Эрмитажа. СПб.
 СМАА – Сборник материалов по археологии Адыг. Майкоп.
 СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.
 СНМСОПК – Сообщения / Научно-методический совет по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. М.
 СО РАН – Сибирское отделение РАН.
 СХМ – Сообщения Херсонесского музея. Симферополь.
 СЭ – Советская этнография. М.
 ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь.
 ТвГУ – Тверской государственный университет.
 ТТИМ – Труды Гос. Исторического музея. М.
 ТГЭ – Труды Гос. Эрмитажа. Л.
 ТД – Тезисы докладов.
 ТДНСИПИАИ Арм – Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам полевых исследований в АрмССР. Ереван.

- ТКАЭ – Труды Кахетской археологической экспедиции. Тбилиси.
- УрО – Уральское отделение РАН, Екатеринбург.
- ХКАМ – Художественная культура античного мира. М.
- ХСБ – Херонесский сборник. Севастополь.
- ЦАИАИАНГ – Центр археологических исследований АН Грузии. Тбилиси.
- ЧОИДР – Чтения в Обществе любителей истории и древностей российских. М.
- ЮТАКЭ – Южнотуркменстанская археологическая комплексная экспедиция. Ашхабад.
- АА – *Archaeologia Austriaca*. Wien.
- АА – *The Athenian Agora*. Princeton; New Jersey.
- ААН – *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest.
- АЕ – *Archäologie in Eurasien*. Espelkamp; Rahden; Mainz.
- АЖА – *American Journal of Archeology*. Princeton; New Jersey.
- АН – *Musée des Antiquités Nationales*. Paris.
- АС – *Anatolian Studies*. London.
- ВСН – *Bulletin de correspondance Hellénique*. Paris.
- ВМ – *Bibliotheca Mesopotamica*. Malibu.
- ВРОБ – *Berichten van de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek*. Amersfoort.
- САН – *Cambridge Ancient History*. Cambridge.
- САЖ – *Cambridge Archaeological Journal*. Cambridge.
- ЕАД – *Exploration archéologique de Délos*. Paris.
- GCA 2001 – *Greek and Cypriote Antiquities in the Archaeological Museum of Odessa*. Nicosia, 2001.
- IF – *Istanbul Forschungen*. Tübingen.
- IPEI 1916 – *Latyschev V. Inscriptions orae septentrionalis Ponti Euxini*. Petropoli, 1916.
- I. P. P. Publ. – *Instituut voor praee- en protohistorie*. Publicatie. Amsterdam.
- JAA – *Journal of Anthropological Archaeology*. New York.
- JAS – *Journal of Archaeological Science*. London; New York.
- JdI – *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Insituts*. Berlin.
- JHS – *The Journal of Hellenic Studies*. London.
- LIMC 1981–1997 – *Lexicon iconographicum mythologiae classicae*. München. Bd 1–8.
- Museum f. V. u. F – *Staatliches Museum für Vor- und Frühgeschichte*. Berlin.
- PPS – *Proceedings of the Prehistoric Society*. London.
- PZ – *Prähistorische Zeitschrift*. Berlin.
- ТТКВ – *Türk Tarich Kurumu Basimevi*. Ankara.
- ТТКҮ. *Türk Tarich Kurumu yayinlari*. Stambul.
- УКВ 1934 – *Schefold K. Untersuchungen zu den Kertschen Vasen*. Berlin; Leipzig.